

Александр Лозовский

Формула успеха.

*Чем тратить деньги на чтиво, я сам себе рассказываю
занимательные истории и заодно записываю их.*

Джон Вильямс

*О*чень много людей, куда более солидных, чем я, балуются сочинительством и не считают это зазорным. Пишут повести и романы академики, банкиры, юристы, артисты, инженеры и простые смертные. Я уже не говорю о мемуарах. Мемуары рано или поздно пишут все. Я не хочу быть исключением и становлюсь в этот ряд. Могут возразить, что сорок три года — еще недостаточно зрелый возраст для воспоминаний, но мемуары, как и болезни, молодеют на глазах.

Описать все, что происходило за сорок с лишним лет, невозможно и ни к чему. Поэтому прошлому уделено не слишком много внимания. Фиксирую только то, что запомнилось больше всего, и в том порядке, точнее беспорядке, в каком приходит в голову. Где-то я задержусь, в другом месте проскачу галопом, где-то намудрю, что-то упрощу. В этом преимущество мемуаров, которые пишутся для себя: полная свобода, смешение жанров и стилей. Здесь я полновластный хозяин, здесь все зависит только от меня. Жаль, что так не может быть в жизни...

Главное в этих мемуарах - события последнего года, когда жизнь заставила меня взглянуть на многое по-новому.

Если вам покажется мой рассказ неправдоподобным, то вы ошибетесь. Здесь даже слишком много реальных событий. И вообще, любая придуманная история — это мозаика, сложенная из кусочков правды.

Я не уверен, что буду эти записки публиковать. Просто при изобилии и качестве нашего печатного рынка порой кажется, что писать самому не так глупо, как читать то, что написали другие. И не так вредно.

Юрий Марков.

*Книга первая. **ОБОРОНА***

Глава первая.

В больнице

Без памяти

*Н*ачну эти записки со своего второго рождения — с того момента, когда год с небольшим тому назад я очнулся в больнице. Шаблонная фраза «заново родился» в моем случае может восприниматься почти буквально. Я, очнувшись, соображал меньше, чем новорожденный младенец, но был куда беспомощнее. Младенец с первой минуты шевелит ручками и ножками,

вертит головкой и орет. Я же открыл глаза, увидел над собой незнакомое женское лицо, попытался повернуть голову — и с ужасом понял, что не могу. Попробовал что-то сказать — рот не подчинился команде, раздалось только слабое невнятное мычание. Волна ужаса накатила на меня. Сердце, казалось, выпрыгнет из груди.

— Сестра, укол, быстро, — произнесло незнакомое лицо.

— Два кубика?

— Можно три. Так, хорошо...

Что хорошего, подумал я, если я ничего не чувствую. Я ощущал только стук сердца и больше ничего. Тела не чувствовал вообще.

Вначале я решил, что это опять мое фирменное пробуждение без пробуждения. У меня уже много лет два-три в год наблюдалась такая аномалия: я просыпался — точнее, почти просыпался, — но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Мог только получленораздельно мычать — «разбудите меня». Близкие знали эту особенность и начинали трясти меня, пока не включались органы управления. Разумеется, если рядом кто-то находился. Если я был один, то процесс пробуждения затягивался: я подолгу пытался раскачать руку или голову, подвывая при этом, и в конце концов просыпался сам. Обычно мокрый от страха и нервного напряжения. Я даже консультировался с невропатологом и психологом по этому поводу, но что они могут сказать, эти современные шаманы, — ровным счетом ничего. Пришлось привыкать к такой своей особенности.

Мысль, что это просто очередное неудачное пробуждение, амортизировала шок, иначе, мне кажется, я бы не выдержал сознания, что у меня работают только глаза, слух и сердце. То, что у меня плохо с головой, я обнаружил довольно быстро: как я сюда попал, кто я такой — на это ответа не было.

Как я попал в больницу и кто я такой, в тот же день мне объяснил врач реанимационного отделения, не отходивший от меня почти сутки. А дня через три-четыре со всеми подробностями и не раз эту историю рассказывал следователь, надеявшийся, что мне удастся что-нибудь вспомнить.

Меня нашли с окровавленной головой во дворе нежилого полуразвалившегося дома. Неподалеку лежал здоровенный камень-ракушечник, который не то сам вывалился из стены, не то ему помогли это сделать. Если бы камень упал прямо на голову, то я бы уже этих записок не писал. Он только чиркнул по затылку, хотя слово «чиркнул» здесь не очень подходит. Камень стесал по касательной на макушке площадку примерно четыре на четыре сантиметра, сняв и волосы, и кожу, и даже немного от костей. Медицина совместно с милицией определила, что во время удара я стоял задрав голову и смотрел вверх. Что я там увидел?.. Последствием этого происшествия стало сотрясение мозга, амнезия и паралич — врачи надеялись, временный. Видимых изменений в мозгу не обнаружили, а потому считали все эти явления результатом сильнейшего шока.

В том заброшенном дворе меня век бы не нашли, если бы не анонимный звонок в милицию. Женский голос, всхлипывая, произнес: раненый лежит во дворе там-то и там-то, умирает, быстрее, пожалуйста. И повесили трубку. Мне потом, когда я уже немного обрел форму, неоднократно давали прослушать запись этого сообщения, но я, естественно, голоса не узнал. Даже тогда, когда память ко мне вернулась. Как меня занесло в этот двор, никто из моих знакомых и сотрудников даже предположить не смог. А я тем более.

Медицинские и физиологические подробности своего довольно длительного выздоровления я вам рассказывать не буду. Мне все это вспоминать неприятно, да и вам неинтересно. Разве что в общих чертах.

Речь, на первых порах не слишком членораздельная, ко мне вернулась относительно быстро — за два-три дня, и это был хороший признак. Значит, как объясняли мне врачи, функциональное восстановление мозга происходит. А память задержалась где-то в дороге. Первые дни я о себе не помнил абсолютно ничего и никого из посетителей не узнавал. Смутно в голове бродили какие-то тени и ассоциации, я старательно, до дурноты напрягался, — ничего не помогало, сплошной вакуум! Мучительное, доложу я вам, состояние. А теперь добавьте к этому почти полную неподвижность (работала с грехом пополам только шея) — и попробуйте представить себе мои чувства.

В первые дни я привыкал к мысли, что я действительно Юрий Марков, как втолковывали мне врачи. И посетители называли меня то Юрочкой, то Юрием Сергеевичем. Поначалу это обращение у меня отклика не находило, но вскоре я получил подтверждение.

Постепенно в памяти стали появляться нечеткие и туманные картинки из моего детства. Я выяснил, что у меня была мама, очень симпатичная и приятная женщина по имени Серафима Исаевна, но фамилия у нее почему-то была не Маркова, а Натанзон. Поднатужившись, я самостоятельно понял, что Марков я по отцу. Как видите, мне во многом приходилось учиться соображать заново. Своего однофамильного отца в этих видениях мне обнаружить не удалось, но как-то само собой выяснилось, что он бесследно исчез, когда мне было два года. Поэтому в памяти и не сохранился.

Вместо него в нашей квартире на улице Карла Маркса, 4, второй этаж во дворе налево, я обнаружил дядю Гришу, который оказался вторым мужем мамы. У дяди Гриши был тихий и спокойный характер. Он никогда не повышал голоса и не выходил из себя. Я к нему — постепенно выяснилось — хорошо относился, но особо теплых чувств не испытывал. И так в жизни бывает. Дети не всегда справедливы, не говоря уже о взрослых.

Но маму я очень любил. Меня страшно волновало, почему она не приходит навестить меня, не случилось ли чего-нибудь непоправимого. С облегчением я узнал от лечащего врача Маргариты Павловны, что мама эмигрировала в Америку, воспользовавшись своей фамилией Натанзон, прихватив с собой дядю Гришу и мою младшую сестру Наташу. И получил кучу телеграмм, угрожающих скорым приездом, как только заживет сломанная нога дяди Гриши.

Дальше туманных картинок детства мое сознание не продвинулось.

В городской больнице меня регулярно навещали несколько человек. Наверняка проинструктированные Маргаритой Павловной, они, прежде всего, называли свои имена и фамилии, рассказывали с неуклюжей естественностью историю наших с ними отношений. «Помнишь?.. А помнишь?..» Ничего я не помнил.

Чаще всех приходила одна пара: высокий, симпатичный, спортивного типа мужчина лет сорока с женой — на мой взгляд, очень красивой и очень молодой. Они сразу заявили, что немедленно примчались из Германии, как только узнали, «что у тебя беда». «Мы живем в Германии. Помнишь?.. Помнишь?.. Мы с тобой компаньоны в фирме «Американская кухня». Помнишь?.. Я Сеня Альтман. Не Альтов, а Альтман, прошу не путать. Не известный юморист, а скорее наоборот, неизвестный и далеко не юморист. Ха-ха. Помнишь?..» Не помнил.

Женщину, его молодую жену («ты должен помнить Ленку!»), я тоже не узнавал, но почему-то ждал ее прихода с нетерпением. И как-то непонятно щемило сердце, когда она появлялась. Ох, не к добру это, не к добру... Лена приходила почти каждый день.

Первые дни навещала меня еще одна девушка, тоже очень симпатичная и даже моложе Лены. Она в первое же посещение сообщила, что полила дома цветы, а кошку Соню забрала к себе. Целовала меня в начале и в конце обычно не очень длинного визита. Словом, давала понять, что мы были в близких отношениях. Да, зовут ее Людочка, она так и назвала себя ласково — Людочка. Должен вам сказать, — проверил на собственном опыте, — когда лежишь неподвижно, когда только и можешь, что ворочать глазами, то очень обостряется чувствительность к ауре человека. Так вот, я чувствовал, что мы с Людочкой переносили окончание визита и расставание без особого расстройства. Мне даже чудилось облегчение в ее вздохе при прощальном поцелуе. Видит бог, я Людочку не осуждал, — кому приятно беседовать с неподвижным телом и мучительно пытаться разобрать не очень членораздельное бормотание? Особенно в ее возрасте. «И с ее фигурой», — ехидно добавлял мой внутренний голос. Юмор просыпался активнее памяти. Людочка появлялась все реже и реже и, наконец, исчезла совсем. Я не удивился...

Никого из остальных посетителей я вспомнить не мог. Некоторые (видимо, сотрудники) говорили о работе, другие (видимо, друзья) что-то пытались вспоминать вместе со мной. Пока все они были для меня на одно лицо. Первые две недели (одна в больнице и следующая в клинике), когда не наблюдалось никакого прогресса и я по-прежнему не чувствовал своего тела, были психологически очень нелегкими.

К тому же с первой минуты возвращения сознания где-то в подкорке я ощущал, что тяжелой травмой мои беды не исчерпываются. Что там, за порогом больницы, меня поджидают серьезные неприятности. Но кроме подсознания были и прямые поводы подозревать это. И я вылавливал такие сигналы. Например, в первое же посещение, думая, очевидно, что я плохо соображаю, Сеня Альтман после очередных «помнишь?.. не помнишь?..» неуклюже сострил:

— Тебе, старик, не так плохо, как кажется. Я тоже временами хотел бы все забыть, — и он замолчал, натолкнувшись на предостерегающий взгляд Лены.

А однажды, прямо перед очередным приходом Альтманов с традиционной порцией цветов и фруктов, меня навестил усатый господин восточного типа. Он отрекомендовался Жорой,

несколько минут смотрел на меня изучающе и помалкивал. Потом сказал только: «Ну-ну. Подождем», — и с достоинством удалился.

Сеня тогда сразу же с порога спросил:

— У тебя был Жора? Получил черную метку? — и опять осекся под осуждающим взглядом Лены. После этого, даже не помня Стивенсона, можно было заподозрить неладное.

Да и Маргарита Павловна объясняла провалы памяти защитной реакцией организма. У меня была частичная, избирательная амнезия. Психика из щадящих соображений не допускала воспоминаний, которые касались лично меня. На все остальные сведения запрет не налагался.

— Видите, вы все прекрасно помните и осознаете, — объясняла Маргарита Павловна. — Вы знаете, что происходит вокруг вас и в мире. Но память о самом себе и все с этим связанное просто заблокировано. Вы подсознательно не хотите этого помнить. Я понятно объясняю? Вы у нас большой оригинал, — закончила она своей любимой фразой.

Отец Федор

Дня через четыре, когда опасность немедленно отправиться на тот свет миновала, а управление организмом по-прежнему не включалось, меня перевезли в другую больницу — в клинику реабилитации. Маргарита Павловна, прощаясь, сказала:

— Вас там поставят на ноги. Я в это верю. Это дорогая и очень хорошая клиника. Хорошо, что у вас есть деньги.

Оказывается, у меня есть деньги. Это действительно хорошо. А может, не у меня? Тогда у кого?

У кого?

Итак, меня перевезли в клинику реабилитации. Она отличалась от нашей городской больницы как отличается последнего выпуска «Мерседес» от старого разболтанного трамвая. Все в этой частной клинике было новенькое, сверкающее, хромированное и пахло долларами. Даже медсестры с голливудскими фигурками и личиками, с отличным макияжем расхаживали в красивых полупрозрачных халатах. Казалось, что и говорить они должны на английском с оксфордским произношением. Увы, впечатление несколько портилось, когда они разговаривали, — а делали они это достаточно часто и достаточно громко. К сожалению, внешнее сходство при наличии денег достигается довольно легко, а вот дальше...

В палате, в которую меня поместили, был уже один обитатель. С первого взгляда я окрестил его «попиком». Он был похож на священника — бородка, длинные волосы, манера говорить. Ничего удивительного в этом сходстве не было — он и оказался самым настоящим настоятелем небольшого монастыря. Правда, для такой должности «попик» был слишком миниатюрный, гладкий и розовый. Правая половина его лица смотрела на меня серьезно и испытующе, а левая была улыбчивой и добродушной. Дело в том, что мой сосед избавлялся от последствий правостороннего паралича и был в этом смысле моим собратом по несчастью. Но, в отличие от меня, он находился уже на пути к восстановлению. Двигался довольно шустро и говорил вполне отчетливо, разве что рот еще был немного свернут. Но так как свернут он был в мою сторону, это не мешало общению... Лет «попику» было примерно пятьдесят.

Я предпочел бы одноместную палату, потому что обслуживание неподвижного тела сопряжено с неприятными деталями, и я чувствовал неловкость. Но стоило только намекнуть на это врачу в приемном покое, как он с иронией посмотрел на меня. В его глазах читалось: «Нашел о чем беспокоиться. О душе лучше подумай!». Видимо, заботясь о моей душе, меня и поселили к «попику».

— Зовут меня отец Федор, — приятным тенорком сказал мой сосед, когда врачи и сестры разошлись, — но в миру я Федор Степанович. И можете улыбаться, я не обижусь. Я уже привык к остротам насчет отца Федора. Народ у нас начитанный, Ильфа и Петрова знает каждый.

Я и не собирался улыбаться, настроение было не то.

— Вы не расстраивайтесь, что не один в палате, — неожиданно проявил проницательность отец Федор. — Пока вы не можете нажать кнопку вызова, вам сосед необходим. Знаете, какие нынче медсестры! У них свои интересы, а у нас свои.

Ну вот, сейчас начнет приставать с разговорами, подумал я, соскучился в одиночестве. А мне не то что говорить — на свет белый смотреть не хотелось. Никаких заметных сдвигов в моем состоянии не наблюдалось. Неужели так и кончатся мои дни?

Отец Федор еще раз удивил меня:

— Ну, не буду вам мешать. Вы отдохайте, привыкайте. И не расстраивайтесь. Здесь врачи хорошие, обязательно будут перемены. Надо только верить.

Он улегся на свою кровать и больше в этот день со мной не заговаривал. В благодарность я мысленно назвал его не «попиком» и даже не отцом Федором, а Федором Степановичем.

Первая неделя в клинике была самой тяжелой за все время болезни. Каждое утро я просыпался с надеждой, что почувствую хоть какую-нибудь часть этого, казалось, принадлежащего кому-то другому тела. Нет, опять ничего. К вечеру надежда угасала, чтобы наутро вновь возникнуть, но уже немного ослабевшей. И так день за днем.

Меня возили на какие-то процедуры, чем-то кололи, во что-то окунали, к чему-то подключали. Остальное время я лежал, уставившись в потолок, и в душе просыпалось раздражение и обида на всех и на вся.

«Попик» (а я опять стал так называть его про себя — наверно, в отместку за то, что он подвижен и весел) пытался ненавязчиво втянуть меня в разговор, и потихоньку ему это стало удаваться.

Примерно через неделю тактичных попыток расшевелить меня он, наконец, нащупал тему, на которую я охотно откликался. Наши дискуссии начались — отлично это помню — после посещения Веры Николаевны с Люсей.

Они появились с цветами, и та, что помоложе, с порога заявила:

— Прибыла ваша бухгалтерия в лице Веры Николаевны и секретариат в лице Люси.

Они определенно не знали, как себя вести. Старшая, женщина лет пятидесяти, с добрым и приятным лицом, довольно полная, с жалостью смотрела на мою забинтованную голову, на подставку под шеей, и с трудом сдерживала слезы. Люся, девушка с острым носиком, острыми хитрыми глазками и, судя по всему, острым язычком, старалась создать непринужденную обстановку. Они поговорили о хорошей погоде — уже настоящая весна на дворе, — потом спохватились, что меня это может не очень обрадовать. Заговорили о работе, но поняли, что это бесполезно, что я ничего не помню. Вера Николаевна спросила, как я себя чувствую.

— Никак, — ответил я. — Никак себя не чувствую. Совсем себя не чувствую. И замолчал, уставившись в потолок. Женщины окончательно смешались — и замолчали.

— Что ж это такое! — вырвалось у Веры Николаевны. — Как хороший человек, так обязательно с ним беда приключится.

— А я был хорошим человеком? — это меня заинтересовало.

— Конечно, хорошим. Кого хотите спросите, любой подтвердит. Хорошим...

— Насколько это вообще возможно в нашей жизни, — философски вставила Люся. — Только почему «был»? Мы все надеемся, что вы и после больницы не испортитесь...

Посидев еще несколько минут для приличия, они засобирались.

— Отчет надо кончать, Юрий Сергеевич, — оправдалась Вера Николаевна и в неожиданном порыве подошла, наклонилась и поцеловала меня в лоб.

Я попытался улыбнуться и сказал:

— Ну что ж вы так, я еще живой.

Они хором пожелали мне скорейшего выздоровления и ушли.

На соседней койке зашевелился до этого изображавший сон тактичный Федор Степанович.

— Хорошо, когда к тебе люди так относятся, уважаемый Юрий Сергеевич. Их слова обязательно дойдут до ушей всевышнего. А замечаю я, что вы говорить стали значительно лучше. Обратили внимание? Нет, процесс определенно идет. Есть за что возблагодарить господа.

Тут я не выдержал. Отец Федор, нужно отдать ему должное, обычно разговаривал как нормальный человек, и только когда его навешали братья во Христе, у него появлялись профессиональные нотки, все эти «сын мой», «во славу господу», «со смирением» и прочее. И в разговоре со мной нет-нет, да и проскользнет по привычке нечто подобное. Особенно меня задевала необходимость благодарить бога. И я сорвался.

— Интересно, за что я должен его благодарить? Еще не старый человек, лежу тут без тела, как голова профессора Доуэля, за что говорить спасибо?

— Могло быть и хуже. А если будет на то милость божия, то все пройдет.

— Куда уж хуже. Если бы убило, то, может быть...

— Не богохульствуйте, не накликайте беду, — торопливо прервал меня Федор Степанович. — Все в руках божьих.

— Если все в его руках, то хотелось бы знать, за что такое наказание, — обида и раздражение переполняли меня. — Что ж это он без суда и следствия...

— Был, уважаемый Юрий Сергеевич, и суд, было и следствие, только нам это не ведомо. Значит, было за что и почему, ему виднее.

— Мог бы и меня поставить в известность. Кара немалая. Какой смысл карать, если не сказать, за что? Наказание дается, чтобы люди плохо не поступали. А если человек не знает, что плохого он сделал, так это не наказание, а какой-то бессмысленный садизм. Вы слышали, женщины говорили, что я был хорошим человеком? Слышали? Да я и сам это чувствую, иначе бы не было так обидно. Вы слышали, как они обо мне отзывались?

— Слышал, слышал. Но почему был?

— Потому что даже если все хорошо кончится, я стану кем-то другим. Может быть, хуже, но лучше — вряд ли. Такие вещи без последствий не проходят.

Наступила пауза. Отец Федор поднялся с кровати и с каким-то озадаченным выражением лица заходил по палате. Видимо, собирался с мыслями. Я невольно следил за ним глазами — и вдруг заметил, что свободнее поворачиваю голову. Это было очень приятное открытие, но даже оно не смягчило моего воинственного настроения.

Тут мой оппонент остановился — нашел, видимо, достойный ответ.

— Это в вас гордыня говорит. А гордыня — от неверия. Ведь вы не верите в то, что *он* есть?

— Я вам откровенно скажу, что я об этом думаю...

— Только не богохульствуйте, — заволновался Федор Степанович. — Сдержанно, прошу вас. В любом случаях сейчас вам ни с кем не стоит портить отношения.

Он невольно и с опаской взглянул наверх. Он явно призывал меня к компромиссу. Я улыбнулся.

— Хорошо, я сдержанно. По-моему, просто не имеет значения, есть бог или его нет.

— Как это — не имеет?

Такой поворот озадачил Федора Михайловича.

— Объясню, почему я так думаю. У нас с тем светом и с богом нет никакой связи — ни прямой, ни обратной. И никаких конкретных сигналов своего присутствия он никогда не подавал. Во всяком случае, последние две тысячи лет.

— Как же, как же? Как это? А его дела на земле?

— Ну, дела на земле совсем невеселые. Столько мук и крови. И большая часть религиозного происхождения. Такой кавардак и хаос — невозможно поверить, что кто-то серьезный за этим стоит. Лучше все это не относить на счет бога.

— Да, это... может быть... это, пожалуй, верно... Но... Были же людям видения, явления. Об этом часто рассказывают. И мне лично говорили многие... А пророки? Они общались с богом... Говорят...

— Вот именно, что говорят. Они же и говорят...

— И вера, наконец, не нуждается в доказательствах!

— Я говорю о действительности, а не о вере. Людей, которые видели летающие тарелки, гораздо больше, чем тех, которым были явления господа. И доказательств по поводу тарелок куда больше. Тут и фотографии, и видео. Но мы не утверждаем, что на Земле были инопланетяне. Может, они где-то есть, может, их нет, но пока нет контакта, к нам это просто никак не относится. Практически никакого значения не имеет. Это все понимают. И если с богом тоже нет и не было контакта, нет никаких реальных признаков его существования кроме веры, то, значит...

— Что значит?... — Федор Степанович затаил дыхание.

— Значит, для нас не имеет значения, есть он или его нет. Для нас от этого ничего не меняется. Поэтому я не отрицаю и не утверждаю. А просто говорю, что для нас это значения не имеет. И лучше поменьше на него ссылаться. — Я почувствовал, что задыхаюсь от напряжения, как будто взобрался на высокую гору.

— Но почему, почему?!

— Обсуждать основы морали и заповеди нужно не думая о том, кто их дал. Авторитет слишком давит на психику. Бог дал — и все, никаких возражений, хотя от его имени действуют люди. А оценивать надо только по существу. По результатам... Простите, я устал. Так много я еще не говорил. Извините, отдохну...

Я действительно очень устал. И к тому же в глубине души ощущал сомнение: в моем положении действительно не стоит задираться ни с тем, что есть, ни с тем, чего нет. Кто там его знает...

Голова профессора Доуэля

Семен Альтман навещал меня раза два в неделю. Он приходил вместе с Леной, бодро и непрерывно шутил, стараясь поднять настроение то ли мне, то ли самому себе. Признаюсь, он меня утомлял. Да и глаза у него были с каждым днем все печальнее, и с каждым днем они все глубже западали. Видно, там, на воле, ему достается. Он даже пару раз пытался заговорить о каком-то неизвестном мне деле, но я с эгоизмом больного лишь кисло поморщился и отвернулся — у меня своих неприятностей хватало.

Остроты его были такого типа:

— Хватит валяться, пора вставать и пахать!

Или:

— Ну как тут девочки-сестрички? Одна лучше дру гой. Что ж ты хочешь, за двести долларов в сутки! Они и мертвого поднимут. Не теряйся, Юрка, это на тебя не похоже. Ха-ха!

И он осекался под неодобрительным взглядом Лены.

Но хватало его ненадолго, и минут через пятнадцать — двадцать он поднимался и с неизменным рефреном «пора, труба зовет!» деловито скрывался за дверь. Лена провожала его озабоченным взглядом и начинала наводить порядок на койке и в палате. Делала она это без напряжения, почти не перемещаясь. Поправит одеяло, подоткнет простыню, уберет лишнее с тумбочки, с подоконника — и сразу в палате становится уютнее и светлее.

Лена навещала меня через день, а в субботу и воскресенье — два раза подряд. Визит начинался точно в полпятого. Я заранее радовался ее приходу и просил сестричек, чтобы они обязательно побрили и привели меня в порядок к этому времени. Сам над собой я ехидно посмеивался: убирают как рождественскую елку. Но прощал себе эту слабость — должны же быть и у меня хоть какие-то развлечения.

Большую часть времени Лена молчала, но мне — да, похоже, и ей — это не было в тягость. Я просто спокойно лежал, и в ее присутствии напряжение и страх перед будущим отходили на задний план.

Однажды я спросил ее:

— Что ж ты все время молчишь?

— Я не знаю, о чем говорить, — она пожала плечами.

— Расскажи что-нибудь.

— Не могу. Дима велел, чтобы я не слишком утомляла тебя разговорами.

Димой звали моего молодого и энергичного ведущего врача, типичного представителя специалистов современной формации. Вежлив, корректен, немногословен, но при всем при том чувствовалась в нем какая-то скрытая внутренняя нагловатость. Как это уживалось все вместе, я до сих пор понять не могу. Но такое сочетание становилось нормой для молодых профи нового поколения. Кроме Димы в клинике была еще куча врачей — по-моему, на каждый орган по врачу. Что ж, двести долларов в день к чему-то обязывали.

— Тебе скучно, когда я молчу?

Наверно, на лице у меня проступило такое возмущение этим предположением, что Лена улыбнулась и даже немного покраснела.

— Ну и отлично, будем продолжать в том же духе.

Я заметил, что не я один поддался обаянию Лены. Отец Федор тоже относился к ней с каким-то подчеркнутым вниманием и уважением. А однажды со вздохом сказал:

— Бывают же такие светлые люди. Послал господь счастье вашему другу.

Лена, несомненно, была воспитанной и исключительно приятной женщиной. Кстати, я понял, что она не так молода, как мне показалось при ее первом появлении в больнице. Ей было лет тридцать. Я пытался хоть что-нибудь вспомнить о наших встречах с ней до проклятой травмы, но безрезультатно. Никаких ассоциаций не возникало. Разве что, когда она говорила «Юра», мне слышалось в ее голосе что-то отдаленно знакомое. И кого-то она мне неуловимо напоминала... Нет, я не мог вспомнить.

Отец Федор тактично убегал на этот час на предписанную ему ежедневную прогулку. Доброго и мягкого отца Федора, несомненно, послал мне бог, — если бы точно знать, что он существует на небе.

И вообще, все было бы сносно, если б хоть что-то у меня начало двигаться. Если бы появилась перспектива.

...Между тем, душеспасительные беседы наши с отцом Федором продолжались. Правда, так их можно было назвать с большой натяжкой. С моей стороны это были, скорее, душевозмутительные беседы. Ничего удивительного не было в том, что, оказавшись наедине с вечностью, я невольно задумался о смысле жизни. И о смерти. Был ли у меня страх смерти? Конечно, был, как и у любого человека. Даже у молодого и здорового он таится в глубине души. А я... Я слышал, как обо мне говорили врачи и сестры: «Это тяжелый больной», «Он у нас тяжелый». Тяжелый! Конечно же, я боялся. Страх смерти наваливался неожиданно, это был какой-то темный животный ужас, и побеждал я его лишь мобилизовав гордость и чувство собственного достоинства. Я сознавал, что поддаваться ему стыдно, позорно. Впрочем, побеждал — это сильно сказано, — скорее, загонял страх куда-то внутрь. Но говорить об этом не хочется. У каждого это глубоко личное, может быть, самое-самое личное. Разве только одно замечание: этот страх, вопреки любым рассуждениям и проповедям, убеждает, что нет *там* не только рая, но даже ада. Это в каждом из нас мощным голосом говорит природа, а она не врет...

Обычно (я немало читал об этом) в такой ситуации человек примиряется с богом и людьми, становится сговорчивее и терпимее ко всему. Со мной оказалось наоборот. Я неожиданно даже для себя мысленно взбунтовался. Восстал решительно и энергично против того, чему меня всегда учили. Времени на раздумья было хоть отбавляй. Мое бесчувственное тело возили взад-вперед по процедурам, мучили, чистили внутри и снаружи, — а я все это время был сам по себе. Отдельно от него. И вправду как голова профессора Доуэля. Это сравнение с литературным героем, точнее с его верхней частью, мне очень нравилось.

Философские беседы мы с отцом Федором вели ежедневно перед сном. Первые дни он, очевидно, просто пытался подбодрить меня, отвлечь от черных мыслей. Вдохнуть в меня веру в выздоровление, а может — не исключено — и в господа. Но постепенно наши споры стали задевать увлекающегося священника за живое. Не найдя вовремя достойного ответа, он днем готовил аргументы, а вечером их обнародовал. Так, на мои сомнения в существовании бога он возразил только на следующий вечер.

— Вот вы говорите, что бога нет.

— Нет, я говорил, что нет никакой связи между нами, а значит, есть он или нет его — для нас не имеет практического значения.

— Ну хорошо, пусть будет так. Тогда как объяснить создание мира? — и он хитро уставился на меня левым глазом.

— Э, Федор Степанович, давайте не будем в это влезать. Там толпы мудрецов ломают копья. Скажу одно: даже если бог есть, это все равно ничего не меняет и ничего не доказывает.

Мне опять удалось поставить отца Федора в тупик. Я продолжал:

— Ну сказали вы, что бог все создал, — и что? Легче стало? Что-то этим объяснили? Могли бы сказать проще: я не знаю, как все вокруг появилось, и думать об этом не желаю. Не моего ума это дело. Это будет то же самое, но сказанное другими словами. Я поэтому еще раз предлагаю оставить бога в покое.

Я говорил медленно, с трудом, но уже гораздо лучше, чем в предыдущие дни. И голова не только поворачивалась, но даже поднималась и опускалась. Только вот тело, проклятое тело...

Отец Федор не унимался:

— Выходит, вам не нравится наше учение?

— Да, что-то в принципе не так.

— А конкретно, в чем сомнения?

— Что мне не нравится? Скажу. Почему все хорошее, что должно быть в человеке, воспитывается только при помощи неправды? Обманом, я думаю, ничего путного не добьешься.

— В чем же эта неправда? Где вы ее видите?

— О, сколько угодно. Например, почему нужно поступать так, как бог велит? Не потому, что тебе будет лучше жить на этом свете. Наоборот, на этом свете тяжелее тем, кто соблюдает заповеди, у них и забот больше. Ведь так?

— Да, — вздохнул отец Федор, — праведному всегда тяжелее живется.

— Тогда ради чего? Ради вечной жизни, обещанной на том свете. Какой такой тот свет?

— Почему вы думаете, что его нет?

— А все потому же. Нет никакого намека, выдумки одни. Нет контакта. Оттуда никто никогда не возвращался. А раз так, то для нас это значения не имеет, — вы знаете, это мой принцип. И что-то решать в этой жизни, рассчитывая на будущую, о которой совсем, ну совсем

ничего не известно, — просто-напросто нечестно. Обман один, — тут я вздохнул, — хотя так хотелось бы в него поверить...

— А вы верьте. Я верю. Люди уходят туда для расцвета.

— Какие люди, какой расцвет? Вы же лучше других знаете, во что превращаются, как правило, люди перед уходом! Человек стареет, выживает из ума и из души, от него остается только жалкое подобие того, кем он был. Куда брать эти мощи? Кого брать, Федор Степанович? Того, который был, или то, что от него осталось (а это только одно название)? И я вот тоже, если полежу еще какое-то время как полено, превращусь в недочеловека. Это уже буду не я... Кого брать — меня или его?

— Душу. Бессмертную душу.

— Не понимаю, что это такое. Если отнять то, что я чувствую, думаю, как выгляжу, — это буду не я. Вот я лежу с бессмертной душой, но без тела, — и это уже не жизнь. И мне она такая не нужна. А старость забирает у нас не только тело, но и мысли, и чувства. Забирает все. Что остается? Пепел один. Чему вы учите — что я это не я? Что жизнь — всего лишь нечто вроде вступительного экзамена перед будущим? И все? Это ли не обман?

Отец Федор затих. Потом уселся на кровати. Опять лег. Поворочался и наконец ответил:

— Ну хорошо. Допустим, пусть будет по-вашему. Допустим. Допустим, это сказка. И что в этом может быть плохого? Пусть будет людям не так страшно умирать. Пусть не так обидно будет за не очень удачную жизнь. Я, уважаемый Юрий Сергеевич, не вижу в этом ровным счетом ничего, как бы сказать... предосудительного. Только сочувствие и утешение людям.

— Сказка хороша для детей, Федор Степанович, — с неожиданным даже для себя раздражением ответил я. — А для взрослых сказка вместо правды — это обман.

— Но все-таки что в нем может быть плохого? Ну хоть один пример!

Тут уже я задумался, но довольно быстро нашел пример. И не один.

— Если наша жизнь — только прелюдия к вечной, тогда можно не ценить ее. Гораздо важнее то, что впереди. Значит, есть вещи дороже своей жизни, не говоря уже о чужой. Скажем, принципы. Или та же вера — одна правильная, а другая неправильная. Потому что правильная приведет туда, куда надо. Справедливость может быть важнее жизни. Да мало ли что! Все как при строительстве коммунизма: жертвовать настоящим ради великого светлого будущего. Идея та же. И результат такой же. Все бьют друг друга во имя господина и во имя принципов. Католики бьют протестантов, протестанты — католиков, мусульмане — всех, кто попадет под руку. Вот сейчас говорят о войне цивилизаций, а ведь это старая добрая война религий. Я думаю, что пора принципы пересмотреть на основе правды, а не сказок о светлом будущем. Для отдельного человека нет его, этого будущего. Для каждого весь огромный мир — это его жизнь. С рождением мир для тебя начинается и смертью заканчивается. Важнее этого ничего нет и быть не может. И нечего этим разбрасываться.

— Юрий Сергеевич, эта идея не нова.

— Зато правда. А все, что ее отрицает, — простите меня, вранье... Уф, устал. Давайте спать. Утро вечера мудренее.

— Еще раз простите меня, увлекся и вас утомил.

Присев на кровати, отец Федор стал бормотать свою ежевечернюю молитву. И в ней, как обычно, упоминался и раб божий Юрий. Под это еле слышное бормотание я заснул.

Возвращение

Пошла третья неделя моей беспомощности. Я суеверно наметил себе крайний срок: если за двадцать дней ничего не произойдет — значит, ждать нечего.

С утра мое настроение и погода за окном соответствовали друг другу. Резко похолодало, непрерывно шел дождь. Это не было похоже на веселые весенние грозы, как положено в конце апреля, а скорее напоминало беспросветную осень. Я поймал себя на том, что злорадствую, когда по коридору пробегают, стряхивая капли дождя, вымокшие по дороге на работу сестрички. Да, характер у меня явно портился. А то ли еще будет!

Чем заняться, на что отвлечься? Мне предлагали установить телевизор. Бесплатно. Это только называлось бесплатно — за двести долларов в сутки. Но я отказался. Я терял интерес ко всему и даже к самой жизни.

Из соседней палаты, где всегда громко работало радио, доносились квакающие голоса наших молодых певичек. Я их с трудом переносил даже в здоровом состоянии. Таких голосов

нигде в мире нет, это наш патент. Это нечто большее, чем просто подражание деточке-малолеточке. Кто-то точно назвал такую манеру исполнения «лепетом невинности». А лепетали они этими псевдодетскими голосками всякие пошлости, вроде «И целуй меня везде, я ведь взрослая уже». Мне в таких случаях вспоминалась «Яма» Куприна. Там была, если не ошибаюсь, одна проститутка, которая работала под скромную и невинную молоденькую девочку с косичками. Вот такие ассоциации будили во мне эти голоса.

Да, определенно мой характер портился...

Сегодня Лена не должна была появиться, а других посетителей я не очень любил развлекать. Они сидели, не зная, что сказать, и мы дружно ждали, кому из нас первому визит надоест. Если они вовремя не уходили, я закрывал глаза, демонстрируя этим, что хочу отдохнуть. Единственным посетителем, который не пытался со мной общаться, был усатый Жора. Он обычно минут пять пытливо смотрел на меня, потом произносил свое ритуальное «ну-ну» — и мрачно удалялся, не прощаясь. Жора приходил раз в неделю и только тогда, когда других посетителей не было. Он нагонял на меня если не страх, то что-то близкое этому.

Я давно хотел узнать, кто он такой и что ему надо. У Семена спросить как-то не успевал — его слишком быстро «звала труба». Спросил у Лены, но она смутилась и предложила узнать у Сени. Такой ответ не уменьшил моей настороженности по отношению к Жоре.

В свое обычное время, часов в десять, пришел на обход Дима в сопровождении двух сестричек. Попытался незаметно ущипнуть меня за руку. Я мрачно пошутил: «Ой!». Дима вскинулся:

— Что, что вы почувствовали?

— Почувствовал, что ничего не почувствовал, — еще мрачнее сострил я.

— Шутник! — корректно-хамовито заметил Дима. — Ну-ну, продолжайте в том же духе.

Он надулся и удалился. Сестричка осталась и стала делать что-то с моей правой ногой. Помоему, укол.

— Там в коридоре ваш усатый бродит, — сказала она. — Наверно, дождь его к нам загнал.

— Откуда загнал? — не понял я.

— Из нашего парка. Он там целыми днями ошивается. — Увидев мое удивленное лицо, сестричка спохватилась: — Наверно, показалось. Похож, наверно, на кого-то.

Она смутилась, заторопилась, закончила свои дела и убежала.

Это еще что такое? Жора в больнице? Если пришел навестить, почему не заходит? Кто он такой, в конце концов? Я почувствовал неконтролируемое возбуждение. И ведь прекрасно сознавал, что это просто следствие болезни, но справиться с собой не мог. Нарастал шум в ушах, в горле пульсировало сердце. Я стал про себя считать, досчитал до ста. Кажется, стал успокаиваться. Не иначе как проклятая погода добавляет нестабильности! И словно в ответ на эти мысли, раздался оглушительный удар грома. Я вздрогнул. Нет, поиздевался я над собой, мысленно вздрогнул. А как я мог иначе? Только мысленно...

В палату забежала все та же сестричка, отдернула занавеску, разделяющую наши с отцом Федором кровати, и увела его на процедуры. По дороге она виновато справилась:

— Как у вас, все в порядке?

Я кивнул головой и продолжал считать про себя. Напряжение не проходило. Шли минуты за минутами, а легче не становилось. Я с нетерпением ждал возвращения отца Федора. Все-таки с ним было спокойнее.

И вот наконец он появился, мимоходом спросил: — Как дела? — и скрылся за занавеской.

На улице потемнело. Сплошной стеной полил не дождь, а настоящий ливень. Раскаты грома временами переходили в сплошную канонаду. Стараясь успокоиться и сохранить чувство юмора, я успел подумать: «Как в мелодраме. Только Каменного гостя не хватает».

И в этот момент появился Жора.

Это было уже слишком. Я почувствовал, что холодный пот заливает глаза, дышать стало тяжело. Жора постоял, посмотрел на меня молча и мрачно, как обычно. Наверно, он заметил что-то неладное, потому что подошел поближе и наклонился надо мной. Сердце ушло в пятки. Из всех сил стараясь сохранять спокойствие, я заставил себя улыбнуться. «Ну-ну», — сказал Жора, повернулся и неторопливо вышел из палаты. Я с облегчением перевел дыхание и распрямил судорожно сжатые пальцы рук. Мелкие иголки пробежали по ногам. Кровь громко пульсировала в горле, в животе, дрожь прошла по всему телу. Перепуг был настолько силен, что я не сразу сообразил... А когда до меня дошло, я заорал благим матом:

— Доктор! Сестра! Доктор! Где вы там, мать-перемать!

Подскочил насмерть перепуганный отец Федор. Затем он помчался по коридору с криком:

— Сестра, доктор, мать-перемать, куда все подевались?! Он потом клялся и божился, что с отроческих лет не бранился такими ужасными словами.

Так началось мое возвращение в жизнь.

...Первым на крик прибежал Дима со свитой сестричек, увидел мои выпученные глаза и немедленно всадил мне в бедро укол. Я невольно вскрикнул от приятного, забытого ощущения боли.

— Опять шуточки? — спросил тревожно Дима.

— Нет, Дима, на этот раз всерьез.

Он стал проверять, что я чувствую. Как будто прорвало невидимую плотину. Я чувствовал все тело — где меньше, где больше, но везде. Кроме пальцев левой ноги. Кстати сказать, я не чувствую их до сих пор, и даже чуть-чуть, почти незаметно, но прихрамываю, особенно когда устаю.

Ощущать свое тело — это было изумительно! А добавьте успокоительное лекарство (наверняка наркотик), которым меня накачали, — и вы поймете, что я почувствовал себя в том самом раю, существование которого недавно отрицал.

Постепенно подтягивались остальные врачи, и каждый пытался проверить тот орган, за который нес личную ответственность. Привезли аппаратуру, что-то подключали, куда-то меня кололи. Я вскрикивал не столько от боли, сколько удовольствия ради.

Сквозь туман эйфории до меня долетали голоса:

— ...Я подозревала, что это шоковый паралич...

— ...Да, но рентген и энцефалограмма...

— ...Клиническая картина не давала повода...

Когда сделали кардиограмму, Дима решительно обратился к консилиуму со словами:

— Все, господа, до завтра. Больному нужен отдых.

Все неохотно разбрелись, а я под тихое бормотание отца Федора: «Милости твои неисчислимы... доброта твоя, господи... ныне, присно и во веки веков...» — провалился в счастливый сон.

Когда я проснулся, уже вечерело. Первой мыслью было: а не привиделось ли мне все? Я пошевелил пальцами рук, — нет, все в порядке. От сердца отлегло.

Кто-то тихонько погладил мои пальцы. Я повернул голову и увидел сидящую рядом на стуле Лену.

— Как ты здесь оказалась? Вы должны были прийти только завтра.

— Светочка позвонила, — Светочкой звали уже знакомую вам сестричку. — Мы оставили телефон, чтобы нам сообщили, если что не так.

— Так, Леночка, все очень даже так. И еще лучше, чем так!

Неожиданно всегда сдержанная и спокойная Лена склонилась ко мне, уткнулась в плечо и заплакала. С трудом поднял я левую руку и погладил ее по голове.

Да, именно так начиналось мое возвращение в жизнь.

...В тот же вечер, когда мне вернули тело, память возвратилась сама, добровольно. Под охраной амнезии остался только маленький участок: я так и не мог вспомнить, что произошло со мной в тот день, когда на голову свалился камень.

Очевидно, мое подсознание решило, что я уже твердо стою на ногах и мне можно открыть все тайны. Но при этом на меня вывалилась такая неподъемная груда сведений, что если бы со мной соизволили посоветоваться, я бы возражал категорически. Я бы предпочел, чтоб информация поступала по частям, постепенно.

Глава вторая. Начнем сначала

«Мальчик прямой и честный»

Дом наш был старым и обшарпанным, он напоминал спившуюся и обнищавшую графиню со следами былой красоты. Облезлый некогда богатый фасад, запущенный двор, пятнистые стены

и ржавые перила широкой мраморной лестницы. В те времена весь Советский Союз выглядел каким-то серым и неухоженным.

Многие талантливые авторы пытались достоверно описать нашу дурацкую жизнь при развитом социализме, но никому это в полной мере так и не удалось. А я даже не буду стараться. Куда уж мне. Тогдашняя пошлая и без преувеличения трагическая действительность на порядок нелепее самых изощренных описаний.

Поэтому рассказывать о прелестях нашей доперестроечной жизни нет смысла — те, кто жил в то время, никогда его не забудут, а те, кто родился позже, все равно не поймут, что там творилось. Все, поголовно все не любили и не уважали советскую власть — даже те, кто сейчас ходит с красным знаменем.

Самым непостижимым было то, какие выводы из этой жизни делал для себя простой советский человек и какие взгляды он передавал своим детям. Детей советский человек воспитывал в духе самого махрового социалистического идеализма, как будто и не было уроков полустолетия советской власти. То есть идеалы и мораль были сами по себе, а реальная жизнь — сама по себе. И никакого отношения одно к другому не имело.

Забота о своем благополучии, особенно материальном, стояла в списке приоритетов советского человека едва ли не на последнем месте. Это было чем-то постыдным. Слово «комфорт» употреблялось с отрицательным оттенком, от него пахло «отрыжкой капитализма». С ним соседствовали позорные определения «шкурник», «спекулянт», «взяточник», «мещанин». «Делец», «деляга» — в этих словах всегда звучало неуважение. Достойный человек был выше этого.

Подразумевалось, что есть много куда более важных для человека и гражданина вещей, и все они объединялись загадочным и неопределенным понятием «духовность».

Народы России якобы всегда славилась своей духовностью. Мне никогда не попадалось сколько-нибудь разумное толкование этого туманного понятия. Что конкретно имеется в виду? Начитанность? В России это скорее один из мифов. Интеллигентность? Тоже не похоже, во всяком случае, в массе. Задумчивость? В трезвом виде ее не слишком много. Раздумья о вечности? Упаси бог! Чего нет, того нет. Я думаю, что в духовность просто чохом зачислялось все, кроме хорошей и обеспеченной жизни, которой в России для народа никогда не было. Поэтому, видимо, исторически Россия всегда была очень духовной, а Запад, соответственно, бездуховным.

То, что государство было заинтересовано в такой философии, вполне понятно. Но почему наши родители искренне вдалбливали нам в голову подобную чепуху, понять трудно. Отчасти, конечно, по инерции. Но не только. Думаю, они подсознательно таким способом оправдывались в собственных глазах за невеселые результаты своей жизни. Кроме фотографий на доске почета и парочки безденежных авторских свидетельств, они ничего нам завещать не могли. Да чего уж там завещать, — даже нормальное детство и приличную юность не в силах были нам обеспечить. Приходилось поддерживать миф о высших духовных ценностях.

На своем примере родители учили нас какому-то безответному терпению. Учили не высовываться, потому что инициатива наказуема. Учили мириться с хамами, бездельниками, дармоедами и пьяницами рядом с собой и над собой. Нетрудно представить, каково пришлось в будущей перестроечной жизни нам, получившим все эти комплексы в наследство.

...Но что это все «мы» да «мы». А где же я? Пора рассказать что-то о себе.

Я, должен признаться, был типичным юным представителем среднестатистической семьи инженеров. Мой рост в десятом классе и позже был чуть выше среднего — метр семьдесят шесть. Телосложение тоже было среднее, занятия спортивной акробатикой и (правда, недолго) дзюдо помогли мне не краснеть за себя на пляже.

От Натанзонов мне достались черные волосы, а от Маркова, как шутила мама, несолидно голубые глаза. Девочки мне иногда говорили, что я довольно симпатичный, но это мало кто замечал, потому что я всегда был где-то посередине, не выделялся. Я был не из тех, кто заметен и бросается в глаза. Такая ситуация меня не радовала, но и не слишком огорчала. В приступе самоиронии я иногда говорил, что стану шпионом, и никто меня в упор замечать не будет. Словом, я не был лидером, за которым идут массы, но и не был бунтарем, который себя этим массам противопоставляет. Между прочим, именно эти черты помогли мне пройти молодые годы довольно легко, почти без столкновений и конфликтов. Я без особого напряжения органично вписывался в обстоятельства.

Учился я тоже слегка выше среднего — в основном на четверки с легкой примесью пятерок. Усилий при учебе приходилось прилагать больше, чем двоечникам, но меньше, чем отличникам.

Ребята в школе ко мне относились хорошо. Я считался человеком надежным, который не подведет, не потянет одеяло на себя. Не выскочка какой-нибудь. Выскочек не любили, от них ждали любых неприятностей, — так были воспитаны.

И с домашними я тоже уживался неплохо. Добросовестно и без нытья делал то, что просили, хотя дома меня работой не перегружали. Дядя Гриша не хотел быть несправедливым к пасынку, и я этим с удовольствием пользовался. Меня несколько не расстраивало и то, что в семье я был один Марков. Может, потому, что быть Натанзоном, а тем более Гомулей (это фамилия дяди Гриши), мне не очень хотелось. Меня вполне устраивало быть Марковым, особенно по вечерам, когда мама на всю квартиру кричала: «Гомули, где вы там? Ужин на столе. Гому-у-ули!» И две Гомули появлялись одновременно — они всегда были вместе, дядя Гриша и Натка. Я больше находился в зоне действия мамы.

Довольно рано я начал курить, в последних классах позволял себе в компании стакан-другой вина. Но так как дома не было давящего надзора и в душе у меня не было надлома, то я не пристрастился ни к тому, ни к другому.

Насколько я теперь понимаю, у меня было в избытке только одно свойство — я слишком серьезно верил в прописные истины, в порядочность, в мораль. Обо мне с детства говорили: он мальчик прямой и честный. Возможно, в подтексте звучало: хотя звезд с неба не хватает... Но я действительно изо всех сил старался поступать по совести, а значит, в соответствии с советскими догмами, которые ничем по сути не отличались от религиозных. Те же не укради, меньше думай о себе, а больше о ближнем, а главное — будь доволен и не ропщи. Все это укладывалось в систему, пока жизнь не потребовала чего-то иного...

Мое свойство — избегать крайностей и конфронтации — проявлялось и в большом, и в малом. Вот, скажем, меня несколько не прельщала идея повторить судьбу дяди Гриши. Его должность только звучала громко — главный инженер проекта. Таких главных в проектной организации, где они с мамой работали, было пруд пруди. И получал он всего на двадцать рублей больше, чем рядовая сотрудница Натанзон. Но был вечно в хлопотах, вечно озабоченный, вечно в нагонях. Да и внешне он не слишком смотрелся. Особенно по утрам, в трусах до колен и с довольно-таки сутулой спиной. Но и внутренне, буду откровенным, кроме хорошего характера и порядочности за ним ничего особо яркого не замечалось. Правда, говорят, что это главное. Однако в максималистском юношеском возрасте часто думают иначе.

Между прочим, я замечал, что и многие женщины до глубокой старости в этом не уверены. Наверно, им удастся сохранить юношеский максимализм в качестве компенсации за проклятые морщины...

Да, повторения судьбы дяди Гриши я, разумеется, не хотел. И все же без особых сомнений и колебаний после окончания школы подал документы в строительный институт, который в свое время оканчивали они с мамой. Причин было две — относительно небольшой конкурс и знакомые преподаватели. Можете сами судить о моем характере в те годы.

Студенческая «бракка»

Не напрасно столько восторженных слов сказано о студенческих годах. Это действительно период жизни ни на что не похожий. И пролетает он как одно мгновение. Не имеет значения, хорошо у тебя складываются дела или не слишком. Спустя несколько лет это время уже кажется сном, пусть для некоторых кошмарным, но все равно сном.

До тех пор у меня был более или менее постоянный круг общения. В институте все стало новым — и друзья, и недруги, и преподаватели, и характер обучения. Все полностью изменилось. И сознание временности такой жизни еще больше обостряло восприятие.

Главным было непривычное чувство свободы и самостоятельности (правда, вскоре оно оказалось во многом ложным). Можно было пропускать занятия, особенно общие для всего потока лекции, когда в зале сидело сто — сто двадцать человек. Можно было не конспектировать, не готовиться к практическим занятиям. Обязательной была только сдача зачетов и экзаменов. Но в том, что ничего нельзя сдать без лекций и без работы, многие убеждались слишком поздно. Отсев студентов на первом курсе достигал двадцати процентов. Это было первое серьезное предупреждение. Первая жизненная мясорубка, с которой я встретился. Мы с Сеней Альтманом выскочили из нее только слегка помятыми. Пришлось дважды сдавать курсовой по черчению...

Но, несмотря на эти и им подобные суровые административные и воспитательные меры, учились студенты в те годы довольно плохо, да и учили нас тоже скверно. Конец семидесятых —

это был период полураспада советской власти. Приближался период полного распада — перестройка. Мы и наши преподаватели двигались по инерции, не видя реального смысла в получении диплома.

Должен признаться, что все эти высокие материи не очень забивали нам голову. Это я сейчас понимаю, что стимула для учебы не было. А тогда мы все воспринимали как должное. Считается, что студенты по природе своей максималисты, бунтари, революционеры. К нам это не относилось. Мы политикой не интересовались, говорю как на духу. Могли иной раз поболтать на эту тему, но не более того. И не требовали давать нам серьезные знания, скорее наоборот. Мало с нас спрашивают — и слава богу. Больше остается свободного времени. И мы с Сеней Альтманом это время зря не тратили.

Пора о Сене рассказать подробнее. Мы с ним познакомились еще на вступительных экзаменах. И знакомство это едва не окончилось для меня трагически.

На последнем экзамене — это был экзамен по химии — со мной рядом сел высокий брюнет с буйной шевелюрой. К этому времени я уже почти закончил подготовку к ответу и чувствовал себя более или менее спокойно. К счастью, вопросы оказались нетрудными.

Вид у брюнета был какой-то смурной. Он уставился в свой билет, несколько раз тряхнул головой, как будто отгонял наваждение. Я все время чувствовал рядом какое-то шевеление, кряхтение, шипение. Краем глаза я видел, что сосед ерошит волосы, трет глаза, дергает себя за нос и издает при этом нечленораздельные звуки. Его явно заклинило.

— Слушай, ничего не соображаю. Ничего не вижу. Ты уже готов? Выручай, хоть задачу реши, — и он стал совать мне свой билет.

Доцент Бакаев, принимавший экзамен, подозрительно посмотрел в нашу сторону. Сосед, видно и впрямь ничего не соображая, продолжал гундеть и совать мне свой билет. Я понял, что мы сейчас оба вылетим отсюда.

— Следующий, — позвал Бакаев. — Кто готов отвечать?

Я радостно дернулся — вот оно, освобождение! Но увидел ужас в глазах соседа... и остался на месте. «Как герой», — сказал потом Сеня. «Как круглый дурак», — сказала мама.

Словом, написал я с грехом пополам ему ответы на вопросы билета, стараясь не смотреть на косившегося на нас преподавателя. Когда я вышел отвечать, то с ужасом понял: Бакаев считает, что это я списывал у соседа. Он перевернул мой билет и стал гонять по курсу. Те, кто сдавал вступительные экзамены, знают, что это такое. После экзекуции, которая, казалось, длилась вечно, я все-таки выцарапал четверку, но чего мне это стоило — один бог знает.

Преподаватель исчерпал на мне весь запас своего негодования и отпустил Сеню с миром и с четверкой. Мне казалось, что на этот раз пронесло. Но, увы, воистину никакое доброе дело не может остаться безнаказанным. Мне не хватило одного балла, чтобы пройти на факультет гражданского строительства, куда я стремился. Того балла, который я недобрал на химии, — а судя по билету, должен был получить пятерку. И я оказался на «водопроводе и канализации», куда мне смерть как не хотелось попасть. Это была колея мамы и дяди Гриши.

Мой подвиг (сам погибай, а товарища выручай) был, как оказалось после, бессмысленным, потому что мать Сени, известный в городе зубной врач, могла достать ему любую справку. Зубы болят у всех. Он прекрасно бы сдал химию через день во втором потоке... Так принципы и идеалы вмещались в мою судьбу, и, конечно, не в лучшую сторону. (Лежа на больничной койке, я вспомнил этот эпизод — и скептически хмыкнул: сколько еще подобных оплеух приготовила мне судьба? Увы, я не ошибся...)

У вас могло сложиться впечатление, что Сеня тупица, — нет, ничего подобного. Он был неплохим студентом и остается до сих пор неглупым человеком. Просто в тот день, точнее в ту ночь, он переучился, и произошла сшибка — по-моему, так это психологи называют. Он действительно не соображал ничего. Со многими от перегрузки такое случается.

Семен Альтман, признаюсь вам честно, по сравнению со мной был довольно-таки неординарной личностью. Он был спринтер по природе. Легко и с пол-оборота взрывался и тогда рыл землю носом, но, как вы уже догадались, надолго его не хватало. Но не потому что ему недоставало трудолюбия — просто он не выносил неудач. Любое фиаско выбивало Семена из колеи, и он тут же с успехом уговаривал себя бросить это дело как ненужное, глупое, безнадежное и т. д. Ассортимент причин был широкий, но результат один — бросить. У него была любимая формула: «Самое главное в профессии святого — вовремя смыться».

После злосчастного экзамена по химии Семен меня зауважал, я определенно вырос в его глазах на целую голову. Я скрывал сомнения в разумности своего благородства и принимал его

благодарность со скромным достоинством. Короче говоря, мы сдружились. Нас почти всегда видели вместе. Разумеется, кроме занятий, потому что, как вы уже поняли, Сеня учился на том самом факультете гражданского строительства, на который я не попал. Хотя он набрал еще на балл меньше, чем я. Что ж, зубы болят у всех.

Первый год — насыщенный, но больше развлечениями, чем учебой, — пролетел как миг. Судите сами: после лекций два раза в неделю были тренировки — у меня акробатика, у Семена баскетбол. Два раза мы ходили к его дяде Филе в столярную мастерскую на подработку. Нам там официально выписывали зарплату как подсобным рабочим. (Спустя десять лет это нам очень пригодилось).

Инициатива подработки была, разумеется, моя, у Сени финансовых проблем пока не было. А мне дома просить денег на личную жизнь не хотелось. «Я девушка гордая», — одобрительно подкалывала меня мама, но явно гордилась моей самостоятельностью. Мы с ней вообще жили душа в душу...

Один-два раза в неделю Сеня убегал на свидание к своей подружке Лере, в которую был откровенно влюблен. Лера, довольно симпатичная девица, хотя, на мой взгляд, с чуть грузноватой фигурой, еще училась в десятом классе, но, по планам Сени, на следующий год должна была поступать к нам в институт. Сеня откровенно боялся, что кто-нибудь ее уведет, и уходил на свидание с Лерой под девизом: «Все на защиту социалистической собственности!». «Где моя берданка?» — спрашивал он каждый раз, и я знал, что сегодня вечером на его общество могу не рассчитывать.

Почти каждую неделю наша новая институтская компания собиралась у кого-нибудь на квартире — чаще у Жени, чьи родители работали на Севере. Это у нас называлось загулом. Компания сложилась изумительная, другого слова не подберу. Если я когда-нибудь по-настоящему осознавал смысл заповеди «возлюби ближнего как самого себя», так именно тогда, в кругу нашей «бражки». «Бражка» — так мы небрежно себя называли. Нас было девять человек. Девять, пока в институт не поступила Лера.

Летом мы с Сеней были в колхозе на помидорах. И каждый вечер, когда мы по очереди присасывались к трехлитровой банке с мутной жидкостью, пахнувшей табаком, которая называлась почему-то натуральным виноградным вином, он жалобно пел, подражая Вертинскому: «Как Лера там? Кто ей целует пальцы?..» Но это не помешало ему вместе со мной сходить налево и провести пару ночей с двумя бойкими девицами с другого факультета. На своем курсе мы предпочитали не шкодничать, возведя это в принцип...

Когда я съехидничал на тему «любви и верности в лирике Альтмана», он ответил не задумываясь:

— Это совсем другое дело, это секс, а там любовь. Лера такой человек... такой человек... Я и обнять-то ее не решаюсь, — неожиданно признался он и печально вздохнул.

Я был ошарашен.

— Ты ли это, Семен Григорьевич? Ущипните меня! И что будет дальше?

— Не знаю, — он вздохнул еще громче и еще печальнее. — Женюсь. А какой может быть выход?

Но вот начался новый учебный год, и все покатило по заведенному порядку: лекции, тренировки, подработки у дяди Филя и традиционные загулы. Только в нашей «бражке» стало вместо девяти человек десять — Лера действительно, как и рассчитывал Семен, поступила к нам в институт. Напрасно он хлопотал, хлопал крыльями и ерошил в сомнении свои буйные волосы — Лера очень легко и быстро вписалась в наш коллектив и уже через какой-то месяц расхаживала с нашими девочками по коридорам на переменах, как будто делала это всю жизнь.

— Правда, она подросла и похорошела? — спрашивал с гордостью собственника Сеня. — Хотя она не в твоём вкусе. Ты у нас любишь блондинок.

Я охотно соглашался и с тем, и с другим. И с тем, что она действительно стала стройнее и изящнее. И с тем, что это не мой тип женщины. У Леры было оригинальное лицо — слегка выступающие скулы, сочные губы, карие, широко расставленные глаза и чуть-чуть волнистые черные волосы. Но это действительно был не мой тип — меня больше привлекали блондинки а-ля Мэрилин Монро. И нет никаких разумных объяснений, почему исподволь и незаметно для себя я мучительно и безнадежно в нее влюбился. Это было какое-то наваждение. Нет, не наваждение. Примерно через месяц после начала учебного года я уже ясно сознавал, что это настоящая и очень сильная любовь.

Наваждение

Это действительно было самое настоящее наваждение. Я никогда не был слишком впечатлительным, а тем более экзальтированным. Но сейчас при одном ее появлении у меня пересыхало во рту, стучало в висках, и я чувствовал, что меняюсь в лице. Если поблизости оказывалось зеркало, я краем глаза косился на него, чтобы увидеть, не слишком ли явно покраснел. И почти всегда убеждался, что слишком, но справиться с собой не мог. Ничего не мог с этим поделать. Все силы уходили на то, чтобы никто не заметил моего дурацкого состояния. Я старался не подходить близко к Лере, хотя тянуло меня к ней как магнитом. Старался не смотреть на нее, но именно этого мне и хотелось больше всего на свете.

Когда собиралась наша «бракка», я, как локатор, вылавливал ее голос из общего хора беседы, а все остальное проходило как-то мимо меня. Все чаще случалось, что я отвечал невпопад или вообще не отвечал на вопрос. Тогда фразы «Юра, ты где?» или «Юра, что с тобой?» пугали меня до полусмерти: догадаются, поймут... Пока мой тайный грех — а я, безусловно, считал позором увлечение девушкой своего ближайшего друга — сходил мне с рук. Пока никто, мне казалось, ничего не замечал. Но долго ли так могло продолжаться? Нужно было кончать с этой недостойной слабостью. Но как? Никаких признаков улучшения я не замечал. Вечером я ложился спать с одним предчувствием, которое выбивало из головы все другие мысли: завтра я ее увижу. Можете не сомневаться, мне было стыдно перед самим собой за это, как я мысленно называл свои охи и вздохи, истеричное слюнтяйство, но вот поделать я ничего не мог. В конце концов я решил: если хочу оставаться порядочным человеком, у меня есть только один выход — жесткие хирургические меры.

К тому же мне стало казаться, что и Лера почувствовала что-то неладное. Она прежде очень тепло и по-дружески ко мне относилась, выделяя меня из числа наших друзей. Еще бы, я знал ее школьницей и был ближайшим другом ее Семена. Но вот однажды я заметил в ее взгляде то ли вопрос, то ли сомнение. И открытость и теплота явно уступили место настороженности. Во всей этой неприглядной и очень тяжелой для меня истории Лерино презрительное отношение оказалось последней каплей. Она стала избегать меня, но — спасибо ей — старалась не привлекать внимания окружающих к постыдной ситуации.

Теперь я был обязан что-то менять не только из-за себя, но и для того чтобы не доставлять Лере лишних неприятностей и не ставить ее в ложное положение. А это значило, что я должен был прежде всего перестать появляться на наших сборищах.

Можете мне поверить, это было очень нелегко. Нелегко, потому что «бракка» стала важной частью моей жизни. Большая Женькина квартира по пятницам, где у каждого уже было любимое местечко, привычные две бутылки «Токая», или «Перлины степу», или «Хереса» на всех, частенько преферанс, к которому допускались и наши девочки, бесконечные не обязывающие ни к чему разговоры — все это стало привычным и необходимым для меня. Но что делать — придется себя исключить.

Я наступил на горло собственной песне и перестал появляться на загулах. Один бог знает, чего мне это стоило. А чтобы объяснить ребятам этот странный поступок, записался в городскую команду КВН, которая репетировала по пятницам во Дворце студентов. Можете мне поверить, этой команде я был точно так же нужен, как и она мне. Когда я туда приходил (если не слонялся вокруг Женькиной квартиры, больше всего боясь попасться кому-то из ребят на глаза), то мрачно сидел в углу и бередил свои душевные раны.

Сеня встретил мою причуду с нескрываемым удивлением и решил, что кем-то там, в КВНе, я безнадежно увлекся. Этой идеей он поделился с остальными, выдав ее (обычное для Семена дело) за нечто достоверное, известное только ему одному. Шуточек от ребят на тему своих страданий я услышал немало, но меня это устраивало. Жаль, что Лера все-таки подозревала правду. А если у нее и были сомнения, то я сам их развеял однажды на перемене, проявив глупую и ничем не оправданную несдержанность.

Мы столкнулись с Лерой и Таней возле моей аудитории. Танечка — моя и Лерина любимая подруга — была доброй, чуть полноватой девушкой, с немного иксообразными ножками, какие часто встречаются у склонных к полноте женщин. Но ее улыбочивое, очень милое и очень доброе лицо заставляло забыть о любых недостатках фигуры. Танечка мягко и необидно стала пенять мне на то, что я их забросил. Я отшучивался, как мог. Тем более что в присутствии Леры меня опять, как обычно, стало бросать то в жар, то в холод.

— Семен говорит о тебе как о Стеньке Разине. Мол, ты «нас на бабу променял», — Танечка смотрела на меня с сочувствием. — А ты, Юрочка, даже с лица спал. Неужели всерьез зацепило?

— Глупо это все, — неожиданно и очень обидно для меня сказала Лера.

В ее голосе было столько неодобрения и даже презрения, что я потерял выдержку и как с цепи сорвался:

— Не всем быть умными. Такой я круглый идиот. Кто-кто, а ты бы уж помалкивала. И побереги свои советы для тех, кто их просит. А я постараюсь справиться сам.

Я резко повернулся и зашел в аудиторию. Следом за мной тут же вошла Танечка и стала извиняться за свою бестактность. Но я мало что слышал из ее извинений — в висках стучало так, что, казалось, жилы лопнут.

С того дня я стал обходить Леру десятой дорогой. С Сеней мы продолжали заниматься общими делами, работали у дяди Фили, иногда ходили вместе в кино. Я избегал с ним всяких разговоров о Лере, хотя порой, особенно после полочки в мастерской, за традиционным стаканом вина, он пытался завести беседу на эту тему. Обычно он начинал так: «Нет, она, конечно очень хорошо ко мне относится, очень даже хорошо, но...» И я немедленно и довольно грубо его обрывал. Слушать это все было невыносимо. Но он объяснял мою нетерпимость тем, что между мной и Лерой пробежала кошка, и иногда самодовольно спрашивал меня: «Не пойму, чего вы с ней не поделили?». Самодовольно потому, что он думал — не поделили мы его, Семена. Я не возражал, такой вариант меня устраивал.

Так прошел месяц, за ним другой. Иногда мне казалось, что ситуация потихоньку рассасывается, а иногда заболевание возвращалось с новой силой. Для надежности я стал встречаться с Зинкой Селезневой. Мне, в сущности, было все равно, с кем встречаться. Но Зинка не скрывала, что благосклонна ко мне, а, кроме того, она была в контрах с девочками из «бражки», которым не нравилось ее демонстративное легкомыслие. Зинка бравировала своими современными взглядами и современной манерой выражаться. Выражаться в прямом смысле, то есть крепко. Меня это лекарство от романтизма вполне устраивало, но в разумных пределах. Дело в том, что Зинка не скрывала желания затащить меня в постель. Это вполне отвечало ее современным взглядам и сулило наслаждение. Почему бы и нет, если взрослые люди встречаются и нравятся друг другу? Теоретически я был с ней полностью согласен. Но... Все то же «но»... Я искренне завидовал Сене, который мог, как вы помните, разделить любовь и секс. У меня это не получалось. Я не только жалобно вздыхал по Лере, я хотел ее всеми печенками, так хотел, что не мог думать ни о ком другом. Печальная история. Просто напасть какая-то...

Время шло, ничего не менялось, ситуация грозила стать застарело-хронической. И очень жалко было, что контакты с «бражкой» могут разорваться навсегда.

Как я впоследствии узнал, на одном из загулов этот вопрос серьезно обсуждался, и было решено принять меры.

Лера, к моему удивлению, сама предложила воспользоваться ее днем рождения и пригласить меня.

— Одного, — добавила она, — без этой Зинки.

Раз она, Лера, меня обидела, то и пригласить пострадавшего нужно от ее имени. В этом ее долг. Так примерно это выглядело. Все поддержали благородное предложение и уполномочили решительного и уверенного в себе Женьку быть парламентом.

Я, как мог, барахтался, ссылаясь на КВН и даже на простуду, чуть справку от врача не совал настырному Женьке, но меня подкупило, что Лера сама протянула мне руку дружбы. Я знал, как тяжело будет вновь увидеть ее и притворяться равнодушным. Но слаб человек, и я согласился.

День рождения Леры — до сих пор помню — был 23 октября, в пятницу. К семи часам вечера я плелся к ее квартире, еле передвигая ноги, как кролик, наносящий дружеский визит удаву. Дурные предчувствия владели мною. Да, собственно говоря, чего я мог ожидать хорошего? Все равно ходить с «бражкой» я бы сейчас не смог — может, когда-нибудь попозже, когда все уляжется... Не такой я благородный, чтобы даже ради дружбы позволить ежедневно поджаривать себя на сковороде ревности. Я не переставал удивляться: откуда у столь уравновешенного человека, каким я казался себе и окружающим, эдакий неожиданный пыл? Наверно, я не до конца себя знаю...

А интересно, мать Леры сегодня дома или опять в командировке? — подумал я, входя во двор.

Был я у Леры всего два раза, но маму ее никогда не видел. Раиса Марковна работала контролером в облпотребсоюзе. Должность хлебная, но приходилось часто ездить в

командировки, а так как они жили с дочкой вдвоем, то Лера регулярно оставалась дома одна на хозяйстве и с детских лет была серьезной и самостоятельной.

Все это я в свое время узнал, разумеется, от словоохотливого Семена. Заканчивал разговоры о Лериной семье он стандартным рефреном: «Хорошая жена кому-то достанется!» И хитро подмигивал при этом — мол, мы-то знаем, кому она достанется.

Думал я по дороге о многом, но только у входа в парадную вспомнил о необходимом: в своих сомнениях и колебаниях я забыл купить подарок имениннице. Даже с какой-то радостью я повернул назад и не торопясь направился к центру города в поисках открытого магазина. Я был доволен, что тяжелый визит можно отложить еще на некоторое время.

Когда с бутылкой шампанского и с тремя цветочками в руках я снова подходил к Лериной парадной, было уже часов восемь. Открыл дверь все тот же вездесущий Женя, «бражка» почти в полном составе приветствовала меня одобрительным гулом и различными вариантами сентенции о возвращении блудного сына.

Магнитофон в углу наигрывал какой-то блюз, в другом углу стоял стол с выпивкой, закуской и недавно появившейся в продаже одноразовой посудой (только бокалы были стеклянными). На наших загулах был в ходу фуршет, а к бумажным тарелкам нас приучил все тот же Женька, не желавший по пятницам мыть за нами посуду.

По громким голосам и блестящим глазам ребят я понял, что состоялся уже не один заход к фуршетному столу. Леры в комнате не было, и я перевел дух. Семен не отреагировал на мое появление, он стоял возле стола и мелкими глотками тянул из бокала что-то светлое. Судя по напряженному выражению лица, отнюдь не вино, а кое-что покрепче. Я достаточно знал своего друга, чтобы понять по состоянию шевелюры и наклону носа — он на радостях уже неплохо поддал.

Но необходимо было соблюдать приличия. И я спросил:

— А где виновница торжества?

— На кухне, — кто-то махнул рукой в сторону открытой двери, отобрал у меня бутылку и подтолкнул в спину. Я поплелся с цветами на кухню.

Лера стояла возле плиты и переворачивала что-то скворчащее на сковороде. Она раскраснелась, волосы выбивались из-под завязанной небрежно косынки. Яркий фартук обтягивал ладную фигурку — смотреть на нее было больно. Каким-то охрипшим и шершавым голосом я проскрипел:

— Поздравляю с днем рождения, желаю быть счастливой и... всегда такой же красивой.

Я привычно протянул ей цветы, привычно потянулся к щечке, чтобы изобразить ритуальный дружеский поцелуй, и... неожиданно для себя встретил мягкие и горячие губы. Губы прижались к моим, я почувствовал поцелуй — не случайный, а настоящий горячий поцелуй. Лерины руки обхватили мою голову, и поцелуй затянулся надолго. Очень надолго. Рядом послышался тихий смешок, — я скосил глаза и только сейчас заметил улыбающуюся Танечку. Я почувствовал, что рот мой тоже раздвинулся в улыбке, какой-то дурацкой улыбке.

— Да, — сказала Лера, и еще раз поцеловала меня.

— Как? — все так же глупо улыбаясь, спросил я. — Как это?

— Да, — повторила Лера, — хватит нам обоим мучиться.

— Обоим?

— Да, — в третий раз подтвердила Лера.

И мы опять поцеловались.

Я не буду подробно описывать свое состояние в тот вечер, это все равно невозможно. Наверняка получится какая-то патока, а мне бы этого не хотелось. Скажу одно: ради таких минут стоит родиться на свет божий, даже в том случае, если больше никогда ничего подобного вас в жизни не ожидает!..

Но о каких-то важных вещах, которые тогда произошли, рассказать нужно, иначе не все будет понятно.

И прежде всего вот о чем. В голливудских фильмах мы часто слышим по любому поводу: «Я люблю тебя!» — «И я люблю тебя!». Это, наверно, в американских традициях. У нас этого нет, наши люди, особенно молодые, во всяком случае раньше, такими словами дорожили и по пустякам ими не разбрасывались. Но мы с Лерой с первой минуты не употребляли слова «нрависься», «хорошо отношусь» и тому подобные. Нет, с самого начала и до самого конца у нас было только одно объяснение наших отношений: «Я тебя люблю». Только одно слово определяло

наши чувства — любовь. С самого начала мы были уверены в том, что это настоящая любовь, та, что дается человеку, может, один раз в жизни, и, может, не каждому человеку...

Там же на кухне, пока мы целовались, Таня подсутилась, ополоснула три бокала, налила нам всем коньяк — им на доньшке, а мне целых полфужера.

— Штрафная, — объяснила она такую приличную дозу. — И на счастье. Я поднял бокал.

— Будь, Лерочка, всегда здоровой и всегда счастливой. Я люблю тебя.

Так приятно было наконец-то вслух это сказать, что я повторил:

— Я люблю тебя!

— И я тебя, — сказала Лера.

— Как в кино, — засмеялась Танечка.

Мы выпили, и, едва выдохнув, я озабоченно сказал:

— А как же Семен?

Таня постучала сначала по спинке стула, потом мне по лбу и сказала со вздохом:

— Сколько соломы у тебя в голове, можно только удивляться.

И вышла из кухни. Я взял бутылку с коньяком, плеснул Лере в бокал, а себе недрогнувшей рукой налил опять штрафных полбокала.

— Я действительно круглый дурак. И очень тебе благодарен. Если бы не ты, я бы мучился до... до конца своих дней, — и я залпом выпил весь коньяк.

Лера заулыбалась — и вдруг резко нахмурилась.

— Я бы ничего и не сказала, если бы не Зина. Зинку я перенести не смогла. Ты почему улыбаешься, как... — она не нашла подходящего сравнения, — как майская роза? Запомни, Зинку я тебе никогда не прощу.

Я чувствовал, что глупая улыбка расплзлась еще шире по лицу.

— Ее не за что прощать. Это она тебя должна простить.

— Меня? За что?

— За то, что я из-за тебя ее в упор не видел, — и я придвинулся к ней поближе.

— Все, пошли к ребятам, неудобно, — она выскользнула из угла.

Я не спрашивал ее о Семене, хотя мне очень этого хотелось. И не только в этот вечер. Никогда не спрашивал — эта тема была табу. Я чувствовал, что Лера мне была очень благодарна за это.

Когда мы вошли в гостиную, там был притушен свет и гости уже перешли от выпивки с закуской к танцам. Только Семен стоял на том же месте у стола и, кажется, в той же позе, в какой я его оставил, уходя на кухню. В руке по-прежнему был бокал с белой жидкостью. Только волосы еще больше торчали дыбом, а нос еще круче был направлен в бокал. Я решительно подошел к нему.

— Слушай, Сеня, — начал я.

Семен посмотрел на меня мутным взглядом и сказал:

— Оставь, Юрка. Я все знаю. — Он выцедил бокал до дна и продолжил: — Я с самого начала знал, что так будет. Она не любила меня как муж... муж... — это слово ему не давалось, — как мужчину. Не по Сеньке шапка — ха-ха, — он остался верен себе и пытался острить. — Но я не думал, что это окажешься ты.

— Послушай...

— Юрка, не трогай меня сегодня, ладно? — он так на меня посмотрел, что я, ни слова не говоря, отошел в угол и уселся в кресло. Там я сидел тихонько и тоже тянул из бокала коньяк до тех пор, пока Семен не испарился — незаметно, по-английски, не прощаясь.

Остаток вечера я помню смутно. Помню, что мы с Лерой все время танцевали. Все уже давно поняли, что сегодня произошло, но, по-моему, единственным человеком, которого это событие по-настоящему удивило, был я. Я сообразил, что зря так старался. Шило в мешке утаить, очевидно, не удалось...

Когда именины закончились, я ушел вместе со всеми. Но, пройдя квартала три, завернул за угол и задами и огородами, как старый партизан, вернулся к Лериному подъезду. Мы с ней ни о чем не договаривались, но стоило мне подойти к ее двери, как она открылась. Лера была в плаще.

— Пошли!

Мы с ней гуляли до рассвета, потом еще, наверно, целый час стояли в парадной и целовались. Когда она собралась уходить, я неожиданно сообразил:

— Постой, а где твоя мама?

— Дошло, наконец, — засмеялась Лера. — Она в командировке. Потом она чмокнула меня в нос и исчезла за дверью. Какие же мы были глупые! И какие счастливые!

Светлая полоса

Если справедливо общепринятое сравнение нашей жизни с зеброй, то тот год я без всякого преувеличения могу назвать своей самой ярко-белой полосой.

Я не считал и не считаю себя неудачником. Обычный нормальный человек, может быть, с непростой и не очень гладкой судьбой. Но чистых и светлых полос в моей жизни было не так уж много. А у кого их было много? Пусть поднимут руку!

Мы с Лерой оказались очень хорошей парой, прежде всего потому, что любили друг друга. Но одной любви в жизни бывает мало, и многие испытали это на своем примере. Были еще не менее важные причины, объясняющие, почему нам всегда было хорошо. Мы могли вместе подолгу молчать, и молчание нас не тяготило. Когда на кого-то из нас нападала охота говорить, второй всегда его с удовольствием слушал, а это, согласитесь, очень редко встречается. Могли говорить оба сразу, не ругаясь и не скандаля, — уникальная способность. Могли заниматься каждый своим делом, не обращая друг на друга внимания, и без всяких обид. Но с одним существенным условием: мы должны были все время находиться в зоне досягаемости, поблизости друг от друга. У меня и сейчас на полке стоит «Солярис» Станислава Лема. Это мой амулет. Слово «Солярис» было нашим паролем. Мы открыто признавали, что подобно героине романа физически не можем находиться далеко друг от друга. Меня иной раз будущее просто пугало — куда это может нас завести?

Солома в моей в голове, как метко назвала Танечка тяжелые последствия воспитания в духе социалистического идеализма, пыталась испортить непрерывный праздник, но до поры до времени это не удавалось. Я поначалу какое-то время усиленно терзался раскаянием из-за Семена, но Лера на корню пресекла эти попытки. Она со мной и с Сеней не церемонилась:

— Он знал, что я его не люблю. Если бы все оставалось так, как раньше, то было бы хуже всем. Не только нам с тобой, но и ему тоже. Я бы все равно послала его к чертям.

— Куда, куда?

— К чертям! Прошу тебя, перестань дурью маяться. Так случилось, и все к лучшему. Может, ты с этим не согласен? Может, ты хотел чего-то другого?

Такое предположение требовало немедленных поцелуев, и тема была исчерпана. Лера могла быть решительной. На слабохарактерную жертву долга она не была похожа.

Женщины вообще разумнее и проще смотрят на многое. Чего больше в этом — реализма или жесткости, — я не знаю. Скорее всего, одного без другого и быть не может. Только сейчас я начал это осознавать, а тогда упорно считал, что счастливый человек обязательно должен ощущать свою вину перед всем человечеством.

В моих отношениях с Семеном совершенно естественно возникло напряжение. А как могло быть иначе? Мы по-прежнему вместе работали у дяди Фили в мастерской, но на этом, пожалуй, общение и заканчивалось. Первое время Семен пытался как ни в чем не бывало приходить к Жене по пятницам, но ребята очень усердно демонстрировали, что ничего не произошло, и выдержать это было невозможно. Семен не выдержал и исчез.

Я попытался намекнуть Лере, что, по совести говоря, это нам, истинным виновникам торжества, следовало бы уступить место на загулах пострадавшему. Лера ответила, что моя страсть к самобичеванию доходит до идиотизма. Она так и сказала — до идиотизма. Я понял, что пора остановиться. И оставил все как есть, предоставив времени лечить раны.

Семен сделал все от него зависящее, чтобы не выглядеть пострадавшим. Уже месяц спустя он появился у Жени с очень симпатичной первокурсницей. Его победительный вид говорил, что он опять бодр и весел и на коне.

— Ну что я тебе говорила, — шепнула мне Лера. — «Самое главное в профессии святого — вовремя смыться!»

Она отлично знала все поговорки и выкрутасы Семена. Но и я знал его не хуже. Я видел его глаза и не удивился, услышав, что новую подружку зовут Зиной. Это мы уже проходили.

...Настоящее счастье — это подарок судьбы. В моем случае именно так и было. Я не завоевывал Леру, не совершал никаких подвигов, не покорял вершин, не брел через пустыни. Мало того, я сделал все, чтобы счастье мне не досталось. В этом смысле — и только в этом — я сражался отчаянно и до последнего. Судьбе пришлось постараться изо всех сил, но она не

оплошала. Она подарила мне человека, который, с моей точки зрения, состоял только из достоинств. Я не видел в Лере ни малейшего недостатка, за исключением того, что она не была похожа на Мэрилин Монро. И сейчас, когда прошло столько лет, я по-прежнему считаю, что недостатков у нее не было. Во всяком случае, для меня.

Лерочка была очень женственна и приветлива. Если по нашим разговорам о Сене вам почудилась в ней легкая стервозность, то уверяю вас — ничего похожего. Просто за ее отзывчивостью и добротой чувствовалась самостоятельность и характер. Она была, как говорят, вещью в себе. Мне это страшно нравилось, впрочем, как и все остальное. Когда мы с ней были вместе где-нибудь вне дома (а мы всегда вне дома были вместе), то гордость за нее просто распирала меня. Я вслух посмеивался над собой, вспоминал самодовольный вид Семена в аналогичных случаях и говорил, что это заразное. Лера против такой инфекции не возражала.

Я побаивался, что мое восхищение может надоесть, набить оскомину, и не скрывал своих опасений. «Кашу маслом не испортишь», — отвечала она, и я чувствовал, что это правда. Она прямо-таки расцветала в лучах моей любви. Все говорили, что за последние полгода Лера очень похорошела. А я — я временами чувствовал себя Пигмалионом.

В моей квартире на Карла Маркса, 4 мы бывали только в качестве гостей, эпизодически. Еще бы — своей комнаты у меня не было, спал я в маленькой детской, которая так до сих пор и называлась, отделенный от Натки большим трехстворчатым шкафом. Где уж тут принимать гостей. И хотя мама в Лере души не чаяла, но бытие определяет сознание.

Базой нашей была Лерина квартира. Там мы проводили большую часть свободного времени. И со всей неизбежностью встал вопрос денег. Холодильник у них всегда был забит продуктами, Раиса Марковна к своим обязанностям относилась с большой ответственностью. Но не мог же я питаться за их счет, самолюбие не позволяло. И видели бы вы, с какой гордостью я отдавал заработанные у дяди Фили гроши Лере «на расходы» и с какой важностью она их у меня брала. Вот я пытаюсь сейчас иронизировать по этому поводу, а сквозь смех наворачиваются невидимые слезы. На этот раз слезы умиления.

А судьба, начав одаривать, не могла остановиться на полдороге и продолжала рассыпать щедроты, как из рога изобилия.

Мама Лерочки, Раиса Марковна, была женщиной строгой и сдержанной. Всегда в костюмах мужского покроя, в тонких очках, которые издали смахивали на пенсне, она напоминала мне революционерку-народоволку. Я ее откровенно побаивался, и, когда она была дома, мы с Лерой предпочитали обниматься в парадной. Раиса Марковна, правда, добросовестно предлагала нам зайти и «не торчать в подъезде, как беспризорные», но вы понимаете, такая форма приглашения у меня восторга не вызывала. Зато все эти недостатки с лихвой окупали ее командировки и частые поездки на отдых.

Каждую неделю она отсутствовала два-три дня, проверяя отделения потребкооперации на юге Украины. Кроме того, каждые два месяца она на недельку уезжала в Москву к своему близкому другу, который у нас проходил под кличкой «жених». Это был чиновник высокого ранга, который жил с престарелой мамашей в большущей квартире (мы с Лерой гостили у них на каникулах) и который настойчиво предлагал Раисе Марковне руку, сердце и прописку в Москве. Несмотря на суровую внешность и преклонный возраст (она тогда была на два года моложе, чем я сейчас!), у Раисы Марковны было много друзей, в том числе и мужского пола. Она определенно пользовалась успехом.

Мне кажется, что в то время наши интересы совпадали. Раиса Марковна была довольна, что ее Лерочка проводит время не одна, а с человеком серьезным и надежным, каким я не только казался, но и был в действительности. А то, что «дети» могли зайти слишком далеко, насколько я теперь понимаю, ее не очень беспокоило. Она, насколько я теперь понимаю, считала это нормальным, смотрела на эти вещи разумно и здраво, без демагогии. И сама она всегда поступала разумно и здраво.

Но Раиса Марковна допустила одну серьезную ошибку. Она посчитала нужным (я теперь в этом не сомневаюсь — только приличия ради) провести со мной наедине доверительную беседу. Сказала, что видит, как сильно Лерочка привязана ко мне, и уверена, что я как человек серьезный понимаю, какая ответственность на мне лежит. Бедной женщине и в голову не пришло, что этот идиот — я себя имею в виду — настолько серьезно воспримет ее банальные речи. А я сдуру решил, что это ультиматум, призывающий жениться или прекратить наши отношения.

Беседа состоялась очень вовремя — или очень не вовремя, смотря как взглянуть. Мы действительно по-настоящему любили друг друга, и темпераментом бог нас не обидел. И условия

у нас были для тех времен просто изумительные. Кто мог похвастаться возможностью хозяйничать почти бесконтрольно в отдельной двухкомнатной квартире? Словом, любовные наши отношения очень бурно приближались к естественному логическому концу. Точнее, к апофеозу.

Этот самый апофеоз был неизбежен. Наши попытки пойти поперек природы человеческой ничего хорошего принести не могли. Особенно страдала от нашей воздержанности Лера, но, к сожалению, я этого не понимал. Ласки без необходимого финала в конце концов стали наносить вред ее здоровью. У нее появились головные боли, расстроился сон. Я как мужчина мог достичь разрядки и другим путем. Лере без нормального секса это не удавалось. Я думаю, она сознавала, в чем причина ее проблем, но мне об этом говорить стеснялась. А я в этих вопросах был настоящим бесчувственным дубом.

Литературу о сексе я не читал, признаюсь в этом с запоздалым сожалением. Мне казалось это чем-то извращенным — все равно что сознаться в собственной слабости, настоящий мужчина не может себе этого позволить. Правда, в те годы взгляды молодежи стали довольно резко меняться, но я оставался косным моралистом и отчасти даже ханжой. Тогда у меня впервые появилась отличная возможность задуматься, почему все, что считалось моральным, как правило, пользы «порядочному человеку» не приносило, зато вреда — сколько угодно. Это мне напоминало отношение к еде: все, что вкусно, вредно, а все, что件лезно, удовольствия не доставляет. Действительно так устроен человек — или мы все это придумываем? Но нет, такие мысли тогда мне в голову не приходили.

Летом, в начале июля, Раиса Марковна отбыла на месяц в Москву к «жениху». В тот же день мы решили отметить это событие. Июль выдался жаркий. Даже ночью не становилось прохладнее, и это снижало сопротивляемость соблазнам. Любая, самая тонкая одежда была невыносима. Могу признаться, что нам предлог в этом смысле был уже не нужен, мы проблему одежды давно решили... В честь отбытия мамы в столицу мы распили бутылку «Алиготе». Словом, не буду затягивать эротические описания, не это моя цель, — случилось то, что... не должно было случиться, если бы вместо прописных истин во мне обнаружили хоть проблески здравого смысла.

Где-то посреди ночи Лера в конце концов не выдержала этой пытки любовью, она прижалась ко мне и буквально застонала:

— Юрочка, родненький, милый... Я больше так не могу. Давай, Юрочка... Юрочка!..

И как поступил этот безмозглый дурак? Как в плохом советском романе. Я вспомнил о своей ответственности, о долге и черт знает еще о чем. Я собрал последние остатки сил и буквально отодрал Леру от себя. Ситуация была нелепой до ужаса: Лера продолжала цепляться за меня, не отпускала шею, обхватила меня ногами. Словом, когда в этой схватке добродетель победила, нам обоим было что вспомнить. Женщины должны понять: такое ни забыть, ни простить нельзя.

Даже я, добродетельный осел, почувствовал, что совершил нечто непоправимое. И все-таки нашел в этот момент способ еще усилить обиду. Я потянул сбившуюся в углу кровати простыню и накрыл ею Леру до подбородка. Этим я дал ей возможность взглянуть на свой вид внезапно протрезвевшими глазами.

По ее щекам заструились слезы. Я наконец понял, что натворил, и испугался отчаянно.

После этого часа два, не останавливаясь, я голосом, вызывавшим у меня самого отвращение, толковал о своей ответственности, о том, что пожениться мы не можем, что ей восемнадцать лет, а мне всего девятнадцать... Что у нас нет ни денег, ни жилья... Что мы должны хорошенько проверить себя... Мне и сейчас не по себе от этих воспоминаний. Как глупо все это звучало! Что я нес! Никто мне руки не предлагал и жить в их квартире не приглашал. Не об этом шла речь, и не в этом было дело. Действительно, если бог захочет наказать, то отнимет прежде разум...

Лера сказала только одно:

— Больно. Что-то во мне оборвалось.

Больше в эту ночь мне от нее не удалось услышать ни слова.

Я вернулся домой напуганный до предела. Земля уходила у меня из-под ног. Я просто не представлял себе, как смогу обходиться без Леры, если что-нибудь... В конце концов я мысленно прикрикнул на себя: «Мужик ты или баба?! Распустил сопли!»

Представьте себе, я по-прежнему был убежден, что поступил как положено. Порядочность должна даваться с болью и потерями, иначе это никакая не порядочность, а один только камуфляж...

Остаток ночи я проворочался за шкафом на своей спартанской койке и наконец под утро нашел, как мне казалось, достойный и мужественный выход. Я понимал, что загнал нас с Лерой в

тупик: продолжать обниматься как ни в чем не бывало мы больше не сможем, а на повторение вчерашнего в обозримом будущем я могу не рассчитывать.

Утром я еле дождался девяти часов и пришел к Лере. Она встретила меня спокойно, чересчур спокойно. Позволила себя поцеловать, но на поцелуй не ответила. Я сразу перешел к делу. Я сказал, что хочу уехать послезавтра с нашим стройотрядом на целину на полтора месяца. Мы проверим себя, — ведь до сих пор мы не расставались ни на день. Я подзаработаю денег, а по возвращении, если она не отвергнет моей руки и сердца (я так красиво и выразился: «руки и сердца»)… Но Лера не дала мне закончить фразу:

— Там видно будет. А я съезжу к маме в Москву.

— Ты так решила?

— Да, так будет лучше.

…Через день я уехал со стройотрядом.

Я регулярно звонил Лере домой, но никто трубку не поднимал. Признаюсь, меня все-таки пугало мое предложение руки и сердца, правда, не до конца прозвучавшее. И эти опасения помогли относительно легко перенести разлуку. Я думал, будет тяжелее…

А по возвращении я узнал, что Лера перевелась в Московский инженерно-строительный институт и переехала жить в Москву. Целых две недели я бодро напевал некогда популярную песенку о том, что «милая покинула меня»:

Весел я, теперь смеяться можно,

Весел я, мне стала жизнь дороже.

Я вечерами снова с друзьями,

Некуда спешить мне больше.

Честное слово, счастья такого

Мне бы как можно дольше.

Весел я…

А на третью неделю впал в ужасную депрессию. Я даже не представлял себе, что может быть так больно. Наверное, полгода с раннего утра я ждал — не мог дожидаться, когда наступит вечер и можно будет улечься в кровать, чтобы сон принес успокоение. Я не преувеличиваю ни на гран.

Но в Москву не поехал — и проситься не стал. Я знал Лерин характер и знал, что если она не сообщила мне ни слова — значит, это конец. Мучить и унижать ее и себя не было смысла.

Так светлая полоса почти без перехода превратилась в черную.

…Говорят, что человек — творец своего счастья. Или кузнец своего счастья. По-моему, ни то, ни другое не верно. Отковать счастье нельзя. В наших силах при настойчивости и желании добиться успеха, славы, денег, даже удачи. Но не счастья. Счастье — это подарок судьбы. Я в этом уверен. Но зато вполне в силах человека этот дар судьбы разрушить. Что мы слишком часто и с большим успехом делаем.

Смутное время

Следующий блок воспоминаний был каким-то серым и мутным. Как и время, которое он охватывал (не случайно я назвал его смутным). Я имею в виду период до начала перестройки. В этот период заканчивалась моя шлифовка в качестве советского итееровца с последующим запуском в «трудовую деятельность» - так это времяпрепровождение тогда называлось..

Всем воспитанием и даже генами, полученными от родителей, мы были подготовлены только к одному — терпеливо протирать штаны в какой-нибудь проектной организации или конструкторском бюро. А самые пробивные из нас — тоже протирать штаны, но при этом еще готовить бесполезную диссертацию в НИИ. Этих бюро и НИИ по стране развелось как грибов после дождя. Мы не были обучены добывать себе деньги на пропитание, мы умели только терпеливо ждать полочки и аванса, а также повышения по службе. Всю свою жизнь мы должны были вращаться в «интеллигентном обществе», то есть общаться с такими же протирателями штанов. Нас готовили к судьбе многомиллионной армии совслужащих, которые ошибочно считали себя интеллигенцией.

Мы заранее с этим смирились — надежд на то, что в нашей вечной государственной системе что-то может измениться не было никаких.

И внезапно — уверяю вас, это было совершенно неожиданно, — вся страна (а вместе с ней и наше поколение) была безжалостно брошена в мутный и беспощадный поток перестройки.

Нам досталось по первое число. Я понимаю, что людям постарше тоже пришлось несладко, но пусть они сами рассказывают об этом. Я пишу о себе.

Итак, о немногих годах до перестройки. В предыдущей главе я остановился, кажется, на втором курсе института? С этого места и продолжу.

Институт прошел без происшествий. Учился я неплохо, но как-то без огонька, без интереса. Интерес мой был в другом, и он уехал в Москву. Я очень долго не мог прийти в себя от этой потери, а полностью не отошел и по сей день. Все девушки тогда были для меня на одно лицо. И произошло то, что и должно было произойти. Александр Сергеевич Пушкин оказался и здесь гениален, как и во всем остальном. Вы, разумеется, помните: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей»? Так как трудно было любить женщин меньше, чем я, то соответственно возрос мой успех у слабого пола. Даже неутомимый ходок Сеня Альтман диву давался.

— У тебя прорезался отличный бросок, — он часто пользовался баскетбольными словечками. — Ты попадаешь в корзину с любой дистанции и без подготовки.

Семен обычно первый радовался своим двусмысленным остроумиям. А иногда он задумчиво смотрел на меня и удивленно спрашивал:

— Чем ты их берешь?

Я в ответ пожимал плечами:

— Равнодушием, чем же еще.

Семен воспользоваться моим советом не мог. Его натура спринтера и авантюриста требовала действий. Он всегда наступал. Атаковал, тратил много сил и энергии. Результат бывал неплохой, но с очень невысоким коэффициентом полезного действия. И, конечно же, его раздражало, когда я, не прилагая никаких усилий, уходил с самой симпатичной девочкой в «неизвестном направлении» — так у нас называлась свободная Женькина квартира.

Лекции, свидания, экзамены, свидания, курсовые, опять свидания, производственная практика вперемежку со свиданиями и, наконец, дипломный проект. О дипломном проекте и его руководителе следует рассказать особо.

Леонид Михайлович Лихницкий был весьма заметной фигурой в институте. Он слыл высокомерным гордецом и аристократом. Согласно студенческой легенде, он был сыном высокородного польского пана, хотя впоследствии оказался самым натуральным евреем и по папе, и по маме, и по бабушке, и по дедушке. Его низкий бархатистый голос заставлял прислушиваться к каждому слову, а подчеркнутое спокойствие и холодная вежливость невольно удерживали людей на расстоянии. Я с ним был в очень хороших отношениях, и все мои сокурсники, боявшиеся Леонида Михайловича как огня, не переставали этому удивляться.

Объяснялось все просто: в свое время, то есть тогда, когда меня и на свете не было, очень перспективный и толковый студент третьего курса Леонид Лихницкий ухаживал за первокурсницей Симой Натанзон. Но она предпочла некоего Сергея Маркова. Когда я удивленно спрашивал, как она могла отказать такому неотразимому аристократу, мама отвечала, смеясь:

— Ты не видел Маркова, тот еще был пройдоха!

Она ласково трепала мои волосы и шуточно подкалывала:

— Вот чьи гены в тебе играют, — намекая на череду девиц, с которыми не успевала толком познакомиться.

Разумеется, дело было не только в сохранившейся на годы дружбе Леонида Михайловича с мамой. Он мне нравился сам по себе. За этой холодной внешностью, как обычно пишут в романах, скрывался добрый, порядочный и умный человек. У него был один, но очень существенный для жизни недостаток — он не считал нужным принуждать себя идти навстречу людским слабостям. «Принимайте меня таким, каков я есть, не устраиваю — дело ваше».

Он получил докторскую степень без защиты диссертации за работы по сверхтекучести в магистральных водопроводах. В нашем институте многие начальники и начальнички не любили излишне самостоятельного преподавателя и урезали фонды на опытные и конструкторские разработки по его тематике. В соответствии со своей жизненной философией Лихницкий не стал надрываться и налаживать контакты, а гордо отошел в сторону. «Не хотите — вам же хуже». Хуже было ему — тему заморозили.

Я был в курсе этой истории, потому что последний год перед защитой дипломного проекта подрабатывал в научно-исследовательском секторе на кафедре у Лихницкого и принимал посильное участие не только в опытах, но и в некоторых расчетах. Для надежной практической проверки нужны были деньги и трубы из гидрофобной пластмассы, которые изготавливались только за границей. Не нашлось ни того, ни другого. Короче говоря, произошла обычная для Советского Союза история — вместо полезного открытия появился мертворожденный отчет по кафедре, несколько бесполезных патентов и парочка теоретических, не подтвержденных надежными экспериментами статей. Я, может быть впервые в жизни, проявил независимость и пошел против течения — попросил дать мне для дипломного проекта тему, основанную на разработках Лихницкого. Она звучала так: «Пластичный магистральный водопровод Баку — Шевченко по дну Каспийского моря». Леонид Михайлович предупредил меня, что у приемной комиссии будут возражения, но я был убежден, что справедливость на нашей стороне, и правдолюб во мне победил конформиста.

Возражения, разумеется, у комиссии были, и главное из них — наши советские инженеры должны прочно стоять на земле, а не витать в облаках. Леонид Михайлович сдержанно и аристократично то бледнел, то краснел, но в дискуссию не вступал. Он был выше этого. Наверно, из-за его сдержанности, поняв, что скандал не состоится, члены комиссии сжалились надо мной и поставили четверку. Я не очень из-за оценки огорчился, но на ус намотал: не высывайся!

После окончания института я поддержал семейную традицию и, не мудрствуя лукаво, поступил на работу в проектный институт водоканалтреста. Как и положено советскому инженеру, после окончания института я получил оклад сто пятнадцать рублей в месяц минус вычеты, в том числе за бездетность. Передо мной открывались широкие перспективы: в сорок семь лет Серафима Исаевна Натанзон получала аж сто тридцать рублей, а в пятьдесят пять лет Григорий Ефремович Гомуля, как я уже упоминал, на двадцать рублей больше. Но до Гомули дорасти мог далеко не каждый. То есть при большой удаче и усердии лет через тридцать маячили тридцать пять рублей прибавки к зарплате! Ура!

Прожить на сто рублей чистыми в месяц было бы невозможно, если бы на эти мизерные деньги можно было что-нибудь купить. Но так как в магазинах было пусто, а умением доставать по знакомству отличался не каждый, это облегчало дело.

Радовало только одно — я стал единоличным хозяином комнаты, которую прежде делил с сестрой. Натка сразу после окончания школы ушла жить к своей бабушке — матери дяди Гриши. С ней никто не спорил и не пытался ее отговаривать, но вовсе не потому, что такое решение всех устраивало. С Наткой спорить было в принципе невозможно, и никто в доме уже давно не пытался это делать. С детства она была удивительно самостоятельной девочкой, решения принимала раз и навсегда. Эти решения, надо признать, были всегда трезвыми и разумными, так что и необходимости в споре, как правило, не возникало. А если добавить сознание бесполезности дискуссии... Она по-прежнему больше общалась с дядей Гришей, но он постепенно перешел на позиции верного оруженосца. Я называл ее «наша эмансипе» и относился к ней тепло. Но, должен признаться, она меня к себе не подпускала.

Своя комната всех вопросов не решала. Воспитанный в пуританских традициях, приводить к себе женщин я не решался. А к Женьке совсем некстати возвратились с Севера разбогатевшие родители. Поэтому, учитывая мои далеко не пуританские наклонности, мне, как и Семену, частенько приходилось озабоченно рыскать по городу в поисках пристанища.

Семен остался маяться в институтской аспирантуре. Ему приходилось корпеть над диссертацией, а все эти отчеты, графики, аккуратное переписывание с одной бумажки на другую были для нашего спринтера как острый нож в сердце. Зато декан факультета гражданского строительства сиял ослепительно-белозубой голливудской улыбкой. Я был уверен, что Семен в аспирантуре долго не продержится, и оказался прав.

У него на работе было только одно, но весьма ощутимое преимущество — довольно-таки свободный режим. И Семен стал частым гостем нашего проектного бюро. Через год он был знаком со всеми нашими сотрудниками, пожалуй, ближе, чем я. Его контактности можно было только позавидовать. И я завидовал от души. Нельзя сказать, чтобы я был слишком замкнутым, но... Что-то такое было. И особенно это было заметно рядом с моим неутомимо-общительным другом. Верочка говорила, что мы удачно дополняем друг друга.

С огромным удовольствием я расскажу о Верочке. Она тоже занимает особое место в моей жизни.

Я не слишком быстро сходилась с людьми, но Верочка стала исключением. Известно, что есть любовь с первого взгляда. У нас была дружба с первого взгляда. Несмотря на разницу в возрасте (а ей было почти тридцать лет — в мои годы разница ощутимая), мы сразу почувствовали себя на равных. И с первого же дня я стал называть ее Верочкой. Впрочем, Верочкой называли ее все, кроме начальства. Все замы и завыв уважительно величали ее Верой Николаевной. Она, несмотря на свой относительно молодой возраст, занимала должность старшего экономиста.

У нее было доброе и круглое лицо, немного полноватая фигура и такие же пухлые ножки. Не правда ли, по описанию она напоминает мою и Лерину институтскую подружку Танечку? Это не случайно: Вера и Таня принадлежали к одному типу людей. И не только внешне.

Из восьми часов работы я, наверно, час ошивался возле Верочки. Все равно деваться было некуда — курить я так и не пристратился, а работать никакого смысла не было.

Я рассказывал ей о своих похождениях, делился сомнениями. И отчаянием, которое постепенно овладевало мной. Куда я иду, что будет, сколько можно так жить?

Верочка была замужем. Муж ее плавал старшим механиком на каком-то судне и подолгу бороздил моря и океаны. В наших с ней разговорах он неизменно присутствовал под кличкой «мой дед». «Мой дед говорит...», «мой дед считает...», «мой дед повезет нас с Сережкой...» Сережка был их пятилетним сынишкой. Первое время я не понимал, почему она мужа так называет, и представлял себе «деда» в виде эдакого коренастого, пожилого, загорелого и просоленного всеми морскими ветрами мужичка. В какой-то степени это недоразумение оказалось причиной нашей единственной за двадцать лет размолвки.

В первый год знакомства, на праздновании Восьмого марта — самого веселого и разухабистого праздника совслужащих, я немного перебрал горячительного. За столом я сидел, разумеется, рядом с Верочкой и, избалованный, честно говоря, вниманием женского пола, позволил первый и последний раз в жизни вольные мысли по отношению к ней. Тем более что «мой дед» в тот вечер не сходил у нее с языка. Наверно, именно в этот праздник она особенно чувствовала свое одиночество, и я по-своему решил оказать посильную помощь тоскующей женщине. То, что я пошел ее провожать, никого из нас уже не удивило, но мои настойчивые попытки зайти к ней в дом, сопровождаемые недвусмысленными телодвижениями, расстроили Верочку до слез.

— Юра, я к тебе очень хорошо отношусь, ты знаешь. Как к другу. И одной мне бывает нелегко. Но я очень люблю своего мужа, — по-моему, она впервые назвала его мужем, а не «дедом», — и никто другой в этом смысле мне не нужен. И никогда не будет нужен. Юрочка, иди домой. Зачем ты так... Все было так хорошо...

И она поцеловала меня в лоб. Почему-то она время от времени целовала меня в лоб. Это было моей привилегией. Я готов был сквозь землю провалиться. Прекрасная женщина, хороший друг. Куда меня понесло?..

В первый же рабочий день после праздника я поплелся к ней, придумывая на ходу извинения. Но Верочка меня опередила:

— Что, местный сердцеед, пришел оправдываться? — и она от души засмеялась. — Ты бы видел свое изумленное лицо, когда тебе отказали! Не привык?

Она негромко, но заразительно продолжала смеяться, а следом с облегчением заулыбался и я.

А спустя некоторое время она познакомила меня с «дедом», который оказался здоровенным белобрысым детиной, что называется кровь с молоком, примерно одного с Верочкой возраста. Оказалось, на флоте стармеха зовут «дедом» независимо от возраста. Но мне-то откуда это знать? Впрочем, дружбе нашей это не помешало. Наверное, правда, что женщину приставанием нельзя обидеть по-настоящему, в этом деле главное — не перегибать палку...

Ничего хорошего, кроме дружбы с Верочкой, из четырех с лишним лет, проведенных в проектно бюро, я вспомнить не могу. К этому времени экономика страны, прихватив с собой и нашу организацию, тихо, но уверенно опускалась на дно. Один прогрессивный почин в печати сменялся другим, а на витринах магазинов постепенно остались только ужасного вида консервные банки и неходовые товары. О работе перестали не только думать, но даже говорить. Один за другим умирали генсеки, на их место, как говорилось в анекдоте, не приходя в сознание, становились точно такие же: Брежнев, Андропов, Черненко... кто следующий?..

Маразм крепчал. Он спускался сверху и оказался очень заразным. Вся страна выглядела как ее руководитель. Да и как могло быть иначе, если взрослые и, казалось бы, нормальные люди на

собраниях и совещаниях мололи такую чушь, что граница между слабоумием и здравым смыслом полностью размывалась...

Я думаю, что в такой, казалось бы, отчаянной ситуации не ощущалось страха перед будущим только по одной причине — все происходящее было на уровне какого-то низкопробного водевиля. Это был не Шекспир с «Ричардом Третьим», а Софронов со «Стряпухой замужем». Перефразируя известные строки, все это было бы грустно, когда бы не было так смешно.

Это было полное разложение, и я не перестаю удивляться тому, что многие со вздохом вспоминают «прошлое, в котором было много хорошего». Где они это хорошее все же находят, хотел бы я знать?

Да, на водку хватало, а если не хватало, то гнали самогон. С закуской было намного хуже. А нам высшее образование мешало выпивать в подьезде на троих «из стакана». И все-таки общая обстановка и витавший по стране запах перегара делали свое дело. Самым главным стимулом «для взбадривания» была твердая уверенность в завтрашнем дне, в том, что он будет несколько не лучше предыдущего. Мама, которая почти никогда нам, детям, не делала замечаний, как-то вынуждена была сказать:

— Юра, не слишком ли часто от тебя пахнет алкоголем?

Мне кажется, я бы в конце концов мог пристраститься к зелью, если бы не Семен. Говорят, что евреи не пьют. Пьют, и еще как! Но у них — или у нас, если хотите, — есть врожденный страх перед алкоголизмом. И когда наступает опасный момент, среднестатистический еврей обычно пугается перспективы стать алкоголиком — и отступает. Если это еврей обрусевший, то он так и продолжает всю жизнь танцы на этой демаркационной линии. Моя натанзоновская половина была ослаблена Марковым, поэтому я мог бы начать принимать на грудь больше положенного. Спасибо чистокровному (мы часто острили на эту тему) Семену, который буквально шараялся от спиртного, как только ему начинало казаться, что мы злоупотребляем и привыкаем. А так как чаще всего после работы мы с ним были вместе, то он оттаскивал от таких компаний и меня.

— Жениться тебе надо, — не то в шутку, не то всерьез говорила мама.

И глазила. Я действительно женился. Почему я это сделал, понять толком до сих пор не могу. Наверно, меня очередной раз потянуло поступить как все.

Не стану утверждать, что Валя Краснова мне не нравилась. Она просто не могла не нравиться. Это была очень красивая девушка, с отличной фигурой, удивительно похожая на Мэрилин Монро. Сходство бросалось в глаза, только Валя была еще красивее. Поверьте, я несколько не преувеличиваю. При таких внешних данных она была далеко не глупа и, что еще удивительнее, несмотря на все это, оставалась довольно-таки приличным человеком, не вздорным и не чересчур требовательным. Согласитесь, что такое сочетание в одной женщине встречается очень редко. Единственный, с моей точки зрения, недостаток — моя бывшая жена была малоэмоциональной и излишне рассудочной. А может быть, есть более простое объяснение, может быть, она просто-напросто ко мне, именно ко мне относилась с прохладцей? Правда, я по-прежнему все сравнивал с вулканом первой любви, которую с годами в воображении еще больше расцвел... Но ведь и я был мало похож на того доисторического Юру, так что мне тоже не стоило слишком обижаться...

Мы познакомились с Валею на новогоднем вечере. Это был канун 1987 года — последнего года относительно мирной жизни. Вечер совместно проводили наше бюро и проектный институт гражданского строительства. Валя была представителем гражданского строительства. Думаю, она на этом вечере кокетничала со мной в отместку кому-то, — я так и не поинтересовался, кто это был. Но и я ухаживал за ней тоже назло — ей-богу, не помню уже кому. Так что мы были квиты.

После Нового года мы стали регулярно встречаться. Нам было хорошо друг с другом. Легко, спокойно. Я даже не ревновал ее, несмотря на бешеный успех, который сопровождал ее появление в любой компании. Я был уверен, что никто ее особо не интересуется, — такие вещи чувствуются очень хорошо. Единственное, что меня смущало, — я не всегда понимал, как она относится ко мне. Но когда мы оставались наедине, особенно на ночь, она говорила, что хорошо. Бродить по городу в поисках квартиры было утомительно, и я потихоньку стал приучать домашних к тому, что Валя остается у меня. Скорее я приучал себя, — мама была только рада тому, что у меня наконец появились стабильные отношения.

Спустя несколько месяцев Валя попала. Все женщины знают, что означает это слово — попала. Делать аборт она не хотела. Боялась. У близкой ее подруги были неприятности по этому поводу, подруге грозила опасность остаться бездетной. Все это Валя сообщила мне ровным и спокойным голосом однажды вечером в моей каморке. Мы посмотрели друг на друга и молча

приняли решение. Мне было почти двадцать семь, ей было почти двадцать шесть. Ждать чего-то особенного не имело смысла. Она была хорошим и порядочным человеком, надеюсь, что обо мне она думала точно так же. Я сказал (это и было признанием в любви и предложением руки и сердца), что нам вдвоем будет гораздо лучше, чем болтаться по жизни каждому в отдельности. А про себя подумал: хорошо, что родители ее живут не близко, в небольшом городке за 250 километров от нас, — это немаловажно. У нее тоже был свой аргумент: сколько можно менять съемные квартиры?

И все-таки думаю, что основную роль в этом решении сыграл ребенок: я чувствовал свою ответственность. Можно было настаивать на аборте, но это не соответствовало моральному кодексу советского человека, парня прямого и честного, не негодя и не проходимца какого-нибудь...

Короче, по вполне понятным причинам мы не стали тянуть со свадьбой. Торжество было скромным, но приятным и теплым. Верочка прослезилась, Семен — вы не поверите — тоже, правда, после неподъемных доз спиртного. Мама была счастлива, дядя Гриша доволен, Натка была полна иронии по отношению ко мне и не скрывала восхищения Валиной красотой. С ее точки зрения, это был мезальянс не в мою пользу.

И мы с Валею стали жить-поживать да добра наживать, как говорится в сказках. Но сколько можно нажить добра на 210 рублей чистыми в месяц на двоих? А тут еще ожидалось прибавление семейства. В свое оправдание скажу, что не бил баклуши, а четыре раза в неделю подрабатывал по вечерам у дяди Фили. Но благополучия и покоя в нашу молодую семью мои старания не принесли.

Наши проблемы были не в этом. Не зря говорят, что не в деньгах счастье. То есть, конечно же, деньги — вещь не лишняя, но несчастье чаще всего не в отсутствии денег, а в нас самих. И если это несчастье в нас есть, то и деньги ничего не исправят. Мы с Валею не смогли найти контакта, мы оказались несовместимы. Пока жили порознь и только встречались, это было незаметно, но в одной комнате мы непрерывно создавали взрывоопасную ситуацию. Нет, не скандалили, — мы оба были людьми сдержанными, но внутреннее напряжение нарастало. И главное — мне не удавалось понять, чего она хочет и что ее не устраивает. Можно было все отнести на счет естественной при беременности раздражительности, но в глубине души я сознавал, что, к сожалению, дело не только в этом. Я ее искренне жалел и хотел успокоить. Но все получалось невпопад. И однажды она сорвалась и сказала: «У меня на тебя аллергия». Крепко сказано, не правда ли? Эта фраза до сих пор звучит у меня в ушах. Я понимал, что есть и моя немалая вина в этом напряжении, — ведь все, что я делал, шло от головы, а не от сердца, — но легче от моего понимания ни мне, ни ей не было.

Не буду затягивать эту невеселую историю. Когда сыну исполнилось всего два месяца, Валя объявила мне, что Додик Рашковский, назло которому она стала со мной встречаться, зовет ее обратно.

— Я так, — и она обвела глазами мою комнату, — всю жизнь жить не хочу. А ты, Юра, будешь всегда жить так, а не иначе. Ты хороший человек, и я тебя ни в чем не виню. Но это все не мое. Я возвращаюсь к Давиду, и мы эмигрируем в Америку.

Я подписал «вольную» моему Леньке и безропотно согласился на развод.

Через три месяца они уехали в Америку, и больше я их не видел. Знаю понаслышке, что живут они безбедно и счастливо. И слава богу.

Я не смог по-настоящему полюбить Валею и не успел привязаться к своему сыну, но их уход пережил тяжело. Снова в личной жизни меня настигло сокрушительное фиаско. Да, я нравился женщинам, некоторые даже влюблялись в меня. Это я знал. Но все заканчивалось где-то на границе развлечения и настоящей жизни. Наверно, я пустоцвет, наверно, я не способен дать счастье другим. Это были тяжелые мысли и очень нелегкий период. Опять в моих привычках Марков стал одерживать верх над Натанзоном, и Семену снова стало нелегко вытаскивать меня из всяких сомнительных компаний. Но за демаркационную линию мы вместе с Марковым так и не зашли. Не было все-таки у меня внутри этой слабости.

Особую благодарность за возвращение к трезвому образу жизни я должен выразить Михаилу Сергеевичу Горбачеву, который пришел на смену престарелым вождям. С его появлением началась такая свистопляска, что стало не до алкоголя. Надежда, на отсутствие которой я вам жаловался, не просто появилась — она вспыхнула буйным пламенем и охватила всех. Начиналась знаменитая перестройка.

Жизнь сделалась не только интересной, но и непредсказуемой. И самым неожиданным в этой перестройке стали ее результаты: чем больше было решительных преобразований, чем больше было надежд и энтузиазма, тем с большей скоростью разваливалась экономика.

Не буду подробно влезать в историю того периода — я взялся рассказывать о себе. Но хотя бы в общих чертах напомним ситуацию, иначе будет непонятно, как мы (конкретно мы — я и Семен) практически были выброшены на улицу. У нас в бюро начались сокращения. Оказалось, что с той работой, которую с блеском выполняла наша организация, состоящая из трехсот человек, свободно могли справиться двадцать пять опытных и работающих сотрудников. Я не был ни тем, ни другим. Если добавить к этому, что начатые до перестройки траншеи для водопровода и канализации стали зарастать травой, то можно представить себе все остальное... А Семен с привычной образностью обрисовал ситуацию в их научно-исследовательском секторе:

— У нас в аспирантуре остались или идиоты, или кандидаты. А чаще и те и другие по совместительству.

Мы решили не дожидаться, пока нас выгонят. Тем более что даже наши совсем уж символические зарплаты стали выплачивать с перебоями. И тогда осенью 1988 года состоялся наш исторический совет, которому Семен присвоил громкое название «Совет с Филей».

Инициатива собрать совет и пригласить на него дядю Филю принадлежала Семену. Впрочем, ему принадлежали все или почти все инициативы в нашем тандеме — особенно в первые годы.

Совет с Филей

Совет состоялся в моей комнате. Мы с Семеном устроились на новом раскладном диване — предмете особой гордости и единственной мебели, которую я приобрел за время работы. Дядя Филя уселся в потертое кресло для почетных гостей. Впрочем, других кресел в моей комнате не было. Между нами мы привычно установили легкий столик, который десять лет исправно служил то письменным столом, когда стоял у окна, то фуршетным, когда располагался, как сейчас, у дивана.

Дядя Филя был поджарым, довольно молодежавым для своего возраста и, в отличие от своего племянника, молчаливым человеком. На этом совете он говорил только одно слово — да. Семен вначале развлекал нас светской беседой и разливал предусмотрительно купленный армянский коньяк три звездочки: дядя Филя был обрусевшим евреем — обрусевшим в смысле уважения к алкоголю. Мне казалось, что его время от времени забрасывало далеко за демаркационную линию. Но руки у него были золотые, и, наверно, не было в мире вещей, которых он бы не смог сделать этими руками. Дает же бог людям такой талант! Им никакой бизнес, никакая удача в жизни не нужна. И никакой строй не помеха. Я таким людям завидую от всей души...

Наконец Семен перешел к делу.

Если заглянуть в суть этого дела, то наши проблемы были общими для широко распространенного при социализме многомиллионного класса — итээровцев, к которому, как я уже писал, мы с Семёном принадлежали. Аббревиатура ИТР — инженерно-технические работники — практически ушла из жизни за последние десять лет вместе с этими самыми работниками. Их осталось теперь так мало, что специального названия уже не требуется. А во времена моей молодости и мои родители, и почти все друзья и знакомые моих родителей, и мои друзья, и большинство родителей моих друзей были этими самыми итээровцами.

Мы, разумеется, в философские глубины влезать не стали, а дружно констатировали печальный факт: наша профессия становится совершенно невыгодной и неперспективной. Тогда мы еще не знали, что через два-три года останутся едва ли не большинство заводов и фабрик, развалятся почти все проектные и конструкторские бюро. Но суть уловили верно: будущего на этом пути нет. Я огорченно покивал головой, но никаких здравых мыслей у себя не обнаружил. А дядя Филя сказал свое веское «да» и осушил рюмку армянского коньяка. Его эти проблемы не слишком касались, но нам он сочувствовал.

И тогда Семен перешел к практическим предложениям.

— Юрка, если мы не хотим в сторожа или в бомжи, то просто вынуждены пойти в бизнес. Больше податься просто некуда. Нас туда загоняют палками, разве ты этого не видишь? И идти нужно сейчас, как можно быстрее. Как говорил незабвенный Ильич, сегодня рано — завтра будет поздно. Желających с каждым днем будет все больше и больше. Затопчут.

Конечно, Семен, как обычно, нагнетал ажиотаж, но я понимал, что он прав на все сто процентов. Протирать штаны в бюро становилось не просто невыносимо, но и бессмысленно. Никакой другой мало-мальски технической работы не видно было даже в обозримом будущем. Нас прямо-таки толкали в бизнес, который тогда казался нам видом бандитизма — правда, легального. Впрочем, не только казался, таким он и был на том этапе — рискованной полукриминальной деятельностью. Таким он остался надолго. Нужно признать: прижми нас немного — мы бы и в обычные бандиты могли податься, если бы не оставалось другого выхода. Расписаться в своей никчемности и беспомощности и оставаться так называемыми специалистами, нищими париями, нам, молодым и энергичным, не хотелось. Но еще страшнее было влезать в дела, о которых мы никакого понятия не имели и к которым — я это чувствовал нутром — не были подготовлены ни в малейшей степени! С какого боку за это братья?

— Ни в строительстве, ни в водопроводе мы ничего не стоим. Нам там грош цена в базарный день. Там не пробьемся.

Я согласно кивнул. Не пробьемся. А дальше что? По тому, как Семен взъерошил волосы и откинулся на диване, я понял, что ему уже надоело рассусоливать, и он решил огорошить меня эффектным ходом. Так и было:

— Мама согласна одолжить нам денег для покупки Фибиной мастерской и для открытия своей фирмы!

Я остался сидеть с открытым ртом. Семен, довольный произведенным эффектом, радостно захохотал, разлил остатки коньяка из бутылки и немедленно открыл новую. Было ясно, что совещание затягивается.

Закончилось оно в третьем часу ночи только после того, как мы прикончили третью бутылку коньяка. Учитывая символическую закуску (были только конфеты «Южная ночь» и один лимон), наш боевой настрой к концу вечера вырос неимоверно. При последнем госте были отброшены все сомнения и принято окончательное и бесповоротное решение: мы с Семеном становимся совладельцами нового частного предприятия под скромным названием «Кухня».

Дядя Филя в ответ на мое предложение возглавить мастерскую посмотрел на меня как на идиота, и я неловко извинился. Конечно, я его обидел. Человеку, имеющему на руках сколько угодно надежных специальностей, позориться как какому-то безродному инженеру? Зачем ему все эти хлопоты?!

— Филя будет нам помогать, — пришел мне на помощь Семен.

— Да, — дядя Филя был незлопамятным и быстро простил мою оплошность.

На следующее утро я в ознаменование полной свободы и независимости не пошел на работу и, до обеда лежа в постели, обдумывал ситуацию, а заодно пытался утрясти тот сумбур, который остался в памяти после вчерашнего бурного обсуждения.

Все, насколько я понимаю, выглядело так.

Мама Семена имела довольно приличные сбережения (вы помните ее профессию и популярность?). И отец, человек очень тихий и скромный, настолько тихий, что у меня — заметили? — даже не возникло потребности его упомянуть, был довольно приличным гинекологом. Словом, деньги у них в семье были. Мать Семена обслуживала в основном элиту и, кроме неплохих доходов, имела связи в верхах и надежные источники информации. Эти источники сообщили ей, что уже начавшаяся девальвация будет стремительно раскручиваться и деньги неминуемо превратятся в ничего не стоящие бумажки. Их немедленно нужно куда-то или во что-то вкладывать, пока не поздно. Какую-то часть запасов, сейчас я подозреваю, не слишком большую — сто тысяч рублей (тогда за них можно было купить две довольно новые автомашины «Волга»), она решила вложить в нас. Это было более чем своевременно. Через год за эти деньги можно было купить в лучшем случае одни потрепанные «Жигули».

Было еще одно обстоятельство, о котором я тогда ничего не знал. О таких вещах в те времена не рассказывали никому, даже самым близким людям. Альтманы решили эмигрировать в Германию. У них там с 1974 года, со времен первой, разрешенной Брежневым, видимо, тоже в приступе амнезии, волны эмиграции, жили близкие друзья и даже дальние родственники. Но Семен отказался уезжать наотрез. Насколько я понимаю, до перестройки он бы уехал не задумываясь, потому что вся наша система, косная и неподвижная, у него вызывала отвращение. Он относился к советской власти куда агрессивнее, чем я, несмотря на то, что приспособились Альтманы к ней значительно лучше. Тут все зависело от темперамента. Но перестройка и последовавшая за ней неразбериха совершенно изменили настроения Семена. Здесь, у нас, открывалось такое поле деятельности, о котором наш энтузиаст и авантюрист даже мечтать

раньше не мог. По сравнению с этим сытая и во всем упорядоченная Германия издалека казалась пресной и скучной.

Словом, ехать Семен отказался, но попросил выделить ему часть наследства звонкой монетой. И тогда на семейном совете был найден тот компромисс, о котором Семен нам сообщил. Альтманы любили свое единственное чадо, и к тому же, как они сами мне признавались впоследствии, переправлять все имущество и ценности за границу было опасно, так что вариант выглядел неплохо со всех сторон.

Но я всего этого тогда не знал и ни о чем подобном не думал. Я валялся на своем новом диване, предавался розовым мечтам и был благодарен родителям Семена как рождественскому Деду Морозу. Я давал себе клятву в кратчайшие сроки вернуть им эту ссуду с процентами. Кстати сказать, единственными займодавцами, которым мы полностью, и даже с лихвой, вернули деньги, были родители Семена. Они в нас не ошиблись. Правда, произошло это не так скоро, как рисовалось в тот день в мечтах лежа на диване.

Кстати сказать, мама не возражала против моих новых планов, но отнеслась к ним довольно равнодушно. И только позже я понял — почему. Они с дядей Гришей, вдохновляемые решительной Наткой, мысленно уже были в Америке. И не сомневались, что я уеду вместе с ними. Может, так бы и случилось, если бы передо мной неожиданно не открылись новые горизонты.

Начало карьеры

*Д*ля первопроходцев перестройки открытие частного бизнеса было настоящими джунглями. Неясно было, как оформляться, как называться, кому и сколько официально платить. Но зато с первого дня было совершенно ясно одно — кому нужно платить неофициально. Всем! Абсолютно всем!

Не так давно президент Путин, объясняя, почему он отдает под суд очередного еврей-олигарха, спросил у журналистов: разве можно честным путем за несколько лет заработать так много миллиардов? Вопрос прозвучал невероятно наивно, и Путин это понимал лучше многих других. Говорю со всей ответственностью: на постсоветском пространстве до сих пор честным путем в бизнесе нельзя заработать ничего. Миллиард, миллион или сотня долларов — только вопрос масштаба. Технология абсолютно одинаковая, как при сложении столбиком: рубль пишем, два в уме.

Сознание того, что я за один день превратился из законопослушного гражданина в злостного нарушителя, отравляло и до сих пор отравляет мое существование в качестве бизнесмена. Мы никогда не брались за незаконные дела — я был слишком труслив для таких авантюр (мама говорила — слишком хорошо воспитан, но, по-моему, это одно и то же). Но ни одно из вполне законных и легальных дел нельзя было с места сдвинуть, не нарушив десяток-другой инструкций, правил и уложений о преступлениях и наказаниях. Так все было обставлено. И в результате нарушался опять-таки закон о даче взятки должностному лицу, что и требовалось доказать. Самым веским доказательством наших преступлений было то, что мы все-таки работали и проводили сделки. Значит, виновны!

Мы распределили свои обязанности таким образом: я был исполнительным директором и подписывал все финансовые документы, а Семен взял на себя внешние связи. Я сам согласился на эту жертву, потому что поручить ему учет, ведение документов, отчетность значило обречь себя на полный провал.

Каждый из нас работал по призванию: Семен с утра до вечера носился по городу, завязывал контакты, выбивал заказы, разнохивал, где и что плохо лежит, и возвращался переполненный проектами и фантазиями. Я вел дела фирмы и пытался эти проекты и фантазии осуществить. К чести Семена надо признать, что «смазка» должностных лиц входила в его обязанности, и делал он это с легкостью и изяществом необыкновенным. У меня эти дела на первых порах шли из рук вон: перед тем как сунуть чиновнику наличные, я так пыхтел, краснел и напрягался от неловкости за нас обоих, что тот начинал испуганно оглядываться по сторонам, высматривая засаду... Но подписывал-то документы я, значит, мне и полагался первый срок. «Ничего, — радостно ржал Семен, — буду носить тебе передачи, пока сам не сяду!»

Деньги, одолженные нам родителями Семена, растаяли без следа на удивление быстро, можно сказать мгновенно. И вообще оказалось, что это вовсе не деньги, а, прямо скажем, гроши. Семен вынужден был пойти еще раз на поклон и попросить добавку. Нам дали еще столько, затем

еще полстолька, затем четверть столька... В конце концов его родители просто вынуждены были уехать, чтобы избавиться от прихлебал. Они эмигрировали, и мы остались наедине со стихией первобытного капитализма. Мы старались изо всех сил, но проклятые деньги таяли на глазах. И тогда мы забегали так, что под нами задымился асфальт.

В непрерывной, но малорезультативной суете как-то незаметно прошел год, за ним другой, потом и третий. В стране бушевали штормы и шквалы. Едва не произошел коммунистический переворот ГКЧП, развалился Советский Союз, отпустили цены, началась массовая приватизация, а мы все так же барахтались на мелководье — ни вперед, ни назад. Правда, набирались опыта, что немаловажно, зато упускали золотое время. Именно во времена смуты и возникали состояния, хотя многие из них тут же с треском лопались, как пузыри. Для больших денег нужно было иметь большие связи или не бояться никого и ничего, в том числе закона и уколов совести. То есть стоять близко либо к власти, либо к мафии. Впрочем, часто та и другая срастались, как сиамские близнецы.

И все-таки мы надежду не теряли. Подобно лягушке из притчи, мы взбивали молоко, надеясь получить масло — точку опоры, чтобы выскочить наверх. На нашем горизонте неминуемо должен был появиться какой-то счастливый случай. Я тогда еще не знал, что у этого случая будет фамилия Сазонов. Но твердо верил, что настойчивость и терпение должны принести плоды. Правда, Сеня больше склонялся к идее, что важнее всего вдохновение, натиск и... нахальство. Но на то мы и были тандемом, чтобы демонстрировать единство противоположностей.

А пока не появился Сазонов, мы занимались всем без разбору. Завозили из-за границы апельсины, трубы, детское питание, памперсы — все, что попадалось под руку. Мы брались за любую работу, не гнушались и быть «челноками». А чего стыдиться? В то время открыли, наконец, границы, и народы бескрайнего Союза ринулись «челночить». Просто мы были богатенькими «челноками» — владельцами двух машин. Но частенько к нашему транспорту приходилось добавлять собственные руки и плечи.

Сейчас, издалека, «челнок» звучит даже красиво и романтично. Что-то вроде освоения «дикого запада» — советский вестерн. Но никакой красоты, а тем более романтики, и в помине не было. Был тяжелый труд, неудобства, чаще всего грязь и пот, неоправданно высокий (а что делать?) риск. И почти всегда «челноков» сопровождал страх. Мы ехали всегда с товаром и деньгами. Нам запросто могли дать по голове и отобрать и то и другое по любую сторону границы. А уж на нашей стороне — легче легкого. Могли обмануть при сделке и всучить бог знает что. Но если ты избежал опасностей в дороге, то на границе тебя неминуемо поджидало самое страшное испытание — «однорукие бандиты». Так метко назвал пограничников и таможенников Семен. И это определение подходит к ним больше, чем к игральным автоматам. Потому что какие же эти автоматы бандиты? Играть ведь тебя никто не заставляет!..

Особенно мне жалко было женщин, потому что у них, кроме денег и товара, было еще кое-что, пользовавшееся успехом у одноруких и многоруких бандитов. По принципу *à la guerre comme à la guerre* — на войне как на войне. Это и была война, она только называлась иначе — перестройкой, а на войне женщины всегда расплачиваются за всех и за все.

В те годы на любом транспорте, пересекавшем границы, можно было увидеть женщин, перетаскивающих огромные сумки и чемоданы, без конца пересчитывающих их, запыхавшихся, отирающих обильный пот. А иногда и довольно внятно матерящихся. Да и как было не выругаться?! А ведь многие из них каких-нибудь два-три года назад чинно приходили в приличную и серьезную организацию, не торопясь приводили себя в порядок, болтали с коллегами, примеряли в туалете платья, что-то покупали... Словом, вели обычную трудовую жизнь — и думали, что так будет всегда. Как правило, это были разведенные женщины, которые не хотели кроме детей содержать еще и «этого пьющего паразита». И вот труба позвала в дорогу. Есть-то детям надо...

Примерно так сложилась судьба Алины, с которой я познакомился на одной из челночных операций — мы назвали её «Операция „Галифе“».

Операция «Галифе»

В один из безысходных дней, когда, казалось, не осталось даже проблеска надежды выбраться из долговой ямы, в офис влетел воодушевленный Семен. Состояние его прически указывало на то, что он открыл новое Эльдorado. Я слабо отреагировал на это, потому что Семен по несколько раз в день прибегал с воодушевленно выпученными глазами.

На этот раз он начал со стихов, что было необычно. В нормальном состоянии он говорил прозой.

— Я пришел к тебе с приветом...

— Вижу, что с приветом, — и я покрутил пальцем у виска.

— Не перебивай. Мы спасены!

— Да?..

Мой скепсис не подействовал на Семена.

— Да, именно спасены. Как там, не помню, начало... кажется, так: «Коли вдуть — так царь-девицу», — вроде так. Зато хорошо помню конец: «А украсть — так миллион». Хватит нам, как воробушкам, клевать по зернышку!

— Ты хочешь ограбить банк?

Семен радостно загоготал.

— Вроде того. Слушай сюда. Три часа тому назад я познакомился с генералом. Настоящий генерал, из оккупационных войск в Германии и Польше. Весь в орденах, уважаемый человек, хотя и жулик.

— Как, и ты...

— Ты можешь не перебивать?! Он бывший мамин клиент, поэтому проникся ко мне доверием. Знал меня таким, — Семен показал ладошкой сантиметра два от стола. — Короче, Федя. Советская армия, отступающая в плановом порядке с занятых позиций, продает партию роскошных полугалифе.

— Это еще что такое?

— Штаны такие. Уже не галифе, но еще не брюки. Сшили в свое время для дружественных армий, а те носить не захотели. Продают по бросовым ценам.

— Почему по бросовым? — Пока я был настроен скептически. — Товар ворованный?

— А как же! Других не держим. Наполовину ворованный.

— Я на ворованный не пойду.

— Так не мы же ворует.

— Значит, генерал не даст документов. Он же не дурак.

— Ха-ха! — радостно заржал Семен. — Я знаю, с кем имею дело. Ты же у нас голубой воришка. Нет, не буду тебя обижать. Ты у нас не голубой, чего нет, того нет. Ты застенчивый воришка. Альхен или Сашхен? Как там его у Ильфа и Петрова звали?.. Я все предусмотрел, — и он постучал себя по лбу. — Тухес надо иметь. Генерал продаст нам галифе на вес, как неликвиды. Понял — на вес! У себя он будет писать количество, это его дело. А нам в документах укажет точный и честный вес. И волки сыты (волк — это я), и овцы целы (овца — это ты).

— И что мы будем делать с этими кальсонами?

— Галифе! Га-ли-фе. Я советовался с Галкой Дроздовой. — Галя была довольно известным модельером. — Вот, она начертала своей собственной ручкой, в смысле рукой, — и Семен бросил мне на стол эскиз. — Ушьем в боках. Вниз вставим клин и получим роскошные новые клещи, какие сейчас в ходу. Ну, ты знаешь. Расхватывают за милую душу.

— Ну-у-у... — в моем голосе прозвучал интерес.

Семен откинулся в кресле, принял позу, — сейчас грядет апофеоз:

— Десять тысяч штанов. Или пар штанов, как правильно? Неважно. Отличный материал, чистая шерсть. Я прикинул: на каждой паре наш доход чистыми — чистыми! — минимум десять долларов. Думаю, больше. Думаю, пятнадцать. Умножай. Смекаешь?

Сто — сто пятьдесят тысяч долларов! Для нас тогда это была невероятная цифра.

Мои сомнения и скепсис как корова языком слизала. Сто пятьдесят тысяч убеждали лучше любых доводов. Тем более что с нашей стороны никаких незаконных поступков вроде бы действительно не просматривалось.

Уже на следующий день мы подписали договор с генералом, который выглядел как адмирал Нахимов, а торговался за каждую копейку как мелкий лавочник. Он мне сразу не понравился, но Семен наступил больно на ногу и прошептал в ухо, что детей крестить с ним не собирается. Ох, чуяло мое сердце, что хлебом мы с генералом горя...

На прощанье, узнав, что я еду поездом, генерал попросил привезти ему чемодан с личными (он так и сказал — «личными») вещами. Сам-де он отсюда летит в Берлин, ему неудобно...

Семен наступил мне на ногу, и я согласился. Мы отдали генералу аванс, остальное в рассрочку... впрочем, вам это вряд ли интересно. Осталось только наметить детали.

Склад продукции находился в небольшом городке в Польше, недалеко от Варшавы. Ввозить товар придется мне. Последние две ходки за границу делал Семен, так что очередь была моя. Но дело не только в этом. Нужно было с товаром пересекать польскую границу, а там, в Польше, не утихали антисемитские настроения. Делать им больше нечего, нет других проблем? Но как бы то ни было, а массовые симпатии и антипатии нельзя игнорировать — при переходе границы один только вид сбоку на нос Семена мог обойтись нам в кругленькую сумму. Наученные горьким опытом подобных, хотя и более мелких, операций, мы готовились тщательно и старались предусмотреть все возможное и невозможное. Переправлять груз через границы буду я, но Семен тоже прилетит в Варшаву, где предполагалась встреча с генералом. Мало ли что этот военачальник выкинет! Приедем мы туда на день раньше, чтобы исключить неувязки с транспортом. Я вынужден буду ехать поездами, потому что на авиарейсах в то время с провозом валюты было очень строго. В вагоне, где бродят полусонные пограничники, было намного проще. Словом, у нас уже была отработана технология... но подробности вряд ли вам интересны. И хотя мы с генералом за галифе рассчитались, я должен был взять с собой валюту для шоферов, для грузчиков, для всяких непредвиденностей и, наконец, для «одноруких бандитов». По тем временам это была немалая сумма, и охотников даже за часть ее проломить голову было сколько угодно.

Многое из того, что мы спланировали, можно было назвать перестраховкой, но жизнь уже научила нас не пренебрегать никакими мелочами, особенно когда дело касалось ста пятидесяти тысяч долларов. Сто пятьдесят тысяч! С ума сойти! Почти год спокойной жизни!

Короче говоря, еще через день я сидел в купе фирменного рижского поезда в ожидании отправления. Под сиденьем была моя сумка и довольно большой, но легкий чемодан генерала, который доставила на вокзал сама генеральша. Генеральша тоже выглядела очень импозантно, была в роскошном светлом плаще и даже, несмотря на теплую погоду, в белых перчатках, на голове сложная конструкция. Но, увы, разговаривала, как продавщица из сельпо. Очевидно, это у них было фамильное. Она мне тоже не понравилась, и я попросил открыть чемодан — все-таки мне проходить с ним две границы. Ни слова не говоря, мадам открыла ключом замки, подняла крышку, и я увидел кальсоны, трусы, нижние рубашки, носки... Мне стало неловко за свою подозрительность, я поспешно закрыл чемодан, взял ключи и довольно вежливо раскланялся.

...Оставалось еще минут пятнадцать до отхода, и я рассеянно смотрел в окно. Хорошо бы ехать одному — мелькнула мысль. Но тут я увидел, что к нашему вагону подъехала тележка с горой гигантских сумок и баулов. Носильщик вместе с какой-то не то женщиной, не то девочкой стал их разгружать. «Кому-то повезло», — успел подумать я, но тут дверь в купе открылась, и, пятясь и таща за собой здоровенный баул, появилась моя соседка.

Втащив баул в купе и зажав меня в угол, соседка повернулась — и оказалась все-таки не девочкой, а женщиной лет тридцати — тридцати пяти, довольно миловидной, хрупкой, небольшого росточка, с очень большими для такой миниатюрной конструкции глазами. Но в тот момент возраст и миловидность определить было трудно, потому что женщина тяжело дышала, модная шляпка в виде горшка лихо съехала ей на лоб, демисезонное пальтишко перекособочилось. Алина обожала шляпки горшком и платья с воланами и рюшами, поэтому я частенько называл ее «перевернутый фикус». Сейчас этот фикус был растрепанным, пыльным и неухоженным.

Перетаскивание вещей продолжалось довольно долго. Наверно, хозяйка решила, что кто-то должен сторожить вещи на перроне, хотя, на мой взгляд, это было лишнее, и, видимо, носильщик взял на себя этот нелегкий труд, потому что маленькая Алина стала одна снова в зад-вперед. Конечно, я не смог усидеть на месте и стал перемещаться вместе с ней. Сумки, уверяю вас, были тяжелыми, и их было немало. Алина при каждом столкновении со мной говорила: «Что вы, не надо, мне так неловко», — но в ее тоне не хватало убедительности.

Наконец мы втащили все тюки и заставили купе полностью. Оставались свободными только две наши нижние полки. И то в головах полки Алины стояла битком набитая сумка с молнией, не застегивающейся до конца.

Я поискал глазами свободное место, но не обнаружил ни миллиметра.

— Не волнуйтесь, мне на полке места вполне хватит. Еще и останется. Пусть сумка здесь стоит.

— А если придут еще пассажиры?

— Я купила два билета, а за третье место дала проводнику бутылку греческого коньяка. И вагон, вы видели, полупустой. Думаю, все будет хорошо.

Лучше бы она эту бутылку ему не давала... Поезд тронулся, и Алина с явным облегчением сказала:

— Неужели мои муки закончились? Иногда мне казалось, что я не доживу до этого. Ну и поездочка выдалась, чтоб тебя... — она явно пыталась выругаться, но вовремя интеллигентно спохватилась.

Вошел проводник, забрал билеты и выдал нам постели. Это был плотный откормленный мужик, почти альбинос, типичный латыш в моем представлении. В довершение картины он говорил по-русски с трудом, без конца вставляя классические «как это... как это...».

Взяв деньги за постель и за чай, которого еще не было, проводник наконец удалился. Алина закрыла дверь в купе, с отвращением оглядела себя в зеркале, открыла сумку, сложила в большой полиэтиленовый пакет кучу разных предметов и вышла в коридор. Не было ее минут сорок, если не больше. Поезд уже замедлял ход, подъезжая к первой станции, когда дверь купе открылась — и появился совсем другой человек. От прежнего неухоженного фикуса даже следов не осталось. Это была чистенькая, свеженькая миниатюрная женщина, в скромном, но явно не дешевом халате, с аккуратной прической, на ногах комнатные туфли с головками эльфов... Она и сама напоминала эльфа, который не знает ни труда, ни забот.

— Да, — выдохнул я, — что значит опытный путешественник... И все эти чудеса вы совершили под краном в вагонном туалете?

— Это мой секрет, — польщенно ответила моя спутница. Первая протянула руку, как и положено даме, и представилась: — Алина, прошу любить и жаловать. Я вам очень благодарна за помощь и... за терпение.

Я тоже представился и добавил что-то банальное — вроде «на моем месте так поступил бы каждый».

Через минуту — я и оглянуться не успел — столик в купе был заставлен, не побоюсь этого слова, яствами. Колбаса, ветчина, рыбки всякие, огромные маслины и в центре стола — бутылка коньяка «Метакса». Алина делала все невероятно быстро, руки ее так и мелькали. Удивлению моему не было предела — я после ее тюков уже нуждался в заслуженном отдыхе.

— Откуда у вас силы?

— Я наконец дома! Или почти дома! Все позади.

— Вы откуда?

— Из Риги.

— Латышка? Должен сделать комплимент: вы очень чисто говорите по-русски. Только еле-еле заметный акцент.

Алина рассмеялась и подвинула ко мне откуда-то появившуюся пластмассовую тарелочку и вилку.

— Угощайтесь. Нет, я не латышка, я русская и живу там всего восемь лет. Акцент латышский есть, а языка нет. Не освоила. В этом вся беда.

Пока она говорила, точно так же, из воздуха, появился пластмассовый стаканчик, а в нем оказался коньяк. Я не уловил момента, когда она все это сотворила.

— Ну, Алина, вам фокусником в цирке работать!

— Это еще что. Вы бы видели меня, когда я в форме, когда выпалась и отдохнула...

— Везет же некоторым.

— Увы, — она вздохнула, — никому не везет.

И объяснила:

— Нас с моим бывшим мужем так и называли: шустрик и мямлик. Кто из нас шустрик, вы догадываетесь. Ну ладно... Давайте выпьем за гладкую дорогу. Мне домой, а вам?

— А мне из дому. Но простите меня, я не пью.

У меня выработалось твердое правило: когда еду с большой суммой, не должно быть никакого запаха. Это часто становилось подходящим поводом для провокаций.

— Как, совсем?

— Да, извините меня, совсем.

— Везет же некоторым.

— Увы, никому не везет, — в тон ей ответил я, и мы дружно рассмеялись.

— Ну вот, главное мы друг другу уже рассказали... Ладно, выпью одна. А есть вам можно?

Я добавил на стол для приличия баночку красной икры, и мы стали с транспортным аппетитом есть. Очень хотелось немного выпить. Но дело есть дело.

В это время, не постучавшись, вошел проводник с чаем, которого мы не просили. Он раскраснелся, и после его визита мне захотелось закусить.

— Напрасно вы дали ему бутылку коньяка. Он уже пустил ее в ход.

— Бог с ним, — беззаботно махнула рукой Алина, — я уже почти дома. Так устала всего опасаться и от всего шарахаться.

— Я думал, что прибалты не пьют.

— Пьют, еще как пьют. Только скандалят меньше и тише, чем русские.

Но в этом случае она ошиблась.

Мы перед сном немного побеседовали о том о сем. Дружно отметили, что наша железная дорога за первые годы перестройки опустилась просто до неприличия. В вагонах грязь, беспредел. Привычные женские бригады боятся ездить, и проводниками становятся случайные люди или теньевые дельцы (вы наверняка помните этот период). Тема была неприятной, и мы ее быстро забросили.

Алина рассказала, что ездила по путевке в круиз Одесса — Хайфа с заходом в Стамбул и Пирей. Вот, собственно, из-за заходов пошла на эти затраты. Красот Турции и Греции она не видела, моталась как угорелая по рынкам и магазинам. Зато Израиль немного повидала, потому что оттуда товар везти не стоило, там все дорого и не очень высокого качества. Кроме апельсинов.

Моя спутница оказалась не только шустрой, но сообразительной и наблюдательной. Она сразу засекала, что я еду с валютой, и дала хороший совет, как проходить с нею границу.

Я этот прием проверил на белорусской границе — он дал отличные результаты. А когда для пограничника я открывал свою сумку и генеральский чемодан с кальсонами, она как-то загадочно прищурилась и улыбнулась. Значение ее улыбки я понял лишь в Варшаве.

Но границу нам предстояло пересечь только на следующий день. А в этот вечер мы стали готовиться ко сну, стелить постели. Вдруг, опять-таки без вызова и без стука, в купе появился совсем уже багровый проводник и предложил — «как это, как это...» — чаю. Не выслушав ответа, он мрачно удалился.

— По-моему, он хочет нас застукать за нарушением морали.

— Ему-то что до этого? — но дверь Алина закрыла на замок и на защелку.

Мы спали спокойно до двух часов ночи. Нас разбудили попытки открыть дверь в купе. Я включил свет:

— Что стряслось?

Ответил пьяный голос проводника:

— Откройте... как это... к вам новый пассажир.

Я отвернулся, Алина накинула халат. Открыл дверь. Проводник дыхнул на меня перегаром.

— Вот еще один пассажир... Освободите, как это, как это, полки.

— Мало свободных мест? Или одной бутылки мало?

— Не понимаю, как вы говорите. Я буду говорить с мадам. Мадам, идемте со мной, поговорим... как это... по-хорошему.

— Ах, с мадам!.. — у меня зачесались руки.

— Юра, подождите. Господи, и здесь покоя нет, — Алина вздохнула и вышла в коридор.

Проводник закрыл за ней дверь купе. Я дверь приоткрыл и стал подслушивать разгорающийся скандал. Сильно пьяный проводник шел напролом. Когда Алина предложила ему еще бутылку, он гордо отказался и заявил без обиняков:

— Бутылкой не откупишься. Если ты сейчас не придешь ко мне в купе, я на ближайшей станции тебя высажу. Есть пассажир, есть билет. У тебя груз выше нормы, и у меня все права.

Он говорил негромко, значит, соображал и не хотел скандала. И по-русски изъяснялся уже гораздо лучше. Но Алина подняла голос:

— Ах ты, пьяная рожа!..

— Молчи, русская сучка. Я тебя сегодня трахну, хочешь ты этого или нет. Думаете, вам, русским свиньям, все будет с рук сходить...

Я выскочил из купе — и вовремя, потому что проводник одной рукой тряс Алину за воротник, а другой пытался закрыть ей рот. Я отодвинул ее в сторону, развернул проводника спиной и, ни слова не говоря, дал ему мощный пинок под зад. Откуда силы взялись... Проводник пролетел полкоридора и плюхнулся на пол.

Алина, видимо, поднаторевшая в таких баталиях, стала что-то громко кричать, и из соседнего купе высунулась лысина, а за ней дама в халате. Лысина принадлежала полковнику, которого я заметил еще садясь в поезд. Это было очень кстати, потому что обезумевший от

злости, унижения и алкоголя проводник с воем помчался к себе в купе, тут же выскочил оттуда и с ножом в руке кинулся на меня. Этого еще не хватало! Но он был пьян, а я когда-то чему-то учился. Пришлось вывернуть ему руку и дать как следует по кадыку. Проводник всхрипнул и как мешок опустился на пол, держась за горло.

Алина кричать перестала, в этом больше не было смысла. Я попросил полковника побыть с ними в коридоре, а сам пошел искать медицину и стражей порядка. Медика не нашел, зато появились милиционер и бригадир и утащили куда-то проводника. А на его место прислали другого, вернее другую, приятную и трезвую женщину. Я попросил оформить протокол и сказал, что если этот алкоголик будет приставать к Алине, то пуцу его в ход. Вот когда сыграло свою роль то, что от меня даже не пахло спиртным, потому что оба представителя власти с надеждой принохивались ко мне. Был бы запах, все так легко бы не кончилось, — бригада была латвийская.

Но ночь была испорчена. Мы вернулись в купе в преотвратнейшем настроении. Сели друг против друга. Сна, естественно, не было ни в одном глазу. Я потер скулу, посмотрел в зеркало: так и есть, синяк. Это уже было совсем ни к чему. Человек с синяком под глазом доверия не вызывает.

Алина засуетилась, и на моем синяке оказался компресс, соблазнительно пахнущий коньяком.

Я расстроено махнул рукой:

— Выпьем с горя, где же кружка? Сердцу будет веселей.

Стаканчики с коньяком, бутерброды с икрой и семгой появились на скатерти-самобранке. Мы выпили по одной, потом еще по одной. Отпустило.

Я спросил, часто ли такое происходит. Алина после скандала как-то сникла, сидела такая маленькая и беззащитная...

— А как вы думаете? — устало сказала она. — Вы бы отпустили жену или дочь гулять вечером одну, совсем одну, даже у себя в городе? Наверно, нет. Опасно. Обязательно кто-нибудь привяжется. Ведь так?

— Да, конечно.

Я понял, что она хотела сказать...

— А тут женщина не просто одна, а с вещами, с деньгами. В лучшем случае, с подругой — такой же горемыкой, как и она. И ездит и бродит одна по разным странам, по базарам, поездкам, вокзалам — словом, там, где всякий сброд, потому что только там можно выгодно купить и продать. Черный рынок — он и есть черный. Там, где нет закона, все дешевле. А мы все время что-то нарушаем, как сейчас, — и она обвела глазами набитое сумками купе. — И уже перестаешь понимать понемножку, где белое, где черное... Как можно было нас так бросить? — на глазах у Алины появились слезы. — Что нам делать? Сколько можно сражаться? Если бы он не был так мерзко пьян... Не знаю, как бы я тогда поступила... И никто не вступится. Я даже не представляла себе раньше, как человек беззащитен в этом мире... Юрочка, вы могли сделать вид, что спите, другой бы на вашем месте так и поступил.

Она неожиданно поцеловала меня в лоб. Почему они любят целовать меня в лоб?.. Мы выпили еще по рюмке.

— Недавно в Стамбуле один наш русский подонок завел меня в какую-то лавку. Он сказал, что там дешевая кожа. В лавке был толстый жирный турок. И этот наш мерзавец, наверно наркоман, тоже схватил меня за шиворот и стал ему предлагать меня на пальцах и на плохом английском. Среди бела дня. Дешево. Хорошо, что тот отказался, — она неожиданно и обиженно всхлипнула. — Сказал, что ничего во мне нет, «литл-литл», — и сама улыбнулась сквозь слезы своей нелепой обиде.

— Что этот турок понимает! — вступился я за нее. — Но разве нельзя найти другую работу?

— Юрочка, вы даже не представляете себе, сколько русских в Латвии. И мало кто из нас знает латышский. Не было необходимости учить. А сейчас нас лишили гражданства и без экзаменов по языку никуда не берут. Даже в магазины. Читали, наверно? Тысячи бродят без работы. Кому нужен техник-технолог без языка, но с двумя детьми? Как можно было нас так бросить?!

Это правда. Я очень часто встречал в поездах и автобусах русских из Прибалтики. Их было действительно много, и они с большим трудом избавлялись от внешней, какой-то европейской интеллигентности. Эта интеллигентность только мешала им, делала еще более беззащитными. Профессия «челнока» требовала мимикрии.

Сколько таких Алин различных национальностей моталось по просторам бывшего Союза, как им доставалось, — многие даже себе не представляют. И в кого превратила их такая жизнь...

Некоторые осели на многочисленных рынках и рыночках, в ларьках, заматерели и научились ругаться грубыми голосами. Остальные устраивались как могли.

...Только под утро мы стали укладываться спать. Впереди меня ждала белорусская граница, затем пересадка в Гомеле, затем Брест и польская граница. Нужно было отдохнуть. Я чувствовал, что Алина очень хотела бы прижаться ко мне. Просто чтобы хоть на время почувствовать себя под защитой, не такой одинокой в этом суровом мире. Хоть на короткое время. Но я не мог воспользоваться результатами своего «подвига» — это поставило бы меня на одну доску с толстым турком. «Нельзя пользоваться слабостью уставшей женщины», — подумал я и отвернулся к стенке. Алина — я слышал — пошмыгала носом, и мы уснули.

Когда наутро я проснулся, Алины в купе уже не было. Ее постель была аккуратно заправлена, на столике — чистая салфетка. Тихонько открылась дверь — чтобы меня не разбудить, — и впорхнула свежая, умытая и чуть-чуть, еле заметно подкрашенная Алина, еще больше напоминающая беззаботного эльфа. «Ну двужильная!» — с восхищением подумал я. И тут на меня снизошло видение — Алина в роли директора отличного дорогого магазина посуды, приветливая, быстрая, неутомимая. Я бы ей с легкой душой доверил не только магазин, но все что угодно. Это же бесценный работник. А в бизнесе, как и в любом деле, кадры решают все. Я не сомневался, что мое видение сбудется.

Но «челнок» из нее никудышный. Эльфы «челноками» не работают.

В Гомеле у меня была пересадка. Мы очень тепло простились, обменялись, естественно, адресами и телефонами. Я пообещал ей, что все будет хорошо, что скоро я буду в Риге, и потребовал как можно скорее выучить латышский язык. Она твердо обещала мне это. Я не сомневался, что Алина сделает все, — воли и энергии у нее хватит. Попросил полковника проследить за моей осиротевшей соседкой, тот пообещал, что сделает все возможное. Поезд остановился, я на прощанье тоже поцеловал Алину в лоб (дурной пример заразителен) и вышел из вагона.

Без всяких приключений я прошел белорусско-польскую границу. Когда знаешь, что тебе нечего бояться (несколько лишних долларов не в счет, тут было все почти законно), то таможенники и пограничники это прекрасно чувствуют. В них встроены какие-то локаторы, которые ощущают страх и волнение, как бы ты ни стремился их скрыть. Эти рассуждения — заезженный штамп, тем не менее они не перестают быть истиной. Короче говоря, я весело и непринужденно предьявлял свое нехитрое имущество. Просмотрев небрежно мою сумку и с отвращением закрыв чемодан с генеральскими кальсонами, меня беспрепятственно пропустили в Польшу. Даже «подмазывать» никого не пришлось.

В Варшаве меня уже поджидал в гостинице Семен. Встреча с генералом была назначена на завтра. Мы посидели в кафе, выпили по рюмочке-другой и пошли в город. Я давно запланировал купить хороший фотоаппарат, в Польше они были раза в два дешевле, чем у нас. Купил — недорого и хорошей фирмы.

— А как будешь провозить? — спросил Семен. — На границе могут быть проблемы.

— Ничего, — ответил я, — заложу под белье, сверху майки, трусы, кто там будет копать. В крайнем случае...

И я остановился на полуслове. На лбу выступил холодный пот. Я вспомнил генеральское белье в чемодане, вспомнил хитрую ухмылку Алины. Ни слова не говоря, я повернул назад в гостиницу. На вопросы Семена не отвечал.

В номере я открыл генеральский чемодан. Семен, увидев беспардонные генеральские кальсоны, сразу смекнул, в чем дело. Короче, в аккуратно заклеенных углах крышки чемодана мы нашли две тщательно скатанные шкурки (как потом выяснили, это были норки). Не знаю, сколько они стоили, но лет на пять строгого режима тянули. Генерал бы, естественно, сказал, что ни сном ни духом, — я вспомнил генеральшу в белых перчатках. Сраные, простите за грубость, конспираторы. Меня спасло только то, что я ни о чем не догадывался.

Но теперь генералу ни в чем веры нет, он и от контракта может отказаться, и деньги может не вернуть. Можно ожидать всего.

Семен чувствовал свою вину, ситуация была острой до предела. Именно в таких случаях ему не было цены. Он мгновенно разработал диспозицию. Мы купили отличную чувствительную пленку, сняли в разных ракурсах чемодан с мехами. Проявили в городе и отпечатали несколько фотографий. Я был тщательно проинструктирован, что делать дальше. Вечером выпил несколько рюмок коньяка по своей инициативе, без всяких инструкций. А ночью мне снились кошмары,

тюремные камеры и уголовники, которые хотели меня изнасиловать. Но им это не удавалось, потому что я успевал проснуться чуть раньше...

Назавтра я встретился с генералом. Прежде всего, я передал ему чемодан и, не отпуская ручки, долго разворачивал чемодан вместе с генералом то так, то эдак, в соответствии с инструкциями Семена.

Я не удивился, когда генерал сказал, что с полугалифе дело не ладится. Вместо ответа я попросил подождать Семена, который вот-вот появится. Генерал хотел смыться, но, наверно, прочитал в моих глазах что-то похожее на желание его убить, и остался. Он не ошибся, желание имелось.

Через полчаса пришел Семен с небольшой сумкой и отдал ее мне. Я понял, что процесс передачи чемодана он сфотографировал, и снимки уже у него. Семен не стал интересоваться нашими разговорами, а дружески и фамильярно похлопал генерала по плечу.

— Идем-ка, друг любезный, к тебе в номер.

Ни слова не говоря, генерал пошел за ним.

Я до сих пор не знаю, как проходила беседа. Семен любит напустить туман и таинственность. А такой случай, согласитесь, стоил того, чтобы продать его слушателям подороже. Я знаю только результат. Семен, вернувшись, сказал:

— Все получим, до последних штанов. А твой риск я оценил в пятьдесят тысяч баксов. То есть мы за галифе ему теперь должны дырку от бублика. Возьми, это тебе на память.

Он бросил мне на колени сверток. Я развернул бумагу — там были генеральские кальсоны.

Мы взяли в воинской части все положенные нам галифе по точному весу, грамм в грамм. Но приключения на этом не кончились. Когда я подъезжал в фургоне с грузом к границе, пошел сильный дождь, увеличилась влажность воздуха. Короче, при взвешивании галифе на границе все были очень удивлены. Хорошо, что у меня с собой были доллары...

Издали все выглядит романтично. Но не так это ощущалось изнутри. Обратите внимание: в этой благополучно закончившейся поездке меня сначала чуть не зарезали, потом чуть не посадили в тюрьму, потом едва не надули беспардонно, потом содрали кучу денег из-за сменившейся погоды, как будто от меня это зависело. А сколько было не менее напряженных, но безрезультатных дел?

Я выбрал одну из занимательных историй того периода, причем историю с хеппи-эндом, не случайно. «Операция галифе» явилась переломным моментом в истории нашей фирмы. Именно тогда началось наше восхождение к вершинам... и последовавший за этим обвал.

«На вершине апогея»

Операция «Галифе», как мы и ожидали, принесла нам примерно 180 тысяч долларов. Это не значит, что мы их привезли с собой в кармане. Еще почти полгода мы вертелись волчком, перешивая штаны, развозя их по торговым точкам в нашем городе и по всей Украине. Все-таки десять тысяч штук — количество немалое. Продавцы брали товар охотно, а рассчитывались с трудом. Приходилось выпрашивать свои же деньги, а иногда не только выпрашивать, но и требовать, а иногда не только требовать, но и... настаивать. Словом, мы за предыдущие годы уже отработали схему (вдаваться в детали не буду — вряд ли это вам интересно).

Мы по-прежнему разъезжали по стране с товаром и с немалыми деньгами, как камикадзе. Наведение порядка сказалось только в одном: меньше стали бояться преступников, а больше — чиновников. Сумма поборов усилиями последних только увеличилась.

И вот, наконец, мы избавились от этих галифе, заработали приличную сумму и впервые почувствовали себя удачливыми бизнесменами, а не подмастерьями. Мы вздохнули относительно свободно и даже приступили к давно задуманной модернизации производства. Но не напрасно говорят, что деньги идут к деньгам. Неожиданно с нами связался Сазонов, бывший секретарь райкома, а ныне удачливый делец. Все заинтересованные лица к этому времени уже знали, что он получил разрешение на выезд в Германию в качестве законного мужа Аллы Шварц, которая в свое время входила в нашу институтскую «бражку». То ли он проигрывал конкуренту борьбу за органы правосудия, то ли просто захотел покоя, чистоты и порядка, на которые здесь рассчитывать не приходилось. Впрочем, это его дело. Но он предложил нам в рассрочку один магазин, где продавались кухни и кухонная мебель, и один роскошный салон бытовой техники. В комплекте к ним шел склад, битком набитый этой самой техникой, кухнями и мебелью, и энное количество

еще не оплаченных счетов западных фирм за этот товар. От такого изобилия и роскоши у нас загорелись восторгом глаза, и мы постарались не заметить, что солидную часть товаров составляли устаревшие и некомплектные, которые невозможно было продать. Мы постарались также не обращать внимания на то, что и цены он заломил отнюдь не божеские.

Наш благодетель и доброхот Сазонов был тот еще жук. Он открыто и демонстративно вел переговоры одновременно с нами и с нашим конкурентом Славой Горбатенко. И тем самым загнал нас на недосыгаемую — то есть, простите, на неоплатную — высоту. Если бы мы не согласились на эти условия, то куш перехватил бы Горбатенко. Мы решили не уступать конкуренту, хотя к концу переговоров уже сознавали, что попадаем в вечную кабалу. Но кто и где нам еще предложит такое богатство? Нужно было хватать удачу за бороду. Мы, посопротивлявшись для приличия, дали свое «честное купеческое слово», то есть подписали протокол, который Семен легкомысленно назвал филькиной грамотой.

Сазонов отбыл за границу, а Альтман и Марков торжественно вступили во владение своей империей. Это событие стало трамплином для восхождения на вершину, но в нем с самого начала была заложена причина провала. На такие условия соглашаться было нельзя.

Я всецело беру на себя вину за то, что мы как последние идиоты из кожи вон лезли, чтобы выполнить «честное купеческое слово», хотя после победы социализма в отдельно взятой стране такое слово осталось только в пьесах Островского. Конечно же, столь кабальные условия нужно было объявить невыполнимыми и попытаться старую филькину грамоту заменить новой, более реальной.

Но на том этапе накопленный опыт в сочетании с молодым энтузиазмом сыграли свою роль: мы очень быстро и энергично поставили дело на широкую ногу. Заложили в банке свои магазины и товары, получили свободный капитал, модернизировали производство. Довольно быстро наладили изготовление и монтаж современных кухонь и получили заказы в домах «новых русских».

Мы регулярно посещали все крупные профильные выставки и в стране, и за границей. Наладили прямые контакты с фирмами-производителями. Даже окончили курсы иностранных языков: я — английского, Семен — немецкого. Словом, мы изо всех сил старались стать современными бизнесменами, а не просто «новыми русскими». И у нас это стало получаться. Фирма со скромным названием «Кухня» превратилась в элитную «Американскую кухню».

Откуда взялось такое название? Дело в том, что в Европе распространено такое понятие — американская кухня. Это обычно широкая просторная кухня, открытая со стороны столовой и гостиной, фактически их продолжение. Таким образом, американская кухня входила в парадную часть квартиры, и наполнение ее должно было быть красивым и дорогим. Современные американские кухни для «новых русских» стоили очень недешево, это была одна из важнейших статей нашего дохода. Разумеется, кроме магазинов. Мы поставляли и устанавливали в квартирах импортные кухонные комплекты, делали все сопутствующие оформительские, монтажные, сантехнические и ремонтные работы.

Семен, как вы уже знаете, энергично мотался по всей Европе, оформлял наши заказы, содержал промежуточный склад, добивался выгодных условий. Отправлял все как можно быстрее и аккуратнее, во всяком случае, старался.

Выглядит солидно....

За несколько лет мы приобрели еще четыре магазина, расширили ассортимент, включив в него посуду и самую современную бытовую технику. Кстати, один из первых магазинов посуды мы закупили в Риге. Там у нас был отличный директор, который самостоятельно, без нашей помощи, проходил рижскую таможенную, сам заказывал товары за границей. Очень энергичный и шустрый товарищ. Мы с ним, с этим директором, никаких хлопот не знали. Только раз в году, обычно летом, я приезжал туда на проверку. После ревизии всегда возвращался загорелый и посвежевший и первое время секретаршу Люсю по ошибке называл Алей.

Действительно, кадры решают все.

По части кадров мы сделали еще одно, поистине бесценное приобретение. Сразу же после получения сазоновского наследия я уговорил Верочку перейти к нам работать. У нашего бухгалтера Черновой, которую мы получили вместе с мастерской, было два серьезных недостатка: она слишком плохо ориентировалась в своем деле, но зато слишком хорошо одевалась для оклада триста долларов. Верочку долго уговаривать не пришлось: в захиревшем проектом институте все чаще забывали платить даже ту сумму, которую мне стыдно здесь назвать. Когда она пришла к

нам на работу, я вздохнул с облегчением. Мы втроем могли горы свернуть... если бы я не был таким упрямым ослом.

Меньше чем через полгода после вступления в должность Верочка навела порядок в нашей официальной и подводной отчетности. Прояснив для себя ситуацию, Верочка по старой, отработанной еще в советской системе привычке составила для нас с Семеном краткую докладную записку в двух экземплярах. В ней доказывалось, что даже при благоприятном развитии событий, если мы не обрубим хвосты непосильных долгов, то неизбежно начнется спад, который закончится крахом. Все наши новые начинания при таких процентах за долги только оттягивают результат и маскируют реальную ситуацию.

Семен и на этот раз оказался умнее меня. Он предложил перестать батрачить на этого немецко-украинско-еврейского буржуя Сазонова. Пора изменить условия договора. «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас». Интересно, где он выкапывал эти изречения? Когда я вспоминаю, как ораторствовал, что в таком случае не смогу людям в глаза смотреть, то понимаю: камнем по затылку получил по заслугам. Разве что камешек мог быть поменьше...

Словом, мы все оставили по-прежнему. И, по выражению Семена, «приближались к вершине своего апогея». Со стороны казались преуспевающей и прогрессивной фирмой, но на самом деле все с большим и большим трудом сводили концы с концами. Вот такая получалась диалектика...

С приходом Верочки мы немного перераспределили обязанности. Я больше стал работать вне офиса и мастерской, а Семен сделал акцент на связях за границей. У него там жили родители, он знал неплохо немецкий, ему и карты в руки. Учитывая большое количество партнеров в Европе, нам выгодно было собирать за границей в одном месте все разрозненные поставки и только потом отгружать их на Украину. Семен с успехом занялся этим. Выгода была столь очевидна, что мы стали таким образом обслуживать и другие фирмы. Это был неплохой дополнительный доход, но Семен все больше и больше времени стал проводить в Германии — новая база требовала постоянного присмотра. И с каждым возвращением в родные пенаты он выглядел все более и более озадаченным. Там, за границей, царили пунктуальность, обязательность, добросовестность. Сказано — сделано, сделано — оплачено. Здесь... вы сами знаете, как было, есть и будет здесь. Там он жил у обожавших его родителей как у бога за пазухой, а здесь холостяцкую квартиру посещали разве что девицы, которые... Впрочем, и это вы тоже знаете не хуже меня.

Семен с возрастом утратил вкус к приключениям и стал находить удовольствие в спокойствии и надежности. Годы брали свое... Короче, в конце концов он добросовестно испросил моего согласия на переезд в Германию. Согласие было с серьезной миной дано, тем более что он и так находился больше там, чем здесь. Его официальное переселение в Европу лишь сэкономило нам силы, время и деньги, которые приходилось тратить на оформление виз. Семен получил в Германии вид на жительство, а затем и гражданство.

«В лавке», как говорится в популярном анекдоте, остались мы с Верочкой. Пришлось готовить помощников из подручного материала. Обязанности главного по строительной части я возложил на не стареющего душой и телом дядю Филю, который упорно продолжал бродить по винно-водочной демаркационной линии, замом по торговле стал его сын Гриша. Сам я занял пост верховного главнокомандующего. Единоличным хозяином фирмы формально являлся я. Когда Семен эмигрировал в Германию и спустя положенные пять лет получил там гражданство, мы официально перераспределили наши акции. Мне отдали девяносто пять процентов, остальные пять — Альтману. На то были серьезные причины. Его новое гражданство осложняло формальности при работе на Украине, а самое главное, увеличивало законные и незаконные поборы, которые мы вынуждены были платить направо и налево.

Но дружба дружбой, а бизнес требовал четких взаимоотношений. Мало ли что могло случиться? Все под богом — есть он или нет — ходим. А почему, интересно, я говорю — могло случиться? Случилось. Или почти случилось. Так вот, кроме формального соглашения, мы предусмотрительно в свое время честь по чести подписали у юриста еще одно, секретное, по которому господин Альтман мог в любое время потребовать возвращения принадлежащих ему ранее пятидесяти процентов.

Наши дела неторопливо и солидно приближались к известному вам финишу.

Осенью девяносто пятого случилось несчастье. Неожиданно и даже как-то нелепо погиб Верочкин любимый «дед». Если о смерти можно так сказать — «нелепо». Их сухогруз стоял на

рейде где-то в Балтике, недалеко от Стокгольма. Вместе с двумя механиками старпома спускали за борт на шлюпке, нужно было что-то там проверить снаружи корабля. Во время спуска шлюпка по чьей-то небрежности неожиданно перевернулась, и моряки высыпались в неласковое холодное море. Сразу же бросили спасательные круги, фалы, спустили другую шлюпку. Двоих механиков тут же подобрали, а наш «дед» мгновенно исчез, ушел на дно. Как, почему — неизвестно, но исчез навсегда. Его долго искали вместе со шведской спасательной службой, но даже тела не нашли. Смерть моряка...

Верочка очень тяжело перенесла потерю. Полгода она находилась на учете в психоневрологическом диспансере. И до сего дня не может плыть морем — ее начинает трясти, как в лихорадке. Но рос ее сын Сережка, была работа. Были рядом родные и близкие. И друзья, в том числе и я. Словом, постепенно она пришла в себя. И с еще большим энтузиазмом вгрызлась в работу. Она модернизировала и компьютеризировала весь учет и отчетность. Все наши результаты были как на ладони, — жаль, что эта ясность больше печалила, чем радовала...

Теперь о Лене. Я думаю, вы давно этого ждёте...

К неописуемому счастью своих родителей, Семен женился — произошло это два с половиной года тому назад. Полгода до свадьбы он ни о чем, кроме Лены, говорить не мог. Даже в факсе о поставках кофеварок умудрялся сообщить, что Лена купила точно такую же. Мне на свадьбу поехать не удалось, о чем мы все не переставали жалеть. Как раз в то время я схватил сильнейшее воспаление легких. До сих пор задаюсь мыслью: а что было бы, попади я на свадьбу?

Не так давно я слушал передачу по телевизору. В ней принимали участие титулованные ученые — женщина академик и мужчина-профессор. Они сошлись во мнении, что люди излучают некие вполне материальные флюиды. И воспетая в песнях «твоя половинка» — не просто отвлеченная идея. Она существует вполне реально, с целым комплексом именно тебе подходящих частиц и волн, которые улавливаются на всех уровнях сознательных и подсознательных чувств. И в случае совпадения возникает резонанс. Именно эти, не осознаваемые человеком флюиды играют основную роль в любви. Ученые объясняли это весьма запутанно и делали акцент на генетической целесообразности любви. Но бог с ней, с генетикой, — во всем остальном я с этой теорией даже больше чем согласен. Я просто живое ее воплощение.

Первый год после их свадьбы мне незачем было появляться на Западе, тем более что Семен приезжал к нам регулярно. Лена в это время ждала получения гражданства и не хотела уезжать из Германии, чтобы не дразнить гусей. Наконец документы были получены, и два законных гражданина Германии торжественно прибыли морем в каюте люкс.

Я встречал их на морском вокзале с большим букетом цветов. Когда они появились на выходе, пройдя таможеню, мне показалось — галлюцинации, что ли? — будто ко мне приближаются Семен с Лерой. При ближайшем рассмотрении Лена оказалась не очень похожа на Леру, разве что обе чуть-чуть монголоидные. Но для меня их сходство было очевидно — это немедленно начало действовать облако флюидов, и я окончательно и бесповоротно впал с ней в тот самый резонанс... Не могу сказать, что мгновенно полюбил ее, — все было иначе. Мне с первой минуты казалось, что я любил ее раньше, может, в предыдущей жизни, что все это началось очень-очень давно, во тьме веков...

Семен радостно предложил:

— Ну поцелуйтесь, черт вас возьми, два самых близких мне человека!

И подтолкнул нас друг к другу. Я поцеловал Лену в щечку — и... не хочу нагнетать страсти, но из песни слова не выкинешь. Конечно, было сухо, жарко, ветрено, конечно, мы все были заряжены статическим электричеством, а я, ко всему прочему, был в туфлях на синтетической подошве, — то есть рациональные объяснения очевидны, но факт остается фактом: только я прикоснулся губами к ее щеке, как раздался громкий треск, и между нами пролетела довольно болезненная искра. Мы оба вздрогнули, а Семен загоготал:

— Зевс-громовержец гневается.

Вдруг он остановился и тряхнул головой, как будто прогоняя наваждение.

Я тоже тряхнул головой, но у меня наваждение не проходило. И не прошло до сего дня. Все прошлое вернулось на круги своя, но, как и положено в истории, перешло на более высокий виток спирали. Нам было не восемнадцать лет, и результаты могли быть куда сокрушительнее. Я ничуть не драматизирую — уверяю вас, что и сам перепугался основательно.

Потом мы поехали в ресторан, потом они пожили у меня на даче, а я «по долгу службы» жил в городской квартире. И хотя тот август выдался жаркий, озноб не проходил у меня все время. К

концу их визита (они гостили дней двадцать) мне стало очевидно, что амок столь же безжалостно настиг и Лену.

Мы ни о чем таком с ней не говорили, да и к чему? Для нас все было настолько очевидно, что никаких объяснений не требовалось. А я совершенно серьезно спрашивал судьбу — или всевышнего (кто там всем распоряжается?), — за что на меня такие напасти.

Альтманы уехали домой, мы мило попрощались.

Я, естественно, старался по возможности не попадать к ним в Германию, даже если была необходимость. За полтора года мы встретились с Леной только однажды, когда она неожиданно приехала на выставку в Копенгаген, где мы с Семеном жили в гостинице. Приехала, как она мне позже рассказала, гонимая все тем же амоком. Не выдержала.

Она застала меня в номере гостиницы, Семен куда-то ненадолго уехал. Мы пошли в соседнее кафе, сели за столик, заказали по коктейлю. И я вместо вежливой беседы стал ей рассказывать историю с Лерой. Семен ей ничего о Лере не говорил. Значит, он до сих пор от этого полностью не отошел.

— Я спрашивала, почему он так долго не женился. Но Семен только ухмылялся и говорил, что искал меня. А я возражала, что все бабники так говорят.

— А мы с ним из странной породы — бабники-однолюбы. Оба.

Лена отвернулась. Я повернул ее лицом к себе — на глазах у нее блестели слезы. Чтобы их скрыть, она уткнулась мне в плечо. Вот тогда она в первый раз сказала эту фразу:

— Никогда раньше не плакала, а как познакомилась с тобой — все время реву, как дура.

Это было наше единственное объяснение в любви. До того дня, когда она плакала в больнице, сидя на моей койке. Об этом я еще расскажу.

Мы посидели несколько минут неподвижно. Потом встали и пошли искать Семена.

В осаде

Перехожу, наконец, к последнему году описываемых событий, когда детективная история фирмы «Американская кухня» на наших глазах стала превращаться в триллер.

Назову цифру: наши долги превысили полтора миллиона долларов.

Были две основные финансовые группы, где мы завязли по уши. Одной руководил уже упоминавшийся бывший комсомольский вожак Сазонов. Вторую возглавлял бывший зэк Садко. Такое сочетание очень типично: комсомольские вожаки и бывшие зэки прибрали к рукам большую часть экономики. Порода у них оказалась одна.

Сазонов из-за границы долги с нас требовал с таким рвением, как будто жил по соседству. А Садко контролировал местные банки, где повисло наше заложенное и перезаложенное имущество.

Мне было понятно, что если ничего в нашем бизнесе не изменится и если не изменимся мы сами, то наша фирма лопнет, как и утверждала в своём отчете Верочка. Доход у нас по-прежнему был стабильно меньше, чем долги, плюс проценты, плюс расходы. А чудеса бывают только в сказках, но не в бизнесе.

Но пока все было спокойно, пока я кое-как сводил концы с концами, платил проценты и по возможности частично погашал долги, нас не трогали. И Сазонов и Садко понимали, что лучше шерсти клок, чем кожа да кости от издохшей паршивой овцы. Так — внешне тихо-мирно, но с огромным внутренним напряжением — продолжалось до тех пор, пока не зашатался рынок недвижимости.

Все давно ожидали чего-то подобного. И цены, и масштабы нового строительства намного превышали спрос и возможности покупателей. По таким ценам жилье могли покупать только «новые русские», для прочих строить жилье было невыгодно. Рынок дорогих домов постепенно перенасытился, и связанные с ним отрасли бизнеса стали, что называется, выпадать в осадок. Мы выпали одними из первых.

Цены на недвижимость упали за три месяца на пятнадцать процентов. В воздухе запахло кризисом. И тогда все начали поспешно тянуть одеяло на себя. Сделалось не до сантиментов и благотворительности. Потянуло холодным ветром, фирмы стали жестко взимать долги, избавляться по любым ценам от того, что залежалось и что не удавалось сохранить. А это, в свою очередь, еще больше обрушивало рынок. Словом, известная всем цепная реакция...

Нашей фирме официально и, что еще опаснее, неофициально, но с недвусмысленной угрозой предложили рассчитаться по долгам. Когда становится известно, что фирма

обанкротилась и вынуждена спешно все продавать, то удастся выручить в лучшем случае половину реальной стоимости имущества. А учитывая общее падение цен в кризисной ситуации, все наши номинальные миллионы на глазах обращались в труху.

Нам было понятно, что предотвратить развал и банкротство фирмы не удастся. Речь шла о том, как благополучно выбраться из-под развалин. Как сохранить хоть какую-то часть личного имущества и не пострадать хотя бы физически. Да, физически, — увы, дошло и до этого. Борьба кредиторов за наши останки обострилась.

При поспешной распродаже имущества мы могли отдать значительную часть долга лишь одному из крупных кредиторов — или Сазонову, или Садко. И никто не сомневался, что пока я жив и являюсь хозяином фирмы, это будет Сазонов. На это было много причин. Я не слишком любил бывших комсомольских вождей, циничных и пробивных, но еще меньше, намного меньше я любил уголовников. А Садко был именно таким. Стоило посмотреть в его каменное лицо и холодные глаза, и становилось понятно: русские телесериалы не врут. Шаблонный образ уголовного мафиози был как списан с Серафима Садко по кличке Серый. Садко изо всех сил старался изменить свой имидж: он носил строгие деловые костюмы, женился на молодой и популярной солистке театра музыкальной комедии, занимался благотворительностью. Но от него за версту разило уголовщиной. Может, потому, что в работе, в деловых отношениях он не только не скрывал, что остался бандитом, но даже подчеркивал это на каждом шагу. Так вести дела было удобнее и выгоднее в нашей новой реальности. А мордороты из его окружения действовали на слабые нервы друзей-соперников по бизнесу намного более действенно, чем постановления прокуратуры и суда, работники которых, впрочем, тоже ходили у своего бывшего подопечного на коротком поводке.

Официально считалось, что он сидел за экономические преступления, сейчас это звучало даже почетно, едва ли не как диссидентство. Но наверняка его экономические преступления были круто замешены на всевозможных других.

Мы с Садко в деловом отношении стояли на разных уровнях. Но даже при таком различии масштабов в нашем миллионном городе невозможно было не столкнуться. Тем более что Садко был богат, а я богатых обслуживал. И точно так же, как Серый не мог скрыть своего уголовного прошлого, я не мог скрыть своей неприязни к нему. И даже не старался. Я демонстративно отказывался от всех предложений, в которых был замешан Садко, и считал, что такую толику порядочности могу себе позволить. Как видите, «мальчик прямой и честный» пытался во мне выжить в тяжелой борьбе с действительностью, но при этом он мешал выживать мне самому...

Этот «мальчик» не мог забыть, что бывший комсомольский вожак Сазонов все-таки помог нам на первых порах встать на ноги. Он без гарантий, только под наше «честное купеческое слово» ссудил нам товар. И долго терпел, когда мы по капле отдавали старые долги и набирали новые. Конечно, можно возразить, что он мало что мог предпринять, — ну не подсылать же к нам киллера с угрозой. Нет, на такой путь Сазонов никогда бы не встал. А я, в свою очередь, не мог не отдать ему то, что останется при развале фирмы.

Зато Садко мог все. Год назад он так бессовестно обманул нас в банковских операциях, что только диву даешься. Одним ударом он проглотил примерно пятую часть наших доходов и этим сознательно толкнул фирму под откос. А когда я попытался с ним поговорить, посмотрел на меня как на пустое место. Хмыкнул и, ни слова не ответив, прошел мимо. Этим он укрепил чувства, которые я к нему испытывал... Нет, с Садко мне говорить было не о чем.

Месяца за три до травмы мне позвонил некто Чижов, один из помощников Садко. Семен всегда именовал его первым замом по уголовным делам, иногда — соседом по нарам. И то и другое определение соответствовало истине. Садко и Чижов действительно сдружились в местах не столь отдаленных. Семен в присущем ему стиле всем раздавал «партийные клички». Упоминание Садко неизменно сопровождалось словами «богатый гость». Его группа именовалась не иначе как зоной. А Сазонов почему-то проходил под кличкой «юный ленинец». Когда я спрашивал, с какой стати он превратил бывшего секретаря райкома комсомола в рядового пионера, Семен отдавал салют и отчеканивал: «Пионер — смена комсомола! Пионер — всем ребятам пример!». Да, все это было бы смешно, если бы в ту пору нам не было так грустно...

С Чижовым у меня произошел примерно такой разговор:

— С вами говорит Чижов Николай Максимович. Небезызвестный вам Серафим Иванович Садко просил передать, чтобы вы не баловались (он так и сказал: «не баловались») и не вздумали отдавать народные деньги за границу.

Патриотизм у них был всегда на вооружении. Я иногда подозревал, что горячей любви к родине учат там, в зоне. Эта назидательная манера разговора, покровительственное «не баловались», а особенно «народные деньги» возмутили меня до крайности.

— Простите, я не понял, с кем, собственно, говорю?

— Чижев, правая рука Серафима Ивановича.

— Ах, рука! Вы знаете, по этим вопросам я предпочел бы говорить с телом, — и положил трубку.

Это было остроумно, но не слишком полезно. Одним ответом я серьезно обидел сразу двоих, и самолюбивого Садко не меньше, чем Чижева. Если бы я назвал его головой, куда ни шло. Но телом?.. Остроумие и амбиции в бизнесе пользу не приносят. Как и принципы. Впрочем, судя по развитию событий, нам с Семеном придется менять род занятий и переквалифицироваться в поэты.

А пока что мы, месяца за три-четыре до моей травмы, начали подготовку к ликвидации бизнеса, что тоже было делом непростым. Надо было полулегальными и полузаконными способами передать значительную часть имущества людям из группы «юного ленинца», выторговать личные гарантии, постараться обойти при этом все контрольные органы, которые с потрохами принадлежали Садко. И только потом можно было официально объявить о банкротстве. Нам предстояла очень тяжелая по исполнению и по своим последствиям операция, и мы не торопились ее начинать. Мы все подготовили — и замерли, невольно надеясь на чудо. Одновременно мы мучительно искали хоть какой-то менее опасный и тягостный вариант. Семен специально прилетел ко мне из Германии, но толку от этого было немного. Предложения, которыми мы обменивались с утра и до ночи, были одно нереальнее другого, и мы немедленно их отметали. А об одном, самом фантастическом и самом нереальном варианте, я Сене даже не заикнулся. Неловко было, что такой серьезный и трезвый человек, каким меня считали все вокруг, может обдумывать — пусть даже только обдумывать — подобный проект.

Я объяснял себе, что разработка этого проекта для меня просто развлечение, отдых от огромного напряжения, и всерьез его не принимал. Но и выбросить из головы не мог. Мало того что проект был, по сути, прожектором, то есть представлялся неосуществимым, — для его разработки нужен был совсем другой человек. Я со своими взглядами на то, что можно делать и чего нельзя, был этой идее категорически противопоказан. Да, кажется, я понимаю, почему в спорах с отцом Федором так ополчился на основы христианской морали и наши нравственные принципы. Эх, был бы я другим, может, и рискнул бы!.. Терять-то, похоже, было нечего.

Но вернемся к реальности. Наши подготовительные маневры не могли не заметить в «зоне». И вскоре, кроме предупреждений общего характера, мы получили прямой и ясный ультиматум. Его мне из рук в руки передал Валера Гуськов, бывший юрисконсульт проектного института, где я раньше работал, а ныне один из доверенных юристов Садко. С Валерой я был знаком еще со студенческой поры, он учился на юридическом факультете университета, и мы с ним время от времени пересекались. Это давнее знакомство давало ему возможность объяснить мне ситуацию вроде бы по-свойски. По-приятельски.

Он и зашел ко мне тоже по-свойски, внезапно, не предупредив о визите. Постучал. Поздоровался и удобно уселся в кресло. У меня в кабинете в этот момент был бухгалтер, но Валера вроде бы не заметил неловкости ситуации и продолжал сидеть как ни в чем не бывало. Наконец мы остались одни. Гуськов выглядел очень ухоженно — пухленький, лысоватый, рыжеватый, и, глядя на него, я сразу вспомнил, что с утра забыл побриться, а это со мной случалось крайне редко. Он наглядно демонстрировал всем своим видом, что ходить под могучей рукой сильного босса куда комфортней, чем в роли хозяина пытаться решать нерешаемые проблемы...

Я сразу понял, о чем он собирается говорить, тут не надо было быть ясновидящим. «Неплохо бы записать наш разговор на магнитофон», — наивно подумал я. Но он ввалился без предупреждения, сейчас уже ничего не удастся сделать...

— Приличные люди предупреждают о визите. А если бы меня сейчас здесь не оказалось?

— У приличных людей хорошо развита интуиция.

— И информация?

Валера только улыбнулся. Я понял, что денег на информацию обо мне они не жалеют. Плохой признак. Впрочем, чего я ожидал?

— Действительно, Валера, позвонил бы заранее.

— А вдруг ты начитался детективов и стал бы нас записывать на магнитофон? Тогда бы откровенного разговора не получилось.

— А он нужен? Кому?

— Тебе, Юра, в первую очередь тебе. Тебе больше, чем кому-то другому.

— Допустим. Так о чем ты хотел поговорить?

— Хорошо, давай откровенно, без маневров. Мы с тобой знакомы не один десяток лет и можем себе это позволить. По-свойски.

Я похвалил себя за пронизательность. Ну, по-свойски так по-свойски.

— Ты всегда был серьезным и уравновешенным парнем. И здравомыслящим. Неужели ты не понимаешь, что вы с Садко в разных весовых категориях?

— Допустим.

— Не допустим, а так и есть. Ты для него мелочь, смахнет и не заметит.

— Не такая уж мелочь. Имущество, которое, когда все успокоится, потянет миллиона на три, даже для него сумма.

— Тем более. Тем серьезнее все для тебя. А ты еще шпильки вставляешь. Это «тело» тебе дорого обойдется. Хотя, конечно, смешно, — Гуськов искренне захихикал. — Но дорогое удовольствие. Ты знаешь, какие принципы, — он оглянулся на дверь и понизил голос, — там, откуда он пришел? Обиду прощать нельзя. Он другой закваски, не то что мы с тобой.

— Валера, ты меня пугать пришел? Или у тебя есть конкретные предложения?

— И то и другое. И слово «пугать» здесь не подходит. Это намного серьезней, чем просто брать на испуг. Это реальность. То, что у тебя сегодня есть, тебе уже не принадлежит, говорю это как юрист. Я официально предлагаю тебе все отдать кредиторам здесь, у нас, на родине.

— И ты тоже патриот? Как и Садко? Приятно слышать. А что взамен?

— Не ехидничай. Взамен я добьюсь, что твоя выходка останется без последствий. Ты будешь петь, дышать и радоваться жизни.

— Петь на голодный желудок?

— А дышать и радоваться жизни? Это немало. Юра, ты не думай, что мне доставляет удовольствие мой визит. Я согласился на него, чтобы избежать худшего, — в его голосе зазвучали искренние ноты. — Чтобы обе стороны не втянулись черт знает во что. Нам еще разборок не хватает! Я хочу, чтобы ты понял, что дело серьезное и, — он опять оглянулся на дверь и понизил голос, — что он ни перед чем не остановится.

Я понимал, что Валера действительно не хочет и боится крайностей, но в то же время старается на меня надавить. Его босс наверняка приказал ему патронов не жалеть. Как можно спокойнее и равнодушнее я сказал:

— А я не верю в это. Он не дурак и соображает, что, если со мной что-нибудь случится, все сразу поймут, чьих это рук дело. — Меня поражала ситуация, когда я вынужден деловито рассуждать о своей жизни и смерти. — И какая ему будет от этого польза? Тогда с меня ничего не возьмешь.

— Вот об этом я и говорю: ты не можешь их понять. У них другая закваска. Он думает иначе, чем мы. Во-первых, никто ничего не докажет, а бояться его будут еще больше, и это для него важнее всего. А во-вторых, без тебя проблем вообще не будет. Все имущество пойдет должникам через суд. Это я тебе как юрист говорю. Как ты думаешь, кому оно пойдет? Нет, Юра, я тебе по-дружески скажу. Уймись, не будь Дон-Кихотом.

Тут я оглянулся на дверь, наклонился к нему и тоже театральным шепотом сказал:

— И я тебе по-дружески. Тоже между нами. Если бояться бандитов, тогда совсем жить не стоит. А твой босс должен, по-моему, выбрать, кем он хочет быть — бандитом или депутатом горсовета.

Валера посмотрел на меня наигранно чистыми и невинными глазами и спросил:

— А разве это не одно и то же? Ну, с тобой каши не сварить. Что мне передать?

— Передай, что я в таком духе разговаривать не намерен.

На этом мы распрощались. Я настолько твердо решил отдать все Сазонову, что даже не пытался торговаться с Садко, не предлагал вариантов, не пытался продолжить переговоры. И не сомневаюсь, что «в зоне» это прекрасно поняли. Оставалось ждать серьезных неприятностей.

Когда я подробно рассказал о встрече Семену, он подергал себя за нос и объявил, что не завидует ни мне, ни себе. Мы немедленно решили нанять сразу две крыши — одну для меня, покрепче, другую для него, подешевле. Моей крышей стал уже известный вам Жора, бывший рецидивист, а ныне примерный семьянин, который в меру своих способностей зарабатывал на

жизнь жене и пятилетнему сынишке. Моя больница и парк напротив просто были рабочим местом добросовестного труженика.

Мы предполагали, что следующий заход будет к Семену. И не ошиблись. Позвонил ему все тот же Валера, с которым Семен тоже был давно знаком, и предложил встречу в парке среди бела дня. Выслушивать Сенины объяснения, что он, мол, давно не хозяин, а просто наемный служащий, Гуськов не стал, а молча сунул ему копию нашего секретного договора — и был таков. «Да, фирма веников не вяжет», — только и смог очередным присловьем отреагировать Семен.

Теперь мы оказались в равном положении. Если раньше были иллюзии, что в непосредственной опасности нахожусь я один, то теперь мы загрустили вместе и дружно. Положение Семена было даже более сложным, чем мое. «В зоне» наверняка сложилось мнение, что Семен по своему семейному положению и по характеру более слабое звено в нашем союзе. Я был действительно дурак-одиночка и рисковал только собой. Да, мы с Семеном тосковали дружно, но по-разному. Семен больше всего хотел выбраться живым и здоровым из этой ситуации и не скрывал этого. Он внутренне почти смирился с неизбежным. Долгие годы, проведенные там, «за бугром», ослабили его связь с фирмой. Да и деньги, которые он у нас получал, были по западным меркам не ахти какими. Семен хорошо напрактиковался в немецком, знал страну, наладил связи. Учитывая его коммуникабельность и активность, можно было не сомневаться, что он в конце концов найдет работу в Германии и сохранит тот уровень жизни, к которому привык.

Мои переживания имели немного другое направление. Я, как ни странно, всерьез не опасался за свою жизнь. Покушение на нее казалось мне слишком театральным, вряд ли, думал я, практичный Садко пойдет на это. Но все другие мысли и чувства забивал ужас перед неизбежным расставанием с фирмой. Как я останусь без того, что последние пятнадцать лет занимало почти все мои мысли, составляло большую часть моей жизни, — без фирмы «Американская кухня»? Этого я не мог себе представить. Столько трудов в неё вложено... И отнюдь не только из альтруистических соображений.

Я уже забыл, как живет у нас обычный средний труженик. Я забыл, когда в последний раз ездил в общественном транспорте. Завтракал и ужинал я действительно скромно дома, домработница Наташа готовила мне еду сразу на два дня, но обедал в приличном кафе или ресторане. Покупал вещи в фирменных магазинах, объясняя себе и окружающим, что дешевые вещи покупать невыгодно. Конечно, невыгодно, когда есть деньги! Я действительно не каждый год мог пойти в отпуск, но зато ездил отдыхать за границу. В кои-то веки могу себе позволить такое! — оправдывался я перед коллегами. А мои деловые визиты в Европу и Америку вполне могли сойти за краткосрочный, но отмененный отпуск, и каждый из них обходился в сумму, едва ли не равную годовому окладу столяра в нашей мастерской. Можете добавить к этому отличную квартиру, современную и удобную мебель, неплохую дачку — и так далее, и тому подобное. Законы диалектики в действии...

Я привык к такому образу жизни и уже не замечал его. И хоть я действительно не строил планов на будущее, потеря настоящего отчаянно пугала меня. Я готов был на все, что угодно, только бы не разрушить фирму. Но никакие, даже самые смелые планы, даже при самом удачном их воплощении, не спасали от разорения. Кроме уже упомянутого проекта-прожекта. Он не только выручал нас из беды, но и открывал широкие перспективы. У проекта был только один дефект — невыполнимость.

С удовольствием отмечаю, что Семен в этой ситуации вел себя в высшей степени достойно. Конечно, он боялся за себя и еще больше за Лену, конечно же, он не раз откровенно говорил, что испытывает большое желание просто продать все с молотка, а Сазонов ему не брат, не сват и «тот еще хмырь». Но Семен прекрасно понимал главное: если мы уступим такому наглому, бесстыдному шантажу «зоны», то обеспечим себе память о позоре на всю оставшуюся жизнь.

Мы решили начинать ликвидацию. Или пан, или пропал. Семен уехал в Германию, он должен был работать с поставщиками и Сазоновым, и это было очень даже кстати — от греха подальше. Мы набрали в легкие побольше воз духа и собрались нырнуть в омут проблем. И в этот момент произошло то, во что я не верил, — меня вырубили. Трудно было предположить, что это случайность, такие совпадения маловероятны. Никто не сомневался, что это работа «зоны».

Ну вот, теперь вы знаете о моем прошлом почти все сколь-нибудь существенное. Вернемся в клинику реабилитации.

Глава третья. Снова больница

Я и Менделеев

Что ж, перепрыгнем снова в тот день, когда ко мне почти одновременно вернулись и владение телом, и сознание. Для одного человека и для одного дня впечатлений было более чем достаточно, и к вечеру я почувствовал сильнейшую перегрузку. Мысли распирали голову, а возможность отдавать команды телу, от которой я отвык, совершенно сбивала с толку — руки-ноги непроизвольно дергались и мешали уснуть.

Я попросил дежурного врача, и мне второй раз за этот насыщенный событиями день вкололи мощное успокоительное и снотворное. С облегчением я почувствовал, как уходит напряжение, рассеиваются и становятся туманными мысли. «Все будет хорошо, самое страшное уже позади. Все наладится...» — успел подумать я и провалился в целительный сон.

Проснулся я на следующее утро часов в одиннадцать, посвежевший и отдохнувший. Врачи под руководством Димы немедленно стали надо мной колдовать, делали анализы и всевозможные тесты. Дима удовлетворенно сообщил, что тренажеры, которые все время нагружали и разминали мое бесчувственное тело, сыграли свою роль (двести долларов в день!). Тонус мышц и подвижность суставов не утрачены. И теперь, если мы вместе хорошо поработаем (он подчеркнул — «мы вместе»), то восстановление много времени не займет. Сколько? Недели три-четыре.

— После такой травмы и шестнадцати дней неподвижности это прекрасный результат, — добавил он самодовольно. — Но одно нужно учесть. Вы со своей головой должны отныне обращаться очень осторожно.

У отца Федора был счастливый и торжествующий вид. «Ну что я вам говорил! — легко читалось у него на лице. — Господь милостив. Он все видит и все прощает. А вы не верили! Теперь убедились, что напрасно спорили со мной?» Добрая душа, он, казалось, радовался больше меня. Впрочем, может, так оно и было. Груз навалившихся проблем мешал во всей полноте чувствовать радость и облегчение.

Но в одном отец Федор ошибался. Я не напрасно спорил с ним. И, оказывается, вовсе не случаен был мой бунт против тех основ, которых я старался придерживаться с детских лет. Не всегда у меня это получалось, жизнь заставляла отклоняться, но я изо всех сил пытался противиться искушениям. И всегда казнил себя за отступление. Нет, не случайно я решился на пересмотр жизненных позиций и на восстание. В то утро я осознал это со всей отчетливостью.

Всем известна легенда о том, как Менделееву во сне явилась периодическая система элементов. Со мной произошло подобное. Все то время, когда я ничего толком не мог вспомнить, в моем подсознании, очевидно, шла напряженная работа. Там было принято окончательное и бесповоротное решение: если мне удастся прийти в себя, я буду непреклонно, шаг за шагом осуществлять свой бредовый и невероятный проект-прожект. Чего бы мне это ни стоило. Он один способен превратить поражение в победу.

Мне надоело быть умеренным и серьезным дураком-одиночкой. И если мой характер, мои взгляды не соответствуют этой задаче — значит, нужно стать другим, только и всего.

Пока врачи исследовали меня со всех сторон, я с неожиданной решительностью наметил первые шаги выполнения плана, который под видом хобби обдумывал еще до больницы. Окончательное название операции закрепилось само собой — операция «Прожект».

Дима, получив первые данные обследования, запретил пускать ко мне посетителей хотя бы в течение трех дней. А там посмотрим...

Что ж, это совпадало с моими желаниями. Нужна была пауза, чтобы спокойно все обдумать, чтобы привыкнуть к новой жизни, в конце концов. Но все-таки я попросил Диму сделать одно исключение — для Семена с Леной. Я должен был узнать, не произошли ли какие-нибудь кардинальные перемены. Конечно, маловероятно, но кто его знает...

Я объяснил Диме, что положение моей фирмы очень серьезно, и для меня гораздо тяжелее неизвестность, чем самый печальный результат.

— Только пять минут. Мне больше не нужно. Я спросил, они ответили — и беседе конец.

— Ну хорошо, — смилостивился Дима, — но не больше пяти минут.

Очевидно, и до него дошли какие-то слухи.

Как обычно, в полпятого вечера появились Семен и Лена в сопровождении самого Димы. Он этой ночью дежурил.

— Пять минут — и ни минутой дольше! — он внимательно посмотрел на меня и, ничего не углядев подозрительного, оставил нас одних.

Отец Федор немедленно поднялся с постели, извинился, — ему пора на прогулку, — и деловито вышел в коридор. Мы могли разговаривать свободно.

Им явно не сказали, что память ко мне полностью вернулась, но когда я посмотрел на Лену, она сразу это поняла и залилась краской до самых корней волос.

Когда они уселись и Семен открыл рот, чтобы сказать что-нибудь жизнерадостное и ободряющее, я опередил его:

— Ребята, я все вспомнил, все, от начала и до конца, — я невольно перевел взгляд на Лену. Она побледнела так же сильно, как покраснела прежде. Я опять уставился на Семена, который сидел с удивленно открытым ртом. — Давайте не тратить время на охи и ахи, его у нас слишком мало.

Семен наконец пришел в себя, облегченно вздохнул:

— Ну и слава богу. Наконец-то! Сколько можно валяться на этом курорте...

— Сеня, ближе к делу. Что-нибудь существенно изменилось?

— В лучшую сторону ничего.

— А в худшую?

— В худшую просто некуда...

— Ты ничего пока не менял?

— Нет, ничего. Тянул резину, сколько мог.

Я с облегчением вздохнул — и снова взглянул на Лену. Она под моим взглядом опять стала заливаться краской. Я отвел глаза...

Семен тем временем продолжал:

— Мне вчера позвонил «богатый гость». Лично. Удостоил меня. Он сразу взял быка за рога и предложил объявить тебя недееспособным. Оформление он берет на себя. И тогда все решится без тебя и без меня. Для ответа мне дано три дня срока. Полтора уже прошло.

Семен посмотрел на меня вопросительно. Во взгляде читалось: «А может, это вариант? Ни ты, ни я не будем виноваты, и ну его к черту?»

У меня в голосе прорезался металл:

— Ничего, немного потерпит. Ты не забыл, по чьей вине я тут лежу?

Теперь и Семен покраснел. Они оба сидели напротив меня ярко-красные.

Без стука зашел Дима и решительно сказал:

— Господа, ваше время истекло.

— Одну минутку. Лена, вы бываете в моей квартире?

— Бываем. Людочка отдала нам ключи. Она сейчас очень занята...

— Бог с ней, — я махнул рукой. — В письменном столе, в большом ящике, лежит папка с надписью «Леонид Михайлович». Передай, пожалуйста, ее мне через Жору, хорошо? И хозяйничай там, чувствуй себя как дома.

Она опять стала бледнеть. А я снова отвернулся, чтобы не продолжать экзекуцию. Семен ничего не замечал, очевидно, составляя план будущей баталии.

Они попрощались и ушли. Дима на всякий случай сделал очередной укол, после которого я почему-то вспомнил свой позапрошлогодний отдых на Средиземном море в гостях у Леонида Михайловича. Лихницкий на волне «большой алии» двенадцать лет назад уехал на историческую родину и, мне казалось, неплохо чувствовал себя в качестве репатрианта. Мысленно я наслаждался жарким солнцем и ласковым морем. Все было настолько реально, что я даже заговорил на иврите, чем немало удивил пришедшего с очередной прогулки отца Федора. В этот вечер я раньше обычного отошел ко сну...

Со следующего дня я прекратил все сомнения и колебания и приступил к планомерной подготовке операции «Прожект». Прежде всего, нужно было подготовить личный состав армии, которая была изрядно потрепана в оборонительных боях, а точнее, разбита наголову (острота в духе Семена...) Этим занялись мы с врачами. Преодолевая боль и лень, я не за страх, а за совесть трудился на разнообразных тренажерах и безропотно подставлял зад под бесконечные уколы. Я глотал кучу таблеток, соглашался на подключение ко всяким аппаратам и, в конце концов, заработал репутацию идеального больного. Но это была только одна сторона проблемы.

Я уже писал: если я не подхожу по характеру и взглядам для операции «Прожект» — значит, нужно стать другим, только и всего. И я добросовестно и настойчиво пытался этого добиться.

Пока отец Федор не выписался из больницы, он был оселком, на котором я обтачивал свои новые доморощенные теории. Мы с удовольствием возобновили вечерние дискуссии. Отец Федор после моего чудесного воскрешения был уверен, что я оценю доброту и милосердие всевышнего. Каково же было его удивление, когда он понял, что я не только не смягчился сердцем, но, наоборот, замахнулся на основы основ.

Кстати, одну из наших бесед я впоследствии по памяти восстановил, записал и опубликовал на своем сайте — www.eretic.ru. Это было в разгар операции «Прожект», когда сомнения и угрызения совести с новой силой набросились на меня. Впоследствии с этим моим сайтом стали происходить удивительные истории. Но об этом позже.

Статья называлась «Дискуссия еретика со священником». С вашего разрешения, я здесь приведу отрывок из нее, и, надеюсь, вам станет понятно, к каким подвигам я себя пытался подготовить. Те, кто не любит доморощенную философию, могут этот фрагмент пропустить.

Я. Почему в жизни гораздо чаще успеха добиваются плохие люди? Должна быть этому объективная причина! Это же очевидно, люди, не придерживающиеся религиозных принципов морали, иначе говоря, плохие люди, гораздо чаще преуспевают, ведь так?

О.Ф. (Отец Федор) Да, намного чаще, приходится признать. Это очевидно.

Я. Так может быть эти принципы сами по себе действительно во многом ошибочны и вредны, раз они объективно служат злу и мешают добру? Мало ли, чего мы хотим, — важно, что получается на практике. Кто сказал, что плохим людям добиться успеха легче? Это неправда. Нисколько не легче, скорее наоборот. Плохих нигде не любят и не делают им никаких скидок. Хорошему человеку скорее пойдут навстречу. У плохого объективно нет преимуществ. Да, мне действительно кажется, что главная причина именно в этом. Наша христианская — в широком смысле этого определения — мораль мешает успеху тех, кто ее слишком добросовестно придерживается. Вот в чем парадокс. Хороший и совестливый человек искренне следует идеалам, которые в него заложили еще в детстве и которые он считает истинными. Но часть этих идеалов является объективно вредной для человека и даже для общества. Именно эти ложные взгляды ему мешают. А плохому человеку они не мешают, он их в упор не видит.

О.Ф. И какие же это вредные взгляды?

Я. Пожалуйста. Прежде всего, может быть, сама безоглядная вера. Если веришь в то, что кто-то тобой руководит, то этим ты невольно снимаешь с себя часть ответственности и вины и возлагаешь ее на всевышнего. Ему виднее. Отсюда и смирение. Смирение, безропотное подчинение судьбе — вот уже хорошая основа для проигрыша. А вот еще идея равенства, хотя бы и перед богом, — она учит не стремиться обойти других, не обгонять и тем самым не обижать. Мало? Тогда добавим справедливость — самую большую и самую вредную неправду: во-первых, неизвестно, с чем ее едят, а во-вторых, она уравнивает активного и пассивного. И на закуску — еще одна немаловажная причина, по которой хороший человек уступает плохому.

О.Ф. Какая причина?

Я. В основе религиозной морали лежит необходимость жертвовать своими интересами ради других, а значит, объективно действовать себе во вред. Чем больше себе навредишь, тем ты лучше и порядочнее.

О.Ф. Это вы слишком...

Я. Нет, именно так. Как тут добьешься успеха?

О.Ф. И к какому выводу вы приходите?

Я. Повторю то, что уже говорил. Значительная часть привычной морали в наших условиях объективно приносит вред человеку. Мы должны учить тому, что человеку и человечеству на пользу, а не во вред.

О.Ф. Но, дорогой мой, все не могут быть победителями. Религия учит нести бремя неудач и не роптать...

Я. Вот-вот, и не роптать. Хорошее слово! Бог терпел и нам велел. И я о том же. Верующий человек больше подготовлен к неудаче, чем к успеху. Религия и мораль учат переносить поражение, а как добиться победы — не учат. Ведь так? Смирением успеха не добьешься.

О.Ф. Не знаю, не знаю... я все-таки думаю так: надо человека учить хорошему, а плохому он сам научится.

Я. Что значит — плохому?

О.Ф. Ну вот этому — побеждать, обгонять, отнимать у другого...

Я. Вот я об этом и говорю. То, чего человек может добиться, его успехи и победы заведомо считаются чем-то грешным. Это заложено в подсознании. И каждый для себя решает дилемму: поступиться моралью, либо проститься с успехом. Ведь так? А ведь на этом прогресс держится — на стремлении обогнать и отобрать. Потому что реальная жизнь, особенно в наше время, — соревнование, а религия на это закрывает глаза.

О.Ф. (с ужасом). Отобрать?

Я. Да, отобрать. По принятым нормам, по закону, но все-таки отобрать. Видите, насколько ложны наши идеалы? Вы пришли в ужас, когда я сказал то, что всем известно. Или я циник, или мы лицемеры. А что хуже? Если человек хочет продвинуться на работе, значит, он отнимает это место у другого. Заработаешь больше денег — значит, другим меньше достанется, значит, отнимешь у других. Отбил девушку — тоже отнял. Не убил, не зарезал, не отравил, но отнял. Что ж мы так таращим глаза?

О.Ф. Выходит, всех нужно воспитывать бандитами?

Я. К чему такие крайности? Но разве лучше всех с детских лет обманывать? В новом веке пора искать новые принципы, раз старые себя не оправдали. Иначе все вылетит в трубу. Я знаю, что такая идея тоже стара, как мир, но может быть именно в наши дни это становится правдой?..

О.Ф. А чему, по-вашему, надо учить?

Я. Если коротко — соображать и взвешивать. Сейчас эпоха разума. Что на пользу тебе и большинству, то морально, что во вред — плохо. Сколько можно противопоставлять мораль и пользу? Это одно и то же! Ненормально, когда человек из моральных соображений делает всем хуже и сидит посреди обломков вполне довольный собой - моя совесть чиста. Вы оглянитесь вокруг — такое происходит сплошь и рядом.

Я прекрасно помню - последние две фразы произвели на отца Федора большое впечатление. Видно он и сам был знаком с такими крестоносцами добродетели, которые из самых благих побуждений разрушали все вокруг.

На этом заканчивается запись, но беседа наша с отцом Федором продолжалась. И эту часть я советую внимательно прочитать.

Отец Федор помолчал, потом неожиданно не то спросил, не то сделал вывод:

- Юрий Сергеевич, а не пытаетесь ли вы заранее подстелить себе соломку?.. К чему бы это? К каким таким подвигам?

Я невольно смутился. Смутился и отец Фёдор. Попавшее не в бровь, а в глаз замечание прозвучало непривычно резко в его устах. Поэтому последовало поспешное продолжение:

— Простите, увлекся. Но в рассуждениях всегда все просто. А вот в жизни... Всегда бывает, что кому-то становится хуже, кому-то — лучше. Трудно разобраться.

— Человек на то и сапиенс, чтобы научиться разбираться. Взвешивать. С ошибками, с болью. Но хотя бы пытаться. Сколько можно жить за счет эмоций? Там, где главная движущая сила эмоции и принципы, — жди беды.

— А хоть один пример вы привести можете? Как, по вашему, нужно поступать?

Тут я задумался, помолчал немного и тихо начал:

— Пример? — перевел дух и продолжил: — Пожалуйста, вот вам пример. Есть у меня... родственник.

— Близкий? — с подозрением заинтересовался отец Федор.

— Нет, так, десятая вода на киселе. А у него, этого родственника, есть близкий друг — не разлей вода. Они дружат уже много лет. В юности они чуть не рассорились навсегда.

— Девушка? — проницательности его я не переставал удивляться.

— Да. Друг моего родственника полюбил девушку и стал с ней встречаться. Но вышло так, что мой родственник и она, эта девушка... — тут я замолчал и унесся мыслями в прошлое.

— Ну-ну? — нетерпеливо произнес отец Федор.

— Полюбили друг друга. Она бросила друга и ушла к родственнику. Это была настоящая любовь, они с моим родственником жили бы долго и счастливо и умерли бы в один день, если бы... Но это уже другая история. Хотя и там вмешалась мораль... Но это действительно другая история. Так вот, мой друг... то есть друг моего родственника тяжело пережил эту историю. Он много лет не женился. Все искал такую, которая смогла бы заменить в его сердце первую любовь.

Я и сам не заметил, как перешел на мелодию народной сказки.

— И он нашел такую женщину?

— Да, не так давно, наконец, нашел.

— И она полюбила этого друга? — отец Федор, который до этого лежал, уселся на кровати и всем телом подался ко мне.

Это был непростой вопрос. Я опять задумался.

— Это была женщина, взрослая, хотя и молодая женщина, со своей историей и своей жизнью. Она тоже долго искала свою половину, время шло. Ей исполнилось двадцать восемь лет. Сколько можно было искать? Друг моего родственника нравился ей — словом, они поженились.

— Да, дела, — пробормотал отец Федор, словно предчувствуя печальную развязку.

— Мой родственник, так получилось... они жили в другом... в другом городе. Так вот, он познакомился с ней только через год после свадьбы. Ну что тут можно поделать? Они сразу поняли — оба, и родственник, и женщина, — что жить друг без друга не могут. Нет, конечно, могут, но такая жизнь им не нужна... Вот как бывает, Федор Степанович.

— Ох ты, боже мой... Ох, боже мой...

Мы опять помолчали.

— Мой родственник тоже ждал ее много лет.

— Ах ты, господи... И что они сделали?

— Что? — с нескрываемой иронией ответил я. — Поступили по совести. Мой родственник не смог во второй раз так больно ударить друга. Так и живут. Благородно, по совести... и во лжи. Скрывают свою беду от него — и друг от друга.

— Да, вот вам, Юрий Сергеевич, жизнь. Разум говорит одно, а совесть — другое. Как тут решить? Ай, а ведь если даже уйдет она к родственнику, они не только друга сделают несчастным, но и самим им совесть не даст жить спокойно. Ведь съедят они себя, если душа в них осталась.

Тут я вспыхнул:

— Вот об этом я и говорю, Федор Степанович. Съедят, это вы верно заметили. Об этом и речь. Что ж это за мораль и совесть, что всех делает несчастными? Их двоих — это само собой. Но у него, у друга этого, положение еще хуже. Жить с человеком, который тебя не любит, жить во лжи и за счет счастья других? И даже не знать правды? Вот вам пример, который вы хотели услышать.

Отец Федор улегся на койку, покряхтел, поворочался с боку на бок. Но советов давать не стал. Мнения своего не высказывал. Молодец, Федор Степанович. Умница. Что он мог сказать, что посоветовать?

Но я-то должен был, обязан был решать. С этого должны были начаться активные действия и по претворению в жизнь операции «Прожект», и по устройству собственной жизни. Для меня это было отнюдь не теоретическое решение пусть даже самых наболевших вопросов. To be or not to be.

Интересно было сознавать, как при болезненном, но разумном решении этой проблемы попутно сами собой утрясались очень важные вещи. Сразу сходилось все. Наша с Леной судьба — само собой. И это главное. И дальше. Я обязан был вывести Семена из-под возможного удара «зоны». А как сделать, чтобы они поверили, что он действительно от меня ушел, не притворяясь? Что он искренне не желает со мной иметь дела?

И если я потеряю все имущество (а это очень вероятно), то Семен больше не будет считать себя обязанным продавать свое там, в Германии. Он вообще ничем не будет мне обязан.

И Лена все равно в конце концов от него уйдет.

Вот и выходило, что все одно к одному.

Если бы не совесть...

Но ждать сейчас нельзя, ситуация не позволяет. Теперь, когда я был почти уверен, что покушение на меня — дело рук Садко, трудно предугадать, куда его может занести. И в то же время будем рассуждать здраво: я сейчас не смогу провести жестокую операцию над Семеном, операцию без обезболивания. У меня на это просто сил не хватит. Придется отложить ее хотя бы на те три дня полного отдыха, которые мне в приказном порядке назначил Дима. Я слишком слаб и перегружен впечатлениями последних дней. Можно не выдержать...

Помните, как Штирлиц приказал себе уснуть ровно на двадцать минут? Я решил проделать такой же фокус и приказал себе на трое суток полностью забыть все неприятности, свалившиеся на меня. «Не думай о белой обезьяне...» И к моему удивлению, это почти получилось. Может, окрепла воля, может, опять сработала защитная реакция организма, а скорее всего, и то и другое.

Операция без наркоза

Три дня ареста, наложенного на меня Димой, не пропали даром. Я определенно делал успехи, если судить по его одобрительному хмыканью на утреннем обходе. И на четвертый день я решил прекратить свой отпуск и взяться за работу.

В это утро Дима после детального и добросовестного обследования не только хмыкнул, но и покровительственно похлопал меня по плечу. Я был польщен и тут же воспользовался его благорасположением. Я попросил допустить ко мне Жору, и желательно побыстрее. Не встретив сопротивления, я пошел дальше и потребовал установить телефон (двести долларов в сутки!). Дима и на этот раз не возразил. Тогда я попросил пустить ко мне вечером двух посетителей. Вместо ответа Дима еще раз прослушал мой пульс и сказал:

— Но платить за разговоры будете вы сами.

Такой ответ можно было считать согласием. Он деловито поднялся и перешел за занавеску к моему соседу. Там немедленно зажурчал тенорок отца Федора, а я принялся строить планы.

Все-таки новое поколение врачей кое-чему научилось — во всяком случае, оперативности. Когда полтора часа спустя меня привезли в палату после процедур, в изголовье кровати на тумбочке стоял телефон, а возле него сидел с независимым видом Жора.

Я поздоровался, Георгий ответил мне неторопливым кивком головы. Так же неторопливо он передал мне красную папку с надписью «Леонид Михайлович».

— Спасибо. Жора, есть один вопрос. Здесь наверняка кто-то информирует обо мне «зону» — я имею в виду Садко. Ты не мог бы узнать, кто это?

— А чего узнавать, нечего узнавать, — он пожал плечами. — Это белобрысая такая сестричка. Она меня и позвала к вам.

— Светочка?

— Она самая.

— А как ты узнал?

— А чего узнавать, нечего узнавать. Ее после каждой смены Хлыщ поджидает.

Я не знал, кто такой Хлыщ, но значения это не имело. Ситуация была ясна.

— Жора, у тебя есть мобильные телефоны Семена и Лены?

— Есть.

— Запиши мне на папке. Спасибо. Ну, пожалуй, все.

— Так я пошел?

— Да, спасибо, до свидания.

Отец Федор еще не вернулся после процедур, и я решил прежде всего позвонить Леониду Михайловичу. Я набрал по памяти его номер, но на двух языках мне ответили, что номер не подключен. Это еще что такое? Набрал его мобильный телефон, или, как его называют израильтяне, пелефон. Тот же результат. Что еще там стряслось? Такого варианта я не предусмотрел.

Нашел в конце папки номер пелефона Лелика — Лихницкие с его семьей дружили домами. Лелик, к моему облегчению, взял трубку.

— Добрый день, Лелик. Это Юра Марков. Ма нишма? — щегольнул я знанием иврита. У меня в запасе было еще штук тридцать ивритских слов. «Ма нишма» означало «что слышно».

— Беседер, — автоматически последовало в ответ, но голос был какой-то смущенный. Или мне показалось?

— Я звонил Леониду Михайловичу, но его телефоны не отвечают. Там все в порядке?

— Как сказать... — неловкая пауза. — А ты разве не в курсе дела?

У меня все внутри оборвалось, но говорю абсолютно честно — я только потом подумал, что все мои планы могут ухнуть в тартарары. Первой была тревога за Леонида Михайловича. Я отчетливо почувствовал, как много он для меня значит. В какой-то степени он заменял Маркова, которого я никогда не видел.

— С ним что-то случилось?

— Нет, — заторопился Лелик, — он жив и практически здоров...

— Практически — это как? — но у меня отлегло от сердца.

— Не в здоровье дело.

— А в чем?

— Нина дала ему развод.

Нина была женой Лихницкого, и прожили они вместе не меньше двадцати лет. Я не поверил своим ушам.

— Что значит дала развод?

— Через суд.

Лелик помолчал, наверно, набирался мужества. И добавил:

— Практически она выставила его из дома.

— Из дома? Из его собственного дома? В его годы? Ему почти семьдесят лет!

— Но ей всего пятьдесят три. Нет, я не оправдываю, я просто объясняю ситуацию.

— Но почему ушел он, а не она?

— Это долго объяснять. Во-первых, у нее ребенок...

— Ребенок? Балбес двадцати пяти лет...

— В общем, у них нервы оказались крепче. И здоровье... Леня не выдержал унижения, ты же его знаешь. Нина ему прямо сказала: «Что ты за мужик, другой бы на твоём месте ушел куда глаза глядят». Ну его и как ветром сдуло. Ты его знаешь...

— Да говори ты толком!

— Нина сейчас живет с Мучником. Ты его тоже знаешь. Он с нами в одной компании.

— Это который пил?

— Он бросил... Кажется.

Мучник был здоровым детиной, моложе Лихницкого лет на двадцать. Работал не то токарем, не то слесарем. Зарабатывал неплохо. На выпить и закусить денег хватало. И на все остальное тоже. Не то что пенсия Леонида Михайловича... Ну дела!..

— Они живут в доме Лихницкого? С этим Мучником?

— Выходит, что так.

— И вы с ними теперь тоже дружите семьями? Красноречивое молчание в ответ.

— Где сейчас Лихницкий?

— Переехал в Нагарию, его не видно и не слышно. Я был у него на прошлой неделе, — Лелик явно оправдывался. — Чувствует себя вроде неплохо, но как бы это сказать... сломался.

— Его новый телефон у тебя есть? — мне стало тяжело с ним разговаривать.

Лелик продиктовал номер мобильного телефона — обычного у Лихницкого не было.

Он еще немного посопел в трубку и решился:

— Надо бы что-то сделать. Денег, чтобы снимать квартиру, у Лени нет, и весь он потух как-то. Боюсь, как бы это все не убило его.

— Лелик, называй вещи своими именами. Не «это» его убивает, а конкретные «эти». Это просто убийство, за которое не судят. Но есть и убийцы, и соучастники. Ладно. Спасибо за информацию.

Я повесил трубку. На душе было тяжело. Вот каков он, этот мир. Как там говорит отец Федор? «В человеке благоволение!» Вот вам и благоволение.

А я сейчас должен точно такую же попытку неподсудного убийства совершить по отношению к своему лучшему другу. Вот ведь как распорядится судьба. Где взять силы на все это? Я откинулся на койке в изнеможении. Три дня отдыха и восстановления пропали зря. Опять шумело в ушах, опять громко стучало сердце. Если я буду так болезненно реагировать на все, то до победы мне никогда не дотянуть.

Но стоп! Прежде всего, как я могу себя с ними сравнивать? Вот если бы они, Нина и ее сынок, молодые и здоровые, ушли из дому в чем были, не взяв с собой ничего, — другое дело. Но и тогда бы они не выполнили клятву «делить и в горе, и в радости». А кстати, следовало бы добавить «и в старости». Хорошо звучит: «делить и в горе, и в радости, и в старости», нужно будет предложить отцу Федору. Но нет, они, как гиены, поняли, что у него уже нет сил на борьбу. Нашел с кем и с чем себя сравнивать! Воистину, самобичевание паче гордыни.

Нет, я должен вооружиться здравым смыслом, если это действительно было решение, а не досужая болтовня. Когда же, если не сейчас? Я должен поступать так, как будет объективно лучше для всех. И прежде всего, нужно успокоиться. Если меня хватит сейчас insult, то никому лучше от этого не будет. Так что спокойствие... Я расслабился, прикрыл глаза, ни о чем не думая полежал несколько минут. Шум в ушах затих, сердце перестало выпрыгивать из груди. Молодец...

Итак, операция над Семеном. Она неизбежна. То, что я отмалчиваюсь, объективно подло по отношению и к Семену, и к Лене, а делается это в угоду моему моральному спокойствию. Якобы моральному. Этот гордиев узел надо разрубить. Плохо будет, если хирург начнет биться в истерику над пациентом. На этом месте я ехидно улыбнулся: изящно сформулировано насчет хирурга. Научился красиво объяснять. И все-таки это не казуистика для самооправдания, а самая настоящая правда.

Я решительно потянулся к телефону и позвонил Лене. Услышав мой голос, она заволновалась:

— Юра, что? Что-то случилось?

— Нет, Леночка, ничего не случилось. Я прошу тебя прийти сегодня пораньше. Часа в четыре. Сможешь?

— Смогу.

— А Семена попрошу поближе к пяти. Ну, до встречи. Целую.

На том конце провода растерянно молчали. «Леночка», «целую», — раньше я так никогда не говорил.

— До встречи... — Лена всхлипнула и положила трубку.

Я никак не мог набраться мужества и позвонить Леониду Михайловичу. Чтобы иметь основание отложить этот звонок, я занялся другим необходимым делом. Дотянулся до кнопки вызова сестры (я это делал уже довольно легко) и нажал ее. Почти сразу появилась запыхавшаяся Светочка.

— Вам что-нибудь нужно? Все в порядке?

— Светочка, есть просьба. Ты к пяти часам освобождаешься из лаборатории?

— Да, освобождаюсь.

— А работаешь до шести? Я тебя попрошу. В пять часов у меня будет очень тяжелый разговор. А я еще слаб, могу не выдержать. Будь, пожалуйста, с чем-нибудь успокоительным неподалеку. Хорошо?

Глазки Светочки загорелись живым интересом. Уж она-то будет вовремя под дверьми, можно не сомневаться.

Стрельнув глазками, Светочка исчезла в коридоре.

Придется звонить в Израиль, больше откладывать нет повода.

Но в это время вернулся веселый и неунывающий отец Федор. Вот и повод!

— Федор Степанович, мне неловко вас просить...

— Ну что вы, Юрий Сергеевич. Какие счета между сокамерниками! — Он явно обрадовался своей шутке.

— Сегодня у меня с четырех часов и до полшестого будут очень неприятные разговоры...

— Понял, Юрий Сергеевич. С полуслова. Испарюсь без следа. И сейчас испарюсь. Иду на иглу, как говорят заблудшие души — наркоманы. — И он опять залился смехом.

— Ну, вы сегодня в ударе, Федор Сергеевич! Отец Федор действительно испарился, и оттягивать тягостный звонок больше не было оснований.

Я решил вести беседу коротко и по-деловому. Лихницкий не тот человек, которому приятно выслушивать охиахи и соболезнования. Поэтому сразу после приветствий я взял быка за рога.

— Я в курсе дела, Леонид Михайлович. Но — се ля ви. Жить-то надо. Хочу предложить вам работу.

— Это благотворительная акция? — голос его, все такой же низкий, звучал глухо и без обычных обертонов.

— Нет, ни в коем случае. Благотворительной эта акция будет только по отношению ко мне. — И это действительно была святая истина. — Оклад пока две тысячи долларов в месяц.

— Не слабо. А что делать? — никаких изменений в интонации, никакого впечатления.

— Снимете в Хайфе хорошую пятикомнатную квартиру сроком на полгода.

— В Хайфу я не поеду.

В голосе появился металл, уже неплохо.

— Хорошо, в Нагарии. Завтра я вышлю пятнадцать тысяч долларов по «Вестерн Юнион». Остальное вам расскажет Лена, жена, — я невольно запнулся, — Семена. Она придет на месяц. И все расскажет подробно. А через месяц приеду я. Я тут немного приболел...

— Что-то серьезное? — в его голосе появился еле заметный интерес.

— Нет, ерунда.

— А... — интерес угас. Обменявшись несколькими общими фразами, мы благополучно закончили разговор.

Тяжелое впечатление. Но зато у меня появился еще один мощный стимул — «проект» должен был взбодрить Лихницкого. Он должен снова почувствовать себя нужным и ценным, не выброшенным за ненадобностью на обочину. Это для него сейчас самое главное. Во всяком случае, мне так кажется.

До прихода Лены оставалось еще часа три, и я было потянулся к папке с надписью «Леонид Михайлович», — но передумал. Вздремну-ка лучше до обеда, до полтретьего. Впереди меня ждут разговоры потруднее. «Штирлиц приказал себе уснуть», — это заклинание стало безотказно действовать на мой организм. Не подвело оно и сейчас. Я почти немедленно провалился в крепкий сон и, что удивительнее всего, проснулся буквально за несколько минут до обеда. Впору поверить в чудеса. Рекомендую и вам этот способ.

Лена пришла ровно в четыре часа. А без пяти четыре без следа испарился отец Федор. Какие пунктуальные люди меня окружают!

Лена подошла и села возле меня на стул.

— Сядь поближе, милая моя. Как я соскучился. Три дня тебя не видел.

Лена пересела на край кровати, наклонилась надо мной и стала потихоньку, осторожно целовать меня. Глаза, щеки, губы, нос. Опять глаза...

— Если бы ты, если бы ты... — она никак не могла произнести слово «умер», — я бы никогда себе этого не простила.

— Если бы я умер, я бы тоже себе этого никогда не простил, — попытался сострить я. Черный юмор.

Лена продолжала осторожно меня целовать. И неожиданно для себя я заплакал. Нет, не заплакал. Просто, как в кино, по моим щекам заструились слезы. Все напряжение последних дней, которое так долго требовало выхода, прорвало заслоны воли и мужского самолюбия. Лена, казалось, только этого и ждала, и ее слезы закапали на мое и без того мокрое лицо. Я почувствовал огромное и ни с чем не сравнимое облегчение. Сквозь слезы мы пытались по очереди остричь.

— Мелодрама...

— Мексиканский сериал... Ты знаешь, я никогда раньше не плакала, а с тобой все время реву, как дура.

— Ты один раз в Копенгагене это уже говорила.

— Я помню...

— Мы никому об этом не расскажем.

Я все еще пытаюсь свести дело к шутке.

— Никому. Мы теперь будем вместе?

— Всегда. До самой старости. И в горе, и в радости, и в старости. — Я помнил Леонида Михайловича. Лена опять принялась орошать меня слезами. Мне это нравилось.

Но время неумолимо шло, а к приходу Семена мы еще не были готовы. Наконец Лена успокоилась. Я попросил ее пересест на стул, иначе никакой серьезной беседы не получилось бы.

— Мы скажем сегодня Семену все. Я позаботился, чтобы об этом скандале немедленно узнал Садко. Надеюсь, тогда он поверит, что Семен действительно порвал с фирмой, и оставит его в покое. Но в этом случае он поймет, что значишь для меня ты, и тогда ты займешь место Семена.

Вы бы видели, какой радостью загорелись глаза Лены. Вот вам наша дурацкая совесть. Она была счастлива, что подвергается серьезной опасности вместо Семена, это в какой-то мере оправдывало ее прегрешения и уменьшало ее вину. Ну не глупо ли, не нелепо ли? Я понимал ее чувства, но рассудком сознавал, что эта епитимья кроме вреда ничего принести не может. Можно радоваться освобождению от опасности мужа или друга, но желать для себя мук без всякой пользы, только во искупление грехов — самый настоящий мазохизм.

Я не хотел превращать Лену в жертву долга и потребовал, чтобы она первым же самолетом вылетела в Израиль. Не реагируя на всякие «А как же ты? Как ты будешь один?», я постарался спокойно объяснить, что страх за нее, если она останется здесь, мне обойдется стократ дороже. Рассказал о Лихницком и объяснил, что отныне это член нашей семьи. И у нас с ней есть долг перед ним. Как настоящий иезуит, я, чтобы добиться своей цели, делал особое ударение на словах «у нас», «наша семья», «наш долг». Оправдывает меня только то, что мы оба от этих слов получали одинаковое удовольствие.

Я сказал, что поездка в Израиль одновременно и работа: она должна привести в боевую форму нашего нового и очень важного для фирмы сотрудника. Разумеется, я имел в виду Лихницкого. Лена, я видел по глазам, тоже решила, что это всего лишь благотворительная акция. Разубеждать ее я не стал. Любая лишняя информация могла только навредить...

Как всегда с небольшим опозданием и как всегда запыхавшись, появился Семен. Он по-прежнему пытался изобразить бодрость и веселье, но вид у него был далеко не победительный.

Глаза вообще провалились куда-то к затылку, морщины на лбу, как шрамы. Какое уж тут веселье. Кроме того, здесь, в палате, были два человека, которые знали его как облупленного.

Я сразу задал прямой вопрос:

— Давай выкладывай, что там еще стряслось?

Семен указал глазами на Лену. Наверно, не хотел ее пугать.

— Будем говорить при ней. Так что стряслось?

— Я снова разговаривал с Садко. Он сказал, что ты уже никого не интересуешь. После такого инсульта любой суд признает тебя недееспособным. И сострил: тем более что это будет не любой суд, а вполне конкретный. Ты понимаешь? В открытую!

— Ну, дальше.

— Дальше — больше. Сейчас фактический хозяин фирмы, мол, я, Семен Альтман, как единственный совладелец. И банк «Южный» подал в суд срочный иск о взыскании долга с меня. Ну, сумму ты знаешь.

Я кивнул головой. Знаю, во сне вижу.

— Дальше он так интересно завернул, что только ахнешь. Примерно так. Вы человек еще молодой, в здравом уме и трезвой памяти. Ха, так и сказал — «трезвой памяти». Семейный. На слове «семейный» он сделал ударение. «В отличие от Маркова, вы не пострадали от травмы», — как тебе нравится такая наглость? Он нахально уставился на меня и переспросил: «Ведь не пострадали? Нет? Ну вот, вам, Альтман, и решать. Сколько дней тому назад мы с вами разговаривали? Три? Нет, четыре. Вот и думайте. Счетчик включен». Так напрямую и сказал, как в кино: счетчик включен. Попер в открытую. Ну ничего не боится — ни бога, ни черта. Вот такой сегодня бал у Шнеерзона по прозвищу Садко из зоны. Ха, в рифму.

Признаюсь вам, такого поворота я не ожидал. Вообще, во всей истории с моей травмой все-таки было много нелогичного и даже нелепого. Садко был, разумеется, в душе настоящий мафиози, но при этом не дурак. Человек держит полгорода в руках, стоит ли затевать мокрое дело, даже если это вопрос престижа? Всем известно, что при заказном убийстве дело не в деньгах. При нынешних ценах на киллеров заказ стоит дешевле приличной рекламы. Это не деньги. Главное — избавиться от следов, а это дорогое и ненадежное звено. Всегда есть риск. Ну допустим, допустим, они пошли на риск. Но откровенно бравировать этим и в открытую признаваться? Устраивать какой-то гротескный спектакль? Вместе с киношным «счетчик включен»? Совсем уже чушь. Так можно вести себя, когда не просто уверен, что твои люди в этом не участвовали, но и знаешь настоящих виновников... Когда хочешь до смерти запугать, ничем не рискуя.

А может, все-таки прав был Валера Гуськов, и у них, выходцев из мест не столь отдаленных, другая психология, другие нормы поведения? Нет, сейчас не время рассуждать.

И как бы отвечая моим мыслям, вступил Семен:

— Надо что-то делать, Юрка. Тут лучше перебдеть, чем недобдеть. Ха!

К сожалению, он был полностью прав. Я взглянул на Лену. Она едва заметно кивнула головой. Все было ясно. Альтернативы не было. Как отмашка судьбы на старте, за полуоткрытой дверью мелькнул белый халат Светочки. Она заняла удобную для подслушивания позицию. Все были на местах. Можно начинать.

Воспользуюсь правом автора и не буду пересказывать наш дальнейший разговор. Хотя вся картина стоит у меня в памяти и в цвете, и в звуке. И часто снится по ночам.

Когда Семен выходил из палаты, он шел ничего не видя перед собой, натываясь на мебель и стены. Лена посидела несколько секунд, потом опрометью кинулась за ним, бросив мне:

— Сейчас вернусь.

Оказалось, я просил Светочку быть готовой не для профформы. Я с трудом дотянулся до звонка и, крихтя, повернулся к вбежавшей сестричке задом в ожидании укола.

Спустя несколько минут вернулась Лена. Лица на ней не было. Ох и достается же ей в этих жерновах!

Весь вечер мы просидели молча. Она держала мою руку в своей и лишь время от времени шевелила губами — считала пульс.

Перед ее уходом я сказал:

— Возьми на завтра билеты на поезд. Поедешь в Германию. Оттуда самолетом.

Слава богу, у Лены было немецкое гражданство, визы нигде, в том числе и в Израиле, не требовалось. Она только кивнула головой. Ситуация к дискуссии не располагала.

Я был по горло сыт сегодняшним днем. Слава богу, он наконец закончился.

Первые залпы

Лена уехала, как и обещала, на следующий день. Утром она зашла ко мне, мы попрощались и обо всем договорились, стараясь не называть лишних фамилий. Вот до чего дело дошло. Я записал ей телефон Леонида Михайловича и еще один израильский телефон, на всякий случай, своего бывшего сокурсника Сиперштейна. Сказал, что им туда пока звонить не буду, не стоит. Прямо плохой (или хороший?) детектив. Хоть иногда мне казалось, что больше похоже на пародию...

А в четыре часа появилась озадаченная Верочка, она же мой уважаемый и любимый главный бухгалтер и одновременно главный экономист Вера Николаевна. К ней в офис после обеда явился Семен, «просто вне себя», и вручил заверенное по всей форме у адвоката заявление. Она мне это заявление показала. Семен официально отказывался от своей доли в фирме, без всяких претензий, и разрывал с нами с сего числа любые отношения.

— Когда я спросила, в чем дело, он сказал, чтобы мы забыли его фамилию, имя, отчество, — и ушел. Почему отчество?

Действительно, при чем тут отчество?

— Но это еще не все. «Южный» банк подал иск о конфискации нашего имущества в связи с неуплатой долга. И, — она покраснела, — на основании твоей недееспособности. И приложена справка из этой клиники, что врачи пока не могут гарантировать... — Верочка смешалась.

Ах, и справка уже есть. Ну Дима, ну профи. Впрочем, работу в такой клинике действительно терять жалко. Верочка передохнула, потом взяла себя в руки и продолжила:

— Дело будет слушаться в пятницу, через четыре дня. Юрочка, что творится?

Что мог, я Верочке объяснил, как мог, ее успокоил. Хотя мог я не так уж много. Рассказал о себе и о Лене, она ужаснулась: «Только этого нам не хватало!» — но комментировать ситуацию не стала. Я сказал, что Лена уехала. А насчет иска из банка дал ей такие инструкции:

— Отвечай всем только одно: я сотрудник, ничего не знаю и знать не желаю. Хозяин выздоровеет, тогда и обращайтесь к нему.

— Так оно, собственно говоря, и есть.

— Тем более.

Но Верочка была не в таком уж неведении, как изображала, — оказывается, Лена с ней успела вчера поговорить и, видимо, поручила меня ее заботам. И то, что Вера не слишком часто навещала меня до этого, было, по всей вероятности, неспроста. Она знала, что у меня есть постоянный дежурный — я имею в виду Лену. Ох уж эти женщины, их на кривой козе не объедешь...

Я попросил Веру как можно быстрее, лучше прямо с утра, принести мой ноутбук. Мне понадобятся несколько номеров телефонов. Верочка ушла сильно озабоченная.

Мой уважаемый сосед — отец Федор смотрел на мою все возрастающую активность с нескрываемым удивлением и даже беспокойством.

— Вы извините меня за вмешательство, Юрий Сергеевич, но не слишком ли вы набрали большие обороты? Все-таки здоровье важнее всякой мирской суеты. Может быть, ваш организм еще недостаточно окреп для таких перегрузок? Вот и Дима тоже мне на вас жаловался. Просил с вами поговорить. Юрий Сергеевич, здоровье и вправду дороже всего.

— В этом-то и дело, Федор Степанович. Именно здоровье и заставляет меня суетиться. Вы догадываетесь, что я не случайно сюда попал. Камни сами по себе в пустых дворах на голову не падают. И я должен сделать все, чтобы они больше не падали на голову не только мне, но и моим близким.

— Так тревожно обстоят дела? — теперь глаза отца Федора смотрели на меня серьезно и испытующе.

— Очень тревожно. Это хорошее слово вы подобрали — тревожно, лучше не скажешь.

— А могу я чем-нибудь помочь? — очень решительно спросил отец Федор.

— Обязательно. Я вас непременно об этом попрошу. Дня через два.

— Можете на меня рассчитывать. Я не подведу.

Я знал, что он не подведет. Мне нужен был человек, которого ни запугать, ни умаслить было бы невозможно. Отец Федор был именно таким.

Переговоры с Садко ни к чему не могли привести. Ни на какие слова или договоренности все равно нельзя было бы положиться. Если даже отмахнуться от «леденящих душу» угроз Садко, то уж оттяпать денежки он настроен решительно. Тут он не блефует.

Опять меня поджимало время, опять я вынужден был торопиться. На этот раз из-за угрозы конфискации. Они все время опережали меня. Впрочем, это не удивительно. Я здесь лежу, прикованный пока к кровати. А у них в руках все рычаги, включая юстицию...

Но ситуация изменилась. Когда вне опасности оказались и Семен, и Лена, я почувствовал огромное облегчение. Хотите — верьте, хотите — нет, но даже страх подевался неизвестно куда. Не случайно всякие бандиты и фашисты в книгах и кино предпочитают мучить не самого героя, а его любимых и близких. Это куда эффективнее, говорю на основании личного опыта. Когда я остался один, то почувствовал, что у меня развязаны руки. Теперь я действительно дурак-одиночка, господин Садко, и готов идти напролом!

Весь следующий день с перерывами на процедуры, обед и сон я сидел на телефоне. И в результате еще через день в четыре часа — в соответствии со строгими правилами клиники — ко мне пришли три посетителя. Двое с фотоаппаратами. Они случайно, как пресловутый рояль в кустах, оказались журналистами трех местных газет — двух оппозиционных и провластной «Вечерки». Хорошо все-таки долго жить в одном городе — всюду есть если не друзья, то знакомые. Отец Федор по моей просьбе тоже присутствовал, скромно лежа в своей кровати.

Я не стал темнить и рассказал им почти все. И о беседах с Чижовым и Гуськовым, и об их прямых угрозах. Да, признал я, сами разговоры не зафиксированы, но факт беседы с тем и другим подтвердят мои соратники.

— Я не обвиняю группу Садко (я так и сказал — «группа Садко») в покушении на меня, прошу так и записать. Но поскольку сразу же после наших бесед последовало нападение, у меня, понятно, появилась мысль о связи этих событий. И сейчас я не хотел бы, чтобы в цепочку к ним добавилась еще одна случайность. Тогда это уже будет закономерность. Для чего и сообщаю вам эти подробности. Но есть у меня и официальное обвинение в адрес группы Садко.

И я прочитал им извещение о претензиях «Южного» банка. И заключение прокуратуры. И приложенную справку из клиники реабилитации, подписанную Димой и главврачом.

— Это переходит всякие границы. Если человек заболел, даже тяжело заболел, это еще не повод воспользоваться его состоянием и отобрать имущество. Может, лучше подождать, пока он выздоровеет?

— Но, говорят, у вас есть компаньон — некто Альтман. Куда он девался? — представитель «Вечерки» был отлично информирован. Подготовился.

— Мы с ним разошлись по личным мотивам.

— И он не подтвердит ваши слова?

— Я на него не ссылаюсь.

— То есть мы должны публиковать материал только на основании слов человека, у которого, может, просто галлюцинации? Даже лечащие врачи подтверждают, что не могут гарантировать вашего здравого рассудка.

К таким возражениям я подготовился.

— Ну, во-первых, претензии банка и вопиющие решения прокуратуры — это не галлюцинации, их можно проверить. Вот документы. А насчет справки врачей... вы журналисты, вы все понимаете сами. Все под богом, что называется, ходим. Но вот со мной в палате лежит настоятель Саранского монастыря отец Федор, который ходит под богом в прямом, а не в переносном смысле. И, надеюсь, он подтвердит вам, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти, хотя... хотя и не схожусь с ним в некоторых богословских вопросах.

Мы с отцом Федором обменялись понимающими улыбками. Он не подвел и так хорошо обо мне говорил, что я бы не отказался, чтобы его слова когда-нибудь стали мне эпитафией... Краткая, но прочувствованная речь отца Федора явно произвела сильное впечатление. Без него мне желаемых результатов добиться ни за что бы не удалось.

И хотя через несколько минут появился сам главврач с суровым выговором о недопустимости подобных нарушений во вверенной ему клинике, дело было сделано.

Через день появились статьи во всех трех газетах. В оппозиционных, естественно, скандальные, а в «Вечерке» — с сомнениями, правда, довольно мягкими. И с недвусмысленным выводом: мол, нечего пороть горячку, нужно дать человеку выздороветь. И везде в самом уважительном тоне упоминался отец Федор — очень уж благоприятное впечатление он производил на всех.

Подтверждения вызова в суд мы так и не получили, дело было явно спущено на тормозах. Я получил передышку и с еще большим усердием занялся лечением. А по вечерам перебирал папку с надписью «Леонид Михайлович» и продолжал дискуссии с отцом Федором, хотя и не столь непримиримо, как обычно.

Через неделю позвонил Семен и, не поздоровавшись, каким-то хриплым и почти неузнаваемым голосом сказал, что готов все о Садко подтвердить где угодно — и в прессе, и на суде, если понадобится. Я не успел слова сказать, как он положил трубку. Вот он, мой Семен. Что тут можно добавить! Я еще раз уверился, что наш с ним разрыв не навсегда...

Пора, пожалуй, несколько слов сказать о загадочной папке.

Первой в этой папке лежала вырезка из русскоязычной израильской газеты. В ней очень кратко и скупко сообщалось, что израильское правительство заключило договор с Турцией о поставках в Израиль пресной воды в количестве двадцати миллионов кубов в год. В той же статье мельком упоминалось, что Турция готова продать этой самой воды в несколько раз больше, но мешает сложность и дороговизна транспортировки в специальных танкерах. В качестве примера приводились некоторые североафриканские страны, которые вынуждены завозить воду таким малоэффективным способом. Следом лежала подборка материалов по водоснабжению в зонах с засушливым климатом. В отдельной пачке были собраны статьи из израильских русскоязычных газет, связанные прямо или косвенно с этой проблемой.

Перебирая уже в который раз содержимое папки, я отчетливо ощущал напряжение, царящее в этой далекой маленькой стране. Заботы израильтян сильно отличались от наших, но от этого не становились менее болезненными и острыми. Каждому свое. И хотя я не собирался эмигрировать в Израиль, мне придется на какой-то, может, даже довольно продолжительный срок вникнуть в тамошние реалии, почувствовать их на своей шкуре. Короче говоря, мне придется стать в Израиле своим.

Через две недели выписался из клиники отец Федор. Я в это время уже довольно свободно перемещался в пространстве, хотя слегка подволакивал левую ногу. Мы долго похлопывали друг друга по плечам и по спине. И я высказал ему то, о чем думал уже не раз:

— Не знаю, есть бог на небе или нет, но в такое трудное время вас мне послал он. Больше никому.

Отец Федор, который и без того был растроган, расчувствовался окончательно. Мы расстались, обменявшись адресами и телефонами, думая, что вряд ли судьба столкнет нас снова. И ошиблись.

А еще через неделю я, слегка пожелтевший и похудевший, но, как говаривал гражданин Садко, в здравом уме и трезвой памяти, спускался по трапу самолета в Тель-Авиве. На макушке у меня была молодая поросль, почти ни чем не отличающаяся от остальной шевелюры. Жизнь продолжалась.

Но это уже другая история.

Книга вторая. ОПЕРАЦИЯ «ПРОЖЕКТ»

Глава первая. В Израиле

Не верю!

(Из газеты «Новости недели» за 16 мая 2002 года, Тель-Авив)

Новый министр инфраструктур Берман обнародовал свое решение: перекрывать потребителям, то есть нам с вами, воду на несколько часов в день в самые жаркие месяцы. Он сказал: временно. Он объяснил, почему это необходимо.

Не посчитайте, что у меня мания величия, но я, как Станиславский, могу от всей души воскликнуть: не верю! Не верю ни одному слову, ни одному доводу министра Бермана. Все от начала и до конца обман.

Прежде всего, я не верю, что ответственное правительство может ежедневно лишать людей при 34° Цельсия пресной воды даже на время, если нет чрезвычайных обстоятельств на уровне конца света.

Я не верю, что без серьезного вреда для нашего здоровья можно отключать израильский водопровод от давления даже на конечных участках, недалеко от потребителя. Наш водопровод известен своей негерметичностью. Чистоту воды в трубах обеспечивает только постоянный напор. Если вода будет подаваться периодически, грязь снаружи просочится в трубы и окажется у нас с вами в желудке, вместе с увеличенными порциями хлора для дополнительной очистки, которые тоже здоровья не добавят. Те, кто жил в Одессе, могут об этом рассказать остальным. А у нас климат жарче, чем в Одессе! Правда, последствия выяснятся год-два спустя. Тогда притворно схватятся за голову — мол, извините, недоглядели. Я не верю, что министр Берман не знает этого сегодня.

Те, у кого есть деньги, будут готовить пищу на воде из покупных баллонов. Мы с вами точно знаем, кто не сможет этого делать. Я не верю, что министр Берман будет среди нас — среди тех, у кого нет возможности эти баллоны покупать.

Я не верю, что такая безвыходная ситуация сложилась только сейчас. Обстоятельства известны давно. За это время можно было организовать временную закупку и доставку воды в любом количестве, вместо того чтобы безжалостно губить озеро Кинерет, нарушая все экологические нормы.

Даже сейчас ещё все можно успеть, были бы деньги и желание. Но для этого нужно понять главное: ежедневное отключение воды недопустимо!

Я не верю, что денег на покупку воды нет (раз уж без покупки не обойтись). Деньги на оборону важнее? На строительство новых поселений? Я не верю, что новые поселения важнее недостающей воды. Ну да, престиж страны. Он всегда важнее жизни людей. Если так уж необходимо, то потом, после решения проблемы с водой, можно опять строить и воевать.

Я не верю, что эта мера временная. Все равно покупать воду придется. Все это откровенный и беспардонный обман. Нет ничего стабильнее временных решений и временных трудностей.

Перебои в подаче воды сразу переведут Израиль из развитых стран в страны третьего мира. Это будет уже другой Израиль. Неужели это неизбежно? Не верю.

Если в этом вопросе по-прежнему не произойдет никаких реальных перемен, то уже через три-четыре года Израиль окажется перед лицом экологической катастрофы.

Проф. Леонид Лихницкий

Нагарийские каникулы

Семен повернулся и, пошатываясь, пошел к выходу. По дороге он наткнулся на угол стола. Я увидел, как из разбитого колена обильно хлынула кровь. Хромая и еще больше раскачиваясь, он двинулся дальше и споткнулся о табурет. Затрещала разрываемая ткань. Уже еле держась на ногах, Семен приближался к двери. Я в ужасе зажмурил глаза — и все-таки умудрился увидеть, как он ударился лбом о косяк. Повернувшись ко мне лицом, он указал пальцем на рассеченный лоб и беззвучно спросил:

— Доволен?

Его белая рубашка была вся в крови.

Я сознавал, что это всего лишь сон, ночной кошмар, но проснуться не мог. Где-то рядом находилась медсестра Светочка, я это сознавал совершенно отчетливо и потому, напрягаясь, довольно громко промычал привычное «Разбудите меня». Светочка определенно все слышала, но подходить не торопилась. Наверно, инструкции Садко... Проклятые деньги! Как можно быть такой бесчувственной!.. Я напрягся, тряхнул головой — и проснулся. Сел на кровати, — затылок был мокрым от пота, сердце опять пыталось выскочить из груди...

Сзади раздался какой-то шум. Я оглянулся — мимо моей постели к выходу, раскачиваясь, как пьяный, шел Семен. На этот раз он сразу наткнулся на острый угол шкафа, кровь из виска хлынула ручьем... Снова я напрягся, тряс головой, махал руками, дрыгал ногами, снова мне казалось, что наконец проснулся, и... снова появлялся Семен. И так без конца. У попа была собака...

Я оставил попытки разбудить себя, а все усилия направил на то, чтобы разжалобить Светочку. Все громче и громче я мычал: «Разбудите меня». Голос был хриплым и каким-то глухим. Даже во сне я ужаснулся: неужели опять инсульт?

Наконец Светочка сжалилась и стала трясти меня за плечо.

— Сильней, сильней! — бормотал я.

— Юрочка, родненький, что с тобой? Проснись, милый! — сестричка неожиданно поцеловала меня и прижала мою голову к груди. Что за фамильярность?

Вспыхнул свет, и я увидел над собой встревоженное лицо Лены. Все встало на свои места. Лена со мной, все в порядке.

— Ничего, милая, это был всего лишь сон. Ночной кошмар. Но сейчас все хорошо. Ты здесь... Давай спать. Не будем разбуркиваться.

Разбуркиваться. Так говорила моя бабушка...

Лена послушно повернулась ко мне спиной, а я привычно уткнулся ей в затылок. К хорошему привыкают быстро. Я уже не мог себе представить, что можно уснуть, не уткнувшись губами в ее теплый затылок. Это помогало от бессонницы даже лучше, чем способ Штирлица, которым я пользовался в больнице. Несравненно лучше.

— Как я мог столько лет жить один, как собака? — пробормотал я. Ответа уже не услышал — заснул мгновенно, на этот раз без всяких сновидений.

Проснулся утром довольно поздно. Было уже начало одиннадцатого. Я научился определять время с точностью до пятнадцати — двадцати минут по положению на подоконнике солнечных лучей, пробивающихся сквозь закрытые трисы (так в Израиле называют жалюзи). И удивился: почему с утра не трещат газонокосилки и не воют могучие бензопилы, которыми здесь подстригают кусты? Такими пилами впору валить огромные деревья где-то в тайге. Почему не кричат через мощные усилители продавцы: «Бейцим, бейцим товим! Тапузим! Тапузим! Мелаффоним!»). Яйца хорошие, апельсины, огурцы! В этой экзотической стране, где всегда, зимой и летом, во всех домах раскрыты окна, с раннего утра шум достигает невероятного уровня. И детишки от мала до велика кричат до поздней ночи слишком громкими для их нежного возраста голосами. И нетерпеливые сигналы автомашин не замолкают ни на минуту, хотя они здесь запрещены. И мощные мотоциклы без глушителей пробирают до печенок, особенно ночью, всех, кроме автоинспекции. По уровню непрерывного шума какой-нибудь Кельн или Франкфурт могут показаться в сравнении с Израилем глухой провинцией.

Ах да, я вспомнил: сегодня суббота, шабат, единственное более или менее тихое утро за неделю. Зато вечер, так называемый мацей шабат, то есть конец недели, будет опять шумным. С появлением первой звезды на небе начнется активная жизнь. Разумеется, активная жизнь начнется на земле, — это просто я неудачно и двусмысленно выразился. А единственный тихий вечер был вчера. Вчерашний вечер и сегодняшний день в сумме составляют разрезанный пополам шабат. Оригинально, не правда ли?..

При первом же знакомстве, с первой же минуты ты понимаешь, что Израиль во всех отношениях оригинальная страна, не похожая на любую другую. Даже внешне. Прежде всего, бросаются в глаза многочисленные пальмы и ортодоксы. Те и другие встречаются на каждом шагу и уже сами по себе создают специфический, неповторимый колорит. Но есть огромное количество и других отличий.

Израиль не просто требует от жителей большого темперамента — он вынуждает каждого мириться с неумным темпераментом окружающих, а это намного сложнее. Нужно привыкнуть и не обращать внимания на шум, крики, кажущийся — а иногда и не только кажущийся — хаос. Нужно не требовать от других ограничивать себя, но зато и самому можно быть совершенно раскованным. Никто тебе дурного слова не скажет. Взаимная терпимость в западном смысле и полная раскрепощенность — в восточном. Но не надо думать, что это связано с грубостью или хулиганством. Сабры (так называют старожилы) прямо-таки помешаны на раскрепощенности. Они и своих детей воспитывают в духе полной и ничем не ограниченной свободы.

На любого приезжего Израиль производит очень противоречивое, но сильное впечатление. И я не исключение. Хотя это было мое третье посещение страны за последние девять лет, но каждый раз я открывал ее для себя заново. Поэтому не удивляйтесь, если рассказ о событиях моей жизни будет время от времени прерываться не всегда объективными рассуждениями и соображениями. Почему необъективными? Дело в том, что я все-таки не очень типичный турист. Собственно, я вовсе и не турист, а просто совмещаю отдых с очень важным для меня делом. Во-вторых, я полукровка, и поэтому не могу быть совсем отстраненным.

Для туриста Израиль рай, разумеется, если бы не постоянная опасность. Но для жизни... Не знаю. Не каждый может приспособиться к такому обилию контрастов, экзотики, ярких страстей и красок. Это на любителя.

Впрочем, для меня после долгих больничных недель израильское жизнелюбие и энергия были очень даже кстати. Как и абсолютно безоблачное и солнечное небо. Как и очень вкусные и свежие продукты — разнообразнейшие фрукты и овощи. А молочные изделия — сырки, творожки, йогурты! Уверяю вас, таких вкусных нет нигде. За неделю, которую я провел полным бездельником в Израиле, с невероятно родными и близкими мне Леной и Леонидом Михайловичем, я прямо-таки ожил.

Лена и Лихницкий не поддались на мое предложение снять пятикомнатную квартиру и устроить коммуналку. Они оказались — далеко не в последний раз — умней меня. Арендовали в нескольких шагах от моря в Нагарии в симпатичном довольно новом коттедже трехкомнатную квартиру на втором этаже, а внизу, на первом, двухкомнатную с роскошным салоном. Мы с Леной как молодожены поселились наверху, хотя лично меня привлекал больше нижний салон с выходом на отличный газон. Правда, наверху был широкий балкон, где мы по вечерам играли в карты, преимущественно в кинга.

Новая семья, новая страна, новый климат. Казалось бы, ко всему нужно привыкать заново. Ничего такого не понадобилось. Было чувство, что я всю жизнь прожил с этими людьми и в этой стране. С Леонидом Михайловичем еще понятно — я знал его с детских лет и даже своего сына Леньку, который давно живет совершенно независимо от меня где-то в Калифорнии, назвал в его честь. Но с Леной мне было еще привычней. Настолько привычно, что это меня даже озадачивало. Откуда такая близость с человеком, с которым я до этого обменялся едва ли сотней слов? То ли потому, что я действительно родился заново, то ли благодаря совпадению наших с ней флюидов? Я заранее знал, как она поступит в следующее мгновение, о чем подумает. Все знал наперед.

Однажды, дней через десять после приезда в Израиль, преувеличенно сурово нахмутив брови, я сказал ей:

— Не пойму, какой я молодожен, если ко всему привык тысячу лет тому назад. Я должен каждый раз открывать для себя новое, а я все о тебе знаю... Ты не боишься, что пропадет интерес?

Лена лукаво улыбнулась:

— А это и есть высший пилотаж — чтобы тебе казалось, будто ты все знаешь и понимаешь.

— А на самом деле?

— Тебе всей жизни не хватит, чтобы понять, что на самом деле в душе у женщины. — И она легонько щелкнула кончиком пальца меня по носу.

— Это что значит? Не расслабляться?

— Ни в коем случае.

Я самодовольно хохотнул, но где-то в глубине души был озадачен. Больше всего в жизни мне хотелось расслабиться.

— Ну вот, а я только хотел сказать, что не представлял себе, что человек может быть таким довольным и спокойным. И уверенным.

— А я, — Лена поцеловала меня, — не представляла себе, что человек может быть таким счастливым. Заметил разницу?

— Конечно, и счастливым. И все-таки не расслабляться?

— Можешь, — милостиво согласилась Лена. — На месяц можешь расслабиться, пока придешь в себя.

— А потом?

— А потом это станет опасным...

Я невольно сравнивал наши отношения с тем, что было четверть века назад. С Лерой. Хоть и боялся этих сравнений. Не потому, что идеализировал прошлое. Настоящее могло выдержать сравнение с чем угодно, даже с райскими кущами. Просто я был уверен, что Лена мои крамольные мысли сразу прочитает, даже на расстоянии, и огорчится. У меня была какая-то почти мистическая вера в наше абсолютное единение, включающее и чтение мыслей на расстоянии. И все-таки я не мог не сравнивать этих двух главных женщин в своей жизни — и пришел к вполне определенному выводу, который не изменился и до сего дня.

При первой встрече в порту я ошибся. Внешне они были не слишком похожи. Да, обе симпатичные, с отличной фигурой. Да, обе чуть-чуть скуластые. Но мало ли на свете симпатичных и немного скуластых женщин с хорошей фигурой? У Лены глаза серо-голубые, а у Леры — карие. И волосы у Лены заметно светлее. И ростом она повыше.

Но ведь было же что-то общее, то, что я отчетливо почувствовал с первой минуты? Конечно, было. Ядро, сердцевина — вот что. Нечто глубинное, невидимое глазу. Опять приходит на ум определение, которое я уже использовал, описывая Леру: вещь в себе. Была некая сходная основа, которую изменить невозможно. Граница, которую нарушать не рекомендовалось. Понимаете, о чем я? Увы, точнее объяснить не в состоянии.

Но на этом их сходство и заканчивалось. Лена, пожалуй, мягче, женственней, ей не свойственны резкие движения — ни внешне, ни внутренне. Впрочем, манера укоризненно хмурить брови и вздёргивать подбородок, если что не так, напоминала — характер есть. Но тучи быстро рассеивались, во взгляде снова появлялась особая, ей одной свойственная теплота. И возвращалась фирменная Ленина улыбка — только краешком губ. В течение всего нашего медового месяца в Израиле, эта улыбка, мне кажется, почти не исчезала... Я пристрастен? Конечно, пристрастен, а как может быть иначе?

Ещё нравилось мне, суровому старому холостяку, что она не скупилась на тепло и ласку. Многие женщины грешат сдержанностью, легко с годами переходящей в сухость. Главное, считают они, забота о муже. Мне жаль их мужей...

Кстати о мужьях. Лена регулярно звонила своей маме во Франкфурт. Ее родители очень сблизилась с родителями Семена, а такая дружба в эмиграции ценится вдвойне. И события в нашем треугольнике, кроме естественного волнения за Лену, задели их лично. Во всяком случае, Ленин отец избегал разговоров с ней, не брал трубку, когда определитель высвечивал номер нашего телефона. Это Лена выяснила довольно быстро. И разговаривала первое время только с матерью. Каждый раз Лена обязательно спрашивала, как там дела у Семена, и каждый раз с трудом приходила в себя после неутешительных, видимо, ответов. Рассказываю об этом, раз уж начал сравнивать их с Лерой. Вы, наверно, помните расстановку сил четверть века назад?.. В отличие от известной вам истории, я довольно успешно старался как можно меньше размышлять о своей вине и загонял сомнения в подсознание. Получалось так, что Лена отработывала свой долг днем, а я — ночью.

Удивительно, но только в Израиле я выяснил, что Лена — бывшая москвичка, что она окончила институт иностранных языков. То, что она свободно владеет английским, немецким и довольно прилично французским, я знал и раньше, по долгу службы. Она вела всю обширную переписку с иностранными фирмами на базе у Семена. Но это по необходимости. Любовью ее была литература, музыка, живопись. Неподалеку от нее всегда была книга. Она была гуманитарием по призванию.

Но от богомности Лену предохранял житейский здравый смысл, если хотите, практичность. И слава богу — достаточно мы с вами видели околотелитурных женщин, которые не умеют включить видеоманитофон и заводят в доме художественный беспорядок, легко переходящий в неряшливость. Лена, к моей огромной радости, оказалась хозяйственной и аккуратной. Для меня это было очень важно, как и для большинства старых холостяков.

Как некогда в палате, Лена наводила порядок в доме без видимых усилий. Раньше для меня образцом хозяйки была Алина — руки ее мелькали как при рапидной съемке. У Лены был другой стиль. Она двигалась вроде бы неторопливо, но все вокруг становилось на свои места. Казалось, Лена просто дирижирует оркестром домашней утвари — и суп сам по себе закипает, и посуда расставляется на полках, и сами собой застилаются постели. Будучи в отличие от нее истинным технарем, я пытался понять, как это получается, — ведь чудес в природе не бывает. И понял. На ходу, попутно она делает несколько легких движений, не отклоняясь от курса. Не отклоняться — самое главное. Я когда пытаюсь попутно что-нибудь убрать, поставить, принести, то обязательно сбиваюсь в сторону и, не закончив одно, хватаюсь за другое. В результате только увеличиваю хаос и трачу лишнее время. Не я один такой — взгляните внимательней на свою жену. У Лены же был в голове мощный процессор, который выдавал самый оптимальный маршрут и позволял совершать несколько дел одновременно, подобно, по непроверенным слухам, Юлию Цезарю.

Нет, я был счастлив с Леной не меньше, чем в том далеком, почти мифическом времени, но счастлив иначе. Действительно, больше покоя и уверенности. Эффекта Соляриса (помните?) не было. Я знал, что нам с Леной время от времени придется расставаться — жизнь и работа потребуют, — но не сомневался, что контакт не прервется и мы, в сущности, будем все время вместе. Или мне только так казалось? Может, действительно нельзя расслабляться? Ведь и с Лерой я тоже не допускал мысли, что она сможет вот так, вдруг, исчезнуть без следа и без единого слова. А сердцевина у них, повторюсь, одинаковая...

Мне дважды выпало в жизни счастье, настоящее счастье. Но в первый раз за счастьем последовала долгая расплата... Как будет во второй?

Что за черт, откуда эти мысли? Только из-за слов «не нужно расслабляться»? Наверно, дело в том, что я разучился дорожить чем бы то ни было, кроме фирмы. Два десятка лет я жил без особых привязанностей, но и без страха потери. «Если у вас нету дома, пожары ему не страшны. И жена не уйдет к другому, если у вас нет жены...» Та-а-ак. Договорился черт знает до чего!

Словно почувствовав мои сомнения (наверняка почувствовав), подошла Лена и чмокнула меня в щеку. Я немедленно забросил мрачные мысли на самую дальнюю полку и долго их не вытаскивал на свет божий.

Как всякий счастливый человек, я веду себя эгоистично и все твержу о своем да о своем, о том, что мне ближе всего. Наверно, уже надоел вам разговорами о Лене. Но мемуары — такой жанр: в них своя рука владыка...

В нашей семье постепенно выработался относительно устойчивый распорядок жизни. Утром, не позже семи, пока не начинало буйствовать безжалостное южное солнце, я в гордом одиночестве совершал лечебную прогулку по набережной. В это время мои домашние потихоньку начинали шевелиться и приходиться в себя после здорового сна. Утренняя прогулка доставляла мне огромное удовольствие и вливала в тело новые силы. Во все тело, кроме ступни левой ноги, — но постепенно и она оживала.

Со стороны моря меня обвевал приятный ветерок — большую часть времени, как мне объяснили, на побережье Израиля он дует с моря. Только знаменитый хамсин, ветер из пустыни, дует с берега, и тогда сразу становится нечем дышать. Израильтяне оправдываются, что хамсин дует всего пятьдесят дней в году (отсюда и название «хамсин» — какая-то вариация числительного «пятьдесят»). Но уверяю вас, пятьдесят пыльных и душных дней — тоже немало. Зато лишь во время хамсина Средиземное море делается у берега очень тихим, послушным и гладким. (Так уж в жизни все устроено: за восторженным «ах» неизбежно следует угрюмое «но». Диалектика...) А в остальные дни — довольно сильный и коварный прибой, который имеет неприятную привычку уносить купающихся на глубину и не возвращать их обратно. Да, Средиземное море может сыграть с тем, кто не привык к его нраву, злую шутку. И у меня от некоторых воспоминаний мурашки бегают по спине...

Однажды Лену на моих глазах стало уносить в море. Слава богу, что на берегу оказалось пятеро парней, и мы общими усилиями с трудом отбуксировали ее на берег. А она умела плавать, хоть и не слишком быстро. Что значит непривычная стихия! Если я тогда не получил еще один инсульт, значит, меня в больнице заштопали на совесть. Нет, даже вспоминать об этом не хочется...

Вдоль берега тянулась на полкилометра отличная благоустроенная набережная с приятными двухэтажными коттеджами.

Это все из серии «ах» — пальмы, дорожки, стилизованные фонари и чистота на берегу. Есть, конечно же, и «но». Когда цивилизация кончалась, то вместе с ней довольно резко обрывалась и чистота. К сожалению, Израиль мало похож на Швейцарию или Германию — по аккуратности скорее он ближе к нашим пенатам. Собственно говоря, не только в этом отношении, но и во многих других Израиль занимает промежуточное положение между нами — и упорядоченной Европой и Северной Америкой.

Да, пожалуй, Израиль напоминает мне хозяйку — энергичную, но не слишком аккуратную. Она старательно убирает только в заметных и доступных местах, а в углах, под столом, на подоконниках — пыль и паутина. Пляжи и публичные места на берегу моря чисто убраны, но стоит зайти, гуляя по многокилометровому побережью с отличным песком, чуть дальше — самая настоящая мусорная свалка. Меня поразили берега священного Кинерета: купаться там можно только на платных пляжах, а само побережье засорено до предела. Жужжат огромные мухи. И так почти везде: где нет конкретного хозяина или нет денег — что называется, конь не валялся, запустение и грязь. Города, особенно центральные районы, довольно чистые. Торговые центры, так называемые каньоны, вылизаны до блеска, заполнены, по американским стандартам, всевозможными очагами развлечения. А дома бедноты, особенно районы социального жилья, производят гнетущее впечатление. Родители Семена и некоторые мои знакомые живут в Германии тоже в социальных домах, но непосвященный не увидит разницы между этим жильем и обычным. Здесь же, в Израиле, это просто другой мир. И прежде всего с точки зрения санитарии. Неубранные лестницы, подъезды, входы, дворы... Мусор, замеченный под кусты...

Неаккуратность — самый большой недостаток Востока, и к Израилю это относится в полной мере. Страна маленькая, и содержать ее в чистоте просто необходимо. И не стоит ссылаться на войну, как ссылаемся мы на плохое начальство. И в том и в другом случае лучше оглянуться на себя.

Когда я возвращался, что называется, усталый, но довольный, Лена уже хозяйничала на кухне, а Леонид Михайлович сидел за столом и с отвращением читал газету. Отвращение было написано у него на лице. Мы обычно завтракали у него, на знакомой и близкой мне по долгу службы американской кухне. Он сам попросил нас об этом — видно, одиночество с самого раннего утра основательно ему надоело. После завтрака мы втроем принимались за работу. Лена занималась хозяйством, а наши труды в первую неделю были больше похожи на развлечение. Нам обоим было не просто втянуться в рабочий режим после тяжелых травм. И Лихницкому преодолеть последствия его психологической травмы было, может, даже трудней.

Лесик оказался прав: Леонид Михайлович был практически здоров. Во всяком случае, на здоровье он не жаловался. Вообще ни на что не жаловался. Он немного располнел, немного поседел, увеличилось мешки под глазами. Но стариком не выглядел. И все-таки это был другой Лихницкий. Лесик оказался прав еще в одном: какой-то стержень в нем сломался. Прежде всего это отразилось на осанке. В прежние времена он держался преувеличенно прямо, будто аршин проглотил. Теперь этот аршин из него вынули, и все тело сразу как-то обмякло. Голова подалась вперед, вслед за ней двинулся живот. Появился солидный зад, чего у Лихницкого раньше вообще не было. Голос, знаменитый его голос, стал плоским как асфальт. Лицо в лучшем случае выражало отвращение, а чаще — полное равнодушие. Но больше всего меня расстраивали его глаза: в них стояла растерянность, столь несвойственная раньше этому уверенному в себе человеку. Растерянность и боль. Не нравилось мне и то, что Леонид Михайлович даже не пытался бодриться, ему было совершенно безразлично, что о нем подумают другие. Он и не пытался скрывать, что до нашего приезда приучился регулярно выпивать по вечерам в одиночестве перед своим холостяцким ужином две-три рюмки самой дешевой водки. И теперь, когда мы садились обедать, он, ни слова не говоря, шел к шкафу и ставил на стол бутылку. Я был вынужден приносить что-то более приличное, чем суррогат, который наш пенсионер по инерции покупал, хотя деньги у него теперь были.

Изменился не только образ жизни Лихницкого, но и его интересы. На прикроватной тумбочке я заметил несколько книжек в мягкой обложке. Я автоматически стал их просматривать. Стивенсон, Дюма, несколько детективов на английском... Раньше он читал другие, более серьезные книги. Заметив мое недоумение, Лихницкий нехотя проворчал:

— Надоела глубокомысленная литература. Все равно исправить уже ничего не смогу, зачем напрягаться...

Он забрал у меня из рук книги и аккуратно сложил их в каком-то ему одному ведомом порядке.

— Я вообще не понимаю, почему люди в старости анализируют свои ошибки, делают серьезные и глубокомысленные выводы. Читают мудрые книги. Тратят на это остаток жизни и энергии. Их время прошло, и никакой пользы из анализа они вынести уже не смогут. Это бессмысленно. Ну разве что для счастья человечества. Но мне человечество никаких заявок не делало. Поэтому не стоит зря стараться...

Я не стал возражать, в этом была своя логика. Но слишком уж резкий переход... В предыдущие приезды я от души восхищался его стойкостью и выносливостью. Казалось, ничто не сможет вышибить доктора технических наук, профессора Лихницкого из седла, подорвать его веру в свои силы. Гром грянул с неожиданной стороны и застал его врасплох. Для борьбы с внутренним врагом оружия не нашлось. Так часто бывает с людьми, которые от несправедливостей и трудностей жизни надежно защищены броней самоуважения. Если разрушить их внутренний мир, подорвать веру в себя, они становятся беззащитными.

У меня хватило ума не говорить ни слова о Нине и пасынке — это означало бы бить лежачего. На разговоры о работе, о том, с какой целью я сюда приехал, он реагировал с явной неохотой, так что я рассказал ему о проекте лишь в общих чертах, дал материалы и до поры до времени оставил тему в покое. Пусть созреет. Как бы между прочим я сказал, что именно за эту работу фирма ему и платит довольно солидные деньги. Что фирма в моем лице рассчитывает на реальные результаты нашей с ним общей деятельности. Но повторять призывы и давить на него не стал.

Это оказалось верным ходом. Как я понял, первое время он перелистывал материалы (а по большей части это были его старые институтские работы) от скуки и из-за врожденной добросовестности, потом потихоньку втянулся. А через несколько дней неожиданно сам задал мне несколько вопросов. Но это произошло неделю спустя. В первый же раз я даже не был уверен, понял ли он толком, о чем я битых два часа распинался.

Единственное, на что Лихницкий откликнулся вначале, — это политика. Он сам дал мне дискеты со своими статьями в газете за три-четыре года. За последний год, с тех пор как у него дома начался открытый конфликт, он не написал ни строчки.

Нет, Леонид Михайлович вовсе не повредился в рассудке. Он по-прежнему четко и реально мыслил, памяти его я мог только позавидовать. Исполнительность разве что оставляла желать лучшего... Дело было в том, что он явно относился с отвращением к любой форме деятельности. Он с трудом заставлял себя думать, читать, говорить. Даже, по-моему, жить. Оставалось только ждать, когда необходимость жить перестанет быть для него столь тягостной...

Пока что работать мне приходилось самому. Леонид Михайлович с удовольствием отдал мне все свои отчеты о работе в хайфской технологической теплице, а сам спокойно сидел в кресле и с отвращением проглядывал очередную русскую газету.

Лихницкий технологические теплицы называл богадельнями. Очень точно. Это израильское изобретение — эдакое искусственное образование, нечто вроде аспирантуры для пожилых репатриантов. Туда собирали ученых, обремененных научной степенью, грузом опыта и возраста. Платили им минимальные деньги и давали на расходы примерно столько же, сколько в институтских лабораториях. То есть практически ничего. Нужно признать, что большинство этих ученых, среднее звено бывшей советской науки, и сами не способны были что-то создать. Но теплица давала возможность оформить свои идеи в виде относительно конкурентоспособного предложения и искать спонсора. Кроме того, она давала зарплату, а не унижительное пособие по безработице, и создавала иллюзию нужности. Богадельня, но позволяющая сохранить скромное достоинство советского ученого.

В соответствие со своими принципами — надеюсь, вы их помните — ивритом Лихницкий пользоваться не считал нужным. Он рассуждал вроде бы логично: все научные работы в Израиле действительно публиковались на английском языке. А к чувствам местных жителей и к их предрассудкам (таковым он считал и реанимацию давно, два тысячелетия тому назад, вымершего языка) относился как к неким причудам. Поэтому он выучил иврит лишь в пределах, необходимых для общения в магазинах, если там случайно не оказывалось продавца, владеющего русским. Дальнейшие усилия в этой области ему казались лишними смысла.

Результат можно было предвидеть. Своим для израильтян Лихницкий не стал. Неудивительно, что через год после наступления пенсионного возраста ему в технологической теплице устроили торжественные проводы. Действительно торжественные, действительно со всем уважением. Но остаться на работе начальство не предложило, а бороться и добиваться продления договора Лихницкий, разумеется, не мог себе позволить. Плохо было еще одно: на размеры пенсии уважение не повлияло. А через два года последовала следующая отставка, которую предвидеть было намного труднее, — его выставили из собственного дома за ненадобностью и бесперспективностью.

Я спрашивал у Лены, как они жили те двадцать дней, пока меня не было.

— Учились говорить, — отвечала она. — Больше года ему не с кем было разговаривать. Пока продолжалась война в его доме, суды и даже полиция, он был совсем один.

— Полиция? Леонид Михайлович и полиция?

— Да, не обошлось без провокаций. Они даже пытались отправить его в психушку. Ты же видишь, какой у него стресс...

— Есть от чего. Ужас...

— Я узнала об этом случайно. Он, конечно, ничего не говорит, а я не спрашиваю. Но разговаривать ему давно не с кем.

— А друзья? Какой-то круг общения? Журналисты? Ведь он часто печатался и вообще был заметной фигурой в русской общине.

— Ушел в подполье. Ему было стыдно за себя и за всю эту ситуацию. Нелепо, мол, профессору в семьдесят лет оказаться выгнанным из дому. Стыдно говорить о людях, с которыми прожил двадцать лет, что они такие-сякие-разэдакие...

— А им не стыдно!..

Лена только пожала плечами. Я подумал, что неплохо бы профессору Лихницкому, как и мне, понять: не стоит смешивать порядочность с глупостью... Но вслух об этом не сказал.

— Все утрясется, — сказала Лена. — Теперь он не один.

Я ей поверил. Тем более что видел, как тепло и с пониманием они друг к другу относятся. Спустя пару недель Леонид Михайлович без всякого внешнего повода неожиданно сказал мне:

— Как хорошо она молчит.

Я сразу понял, что речь идет о Лене, и сострил:

— Хорошо молчит? Сомнительный комплимент.

Он улыбнулся и успокоил меня:

— А говорит еще лучше. Рад за тебя.

— Я тоже. Рад за себя.

И подумал, что хорошо жить на белом свете.

Первую неделю-полторы наш облегченный рабочий день кончался в час дня и плавно переходил в обед. Обед, естественно, готовила Лена. Она явно старалась не ударить в грязь лицом, и это у нее получалось. А если и не безукоризненно, то мы с Леонидом Михайловичем дружно старались этого не замечать и все равно просили добавки. С первого дня мы, мужчины, сами убирали со стола и мыли посуду. Похоже на идиллию, не правда ли? Теперь я понимаю, что это и была самая настоящая идиллия.

Бороться с израильской жарой у меня еще сил не было, хотя настоящий зной должен был начаться дней через двадцать. Поэтому в два часа дня мы укладывались то ли спать, то ли просто отдыхать — как у кого получалось. Лена читала, я обычно дремал. Но требовал, чтобы она была под боком. Впрочем, сопротивления не встречал.

К пяти часам мы втроем выползли на улицу и прогуливались по набережной или отправлялись изучать город. Леонид Михайлович вынужден был играть роль гида. Сначала он делал это довольно тоскливо и уныло. Но постепенно в нем проснулся былой артистизм, и в голосе иногда прорезались знакомые мне обертоны. Депрессия понемногу отступала.

Нагария — очень симпатичный городок, советуя посетить его при первой возможности. Довольно чистый и ухоженный, с отличным парком, с приятными новыми районами. Фонтаны, детские площадки, гостиницы. Говорят, что раньше там водились иностранные туристы в больших количествах. И все уверены, что если закончится война с автономией, туристы опять начнут прилетать. Я тоже в этом уверен, вот только когда эта самая война закончится?..

В конце прогулки мы привычно сворачивали к площади, где располагались открытые кафе. Когда будете там, не проходите мимо. Ориентируйтесь на странный памятник, изображающий вроде бы Дон-Кихота. В Израиле вообще в чести абстрактное искусство. Мой друг Юлик Сиперштейн утверждает, что на то есть серьезная причина. Дело в том, уверял он меня с серьезной миной, что господь, согласно торе, запретил копировать его творения. Поэтому бедные евреи, чтобы обойти этот запрет, ваяют и рисуют так, чтобы ничего нельзя было понять. Неудивительно, что так много евреев заработали себе имя во всяких модных модернистских течениях. У Сиперштейна никогда не разберешь, говорит он серьезно или валяет дурака...

Так вот, за спиной этого Дон-Кихота, в самом конце площади, с правой стороны, отличное кафе со столиками. Хозяева — марокканцы, то есть евреи из Марокко. Они религиозны, но одеты обычно, чисто плотны, аккуратны и трудолюбивы. Не ультраортодоксальные евреи, не путайте. В этом кафе есть все, чего может пожелать бывший советский человек с простым и непритязательным вкусом. Там можно заказать шашлык из индюшатины или курятины. Или гриль из сердечек, печени, крылышек, ножек в любом сочетании. Или свежайшую, чуть хрустящую шаурму, которая в Израиле зовется шуармой, (видимо тоже из оригинальности) с поджаристым картофелем. Но самое вкусное — это салаты. В три довольно длинных ряда выставлены сочные свежие, тушеные и соленые овощи — капуста белая, синяя, красная и цветная, морковка во всех видах, кабачки и баклажаны, помидоры и огурцы — свежие, соленные и в салатах, лук всех цветов, маслины... Здесь же всякие восточные приправы и соусы, от одного вида которых начинает печь во рту. И все это изобилие даром — подходи и бери к мясу, сколько хочешь. В мае! Представляете себе? Для жителя Украины! У меня и сейчас текут слюнки, когда вспоминаю это.

Мы дружно, не сговариваясь, ходили по вечерам в кафе на площади — это у нас называлось «пойти на пастбище». И нам никогда не надоедало. Были мы несколько раз и в ресторанах, добровольно или по долгу службы (иногда нас приглашали, иногда мы устраивали прием). Но всегда на следующий день с облегчением отправлялись «на пастбище». Наверно, у нас грубые вкусы...

Знаете, какой вопрос чаще всего с гордостью задают израильтяне недавним репатриантам? «Охель ба-арец тов?» — еда в Израиле хороша? И нужно немедленно отвечать: «Охель мецуян» (еда отличная), если не хочешь обидеть. И она действительно отличная. Кроме колбас и копченостей. Их в Израиле делать не умеют, я думаю, из-за требований кашрута. Юлик Сиперштейн уверяет, что кошерность и колбаса — две вещи несовместные, как гений и злодейство. Он наверняка прав.

Часов в восемь вечера мы уже сидели на нашем балконе, под яркими лампами (в Израиле света не жалеют), и играли в кинга. Мух не было, комаров тоже почти не было. На столе, как принято, неизменные две-три бутылки сладкой, минеральной и столовой охлажденной воды. В этой стране поистине культ воды. Не водки, а воды. С утра и до вечера из всех источников информации раздаются призывы: пейте, пейте столько, сколько сможете, пейте больше, чем сможете. Пейте, пейте, пейте! И израильтяне добросовестно пьют...

Пили и мы. Пили и играли в карты. Ну чем не идиллия?

Но к середине второй недели такой идиллии в нас проснулась совесть. Мы практически одновременно почувствовали, что пора и честь знать — нужно приниматься за работу. Сознали ведь, что тратим деньги, которые мне уже не принадлежат.

И в один прекрасный день мы все после завтрака, не сговариваясь, собрались в салоне. Это было воскресенье, на иврите — йом ришон, начало рабочей недели в Израиле. Первый день нашей официальной совместной работы.

Я принес папки с отчетами теплицы Лихницкого и свой ноутбук, Леонид Михайлович разложил на столе свои вопросы и замечания, написанные четким почерком. Последней появилась Лена и спросила:

— Я вам не помешаю?

Все-таки я два года был ее боссом, как и Семен. Соблюдать субординацию в работе она привыкла...

Я передал Лене ноутбук и сказал, что отныне она будет вести дела израильского отделения фирмы «Американская кухня».

Немного техники и экономики

Собственно говоря, идея мягкого пластичного водопровода, проложенного по дну Средиземного моря из Турции в Израиль, зародилась у меня еще три года назад. В то время Леонид Михайлович из последних сил пытался найти заказчика, который бы согласился применить на практике его теорию сверхтекучести потока жидкости.

В это же самое время я из последних сил пытался перевести часть своего имущества за границу, чтобы сохранить от разорения хоть что-нибудь. В итоге я на это не решился: слишком много требовалось нарушений, подлогов и обмана. Это было не по мне.

В Израиль я тогда приехал разведать обстановку и, конечно, навестить Леонида Михайловича. Именно в тот приезд я со всеми подробностями узнал о дальнейшей судьбе открытия, работа над которым продолжалась и в хайфской технологической теплице.

Все необходимые расчеты и почти все проверки теории сверхтекучести жидкости, которые можно было выполнить в нищенских условиях этой теплицы, были закончены. Проект нужно было пристраивать к делу. Израильские чиновники были правы, когда требовали от ученых после трех-четырех лет работы за счёт государства найти покупателя своей идеи. Все-таки в Израиле был капитализм, хоть и слегка подпорченный социализмом.

Но Лихницкому заказчика найти не удалось. На это были объективные причины в дополнение к израильскому бюрократизму, который ни в чем не уступал нашему.

Принципы гидравлической сверхтекучести, которая была открыта Лихницким, я опишу в общих чертах. Во-первых, многое в них и сейчас остается нашим ноу-хау, во-вторых, это наверняка мало кому интересно (впрочем, кому не интересно, может это описание пропустить).

Помните, как с жирной поверхности шариками скатывается вода, не оставляя мокрых следов? Это и есть гидрофобная, несмачиваемая поверхность. Лет пять тому назад немецкая фирма «Швабише хюттенверке» освоила выпуск дешевого, прочного и абсолютно несмачиваемого водой пластического материала. Его стали применять при изготовлении бидонов, цистерн и даже бутылок. Смысл в том, что раз стенки не смачиваются, значит, выливается все без остатка, а главное — легче мыть емкости, если жидкость ни к чему не прилипает. Но этот бум быстро прошел. Я был не так давно на заводе-производителе, специально построенном «Швабише

хюттенверке» в бывшей Восточной Германии. И узнал, в чем причина провала ее отличной продукции. Оказалось, что мыть такую посуду как раз тяжелее: вода действительно не прилипает к поверхности, зато прилипает всякая дрянь, а вымываться потом не хочет — не смачивается... В общем, производство это находилось в такой же агонии, как и процветающая фирма «Американская кухня».

Но вернемся к открытию Лихницкого. Суть его такова. При определенных параметрах потока и особом профиле внутренней поверхности трубы из гидрофобного пластического материала между потоком жидкости и стенками образуется вакуумная пограничная зона, возникают сложные электромагнитные процессы. Сопротивление движению потока жидкости при этом уменьшается на порядок, «ствол» жидкости мчится с большой скоростью, не касаясь стенок. Мы это явление называем потоком на электромагнитной смазке. Энергетические расходы на транспортировку мизерные, напор минимальный. Это и есть явление гидравлической сверхтекучести.

Казалось бы, найти применение такой блестящей идее трудов не составит. Не тут-то было. Кроме достоинств, в сверхтекучести заложено и множество практических недостатков. Это динамический процесс, который требует жесткого постоянства параметров. Нужен большой расход воды. Не должно быть заметных поворотов трубопровода. И главное условие — постоянная и высокая скорость потока. При любых изменениях динамика немедленно нарушается и сверхтекучесть исчезает. А откуда столь идеальные условия в маленькой стране? При малых расстояниях и переменном потреблении воды даже в течение суток, не говоря уже о сезонах? Такие условия пришлось бы создавать искусственно, и в этом случае оказалось бы, что старый способ лучше.

А вот при экспорте и постоянной транспортировке морем больших объемов воды все было бы иначе. Здесь старый способ не годился. На такой протяженности при обычном трубопроводе пришлось бы устанавливать несколько насосных подстанций — хороши они были бы посреди моря или вблизи берегов враждебных стран... А прокладка и сварка труб большого диаметра во что бы обошлась? И к чему все эти расходы — чтобы перегонять не газ и не нефть, а обычную дешевую воду?!

Зато в этом случае появлялись отличные возможности для применения гидравлической сверхтекучести Лихницкого. О чем, кстати сказать, шла речь и в моей студенческой дипломной работе. Правда, море было другое, Каспийское, зато расстояние примерно то же и почти такие же условия. Не удивительно, что эта идея засела у меня в голове. Как в хорошей песне, сходилась все сразу. Не нужны станции промежуточной подкачки из-за почти отсутствующего сопротивления — огромное преимущество. Еще большее — невысокий напор позволял использовать гибкий шланг из относительно тонкой пластмассы, сложенный и намотанный на катушку, подобно пожарному шлангу большого диаметра. С таких катушек его можно было вместе с грузом спускать в воду (аналогичным образом прокладывают кабель по дну моря). И множество других довольно существенных «мелочей». Например, практическое отсутствие изгибов и поворотов. Количество воды, то есть расход, остается постоянным круглый год в соответствии с условиями договора о поставках. А дно моря — самая спокойная и невозмутимая среда, что может быть лучше и надежнее?

Однако тогда, три года тому назад, Израиль не собирался покупать воду в Турции, поэтому мысль о трубопроводе в море не возникала. Точнее, мелькнула и, как нереальная, растаяла в воздухе. Леонид Михайлович упорно пытался найти применение гидравлической сверхтекучести в местных условиях. В это время ему в теплице уже готовили торжественные провода, и потому экономиста для расчета новых вариантов не дали. Я сознавал, что шансов пробить заказ у Лихницкого нет, уж больно сомнительными представлялись перспективы. Но очень хотелось ему помочь, и я попросил Веру Николаевну приехать к нам в Израиль в оплаченный за счет фирмы творческий отпуск и помочь в оформлении проекта. Мы тогда отлично провели две недели, а Верочка на удивление быстро освоила нелегкие требования израильской бюрократии и вызвала почтительное уважение Леонида Михайловича. А этого, как вы помните, непросто было добиться!

Но и сам Леонид Михайлович, в свою очередь, произвел на нее впечатление. Она разглядела в нем за внешней броней мягкую сердцевину, да и ум, как правило, женщинам импонирует.

После возвращения на родину я время от времени вспоминал интересную идею и следил за темой по Интернету. Когда же начался бурный обвал фирмы «Американская кухня», моя увлеченность незаметно переросла в навязчивую идею. В последние полгода, напомним, я даже слегка заикнулся на операции «Прожект». Я регулярно просматривал информацию о новых

веяниях в опреснении морской воды, был в курсе всех споров вокруг водной проблемы в Израиле, всех сплетен и разоблачений правой и левой израильской прессы. Пожалуй, я был в этой области информирован не хуже Леонида Михайловича, если учесть, что он уже почти год как выпал из обоймы. Поэтому на нашем первом совещании мы не стали обмениваться общими сведениями, а заговорили о конкретных путях осуществления «Проекта» (верну ему это название, чтобы не путать с другими предложениями).

Подкину еще немного общей информации — иначе понять ситуацию будет невозможно.

Водный голод в Израиле был уже виден невооруженным глазом. Ну ладно, может, еще не голод, но уже серьезное недоедание, местами переходящее в дистрофию. Все чаще встречалась пожелтевшая трава на некогда ярких газонах. Зато все реже попадались любимые израильцами роскошные цветники. Кусты вдоль дорог изнывали от жары и от жажды. Цены на воду росли на глазах. В доме, который мы снимали, ввели жесткий лимит на полив насаждений. Кибуцники устраивали «митинги жажды» и предупреждали, что страна теряет сельскохозяйственные угодья, с таким трудом некогда освоенные евреями-пионерами. О катастрофе озера Кинерет даже перестали говорить, по масштабам она была сравнима с обмелением Аральского моря. Беспомощное министерство экологии предупреждало, что питьевая вода из едва ли не большинства артезианских скважин вредна для здоровья. Вспоминались аналогичные воззвания Минздрава на рекламе сигарет, но израильские предостережения были еще менее эффективными: пить вынуждены все, предупреждай не предупреждай. Как видим, время для радикального решения водной проблемы не просто назрело, но уже и перезрело.

Идея трубопровода была технически выполнимой и экономически выгодной. Основные научные и технические проблемы были решены и проверены. Серьезную роль играл и авторитет автора проекта — крупного ученого и активного члена русскоязычной общины. Он был гарантом реальности и серьезности нашего предложения.

Но существовал один-единственный минус, который перевешивал все плюсы. Главным противником «проекта» было само государство Израиль. Не страна, а государство, — а это далеко не одно и то же даже при демократии.

Почему я с такой уверенностью утверждаю, что противником, хотя свой проект мы еще не обнародовали? А вот почему.

Группа крупных израильских политиков, хозяйничающих в финансах и экономике, безусловно «на паях», включилась в группировку миллиардера Берна, гражданина Канады и Израиля, и приняла на вооружение стратегию промышленного опреснения морской воды. Это метод известный и довольно-таки распространенный в засушливых регионах. Но весьма дорогой и трудоемкий. Не каждой стране он по карману. Саудовская Аравия, например, живет на опресненной воде, но у нее из земли бьет черное золото, только открывай кран. Для Израиля это нелегкая ноша.

Всесильный Оскар Берн (в юности Ося Бернштейн, польский еврей) запускал новую, купленную им на корню высокопроизводительную, но энергоемкую схему опреснения, преимущества которой должен был наглядно продемонстрировать будущий дорогой и мощный завод. Было широко разрекламировано, что этот завод компенсирует дефицит воды в Израиле и палестинской автономии на несколько лет вперед. Строительство предполагалось недалеко от Ашдода. Обширные площади на суше и на море были давно выкуплены. К концу года при рассмотрении нового бюджета Кнессет должен был принять решение о создании завода.

Между прочим, Оскар Берн был хасидом. Хасид — не национальность и даже не фамилия, как вы, возможно, подумали. Хасиды — это сторонники одного из популярных среди ортодоксов течений иудаизма. Таких течений много, и чем они отличаются друг от друга, я толком не знаю. О хасидах знаю только одно: они считают, что вера должна быть жизнерадостной. Поэтому при каждом удобном случае хасиды поют и пританцовывают под мотивы, удивительно похожие на мелодии одесских блатных песен типа:

На Дерибасовской открылася пивная,

Там собиралася компания блатная...

Только содержание, наверно, другое. Более приличное.

Но Оскар Берн был не просто хасидом, а меценатом поселенческого движения. Не спонсором, который просто дает деньги, а именно меценатом, то есть покровителем, который еще и деньги дает.

Он имел привычку появляться в Израиле накануне выборов и свой авторитет вместе с солидными суммами класть на алтарь победы правых национально-патриотических сил. Понятно, что Лихницкий видел в нем личного врага и врага всеобщей справедливости.

Но вернемся к сравнению нашего проекта и предложения Берна. Производительность его могучего завода, который должны были проектировать и строить четыре (!) года, была почти такой же, как у нашего трубопровода — процентов на двадцать больше. Зато энергоемкость нельзя было сравнивать, стоил наш проект в двадцать два раза меньше, а срок введения его в строй составлял всего три-четыре месяца. Объективности ради скажу, что нам нужно было покупать воду в другом государстве, а для проекта Берна даровой воды в Средиземном море хватало. Но нам чистую воду готовы были продать недорого, и в результате турецкая вкусная питьевая вода в первые десять лет была бы почти вдвое дешевле опресненной и заодно очищенной от всего живого сомнительной морской. Втрое! Вдвое, если вычесть нашу сверхприбыль. Нормальным потребителям совершенно все равно, откуда вода, главное — качество и дешевизна. Но был ли израильский потребитель в этом смысле нормальным? Вот в этом я сомневался...

Ждать ввода в строй опреснителей страна уже не могла. Израильское правительство еще в прошлом году приняло решение временно — в течение шести лет, пока не запустят заводы, — возить из Турции воду танкерами. При этом вода, учитывая транспортные расходы, стоила бы еще дороже полученной опреснением и потому не являлась помехой планам Берна. Наше предложение в корне меняло ситуацию. Результат предсказуем: вся мощь государства Израиль, подкрепленная миллиардами Оскара Берна, неминуемо должна была обрушиться на головы конкурентов.

Но возвращаюсь на наше первое совещание. С чего нужно было начинать? У меня это сомнений не вызывало. Прежде всего необходимо закрепить за моей фирмой все юридические права на изобретение Лихницкого. Поэтому я свою тронную речь начал так:

— Начнем с главного. Я предлагаю основные расчеты, и в первую очередь патенты, полностью передать в собственность фирмы «Американская кухня». Ничего из того, чем придется воспользоваться, нельзя оставлять в юрисдикции Израиля.

— Как передать? — это уже Лена.

— Продать. Леониду Михайловичу придется отказаться от каких бы то ни было авторских прав. Все передать нам. В полную собственность. Это обычная процедура. Но вы должны быть очень внимательны. Продать нам только то, что вы делали в Союзе. Надеюсь, понятно — почему? Я ознакомился с вашими патентами. Они все ваши личные, все оформлены еще в институте, вы поддерживали их из собственных средств. И все копии отчетов нужно вернуть в теплицу. Кроме последнего, который вы делали вместе с Верой. В теплице был оформлен только один новый патент, придется им его подарить. Израиль все равно отберет...

— Этот патент несущественен...

С Лихницким было приятно иметь дело, он все понимал с полуслова. С Леной было хуже. Ее глаза удивленно расширились.

— На каких условиях у вас обычно фирмы покупают патенты, чтобы нам не выглядеть белой вороной?

— Такого типа? Обычно максимум пятьдесят тысяч одновременно и в дальнейшем пять процентов от прибыли.

— Хорошо. Я вас попрошу оформить у адвоката все документы о продаже, только пусть будет восемьдесят тысяч и десять процентов прибыли. Если наша возьмет, то купите маленький остров. А если нет, то мы с шапкой втроем будем стоять в переходе.

Лихницкий кивнул, но на лице у него не отразилось ровным счетом ничего. Разумеется, депрессия. Но не только. Он не верил в возможность успеха. Он уже ни во что не верил.

Зато у Лены на лице отразилось крайнее изумление. Но — школа Семена! — она молчала и только шлепала по клавиатуре компьютера.

Я продолжал:

— Теперь дальше. Леонид Михайлович, а мы сможем сами сделать экономическое обоснование, без местных, если сюда к вам в помощь придет Вера Николаевна? Справимся?

— Вера Николаевна?

Промелькнуло оживление — или мне показалось?

— Да. Она в ближайшую среду сможет прилететь, если вы согласны.

— С Верой Николаевной справимся. Ну, там, расходы на мелочи. Перевод, ксерокс. Мелочи. Тофесы у меня есть...

— Что есть?

— Тофесы. Простите, бланки, образцы заполнения...
— Вы согласны на мои предложения? Может, немного подумаете?
— Юрочка!..

— Все, молчу, молчу. Значит, решено и почти подписано.

Тут Леонид Михайлович неожиданно повернулся к Лене и сказал:

— Леночка, все в порядке. Это не благотворительность, а бизнес. Тут свои законы.

Интересно, как они спелись, понимают друг друга без слов. Даже голос потеплел. Но Лена по-прежнему пребывала в недоумении. Ладно, потом с ней поговорю.

Мы перешли к обсуждению технических подробностей. К моему удовольствию, Лихницкий довольно внимательно изучил мои расчеты и подтвердил, что ошибок немного. Меня это обрадовало и удивило: я ведь уже давно командовал и ничего не считал сам. Только проверял, как считают другие. Значит, есть еще порох в пороховницах. Я вырос в собственных глазах.

Общая сумма затрат на весь объем работ должна быть, по его мнению, больше. В пределах сорока миллионов долларов. Я знал, что затраты вопреки всякой логике имеют привычку расти как на дрожжах. А доходы с той же скоростью уходить в песок. Но у меня была стратегическая цель, неизвестная пока Лихницкому. И я сказал, что расчетную сумму затрат — тридцать миллионов нельзя увеличивать ни на доллар. Даже если придется залезть в собственный карман. При всех вариантах результат был бы неплох. Шкуры не убитого пока медведя нам бы хватило надолго... Окупиться все должно через год с небольшим — вот что значит быть первыми!

Я начал рассказывать о том, что получил предварительное предложение от «Швабише хюттенверке» — они предлагают поставлять шланг в виде катушек, — и остановился на середине фразы. Понял, что слушатель у меня только один — Лена. Леонид Михайлович отключился. Глаза его затянула пленка, как у спящих птиц. Перегруз.

— На сегодня, пожалуй, хватит. Главное мы решили. А с завтрашнего дня примемся со всей энергией. — Я с трудом скрывал раздражение, хотя понимал, что не прав. — Надеюсь, что такое сложное и интересное дело взбодрит вас.

Леонид Михайлович понял мою невысказанную мысль.

— Знаешь, Юрочка, что меня в этом деле интересует? Кроме, конечно, желания тебе помочь?

— Что?

— Хочу сделать что-то полезное для Израиля, пусть это звучит громко. Мне уже не нужны ни слава, ни деньги. Куда их девать?..

Он надолго замолчал, уставившись в пространство. Мы тоже молчали. Потом, спохватившись, он продолжил:

— Сколько раз мне в газетах, а иногда и прямо в лицо говорили, что я не имею права высказываться. Особенно против поселений и политики на территориях. Что я ничего не сделал для страны, только сижу на ее шее, как дармоед. И готов эту страну раздать врагам. Что я антисемит. А они патриоты. Но мне по-настоящему хочется, чтобы мы были пусть маленькой, но цветущей и уважаемой страной. Я не слишком надеюсь, что мы добьемся цели. Но хорошо знаю тебя, Юрочка, — ты человек порядочный. Поэтому я уверен, что мы приложим все усилия, чтобы эта чистая и дешевая вода пошла в наш водопровод. А если не получится, то будем хотя бы уверены, что сделали все от нас зависящее. И совесть наша будет чиста. Для меня это главное.

Он опять замолчал и внимательно посмотрел мне в глаза. Таких длинных монологов в этот приезд я от него еще не слышал.

Я полностью владел собой, и ничего кроме бодрости и оптимизма в глазах моих не отразилось.

— А я, в отличие от вас, убежден, что все нам удастся, и лет через пять вы купите маленький остров.

— Маленький остров — классическая мечта идиота.

— Не такие уж они идиоты, эти идиоты. Ие беседер!!! — я повернулся к Лене. — Ие беседер (все будет хорошо) — любимое выражение израильтян. Употребляется обычно с тремя восклицательными знаками.

Я встал, подошел к шкафу, вынул запечатанную бутылку виски «Блэк лейбл» и торжественно поставил ее на середину стола.

— Разрешите банкет по случаю официального основания неофициального израильского филиала фирмы «Американская кухня» считать открытым. Ура, товарищи!

Лена подсуежилась, разогрела и подала обед — в основном закуски с неизменными овощами и фруктами. Я опрокинул рюмочку своего любимого виски под укоризненный вздох Лены: Дима категорически запретил пить в течение месяца. Леонид Михайлович задумчиво выпил две. А в конце обеда добавил еще одну. Он человек свободный, за ним никто не следит... Лена не пила ничего, очевидно, из солидарности, не желая подавать мне дурной пример. В других условиях она не отказалась бы поддержать компанию.

Когда мы поднялись к себе наверх для послеобеденного отдыха, я с наслаждением улегся и предложил Лене:

— Давай выкладывай. Не держи в себе. Это вредно отражается на характере. И на цвете лица...

Она присела рядом со мной на кровать и нерешительно начала:

— Я, может быть, чего-то не понимаю...

— Очень даже может быть.

— Но ты пришел на все готовое. И намерен Михалыча использовать и дальше.

Мы между собой для краткости уже давно Лихницкого называли только по отчеству — Михалычем. Но обращались к нему уважительно — Леонид Михайлович.

Лена продолжала:

— Я думала, ты сделаешь его компаньоном. Он ведь не мальчик, и без него ты не смог бы даже начать. И не сможешь сделать ни шагу. А сейчас все выглядит, как будто...

— Ну что — как будто?

— Ты воспользовался ситуацией, в которой он оказался. Просто надеешься использовать его. Все отбираешь. Было ваше — стало наше.

Как в известной детской игре: тепло, теплее, еще теплее, горячо...

— Конечно, отбираю. Михалыч сам тебе объяснил: это бизнес, и здесь свои законы.

— Бизнес тоже может быть разным...

— Ну да, бизнес с человеческим лицом.

— Ты не остри, а объясни толком.

Та-ак. Подбородок двинулся вверх, брови к переносице. Пора отступить...

— Ты слышала сегодня, как обычно покупают патенты? Автору дают немного денег, процент от будущей прибыли — и, ради бога, не вмешивайся.

— Шкура убитого медведя...

— Именно это и точно такими же словами я и хотел сказать. Слово в слово. Просто читаешь мои мысли... Да, обещают автору только часть шкуры еще не убитого медведя, но в обмен не дают никаких прав. Потому что иначе прогорят все — и автор, и бизнесмен. Каждый должен заниматься своим делом. Не стоит даже затевать проект, если кто-то, особенно автор, в любой момент может вмешаться. Бизнесмен и без того всегда рискует.

Лена обиделась за изобретателей.

— Автор тоже рискует.

— Да, он может не выиграть, а бизнесмен рискует потерять то, что имеет. Есть разница. Все мы люди, все мы человеки. Михалыч и сам сегодня не знает, чего захочет завтра. Учти его настроение и состояние. А с другой стороны, на него будет оказано сильнейшее давление, можешь не сомневаться. Не каждый выдержит. Может быть все что угодно.

— Ну, ты договорился!

— Я не это имел в виду, но нужно учитывать все. И даже худшее. Ты разве не догадываешься, что человек смертен? Я это знаю лучше многих.

Лена невольно вздрогнула и коснулась пальцами моей щеки, словно желая убедиться, что я тут, рядом.

— Да, и такой вариант бизнесмен должен предусмотреть, — продолжал я. — Потому что в этом случае Израиль обязательно выступит на защиту прав своего гражданина и не даст нам работать. Переломает нам руки-ноги.

— Перестань рассказывать ужасы.

— Но ты сама хотела, чтобы я объяснил толком. Бизнес — вещь суровая. Такое решение для всех лучше и безопаснее. Продал иностранной фирме — и дело с концом. Умыл руки, ни на что повлиять не могу. Какие ко мне претензии? Уж если мы Семена старались вывести из игры, то Лихницкого, в его-то возрасте, тем паче...

Лена задумалась на мгновение, потом нехотя согласилась:

— Пожалуй, ты прав.

— Еще бы. Кто платит, тот и музыку заказывает.

— Но тебе ведь нечем платить?

Я радостно загоготал.

— Вот тут ты в точку. Наконец я слышу речь не мальчика, но мужа. То есть жены. Ты абсолютно права. Такие деньги достать нелегко, хотя, в принципе, можно. Но в этом случае риск будет не мой и музыка не моя. И я смогу в случае удачи получить только на сигареты, так что мне даже на пять процентов для Михалыча денег не хватит, не говоря уже о десяти.

Глаза Лены опять удивленно расширились.

— Что же тогда будет?

— Ну вот, все тебе расскажи. Много будешь знать — скоро состаришься. А мне ты нужна вечно молодая. Шучу, шучу. Не дуйся. Будем переживать неприятности по мере их поступления.

В ожидании прибытия Верочки мы время зря не тратили. Вместе с Леонидом Михайловичем тщательно просмотрели и подготовили к оформлению купли-продажи все необходимые для дальнейшей работы материалы. Я еще ни разу не покупал чужих изобретений, не тот у меня был уровень, но Лихницкий такой опыт в Израиле имел. Он несколько лет назад продал кое-что по мелочам одной немецкой фирме, и не только знал, как это делается, но и был знаком с надежным адвокатом-нотариусом. Адвокат, еще довольно бодрый для своих восьмидесяти лет старичок, мало разбирался в технике и понятия не имел о существовании патентов и расчетов (это было важно — не хотелось преждевременной утечки информации). Но свое дело он знал отлично. И на третий день совместной работы все документы о продаже были торжественно подписаны, на личный счет Лихницкого в банк «Апоалим» были переведены 80 тысяч долларов, а я стал собственником патентов и открытий, имеющих серьезное научное и техническое значение. Это, признаюсь, произвело на меня впечатление. Придало мне некоторый вес, что ли. Даже Лена после подписания посмотрела на меня со смешанным чувством осуждения и уважения. Я почувствовал себя крупным бизнесменом, волевым и не слишком сентиментальным...

Леонид Михайлович тоже был очень доволен. Во всяком случае, никакого огорчения от потери прав на интеллектуальную собственность я не заметил. Слишком долго он безуспешно пытался превратить ее в материальную. И наконец это удалось сделать. Узнав, что деньги уже появились на банковском счете, он, ни слова не говоря, таинственно испарился и часа через три появился за рулем почти новенького «Ситроена». Будучи все-таки снобом в душе, он испытывал пристрастие к французским машинам, считая их комфортными. «Ситроен» оказался отличной машиной с чудесными мягкими креслами — для меня это было важно в ту пору. Когда я первый раз уселся в машину и похвалил сиденья, то по выражению глаз хозяина понял, что это не случайный выбор. Наверняка, выбирая машину, он перепробовал не один комплект сидений. Мы действительно становились семьей.

Верочка прилетала, как и договорились, в ближайшую среду. Власть в фирме она передала дяде Филе и его перспективному сыну от первого брака Грише, который на глазах превращался в уважаемого Григория Филимоновича. Дядя Филя был во всех отношениях мужик не промах, он был удачлив и в работе, и в любви, и в семье.

А вот Верочкин сын Сережа третий год учился в Штатах и, судя по всему, возвращаться домой не собирался. Разве что в гости. У него там появилась герл-френд, они вместе снимали квартирку, дело явно шло к получению американского гражданства. Так что в нашем городе Верочку ничего особенно не удерживало.

Самолет прилетал около полуночи. Мы прибыли на встречу в полном составе в нашей новой (ну почти новой) широкой и просторной автомашине. Михалыч с явным наслаждением сидел за рулем, вел машину твердо и уверенно. На дороге от обычной его заторможенности не осталось и следа. Что значит бывалый автомобилист! Он очень соскучился по автомобилю. Свой старенький «Рено» он вынужден был продать сразу после выхода на пенсию, три года тому назад, потому что в Израиле пенсионерам-социальщикам эта роскошь недоступна. Точнее, просто запрещена законом. Либо пособие, либо машина. Глупейшая мера для страны, где в шабат не ходит общественный транспорт. Два дня в неделю пенсионер отрезан от мира — два самых нужных для общения дня. Теперь для нашего пенсионера этот запрет был уже не актуален — все равно после получения крупной для Израиля суммы он автоматически переставал получать денежную помощь от государства. Надолго. До тех пор, пока документально не докажет, что снова впал в нищету... Но я надеялся, что ему это не будет грозить.

Самолет опоздал часа на два. Мы терпеливо ждали. Я волновался, что большущий букет, который мы купили еще по дороге, в Хайфе, потеряет товарный вид. Наконец объявили прибытие самолета, а еще минут через сорок стали выходить наши сограждане — их легко было отличить. Появилась и улыбающаяся Верочка. Мы все с ней расцеловались, включая Леонида Михайловича — к моему удивлению.

Несмотря на то, что Верочка не очень давно была в Израиле, она с восторгом оглядывалась по сторонам, бесконечно охала и ахала. После нашего полутемного аэропорта, разбитых улиц и тротуаров ярко освещенный, шумный и жизнерадостный огромный аэродром Бен-Гурион, пальмы, широкая скоростная трасса, особенно вполне современный хайвей Аялон, празднично пересекающий Тель-Авив, не могли не произвести впечатления. Я бы вообще всем туристам советовал прибывать в Израиль ночью. Тогда в ярком свете фонарей не видно следов неухоженности, которые при безжалостных лучах яркого солнца, увы, частенько проступают наружу.

Мы сняли для Веры в гостинице по соседству не очень дорогой, но вполне приличный номер. По дороге в аэропорт Лена предложила поселить ее у нас наверху, в свободной комнате, но я не согласился. Хотя Верочка была моим близким другом, но встречаться с ней по утрам заспанным и полуодетым мне бы не хотелось. Тем более что и она выглядела бы так же. Все-таки я ее босс и намерен им оставаться.

Немного политики и философии

С этого момента я оказался не у дел. Леонид Михайлович и Верочка после завтрака занимали нижний салон и деловито что-то обсуждали, не отходя от компьютера ни на минуту. В их дуэте я был лишним. Жизнь научила меня не вмешиваться в дела, которые прекрасно движутся и без меня. Поэтому я решил им не докучать — и заняться нужным, хотя и не слишком приятным делом. А именно — попытаться вплотную ознакомиться с политической ситуацией в Израиле. Я вообще по возможности избегал чрезмерного увлечения политикой, считал это своего рода заболеванием. Нервы третишь, а смысла никакого. Тем более в чужой стране. Но я знал, что дело, которым я пытаюсь здесь заняться, хочешь не хочешь, а выведет на очень высокий политический уровень. А потому надо хорошо разбираться в этом лабиринте, стараясь оставаться беспристрастным и по возможности удерживаясь от симпатий и антипатий. Мне нужны были только факты, без оценки и интерпретации.

У меня был только один способ выяснить обстановку — читать газеты и сетевые издания. Для объективности неплохо было бы знать мнение обеих противоборствующих сторон — правых и левых. В Израиле правыми называют национально-патриотические партии, левые же традиционно поддерживают отделение территорий, демонтаж поселений и защищают права светского населения от наступления ортодоксов.

Просматривая русскоязычную печать, я убедился, что там господствует одна точка зрения — национально-патриотическая. Активно поддерживается политика сохранения поселений и война до победного конца. Каким должен быть этот победный конец — никто не уточняет. Может быть, авторы сами этого не знают, а может, стесняются сказать. Только самые-самые правые и отчаянные говорят о выселении арабов, хотя с огорчением признают нереальность этого хорошего дела. Но, в общем, все сходятся на том, что мира с арабами в ближайшие годы не будет.

Почему же все русские газеты придерживались либо правого, либо крайне правого направления (во всяком случае, других я не встречал)? Как объяснял мне Леонид Михайлович, причина не только в том, что в русскоязычных изданиях по завезенной из Союза традиции сильная цензура и самоцензура. Важна и финансовая основа. В русской алии преобладали довольно агрессивные и ура-патриотические настроения, а значит, потребности в либеральной прессе попросту не было — некому было ее читать, а следовательно, и покупать. Последняя относительно левая небольшая газетка лопнула года три-четыре назад. И никто о ней не жалел. К моему удивлению большая «русская» алия прочно заняла крайний правый фланг израильского общества. Объяснения этому я не знаю, но сам факт сомнений не вызывает.

Для понимания точки зрения левых мне вполне хватило статей Лихницкого, хотя они были написаны больше года тому назад. За это время в политике правительства и настроениях народа мало что изменилось. Разве что Израиль занял еще более жесткую и непримиримую позицию и еще меньше стал реагировать на мнение международной общественности.

Леонид Михайлович оставался верен себе. Он по-прежнему был никудышным дипломатом и по-прежнему норовил резать правду-матку, не обращая внимания на реакцию читателей. Истина — вот она, а нравится это вам или нет — меня не касается. Это ваши проблемы.

И хотя его статьи лишь раздражали «правоверных» и не переубеждали колеблющихся, для человека со стороны в них было много интересного. Они давали свою трактовку причин и следствий конфликта. Правые же газеты, не мудрствуя лукаво, объясняли ситуацию каким-то первородным арабским грехом, бандитской ментальностью арабов — и этим обычно ограничивались. Мол, любые переговоры и соглашения с арабским миром бессмысленны, они всё равно будут взрывать и взрываться.

Леонид Михайлович был более основательным, хотя его темперамент и максимализм порой смущали даже объективных читателей. В его текстах, на мой вкус, было слишком много страсти. Но зато были и мысли. Мне, к примеру, понравилось утверждение, что у евреев Израиля появилась своеобразная идеологическая база, которая помогает им махнуть рукой на мнение других народов. Это обиженная поза: «Нас все равно все не любят, так зачем стараться?». Верно подмечено.

Впрочем, не буду пересказывать — приведу полностью статью Лихницкого, напечатанную в крупнейшей израильской газете еще в 2002 году.

Так дальше жить нельзя

Мне выпало жить в двух странах, в которых людям привили удивительное, уникальное чувство гордости. Мы привыкли гордиться тем, что все (или же большинство) нас не любят, что вокруг недоброжелатели и даже враги. Так было в Советском Союзе и почти так же — в Израиле.

Все израильтяне, включая политическую элиту, с легкостью необыкновенной утверждают: «Весь мир сейчас настроен против евреев». Или: «Наши враги, которых так много вокруг...». Или: «ООН всегда была и будет против нас». Или: «Как обычно, только США наложили вето, а все остальные страны поддержали антиизраильскую резолюцию...». И в заключение: «Все равно нас не любят, так стоит ли лезть из кожи вон?».

К сожалению, это с каждым днем становится все больше и больше похоже на правду. И у нас даже нет иллюзии, которую всем безуспешно пытались внушить в Советском Союзе, — за нас, мол, некое прогрессивное человечество. Сейчас и прогрессивное человечество, пожалуй, тоже нас осуждает. Для меня олицетворением этого человечества всегда были и остаются страны Западной и Центральной Европы и, разумеется, США. Но и на лицах их жителей проступает явное осуждение.

Я никогда не смогу согласиться с дежурным объяснением наших политиков и журналистов, что демократические страны продались арабскому миру за нефть и за экономические интересы. А мы, мол, плохо наладили агитацию и пропаганду и поэтому не можем убедить мир в своей правоте. И в этом все дело. Наивные объяснения. Сейчас информация доступна всем. Прогрессивное человечество — не детский сад и не компания двоечников. Ему не надо все разжевывать.

Не в антисемитизме дело, как пытаются представить это некоторые патриоты. Общественное мнение осуждает не сионизм, а политику государства Израиль. Обвиняет нас в нарушении международных законов и решений ООН, в непрекращающихся попытках присвоить чужие территории.

На данном этапе эпицентром проблемы являются наши отношения с Палестиной. Три миллиона палестинцев были лишены основных прав человека. Тридцать пять лет у них не было родной страны, не было никакого гражданства. Этому нет и не может быть оправданий. Оскорбительно и унижительно в первую очередь для нас самих то, что мы и сейчас стыдливо называем территории палестинской автономией, хотя никакой такой автономии, по существу, до сих пор нет. Наши части регулярно появляются на территориях, стреляют из всех видов оружия, разрушают дома, перекрывают дороги. Мы продолжаем расширять поселения и строим новые. Это фактическое продолжение оккупации, что бы мы ни объясняли человечеству. Можно обругать антисемитом любого, кто так говорит, в том числе и меня, но суть от этого не изменится. Я не пытаюсь защищать и оправдывать палестинских фанатиков-исламистов, но их бесчеловечные деяния не дают нам права силой отбирать чужую территорию и строить там вопреки резолюциям ООН свои поселения. А мы это делаем. Такие действия нашего государства не могли не

отразиться на отношении окружающих к Израилю, на нашей собственной морали и на наших отношениях с народом Палестины.

Чем жестче позиция нового правительства, тем объективно хуже результаты. Да, порой кажется, что становится тише и спокойнее, — но это обманчивая тишина. Тишина отчаяния. Палестинцы сатанеют и теряют человеческий облик. Мы им не предлагаем никаких решений и не оставляем достойного выхода, вот в чем беда. А международная репутация Израиля выглядит все хуже и хуже...

Какова наша конечная цель? Чего мы хотим? Нет ответа и нет предложений.

Мы ни за что не эвакуируем поселения в Иудее и Самарии, плавающие, как клецки, в палестинском бульоне. Победившая общественность этого не допустит. За что кровь проливали?! Мало того, любой официальный мир не позволит нам продолжать строительство поселений, даже наверняка потребует убрать их большую часть. А раз так, то, учитывая настроения правящего и всенародного большинства, никакого мира и никакого самостоятельного государства мы палестинцам не предоставим. А значит, в ближайшие пятнадцать — двадцать лет не будет окончательных решений — только промежуточные. Иначе говоря — просто никаких. Это означает, что будет продолжаться война.

Плодотворная идея — ничего не решать. Этим мы и занимались последние десятилетия.

Еще пятнадцать — двадцать лет? Но ведь так, как мы живем, больше жить нельзя!

Посмотрите вокруг: рушится хозяйство, гибнут насаждения, наступает засуха. Не решается проблема нехватки пресной воды. В критическом состоянии экология. Почти замер туризм. Ширится грубость, раздражение и нетерпимость. А как может быть иначе, если идет бесконечная война? Это не преувеличение, не злобный навет на нашу действительность. Раскройте глаза — посмотрите вокруг! Мы губим страну.

Так жить нельзя. И надо признаться в этом самим себе.

Нам — евреям и палестинцам — нужна только одна победа. Победа не над противником, а над собой. Дорога насилия и пренебрежения принципами, по которой мы вместе со своими соседями продвигались последние десятилетия, завела нас всех в тупик. А чтобы выбраться из тупика, нужно поменять направление, пока не поздно.

«С волками жить — по-волчьи выть» — это принцип волчий, он не может быть основой политики демократического государства. Мы должны признать, что непозволительно часто пользовались им, и отсюда результаты.

Мы должны оставить палестинцев в покое. Мы должны увести оттуда войска и своих поселенцев и обязательно признать свою долю неправоты в этом конфликте. Мы должны просить мировое сообщество стать нашим посредником и арбитром в установлении прочной, законной международной границы. Мы должны быть первыми, а не ждать, пока нас припрут к стенке. В этом проявится истинный престиж демократического государства.

И не нужно больше вмешиваться в их внутренние дела. Пусть делают что хотят. Мы настолько сильны, что никакое государство, в том числе и палестинское, нам не страшно. Страшно, когда нет границы. Мы с палестинцами настолько измучили друг друга, что вполне заслужили право хоть какое-то время дорогого соседа в упор не видеть.

В этом и проявится, считаю, истинный патриотизм. Этим можно будет гордиться по настоящему, а не тем, что нас все не любят.

Только после решения палестинской проблемы можно будет приступить к решению других жизненных задач, которых — все мы знаем — у нас невпроворот.

Леонид Лихницкий

Вот такая статья. Невеселая, прямо скажем.

Прочтя ее, я сразу же, по горячим следам, попытался за обедом затеять дискуссии с Леонидом Михайловичем. Началась она вяло и бесцветно. Мой оппонент отвечал слишком неохотно, чтобы выглядеть убедительным. Витийствовал вначале в основном я.

— Вот вы осуждаете операции израильских войск на территориях. Но действительно сложилась невыносимая ситуация, и правительство было вынуждено что-то предпринять. Каждый день гибли люди, израильтяне боялись выходить из квартир. Я не преувеличиваю? Бесконечные взрывы и даже обстрелы из минометов. Мне кажется, Израиль не мог больше терпеть такой беспредел и вынужден был войти на территории. Вы же не будете отрицать, что сейчас стало намного тише и спокойнее. Согласны? Почему же вы обвиняете в основном Израиль?

Леонид Михайлович осушил рюмку для бодрости и, наконец, слегка оживился.

— И я бы так думал, если бы Израиль, кроме непрерывных карательных мер на территориях, что-то попытался изменить. Юра, я ученый — или был им совсем недавно. Мне важны причины и следствия. Что мы делаем сегодня? Продолжаем строительство поселений в Иудее и Самарии. А значит, уходить оттуда не собираемся, что бы мы ни говорили на публику. Это строительство — самая реальная индикация наших намерений. А раз так — мира не будет.

— А что, по-вашему, нужно делать?

— Если бы мы хотели мира, он бы давно у нас был. Для мира мы достаточно сильны. Построили бы серьёзную границу. И стало бы несравнимо тише. Как у всех — ни хуже, ни лучше. Исламские террористы сейчас везде.

— Так в чем же дело?

— Неизвестно, где ее ставить. На территориях сейчас сплошная мешанина поселенцев и арабов. Двести тысяч поселенцев назад к зеленой черте возвращаться не намерены. Скорее они взорвут всё государство Израиль.

— А Газа? Все время говорят об эвакуации поселений из Газы. Может, это начало?

Лихницкий пренебрежительно махнул рукой.

— Газа только разменная монета. Не больше. Оттуда давно надо было уйти. Там почти нет поселенцев. Одни арабы. Самое густонаселенное место в мире. Полтора миллиона арабов и всего шесть тысяч еврейских поселенцев. Что нам там делать? А в Иудее и Самарии поселения повсюду. Необратимость присутствия. Поэтому и нет мира. Чтобы присвоить чужую территорию, нужна война. Миром этого не добьешься. Вот ответ мне на лёгкий вопрос - какая ещё страна сейчас, после Хельсинки, открыто пытается отнять чужие земли? Кроме нас?

Я напрягся, но вспомнить действительно ничего подходящего не мог.

- Может где-то в Азии. В Африке...

- Ну да, в диких джунглях. Но дело даже не в этом, — задумчиво произнес Лихницкий и рассеянно потянулся за бутылкой. — Мы поверили — и внушаем это другим, — будто есть народы, которые кроме силы ничего не понимают. Поэтому порядка можно достичь только путем экзекуции. Лучше всего делать это регулярно — для профилактики. Странников такого наведения порядка в мире сейчас хватает. Россия и США так и поступают. С тем же успехом, что и мы.

— Но у вас все-таки стало тише.

— И ты туда же! Сейчас многие в мире говорят: огромный опыт Израиля в борьбе с террором доказывает, что только силой... А на самом деле, огромный опыт и огромные жертвы, которые столько лет несут люди в этом районе, показывают, что это дорога в никуда. Что худшего способа нет и быть не может. А иначе как могло случиться, что люди с интеллектом Буша, Шарона и Путина стоят во главе современного мира?

На помощь Лихницкому поспешила Лена.

— Юра, уха стынет. Договорите после обеда.

— После обеда я иду на заслуженный отдых. Мне положен послеобеденный сон. Могу предъявить справку лечащего врача.

И мы перешли к ухе. Больше в беседах с Лихницким я эту тему не поднимал, но для себя сделал выводы. Кто прав, кто виноват — не мне решать. Важно одно: никто не сомневается, что нынешняя ситуация долговременна. Примем как аксиому. И второе. В этих условиях патриотические настроения израильтян будут крепнуть. И тогда, к сожалению, Израиль может отказаться от пусть дешевой и вкусной, но «вражеской исламской» воды. Особенно если «уважаемые люди» его к этому подтолкнут.

Впрочем, почему к сожалению? Сколько раз я себе говорил, что в бизнесе нужно все учитывать и разумно использовать, оставив мораль в качестве хобби для досуга в кругу семьи...

После обеда я поднялся наверх и попытался уснуть. Лена осталась внизу. Нашим труженикам для расчетов понадобился перевод с немецкого, которого ни Леонид Михайлович, ни Верочка не знали.

Сна не было ни в одном глазу. Меня опять одолевали сомнения. Я лишний раз убедился в том, что даже если мы прорвемся с «прожектором» через все заслоны, если все заработает в лучшем виде (а всегда есть доля риска), то наши проблемы только начнутся. Нам нужны минимум пять лет спокойной эксплуатации, чтобы разбогатеть. Но израильтяне вкупе с палестинцами непредсказуемы. Единственное, что можно с уверенностью предсказать, — они в любой момент готовы устроить драку, разругаться со всеми, героически перекрыть себе воду, а значит, нам кислород. Не зря этот район считается самым нестабильным.

Я печально вздохнул. Наш Михалыч считает своим долгом продолжать борьбу с израильскими евреями для их же блага. Идея благородная, жаль, что ее единственным результатом могут быть личные неприятности борца. Так оно и было до сих пор. Зато совесть спокойна, зато утешает сознание исполненного долга и моральное удовлетворение. Естественно — чем хуже результаты, тем чище совесть. Нет, такой путь для бизнесмена не подходит.

Я вздохнул еще печальнее — и почувствовал, что нуждаюсь в отце Федоре в качестве идеологического противника, чтобы восстановить наработанный в больнице «еретизм». Но отец Федор был далеко. Никто из моих сотоварищей для этой роли не годился, меня могли неверно понять. Точнее, могли понять правильно, а мне бы этого не хотелось.

Отдохнуть не удавалось. Без толку вертеться на кровати мне надоело. Тогда я встал, взял свой ноутбук и написал ту самую «Дискуссию еретика со священником», которую уже цитировал.

Затем не поленился и открыл сайт «Еретик» (www.etic.ru). Зачем? Думаю, затем, чтобы все эти спорные мысли приходили ко мне как бы со стороны. Видимо, так они казались мне веселее... Но каково было мое удивление, когда уже через несколько дней я увидел на своем сайте ссылку на несколько других сайтов под общим названием «Общество „Еретик“». Моя статья, которая уважительно именовалась программной, была там переведена на английский, немецкий и французский языки.

А дальше на этих сайтах начался настоящий обвал обсуждений. На каждом из них был открыт форум, то есть появилась возможность общаться с желающими. Я с некоторым опозданием сделал у себя то же самое. И через неделю-другую все эти странички зажили бурной самостоятельной жизнью.

Месяца три спустя наше общество «Еретик» имело уже довольно высокий рейтинг, по числу заходов приближаясь к популярным и давно раскрученным сайтам. Споры, публикации за и против, возмущенные и восторженные реплики обрушились лавиной. На наших сайтах уже можно было делать неплохой бизнес. Но мы с моим неведомым партнером и единомышленником (благо компьютер позволял сохранять анонимность) решили блюсти чистоту идеи и не продаваться за чечевичную похлебку.

Думаю, у такой популярности были две основные причины. Во-первых, мой единомышленник — очевидно, человек не бедный — открыл сайты на основных языках и разбросал по сети множество рекламных баннеров и ссылок. А во-вторых (и это главное), наверняка не у меня одного возникло неудовольствие и недоумение такого толка. Желание, пока не поздно, переосмыслить, что такое хорошо и что такое плохо, пересмотреть основы нашей морали носилось в воздухе. Наш «Еретик» просто подоспел вовремя, — я не пытаюсь преувеличить его значение.

Однако я забегаю вперед. В тот день я просто перечитал свою «Дискуссию еретика со священником», и она поддержала мои слабеющие моральные силы. Я закрыл паролем папку «Еретик» (не хотел до поры до времени тревожить наше благородное общество своими крамольными мыслями) и походкой уверенного в себе супермена спустился на первый этаж, где по-прежнему кипела работа.

Дела семейные

Дела в нашем «семейном бизнесе» продвигались весьма успешно. Все были немногословны и вечно заняты. Леонид Михайлович иногда уезжал добывать недостающие данные в каких-то ему одному ведомых местах, а я даже не интересовался адресами. Единственное, о чем я очень настойчиво просил его, — никому не рассказывать о целях нашей работы. Лихницкий иронично улыбался, но обещал, как он мрачно острил, «не расколоться даже под пытками». Я к этим вещам относился иначе. Давно уже усвоил: чем ответственной задача, тем большую роль в ней играют мелочи. Береженого бог бережет. А здесь в дело пущены миллиарды — разумеется, не мои. Я боялся, что меня могут либо не выпустить, либо, что еще вероятнее, не впустить обратно. А моя поездка в Европу была намечена на ближайшее воскресенье.

Леонид Михайлович слушал меня вежливо, но в глазах пряталась ирония. Внезапно он нахмурил брови — о чем-то задумался. Я заволновался:

— Что такое, в чем дело?

— Нет, ничего. Все в порядке, Юрочка. Не волнуйся, я буду осторожен.

Вскоре я стал замечать, что у меня слишком много свободного времени. Это был первый признак хорошей, или почти хорошей, физической формы. За двадцать дней в Израиле я поправился на три с половиной килограмма. И нарастил при этом мышечную массу. Я потихоньку возобновил привычные упражнения с эспандером, с которым не расставался уже четверть века. Словом, мне ничто не мешало включиться в серьезную работу. Проект был почти закончен, наступал второй этап — добыча денег. А вот этого, кроме меня, сделать никто не мог.

Жалко было прерывать так удачно сложившиеся нагарийские каникулы, но труба звала... На этот раз звала меня одного, без поддержки партнера. Я почувствовал, как тяжело, когда не с кем обсудить крайне спорные ходы, которые мне предстояло выполнить. При всем уважении к участникам нашего «семейного бизнеса», это был не их уровень... Приходилось многочисленные «за» и «против» взвешивать самому.

Несмотря на отчаянные протесты Лены, я решил ехать в Европу один. Если Лена поедет со мной, то волей-неволей придется налаживать отношения с ее родными. Всколыхнутся наши сомнения и переживания, связанные с Семеном. В момент без преувеличения судьбоносных переговоров с Сазоновым и «Швабише хюттенверке» я не мог позволить себе такую роскошь.

Но была и еще одна причина. Сомневаться в том, что Садко не оставил планов прибрать к рукам мое имущество, не приходилось. Ситуация, когда «Американская кухня» лишится хозяина и поступит в распродажу, лучше всего соответствовала интересам «зоны». Садко понимал, что я рано или поздно появлюсь у Сазонова, и его вперёдсмотрящие вполне могли поджидать меня там. Конечно, боевик с киллером в центре Европы казался мне слишком нелепым. Даже то, что однажды я уже ошибся в подобном оптимистическом прогнозе, меня не смущало. Я настолько был уверен в своей физической безопасности под охраной немецкой полиции, что и тени опасений, не говоря уже о страхе, не ощущал. Говорю как на духу.

Но почему-то все менялось, когда я представлял себе, что вместе со мной там появится Лена. Я понимал, что буду дрожать за ее безопасность вопреки любым логическим рассуждениям. В таком напряжении здраво решать сложнейшие проблемы, которые меня там ожидали, будет непросто. Думаю, даже хитроумный Одиссей не был бы столь хитроумным и смелым, если бы повсюду возил с собой Пенелопу. Обдумайте такой вариант — тут есть рациональное зерно...

Словом, две-три наши с Леной дискуссии до двух часов ночи — и мы большинством голосов решили, что я еду один. При условии, что буду беречь себя, вовремя ложиться спать, вовремя пить таблетки — в соответствии с программой Димы, и прочая, и прочая. Звонить, разумеется, каждый день. Я все обещал — и подумал, что даже самые современные и продвинутые жены остаются в чем-то клушами. Когда любят. Когда не любят — сплошная эмансипация и свобода. Я вспомнил свой недолгий семейный опыт... Нынешний вариант был во всех смыслах лучше. Бог с ней, со свободой. Да здравствует рабство!

Последние дни я пытался использовать для поездок по Израилю хотя бы на небольшие расстояния. Я чувствовал себя достаточно окрепшим. Да и врач (я наблюдался у платного терапевта, коренного израильтянина) находил меня практически здоровым. В отношении здоровья израильские врачи удивительно оптимистичны. Сколько раз мы читали или же слышали по телевидению, что у нас в стране очень мало здоровых людей. И здоровых детей. Официально считается, что их почти нет. А у них практически здоровым объявляется все, что шевелится. Мне Юлик Сиперштейн рассказывал о благотворном влиянии такого оптимизма:

— Заходишь к врачу больным и несчастным, еле ноги волочишь. Чувствуешь приближение конца. Он посмотрит на тебя жизнерадостно-равнодушно, улыбаясь, похлопает по плечу, а иногда по щеке, — есть у них такая привычка, это традиция, а не фамильярность. Потом слегка пощупает, пошлет на анализ мочи и крови. Но главное, радостно скажет: «Тов меод! Мецуян! Ие беседер!!!». Очень хорошо! Великолепно! Все будет хорошо! Со все возрастающим оптимизмом. И ты уходишь почти здоровым, — сам сколько раз проверял. Анализ уже до тебя, как правило, не доходит. Зачем, если все «мецуян»? И правильно. Все-таки наполовину полный стакан лучше наполовину пустого.

Я и сам убедился в этом. Мой лечащий врач при каждой встрече с таким восторгом твердил мне: «Все изумительно!», что усомниться в этом было просто невозможно. Он же разрешил мне при желании употреблять «кцат-кцат» (чуть-чуть) хорошего виски. После чего я ему поверил окончательно и бесповоротно.

Естественно, в первую очередь мы съездили к Юлику. До этого он побывал раза три у нас в гостях вместе со своей женой Риной. С ответным визитом мы выехали в полном составе с неизменным водителем — Леонидом Михайловичем.

Мой бывший сокурсник Юлик всегда был человеком жизнерадостным и неунывающим. Таким и остался. Годы на него не влияли. Невысокий, поджарый и подвижный, круглолицый и по-прежнему кудрявый. Даже почти не поседел. Разве что самую малость. Рина была покрупнее, поосновательнее и относилась к нему с какой-то покровительственной любовью. На жизнь они не жаловались, но и не скрывали, что досталось им здесь по первое число. А между тем, оба выглядели очень неплохо. Я бы даже сказал, отлично выглядели.

Вообще, наши бывшие сограждане, несмотря на безусловную тяжесть эмиграции, выглядят, как правило, свежей и ухоженной, чем мы. Это особенно заметно, когда они приезжают к нам в гости, жалуются на свою нелегкую жизнь и с нескрываемым удивлением и даже ужасом смотрят на нашу. Если им так тяжело, откуда столь свежий цвет лица? Где серые складки и морщины? Может, стресс и необходимость мобилизовать себя хорошо отражаются на внешности? Думаю, дело все-таки в том, что даже для эмигрантов там условия лучше, чем у нас для своих, — чего уж тут скрывать. А может быть, не менее важно, что они там заражаются общей любовью к здоровью и к жизни. Начинают, как все вокруг, считать калории. Не купят продукт, не проверив срока годности. Регулярно глотают какие-то таблетки и не считают, как мы, что это вредно. А вечером или утром совершают оздоровительную прогулку бегом или быстрым шагом. Когда вы в последний раз видели на наших улицах мужчину или женщину в спортивной одежде? Скорее всего, тогда, когда они выносили мусор. А там, у них, это происходит сплошь и рядом, — я имею в виду, разумеется, не мусор, а физкультуру. Результат — налицо.

Сиперштейны нас ожидали на улице и встретили очень радушно. Был традиционный израильский стол, где основное — фрукты, овощи и салаты. Этому учатся быстро. Я и сам с недоумением вспоминал, как мог всю зиму и весну обходиться практически без свежих фруктов и овощей. Но даже для меня они в этот период у нас недешевы. Что уж говорить о рядовых тружениках...

Лет десять тому назад Сиперштейны в рассрочку, которая полагалась репатриантам, купили неплохую трехкомнатную квартиру в Кирьят-Яме, городке-спутнике Хайфы. Недалеко от моря, минут пятнадцать неторопливой ходьбы. В квартире была довольно большая гостиная, в Израиле она традиционно называется салоном. Большие салоны, последнее время чаще всего с американской кухней, тоже относятся к особенностям местного строительства. Как и раздвижные окна с неизменными «трисами» — жалюзи, и полы из мраморных плиток. Разумеется, плитки только покрыты мраморной крошкой, но выглядят красиво. Такой пол не гниет и не привлекает всякую живность, которой в этом климате хватает.

Ссуду за квартиру, которая составляла едва ли не половину всех расходов, им нужно было выплачивать еще много лет, поэтому вопрос работы стоял очень остро, перебирать и капризничать не приходилось. Найти работу по специальности — водопровод и канализация — Юлик не смог. Государственное объединение, занимающееся водоснабжением, было одним из самых престижных и высокооплачиваемых в стране, и попасть туда мог далеко не каждый. Поэтому он, не мудрствуя лукаво, устроился в частную фирму простым рабочим, и вот уже десять лет пилит какие-то доски, как он говорит, цурки-палки. Привык, втянулся. Работа не слишком тяжелая, платят неплохо. Правда, периодически переживает, что фирма может лопнуть. Мне показалось, что комплекса неудовлетворенного тщеславия он не испытывает. Позже, правда, выяснилось, что это далеко не так.

Рине повезло больше. Она была до репатриации медсестрой, медсестрой и осталась. Окончила курсы, поступила работать в больницу. Главное, она получила так называемый «квиют» — постоянство. Это тоже израильское изобретение. Некий статус, который делает практически невозможным увольнение и гарантирует работнику ряд преимуществ. Не многие русские его получают. «Квиют» служил надежной подстраховкой и экономил массу нервной энергии всему семейству. Да и зарабатывала Рина больше, чем Юлик. В Израиле медсестры без работы не сидят, это, наверно, самая востребованная специальность.

В общем, Сиперштейнам хватало на жизнь, хотя и не слишком роскошную. Но и не бедную. Все-таки были две машины (правда, одна совсем старенькая), все-таки они позволяли себе раз в два-три года съездить за границу. Словом, это была довольно типичная семья репатриантов, приехавших в страну в относительно молодом возрасте.

У них было двое ребят. Старший оканчивал школу и должен был осенью идти в армию. Но об этом Сиперштейны не любили говорить. Как старались избегать и разговоров о палестинской автономии. Видно, в связи с ожидаемой службой сына эта проблема близко их затрагивала, и сомнения одолевали обоих.

Зато друг и многолетний соратник Юлика по распиловке «щурок-палок» Гарик (Юлик пригласил и его с женой) никаких сомнений не ведал. Это был плотный, если не сказать больше, мужчина лет пятидесяти, с решительным, немного мрачным лицом. Его жена, неприметная тихая женщина (уже не помню, как ее звали), в основном помалкивала. Гарик не мог забыть, что он был до эмиграции старшим технологом машиностроительного завода, и нам весь вечер не позволял это сделать. Возмущало его, что Израиль не использовал толком тот «золотой человеческий материал, который получил из России». Подразумевалось, что он вместе с женой входил в этот золотой материал.

— Все чугунное литье проходило через мою группу. А теперь я пилю доски. Как вам это нравится? А моя жена, тоже неплохой технолог по оснастке, подрабатывает как «озерет баит».

— Убирает квартиры, — пояснил Юлик. — В переводе означает «помощница по дому». Они явно избегали обидного слова «уборщица». «Помощница», казалось им, звучало лучше.

Гарик с явной претензией и обидой посмотрел на меня.

Я себя виноватым не чувствовал. И мог бы его утешить. Сказать, что ничего он не потерял. Что его завод давно не работает, там все распродали или растащили. Что бывший начальник ОТК этого завода, мужичок примерно его возраста, может, чуть постарше, работает у меня на складе кладовщиком и по совместительству грузчиком и очень этим доволен. А недавно мы помогли ему отремонтировать обрушивающийся потолок в его хрущевке, потому что жэк только голову морочил, и жалобы по инстанциям не помогали. Ну а такие бывшие технологи пятидесяти лет, как его жена, торгуют сейчас где попало и чем попало. Мог бы все это сказать, но промолчал. Юлик предупредил меня, что его друг очень обидчив.

Но с особым размахом Гарик проявил свою принципиальность и решительность в политических разговорах. Сколько он между выпивкой и закуской уничтожил палестинцев — сосчитать невозможно. Он их гробил штабелями, изгонял с «нашей еврейской земли» без всякой жалости. Доказывал, что кроме силы они ничего не понимают. Правда, у Гарика был один великовозрастный сын, и тот устроился работать в Голландии.

Сиперштейны в дискуссию не вступали. Только когда мы отправились пройтись вдоль моря, а Гарик с женой отстали, Юлик сказал:

— Когда Витька, его сын, служил в армии, Гарик помалкивал и проголосовал за Рабина. А теперь, когда парень уехал за границу, в нем снова проснулся пламенный патриот. — Он вздохнул. — Через полгода пойдет служить наш старший, следом, через два года, второй. Сколько можно стрелять? По-моему, мы слишком развоевались.

И он взял под руку Лихницкого. Это был жест солидарности. Юлик читал его статьи. Но Леонид Михайлович остался верен себе:

— Неужели нужно соображать только тогда, когда дети идут в армию? Юлик рассмеялся. У него был здравый смысл и чувство юмора.

Мы неторопливо прогуливались вдоль моря. Впереди молча шли Верочка и Михалыч. Чуть сзади — мы с Юликом, лениво перебрасываясь словами. За нами Лена с Риной обсуждали особенности еврейской кухни. Гарик с женой прилично отстали. Было между четырьмя и пятью часами пополудни. Суббота. Отличная погода. Ясное, как всегда, небо. Мусор вдоль моря я уже научился почти не замечать. Много гуляющих, еще больше любителей спортивной ходьбы вдоль линии приюта. Все довольно ярко одеты — не разберешь, то ли это спортивная одежда, то ли обычная. Вдоль высокого каменного забора на траве расположились любители шашлыка с легкими переносными мангалами. Все было чудесно. Казалось, в мире нет и не может быть никаких неприятностей. А вдруг так оно и есть?.. Хотелось купаться, но Юлик предупредил, что не стоит. В этот период море кишит огромными медузами, не чета нашей мелочи, и жалят они с невероятной силой. Да, значит, еще не все идеально в этом лучшем из миров...

— А я на днях видел, как вон оттуда, с отгороженного участка пляжа, где висит какое-то объявление, вышла женщина в длинном черном платье и пошла купаться.

— Это, наверно, была датишница. Они купаются в специально огороженных местах, один день мужчины, другой — женщины. По расписанию. И все равно женщины купаются в платьях. Поэтому им никакая живность не страшна. От них все медузы разбегаются... Но сегодня их здесь нет. Суббота.

Я уже знал, что «дати» на иврите означает верующий. Поэтому русские часто называют ортодоксов датишниками и, соответственно, датишницами.

— Ты знаешь, — я задумался, — все не так просто. Мы на днях были в Сахнах...

Сахны — это каскад бассейнов на Голанах. С чистой минеральной водой из какого-то теплого источника в горах. Прелесть что такое. Изумительное место.

— Мы тоже там недавно были, — поддержал меня Юлик. — Туда сейчас ездят в основном арабы и олим. Сабров там почти не встретишь. Они не любят ездить туда, где много арабов.

— Не в этом дело. Там религиозные арабки тоже купаются в платьях. Длинных, плотных. Глупо, но мне почему-то расхотелось лезть рядом с ними в воду. Жарко. Душно. Что там под платьем? Конечно, это условность. Но я привык к тому, что в бассейн без предварительного мытья под душем не пускают. А тут... Конечно, предубеждение...

— Ну вот, Юра, и ты за сегрегацию.

— Нет. Я на чисто бытовом уровне. Без идеологии. Недавно видел, как датишные девочки сдавали стометровку на уроке физкультуры. В длинных платьях и юбках. Мокрые от пота, юбки прилипают к ногам, кофты сбились набок...

— Неэстетично, но терпеть можно...

— Я опять не об этом. Неужели они не будут злиться на тех девочек, которые одеты легко и удобно? И пуп наружу. Которым все можно и все доступно? Не может их это не раздражать. Это просто наглядный пример, но таких примеров много...

Юлик посерьезнел.

— Конечно, злятся. И стараются нам как можно больше запретить, чтобы своим не так обидно было. Автобусы по пятницам и субботам — это тот же пуп, который их раздражал. Почему нам можно ездить в шабат, если им нельзя? Обидно. И прикрыли.

— Не знаю... Мне иногда кажется, что если бы не война, то у вас бы проблем меньше не стало. Соседствуют двадцать первый век и первый век до нашей эры. Юлик, дорогой, тебе не кажется, что такие крайности в одной стране просто несовместимы? По-моему, это очередная утопия — создать страну, в которой древняя и очень авторитарная религия управляла бы народом рука об руку с современной демократией. Эдакий еврейский «Город солнца». Солнца здесь хватает. Но результат будет тот же. Лопнет вся эта утопия.

— Может, ты и прав. Война тоже неплохой способ уйти от решения острых проблем. Не хуже любого другого.

— Ладно. Оставим это. Я дал себе слово в вашу политику не влезать. Это не для ослабленного болезнью организма. Я приехал сюда на поправку.

Я окинул взглядом море, Хайфу, весело взбирающуюся на гору Кармель, солнце, спускающееся к заливу.

— Лепота! Хорошо-то как! Слишком хорошо, чтобы быть правдой...

— Юра! Лена! — в голосе Веры было такое отчаяние, что мы с Юликом опрометью бросились к ней, даже не успев разглядеть, что там стряслось.

Вера с трудом удерживала совершенно обмякшего Лихницкого. Если бы не наша реакция, он бы грохнулся на красиво уложенные камни дорожки, идущей вдоль пляжа. Силы Веры были на исходе. Мы подхватили под руки ставшее каким-то невероятно тяжелым тело. Хорошо, неподалеку была скамейка — мы двинулись к ней. Вера пыталась нам помочь, но больше мешала.

— Леонид Михайлович, родненький!.. Дорогой, что же это такое? Что это с вами?.. — ее голос прерывался.

Меня напугало ставшее прямо-таки белым лицо Лихницкого. Но через секунду-другую рука, за которую я его удерживал, шевельнулась, он как-то утвердился на ногах и довольно уверенно пошел к скамейке, хотя и с нашей помощью. Сел, глубоко вздохнул. Лицо его на глазах стало приобретать нормальный цвет и даже чуть-чуть покраснело.

— Леонид Михайлович, что это было? — задал я совершенно дурацкий вопрос. Откуда он мог знать?

В это время подбежали Лена с Риной. По сравнению с нами, напуганными и бестолковыми, они были относительно спокойны. Рина по-деловому пощупала пульс, внимательно посмотрела Лихницкому в глаза и повторила мой вопрос: — Что это было? — но в ее устах он прозвучал естественно и к месту.

Леонид Михайлович выглядел виноватым и даже немного пристыженным.

— Не волнуйтесь. Это остеохондроз. Со мной иногда бывает.

— Остеохондроз? — я очень удивился. В моем представлении остеохондроз — это хотя и массовое для пожилых людей явление, но достаточно безобидное. Ну, тяжело нагибаться, болят к непогоде суставы...

Леонид Михайлович понял мое удивление:

— Юра, мой позвоночник от сидячей работы превратился в сталактит, — он даже улыбнулся, — или в сталагмит. Когда я неудачно поверну голову, бывает, там что-то пережимается намертво. И сразу же проходит, когда голова вернется на место. Вот такая история.

Он удивленно и растерянно посмотрел на Рину.

— Но так никогда еще не было. Немного качнет. Иногда на секунду вроде бы земля уходит из-под ног. Но мгновенно проходит. Нет, так сильно ни разу не было...

— Но что-то надо делать? — это уже Вера.

— Не стареть. Единственный способ.

Рина покачала головой. Она была не согласна, но в дискуссию не вступала. Отложила на потом.

Я вопросительно посмотрел на Лену. Она кивнула головой — мол, я это уже знаю. Веселенькая история...

— Что будем делать? — растерянно спросил Юлик у Рины.

— Пойдем гулять. Леониду Михайловичу надо больше двигаться и разминаться. Хотя и осторожно.

В это время нас догнали Гарик с женой.

— Что-то случилось? — с надеждой спросил Гарик.

— Нет, — огорчил его Лихницкий.

Он уверенно встал и двинулся по прежнему маршруту. Рядом с ним пошла все еще перепуганная Вера. Колонна в прежнем порядке продолжила прогулку.

Позже я пристроился к Рине и постарался выяснить, что происходит с Лихницким. Она была довольно опытным медиком, пусть и невысокого ранга, и объяснила мне ситуацию. Оказывается, остеохондроз далеко не безобиден. Когда пережимаются нервы и сосуды, то при этом может разбалансироваться весь организм. Это может стать причиной инфаркта, инсульта, не говоря уже о болях, артрите, хромоте и прочих прелестях. Да, он действительно спутник старости, которая, как известно, не радость. Паниковать не стоит, но и радости не много. Нужно следить за питанием, регулярно делать массаж, заниматься лечебной физкультурой.

— И надо жить, — оптимистически закончила Рина.

Ну молодец! Я на глазах у мужа с удовольствием поцеловал ее в щечку. Молодец. Все знает, все понимает.

— Да, меня пора уже отстреливать, — прочитала мои мысли Рина, за что получила поцелуй в другую щеку. Юлик погрозил мне кулаком, а сам расплылся от удовольствия.

Лихницкий за весь вечер больше не сказал ни слова. Точно так же молча, когда мы подошли к машине, он отдал ключи Лене, а сам устроился на заднем сиденье. Видеть его там было непривычно, ничего хорошего в этом перемещении не было. Но что прикажете делать? Иначе на трассе, на высоких скоростях, мы наверняка чувствовали бы себя еще менее комфортно.

Зато вид сидящей за рулем Лены мне эгоистично поднимал настроение. Машина ей была к лицу. В лучах вечернего солнца она была очень хороша. А когда встретила мой восхищенный взгляд, то от удовольствия покраснела и стала еще краше. Я почувствовал себя до неприличия счастливым. Очень хотелось сесть с ней рядом, но из солидарности я устроился на заднем сиденье рядом с Лихницким.

Я понимал, что он тяжело перенесет свою отставку с поста бессменного водителя. Машина для него была самым ощутимым признаком возвращения к жизни. Мои опасения, к сожалению, впоследствии подтвердились. Впрочем, он уступал Лене место за рулем только тогда, когда ехал и кто-нибудь из нас. В одиночку он продолжал ездить даже тогда, когда можно было обойтись без машины. Слово судьбе назло. Никто не возражал. Рисковать собой ему никто не мог запретить. К тому же мы надеялись, что приключение на пляже было просто случаем, что это больше не повторится.

В тот день я осознал, что в нашем семейном бизнесе появились две серьезнейшие проблемы, связанные с Лихницким. Одна из них, понятно, состояние его здоровья — в дополнение к непростому психологическому. А вторая — отношение к нему Верочки.

Возгласы: «Леонид Михайлович, дорогой, миленький!», когда человеку стало плохо, вполне можно было бы посчитать обычными причитаниями доброй женщины. Но все было не так просто. Мы с Леной заподозрили это давно. Достаточно было посмотреть на Верочку, чтобы точно определить, где находится Леонид Михайлович. Она, как подсолнух к солнцу, всегда была повернута лицом к нему. Смотрела на него с какой-то материнской заботой и бесконечным сочувствием. Время от времени Верочка спохватывалась и неловко старалась скрыть свои чувства.

Но она была слишком прямым и открытым человеком для подобных маневров. Сегодняшняя сцена у моря развеяла остатки моих сомнений.

Вера и раньше относилась к Лихницкому с почтительным восхищением. Но сейчас, когда он был таким одиноким и незаслуженно пострадавшим, когда ее забота, материнская и женская нежность уже никому не были нужны, у нее, естественно, возникло сильнейшее чувство. Я давно и хорошо знал ее и предчувствовал, что такое может случиться. Но должен признаться — очень не хотел такого развития событий. Это была, как определила Лена, моя мужская позиция.

Верочка уже пережила потерю любимого человека — своего мужа. Перенесла эту трагедию очень тяжело. Как говорится, тьфу-тьфу и постучим по дереву, но Лихницкий был уже не слишком молод и не слишком здоров. Так вот, с моей мужской точки зрения, Верочка в этом случае обрекала себя на жертвенное служение любимому человеку. Может, есть и такое счастье, но, по мне, этого для человека слишком мало. Это нечестные условия со стороны судьбы. Такое счастье слишком похоже на трагедию.

И не надо полагать, что я думал лишь о Верочке. Нет, мне кажется, что и Лихницкий такой контраст перенести не сможет. У него уже был печальный опыт разницы в пятнадцать лет. А начинали они с Ниной при благоприятных условиях и в относительно молодом возрасте, когда все еще отлично сочеталось. И смотрелось. И чувствовалось. Но с годами, увы, они все больше отдалялись друг от друга. Этот опыт Лихницкий не зачеркнет никогда. А Верочка моложе его на восемнадцать лет. Конечно, все люди разные. Но я тоже перенес тяжесть неизбежного и, мне казалось, понимаю, что чувствует Михалыч. Короткую дистанцию могут выдержать все, были бы чувства. Но на долгом пути поддерживать друг друга по-настоящему могут только люди с близкой судьбой. И тогда мы видим примеры женской верности и терпения. Но...сытый голодному, больной здоровому, молодой старому на длинной и трудной дистанции не товарищ. Бывают и исключения, но на то они и исключения, чтобы на них не слишком рассчитывать. Мне казалось, именно так думает Лихницкий. Так мне говорила моя мужская логика.

Женская логика Лене говорила другое. И намного проще. «Хоть день, да мой!» — вот и весь сказ. Два хороших одиноких человека нашли друг друга. И прекрасно! Пусть хоть короткое время им будет хорошо, даже если потом последует расплата. Не стоит заранее думать о плохом, оно и так придет, можно не сомневаться. Разумно ли из-за этого отказывать себе в счастье? Все мужчины такие трусы...

Есть у меня свои соображения, объясняющие различия в мужской и женской логике. Но очень не хотелось бы, чтобы эти мои рассуждения попались на глаза Лене. Так что если я когда-нибудь, вопреки сегодняшним намерениям, опубликую свои мемуары, этих строк вы там не найдете.

На мой взгляд, женщины действительно так считают: хоть день, да мой! Они не боятся идти на риск и на заведомо короткое счастье, потому что смелее мужчин. И намного решительнее. Они, отчаянно кидаясь головой в омут, подспудно знают, что когда короткое счастье действительно закончится, то смогут недрогнувшей рукой отрезать то, что от этого счастья осталось. То, что становится лишней тяжестью. Вместе с тем, кто этой тяжестью стал. Ампутировать. Мужчина, как правило, не способен с такой решительностью резануть по живому, тем более по еле живому, как это может женщина. Отрезать — и забыть. В этом смысле женщины наделены огромной живучестью. Порой мне кажется, что многие из них давно и без всякого мудрствования органически усвоили основы еретизма, которые я с таким трудом и старанием пытаюсь в себе культивировать.

Да, не дай бог, если эти строки когда-нибудь увидит Лена. Не сносить мне головы. Но Лена и Верочка являются, увы, теми немногими исключениями, которые подтверждают правило.

Эти мысли мне в голову пришли не без оснований. Я отлично помнил недавнюю и неприятную встречу с Ниной Лихницкой в автобусе.

В тот день Леонид Михайлович на машине уехал куда-то по делу. И я зачем-то, не помню по какому поводу, поехал в Хайфу. Во всех автобусах были, естественно, кондиционеры, к тому же для общественного транспорта по основным дорогам отведены специальные трассы, — словом, на чем добираться удобнее и быстрее, на частном или общественном транспорте, еще вопрос. Я в часы пик предпочитал автобус.

В автобус в Израиле входят через переднюю дверь, сразу же покупают у водителя билет — «картис» или предъявляют проездной. А выходят, соответственно, через заднюю. Я сидел и по выработавшейся уже привычке изучал входящих пассажиров — не затесался ли среди них подозрительный террорист. Входящие осматривали сидящих с той же целью. И неожиданно мой

взгляд встретился со взглядом Лихницкой. Я срочно отвел глаза, но было поздно. Нина тоже не обрадовалась встрече, но делать нечего, она подошла ко мне и села рядом. Затем широко и искусственно улыбнулась:

— Привет. Я слышала, что ты здесь.

Интересно, от кого. Я ни у кого из их компании на горизонте не объявлялся. А если бы и встретил — не подал бы руки.

Молчание затянулось. Ругаться не хотелось, разговаривать — тем более. Нина вызывала у меня какую-то физическую гадливость. Я искоса посмотрел на нее. Она немного похудела, может, даже помолодела, но это была какая-то искусственная, вымученная молодость. Из серии «сзади пионерка, спереди пенсионерка». И сидела она слегка изогнувшись. «Как кобра!» — мелькнула мысль. Впрочем, все это, конечно, очень субъективно, объективным было мое отвращение. Наверно, все отразилось у меня на лице, потому что Нина быстро и очень сбивчиво стала объяснять, что с Леной всегда было непросто, что я ведь знаю, какой он сложный человек, что он не ладил с Павликом, что он сидел дома, а она должна была убирать квартиры...

— А Павлик ведь тоже сидел дома? Ему можно? — неожиданно для себя вступил я в дискуссию.

— Павлик — сын, я должна его кормить...

— А мужа... Слушай, давай это закончим. Все это было бы убедительно, если бы не одна мелочь. У тебя было двадцать лет, чтобы принять такое решение. Почему ты ждала до его семидесяти? Когда от него ничего больше нельзя будет взять, а нужно только отдавать?

— Ему шестьдесят девять...

Я махнул рукой.

— Я не знаю примеров, когда человека в семьдесят лет выгоняют из дома. Королю Лиру было больше, но это литература, а не жизнь. Бывает, травят старых мужей, но даже это милосерднее. Не выставляют на позор и унижение.

И я повторил то, что когда-то говорил по телефону Лелику:

— То, что ты сделала, это убийство, за которое не судят. Но ты убийца. И не твоя заслуга, что Леонид пока еще жив. Как люди с тобой и с Мучником после этого общаются, как ходят к вам в дом, я тоже понять не могу. И что это за люди. Прости, не хочу с тобой ехать в одном автобусе. Лучше сидеть рядом с террористом.

Я встал, благо автобус только отъезжал от остановки, и, придерживав закрывающуюся дверь, выскочил на тротуар. Выскакивая, я пробурчал «террористка». Это было лишнее. Такое слово в израильском транспорте произносить, особенно выпрыгивая на ходу, не рекомендуется. Я увидел, как автобус, не проехав и двадцати метров, закрипел тормозами, остановился, и из раскрытых дверей пачками посыпались пассажиры. Я смекнул, в чем дело, и, злорадно усмехнувшись, постарался затеряться среди прохожих.

Домой я вернулся в очень плохом настроении. Меня даже трясло. И злость разбирала. И неловко было за себя. Разумеется, не перед ней — перед самим собой. Я действительно людям обычно не грублю. Даже не помню, когда был в обозримом прошлом настолько резок, тем более с женщиной. Хотя какая это женщина...

— Кобра! — неожиданно услышал я свой голос.

— Что случилось? Юрик, тебе нехорошо? Лена обеспокоенно смотрела мне в глаза. Я, ничего не утаивая, со всеми подробностями рассказал о неприятной встрече. И тогда моя покладистая и сдержанная Лена, успокаивающе погладив меня по плечу, сказала:

— Я бы ей морду набила.

Это было очень резко сказано. Ничего подобного я от нее раньше не слышал. Но мне сразу полегчало.

Разумеется, Лихницкому я ничего о встрече с его бывшей благоверной не рассказал. Он и так после злосчастного эпизода на пляже совсем скис. Как-то вечером мы всей четверкой пошли «на пастбище». Съев по отличной порции шашлыка в сопровождении немереных доз салата, отяжелевшие и слегка осоловевшие, мы для удовольствия и для разгрузки перед сном привычно прогуливались по нагарийской набережной. В этот вечер Лихницкий к дежурным двум рюмкам водки добавил еще две.

Мы, как обычно, разбились на пары. Я шел с Лихницким, а Лена — с Верой. Беседовать на сытый желудок не очень хотелось. Немного поговорили о проекте, потом наступила пауза. И я спросил, не хочет ли он купить в рассрочку квартиру, не заинтересует ли его такой вариант.

Михалыч посмотрел на меня удивленно и сказал, что, вопервых, в его возрасте никто никакой рассрочки не даст.

— Ну, это можно уладить, — авторитетно возразил я.

— И что я с ней буду делать, с квартирой?

— Как что? — не понял я. — Жить. Или вы хотите жить в другой стране?

Лихницкий оглянулся. Лена с Верой отстали и слышать наш разговор не могли. И тут он произнес тихим и равнодушным голосом монолог, который до сих пор звучит у меня в ушах.

— Юра, насколько я понимаю, ты спрашиваешь, чего я хочу.

Он опять оглянулся на наших женщин.

— Я хочу утром не вставать, валяться в кровати целыми днями. Не бриться, не умываться, не чистить зубы. Не делать зарядку. Выпивать, когда захочется, и перестать себя контролировать. Не мыть посуду — мне это надоело до чертиков. Не убирать в квартире. Не стирать белье. Юрочка, не знаю, как это объяснить, но больше всего я хочу опуститься. Не назло. Не в отместку. А потому, что мне этого хочется. Я хочу стать бомжем. И чтобы никому до меня не было дела. Я понял, что можно захотеть быть бомжем, хотя для тебя это, наверно, звучит чудовищно.

Для меня это звучало более чем чудовищно. Я чувствовал, что в нем не выпитая водка говорит, а правда. Водка просто позволила ему сказать то, что он думает.

— А знаешь, Юра, почему я этого не делаю? Только потому, что не хочу, чтобы вам за меня было стыдно. Тебе, Леночке... — и после паузы: — и Вере. Да, и Вере.

Терять было нечего, и я ему сказал напрямик:

— Леонид Михайлович, но вы понимаете, что это болезнь? Что ее надо лечить? Что с ней нужно бороться?

— Понимаю. Но не хочу. Хотя понимаю. Кстати, Юра, это единственное, что я понимаю. Я себя чувствую почти Сократом. Только у меня своя формула. Он говорил: «Я знаю только то, что ничего не знаю». Я пошел дальше, я понимаю только одно: я ничего не понимаю. Хочешь знать, какую жизненную мудрость я вынес в свои почти семьдесят лет? Вот она. Я не знаю, что правильно, что неправильно. В чем счастье, в чем несчастье. Как мудро поступать, а как глупо. Ничего в этой жизни не понимаю. И другим ничего посоветовать не могу. Вот это правда и есть. Я думаю, что в жизни понять вообще ничего нельзя. Вот в чем беда.

В его речах был налет опьянения, но сомневаться не приходилось: Лихницкий действительно так думал. Мне стало не по себе. Я не возражал, это было бесполезно. Оставалось надеяться на его самолюбие и на целительное время. И на нашу совместную работу.

Да, если бы Нина Лихницкая встретила меня после этого разговора, то неприятный осадок у меня был бы куда сильнее. Тогда наша встреча добром бы не кончилась.

Внезапно Лихницкий спохватился и довольно твердо сказал:

— Ты, Юрочка, не волнуйся. Работать я буду хорошо, все равно иначе не умею. И я действительно хочу помочь и тебе, и этой стране.

Он определенно решил доконать меня в тот вечер.

Я не удивился, когда той же ночью мне снова явился Семен. На этот раз он не стал тратить время на мелочи, а сразу стукнулся головой о дверной косяк. Глухой удар, фонтаны крови... Описывать подробно этот фильм ужасов я не стану, все натуралистические подробности можете представить себе сами. Скажу только, что все было еще страшнее, чем обычно. Но на этот раз мне после нескольких повторов удалось проснуться самому. Какое-то время я недоверчиво пытался понять — это уже явь или опять из-за угла появится Семен. Нет, рядом мирно посапывала Лена, гарант моей реальной жизни. Значит, я действительно не сплю.

Закрывать глаза, чтобы опять встретиться с Семеном, мне не хотелось. Но и бодрствование было ненамного легче. Переплетение судеб Лихницкого и Альтмана с моей собственной давало пищу для сомнений и размышлений.

Осторожно, чтобы не потревожить, я наклонился над Леной. Отблеск уличных фонарей освещал все каким-то фантастическим голубоватым сиянием. На ее лице было выражение спокойствия и счастья. Так мне показалось. Лена мне как-то сказала, что ночью она только со мной, и никакие другие проблемы ее не тревожат. Глядя на нее, я чувствовал, что это и впрямь так. Осторожно я прикрыл ее плечо чуть сползшей простыней. Привычно поцеловал в шею. Все-таки она почувствовала, улыбнулась краешком губ, но не проснулась. Пускай спит.

Я лежал на спине, смотрел в потолок и размышлял о жизни, любви и счастье. Скорее всего, из-за странного мерцающего голубого отсвета эти мысли приняли неожиданный, необычный характер. Во всяком случае, необычный для меня.

Чего больше несёт с собой сильная любовь, радости или горя? Или все это неизбежно накрепко связано?

Мама очень любила Маркова, но уже много лет хорошо и спокойно живет с дядей Гришей.

Леонид Михайлович, безусловно, любил Нину. Такого не скроешь. Если бы он к ней относился равнодушнее, все было бы иначе. Намного легче.

Семен основательно пострадал от не сложившихся отношений с Лерой. Не нужно было ему двадцать лет искать новое несчастье на свою голову, женился бы на ком-нибудь пораньше — были б у него уже давно здоровые дети и спокойная семья. И никто бы ему особенно не мешал, если припечет, «забросить мяч в корзину».

Я тоже долго платил по счетам за любовь к Лере. И счастье было большим, но и проценты набежали огромные. Двадцать пять самых прекрасных лет за один год любви — не слишком ли много? Если бы меня сейчас какой-нибудь Мефистофель спросил, хочу ли я повторить все заново под копирку, я бы, как ни цинично это звучит, крепко задумался.

Да, мой брак без любви рассеялся «как сон, как утренний туман». И это вроде бы подтверждает необходимость настоящих чувств для счастья. Но наш разрыв, с другой стороны, отнюдь не надорвал мне сердце...

Глядя в уплывающий при загадочном свете потолок, я предался совсем уж крамольным мыслям. Что было бы с нами тремя, если бы не моя травма? Наверняка все сложилось бы иначе. Мы, скорее всего, поступили бы «как положено». То есть я бы поступил. Лена все-таки рано или поздно ушла бы от Семена. А так ли я в этом уверен? Может, в конце концов и не ушла бы? Единственное, в чем я могу быть абсолютно уверен, — я никогда бы не был так счастлив, как сейчас. Это безусловно и сомнению не подлежит. Но Семен тоже не был бы так несчастлив. Что перевешивает — отсутствие счастья или счастье за счет большого несчастья другого? Без настоящего счастья, без любви нет полноценной жизни. Допустим. Но все-таки жизнь остается. А в несчастье — посмотрите на Лихницкого — жизни нет. И, наверно, то же происходит с Семеном.

Все эти еретические мысли бурлили у меня в голове до тех пор, пока туда случайно не забрела самая крамольная: что я буду делать без Лены? Если она вдруг уйдет из моей жизни? От одной этой мысли меня обуял ужас, который передать словами я просто не берусь. Все мои умствования показались такими мелкими и ничтожными... Я повернулся к ней, крепко обнял, уткнулся лицом в любимый затылок. И дал себе слово никогда к таким дурацким размышлениям не возвращаться. Анализировать, сомневаться — дело, конечно, хорошее, но надо и меру знать. Сомнения, анализ, здравый смысл... Ну их к дьяволу. Лена со мной, а все остальное как-нибудь утрясется.

Клемпемберг и другие

Все материалы наконец были подготовлены и переведены на английский и немецкий. Переводы делала Лена. Они, особенно английский, были не идеальны, но достаточно грамотны. Я не хотел отдавать перевод в чужие руки, да и не был уверен, что он будет более качественным. В Израиле переводчиками с русского становились все, кто не мог найти приличной работы. Знание языка особой роли не играло. Если я прогорю, то тоже устроюсь здесь переводчиком...

Уезжать из Нагарии мне очень не хотелось. Где-то в глубине души у меня гнездились чувства, что это был самый теплый, самый душевный период моей жизни. Слишком все было хорошо, чтобы такое могло повториться. А тут еще привязались ко мне жутковатые строки Александра Кочеткова, растиражированные в рязановской «Иронии судьбы»:

*С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
С любимыми не расставайтесь,
Всей кровью прорастайте в них.
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда уходите на миг...*

И действительно, буквально накануне отъезда Израиль напомнил, что покой нам только снится. Что спокойная и размеренная жизнь возможна лишь на необитаемом острове или в мечтах. В каком-нибудь «Городе солнца».

Собственно говоря, все началось еще за несколько дней до моего отъезда. Во время моих нагарийских каникул в Израиле стояла удивительная тишина. Уже полтора месяца в стране не было никаких взрывов, никаких терактов — даже неудачных попыток. Правда, местная пресса и службы безопасности время от времени пугали население облавами и поисками террористов, но было впечатление, что это делается для поддержания боевого духа.

На Ближний Восток вот-вот должна была прибыть группа высокопоставленных эмиссаров для очередного прорыва в «мирном процессе». Я спрашивал у Леонида Михайловича, не намечается ли серьезный поворот. У меня появились сомнения в обоснованности моего бизнес-плана, где расчет был на продолжение войны с Палестиной.

Лихницкий с откровенной иронией посмотрел на меня и проворчал что-то вроде «поживем — увидим».

И вот неожиданно для меня (но не для Лихницкого) по телеканалам прошли кадры, в которых израильские войска обезвредили двух потенциальных террористов, планировавших очередной взрыв. Террористы жили в отдельно стоящем доме, их обезвредили из танка. Вместе с домом. Одного обезвредили совсем, другого только ранили. Но никто из местных жителей не пострадал. Опять показывали развалины дома, опять появились толпы арабов, клянувшихся отомстить, снова многолюдные похороны, сожжение израильских и американских флагов. Все как обычно.

Мировая общественность вяло возмутилась. Тогда израильские спецслужбы показали обнаруженные взрывчатку и оружие. Арабы привычно заявили, что показать можно все, что угодно. Что это провокация. Общественность только пожалала плечами — кто их разберет. А израильтяне внутренне стали готовиться к очередному теракту.

Но его не последовало. Наверно, арабы не хотели срывать приезд эмиссаров. Леонид Михайлович мне потом объяснил, что Хамас бы с удовольствием этот визит сорвал, но не хотел портить свою репутацию у населения. Словом, поугрожали, поугрожали — и затихли.

И тогда неделю спустя израильские военные выпустили с самолета две ракеты точного наведения. Одна достаточно точно убила двух высокопоставленных чинов из Хамаса и парочку их приближенных, а другая не очень точно попала в соседний дом и убила двух жителей и маленького ребенка. Поднялся оглушительный шум. Ужасные сцены показывали по всем каналам. Труп ребенка кочевал из программы в программу. Израиль принес извинения невинно пострадавшим, но заявил, что в войне бывает всякое, и никто не лишит страну права на самооборону. Здесь же был предъявлен длинный список преступлений ликвидированных хамасовцев. Клятва всех палестинских организаций о мести прозвучала очень убедительно, и израильтяне им поверили на слово. В общественных местах сразу стало заметно меньше народа. Насколько возможно, израильтяне старались не скапливаться и предпочитали сидеть дома.

— Мы уже все это знаем, — делился с нами опытом Леонид Михайлович. — Такое уже было, и не раз. Иногда кажется, что обе стороны стараются перещеголять друг друга в активности. И не выносят, когда становится слишком тихо. Особенно, если к нам кто-то важный едет для очередного прорыва в мирных переговорах...

Через пару дней прогремели почти одновременно два взрыва. Один из них раздался в кафе меньше чем в квартале от нас. В окнах зазвенели стекла. Было очень неприятно, и это еще мягко сказано. Мы сразу включились в израильскую жизнь и стали обзванивать немногочисленных знакомых. По-моему, в эти часы весь Израиль сидел на телефоне.

По всем программам телевидения, местным и международным, шли прямые репортажи с мест взрывов. Все это было ужасно. Особенно в репортаже о взрыве на рынке Тель-Авива. Там было много жертв. Вы, возможно, этот террористический акт помните. Он был одним из самых кровавых.

Я не удержался и подошел к взорванному по соседству кафе. Меня туда тянуло как магнитом. Мои домочадцы решительно отказались составить компанию. Когда я туда пришел, все, что возможно, было уже убрано. Израильские службы имели, к сожалению, богатый опыт в таких делах. Обвалившаяся стена позволяла рассмотреть почерневшие и покореженные остатки мебели, почти полностью разрушенную барную стойку. За ленточкой, отделяющей нас от кафе, собралось довольно много народа. Полицейские просили разойтись, опасаясь, очевидно, повторного взрыва в толпе — такое случалось. Народ не расходился. Появились самодельные плакаты, призывающие жестоко отомстить. На одном из них значилось: «Смерть самоубийцам!». Но абсурдности лозунга никто не замечал.

Этот поход мне запомнился надолго. Совершенно другое чувство возникает, когда видишь место трагедии не по телевизору, а воочию. Ощущаешь, что это касается лично тебя. И начинаешь понимать, почему либеральные мысли Лихницкого о разуме и справедливости могут не доходить до сознания.

Вокруг было много русскоязычных, поэтому я смог понять, о чем думает большинство. Возле молоденькой репатриантки из России, работавшей в кафе официанткой, собралось много «русских». Она успела побывать в больнице, ей там обработали легкие раны и опустили домой. Видимо, психологическое напряжение привело ее снова в кафе. Она, оказывается, разговаривала с террористом, когда он подошел к стойке бара. В глазах девочки все еще стоял ужас и непонимание. Она явно хотела выговориться.

— Такой молодой, симпатичный. А глаза безумные. Распахнул куртку, а там висит что-то. Я сначала не поняла, а он показывает на это и говорит: «Бух! Бух!». Я заорала: «Террорист!» — и кинулась в кладовку. Все из зала стали убегать. А он взорвался не сразу. Поэтому никого не убило, только ранило.

Она подумала немного и сказала:

— По-моему, он надеялся, что кто-то его остановит. Умирать никому не хочется.

К моему удивлению, никто даже не заикнулся о том, что не стоило проводить антитеррористическую акцию и вызывать огонь на себя. А когда я сказал, что, может, не нужно было совать палку и ворошить осиное гнездо, на меня посмотрели с удивлением. Старик в шортах и босоножках на выгоревших до черноты тонких ногах возразил:

— А что бы изменилось? Если мы террористов не будем убивать, то это никогда не кончится.

— А если будем убивать? — спросил я.

Старик тяжело вздохнул.

— То все равно никогда не кончится.

Тема была исчерпана.

Когда я рассказал об этой, странной с моей точки зрения, позиции, Лихницкий неожиданно для меня ответил:

— Вообще-то говоря, старик прав. Это действительно все равно будет продолжаться, потому что нет решения. Мы — то есть наши поселенцы — добровольно с территорий никогда не уйдем. А палестинцы оттуда уйдут только мертвыми. Если мертвые могут уйти. Безнадежный тупик.

Беседуя, мы смотрели передачу Би-Би-Си о терактах. Смонтирована она была оригинально. Показывали поочередно картины теракта в Тель-Авиве и последствия недавней ракетной атаки израильских ВВС в Газе. Газа — Тель-Авив, опять Газа и снова Тель-Авив. И так много раз. Там и там убитые и негодующие. Там и там ненависть. Причин и следствий не видно, а только ощущение замкнутого круга. И безысходности.

На меня произвела впечатление группа молодых арабов — у всех на лице было выражение полной безнадежности. Я вспомнил слова девочки из кафе: «По-моему, он надеялся, что кто-то его остановит. Умирать никому не хочется». И вздох старого еврея: «Все равно никогда не кончится...».

— Одного не могу понять, — возобновил я разговор, — почему и старый еврей, и молодой араб так безоговорочно поддерживают своих экстремистов? Один — своих поселенцев, а другой — свой фанатичный Хамас. Которые, кроме войны, даже в будущем им ничего не обещают. И ваши поселенцы — туда же. На что они рассчитывают?

— Ну, с поселенцами все понятно! — Лихницкий даже покраснел от негодования. С поселенцами он был на ножах. Тут объективности и взвешенности ожидать не приходилось. — Поселенцы — это разновидность фанатиков. Тоже в душе авантюристы. Как правило. Тот же тип человека. Ты бы пошел жить на территории? То-то же. Не каждый на это способен.

— Начинаю понимать, почему они вас называют антисемитом, — я постарался добродушной улыбкой подчеркнуть иронию. — Вы говорите о евреях. А арабы? А массовое движение самоубийц?

Лихницкий пренебрежительно махнул рукой.

— Юра, бороться с террором нужно так, чтобы его стало меньше. А что мы видим в последние годы? Чем больше борются, тем больше террора. Уже нигде в мире покоя нет. Значит, это не метод. Это же так очевидно.

Я рассказал о плакате «Смерть самоубийцам!».

— Да, вот это и есть главный принцип нынешней всемирной борьбы с терроризмом. Смерть самоубийцам! И Израиль во главе ее. Под руководством наших патриотов и поселенцев. Так кто из нас антисемит?

Израильский премьер-министр, идя навстречу пожеланиям граждан, объявил, что акция возмездия не заставит себя ждать. И действительно, спустя два дня ВВС Израиля нанесли ракетный удар по каким-то общественным зданиям, где размещалось палестинское начальство. Оттуда заранее вывели людей, поэтому убитых, кажется, не было, но разрушений и раненых хватало. Было чем заполнить выпуски теленовостей и первые страницы газет во всех странах.

ООН осудила обе стороны, Израиль — за «неадекватность мер». И призвала к сдержанности. Эмиссары, разумеется, не приехали. Все вернулось на круги своя.

Что ж, нужно было заниматься своими делами, предоставив израильтянам возможность бесконечно разбираться в своих.

А за три часа до выезда в аэропорт нам позвонил Юлик и спросил, читал ли я сегодняшние «Новости недели». Там на двадцатой странице есть статья об исследованиях Лихницкого.

Этого еще не хватало!

Верочка сходила за газетой, и мы по очереди ознакомились с небольшой, но достаточно мерзкой статьей. Некий доктор наук с труднопроизносимой фамилией Клемпемберг писал, что в хайфской теплице родилось крупное открытие профессора Лихницкого, касающееся сверхтекучести потока жидкости. И теперь стало возможным провести из Турции дешевый пластмассовый водопровод по дну Средиземного моря, вместо того чтобы возить воду танкерами. В немногих словах было сказано все, что могло нанести нам серьезный вред. Включая легенду о рождении идеи в израильской теплице. Это был сокрушительный удар ниже пояса. И, главное, крайне не вовремя.

Бедный Леонид Михайлович даже утратил все свое безразличие и равнодушие, лицо его пошло красными пятнами. Мне пришлось его успокаивать и уверять, что через две недели, после моего возвращения, мы и сами бы что-то подобное опубликовали. (На самом деле планы у меня были другие...)

Оказалось, Лихницкий попросил этого самого Клемпемберга скопировать из архивов теплицы часть расчетов моего студенческого проекта о водоводе по дну Каспийского моря. В папке у него в это время была статья о закупке воды в Турции. Мудрый Клемпемберг увидел эту статью, взглянул на название моего дипломного проекта. Сложил два и два и получил, естественно, четыре.

Его тоже должны были с почетом проводить на заслуженный отдых, поэтому он решил «застолбить заявку». На всякий случай. И написал эту статью.

— Почему же он у вас не спросил разрешения? Есть же элементарная этика.

— Он догадывался, что я буду возражать. Что касается этики... — и Лихницкий только развел руками.

Я понял его жест. К сожалению, это довольно распространенная особенность эмигрантов, за что их повсюду не слишком любят и откровенно опасаются. Попадая в экстремальные обстоятельства в чужой и незнакомой стране, человек слишком часто освобождает себя от многих условностей — мол, здесь не до слюняйства. А в разряд условностей попадает порой и стыд, и элементарная порядочность. Больше всего эмигранты вынуждены опасаться своих же. Надуть без зазрения совести обычно способен именно недавний земляк. Он продаст квартиру, которой нет. «Вылечит» силой внушения от рака за приличное вознаграждение. Откроет магазин с тухлыми продуктами. Продаст в рассрочку роскошный номер в пятизвездочной гостинице на экзотическом острове, где можно отдыхать всей семьей, — вот только нет ни острова, ни гостиницы, ни номера. Вариантов множество. Оправдание одно: эмиграция, как и война, все спишет. В первые годы эмиграции человек становится, как правило, энергичнее и активнее. Это хорошо. Но есть и оборотная сторона медали: увы, слишком часто этому сопутствует потеря стыда и совести. Кстати сказать, Нина Лихницкая у себя на родине не осмелилась бы выгнать Михалыча на улицу. Я в этом уверен. И на нее там смотрели бы другими глазами. В эмиграции критерии меняются...

Догадываюсь, что многие с негодованием возразят мне: а вот я несколько не изменился! Но вспомните, сколько неприятных минут вам пришлось пережить из-за других ваших бывших сограждан. Не исключено, что и они найдут повод помянуть вас «незлым тихим словом»...

Времени оставалось в обрез. Через час Рина Сиперштейн должна была заехать за мной и отвезти в аэропорт. Она в этот день работала в ночную смену и сама вызвалась проводить меня и потом показать Лене Тель-Авив.

Пришлось на скорую руку перестраиваться. Я вытащил из своего «дипломата» все документы, и даже копии материалов, которые имели хоть какое-то отношение к нашему проекту, хотя надеялся, что инструкции до таможни еще не успели прийти. В такой напряженной обстановке, после терактов и акции возмездия, у израильских служб и без меня хлопот хватает. Но на всякий случай я старательно проверял свои бумаги и параллельно давал инструкции сотрудникам. Коротко они сводились к следующему: сидите спокойно, продолжайте расчеты, на вопросы не отвечайте.

Мои опасения оказались напрасными. Никто никаких вопросов не задавал, на таможне ни один человек даже в сторону моего «дипломата» не посмотрел. Между тем, по дороге и особенно в аэропорту были бесконечные проверки. Я на этот раз, как настоящий расист, откровенно радовался своей европейской внешности. Мужчин и женщин восточного облика всюду отводили в сторону и обыскивали с ног до головы с особым усердием.

Мы с Леной очень сдержанно (так, во всяком случае, нам казалось) попрощались в аэропорту. Всего пару недель — не такая уж долгая разлука. Но на сердце скребли кошки. И Лена подозрительно быстро отвернулась и пошла к выходу. А ко мне опять привязалось: «С любимыми не расставайтесь...».

Я понимал, что это на меня действует общая напряженность. Тревожная обстановка была в городе, тревожное настроение еще усилилось в аэропорту, особенно от такого количества проверяющих и проверок. Это же настроение автоматически перенеслось и в самолет. Я подозрительно окинул взглядом «Боинг», на котором мы должны были лететь, как будто пытался разглядеть мину или террориста. И только когда мы поднялись высоко в небо, когда внизу заголубело бескрайнее Средиземное море, я откинулся в кресле и смог переключить мысли на то, что меня ожидало в Европе.

А там меня поджидали очередные жертвы моих еретических планов обогащения. И первой такой жертвой должен был стать «юный ленинец» Виктор Сазонов.

Глава вторая. Галопом по Европам

Валик и компания

Во Франкфуртском аэропорту меня встретили относительная прохлада, легкий дождь и Валик Пасов. Оказалось, я уже начал скучать по привычному прогнозу погоды — «переменная облачность, временами осадки». Когда все время ясно и на небе ни облачка, невольно хочется и в природе видеть какое-то разнообразие. Но еще приятнее мне было видеть знакомое с детства лицо Валика, моего бывшего соседа по двору и по парте. Мы с ним просидели за одной партой с третьего класса до окончания школы. Я не вспоминал о Валике здесь только потому, что сразу же после выпускных экзаменов он эмигрировал вместе с родителями якобы в Израиль. Так считалось. Но по пути в страну обетованную Пасовы по проторенной многими эмигрантами тропе из Италии свернули в Западную Германию и осели там в прекрасном городе Франкфурте-на-Майне. Мне этот город тоже очень нравится. Он просторный, широко раскинувшийся и какой-то, на мой взгляд, малолюдный. Я был страшно удивлен, когда узнал, что при такой территории здесь живет всего 650 тысяч человек. Приятная помесь метро с трамваем обслуживает несуетливых горожан. Зелень, парки, относительная тишина. Белки бродят чуть ли не по улицам... Если мое сражение закончится победой, куплю себе домик не в Испании, как вы подумали, а во Франкфурте. И буду туда регулярно приезжать. Получу, затратив немало усилий, лицензию на ловлю двух рыбин, буду ездить на рыбалку на велосипеде. Этой лицензии мне хватит недели на две-три азартной ловли. Если, конечно, повезет. Со дня моего приезда Валик на зависть мне ездил на рыбалку раза четыре — и поймал одну рыбину. Но он искусный рыбак, мне с ним не тягаться. Меня он с собой не брал, потому что мне на велосипеде ездить Дима не велел. А спросить своего израильского врача я не догадался — тот бы мне разрешил наверняка. Так что пока приходилось ездить только на машине.

Я взял напрокат новенькую «Опель Астру», автомат, и с удовольствием ездил по городу, ориентируясь по карте. В Израиле меня за руль не пускали, но здесь я был без надзора и свободен. Я было снова стал напевать давно забытую песенку, которая начиналась словами «Весел я, теперь смеяться можно...» и заканчивалась рефреном «Снова свободен я!». Но сам испугался своей смелости: к чему искушать судьбу? Так можно допрыгаться до давно осточертевшей свободы...

Не нужно думать, что у Валика за душой кроме велосипеда ничего не было. Мой друг был довольно-таки состоятельным человеком. А может, даже богатым, если бы это имело для него большое значение. В собственности у него был небольшой, но уютный домик с не слишком ухоженным участком. Этот домик, расположенный в довольно фешенебельном районе, тянул миллиона на полтора-два в долларах. В подвале был гараж на два места, в котором сейчас стояла одна его машина. Вторая появлялась периодически с каждой новой женой или сожительницей, что, в сущности, одно и то же. Первые два — или три? — раза Валик женился, но было столько хлопот с разводом, что он решил махнуть рукой на бюрократию.

Он не был легкомысленным и непостоянным. Нет, Валик был серьезным человеком, хотя по виду этого не скажешь. Женщины сами бросали его, самая стойкая продержалась меньше двух лет. И причиной был его нестандартный образ жизни, связанный с нестандартным характером и такой же профессией. Впрочем, его работа сама была следствием необычного характера.

Валик был обречен стать человеком свободной профессии. Обречен от рождения. Режим, распорядок, сроки — все это было ему просто недоступно. Он не был бунтарем или разгильдяем — нет, он просто, как ни старался, не мог попасть в ритм. Знаете, есть такие люди, которые в строю не могут попасть в ногу. Из кожи вон лезут, но получается невпопад.

С самого детства он считался очень способным, в этом все были единодушны. Человек, не реагирующий на то, что происходит вокруг, погруженный в свои мысли, бесконечно рассеянный, неминуемо должен быть признан или очень способным, или очень тупым. Середины быть не может. Но так как он в действительности все слышал и, несмотря на отсутствующий вид, замечал не меньше, чем остальные, то это по контрасту производило огромное впечатление. Каждый новый учитель в классе неизменно попадался на эту удочку. Валик на уроке с таким отрешенным видом глазел в окно или рылся в парте, что учитель просто вынужден был раздраженно спросить:

— Пасов, извини, что я тебя отвлекаю, но повтори, если тебе не трудно, то, что я сейчас рассказывал.

И весь класс получал огромное удовольствие, когда Валик с тем же рассеянным видом отбарабанивал все с точностью до запятой. Учитель чувствовал себя обманутым и еще несколько раз пытался заставить Валика врасплох, но в конце концов сдавался и оставлял его в покое.

Преподаватель военного дела просил Пасова пойти погулять, когда намечался какой-нибудь парад или смотр, а на обычных занятиях Валик, несмотря на приличный рост, стоял последним. Иначе сбивался с ноги весь строй.

Тем не менее над ним в классе никто не смеялся. Во-первых, потому что Валик мог и сдачи дать — он отнюдь не был слабаком. А во-вторых, все понимали, что он и вправду такой, что он не придуривается. Один человек рождается брюнетом, другой — блондином, а Валик был рассеянным. Или как это назвать? Словом, Валик это Валик.

Мы с ним регулярно — относительно — переписывались первые пару лет, потом естественно, забросили это дело. Но когда я занялся бизнесом, то в каждый свой приезд в Германию заезжал к нему на денек-другой. Это стало традицией. Поэтому мне знакома его нехитрая история.

Казалось, при таком характере ему непросто будет приспособиться к западной жизни. Валик и сам это понимал. Поэтому со дня приезда выбрал свой путь и с тем же загадочно-рассеянным видом, но столь же успешно, как и в школе, шел по нему.

К нашему удивлению, он стал играть на бирже. В моем представлении — чисто западное и совершенно непонятное занятие. Брокер, биржевой игрок — это пахнет авантюрой и жульничеством. Впрочем, я видел это только в кино. Сидит на бирже, поднимает руку и перекрикивает всех: «Пятьсот акций! Пятьсот пятьдесят!», всегда играет на понижение или повышение...

Но Валик даже до биржи дойти не мог — это было не для него. Да сейчас в этом и нет необходимости. Он играл на бирже по интернету, как делают все солидные брокеры. Сидя дома. Все вечера до глубокой ночи — в это время на нью-йоркской бирже был рабочий день — он просиживал у компьютера. На мониторе светились разноцветные кривые, одни поднимались, другие опускались. Глядя на эту паутину, Валик делал по интернету ставки и безбожно дымил сигаретами. А в промежутках смотрел телевизор или листал многочисленные альбомы (он увлекался современной живописью). Просыпался в полдень — это считалось у него утром — и усердно вел здоровый образ жизни. Он ездил на велосипеде, бегал, плавал, не пил и не курил до самого вечера. Понимал, что иначе в скором времени отдаст богу душу. А затем снова прилипал к

монитору и сигаретам. И к рюмочке виски — для бодрости. Цикл повторялся. Выходной у него был тогда, когда не работала нью-йоркская биржа.

Легко ли найти женщину, которая пожелала бы проводить счастливые часы возле такого супруга?

Валик не просто считался — он действительно был способным человеком. Он разработал компьютерную программу, которая позволяла получать до 50 процентов годовых. Постепенно он стал пользоваться доверием игроков на бирже, и люди из разных стран поручали ему вести за них операции. Фактически он представлял брокерскую контору в своем лице. Конечно, Валик мог бы расширить дело, нанять людей — если бы не органическая неспособность работать в коллективе. В обороте у него было до трех миллионов чужих денег, на которые он делал ставки. Я не уточнял его доходы, на Западе такие разговоры не приняты. Но знаю, что триста — четыреста тысяч годовых у него было. Как минимум. А могло быть и больше. Впрочем, он и эти толком не знал, куда девать. И по-прежнему был не слишком общителен и консервативен в своих привычках и связях.

Я знаком с несколькими эмигрантами, которые сразу по приезде на Запад увлеклись игрой на бирже. Но все они довольно быстро прогорали. Один мой бывший соученик умудрился спустить все имущество, включая дом, машину и едва ли не жену. Валик мне объяснил, что эти люди искали дурных денег или азарта. А профессиональный брокер — это серьезная и непрерывная работа. И напряженная. Он сравнивал ее с работой авиадиспетчера, когда одновременно нужно отслеживать массу вариантов, не упуская из виду ни одного. И профессиональные заболевания, уверял он, у них одинаковые. Посидев с ним пару ночей за компьютером, я стал понимать, что он имеет в виду.

Казалось, Валик знает о бизнесе всё. О чем бы и о ком бы я его ни спрашивал, он мог рассказать всю подноготную любой мало-мальски приличной западной фирмы. Откуда такая информация? В ответ Валик только пожимал плечами:

— Чего же ты хочешь. Варюсь в этом столько лет...

В предыдущие приезды в Германию я останавливался в гостинице, потому что в это время у Валика проходила испытательный срок очередная подруга. Точнее говоря, у этих подруг проходил испытания Валик. Но в этот мой приезд выдался перерыв, и я с удовольствием поселился в его большой и удобной комнате для гостей. Дом Валика стал для меня базой во время довольно активных перемещений по Германии.

Завтрак и обед Валику готовила фрау Галя, которая сделалась фрау лет пять-шесть назад, эмигрировав с Украины. Там ее называли Галиной Ивановной. Это была грубоватая женщина примерно нашего возраста, которая решительно командовала Валиком и ругала его за неаккуратность. Лет двадцать назад она, к огорчению своих родителей из Коблево, вышла замуж за инженера-электрика Исаака Гершковича. Но через десять лет этот брак неожиданно для родителей и для всей страны оказался удачным, и, когда на полуразоренном заводе сократили весь инженерный состав вместе с Гершковичем, их семья подалась в Германию. Сам Гершкович довольно легко нашел работу по специальности, потому что заранее прилично выучил немецкий. А Галина Ивановна оказалась не слишком честолюбивой и подалась в домработницы. Четырех-, пятичасовой рабочий день, свободный график, приличная зарплата, чокнутый хозяин — чего еще желать достойной женщине? Но готовила она неплохо и убирала добросовестно. Чего еще желать чокнутому хозяину? Таким образом, все были довольны.

На следующий же день после моего приезда мы подъехали в Кельн, где был расположен офис и склад нашей фирмы. Езда по автобану заняла меньше двух часов и доставила мне истинное удовольствие. Я чувствовал себя школьником, прогуливающим уроки, и представлял, что сказали бы Дима с Леной, увидев меня за рулем на скорости 140—150 километров в час. Во мне явно дремлет авантюрист. А может, даже решил проснуться...

Нарушало хорошее настроение лишь опасение столкнуться с Семеном. Впрочем, шансы были практически нулевыми. Он и его родители жили на другом конце города, вдали от промышленной зоны.

В офисе я собрал все материалы, полученные из Израиля по мейлу, распечатал их в нужном количестве и стер данные из компьютера.

Сотрудники — а их у нас было всего шесть человек — смотрели на меня с недоумением, но вопросов о моих планах на будущее не задавали. Они почти все были немцами с соответствующей выучкой. Молодой Руди, заменивший Семена, только таращил глаза за стеклами очков, сопел, но помалкивал. Я ничего не объяснял: потерпят, ждать осталось недолго.

Без всяких приключений мы вернулись во Франкфурт. Собрать необходимую для дальнейших шагов информацию я мог не выходя из дома. Валик плюс всемирная паутина знали все на свете. И в первый же вечер после возвращения из Кельна я, ничего не утаивая, поведал другу свои замыслы — тайна вкладов была гарантирована.

Даже мой витающий в облаках однокашник в некоторых местах моего рассказа смотрел на меня с удивлением. А когда я поведал сагу о Лене и Семене, от его всегдашнего внешнего спокойствия не осталось и следа. Но меня он не перебивал, замечаний не делал — это было не в его характере. А я и не напрашивался — меня и без того нетрудно было сбить с толку.

Когда уже под утро мы расходились по своим комнатам, он, глядя по привычке в пространство за моей спиной, неожиданно сказал:

— Как хорошо, что я имею дело только с безответным компьютером и абстрактными кривыми. Не приходится смотреть в глаза ни пострадавшим, ни победителям.

Я подумал - за компьютером не отсидишься. Но вслух ничего не сказал. Не хотел быть оракулом. Будущее покажет...

Так как же себя чувствовал Виктор Сазонов? По сведениям Валика, не слишком хорошо, но пока еще не слишком плохо. Так, как чувствует себя большинство русских дельцов, вывезших на Запад приличные капиталы. Они очень хорошо ориентировались в нашем «первобытном капитализме», но на Западе — другие реалии, если хотите, другой класс. Там они, несмотря на деньги, частенько выглядели нуворишами. И если не имели возможности продолжать работу с бывшим Советским Союзом (а именно в такое положение попал Сазонов), то волей-неволей потихоньку проедали свой капитал. Нет, разумеется, они работали, старались, вертелись, но, увы, с постепенно растущим минусом.

Виктор все это понимал, поэтому значительную часть капитала вложил в недвижимость, надеясь на то, что ее цена со временем будет расти. Но он так регулярно прогорал в бизнесе, что вынужден был потихоньку распродавать свои неприкосновенные запасы. Вот и сейчас ему до зарезу нужны были средства, которые могла принести ликвидация моей фирмы. Разумеется, если бы я смог вернуть ему то, что предполагалось в наших предыдущих переговорах. Это спасло бы от продажи довольно перспективное имение с небольшим виноградником на правом берегу Рейна, жемчужину его собственности. Оно уже висело на волоске.

Значит, Сазонов кровно заинтересован в дружбе со мной. Это хорошо.

Два парохода, вовремя проданных им от имени государства самому себе еще пятнадцать лет тому назад, бороздили моря и океаны. Но нынче все грузовые суда переживали нелегкое время. И Сазонову оставалось только молить бога, чтобы дочерняя фирма все того же Оскара Берна, которая обеспечивала его суда стабильным фрахтом, и в дальнейшем не оставляла их своими заботами.

Значит, еще больше, чем во мне, Сазонов заинтересован в дружбе с Берном. Это плохо. А может, и хорошо. Смотря как повернуть...

Филиал фирмы «Швабише хюттенверке» в Восточной Германии практически распался. Его остатки не проданы за бесценок только потому, что нет желающих их приобрести. Можно за небольшую сумму взять его в аренду на год. Но главное не это. Главное — пока Берн не узнал, нужно успеть по дешевке купить лицензию на шланг. Иначе он перекупит все на корню и не даст нам работать.

Впрочем, дешевизна будет относительной, особенно если немцы почувствуют заинтересованность. Тактику переговоров нужно обдумать с особой тщательностью. Это должны быть настоящие танцы на льду. Если бы вы знали, насколько тонкая и хрупкая вещь переговоры, насколько это сложное и многогранное искусство!.. И все равно нужно смотреть правде в глаза: слишком дешево это стоить не будет. Бедный Виктор!..

Короче говоря, я собрал папку материалов и расчетов, которые собирался передать Сазонову, и таким образом полностью подготовился к визиту. Дата визита была оговорена заранее. Я звонил Сазонову еще из Израиля и выяснил, что в ближайшую неделю он никуда уезжать не собирается.

Загул по-немецки

Два дня я был весь в делах, а на третий день очень кстати выдалось воскресенье — выходной день и на бирже в Нью-Йорке, и в квартире у Валика. И мы пошли в загул.

Загул состоялся в очень симпатичном кафе, в котором Валик чаще всего проводил воскресенье. Там я познакомился с его приятелями и по совместительству постоянными посетителями этого кафе. Почти все они говорили по-русски, хотя некоторые уже с заметным немецким акцентом. Было очевидно, что Валик в основном общается с эмигрантами. Я не постеснялся и спросил, почему так получается. Он приехал в Германию очень давно, хорошо, даже отлично говорил по-немецки, почему же среди его близких друзей мужского пола практически не было немцев? Я уточнил пол не случайно — многие его женщины были немками. Но женщины — отмахнулся Валик — не в счет.

— Я вывел такую статистику, — он не мог без математики. — Если ребенок приезжает в страну до восьми лет, он становится немцем. И по образу мыслей, и по языку, и по кругу общения. Даже старые, отсталые и безязыкие родители в этом ему не помеха. Здесь на предков никто не обращает внимания. Но если приехал позже — все, он до конца своих дней эмигрант и крутится среди себе подобных. Что-то такое в нем уже не выветривается.

— И тоскует по родине?

— В некотором роде. Это скорее внутренняя форма протеста, чем ностальгия. Тут он не свой, а там был бы таким, как все. Но это иллюзия, и она начинает таять при первом же посещении родины. Уже в полутемном аэропорту. А угасает на второй неделе визита. Слишком большая разница в культуре быта. А он, то есть я, уже привык к гладким дорогам, чистоте и горячей воде круглые сутки. По возвращении в Германию ностальгия опять просыпается, но еще раз поехать на родину уже не тянет, если там нет родни. Едешь в Испанию или в Америку. Тоже интересно, в конце концов, и не разочаровывает.

— Это ты о себе. А твои родители?

Валик насупился.

— Конечно, им непросто. Почти без языка. Эмиграция вообще не подарок, особенно в таком возрасте. Юра, я бы им вполне мог купить там, у вас, квартиру. А пенсия — тридцать долларов в месяц? Это просто смешно. Или печально. Это не деньги. Я бы их обеспечил и без этой подачки государства. Но они у вас жить уже не смогут. Привыкли не только к чистоте, но и к заботе о себе. Ты видел, у них в социальном доме в каждой квартире на стене щит? Каждый вечер они должны нажать до девяти часов кнопку сигнала: мол, не волнуйтесь, у нас все в порядке. Мы живы и почти здоровы. Вы там можете подобное себе представить? И нормальная человеческая медицина. Они уже не смогут привыкнуть к тому, что никому не нужны.

Мне печально было все это слышать, но против правды не попрешь. Увы, у нас спасение пожилых утопающих — дело рук самих утопающих. С соответствующими результатами...

В кафе было не очень много народу, потому что наступал воскресный вечер, а немцы, в большинстве дисциплинированные и ответственные люди, в этот день стараются прийти домой пораньше и подготовиться к рабочей неделе. Друзья Валика за столом обсуждали эту тему и остряли насчет ментальности разных народов. Воскресным вечером в Германии процент гуляющих эмигрантов резко возрастает, а количество коренных жителей в ресторанах и кафе так же резко падает. Может, именно поэтому в странах, откуда мы приехали, живут хуже?

Компания, с которой мы проводили вечер, мне очень понравилась. Ребята (хотя какие мы ребята — сорокалетние мужи) были по-немецки сдержанны, но по-русски — или по-еврейски — разговорчивы и остроумны. Во всяком случае, мне так казалось, хотя не исключено, что я пристрастен. Они все были прилично устроены, выглядели ухоженными и не слишком озабоченными, а это всегда улучшает настроение. Насколько я помню, один из них был врачом, его подруга работала в той же больнице медсестрой. Другой — юрист, обслуживающий в основном эмигрантов. Был еще брокер, коллега Валика. Словом, бедных среди них не было. Они распространяли вокруг себя некую ауру уверенности и спокойствия. Чувствовалось, что завтра они придут на службу, добросовестно отработают и уйдут домой, оставив за дверью заботы и волнения. Я им искренне позавидовал.

Возможно, эти умозаключения, выстроенные на основании одного вечера в кафе, покажутся не слишком убедительными. Все дело в том, что сделаны они на трезвую (ну или почти трезвую) голову: я вынужден был почти не пить, а это в компании к добру не приводит.

Еще больше мне понравились женщины. Они были моложе, а потому говорили по-русски ещё хуже, чем мужчины, кое-кто с грехом пополам. То ли родились уже в Германии, то ли приехали в младенческом возрасте. Отлично одеты, отличный макияж — ровно столько, сколько необходимо, ни на йоту больше. И совершенно раскованные. Раскованностью они, без сомнения, превосходили мужчин. Мне уже давно кажется, что немки предельно эмансипированы. Какие там

три «К», этим даже не пахнет. Еще полгода назад мне такая свобода поведения понравилась бы, я не ханжа. Но при моем нынешнем статусе это было ни к чему. Между тем, некая Фрида, очень симпатичная и — для кого-нибудь другого, не с моим статусом — очень сексуальная, долго и как-то изучающе смотрела на меня, а затем села рядом и стала демонстрировать свою открытость и общительность. И кофточку она могла бы надеть не такую прозрачную...

Это было солидное кафе, не дискотека какая-нибудь. Маленький оркестрик играл не слишком громко, музыка была по большей части блюзовая, спокойная. Хотя время от времени раздавалось что-то бодро-ритмичное. Наши русские немцы пили по-немецки пиво, но иногда по-русски перебивали его скромно, без аффектации рюмочкой шнапса. Дамы пили в основном что-то крепкое, маленькими рюмками, но непрерывно. А может, мне так казалось от зависти. Время от времени кто-то вставал и уходил танцевать. Фрида пригласила меня на медленный танец и сразу сократила расстояние между мной и своей весьма условной кофточкой. Словом, я даже обрадовался тому, что не могу пить... «Свят, свят, свят», — сказал бы отец Федор.

Разговор за столом велся по-русски — насколько я понял, в мою честь. Если не находили русского слова, то добавляли английское. Английским все владели довольно сносно, к своему стыду признаюсь, значительно лучше меня. Только женщины иногда переходили на немецкий и при этом смеялись и косились в мою сторону. Я было почувствовал неловкость, но Валик вовремя успокоил меня:

— Не смущайся, это они так заигрывают с тобой, интригуют. Произвел впечатление.

А после очередной немецкой тирады и взрыва женского смеха объяснил:

— Они вынесли Фриде последнее предупреждение. Если она не добьется результата, то ее посадят на скамейку запасных. И выставят замену.

А Фрида ласково посмотрела мне в глаза, прижалась кофточкой — или что там было? — к моему локтю и проговорила:

— Юри, вы не обидите бедную девушку? Представляете, как пострадает моя репутация, если...

— Если я ее сегодня не утрачу! — громко закончила ее не менее сексуальная подруга.

Наш стол встретил это заявление аплодисментами. Фрида выглядела довольнее всех. Я как можно легкомысленнее рассмеялся, но испытание было нелегким.

Постепенно разговор принял довольно открытый характер, и лидировали опять-таки женщины. Принялись обсуждать статью в каком-то журнале. Там шла речь, насколько я понял, об изменении сексуальной психологии мужчин и женщин в Европе за последние пятьдесят лет. Оказывается, сегодняшние мужчины больше тяготеют к устойчивым романтическим отношениям и не склонны скакать из постели в постель. А женщины, наоборот, в большинстве стремятся к быстрому и разнообразному сексу с незнакомым мужчиной. Вот так так! Мы-то с детства знали прямо противоположное... Я сначала решил, что плохо понял рассказ Лиззи (все та же остроумная Фридина подруга — кстати сказать, редактор местной эмигрантской газеты). Слишком уж бойко она щебетала, вставляя попутно слова из всех известных ей языков. Нет, все правильно. Статья так и называлась: «Феминизация мужчин».

Тема начала мне надоедать. Феминизация пока меня не пугала. И я пригласил танцевать самую молчаливую из девушек — медсестричку. Та, вздохнув с явным облегчением, поднялась с места. Ей тоже, наверно, надоела вся эта теория. А может быть, и практика.

Но когда мы вернулись после танцев, тема не сменилась. И место я занял то же самое. И локоть мой опять был не там, где ему положено

Я сидел скромно и в дискуссию не вмешивался. Искренне не понимаю, особенно на трезвую голову, почему люди (причем чаще всего женщины) могут получать удовольствие от разговоров на сексуальные темы. Странное поветрие... Поэтому я сидел и помалкивал, надеясь, что эти мысли не отражаются на моем лице. А параллельно пытался тактично и необидно высвободить свой локоть из «сладкого плена». Но мне это никак не удавалось. А может, я был недостаточно решителен?

Около девяти вечера в участниках нашей компании пробудилась немецкая обязательность и ответственность. Мужчины быстро и привычно сложили деньги в общую пачку и расплатились по счету. Мою попытку внести свой вклад решительно отменили — сказало восточное происхождение. Настоящие немцы собрали бы со всех — в этом я убеждался не раз. Затем все решительно поднялись и отправились по домам отдыхать перед трудовой неделей. Не было длинных прощаний, как это часто бывает после наших застолий. Пожатие рук, сухой поцелуй в

щечку — и ауфвидерзейн. Между прочим, на такси — дисциплина. После «шнапса» — только на такси! Я невольно вспомнил о родине...

Расходились парами.

— Юри, ты проводишь меня? — Фрида смотрела на меня такими глазами, какими смотрел на вступительном экзамене по химии Семен, когда я встал, чтобы пойти отвечать доценту Бакаеву, и хотел оставить его наедине с экзаменационным билетом.

Я беспомощно взглянул на Валика, ища поддержки.

— Пойдем проводим?

Но Валик мне руку помощи не протянул. Он довольно сухо сказал:

— Нет, извините, у меня через двадцать минут сеанс.

Соврал, между прочим. Сегодня было воскресенье. Он повернулся на каблуках, спокойный, ко всему равнодушный, высокий, чуть сутуловатый, и удалился. Я остался с Фридой наедине.

Мы шли по ярко освещенному Франкфурту в неизвестном мне направлении. Стоял теплый вечер, в рубашке с короткими рукавами было не холодно. На одном моем локте висела куртка, на другом — Фрида.

— Возьмем такси?

— Нет, возьмем трамвай. Я хочу показать тебе ночной город.

— Фридошка, мне завтра в шесть утра ехать в Кельн.

— Как ты сказал? Фридошка? Красиво звучит — Фридошка. А ты, значит, Юрочка?

Она очень красиво и необычно произнесла это «Юрочка». И мне ничего не оставалось, как сесть с нею в метро.

Что она хотела мне показать, я так и не понял, потому что трамвай-метро почти все время шел под землей. Зато я понял, что мы едем точнехонько в тот район, где живут родители Лены. Это ж надо было пролететь тысячи километров, чтобы рискнуть нарваться на нежелательную встречу. И где? В далекой Германии. Поистине тесен мир.

Мои страхи были, без сомнения, преувеличенными. Начнем с того, что с Лениными родителями я не встречался ни разу — лишь видел их на фотографии, которая стояла на ее туалетном столике у нас в Нагарии. «Какая чушь», — подумал я и выбросил глупые мысли из головы.

Мы довольно непринужденно перебрасывались короткими фразами на ломаном русском. Фрида иначе не могла, а я пытался говорить проще и понятнее — и тоже невольно калечил язык. Так бывает в разговоре с иностранцами. Моя спутница явно перебрала спиртного, ее чуть покачивало. Поэтому она все время пыталась как можно надежнее прижаться к моей руке. Со стороны это должно было выглядеть очень эффектно.

Я не слишком удивился, когда мы, выйдя на конечной остановке, пошли по улице, на которой жили родители Лены: это был район эмигрантов. Название улицы я прочитал по привычке — не хотел заблудиться на обратном пути. И подумал: повезло, что мы с ними не знакомы. Хорош бы я был в этом случае. Дрожал бы как заяц...

Как говорится, бог свидетель, я никакого удовольствия от этой прогулки не испытывал и никакие соблазны меня не одолевали. Слишком я любил Лену и слишком скучал по ней. Пошел провожать Фриду я только потому, что не хотел незаслуженно обижать симпатичного человека. Объективности ради нужно признать, что, если бы не мой нынешний статус, я бы эту возможность, скорей всего, не упустил. Фрида действительно была очень мила: волнистые рыжеватые волосы, немного удлиненное семитское лицо, продолговатые черные глаза. Что-то было в ее облике иконописное, не совмещающееся с сегодняшним разбитным поведением. Может, всему виной алкоголь?

Наверно, так и было, потому что когда мы стали подходить к ее дому, о чем она объявила заранее, опьянение усилилось, — во всяком случае, она еще ближе придвинулась ко мне и еще крепче прижалась к руке, если это только было возможно. Навстречу нам шли три человека, я почувствовал неловкость оттого, что мы выглядели такой безумно влюбленной парой. В моем возрасте даже в чужой стране это наверняка смотрелось несолидно. Но попытка отстраниться не удалась — Фрида только крепче прижалась ко мне. И напрасно, потому что буквально через пару шагов в приближающейся троице я узнал Семена и родителей Лены. Оказалось, опознать людей по фотографии не составляет труда. Судя по их округлившимся глазам, они во мне тоже увидели что-то знакомое. Семен остолбенел, волосы его немедленно встали дыбом (вы помните такое их свойство). В глазах вспыхнула ненависть. Голову даю на отсечение, больше всего ему хотелось дать мне по морде.

Бежать было поздно, объясняться — бессмысленно. Изображая сиамских близнецов, мы прошли мимо. Фрида продолжала что-то щебетать и ворковать. Я не понимал ничего из ее речей, только отвечал невпопад: «Да, конечно, обязательно». Оглянуться и посмотреть, что делается за спиной, у меня не хватало мужества.

Мы остановились возле ближайшего дома, который оказался Фридиным. Она стала довольно настойчиво приглашать меня зайти на чашку кофе. Никого нет дома, мы будем одни... Я сказал: «Да, конечно, обязательно. Естественно. Уже поздно. Да, конечно». Почему-то церемонно поцеловал ей руку, наверно, подсознательно надеясь, что наблюдатели поймут официальность наших отношений. И пошел не оглядываясь в противоположную сторону. Сзади раздался громкий крик: «Юрочка, милый, ты не в та сторона пошел!». О господи! Я молча прибавил ходу.

Кто осмелится сказать, что жизнь не занимательнее самых смелых фантазий? Какова была вероятность того, что Валик откажется пойти со мной, что Фрида живет по соседству с родными Лены и что Семен именно в этот треклятый вечер навестит своих бывших родственников — специально, чтобы меня опознать? И что эти бывшие родственники пойдут его провожать?

Не прошел я и сотни шагов, как зазвонил мобильный телефон. Лена. Я пропустил время сеанса, Алекс не вышел на связь к Юстасу. Она забеспокоилась, видимо, позвонила домой, и Валик, видимо, сказал, что я гуляю. Но тут судьба дала маху. Очевидно, по ее плану звонок должен был раздаться точно в момент встречи нашей пары с их тройкой. Эффект был бы поразительный. Но произошла задержка. Что-то не сработало.

У меня был большой соблазн отключить телефон. Но я взял себя в руки и довольно толково объяснил, что завтра встреча с Сазоновым, а у меня — «ты же знаешь» — есть привычка обдумывать важные вещи на ходу. Нет, все в порядке. Нет, не пью, не курю... Я чуть было не добавил автоматически: «и женщин не люблю» — но вовремя остановился. Сейчас это было некстати. Мы попрощались, обменялись признаниями в любви и отключились. А я невесело подумал, что это не последний ее звонок сегодня... С трудом выбрался на трассу, словил такси.

Валика я застал в салоне у телевизора. Зол я на него был ужасно. Но скандалить не стал — это не мой стиль. Я в таких случаях становлюсь необыкновенно сдержанным и вежливым. Семен говорил, что когда я разъярен, меня можно на хлеб намазывать вместо меда и пить со мной чай без сахара.

Валик упорно молчал, продемонстрировать ему вежливость было невозможно. Пришлось начинать выяснение отношений самому.

— Валик. Ты же знаешь, что я молодожен. Почти. Почему ты со мной не пошел?

Молчание.

— Ты знаешь, во что я влип? Мы встретили Семена и Лениных родителей. И вид в тот момент у нас с Фридой был чрезвычайно двусмысленный!

Валик, который до этого сидел уставившись в телевизор, неожиданно повернулся и как-то странно посмотрел на меня.

— Неужели трудно было пойти с нами?

— А меня никто не приглашал.

Валик стал сосредоточенно поправлять диванную подушку.

Тут до меня кое-что дошло. Я вспомнил, что все из кафе разошлись парами, а он отправился домой один.

— Постой, постой! Ты с ней встречаешься?

Валик рассеянно посмотрел в окно. Потом сосредоточенно сунул руку под диванную подушку, что-то там проверил...

— Нет. Я ее пригласил в кафе. Приглашаю иногда. — Он заглянул под стул. Там было все в порядке. — Она мне нравится. А я ей — нет.

— Ты ее пригласил, а она!.. Ну знаешь ли... О времена, о нравы!

— Не судите, да не судимы будете! — отпаривал эрудированный Валик.

Этот обмен цитатами снял напряжение. Мы улыбнулись и успокоились.

— Ты не думай, Фрида очень хорошая. Самая спокойная и умная из них всех. Не знаю, какая муха сегодня ее укусила.

Он попытался заглянуть за диван. Я усадил его на место.

— Посиди спокойно. Не дергайся.

— Она не очень давно разошлась с мужем. Красивый дурак, ничего больше. И он недавно опять женился. Ты знаешь женщин, — Валик уважительно взглянул на меня, — и должен понять.

Хотя она его не любит, но девочке обидно. Комплексы. И вот эти все кофточка и бравада — отсюда.

— Ну да, хочет доказать, что и мы не лыком шиты...

— Я же говорил, ты знаешь женщин. Ей двадцать семь лет всего. Окончила высшую художественную школу. Иллюстрирует детские книжки. Работает в двух женских журналах. Ее приглашают на студию анимации. Она вполне состоялась. Она давно не в эмиграции. Девочка. Но я ей не нравлюсь. И стар для нее.

Он опять ринулся ковыряться в подушке, и я опять усадил его на место. Привычки далекого детства пробуждались в Валике, когда он нервничал. Мы помолчали. Каждый думал о своем, а может, мы думали об одном и том же.

Я вспомнил приглашение выпить кофе.

— И все-таки они у вас слишком боевые. Похоже, что для них секс действительно не повод для знакомства. Нельзя же с первого раза...

Я вовремя остановился. Получалось, что я выдаю предложение Фриды и осуждаю его. Сплетничаю. Тьфу ты...

— Тут ты, Юра, не прав. Это зависит от традиций и воспитания. Не развращенность, а другие взгляды. Понимаешь, секс для них — нечто обыденное, как поцелуй. Конечно, если человек нравится.

— Сравнил тоже!

— А ты подумай. Настоящий поцелуй — не вежливый, в щечку, а настоящий, любовный, в губы. Разве он не такой же интимный, как секс? Или требует меньше любви? А может, даже больше?

Знаете, я задумался. Впервые над этим задумался. Хотя и «знаю женщин».

— Слушай, Валик. А ведь ты прав. Чтобы по-настоящему поцеловать в губы женщину, ее нужно обязательно любить. Трахнуть куда проще. Даже нелюбимую.

— Видишь. Природа — это и есть истина. А мы зря сделали из секса табу.

— Лучше всего совмещать. Я так думаю.

Валик неожиданно сказал:

— А я не такой максималист. Природа нам все время расставляет ловушки.

И перед глазами у меня возникло иконописное и чуть пьяноватое личико Фриды. Сгинь, сгинь, сгинь, сатанинское наваждение!

Словно прочитав мои мысли, Валик ехидно засмеялся и хлопнул меня по плечу.

— Все. Пошли спать. Утро вечера мудренее.

Но поспать удалось не сразу. Позвонила Лена. Она сказала, что с ней только что разговаривала мама... и выжидательно замолчала. Пауза. Но я подготовился. Как можно убедительней я ответил, что ничего плохого ни в мыслях, ни на деле не совершал. И не совершу. Давай верить друг другу. Приеду — расскажу об этом нелепом стечении обстоятельств. А сейчас мне предстоит разговор с Сазоновым, это главное.

А закончил словами:

— Лена, у нас с тобой настолько все хорошо, что иногда просто страх берет...

Ну если такие слова ее не успокоят, тогда я ничего в них, в женщинах, не понимаю, и напрасно Валик мне льстил. Мы опять объяснились в любви и пожелали друг другу спокойной ночи.

...А вот дома будет посложнее. По какой-то прихотливой ассоциации я вспомнил Леру. М-да, могут быть проблемы...

Сазонов и компания

Вся эта катавасия продолжалась почти до часа ночи. И никуда на следующий день я не поехал. Выбираться в дорогу чуть свет было неразумно не только с точки зрения здоровья, но и для пользы дела. Хорош бы я был на переговорах, измочаленный бессонной ночью.

Утром я позвонил Сазонову, извинился и попросил перенести визит на следующий день, сославшись на недомогание. А сам упросил Валика взять меня на рыбалку. Он согласился, но без особого энтузиазма: у него было разрешение только на одного человека. Вторую лицензию получить было настолько сложно, что и пытаться не стоило.

Валик пошел еще на одну жертву — мы поехали на машине. Но день провели отлично, я отдохнул и набрался сил. Тем более что Валик еще не отошел от вчерашнего и разговорами меня не баловал. Видимо, Фрида его зацепила сильнее, чем ему бы этого хотелось. А мне было о чем подумать...

На следующий день я выехал пораньше, чтобы избежать случайностей и не опоздать. Приехал за час до назначенного срока.

У Сазонова в промышленной зоне был небольшой заводик и довольно приличный склад. Он по инерции занимался листовым и фасонным прокатом из цветных металлов, а заодно и некоторыми металлоизделиями. Но связь с основными поставщиками и основными потребителями — странами СНГ была почти прервана, поэтому дела шли не слишком хорошо. Впрочем, об этом я уже говорил. И все-таки Сазонов был еще довольно богат, поэтому для солидности держал отдельный офис в деловой части города. Именно туда я и приехал.

Чтобы скоротать время, я уселся неподалеку за столиком на улице, заказал свои любимые сосиски с капустой, которые, по счастью, были в меню. Все знают, что это традиционное немецкое блюдо, тем не менее найти их в Германии не так просто. Нужно знать места. К сожалению, места эти повсеместно вытесняются макдональдами, пиццериями и турецкими ресторанчиками. А жаль...

Так вот, я задумчиво и без особого аппетита жевал и смотрел по сторонам. Неожиданно мое внимание привлекла женщина на противоположной стороне улицы. Она шла со стороны офиса Сазонова, откуда она вышла — я не заметил. Что-то неуловимо знакомое почудилось мне в ее фигуре. Высокая плотная блондинка, довольно молодая, сексапильная. Что называется — в теле, но не рыхлая. И, на мой вкус, чересчур намакияженная. Она приближалась, а я довольно бесцеремонно уставился на нее и пытался припомнить, где мы встречались. Женщина, видно, почувствовала мой взгляд, посмотрела на меня, явно узнала, как-то испуганно и резко отвернулась и заспешила мимо.

Я мгновенно вспомнил нашу встречу. всплыл последний эпизод, который так долго прятала от меня память.

Это произошло в тот самый злосчастный день, когда я очутился в больнице. Я ехал по не слишком загруженной трассе к банку. Возле двора, в котором меня нашли, машине перегородила дорогу живописная группа: трое мужчин бандитского вида куда-то тащили сопротивлявшуюся женщину. Я притормозил, женщина — эта самая блондинка — повернулась ко мне и простонала: «Спасите!». Мужчины завели ее во двор, все происходило без шума и драки, так что никто из проезжающих, очевидно, ничего не заметил. Но я-то ясно слышал: «Спасите!». Признаюсь, возникло желание проехать мимо, но я быстро его подавил. Не хотелось по ночам слушать женский стон: «Спасите!».

Как только я вошел во двор, сзади меня схватили сильные руки, и я получил крепкий удар по почкам. Перед глазами все поплыло. Я услышал женский голос: «Осторожней, дубина!» — тот же голос, который просил о помощи. «Дубина» вместо ответа с такой силой припечатал меня к хилой от старости стене из рассыпающегося ракушечника, словно пытался пробить мною дыру. Затем он прошипел прямо в ухо: «Это только начало, не отдашь деньги — пеняй на себя». Добавил сакраментальную фразу: «Счетчик включен» — и, для пущей убедительности, снова попытался протаранить моим телом стенку. Она буквально зашаталась. Внезапно этот интересный разговор прервал истерический женский крик: «Осторожно, сверху!»

Все, больше не помню ничего. Но и этого было вполне достаточно.

Пока я вспоминал и сопоставлял факты, пока я рассчитался с официантом, женщина остановила такси, вскочила в машину и укатила. Бежать было уже некуда и незачем. Я уселся дожидать сосиску.

Таких совпадений не бывает. Значит, Садко не оставил меня в покое и здесь. По спине пробежал холодок. Как хорошо, что я не взял с собой Лену! Тогда я наверняка бы лишился способности рассуждать здраво и мог бы просто-напросто дать деру. Нужно постараться успокоиться. Теперь Садко станет известно, что я здесь. И что дальше? Ему решать. От меня мало что зависит. Впрочем, неправда. Зависит. В моей многоходовке был предусмотрен и такой вариант. Можно попытаться амортизировать возможный удар. Придется учесть такой поворот событий. Бедный Виктор. Но и мне в переговорах теперь будет тяжелее. Я внес некоторые коррективы в сегодняшнюю беседу с Сазоновым...

...В час встречи я появился в приемной Сазонова еще более взволнованный и встревоженный с виду, чем на самом деле. Даже секретарша участливо спросила: «У вас все в порядке?». С этого же вопроса начал беседу Сазонов.

Он принял меня очень тепло, я бы даже сказал — радушно. Вышел из-за стола, усадил в кресло, сам сел не за стол, а напротив. Поставил между нами бутылку дорогого коньяка. Прием по высшему разряду.

Сазонов мало изменился. Он был из тех, о ком говорят: маленькая собачка — до старости щенок. Небольшого роста, худощавый, светловолосый, в очках. Типаж Вуди Аллена. Наверно, поэтому при советской власти он был обречен на должность третьего зама секретаря райкома, ну пусть даже горкома. При этом Сазонов был довольно-таки умелым работником, мог наладить контакты, мог, где надо, веско сказать, а где надо — промолчать. Но для того чтобы стать первым лицом какого-нибудь «кома», ему не хватало фактуры. Эти первые лица традиционно должны были отличаться внешней представительностью. Бог с ним, с интеллектом, но у партийного руководителя народных масс должен быть хотя бы товарный вид... Со своим ростом и внешностью Сазонов тянул лишь на зама по пропаганде. На этой незаметной и неавторитетной должности нередко оказывались самые толковые работники, потому что отбирались они не по экстерьеру.

И когда началась перестройка, а затем и приватизация, Сазонов продемонстрировал правильность другой поговорки: мал золотник, да дорог. Одним из первых он понял, что на этом этапе новой жизни главное — не покупать, а продавать. Покупать можно будет потом. И стал продавать за границу то, что там желали приобрести из наших не слишком богатых закровов. В первую очередь — прокат и цветные металлы.

Это был рискованный бизнес, конкурировали здесь настоящие волкодавы, но маленький и невзрачный Сазонов им не уступал. У него оказались солидные связи на всесоюзном уровне. Между делом он продавал за границу оптом и в розницу имущество пароходства. Впрочем, тогда это делали все, кто мог. Бизнес, который он нам продал, — торговля бытовой техникой — для него был то ли хобби, то ли средством для легализации в будущем, когда стихнет поток спекуляций государственным имуществом. Словом, сбоку припека. Отчего он уехал в конце концов за границу, я не знаю и не буду строить домыслы.

Даже из этой скупой информации о прошлом Сазонова, думаю, ясно: это был крепкий орешек.

Итак, Виктор в начале разговора участливо спросил, что со мной, почему я так возбужден. Что-нибудь со здоровьем? Он слышал о моей болезни и очень сочувствовал мне. Но все вроде наладилось? Или опять возникли проблемы? Сазонов был действительно встревожен, он не притворялся.

Я, для виду поколебавшись, «не выдержал» и признался:

— Есть проблемы, Виктор. Ты догадываешься, чья это могла быть работа, — я коснулся своей макушки. — Люди Садко. В сущности, ничего не изменилось, и если снова что-то случится со мной, все имущество пойдет с молотка, а у них там все схвачено. Для них это оптимальный вариант. Я опасаясь повторения пройденного.

Сазонов с облегчением вздохнул.

— Не думаю, что эта гангстерская история здесь пройдет.

— Ах, не думаешь? Час назад возле твоего офиса я увидел женщину, которая тогда заманила меня во двор. Участница банды. Что ты скажешь на это?

Тут Сазонов даже побледнел — видно, понял, что дело нешуточное.

— Где увидел?

— Завтракал в кафе, почти напротив. Она шла по этой стороне. Жаль, не заметил, откуда появилась. Как видишь, Садко выставил возле тебя дозорных. Виктор, а может, она приходила к вам? Ну якобы спросить о чем-нибудь. А? Ты бы не мог узнать у своих, не было ли с час назад такой посетительницы?

Виктор был явно под впечатлением. Даже растерялся. Он пробормотал:

— Да, конечно, сейчас узнаю, — поднялся и пошел к выходу.

— Постой, ты же не знаешь, как она выглядит.

— Да-да... как она выглядит?

— Дебелая крупная девица, лет под тридцать, блондинка. Немного блядовитого типа.

При этих словах Сазонов кисло поморщился. Грубостей не переносит. Отвык от родины.

Его не было довольно долго. Затем появился и сказал, что никого похожего у них сегодня не было. Он опросил всех.

— Но суть не меняется. И мы с тобой, — я подчеркнул «мы с тобой», — должны учесть этот фактор — угрозу Садко.

Он не пытался возражать. Разговор стал более спокойным. Мы светски поговорили о моем здоровье, об отдыхе в Израиле. Я поинтересовался здоровьем Аллы Шварц и детей. Виктор передал, что после работы Алла ждет нас в гости. Словом, протокольная часть визита была выполнена. Затем Сазонов перешел к себе за стол, что должно было означать начало деловой беседы. Переговоров. Он спросил, не изменились ли наши прежние договоренности. Имелось в виду мое намерение через промежуточные фирмы отдать ему в счет долга практически все остатки моей фирмы. То, над чем мы с Семеном работали до моей травмы.

— Да, изменились, — твердо ответил я.

Сазонов этого не ожидал. Он помрачнел и насупился.

— И как же ты собираешься выпутываться из этой бодяги?

— Впутаться в новую. И тебе хочу предложить сделать это вместе со мной.

Сазонов снова кисло поморщился.

— Юра, ты решил стать авантюристом?

Я охотно согласился.

— Решил. Добросовестность не дала результатов. Хочу попробовать другой путь. Виктор, ты не делай скоропалительных выводов. Сначала наберись терпения и выслушай.

И я подробно объяснил ему суть проекта, иллюстрируя рассказ расчетами и материалами Лихницкого.

Сазонов вначале слушал вполуха, но когда я назвал ориентировочный доход, он невольно напрягся. Цифра интриговала — при всех сомнениях в реальности проекта. А когда я показал копию договора с Турцией о продаже воды Израилю, добытую Михалычем неизвестно каким путем, Сазонов стал совсем ручным. Он разбирался в таких делах и был все-таки бизнесменом с размахом. Просто сейчас он произрастал не на своей почве.

Теперь, в соответствии с моим планом, следовало устроить ему контрастный душ и опустить на землю. Я показал материалы, подтверждающие обширные планы Оскара Берна в Израиле. Виктор мгновенно оценил ситуацию и осел, как будто из него выпустили воздух. Это тоже было неплохо. Теперь следовало зажечь в его душе огонек надежды и попытаться «совместно» найти выход.

Я продолжил с эдакой грубоватой прямоотой:

— Виктор, я подготовился к встрече и знаю, что ты зависишь от Берна. Прости, но я догадываюсь, что он может легко справиться с тобой. И доставить кучу неприятностей. Но учти одну вещь: со мной это будет не так просто. Во-первых, я ничем не рискую, у меня, кроме долгов, ничего за душой нет.

Я сделал акцент на этом доводе, он был очень важен. И каждое следующее доказательство своей правоты сопровождал подготовленными заранее расчетами, справками и документами.

— В проект вмешается политика, а это дорогого стоит. Дорогого в долларах, не только в переносном смысле. В Израиле сильнейший водный кризис. Смотри данные. Вот они. Дальше. Скоро выборы. Оппозиция поднимет на щит нашу идею. Поддержит ее гистадрут — единый израильский профсоюз. Кибуцы севера и долины Иордана, которые теряют пахотные земли, схватятся за нее руками и ногами. Спасители гибнущего озера Кинерет. Зеленые, свои и зарубежные, потому что опреснение создает большие экологические проблемы. И, наконец, те граждане Израиля, которым важнее чистая дешевая вода, чем принципы. Хотя таких, — я вздохнул, — пока не слишком много. Но будет с каждым днем все больше и больше. То, что пьют в Израиле сегодня, просто ужасно. Смертельный номер под куполом цирка. А что будет завтра? Чистая турецкая вода с гор для них просто нектар. Амброзия.

Всё это произвело впечатление. Но Сазонов оставался невесел.

— Отлично, ты меня убедил, шансы есть. Плохо одно: никакие доходы не компенсируют мне недовольства Берна.

— Не согласен. Если договор будет подписан и воплощен в жизнь, то компенсируют с лихвой. А пока идут переговоры и есть риск провала, тебе лучше не светиться.

— Просто дать тебе деньги? И гарантии под проект? Ты это хочешь сказать?

— Я тебе отдам в залог остатки фирмы. Это будет почти так на так. Ты же знаешь: кризис нас миновал, и цены опять подскочили.

— Но ты и так собирался мне все отдать, ты же должен мне уйму денег...

Я посмотрел ему в глаза и твердо сказал:

— Не думаю... Ты не хочешь рисковать деньгами, по существу, моими деньгами, а я должен рисковать жизнью своей и своих близких? Скажу честно, я не герой, и если ты не согласишься, я все отдам Садко.

— Но ведь раньше мы договорились...

— Виктор, это было раньше. А потом я лежал трупом почти месяц. За это время кое-что изменилось. Тут. — Я постучал пальцем по лбу. — И если жертвовать своей шкурой, то хотя бы знать, за что.

Вот теперь все карты были открыты, и наступила полная ясность. Удивительно, с какой легкостью и уверенностью я отказался от своего слова, от документов, которые подписывал, и даже пошел на прямой шантаж. Наука еретизма, не иначе!

Сазонов надолго задумался. Я не прерывал молчание. Наконец он сказал:

— Ну, хорошо. Я должен подумать. О делах на сегодня все. Ты, Юра, отдышись, сними номер в гостинице, — видно, что ты устал. Тебе пока не стоит перенапрягаться. А вечером я предлагаю такой вариант. Сегодня у нас в русском культурном центре концерт Володи Азарова. После концерта я пригласил его к нам домой — отдохнуть, поужинать. Будет еще несколько человек, кое-кого ты знаешь. Приходи на концерт, а потом к нам. Алла будет очень рада. Ей не слишком здесь весело. Вспомните институтские веселые деньки...

Он выжидательно замолчал.

Володя Азаров! Для кого Володя, а для кого известный писатель-юморист Владимир Михайлович Азаров. Наш земляк.

— С огромным удовольствием.

— Отлично. Завтра отоспишься, тебе это необходимо. А я с утра должен быть здесь, — Сазонов любил подчеркнуть свое трудолюбие. — Я подумаю на досуге. А часа в четыре, — он заглянул в блокнот, — да, в четыре приходи сюда. Все разойдется, будет спокойно. Поговорим. Обмозгуем. Дело непростое. Согласен?

— Вполне.

Я оставил ему папку с документами и ушел. Больше в этот день о работе не было сказано ни слова.

Вечером я позвонил Валику, предупредил, что остаюсь еще на двое суток в Кельне. Вслед за тем связался с Юстасом, дал полный отчет, но умолчал о встрече с террористкой. Потом купил чистую нарядную рубашку и отправился в русский культурный центр, он же по совместительству синагога. Там уже собралась толпа наших бывших сограждан — и молодых, и пожилых. Все с видимым удовольствием разговаривали на русском, но, естественно, с местечковым еврейским акцентом. Я уже давно заметил, что в иноязычной среде у говорящих по-русски появляется такое произношение, даже если человек еще лет пять тому назад у себя на Таганке «акал» как истинный москвич. Исключения редки. Почему это происходит, объяснить не берусь, но за сам факт ручаюсь головой. Наш типичный эмигрант (разумеется, если он за границей не с младенчества — тогда у него настоящий английский, немецкий или ивритский акцент) спустя несколько лет после эмиграции приобретает произношение жмеринского еврея и не теряет его до конца дней своих.

Владимир Азаров был лет на десять старше Сазонова. Тогда, когда я ошивался возле городской команды КВН, он уже был довольно известным автором и писал для нас тексты. Подрабатывал. Утверждал эти тексты, естественно, секретарь по культуре и пропаганде Сазонов (культура и пропаганда в те времена совмещались, это было почти одно и то же). Он слыл прогрессивным руководителем и даже помогал опальному Азарову организовывать концерты на предприятиях, чтобы прокормиться. Я точно знаю, что благодаря ему в свое время прошло немало таких полуподпольных концертов, в том числе и в нашем проектно институте.

Азаров до перестройки был персоной нон грата. Поначалу он просто писал миниатюры и монологи, а затем, когда с легкой руки Жванецкого писатели стали сами читать с эстрады свои произведения, выбился в число популярных и вольнодумных авторов. В те времена чем больше писателя запрещали, тем стремительнее росла его известность.

Когда рухнула власть коммунистов, Азаров неожиданно затих. И не он один. Все шестидесятники и семидесятники как-то сникли. Стали поговаривать, что тогда, когда их запрещали, мол, легче было добиться популярности. Я думаю, это не совсем так. Просто те, кто отчаянно боролся с коммунистическим режимом, новую власть с прежним азартом уже не ругают. Не могут. Они сознают, что сами же и вызвали ее к жизни. А что за сатирик без остервенения? Над

новой властью с наслаждением измываются новые юмористы, бойкие и энергичные. Широко популярны ныне и остряки, специализирующиеся на сексуальных темах, чему старшее поколение не было обучено. Тоже непростое искусство. Не всякий способен легко и непринужденно острить со сцены, скажем, так: «Новый русский едет в машине, в левой руке у него мобильный телефон, в правой — коленка девушки. Представляете себе, чем он руль держит?». И зрителю должно быть смешно, а не неловко за актрису, уже немолодую женщину, которая этот анекдот рассказывает... Короче, происходила смена поколений.

Я сознавал, что в значительной мере еще отношусь к предыдущему. Ведь не раз уже признавался вам, что во многом отстаю в своем аморальном развитии от времени. Что ж, будем наверстывать.

Концерт прошел в очень теплой атмосфере и вполне соответствовал моим консервативным вкусам. Казалось, машина времени перенесла меня лет на пятнадцать назад. Зрители старшего поколения (а таких здесь было большинство), честно говоря, были из той же эпохи. Эмигрировав из Советского Союза и попав в совершенно чужую среду, они изменились только внешне — стали одеваться по-новому. Все остальное у них законсервировалось. Я не знаю, лучше ли было бы, если б они так же бурно менялись, как наши сограждане. Не уверен.

Артист и зрители с удовольствием вспомнили былые дни. Они отлично понимали друг друга, работали на одной волне. Ну а если добавить, что в зале не появились ни Семен, ни его родители, то можно считать, что для меня все складывалось как нельзя лучше.

После концерта гости Сазонова собрались у выхода. Я расцеловался с Аллой, пожал руку обоим ее сыновьям — смуглым, плотным, удивительно похожим друг на друга и на маму отрокам. Виктор породу не улучшил, от него детям в наследство достались только очки.

Наконец вышли Сазонов с Азаровым. Мы наперебой выразили сатирику свое восхищение, все расселись по машинам, и кортеж тронулся в путь. Сам Азаров со своим импресарио сел в машину к Сазонову, а я взял к себе Аллу с детьми. Так как со мной был пассажир, знающий дорогу, я не гнался за остальными, ехал спокойно и заметно отстал. Мы болтали, вспоминали, как и предположил Сазонов, институтские радости и незабвенную «бражку».

И в это время слегка подзабытая история с террористкой, как я мысленно называл блондинку из банды, напомнила о себе. На пустынной улице нас догнала черная машина, показавшаяся мне зловещей. Она посигналила нам и даже немного прижала мой «Опель» к бордюру. Пришлось остановиться. Машина подъехала к нам вплотную. Открылось окно, из него выглянуло, как мне показалось, бандитского вида лицо и пролаяло что-то на немецком в стиле «хенде хох!». Что делать? Рядом со мной были женщины и дети...

Дитя на заднем сиденье спокойно открыло окно и что-то ответило на немецком. Я разобрал только «штрассе». Бандит в ответ вежливо пролаял «данке шен», и зловещая машина покатила дальше. Мне стало стыдно за панику, но, кажется, никто моего смятения не заметил.

А может быть, киллеры просто обнаружили в машине посторонних и перенесли акцию на более удобное время? Нет, это было бы глупо и нелепо. Просто, подумал я, у страха глаза велики...

Мы благополучно добрались до особняка, оставили перед воротами машину и вошли в дом.

Дом был солидный — два этажа и мансарда. И интерьер хорош — положение обязывало. Стол был уже накрыт. Все проголодались и охотно, без лишней волокиты заняли места. Во главе стола усадили Азарова, по бокам от него расположились Сазонов и Алла. Все согласно этикету.

Азаров, высокий и еще довольно свежий для своего возраста, выглядел оживленным и бодрым. Успех концерта, очевидно, поднял его тонус. Он охотно отвечал на вопросы, хвалил блюда и вкус хозяйки. Все было очень мило.

Но гладко все шло до тех пор, пока кто-то из гостей не спросил его, почему в России народ разогнал всех демократов. Неужели вы хотите возврата к старому? Вам надоела свобода? Азаров явно не хотел портить себе настроение, пожал плечами и сказал, что ответа на этот вопрос не знает никто. И тут раздался голос: «Я знаю ответ!». Это прозвучало как знаменитое ленинское: «Есть такая партия!». Все повернули голову к сидевшему рядом со мной пожилому мужчине. Я знал его: это был мамин знакомый Михаил Саулович Слонимский, в прошлом экономист в каком-то конструкторском бюро, ныне пенсионер с соответствующей пенсией тридцать три доллара в месяц. Он почему-то остался на Украине, хотя, судя по отчеству, мог эмигрировать если не в Германию, то в Израиль. Здесь, в Кельне, он гостил, как успел рассказать мне, у сестры. Она же из своего немецкого пособия помогала ему — посылала время от времени с оказией то немного денег, то кое-какие вещички. Эта помощь была серьезным подспорьем к его пенсии.

Слонимский даже встал, чтобы подчеркнуть важность своей речи. Часто повторяемое слово «свобода» он выговаривал как-то иронично и с пренебрежением.

— Свобода — это, конечно, хорошо. Но что мне с ней делать? Для меня на первом месте — материальная возможность жить достойно. Это важнее всего. С женой я могу поговорить обо всем и без свободы, а больше меня все равно никто не слышит. Я хотел свободы, потому что без нее нельзя добиться хорошей жизни. И что получилось? Произвол — вот наша сегодняшняя свобода. Только одно хорошо: в магазинах все есть — за большие деньги. Но этого можно было добиться и без свободы, для этого она не нужна. Как в Китае. Разрешить торговлю — и все дела. Я экономист, хоть и бывший. И вижу: в стране развалилось все, кроме торговли. И наше сельское хозяйство, и наша промышленность. Но появился целый класс людей, которые стали жить несравненно лучше, в роскошных особняках. Ну и за счет чего они так живут? Закон Ломоносова — Лавуазье знаете? Закон сохранения вещества? Раз ничего в стране не прибавилось, а только убавилось, значит, одни живут лучше за счет того, что другие стали жить хуже. Других причин нет. И это хорошо видно тем, кто стал жить хуже некуда. Раньше месячная пенсия была равна семидесяти килограммам колбасы, а сейчас только семи. Шестьдесят три килограмма от каждого ушли на особняки. Вот вам и весь расчет. Плюс свобода, минус квартира, газ, вода и электричество. Плюс мусорные баки. Нам опять нужен кто-то, кто наведет порядок. Да, мы такие, и с этим надо считаться. Надо быть реалистом. Свободой сыт не будешь. Поэтому многие тоскуют по старым временам.

Мой сосед основательно испортил настроение Азарову, а всех остальных привел в замешательство. Они здесь собрались отдохнуть, приятно провести время со знаменитостью, с удовольствием вспомнить прошлые времена — а не ругать нынешние. Эмигранты в Германии уже давно живут спокойно и беззаботно. Они отвыкли от стрессов.

Помрачневший Азаров тоже поднялся и проговорил, глядя поверх голов присутствующих:

— Во мне тоже сидит тоска по старым временам. Но по другой причине. Мы тогда со зрителем были единым организмом, понимали друг друга с полуслова. Потому что само слово зачастую опасно было произносить. Мы друг друга уважали. Я себя чувствовал чуть ли не героем. Я боролся против власти, которая унижала моего любимого и уважаемого умного зрителя, не давала ему жить по-человечески. — Он вздохнул. — Самое тяжелое, что сейчас я выхожу на сцену и чувствую: я зрителя больше уважать не могу. И не хочу его, бедного, защищать. Я понял, что в такой жизни сам зритель и виноват. Он другой судьбы не хочет. Прав Михаил Саулович — мы такие. Мы опять просим себе царя. Ни на что другое не способны. Это со зрителем нужно бороться, а не с плохой властью. Нельзя быть такими, как мы, а жить как на Западе. Так не бывает. И наш особый путь, о котором все столько говорят, это и есть путь нищеты и несправедливости. За что же нас уважать?

Азаров спохватился и вежливо уточнил:

— Конечно, к присутствующим это не относится. Вы здесь понимаете, что такое свобода.

Все немедленно стали искать более веселую тему, но далеко не сразу, лишь когда немало было выпито и съедено, удалось преодолеть неловкость. Впрочем, я давно заметил, что наши эмигранты уже не умеют пить так, как они это делали на родине. Берегут здоровье. Дурные примеры заразительны...

На следующий день с немецкой пунктуальностью, ровно в шестнадцать ноль-ноль, я входил в офис Сазонова. В дверях я столкнулся с его служащими, в основном женщинами, которые с такой же немецкой пунктуальностью покидали рабочие места. Наши секретарши и прочие офисные сотрудницы никогда не уходят со службы по звонку, это у нас не принято. Хозяин может подумать, что тебе все безразлично. Время вышло, а там хоть трава не расти. Это не в наших традициях.

Сазонов был предельно деловит. Видно было, что он отлично подготовился к разговору. Открыл большую красивую папку, вынул оттуда мои материалы, разложил рядом пару листов с заметками и две пачки документов. Я заметил краем глаза заголовки: это были предварительные протоколы на русском и немецком. Когда он все успел подготовить, ума не приложу. Мне у него еще учиться, учиться и учиться...

Это все меня успокоило. Раз есть протоколы, значит, решение в общем благоприятное. Гора с плеч. Теперь важно не расслабляться, быть собранным и внимательным. И постараться не сболтнуть лишнего. Не забывать, что Сазонов на полметра вглубь земли видит.

Он начал с похвалы. Сказал, что первые шаги намечены правильно. Нужно прежде всего обеспечить базу. То, что я купил у Лихницкого патенты, верный шаг, а теперь очень важно

поскорей приобрести лицензию и арендовать «Швабише хюттенверке». Без этого добиться независимости невозможно.

Самое главная опасность, даже если договор будет заключен, — и мы оба это понимаем, — ненадежность и нестабильность ситуации на Ближнем Востоке. Мы можем выложить деньги — и не успеть получить прибыль. Поэтому в договоре обязательно должен быть пункт, обязывающий Израиль в случае нарушения соглашения сразу же компенсировать не только наши затраты, но и нашу несостоявшуюся прибыль. Без этого договор заключать нельзя.

Я сказал, что иначе и не мыслю. Сазонов у себя на листе поставил птичку и продолжал:

— Ты хорошо сделал, что не скрыл от меня утечку информации и приложил статью этого, — он заглянул в папку, — Клемпемберга. Ну и имечко... Тебе нужно немедленно мчаться в Восточную Германию и покупать лицензию на производство шланга.

— Я готов. Но должен быть готов и ты.

— Ты считаешь, хватит на все двух миллионов? На лицензию, аванс, аренду. Я тебе дам гарантийный чек.

Что-то он слишком сговорчив. С одной стороны, это хорошо, но мне нужны были от него другие, более жесткие шаги. Придется подтолкнуть...

Но ничего предпринимать не пришлось. Такая собачка, как Монморанси, не нуждается в науськивании, ее толкает на это первородный грех, — примерно так говорил любимый мною Джером Клапка Джером.

— Юра, ты фактически поставил мне ультиматум. — Сазонов отмел мой протестующий жест. — Я тебя не осуждаю. Это деловой подход. И если учесть то, что ты перенес, я могу его понять. Но и ты пойми мои шаги.

Вот оно. Монморанси в нем, наконец, проснулся.

— Сейчас тебе денег, кроме меня, не даст никто. А если с ними ты добьешься заказа, тогда вкладчики найдутся. И ты сможешь обойтись без меня. — Сазонов позволил себе выпад. — Тем более, в твоей новой боевой раскраске.

Я опять слабо попытался протестовать, но это было не в моих интересах. Он продолжал:

— Поэтому условия такие. Ты подписываешь обязательство, что в случае заключения договора я имею неоспоримую опцию на контрольный пакет в размере восьмидесяти процентов акций.

— Ого! Ничего себе контрольный пакет!

— А как ты думал! Проигрыш полностью мой, но и выигрыш тоже должен быть моим. Это справедливо.

— Справедливость волкодава. — Я постарался улыбкой смягчить жесткость слов. — Когда я расплачусь с Лихницким и с долгами, мне останется на сигареты.

Кажется, похожими словами я объяснял Лене возможный результат добывания денег на проект.

— Но это еще не все. Я оставляю за собой полную свободу. Если условия, которые тебе удастся согласовать в Израиле, меня не устроят, то я могу до окончательного подписания договора выйти из него. Оставив себе в качестве компенсации за аванс твою фирму. Все ясно? Согласен?

Однако круто. Ну что ж, чем хуже, тем лучше. С волками жить — по-волчьи выть. Но хотя я отлично сознавал, что мне никто больше денег не даст, сдаваться сразу было нельзя.

— Согласен или нет — все зависит от размеров этого аванса. Его должно хватить на предварительные расходы. И еще кое на что...

Я рассказал о вчерашней подозрительной встрече на дороге.

— Нужно смягчить ситуацию с Садко. Я не могу все время дрожать, как овечий хвост. За себя и своих близких.

Как ни странно, Сазонов отнесся к этому без внимания. Не то что вчера.

— Ерунда. Здесь, в Германии, ничего такого быть не может.

— Твоя уверенность мне не передается. А ты в этом деле тоже замешан.

— Почему замешан? — глаза за стеклами очков смотрели на меня изучающе.

Я продолжал ковать железо, пока горячо.

— Я тебе отдаю имущество, больше половины которого принадлежит Садко. Не делай вид, что ты этого не понимаешь. Значит, так. Последние условия. Два миллиона «Швабише хюттенверке», полмиллиона мне на расходы и полмиллиона для аванса Садко. Иначе разговора не будет.

Я набычился и приготовился к длинным дебатам. Сазонов посидел минут пять молча. Изображал задумчивость. Он тоже не чужд был любви к театральным эффектам. Не зря питал слабость к сцене и к эстраде. Потом, не торопясь, протянул мне русский экземпляр предварительного протокола. Там черным по белому значилось все то, чего я добивался. Я понял, что продешевил, но было поздно. Да, мне еще расти и расти. А впрочем, все равно денег не хватит... Мы это понимали оба. И одновременно дружески улыбнулись.

Предварительные переговоры были завершены. Мы внимательно прочитали протоколы, секретарша, оставленная Сазоновым для этого случая, исправила кое-какие мелочи, и обе стороны подписали документ. Начало было положено.

Шкатулка с сюрпризом

К Валику я уже не поехал, остался на ночь в гостинице. Вечером позвонил Лене и сообщил, что все идет как намечено. Никаких подробностей я не уточнял, мы об этом договорились еще до моего отъезда в Европу. На страницы израильских газет непрерывно выплескиваются скандалы по поводу прослушивания тамошней полицией телефонных разговоров. Нас в этом удалось убедить. Мы в это поверили.

Затем я позвал к телефону Верочку и вежливо, но настоятельно попросил ее немедленно вылететь домой, для того чтобы начать передачу имущества подставным фирмам Сазонова. Все материалы еще два месяца назад подготовили мы с Семеном. Сам я обещал прилететь туда в ближайшие дни.

А про себя с облегчением подумал, что все это очень кстати. Нашу впавшую в молодость пару надо разъединить, пока их пионерские чувства не взвились кострами... Теперь я понимаю свою самонадеянность и жестокость. Но ничего в этой жизни нельзя повернуть вспять...

Ночь в гостинице я провел почти спокойно, если не считать того, что кто-то, видно по ошибке, пытался всунуть ключ в дверь моего номера. Это было почти под утро, так что я после этого не спал, ворочался и прислушивался к каждому шороху всего каких-нибудь полтора-два часа. В семь утра я встал, сделал зарядку, посмеялся над своими страхами, позавтракал и уехал во Франкфурт.

Всю дорогу я старался в зеркале заднего вида обнаружить слезку. Не понимаю, как киногероям такое удастся. Попробуйте сами сделать это на трассе — и убедитесь, что обычный нетренированный человек ни черта не способен увидеть и запомнить. Но зато во много раз увеличиваются шансы столкнуться с кем-то или с чем-то впереди. Словом, я с облегчением доехал живым и здоровым до Валика и решил немедленно принять меры.

Я позвонил лично Серафиму Ивановичу Садко. Секретарша почти сразу нас соединила. Я с ходу сообщил, что в ближайшую неделю переведу в банк «Южный» пол-лимона. Жаргонное словцо употребил намеренно, не мог себе отказать в удовольствии: мол, «по фене» ему привычнее. Садко только хмыкнул — он хорошо соображал. Затем я сказал, что подам в суд на банк, который незаконной аферой снял у меня со счета двести пятьдесят тысяч. Он знает, о чем речь. В итоге мы будем практически квиты. Садко опять хмыкнул. А закончил я тем, что прошу снять оцепление.

Тут Садко впервые заговорил:

— Снять чего?

— Оцепление. Я узнал блядюшку, которая заманила меня в ловушку, — почему-то стихами в стиле нашего радио «Шансон» сказал я. Не смог сдержаться. Уж очень стыдился я своей трусости, потому и лез на рожон.

— А-а-а...

До Садко наконец дошло, что я имею в виду. Он перестал хмыкать и неожиданно для меня стал кудахтать. То есть смеяться.

— Сниму, сниму, — кудахтал он. — Можешь быть спокоен. А ты бы, Марков, разул глаза и посмотрел вокруг себя. Ну все, договорились, — и, продолжая не то кашлять, не то смеяться, положил трубку.

Я не понял причины его веселья, но оценил финал нашего разговора. «Можешь быть спокоен» — это меня вполне устраивало. С удовольствием сообщаю, что все опасения с той минуты я полностью выбросил из головы и в дальнейшем вел себя как настоящий мужчина...

А в это время наступило утро и для Валика. Мы с ним поели что бог (в лице фрау Гали) нам послал. Для него это был завтрак, для меня — обед: мы существовали в разных временных поясах. Затем Валик укатил на рыбалку, а я подготовил все необходимые материалы для второго этапа — приручения «Швабише хюттенверке». И с чистой совестью отправился компенсировать то, что сегодня ночью из-за происков Садко недобрал в гостинице. То есть отсыпаться.

Сон был целебным и долгим. Проснулся я уже под вечер, энергичный и довольный всем на свете. Умылся, побрился, вышел в салон... и застал там живописную группу. В кресле, пыхтя сигаретой, развалился Валик. А напротив него, спиной к окну, на диване сидела с ногами Фрида, буквально усыпанная листами с рисунками. В руках у нее был альбом, в котором она тоже что-то рисовала. Эта жанровая картина просилась на полотно — жаль, что у меня нет художественных способностей. Как и многих других, впрочем...

Фрида была в легком цветастом костюме спортивного типа, который ей очень шел. У меня мелькнула мысль, что ей вообще должно идти все, но я постарался эту мысль не развивать. Надо сказать, это было непросто. В окно светило солнце, и от его лучей волосы ее, сегодня аккуратно причесанные, искрились золотом. Мягкий овал лица, легкая, но очень ладная фигурка. На фоне яркого, по-вечернему оранжевого окна зрелище это производило сильное впечатление, ничего не скажешь. Я понял, почему в ее облике мне чудилось что-то иконописное. Такой можно было представить себе Марию Магдалину. На вечере в кафе это была Мария Магдалина до встречи с Иисусом, не раскаивающаяся ни в чем. А сегодня — после встречи с ним, твердо решившая вести праведную жизнь... Я невольно взглянул на Валика. Он на Иисуса не тянул. Сидел, далеко выставив длинные ноги, с виду безразличный ко всему на свете.

При моем появлении Фрида-Магдалина живо вскочила, подбежала и чмокнула меня в щеку. Она была ненамного ниже меня.

— Здравствуй, Юрочка. Я тебя давно жду. — Я испуганно покосился на Валика. — Мы хотим тебе что-то показать.

«Мы хотим» — это уже легче.

— Здесь передвижная студия? А вы с Валиком передвижники?

— Да, что-то вроде. Я с Валли всегда советуюсь, — в ее устах его имя звучало как нечто среднее между Вилли, Вэлли и Валли. Очень красиво. — Он хорошо понимает живопись.

— Да, он разбирается в этом, — с неожиданной для себя обидой сказал я, — но от меня толку не ждите.

— Будет, будет толк, — засмеялась Фрида и принялась собирать разбросанные повсюду листы ватмана. — Садись в кресло и смотри. Что ты об этом думаешь?

Она дала мне первый лист. Там изящными, но точными линиями был нарисован молодой человек в удивительно легкой и свободной позе. Казалось, теплый ветерок овеивает его. Свободная, слегка расстегнутая на груди белая рубашка из тончайшего, почти просвечивающего полотна, узкие, но не в обтяжку, темные брюки, похожие на джинсы. Словом, одежда, которая не говорит не только о годе, но даже о веке. Вневременная. В руке — опущенный книзу клинок. Для меча легкий, для шпаги тяжел — тоже вневременной.

Молодой человек был мне знаком. Я его где-то видел. Но когда я взял в руки другой лист, все сомнения рассеялись: сходство со мной было очевидным. И в то же время человек на портрете был совершенно другим. Безусловно, моложе. И гораздо романтичнее. Это было первое впечатление — романтичность. Черные прямые волосы, слегка ниспадающие на лоб, притягивающие внимание васильковые глаза. Над глазами художник потрудились. Нет, слово «потрудились» для этих легких линий не подходит. Глаза излучали какое-то сияние, как два волшебных фонарика. Как это получалось — судить не берусь: секрет палитры художника. Но предмет, на который смотрел герой, выглядел иначе. Просветленно. Я это понял, просматривая остальные листы. Там рядом с героем появлялись другие персонажи, в основном молодые и, судя по одежде и антуражу, наши современники. Я не удивился, увидев среди них Фриду в образе еще не раскаявшейся Магдалины. Не мне первому, судя по всему, пришло в голову это сравнение. Фрида на рисунках была, пожалуй, хуже, чем в жизни. Но это не удивительно...

— Валли, расскажи, пожалуйста, о заказе. Тебе по-русски это легче.

— Фриду пригласили в группу полнометражного мультипликационного фильма. Это очень хорошая работа. И сейчас у них идет отбор рисованных персонажей для этого фильма. На конкурсной основе.

— Ты расскажи, о чем фильм. Будет понятней.

— Ремейк мифа о Зигфриде. Он приходит спасти Фриду из болота этих самых... тусовок, наркоты — словом, из всякой такой...

Тут Валик затормозил. Математика, экономика, живопись — это была его стихия. А на поэзию моего друга уже не хватало. Но я понял, что он хотел сказать. Интересно, да, очень интересно. Непонятно было только одно — почему я?

Вступила Фрида. Я не буду имитировать ее ломаную русскую речь — можете поупражняться сами.

— Я долго искала прототип. Это самое сложное. Ты, Юрочка, по-моему, подходишь.

— Постой, постой. Если я правильно помню, Зигфрид — ариец, белокурая бестия.

— Нет, Юрочка, не обязательно. Даже нацистские ученые определяли, что есть и такой тип истинного арийца — темноволосый и голубоглазый. А мне нужно, чтобы было оригинально и запомнилось. Но в то же время и не вызывало неприятия. Понимаешь? Как тебе рисунки? Какое впечатление? Подходит?

Я смутился. Мне очень понравились наброски, произвели по-настоящему сильное впечатление. Но какой из меня ценитель, особенно рядом с Валиком. И к тому же я прототип героя. Неловко.

— Романтика есть, это очевидно. И глаза. И свет от них.

Я уставился на особенно понравившийся мне рисунок. Герой и героиня смотрят друг на друга, держатся за руки, и под взглядом васильковых глаз Зигфрида она выглядит чистой и воздушной. Жаль, нельзя выпросить себе этот рисунок на память. Меня наверняка дома не поймут. Никакие объяснения не помогут.

— Очень хорошо. Ты, Фридошка, не просто молодец. Ты талант. Верно, Валик?

Валик всем телом меня поддержал.

Фрида после моих слов просветлела, как на рисунке, подбежала и опять чмокнула меня в щеку. Это превращалось в привычку. Валик так безразлично на нас взглянул, что я отчетливо услышал тревожный сигнал. И решил разрядить обстановку.

— А я в кафе удивлялся, почему ты меня так внимательно рассматриваешь...

— Решил, что в тебя влюбились с первого взгляда?

— Был грех, — признался я и испытал облегчение. Да, облегчение. Женщина на моем месте наверняка почувствовала бы легкий укол разочарования. Но не таковы мы, мужчины. Особенно те, кто любит кого-нибудь так, как я люблю Лену... — Но ведь можно было найти прототип поближе.

Фрида посерьезнела.

— Это не так просто. Он должен быть из другого мира. А ты все-таки из другого мира.

— Дикарь?

— Немножко. Ты не обижайся. Мне нужно было почувствовать в тебе что-то чужое. И романтичность. А в фильме будет выразительная графика, все как живые, и стоп-кадры — как портреты. Вот так... — Она замерла на мгновение и очень эффектно изобразила кающуюся Магдалину. Я глядел во все глаза. — Поэтому требования к рисунку очень высокие. И ты мне должен нравиться, иначе образ не получится.

Я снова почувствовал беспокойство.

— Юрочка, мне неловко тебя просить, но не согласишься ли ты немного попозировать мне?

— С удовольствием. Когда? Завтра рано утром я должен уезжать и при всем желании не могу отменить эту поездку. К сожалению.

— Если не трудно, давай я немного поработаю сейчас. А вы с Валиком поужинайте пока. Тем временем я тебя порисую.

Я посмотрел на Валика — он был непроницаем, как всегда.

— А как же...

— Мой герой и спит, и ест. И все должно быть натурально. Все в порядке. Садитесь и ешьте.

Мы принесли несколько бутербродов, бутылочку виски, чокнулись втроем, потом Фрида уселась на свой диван и стала молча и сосредоточенно работать. Мы торопливо перекусили — неудобно чавкать, когда человек рядом работает. Затем Валик убрал со стола и без всяких объяснений ушел к себе в кабинет — у него уже начался сеанс связи с Нью-Йорком. А я повернулся к Фриде и стал позировать.

Как следует позировать, я не знал, поэтому попытался принять изящную позу и придать лицу романтическое выражение. Тарашил глаза, затем якобы иронически шурил их... Вскоре мне это надоело. И я стал следить за изменчивым лицом Фриды. Это оказалось более увлекательным занятием.

Время от времени появлялся Валик, вновь усаживался в свое любимое кресло, вытягивал ноги и пыхтел сигаретой. Потом так же по-английски исчезал. Все было мило, спокойно и домашнему. Но, увы, долго хорошо не бывает.

Фрида оторвала очередную страницу альбома, и на этом приятная часть вечера закончилась. Началось что-то непонятное. Фрида заговорила, и ее монолог продолжался практически без перерыва до конца сеанса. Я бы многое отдал, чтобы она замолчала. Судя по всему, она решила поделиться со мной своими взглядами на жизнь. И это был далеко не джентльменский набор. Пошлость сменялась откровенным цинизмом, цинизмом до неприличия. Им на смену приходила грубость, иногда переходящая в откровенное хамство. Трудно было представить, что внешний облик и содержание человека могут настолько не совпадать. Я с трудом сдерживал желание встать и уйти, громко хлопнув дверью. Если бы не уважение к хозяину, Валику, который во время своих кратковременных появлений спокойно выслушивал все эти бредни, я бы так и поступил. Прошло примерно два часа, которые мне показались вечностью.

Фрида оторвала очередной лист и принялась за новый. Неожиданно повеселевшим голосом она сказала:

— Ты поражен тем, что я наговорила, да? Извини, Юрочка, так было нужно. Ты стал сегодня жертвой искусства. Позировать для портрета просто: выбрал позу — и сиди спокойно. А мультфильм — это театр. Мой герой борется со злыми силами. И в душе его должны возникать то гнев, то жалость, то брезгливость, то возмущение. И любовь. А ты, Юрочка, свои чувства скрывать не умеешь. И когда я хотела, чтобы ты на меня смотрел с жалостью, я рассказывала о своих страданиях, и переносила на бумагу выражение твоего лица. Понимаешь? Потом я болтала пошлости, а ты кисло морщился, но старался сдержаться. Потом уже не пошлости, а гадости. Естественно получилось, да?

И опять она быстро-быстро стала что-то зарисовывать — наверно, пыталась зафиксировать очередное мое состояние. У меня в голове была такая каша, что вряд ли можно было в чем-нибудь разобраться. Но Фрида, видно, что-то уловила, потому что на лице у нее явственно отразилось удовлетворение.

— Ну, знаешь ли!.. Можно было сказать, я бы постарался.

— Нельзя, было бы неестественно. Юрочка, ты не артист. Иначе бы я тебя не выбрала прототипом. Одно мне пока не удалось — чтобы ты посмотрел на меня с любовью. Хотя после всего, что я тебе наговорила, это не удивительно... Ничего, — деловито добавила она, — будем работать.

Фрида замолчала и внимательно и придирчиво стала рассматривать рисунки. Мы с Валиком тоже молчали. Я пытался переварить ее бурные переходы из одного состояния в другое. Ну и темперамент! Наконец она облегченно вздохнула и сказала:

— Здесь есть искренность. По-моему, получилось.

И отдала рисунки Валику. Не мне. Я почувствовал себя задетым. Впрочем, Валик действительно в этом разобрался лучше...

— Значит, все, что ты тут наговорила... это была не ты?

— Нет, не я.

— А сама ты где?

— Поживем — увидим.

— Ты, Фрида, оказывается, человек жестокий. С тобой нужно быть начеку.

— Это не я. Я тебе объяснила — это искусство. Это оно требует жертв.

— От меня?

— И от тебя тоже. Спасибо, Юрочка, я твой должник.

И она опять поцеловала меня в щечку. Четвертый раз за два дня знакомства. Оказывается, я считал...

Да, не каждый человек в двадцать семь лет способен на такое. Я имею в виду не поцелуи в щечку, а спектакль, который она разыграла. Впечатляющая интрига.

Неожиданно раздался голос Валика. Я даже вздрогнул от неожиданности. Он молчал целый вечер. И вот великий немой заговорил:

— Фрида, ты превзошла себя. Тут все — и искренность, и новизна, и чувство. — Последнее слово он произнес с каким-то напряжением. — За это стоит выпить.

Он отдал мне листы, а сам стал разливать виски.

Да, за это стоило выпить. Даже не представлял себе, что можно так передать на бумаге мысли и переживания. Я сказал только одно слово:

— Потрясающе!

Мы почтительно чокнулись с Фридой. Я выпил свою рюмку до дна, хотя должен был воздержаться — меня ждали нелегкие дни. Но уж очень сильное впечатление на меня произвело увиденное. Я чувствовал себя причастным к чему-то по-настоящему значительному. И, каюсь, мне льстило, что этот романтический Зигфрид был похож на меня, хотя бы внешне.

— А ведь эта история началась намного раньше. Это скорее встреча Христа с Магдалиной. Разве не так?

— Нет, Юрочка. — Фрида была очень довольна моим замечанием. — У нашего фильма прямо противоположная направленность. Какой смысл легенды о Магдалине? Раскаяться никогда не поздно, главное — чистосердечно. Ведь так?

— Примерно.

— И молодежь сейчас этим увлекается. Мол, погуляю, пройду огонь, воду и медные трубы, а потом раскаюсь, остепенюсь — и все в порядке. Будет и любовь, и верность — все будет. И молодежь ныряет в омут, не задумываясь. А мы в фильме хотим сказать, что это неправда. Что перед тем, как пуститься во все тяжкие, нужно осознать: возврата к себе прежнему не будет. Блуд убивает душу. Душа, как и нервные клетки, не восстанавливается. Новую не отратишь. Человек, привыкший к блуду, утративший душевную чистоту, заново родиться не может. Он теряет ориентиры добра и зла. Не говоря уже о прямой опасности наркотиков, СПИДа и тому подобного. Об этом говорит наш фильм.

— А ты, Фридошка, ты что говоришь?

— Я говорю... Я говорю, Юрочка, поживем — увидим. Все, ребята, я пошла. У вас дел по горло.

Не слушая наших вежливых возражений, она быстро и энергично сложила листы в папку, взяла сумочку. Я вопросительно взглянул на Валика: может, нужно проводить?

— Нет, Юрочка, провожать не нужно, я на машине.

Еще один телепат на мою голову.

Фрида подошла к Валику, звонко чмокнула его в щеку. Потом подошла ко мне — я тоже без слов подставил свою (пятый раз...). И исчезла за дверью.

Я повернулся к Валику. На спокойном и вроде бы безразличном его лице все-таки слегка проступала гордость собственника. Где я видел такое выражение? Да, у Семена. С Лерой. Ну и ассоциации...

— Валик, ты знал, что она меня заводит по системе Станиславского?

Он безразлично пожал плечами:

— Их этому в художественной школе учат. Как работать с такими чайниками, как ты.

— Ты неправильно выбрал профессию. Тебе не на бирже нужно играть, а в покер.

Валик довольно хмыкнул и отправился к себе в кабинет.

А я почувствовал острую тоску по Лене. Там все родное и понятное. Там моя часть, самая лучшая и ценная моя часть. И хотя оставалось еще полчаса до связи, я не выдержал и позвонил в Израиль.

Первые слова ее были:

— Я знала, что ты сегодня позвонишь раньше...

Фигаро тут, Фигаро там...

Следующая неделя представляет интерес только для специалистов-бизнесменов и для налоговой инспекции. Поэтому — всего несколько строк пунктиром.

Переговоры со «Швабише хюттенверке» оказались куда проще, чем я предполагал, потому что их положение было еще хуже, чем нам с Валиком казалось. За три дня мы подписали все соглашения, и мне заметно удалось сократить предполагаемые расходы. Я заказал недостающее для производства наших шлангов специальное технологическое оборудование и сразу же оплатил изготовление опытной партии в пятьдесят тысяч метров. В этом случае можно было лицензию не покупать, гарантии на изготовление были получены. И у меня осталось кое-что на черный день. А пятьдесят тысяч метров шланга мне пригодятся, я был уверен...

После этого я полетел домой, на Украину, где меня уже поджидала загоревшая и посвежевшая Вера с большим письмом от Лены и с бесконечными рассказами о Леониде Михайловиче. Мы с ней в обстановке строжайшей секретности и конспирации — чтобы не

будоражить людей — оформили передачу имущества двум фирмам, которые с потрохами принадлежали Сазонову.

Вера предложила предупредить наших сотрудников о том, что мы их продали другим фирмам. Это серьезно — смена хозяев. В таких случаях положено сообщать заранее, дать время подыскать новую работу тем, кто захочет. Я категорически воспротивился. Не стоило возбуждать и настраивать против себя всякие контрольные и бесконтрольные органы.

— А люди?

— Переживут. С голоду не помрут... Еще один обман на трудной дороге. Ничего не поделаешь, ставки слишком высоки.

Верочка с недоумением посмотрела на меня, но промолчала. Потом попросила отпуск недели на две. Я догадывался, где она его собирается провести, — и отказал. По ее глазам я прочитал, что она все равно уедет. И тогда прежде, чем наш главный экономист набрался духу подать заявление об уходе, я сделал ход конем — сказал, что отпуск дать не могу, потому что нуждаюсь в ее помощи в Израиле и прошу не позже, чем через десять дней, прилететь туда. А пока проверить все здесь и навести порядок в лавке. Вера на этот раз меня в лоб не поцеловала, а изобразила подзатыльник. Что делает с людьми чувство!.. Дисциплина падала на глазах. Я не решился лезть к ней с полезными советами, но в душе был очень огорчен тем, с какой скоростью развиваются события. Впрочем, и Вера слишком хорошо знала меня, чтобы не понимать, какие мысли бродят в моей голове. Но она была прежде всего женщиной — а я уже объяснял, как они с Леной и остальными представительницами прекрасной половины человечества рассуждают.

Главная часть работы в Европе была выполнена. Пока, тьфу-тьфу, все получалось. Нужно было как можно быстрее сворачиваться и возвращаться в Израиль.

Там по-прежнему бурлили страсти. Кнессет вот-вот должен был утверждать бюджет. Военная ситуация становилась все напряженнее. Можно было опасаться любого поворота событий. И в первую очередь я боялся того, что Израиль откажется от договора о поставке воды из Турции, демонстрируя свою независимость. Мои опасения были не напрасны — израильтяне опять грохнули какую-то шишку из Хамаса. И недвусмысленно намекали на самого Арафата. Опять поднялся оглушительный шум, опять заседала ООН, а Америка наложила вето. Как обычно, арабы грозили Армагеддоном, израильтяне снова старались по возможности сидеть дома или рассредоточиваться на местности. С отчаянной лихостью шла игра ва-банк: у кого первого лопнут остатки терпения — у палестинцев, у Израиля, у Америки или у мировой общественности. Признаюсь, конечной цели всех этих подвигов я не понимал. Казалось, противоборствующие стороны действуют по принципу: чем хуже, тем лучше. Ну да бог с ними. Важно было поскорее довершить начатое. Как можно быстрее надо подать проект — иначе можно не успеть на поезд.

Мне оставались до Израиля два дела, которые, по идее, не должны были отнять много времени. Одно здесь, на Украине, а другое — в Турции.

Накануне отлета я позвонил Валере Гуськову и пригласил его к себе в офис. Естественно, он стал выяснять, по какому делу. По общим вопросам, ответил я с претензией на остроуту. И добавил, что это в первую очередь в его интересах. Валера был явно заинтригован. Сказал, что поговорит с боссом и перезвонит через полчаса.

После обеда он явился на час раньше назначенного срока. Застал меня в бухгалтерии. Все те же маленькие хитрости — чтобы я не записал нашу беседу на магнитофон...

Когда мы вошли в кабинет, я не удержался от шпильки:

— Ты действительно начитался детективов. Но у меня уже все подготовлено и заранее включено.

Валера понимающе хохотнул, но в то же время посмотрел на меня настороженно: шучу, не шучу?

— Давай сначала о деле, — сказал я. — Я с Садко договорился — ты, наверно, в курсе. Послезавтра я перевожу на счет «Южного» банка пятьсот тридцать тысяч баксов. В сумме с незаконно удержанными у меня двумястами сорока тысячами это составит весь мой долг Садко, до копейки.

— Не Садко, а банку.

— Не надо пудрить мозги, — я сознательно был груб: психологическая атака. — Обойдемся без псевдонимов. Теперь мы с Садко почти квиты, и он от меня отстанет. Но есть одна проблема.

Я красноречивым жестом коснулся затылка. Валера ехидно усмехнулся, но, судя по выражению глаз, вспомнил о гипотетическом магнитофоне и ничего не сказал. Я с пафосом продолжал:

— Оставлять такие вещи безнаказанными не в моих правилах — ты, Валера, знаешь. Доказать участие Садко я не могу. И не буду пытаться. Он грубых ошибок не делает. Но зато их делаешь ты.

— Я?

— Ты. Ты мне открыто угрожал от его имени, а это у вас, юристов, называется шантажом.

— Ха! Как ты это докажешь? Детский сад какой-то. Ты скажешь «да» — я скажу «нет». Так на так. И потом еще обвиню тебя в клевете. Ей-богу, прямо ребенок!

— Валера, ты же юрист, как ты мог так ошибиться? Я скажу «да» и Семен скажет «да». Два наших «да» против одного твоего «нет»!

Валера осекся. Он стал терять осторожность.

— Семен с тобой в контрах.

— Ты его плохо знаешь. Семен звонил мне и сказал, что готов выступить свидетелем на любом процессе.

— Это блеф, Юра, самый настоящий блеф!

— Можешь спросить у любого сотрудника. Все это знают. Он звонил.

Пауза. Валера молчал, но был явно растерян. Следовало дожимать.

— Я не говорю, что в результате тебя обязательно посадят. Может, наш «самый справедливый в мире суд» и не посадит. Но Садко тебя выгонит с треском. Кому нужен юрист, который прокалывается от его имени? Ты же пришел меня спасать от Садко и Чижова, которые на все способны? Это ведь именно так выглядело?

Опять пауза. В этот раз я сидел спокойно и не мешал Валере думать.

— Чего ты добиваешься?

— На сей раз я облегчу тебе жизнь. Я сомневаюсь, что Садко это, — я опять коснулся затылка, — затеял. По каким причинам сомневаюсь — неважно. Но в одном я уверен: он об этой истории знает больше меня. Возможно, знаешь и ты. Я хочу, чтобы ты выяснил, кто эта блядь, которая меня заманила во двор, и по чьему заказу она это сделала. Мне никакие доказательства не нужны. Лишь информация на словах.

— Ну, знаешь ли, это тоже шантаж...

— Да, шантаж. Можешь посоветоваться с хозяином. Впрочем, твое дело. Я жду десять дней, потом подаю в суд и копию в газету. Отучишься пугать бедных предпринимателей. И буки твои тоже станут поосторожней.

Добродушие с Гуськова слетело мгновенно. Лицо сделалось каменным.

— Юрий Сергеевич, вы далеко пойдете, если милиция не остановит. Камешек вам пошел на пользу. Но повторять эту процедуру не советую. Следует быть осмотрительнее.

— Ты опять за свое?

— Ладно. Я тебе позвоню. По-свойски. Будь здоров. Береги себя. Не ходи по пустым дворам.

Валера помахал ручкой, как Брежнев на трибуне, и ушел. Последнее слово осталось за ним. А я удивленно покрутил головой. Господина Гуськова я явно недооценил. Он не просто юрист на побегушках. Он тоже далеко пойдет, и никакая милиция его не остановит.

Не помню точно, когда вернулся во Франкфурт-на-Майне — то ли в четверг, то ли в пятницу. Во всяком случае, перед выходными. Встреча с Валиком была, как водится, немногословной, но теплой. Он, по-моему, уже стал привыкать к моему присутствию и отвыкать от своего одиночества. Я его прекрасно понимал, на своем опыте я прочувствовал, какое наказание — быть одному или, того хуже, в окружении чужих и случайных людей.

Сразу по приезде я добросовестно отчитался перед своим новым компаньоном и шефом Сазоновым — с этого дня он фактически стал таковым. Надолго ли — это другой вопрос. Я отдал ему документы о передаче имущества на Украине, и мы оформили перевод на мой счет указанных в договоре трех миллионов долларов. В тот же день я выслал положенное «Швабише хюттенверке» и в банк «Южный». Довольно приличный остаток денег на счете согрел мне душу. Так или иначе, удастся ли операция «Прожект» или нет, но ликвидация моего обанкротившегося хозяйства прошла с большим, ей-богу, даже неожиданным для меня успехом. Я прекрасно понимал, что это лишь благодаря тому, что Сазонов заглотнул крючок с соблазнительной наживкой в виде «прожекта».

Ай да Марков, ай да сукин сын! То, что сукин сын, это точно. Но я не дал мрачным мыслям и угрызениям совести испортить праздник. Нужно было не расхолаживаться, а как можно скорее

провести финальную часть операции в Израиле, которую я мысленно называл психической атакой. Теперь у меня были все основания официально вручить проект израильскому правительству. Тянуть и скрываться больше не было оснований.

По мейлу я отправил просьбу Лихницкому немедленно ознакомить с нашим предложением депутата Гроссмана и лидеров оппозиции, но пока конфиденциально. А сам устроил себе передышку на сутки, благо была суббота. В воскресенье я должен был вылететь в Стамбул, а через два-три дня — в Тель-Авив, если все пройдет по плану.

В субботу мы с Валиком ездили на рыбалку и загорали. Он мне рассказал, что в жизни Фриды за неделю моего отсутствия произошли важные перемены. Приняли к рассмотрению ее эскизы к новому мультфильму. «С тобой в главной роли героя-любовника», — съехидничал он. Это еще не означает, что их утвердили, официальный конкурс впереди. Но эскизы понравились, а значит, и шансы есть. Но не менее важно, что, посмотрев эти наброски, ее официально включили в штат съемочной группы. Теперь она имеет постоянную, очень престижную работу и солидную даже по европейским меркам зарплату.

В воскресенье вечером их компания в расширенном составе отмечает это событие в своем любимом кафе, и Фридошка утром приедет, чтобы лично пригласить меня как одного из виновников торжества.

— Нет, Валик, не смогу. В воскресенье я вылетаю в Стамбул. Я очень рад за Фриду, она изумительная девочка. Но мне пора в дорогу.

Валик внешне не проявил никакого сожаления, он, как всегда, был непроницаем. А может, сожаления и не было? Все мы люди, все мы человеки, даже самые хладнокровные из нас... Правда, он сам вызвался предупредить Фриду о моем отъезде.

А мне пора домой.

Наверняка вы заметили, как часто я повторяю: скорей, скорей в Израиль. Я и сам тогда задумался над вопросом — откуда этот рефрен? Дела мои в Европе шли отлично, интрига была увлекательной и занимательной. Казалось бы, купайся в бурном потоке жизни. Откуда же это нетерпение? Почему так тянет в тихую заводь? Конечно, деловые соображения играли свою роль — я боялся, что какие-нибудь неожиданные обстоятельства смешают карты в моей рискованной игре. Но главное было не в этом. Неожиданно я понял, что в Израиле за короткое время отвык жить один. И боюсь, что навсегда. Да, раньше я был совершенно свободен и независим. Но в то же время сознавал, что в любых мелочах могу рассчитывать только на себя. В первую очередь в мелочах. Кстати сказать, именно житейские мелочи придают цвет и объем жизни.

В сорок два года я впервые осознал, насколько легче жить на свете, когда кто-то заботится о тебе как о себе самом. Когда рядом есть твое второе «я». А может, и первое... Мне этого здесь не хватало. Распаковывая и собирая вещи, укладываясь спать и просыпаясь, подбирая галстук к костюму, спускаясь к завтраку или ужину, я ощущал совершенно непривычное одиночество и дискомфорт. Да, я устал быть один. У меня появился комплекс одиночной неполноценности, если можно так сказать.

А еще хочу ответить на не высказанный вами вопрос: не было ли у меня соблазна остаться на воскресный вечер и искупаться в лучах незаслуженной славы вместе с удивительной и очаровательной Фридой? Скажу честно: если и было такое желание, то оно было скрыто даже от меня самого. А в голове у меня роились только светлые мысли: чем от большего числа соблазнов в жизни отказываешься, тем больше наслаждаешься истинной ценностью оставшихся. Эти идеи, которые могли бы показаться кому-то ханжескими, плохо сочетались с теорией разумного эгоизма. Похоже, я собирался менять свои принципы по всем направлениям: из легкомысленного становиться целомудренным, из морализирующего — беспринципным...

Видимо, трансформация еще не закончилась, потому что, когда в воскресенье утром Фрида приехала со мной попрощаться, я до такой степени обрадовался, что сам удивился. Все-таки душа человеческая, даже собственная, потемки...

Валик еще спал после ночных трудов, и Фрида предложила:

— У тебя еще есть время до отъезда в аэропорт? Часа два? Давай поедem в наш парк. Там очень красиво.

Мы сели в ее машину и поехали по почти пустым улицам — большинство жителей на уикенде за городом и только после обеда начнут возвращаться. Через несколько минут мы уже были в парке. Удивительно, но на этот раз я ничуть не опасался, что мы можем встретить Лениных родных. Откуда такая беспечность?

Молча мы шли вдоль лужаек, цветов, деревьев, мимо зеркальной глади воды, по которой скользили лебеди и утки. Кроме них нам попадались только белки и кролики, людей почти не было. Мне порой казалось, что мы с Фридой гуляем не в реальной жизни, а в виртуальной, а вокруг — прекрасные декорации из будущего мультипликационного фильма. И я не удивился бы, встретив себя самого, но молодого, красивого и с лучистыми васильковыми глазами. Я скосил глаза на Фриду — нет, в жизни она была лучше, чем на любом рисунке.

Наконец она заговорила:

— Юрочка, я тебе очень благодарна. Ты очень мне помог в работе, а значит, и в жизни. Может быть, это поворот судьбы. Меня не просто зачислили в штат, но и заключили договор на пять лет. Тебе трудно представить, как это здесь важно. Это редкая удача. И все говорят о твоём герое.

Я постарался не ударить в грязь лицом. Тем более, все, что я говорил, было чистой правдой.

— Ты даже не представляешь, как я за тебя рад. И я, конечно, польщен тем, что... ну, подтолкнул тебя к этому образу. Хотя понимаю, что изображен там не я. В этом рисунке ты, Фридошка, и твой талант. Там красивая ты. И твоя душа... И здесь ты такая же красивая...

Я споткнулся в прямом и в переносном смысле. Почувствовал, что становлюсь на опасную тропу. Фрида это поняла, успокаивающе засмеялась и похлопала меня по плечу.

— Юрочка, на рисунках это ты, таким я тебя вижу. Каждый художник должен во всем видеть что-то свое, иначе он не художник, а так, копиист... А может, ты и вправду такой, каким я тебя вижу? Может, я действительно неплохой художник и вижу немного больше, чем обычный человек?

Тут уже пришел мой черед рассмеяться искренне и от души.

— Ну, Фридошка, теперь мой долг — немедленно и навсегда исчезнуть с твоих глаз, пока ты не разочаровалась во мне, а значит, и в себе как в художнике.

Мы поняли, что торжественность момента благополучно отступила, и оба почувствовали себя проще и естественней. Заговорили о красоте парка, я поделился планом покупки домика где-нибудь рядом с Валиком, если разбогатею. Говорили о самых обычных вещах. Повернули назад к машине. Но думал я о другом. О том, что судьба подарила мне редкостное знакомство. Не с каждым такое событие в жизни случается, и я ей, судьбе, по-настоящему благодарен. Хотя и сознаю, что во всем этом много несправедливости. То, что я назвал просто знакомством, для любого другого могло составить смысл всей жизни. Зачем же фортуна предложила выигрышный билет человеку, который уже нашел свое счастье? Нет, не напрасно говорят, что судьба слепа. И словно услышав мои мысли, Фрида сказала:

— Юрочка, я знаю, что ты недавно женился по любви. И очень счастлив. Я по-хорошему вам завидую — тебе... и ей. Не пугайся, Юрочка, я в тебя не влюбилась. Просто я к тебе очень хорошо отношусь. К тебе, к Валику. По-разному, но очень хорошо, как к близким людям. Хотя я тебя мало знаю. Так что ты не думай лишнее. Это просто дружеские чувства. Хотя... хотя мне теперь в кого-нибудь будет еще труднее влюбиться, чем раньше. Но я надеюсь, что все будет хорошо. На, Юрочка, возьми на память.

Она взяла с заднего сидения машины красивую папку. В ней лежал рисунок. Конечно же, это была прекрасная пара — Зигфрид и Магдалина. Тот самый рисунок, который понравился мне и не понравился бы Лене.

Поцеловать в благодарность Фриду я не решился, мы с ней обнялись. Наверно, по-дружески. Впрочем, кто может толком разобраться, где кончается и где начинается дружба мужчины и женщины...

Сели в машину. Она довезла меня до дома Валика. Теперь уже я поцеловал ее в щечку. Вышел. Машина развернулась и скрылась за поворотом. На душе было тепло и почему-то немного грустно. Да, нельзя объять необъятное...

Все. Надо было переключаться на дела и на все то, что ждало меня дома. Там, где Лена, там мой дом. В этом сомнений нет и не будет никогда. Пора домой.

Перед отъездом я отдал рисунок Валику «на сохранение». Валик по обыкновению понимающе хмыкнул. На этом обсуждение темы закончилось, так и не начавшись.

В Стамбуле я встретился с руководством фирмы, которая участвовала в проекте продажи воды Израилю с турецкой стороны. Оказывается, они уже вложили много денег и выполнили большую часть необходимых работ. На юге страны был построен солидный накопитель, целое озеро, разработана предварительная очистка воды от крупных примесей и т. д.

Я про себя удивился: неужели турки не сомневаются в надежности своего партнера? Ответ на этот вопрос я получил после того, как передал им сокращенный вариант нашей пояснительной записки к «проекту». Пока только для ознакомления. Я объяснил, что должен прежде всего заинтересовать Израиль, а это непросто. Мои собеседники дружно закивали головами — очень непросто. И не скрыли от меня, что параллельно ведут переговоры с Сирией. У этих стран тоже натянутые отношения, в том числе и из-за взаимных водных претензий, но обе стороны хотят сгладить противоречия. Именно в расчете на поставку воды двум странам гидротехнические работы были проведены с размахом, и в результате накопитель фактически может круглый год обеспечивать минимальную производительность нашего трубопровода. Впрочем, я это знал и раньше — вычитал в интернете. Важно было получить официальную справку от турецкой фирмы для обоснования реальности наших расчетов.

Турки очень заинтересовались нашим проектом, хотя и не скрывали своих сомнений в его реальности. И не столько с точки зрения техники. Гораздо больше сомнений вызывал Израиль как партнер. Они недвусмысленно предложили обдумать вариант трубопровода в Сирию — это намного надежней и намного короче. Я, естественно, уклонился от обсуждения этого вопроса. Тогда мне намекнули на Оскара Берна: все, кто связан с водными проблемами на Востоке, вынуждены учитывать его планы. Словом, мне дали ясно понять, что если бы не давление американцев, они бы не связывались с таким сложным и непредсказуемым вариантом, а протянули бы руку дружбы и водовод братьям по вере из соседней страны. Но уже давно экономика на Востоке зависит от политики. Кстати сказать, на Западе чаще встречается обратная картина — там политика больше зависит от экономики. Может, это одна из причин, по которым Запад богаче?

Хотя я ничего пока конкретно не предлагал, но наш проект явно заинтриговал турецкую компанию, и провожали меня с гораздо большим почетом и радушием, чем встречали. Даже в ресторане был дан обед в мою честь, где было все самое турецкое, включая танец живота. И живот был тоже турецкий и весьма пикантный. Он выгодно отличался от впадины европейских топ-моделей.

Прямо из ресторана меня торжественно отвезли в аэропорт и выразили надежду на скорую встречу. Судя по всему, их ожидания могут оправдаться...

Глава третья. Снова Израиль

Горячая встреча

*И*зраиль встретил меня горячими объятиями. Горячими в прямом смысле этого слова. Я улетаю из Стамбула часов в пять вечера, и там было тоже не холодно, но на выходе из самолета в аэропорту Лод сразу попал в сауну с влажным паром — другое сравнение просто не приходит в голову. Когда самолет приземлился, в иллюминатор еще светило заходящее солнце.

Почему-то многие считают, что в Израиле тяжелый климат. Могу как очевидец засвидетельствовать, что это не так. Восемь-девять месяцев в году климат просто райский. Тепло, как правило, солнечно, почва такая, что грязь исчезает мгновенно. Пальмы, рощицы, горы, вечнозеленые и непрерывно плодоносящие насаждения. Истинный рай. Зато два-три летних месяца плюс два-три десятка дней с хамсином климат, без преувеличения, адский. Температура на побережье все лето стойко держится на отметке тридцать два градуса плюс-минус один. Если в прогнозе торжественно объявляют на завтра похолодание, значит, будет тридцать один градус с половиной, а потепление означает тридцать три, и тоже с половиной. Вроде бы не так много, но от этого убийственного постоянства все вокруг раскалено. Кажется, плюнь на стену дома — и слюна зашипит, как на сковороде. Перебежать под солнцем полквартиры от остановки домой кажется подвигом, приходишь мокрый и обожженный. Более или менее сносно жить и работать в этот период можно только под кондиционером. Или не в Израиле, а где-нибудь севернее, как и поступают те, у кого есть такая возможность. После захода солнца побережье и жители приходят в себя, насколько это возможно при двадцати шести градусах Цельсия и влажности свыше допустимых пределов.

Встречала меня одна Лена, но я на Леонида Михайловича за это в обиде не был. Мы обнялись и простояли так минут двадцать, а может, чуть больше, — я на часы не смотрел.

— Соскучился?

— Соскучилась?

Вопрос прозвучал одновременно, а потому ответа не потребовалось. Затем мы погрузили мою сумку на тележку и побрели к машине, благо стоянка расположена буквально напротив аэровокзала, рукой подать, метров тридцать — сорок, не более. Положили вещи в багажник, оттолкнули в сторону тележку и пошли, не сговариваясь, в маленькое кафе, чьи столики располагались прямо на площади между стоянкой и аэровокзалом. Съели по мороженому, выпили по чашечке кофе. Есть было неудобно, потому что приходилось в одной руке держать ложку, а другой — обниматься. Мне пришлось есть левой рукой, но я не жалею.

И при этом мы по излюбленной привычке еще подтрунивали над собой как над перезрелыми романтиками. Да, у нас уже появились общие привычки, делаем успехи в семейной жизни. Идем семимильными шагами.

Неожиданно Лена сказала:

— Все, ты свое отгулял, больше я тебя одного так надолго не отпущу. Так и знай.

— А я и сам не уеду... так надолго.

Впрочем, хватит о встрече. Вам все равно не понять...

Дорога домой заняла часа два. Езда по трассам Израиля — дело нелегкое, особенно когда на улице уже темно, машины идут очень густо и очень быстро, только успевай реагировать. В Германии, пожалуй, полегче, там и дороги более комфортные. Правда, в Израиле скорости достаточно ограничены правилами и указателями, но кто из «вольного еврейского казачества» с этим считается?

Машину вела Лена, а я мешал ей и параллельно отчитывался о проделанной работе. Рассказал о договоре с Сазоновым, о том, что у нас на счету осталось тысяч шестьсот зеленых и никаких долгов. Хотя и фирмы тоже больше нет. Впрочем, ее уже давно фактически нет, фикция одна. Но шестьсот тысяч плюс сохраненная личная собственность — квартира, машина и дача — это совсем не плохо. Глаза Лены удивленно расширились. Такого она не ожидала и посмотрела на меня с уважением.

— Ты хочешь сказать: «ай да Марков, ай да сукин сын»?

— Примерно...

— Я это тоже себе говорю. И теми же словами.

Рассказал Лене о встрече с «террористкой» возле офиса Сазонова. Лицо у нее сразу стало встревоженным. Я не хотел играть на нервах и успокоил ее:

— Не волнуйся, все улажено.

И подробно передал беседу с Садко. А потом не удержался и рассказал о встрече с Гуськовым. И напрасно. Я почувствовал, что Лена опять напряглась.

— Зачем ты втянулся в это расследование? Оставил бы все в покое. Снова ищешь неприятности на свою голову. — И она покосилась на мою макушку.

— Посмотрим, есть соображения. Что-то в этом покушении не стыкуется. Может, еще пригодится.

Затем я переключился на поездку в «Швабише хюттенверке», с удовольствием рассказал все о Стамбуле, включая танец живота. Точнее, почти все, о Сирии не сказал ни слова. Ни к чему.

— Все, отчет окончен. Давай рассказывай, как вы тут жили.

— Нет, дорогой мой, не окончен. Я жду пояснений к маминому отчету. Ты их там всех перебаламутил. Я не удержался и спросил:

— А тебя?

— И меня, — со вздохом призналась Лена. — Тебя это радует? Сиди, сиди спокойно. Скорость сто километров.

Я насколько мог правдиво рассказал всю историю. Чуть-чуть подправил. Например, сказал, что Валик попросил меня проводить Фриду, потому что опаздывал на сеанс. А вольную позу, в какой нас застали неожиданные свидетели, объяснил ее опьянением, что почти соответствовало истине. Объяснение было так лихо построено на недомолвках, что если бы я закончил сообщением о состоявшейся на днях свадьбе Валика и Фриды, Лена не должна была бы удивиться.

Ни слова я не сказал о своем дебюте в роли Зигфрида, благородного героя и по совместительству героя-любовника. До моего перевоспитания камнем по голове я непременно бы это сделал, еще и рисунок, где мы с Фридой излучаем неземную любовь, показал бы. Очистил бы свою совесть — и надолго испортил Лене настроение. Но сейчас я ничтоже сумняшеся закончил так удачно прозвучавшее объяснение и замолчал, вполне довольный собой.

В ответ Лена искоса посмотрела на меня и воспользовалась моим любимым словечком:

— Ладно. Проехали. — И без видимой связи сказала:

— Помнишь классический английский анекдот?

— Какой?

— У одного эсквайра спросили, как ему удалось так долго и мирно прожить с женой. Он объяснил, что когда после свадьбы они вдвоем возвращались домой в карете, лошадь споткнулась, и он сказал «раз!»...

— Помню, на счет «три» он застрелил лошадь. А когда жена вступилась за бедное животное, он опять сказал «раз!». Намек понял. Но, Леночка, ты же не хочешь, чтобы я тебя боялся?

— Конечно, нет, ни в коем случае. — Она с риском для жизни потянулась ко мне и чмокнула в щеку. Потом подумала и добавила: — И все-таки «раз!».

Мы замолчали. Молчание затягивалось. Впервые за нашу не столь уж продолжительную совместную историю в душе мог остаться неприятный осадок. Мы почувствовали это и заговорили одновременно:

— А как Михалыч поживает?

— Почему ты не спрашиваешь, как Михалыч...

Нет, осадок нашим душам пока вроде не грозил... Мы рассмеялись.

— Ну так как он там?

— Ждет тебя с нетерпением. И без дела не сидит. Готовит досье с порочащими данными на завод по опреснению. Уже толстенная папка компромата. Экология, экономика и так далее. Бегаёт по организациям. Я для него роюсь в интернете и делаю переводы. Жизнь кипит. Он был, как ты просил, с проектом у Гроссмана. Тот пришел в восторг. Созвал лидеров оппозиции. Михалыч и там докладывал. На английском. Я тоже присутствовала, чтобы помочь переводить, если понадобится. И как официальный представитель фирмы. Это Леонида Михайловича идея.

— Разумно. Ну и как они?

— Обрадовались, руками и ногами за. Дешевая вода, говорят, накануне принятия бюджета, накануне выборов очень вовремя. Новый импульс.

— Ну да, ну да, накануне выборов. Засуха по сравнению с выборами чепуха, мелочи. Политики. Слуги народа.

— Юра, это их специфика, так во всем мире. — Она от души засмеялась. — Гроссман говорит: как удачно, что эта зима была почти без дождей! Удачно!.. Как тебе нравится? Юра, ты можешь сидеть спокойно? Я тебя не довезу. Тебе сколько лет?

— Все возрасты, Леночка, все возрасты покорны. Кстати, о любви и о возрасте. Верочка Николаевна передавала приветы и рвется сюда, сметая все преграды.

Я рассказал о встрече с Верочкой, о ее нескрываемом желании вернуться к Михалычу. Тут я тяжело вздохнул, а Лена взглянула на меня с явной иронией и даже с некоторым торжеством. Мол, наша взяла, вы, мужики, просто чурбаны бесчувственные. Я промолчал, дальше тему не развивали. Разговор наш становился все более сумбурным, и нет смысла его передавать.

Было около десяти вечера, когда мы подъехали к дому. У меня от удовольствия екнуло сердце. Я почувствовал, как бесконечно устал, мотаясь по чужим углам. Везде хорошо, а дома лучше.

И как бы в подтверждение, выйдя из машины, увидел, что салон на первом этаже ярко освещен. Дверь была не заперта. В американской кухне возле плиты хлопотал Леонид Михайлович в цветастом Ленином фартучке. Эффектное зрелище. На столе в салоне были расставлены приборы, фрукты, овощи, салаты, красная рыба, икра. Фужеры, рюмки и квадратные толстостенные стаканы для виски. Сама бутылка «Блэк лейбл» стояла посреди стола. Из кухни соблазнительно пахло курицей, томящейся в духовке. На диване с бокалами в руках восседали Юлик и Рина. Я не могу вам передать, до какой степени эта картина была мне приятна. Вот он, мой дом! Я даже немного прослезился от умиления, хотя старался виду не подавать. Да и все были растроганы. Меня здесь ждали.

Очень жаль, что посидеть вместе подольше нам не удалось — Юлик с Риной должны были уезжать, им завтра с раннего утра на работу. Леонид Михайлович с наигранной грубостью предложил нам не заниматься уборкой и мытьем посуды, а пойти отдохнуть с дороги. Он, мол, должен привыкать к самообслуживанию. Мы скоро уедем, а он из-за Лены совсем дисквалифицировался как домохозяйка. Несмотря на шутовскую форму, в голосе его ощущалась печаль. И сам он в этот вечер показался мне немного постаревшим и осунувшимся. А может, просто показалось? Я давно заметил, что пожилые люди даже после не очень долгой паузы в общении в первые минуты встречи кажутся постаревшими. Пока снова не привыкнешь.

Я передал привет от Верочки и сказал, что она прилетит дня через три-четыре, когда будет самолет. Лихницкий внешне на это сообщение никак не отреагировал. Я, формальности ради, спросил, как принято в Израиле: «Ма иньяним?» — какие новости?

— Юра, есть одно важное дело. — Он забросил дела на кухне и сел напротив меня. — Я думаю, тебе Леночка обо всем, что знала, рассказала.

Я кивнул. Устал, говорить не хотелось, тем более о важных делах. Званный обед в Турции с танцем живота, потом шесть с лишним часов дороги, теперь здесь званный ужин. Дела подождут до завтра. Лихницкий понял мое состояние.

— Нет, Юрочка, на завтра откладывать нельзя. Когда Лена уехала тебя встречать, я получил факс. Завтра в десять утра тебя вызывают к следователю, вот телефон и адрес.

Он вытащил листок из кармана.

— Господи, ни сна, ни отдыха измученной душе. А я хотел пару дней отлежаться! Оперативность у них, твою душу!.. — если бы рядом не было Лены, я бы договорил. — Мной наконец всерьез заинтересовались.

Но на эмоции не было ни сил, ни времени.

— Господа сотрудники, проект для подачи в министерство готов полностью?

— Да, — ответили господа сотрудники в один голос.

— Давайте бросим все на кухне как есть — и немедленно спать. Завтра утром без пяти десять выезжаем с проектом в Иерусалим. Мы должны получить там бумагу, что проект нами на рассмотрение подан. Потом посмотрим.

Возражений не было.

— Леонид Михайлович, вы сможете с утра позвонить Гроссману и попросить, чтобы он принял меня? Завтра вечером или послезавтра утром. Пока меня не забрали в кутузку. Объясните ему ситуацию. Хорошо?

— Попробую.

Лихницкий и Лена смотрели на меня с таким сочувствием, что стало жалко самого себя.

— Ну все. Спокойной ночи. Пошел спать. Пока жив. Я поднялся наверх, принял душ, с удовольствием растянулся на постели. Да, везде хорошо, но дома... Лена все-таки задержалась немного на кухне. Только я об этом подумал, как зазвенел будильник. Что, как, куда?

Лена подняла голову с подушки, сонная, но очень красивая.

— Пора вставать, полдевятого.

— Что, я тебя не дождался и уснул?

— Юрочка, у нас все впереди...

Эшелоны власти

Общепризнанно, что наш чиновник страшен. Страшен тем, что откровенно, не боясь ничего, берет взятки. Иначе его не обойдешь. Он берет взятки, чтобы делать то, что положено, но за ту же самую или за большую мзду будет делать и то, что не положено. Отсюда наш беспредел, которому, увы, конца не видно.

Израильский чиновник тоже страшен. Сам Ицхак Рабин, боевой генерал, премьер-министр, незаурядный политик, признавался, что больше всего он боится израильских чиновников. Но самое страшное (говорю это для наших сограждан), что израильский чиновник взяток не берет, во всяком случае, по мелочам уж точно не берет. Поэтому если он уже сказал нет, то можно только биться головой о стену. Ничего не поможет.

В чем их сила? Большинство чиновников имеют «квиют», то есть постоянный статус — я уже о нем рассказывал. Выгнать такого практически невозможно. Он автономная малоуправляемая единица. Зарплата приличная, профсоюзные льготы, пенсионные фонды, подарки на праздники, выезды с организацией на отдых и т. д. и т. п. Не станет он из-за ерунды рисковать своей работой и положением.

В Израиле по традиции жаловаться на чиновника нельзя. Бессмысленно. Прежде всего, ты ни за что не узнаешь, кому можно жаловаться, это вообще не предусмотрено. Устную претензию никто не будет выслушивать, скажут — напишите. Писать смысла нет: либо тебе не ответят (чаще всего), либо отправят письмо тому, на кого жалуешься. Единственный способ добиться своего — разговаривать с чиновником «по-хорошему», не с позиции силы и права, а наладить контакт. И выглядеть просителем. Найти общих знакомых. Не мешать ему пить кофе. В основном

израильский чиновник не зловреден, он просто не любит, когда ему морочат голову. И очень, ну очень-очень уважает телефонное право.

Не буду подробно рассказывать, как мы отдали заявку в министерство инфраструктур. Когда мне нечем будет заняться, я напишу юмористический рассказ об этом. Получится очень смешно, уверяю вас, даже при том условии, что у автора — у меня — отсутствуют способности юмориста. В этой истории материал будет говорить сам за себя.

В министерство было трудно попасть, порядка приема документов никто толком не знал, несмотря на то, что проект водоснабжения официально принимался на конкурсной основе. Кроме того, Лихницкий уверял, что на нас наложено телефонное вето. Очень даже может быть. Короче, если бы не Леонид Михайлович, я бы и за год заявку не сдал. Но помогли левантийская ментальность, неинформированность и разгильдяйство. Лихницкий нашел знакомого чиновника, которого он когда-то свел с хорошим врачом-репатриантом. Этот чиновник не слышал никаких телефонных инструкций и, по-моему, не имел никакого отношения к отделу, который занимался водой. Но врач-репатриант вылечил его сына. Поэтому он бумаги забрал, справку о приеме документов дал. Правда, добавил, что проверит их оформление только через несколько дней и напишет претензии, если что не так. А сейчас у него времени нет, он торопится пить кофе. Нас это более чем устраивало.

Домой мы ехали в отличном настроении. Я по-прежнему в знак солидарности сидел на заднем сиденье с Леонидом Михайловичем. Теперь никакие заботы не мешали мне любоваться видами белоснежных построек Иерусалима, живописно раскинувшихся на холмах. Или на горе? Для страховки напишу — на склонах, тут уж никто ко мне не придерется. Но как ни назови, виды были очень впечатляющие. Действительно «Ерушалаим шель заав» — золотой Иерусалим, как поется в популярной израильской песне.

Мы остановились у придорожного кафе и перекусили. Взяли тарелку хумуса (гордость израильтян), политого оливковым маслом, и дружно стали макать туда ломтики питы. Может, не слишком прилично, зато очень вкусно. А если к этому добавить по шашлык и по тарелке салата каждому — объедение. И по бутылочке пива «Маккаби» — изумительно! Сидели мы под навесом на улице, и я обратил внимание, что, несмотря на объявленные по радио тридцать два градуса, такой изнуряющей жары и духоты, как на побережье, не было. Леонид Михайлович сказал, что жители Иерусалима уверяют, будто у них никогда жарко не бывает. Готов в это поверить.

Не торопясь, мы продолжали свой путь. Лена выказала озабоченность моим вызовом в прокуратуру, Леонид Михайлович тоже проворчал, что с ними лучше не связываться. Но я легкомысленно махнул рукой.

— Поезд ушел. Я официальный участник конкурса, объявленного правительством. Сейчас тронуть меня — значит, подыграть конкурентам. Вряд ли официальные органы на это пойдут.

— Ты их плохо знаешь, — проворчал Лихницкий. — Да, завтра в одиннадцать тебе назначил встречу Гроссман.

— Ну вот видите, все складывается удачно. Ему тоже нажалуюсь.

— Может, напрасно я ходил к ним докладывать один? Нужно было дождаться тебя? Предложение бы звучало солиднее.

— Нет, именно так. Вы ходили один, и я пойду один. Лихницкий как-то даже обиженно посмотрел на меня.

— Я пойду как расчетливый и бездушный бизнесмен. Мне он скажет то, что вам, патриоту и либералу, сказать не сможет.

— Как знаешь, как знаешь...

Но вскоре он перестал дуться — уж очень хороши были виды из окна и очень благодушное настроение после удачи. С сегодняшнего дня мы официальные участники солидного конкурса с бюджетом в несколько десятков миллионов долларов. Звучит?!

Я с каким-то суеверным страхом размышлял о том, насколько подозрительно мне везет с тех пор, как я пошел по скользкой дорожке «прожекта». Все, ну абсолютно все складывается словно по заказу. Точнехонько и вовремя исполняются все мои планы. Как долго такое везение будет продолжаться? А может, это черт — ухмыльнулся я — толкает меня в спину в благодарность за безбожные взгляды? Я не смог поверить в бога — может, в конце концов поверю в черта?..

Когда мы вернулись домой, Леонид Михайлович заявил, что должен поехать в Нетанию на день рождения к своему приятелю. Он уезжает прямо сейчас и вернется завтра утром, чтобы проводить меня к Гроссману. Я не стал его отговаривать, да и какое имел право? А может,

именины действительно будут? Лена чмокнула его в щеку и немного покраснела. Михалыч уехал, мы забрали еду и питье и ушли наверх. И хватит с вас...

В девять часов утра прозвенел телефонный звонок. Лихницкий, вернувшийся к тому времени, взял трубку. Послушал, послушал и ответил:

— Ани ле мевин иврит (я не понимаю иврита). Опять послушал:

— Марков? Ху гам ле мевин иврит (он тоже не понимает иврита). Опять послушал:

— Хорошо. Передаю ему трубку.

И мне:

— Следователь.

Разговор — очень интересный — шел на русском языке. К чему была преамбула на иврите, я так и не понял. Наверно, для солидности.

Следователь начал энергично и довольно грубо:

— Говорит следователь Моше Фридман. Господин Марков, почему вы не выполнили наше предписание и не явились вчера утром?

Я сразу стал сдержанным и ласковым — такое начало вывело меня из себя. Но успел включить громкоговоритель, и к беседе в качестве слушателей присоединились Михалыч с Леной.

— Прошу прощения, но позвольте напомнить вам, что я иностранный подданный.

— Я это знаю.

— Не хочу вас учить, но обычно в таких случаях сообщают причину и цель вызова. И дают возможность беседовать со следователем только в присутствии кого-нибудь из нашего консульства, если у меня есть такое желание. По-моему, так во всех цивилизованных странах.

Фридман стал еще напористей:

— А хотите, я скажу, как бывает у нас? Мы вышлем вас из страны, и уже почти оформили документы...

— На каком основании?

— Запишем основание, не волнуйтесь. А если ошибемся, то принесем извинения. Но вы уже будете там. У себя.

— Я бы не советовал. — Я говорил очень любезно. — Могут быть неприятности.

— С какой стати?

— Выслать одного участника крупного государственного конкурса — значит, подыграть какому-то другому. Для государственного служащего это преступление. И не просто служебное. Может, даже уголовное. Могут подумать, что вас подкупили.

Последняя фраза была, пожалуй, лишней, но уж очень он меня разозлил.

— Какой вы участник? Мало ли кем вы назоветесь. Участник тот, кто подал документы.

Официально.

Я стал само сочувствие:

— Вы еще, наверно, не очень опытный следователь...

Он тоже начал выходить из себя.

— Что вы себе позволяете?!

— А откуда вы знаете, что я не подал заявку?

— Это неважно.

— Очень важно. Подал, господин товарищ Фридман. Подал. И документ об этом получил. «Петек» на иврите. Справка. Ваши сведения устарели. И старания были напрасны.

На том конце провода растерялись.

— Не может быть...

— Опять лишнее говорите. Не должен был, но сдал. Все, извините, я тороплюсь. Вы передайте содержание сказанного кому положено. Я сейчас иду на встречу с депутатом кнессета и тоже сообщу ему об этом разговоре. А вы, господин Фридман, пожалуйста, позвоните мне вечером, если еще будет во мне надобность. А если не будет, то и не звоните. Спасибо за беседу.

И я повесил трубку.

Я ожидал удивленных вопросов, может, даже осуждения своего фанфаронства. Но получилось иначе. Первым стал смеяться Лихницкий. За ним Лена. Я держался дольше всех, потому что был зол. Мы хохотали минут пять, вытирая слезы. Когда немного успокоились, Лена сказала, что пропал весь макияж и нужно начинать все сначала. Это вызвало новый приступ. Конечно, взрослые люди по-детски смеются в отнюдь не детсадовской ситуации — это неспроста. Накопившееся напряжение требовало выхода.

— С чего ты, Юра, так расхрабрился?

— А я, Леонид Михалыч, совсем не против пострадать от злоупотреблений властей. Теперь, когда проект уже на месте. Нам это пойдет только в актив. Но не такие уж они дураки. Поняли, что кина не будет. Больше мы Моше Фридмана не услышим.

— Надеюсь. Хотя кто его знает. Народ упорный...

Приемная депутата кнессета от одной из левых либеральных партий Михаила Гроссмана состояла из двух небольших комнат. Напоминала она проходной двор, народ непрерывно сновал туда и обратно. А сам кабинет депутата тоже подвергался непрерывным атакам. Каждые несколько минут приоткрывалась дверь, всовывалась чья-нибудь голова и вежливо о чем-то спрашивала. О конфиденциальной беседе не могло быть и речи.

Гроссман поздоровался со мной, спросил, как дела, не выслушав ответа, спросил, как себя чувствует Лихницкий. Не закончив фразы, что-то прокричал кому-то в приемной на иврите. Так мы поговорили немного, потом он резко встал, вышел в приемную и попросил у молодого парня:

— Зеев, дай ключи от твоего кабинета. У меня важный разговор.

Мы пошли по коридору, зашли в комнату, на дверях которой значилось на иврите и на русском: «Адвокат Зеев Гутман». Там было тихо, уютно и очень современно. Чувствовалось, что в этом кабинете зарабатывают вполне конкретные деньги, а не ведут бесконечные разговоры. Мы расположились на удобном мягком диване и начали беседу, причем первые несколько минут я был только слушателем.

С Гроссманом Лихницкий познакомил меня еще в первый приезд, когда Михаил только стремился стать депутатом. Сейчас ему было лет сорок пять или чуть больше — пора расцвета. Это был плотный, невысокий, подвижный человек с довольно интеллигентным для политика лицом. Меня удивило, что, несмотря на тринадцать лет, проведенных в эмиграции, по-русски он говорил очень чисто, без всякого акцента. Редкий случай, прямо скажем.

Наверно, в силу привычки он сразу заговорил о политической ситуации в стране. У меня иногда возникало впечатление, что израильские политики вообще ни о чем другом говорить не могут, пока не вывалят на слушателя все, что думают о палестинской проблеме. Хотя вообще-то мне было интересно. Я выслушивал мнение либеральной израильской оппозиции по этой проблеме непосредственно из первых уст.

Странно было одно: мне показалось, что он начал свою речь с середины. Наверно, незадолго до этого первую часть монолога он произнес перед кем-то другим.

— К сожалению, наша позиция приносит вред не только нам. Израиль нынче одна из серьезнейших глобальных мировых проблем, чего мы, евреи, здесь и в галуте, к сожалению, не осознаем. Местечковый патриотизм и местечковая еврейская солидарность мешают нам взглянуть на ситуацию объективно. Нам все кажется, что мы решаем только свои, местные свары с соседями. А это не так. Конечно, соседи у нас не подарок. Но параллельно с коммунальным скандалом мы разрушаем с таким трудом установившиеся основы международного права.

— Каким образом?

— Сейчас Израиль и израильяне занимают значительные территории, которые ООН признает оккупированными. То есть захваченными силой. Чужие территории. Это примерно треть нашей площади. Заметьте, Израиль оказался на арабских землях, а не наоборот. И мы не только не собираемся их оставлять, но под шумок захватываем явочным порядком новые, строим на них поселения. С точки же зрения международного права требования палестинцев легитимны, а Израиль — захватчик.

— Но как бороться с террором?

— Вот, это квинтэссенция проблемы. Бороться с террором и занимать чужие земли — абсолютно разные вещи. Израиль сознательно их смешивает. Можно в борьбе с террором применять любые, даже самые жесткие меры. Но нельзя присваивать чужие территории. Это основа основ. Нельзя начинать передел мира. В этом отношении международные законы однозначны.

Гроссман выражался четко и уверенно. Чувствовалось, что идеи эти им не только продуманы, но и озвучивались не один десяток раз. А сейчас проверялись на мне.

— ООН не признает права Израиля на эти земли. Не только третьи страны, но и Европа категорически с их захватом не согласны. А США и Израиль недвусмысленно демонстрируют, что считаться с их мнением не собираются. И эта ситуация подчеркивает, что сила, а не общественное мнение правит бал в мире, что демократия — только ширма, а общественное мнение вместе с ООН — не более чем декорация. Очень опасная тенденция. И для всех еще аукнется. Сила и

справедливость редко сочетаются. Допустим, сейчас в значительной мере они объединены в лице США. Хотя уже тоже с большими оговорками. Надолго ли? Вот я и боюсь, что Израиль в недалеком будущем войдет в историю не лучшим образом. Что потомки еще долго будут поминать нас недобрым словом. А очень бы не хотелось. Мы создавали государство не для того, чтобы стать притчей во языцех.

Я вспомнил давнюю беседу с Лихницким. Он тоже говорил о международной ответственности Израиля, правда, немного в другом аспекте.

— Не преувеличиваете ли вы значение маленькой страны? Это тоже еврейская черта, простите за откровенность, считать себя избранными во всех смыслах — и в плохом, и в хорошем. Иногда это превращается в манию величия.

— Нет, в данном случае это не преувеличение. Такое развитие событий, к сожалению, очень возможно. К этому дело идет. И не я один так думаю. Не зря европейцы при недавнем опросе назвали Израиль самой опасной для спокойствия на земле страной. За ним идут Иран и Северная Корея. Красноречивый симптом.

— Допустим, так дело обстоит с моральной точки зрения. Но есть и материальная сторона. Израиль в конечном итоге существенно увеличит свои территории. Разве для этого не стоило приносить жертвы?

— Немного циничная позиция, потому что жертвы были со всех сторон. Куда больше жертв принесли те, кто эти территории потерял. Но даже с нашей эгоистической точки зрения я не признаю выгоды для израильтян. Во-первых, мы это приращение территорий пока не узаконили. И света в конце туннеля еще не видно. Мы во многих местах строили поселения, а потом их отдавали. И продолжаем делать это сейчас. А во-вторых, средний израильтянин, живущий не на территориях, не поселенец, кроме бед ничего от конфронтации не получил и не получит. А это девяносто семь процентов нашего населения. Со времени восхождения Шарона на Храмовую гору мы не построили ни одной единицы социального жилья, увеличили число живущих ниже уровня бедности на двадцать процентов, уровень жизни большинства упал примерно на столько же. Вдумайтесь в эти цифры! Ужасные результаты. А сколько жертв с обеих сторон! Во что можно их оценить? Что за это время стало со страной? Неужели что-то может оправдать такие несчастья для нескольких поколений? Сейчас не встретишь туристов на улицах Израиля...

— Ну уж не встретишь — ездят, ходят...

— В экономическом смысле не встретишь. Учтите, туризм был одной из основных статей дохода страны. Сейчас он практически сошел на нет. И так далее, и так далее, — не буду вас утомлять. А ведь можно было пойти другим путем. И виновны обе стороны. Мы не меньше Арафата.

— И каков вывод?

— Национальный патриотизм или патриотический национализм народу никогда реальной пользы не приносил. Только беды. Так всегда было в истории. Вот вам и вывод.

Мы погрустнели и замолчали. Настроение стало минорным. Я попробовал перейти от теории к практике.

— Миша, прошу прощения, но я хотел бы обсудить более понятную мне проблему. Вы ознакомились с нашим проектом? И ваши люди из оппозиции тоже в курсе дела?

— Да, и достаточно подробно. Я в прошлом тоже проектировщик, мне было очень интересно. Кроме того, я искренне уважаю Леонида Михайловича. И сочувствую ему. И голова, и совесть — все у него есть. Кроме счастья...

Я подумал: что ж ты ему не помог, когда было нужно? Но это к делу не относилось.

— Что вы об этом думаете? Какие у нас перспективы, по-вашему?

Гроссман выражение «у нас» понял расширительно. Он сразу же включил в это понятие свою партию, всю израильскую оппозицию, будущую борьбу за места в кнессете и за распределение бюджета. Наша фирма оказалась в его построениях далеко на периферии... Одно слово — политик.

Суть его планов сводилась к следующему. Борьба за дешевую и чистую воду из Турции, которая позволит отложить дорогой проект Берна и обдумать все не торопясь, должна стать главной идеей оппозиции на данном этапе. Вокруг этого политически нейтрального призыва могут объединиться многие, кому не по душе нынешняя монолитная власть. Профсоюзы, кибуцы, зеленые, даже часть религиозных, которые считают себя обделенными нынешним правительством.

— Вы даже не представляете себе, насколько своевременно ваше предложение. К концу лета политическая почва будет отлично обработана. А мы за время летних каникул в кнессете подготовим новый мощный блок оппозиции, новую программу.

Глаза его блестели, он уже обращался не ко мне, а как минимум к новой оппозиции, а может, и ко всем сынам Израилевым.

— Мы немедленно организуем постоянно действующую комиссию по проблемам воды. Немедленно. И курировать ее будет оппозиция. Этот вопрос официально решен. Сделаем расчет, сколько из-за водного голода мы потеряли только в этом году земель, насаждений, продуктов — всего, что можно сосчитать. И, разумеется, в деньгах. Это будут сотни миллионов. И сколько потеряем, если будем ждать четыре с половиной года, пока построим завод по опреснению. Ведь ваш проект можно ввести за полгода?

— Думаю, да.

— Ну вот видите. И вода у вас, по крайней мере, в два раза дешевле. Это миллиарды и миллиарды. Нет, борьба будет серьезной, это я вам обещаю.

Тут Гроссман остановился и вспомнил о моем присутствии.

— Кстати, в этой комиссии будет два сопредседателя. И одним из них оппозиция выдвигает Леонида Михайловича. Хорошая должность, и оклад побольше моего, депутатского. Это практически согласовано.

— Спасибо, это очень приятно. — Я вспомнил усталое и непривычно равнодушное лицо Лихницкого. — И очень кстати.

— Понимаю, очень хорошо понимаю...

Гроссман действительно был хорошим человеком, в той мере, в какой это не мешало работе с массами. Это было не всегда заметно, но ничего не подделаешь, профессия у него такая.

Оттепель продолжалась недолго. Он опять увлекся и стал описывать будущее сражение на выборах и отличные шансы оппозиции. Но меня больше интересовали наши личные перспективы.

— Миша, ответьте мне прямо: как вы считаете — у нас есть шансы получить заказ? Он с разбегу остановился. Пауза.

— Миша, вы понимаете, что эти два проекта несовместимы? Наш и Берна. Ни при каких условиях!

— Но, Юра, усилить оппозицию и ослабить монолит правых сил, которые так много бед приносят нашему народу, само по себе стоит немало. И имидж Израиля в мире — для нас тоже не пустой звук. Это само по себе, Юра, большое дело...

— Я бизнесмен, и при всех моих политических симпатиях и антипатиях вкладываю деньги не для чьего бы то ни было имиджа. Поэтому ответьте мне прямо на вопрос: есть шансы пробить наш проект взамен проекта Берна или их нет?

Гроссман скис и потух. В нем некоторое время боролся политик и приличный человек. Наконец он принял решение и ответил прямо и без уверток:

— Ну конечно же, нет. Какие тут шансы. Против нас будет цельнометаллическое правительство. Плюс большинство народа, который уже чувствует себя хозяином Иудеи и Самарии. Плюс миллиарды Берна. Можно заставить их потесниться и потратиться. Возникнут всякие варианты. Это реально. Но победить?..

Такой конкретный разговор и был мне нужен.

— Миша, если мы вступим в борьбу, какие дополнительные средства им придется затратить для победы? Вы понимаете, о чем я говорю?

Гроссман вопросительно посмотрел на меня. Выражение его лица мгновенно изменилось. Теперь передо мной сидел не вдохновенный трибун, зовущий народные массы на борьбу за светлые идеалы, а спокойный и расчетливый делец, знающий цену каждому слову. Я не сомневался в том, что он доподлинно знает, сколько стоит в долларах каждый общественный и политический шаг. Только очень наивные люди думают, будто что-то в этом мире происходит спонтанно и бесплатно.

Я ответил на его невысказанный вопрос:

— Да, Миша, меня интересует, в какую примерно дополнительную сумму мы им — я имею в виду Израиль и Берна — обойдемся. С политических позиций.

Гроссман посмотрел на меня с нескрываемым уважением. И по еврейской привычке ответил вопросом на вопрос:

— А разве у них появятся другие расходы, кроме политических?

Я засмеялся, но решил не играть с ним в шпионов.

— Есть и другие. Но пока это коммерческая тайна, и я не могу ее открыть. Какие же все-таки он понесет убытки?

— Я думал над этим. Представлял себе, что бы я сделал на их месте, и чего бы это стоило. Если мы поддержим ваш проект.

— Ну и?..

— Организация нескольких массовых митингов протеста против предателей интересов Израиля, то есть против вас. И против нас. Расход немалый. Работа с разными лидерами и депутатами...

— Это теперь называется работа?

— Да, и не из дешевых. Работа со средствами массовой информации. С некоторыми лидерами и депутатами в Турции. С палестинскими лидерами...

— Это еще зачем?

— На этот вопрос я вам не отвечу. Сами соображайте. Дальше. С нашими спецслужбами. Нужно организовать несколько шумных эксцессов на территориях, чтобы была реакция общественности, желательна из ряда вон выходящая. И помочь соответствующей реакции в Турции. Думаю, вы меня понимаете. Все процессы происходят и сами по себе, но нужно направить, подкорректировать, где-то усилить, где-то ослабить. Все в значительной степени управляемо. При желании. Но стоит недешево. И только потом можно будет отказаться от договора с Турцией. Кстати, выплатив солидную неустойку. Турция и Израиль по проекту уже немало настроили.

Это я уже знал.

— И каков примерный итог?

— Думаю, не меньше ста миллионов. За счет Берна и Израиля. Скорей всего больше. Все зависит от ситуации на местности.

— Миша, к какому решению мы с вами сегодня придем?

Я решил отдать ему инициативу. Мне казалось, что выводы из нашей беседы достаточно очевидны.

— Думаю, ближайшие два месяца нужно потратить на подготовку и подкованную борьбу. Шуметь пока не стоит. Все равно сейчас мертвый сезон. Кнессет уходит на каникулы, все, у кого есть деньги, разъезжаются в поисках прохлады. Если будем пока вести себя тихо, нам меньше будут мешать. Поднимем шум — не допустят к информации. Комиссию помешают создать. И ничего не поможет. У нас везде своя рука владыка.

На том мы и порешили. Это было именно то, что мне нужно. В ближайшие два месяца должно окончательно проясниться, что к чему. Правда, за это время в события вовлечется много людей, изменятся планы, появятся новые союзы и возникнут неизбежные траты. Но тут уж ничего не поделаешь — наши приготовления должны быть серьезными и должны убедить противников в том, что легкой победы у них не будет.

Мы с Гроссманом еще немного посидели и поговорили на общие темы. Было довольно интересно, если бы не одно обстоятельство: он не отключил мобильный телефон и слишком часто отвечал на звонки. Это изрядно раздражало и мешало сосредоточиться. На Западе солидные люди такого себе не позволяют. Пожалуй, это признак невысокой культуры общения. Относится это, разумеется, не только к Гроссману. Мне пришлось беседовать в Израиле с несколькими влиятельными людьми и по довольно существенным вопросам — картина была та же. Ну что ж, отнесем это на счет левантийской ментальности.

Но во всем остальном Гроссман оказался интересным собеседником с оригинальными взглядами. Правда, я заметил, что эти взгляды отчасти менялись даже в процессе одного разговора. Политик, а особенно израильский политик, явление неоднозначное и, уж во всяком случае, многомерное. Это тоже, доложу вам, достаточно интересно.

В конце беседы я задал стандартный риторический вопрос, не надеясь получить на него вразумительный ответ.

— Почему в абсолютном большинстве стран либеральные движения терпят такое сокрушительное поражение? Собственно, почти везде, даже в развитых странах.

Но неожиданно ответ получил, а насколько убедительный — решайте сами. Объяснение было довольно простым и звучало примерно так:

— Либеральные движения призывают поступать как положено, по совести. А их противники — поступать как выгодно. Как тебе самому будет лучше. Выбор неравноценный. Человек пока не

может противиться искушению выгодой, его на это толкает первородный грех. Пока человек еще не созрел. И неизвестно, когда созреет.

Тут уж я не удержался от того, чтобы проиграть свою любимую мелодию.

— А может, это правильно? И никакой это не грех? Может, если бы мы все делали не для выгоды, а по совести, то до сих пор бегали бы по лесу голыми с камнями наперевес?

Гроссман тяжело вздохнул:

— И я частенько так думаю. Здравый смысл именно так и говорит. Но «морально, морально...» — знаете такой бородатый анекдот? Человек вышел из публичного дома. Его спрашивают, как ему понравилось. Он отвечает: «Все замечательно. Но морально, морально...». Только ради бога, не рассказывайте о моих ужасных мыслях Лихницкому. Не хочу пасть в его глазах. Очень он правильный. Пример того, как должен поступать настоящий человек... — он не удержался и с сарказмом добавил: — ...и что из этого может получиться.

Я рассмеялся, оценив шутку. Но почему-то было неприятно. Потому, наверно, что я и сам стал относиться к жизненной позиции Лихницкого примерно так же, как конформист Гроссман. Порядочный, но конформист. Конформист, хотя и порядочный. В меру...

Только перед самым уходом я в шуточной форме рассказал о беседе с Моше Фридманом. Гроссман, к моему удивлению, отнесся к этому довольно серьезно.

— Я попробую их успокоить. Но это не просто. — И закончил теми же словами, что и Лихницкий: — Народ упорный.

Пограничный инцидент

Самолет, на котором должна была прилететь Верочка, прибывал поздно ночью. Как и месяц назад, мы встречали ее втроем, с большим букетом цветов. Леонид Михайлович так усердно демонстрировал свое безразличие и спокойствие, что даже не слишком наблюдательному человеку было понятно: он, пожалуй, впервые за последние месяцы волнуется по-настоящему. Вы помните, я был против всей этой истории, но должен признать: теперь ему уже явно не хотелось быть бомжем...

На сей раз самолет прибыл вовремя. Мы терпеливо ждали у выхода из таможни. Наконец появились наши туристы, которых ни с кем не спутаешь. Затем поток пассажиров с тележками поредел. Шли только самые неторопливые, тяжело нагруженные вещами. Затем и они исчезли. Верочка не появлялась. Мы забеспокоились. Прошло еще несколько минут. Веры не было. Что за черт!

Мы с Леной остались в зале прилета, а Михалыч заспешил в справочное бюро. Через несколько минут он вернулся и сказал, что девочка в справочном звонила на таможню, но ей сказали, что больных нет, все здоровы. И все, больше ничего ему узнать не удалось. Я вынул мобильный телефон и позвонил Вере домой. Длинные гудки. Затем набрал номер секретарши Люси. Извинился за поздний звонок и спросил, вылетела ли Вера Николаевна. Да, конечно, вылетела, Люся сама проводила ее в аэропорт. Может, при вылете ей стало плохо?..

Опытный Леонид Михайлович сразу заподозрил истину.

— Я думаю, это таможня. Не пропускают.

— И такое бывает?

— Не так уж редко. Время от времени возникают скандалы. Могут отправить обратно.

— И нам ничего не скажут?

— Так обычно и бывает.

Мы оставили Лену дежурить, а сами пошли искать таможенное начальство. Нашли нужную комнату, застали там молодого израильянина, который пил кофе. Сказали, что не вышел пассажир, которого мы встречаем. Может, вы задержали? Чиновник смотрел на нас безразличным взглядом. Отвечал на сносном английском. Вернее будет сказать, что уходил от ответа на сносном английском. Начальства нет, зайдите завтра с утра.

— Вы предполагаете, что говорите? Пассажир не вышел! Где пассажир?

— Я не знаю о чем речь, нужно будет, вам сообщат.

— Когда?

— Завтра.

Мне очень хотелось ему врезать, но тут, как по волшебству, появилась миштора — полиция. Разговор не состоялся.

Мы опять в тщетной надежде вышли в зал прилета. Лена одиноко стояла посреди зала. Удивительно дурацкое состояние. Нужно что-то делать, но что? Два часа ночи, никто с нами разговаривать не хочет. Чувство полной беспомощности.

— Беспредел, — сказала Лена.

Объявили посадку на наш самолет. Позже сообщили о конце посадки и о вылете. Только после этого объявили, что встречающих пассажирку Астафьеву просят подойти к справочному бюро. Мы с надеждой кинулись туда. Но не удивились, когда нам официально сообщили, что ее отправили обратно. Почему — узнаете завтра там-то и там-то.

Михалыч безнадежно проворчал:

— Упорный народ. Своего не упустят. Я вам говорил.

Несолоно хлебавши, мы отправились домой. Еще с улицы услышали телефонный звонок. Леонид Михайлович проворно открыл дверь и схватил трубку.

Верочка звонила из нашего аэропорта. Ее не пустили, потому что у нее была туристическая виза. Сказали: что это за турист, который ездит каждые десять дней? Встретиться с нами не разрешили — наверняка были инструкции. А когда она сказала, что работает, вообще разговаривать перестали. Нужно оформлять рабочую визу. Верочка говорила нервно и сбивчиво, куда только подевался трезвый расчет экономиста. Я сказал, что она должна оформлять рабочую визу. Но понимал, что так скоро мы ее тут не увидим. Нужно время.

По глазам Лихницкого я понял, что он подумал то же самое. Бьюсь об заклад, что у нас с ним промелькнула еще одна общая мысль: а может, это к лучшему?

Мы не пошли на следующий день за официальным объяснением. Это не имело смысла. Верочке нужно получать рабочую визу, и не стоит лишний раз напоминать о себе. Израильский чиновник любого масштаба не любит, когда ему морочат голову.

Еще через три-четыре дня мы получили извещение из комиссии министерства инфраструктур. Нас просили уточнить некоторые финансовые данные моей фирмы и гарантии банка. Все это никаких сомнений вызвать не могло и во время моей поездки в Европу было согласовано и улажено с Сазоновым. Мы снова втроем съездили в Иерусалим и за пару часов уладили все вопросы. На сей раз нам никто не препятствовал, все прошло как по маслу. В конце визита мы получили оформленную по всем правилам справку об официальном присоединении нашего проекта к конкурсу.

В том же иерусалимском придорожном кафе мы скромно отпраздновали очередные успехи, к которым стали даже как-то нахально привыкать. Вечером для надежности повторили празднование на нашем любимом «пастбище». Особых восторгов и веселья заметно не было. По-моему, мои господа сотрудники даже заскучали без привычного напряжения. К стрессу тоже привыкают, как к допингу. Расстраивал и неполный — без Верочки — состав нашей бригады.

Но мне унынье не грозило. Опять нужно было плести интриги, черт бы их побрал. Если говорить с циничной прямоотой, то мавр Сазонов уже сделал свое дело. Дал деньги, обеспечил гарантии банка. Пора было отцеплять мой локомотив от его огромного состава длиной в восемьдесят процентов акций. Я убеждал себя, что это по-своему справедливо. Второй раз наниматься батрачить на этого «немецко-украинско-еврейского буржуя» я не собирался. Расходиться нужно было сейчас, когда выигрыш не виден даже на горизонте. Потом не отцепишься. Если, разумеется, все будет как я планирую.

Но, несмотря на мою новую боевую раскраску (хорошо сказал Сазонов, согласитесь), делать этого не хотелось. Я говорил себе, что еще не отдохнул, поэтому лететь в Кельн пока не стоит. Наверно, я обнаглел окончательно и в глубине души надеялся, что обслуживающий меня черт выкинет очередной трюк и облегчит задачу. А черт только этого и дожидался.

Вскоре, просматривая, как обычно, свою электронную почту, я неожиданно увидел анонимное послание: «Женщина во дворе — Лариса Левченко, подруга и сотрудница Виктора С.». Далее следовал телефон и адрес в Кельне.

Ну Валера, ну Гуськов. Дорожит своим местом...

Не могу сказать, что я сильно удивился. Какие-то смутные подозрения во мне давно копошились. Сейчас многое стало ясно. Возможность потери любимого виноградника заставила Виктора форсировать события. Он решил инсценировать нападение на меня, понимая, что все — как и я сам — посчитают это делом рук банды Садко. Хороший психолог Сазонов — понимал, что такая наглая выходка только подтолкнет меня к шагам в его пользу. Но крови он не хотел. Поэтому его подруга и кричала: «Осторожней, дубина!». Случайно выпавший из стены камень

спутал карты и перепугал всех до смерти. А «зоне» с ее связями не составило труда выяснить заказчиков и исполнителей. Теперь стали понятны и театральные угрозы Садко. В своеобразном чувстве юмора ему не откажешь.

Но нет худа без добра. Сознание вины толкнуло Сазонова на столь необычную для прижимистого дельца покладистость. А у меня теперь были все основания считать, что он от меня еще не откупился. И мои интриги превращались в акт справедливого возмездия.

Я готов был лететь в Кельн. Смущало только одно: до каких пор мне судьба будет сдавать на руки чистый тотус, как называют преферансисты десятичную игру? По всем законам статистики его должен когда-нибудь сменить сокрушительный ловленный мизер...

Для надежности я позвонил блондинке-террористке по телефону. Ответил знакомый голос — тот самый, который мне столько раз давали прослушивать в милиции. Сомнений не оставалось. Это она. Можно лететь в Кельн.

Мне очень нелегко было уговорить Лену еще раз отпустить меня одного. Доводы мои были просты — всего на три-четыре дня. Туда и обратно. Если она поедет, нужно будет вступать в нелегкие переговоры с ее родными. Дай, просил я, закончить сложнейшее дело, без преувеличения судьбоносное. Я сейчас не имею права отвлекаться ни на что. Максимум через месяц все кончится.

Но решающую роль сыграло другое — очень не хотелось оставлять Лихницкого одного. Он был совсем уж не в боевой форме. А тут еще подоспело его назначение сопредседателем упомянутой комиссии. Привычная добросовестность вынуждала Михалыча работать с полной отдачей, а физические кондиции, увы, этого не позволяли. Лучше всего было передать его с рук на руки Верочке. Это Лена понимала. И сказать Михалычу, что мы оба уезжаем, у нее просто язык не поворачивался. Я получил разрешение, но — «не больше трех-четырёх дней».

А пока я сам себе выделил пять дней краткосрочного отпуска. Немедленно двинуться в путь у меня просто сил не было. Так и сказал Лене: имею я право, в конце концов, побыть немного со своей семьей как обычный человек, а не бизнесмен? Лена меня расцеловала. А я — ее.

О молодых ослах

После пяти вечера мы с Леной ходили на платный пляж (я уже говорил, что купаться в Израиле на бесплатном пляже себе дороже). Сидели на теплом песочке или на зеленой травке, бултыхались в теплом море. Не хочу обидеть туристические компании, но купаться в Средиземном море мне определенно не нравится, во всяком случае, на израильском побережье. Кому приятно вариться в пересоленном чуть мутноватом супе с температурой тридцать градусов Цельсия? Нет, Черное море в летние дни симпатичнее. Другое дело, что там в жару вода может внезапно остыть градусов до двенадцати. Но и неизменные тридцать тоже надоедают. Впрочем, хватит ворчать, — нежиться в лучах теплого южного солнца было очень приятно. Особенно если положить голову не на твердую подстилку, а на мягкий живот...

Веселенькой песней позвал меня мобильный телефон. Я уже привык называть его пелефоном на израильский манер.

— Алло. Это Юра?

Голос был очень знакомый, но чей? И что-то в этом голосе было такое, отчего я невольно напрягся и сел.

— Да, это я. Простите, не узнаю. Кто это?

— Это Лера.

Я узнал голос на мгновенье раньше, чем она назвалась. И почему-то, повернувшись к Лене, повторил:

— Лера! Какими судьбами? — Помолчав и собравшись с мыслями, добавил уже в телефонную трубку: — Очень рад тебя слышать.

А голос совсем не изменился. Или мне так кажется?

— Я в гостях у подруги, ты ее не знаешь. В Хайфе. А телефон твой узнала в Германии, у Аллы Шварц.

Пауза. Лена встала, похлопала меня по плечу и пошла в воду.

— Как долго будешь гостить?

— Послезавтра уезжаю. Я не знала, стоит ли звонить. Столько лет прошло. А потом подумала: глупо уехать не повидавшись. — Она опять повторила, но совсем с другой интонацией: — Столько лет прошло...

— Конечно, глупо. Давай встретимся. Глупо будет, если не встретимся.

— Конечно, глупо. Давай завтра вечером. Часов в шесть. Устраивает?

— Да, а где?

— Где?

Я назвал первое место, пришедшее мне в голову.

— Мерказ-а-Кармель подходит?

— Я живу на Кармеле.

— Отлично, спросишь у подруги, где смотровая площадка у высотной гостиницы. Будешь любоваться видом на залив, если я надоем.

— Хорошо. В шесть?

— В шесть. — И я решил снять напряжение шуткой с бородой: — Меня будет нетрудно узнать. В правой руке — газета «Правда Украины».

Лера сходу поддержала:

— А у меня «Канадиенс Ньюс».

Значит, она живет в Канаде.

— До свидания. До завтра.

— До завтра.

Я подумал — а вдруг насчет газет не такая уж шутка? Как-никак, прошло четверть века. И плюхнулся в море рядом с Леной. Охладиться.

За Леной задержки не было. Она сунула палец в воду и испуганно отдернула его:

— Видишь, что творится? Вода закипела. Раскалился.

Вы, безусловно, удивитесь, но сказала она это просто в шутку. Без всякого раздражения, даже без следа скрытого недовольства. И намек на это не было. Только какое-то соучастие. И поддержка. Многих ли женщин вы знаете, которые отреагировали бы так по-хорошему и без всякого притворства? Это не значит, что я Лену хочу представить каким-то идеалом. Отнюдь. В разговоре о Фриде, помните, по дороге из аэропорта, даже в темноте трассы клубились в ней тени забытых предков. Тех, которые и тяжелой сковородкой могли дать по башке. В том разговоре я настолько струхнул, что даже не решился рассказать о своем успехе в качестве героя мультфильма. Нет, с Леной расслабляться нельзя. Просто она была умным человеком и к призракам прошлого не считала нужным меня ревновать.

Как и следовало ожидать, она учуяла мои сомнения и повторила вслух, по сути, то, что я думал, хоть и другими словами, — включая сентенцию о Фриде. Что называется — озвучила мои мысли. У нее это получалось запросто. Интересно, права ли она была в этом случае? Вот этого я до сих пор не знаю...

Я сообщил ей о завтрашнем свидании. До следующего вечера мы больше об этом не говорили. Но я волновался, не буду скрывать. И любой бы волновался на моем месте. В какой-то степени это был экзамен. Нам с Лерой наверняка захочется не ударить в грязь лицом, захочется доказать, что прожили жизнь достойно. А значит, не ошиблись в далекой молодости, когда выбрали друг друга... И самолюбие играло не последнюю роль: не пропал, живу, и живу неплохо. Но были сомнения попроще и побанальней: я волновался, не постарела ли она, так ли прекрасно выглядит, как мне помнится. А вдруг, подумал я, меня встретит «народоволка» Раиса Марковна? Ведь Лера сейчас примерно в таком возрасте, как тогда ее мама? Да, я боялся разочароваться — и боялся разочаровать.

Словом, вечером накануне свидания я себя застучал за необычным занятием — стоял у зеркала и придирчиво разглядывал лицо и фигуру. Я пытался со стороны оценить произошедшие за годы перемены. Вроде бы ничего особенного заметно не было. Ну, разумеется, мягко говоря, возмужал, куда денешься. Немного заматерел — самую малость. Чуть поседели виски, особенно за последний год. Появились кое-где морщины, больше всего под глазами. Но что удивительно, отметил я самодовольно, — глаза почти не выцвели. Ну Марков-старший, голубой пигмент ты мне в наследство оставил хорошего качества.

И, разумеется, в этот момент появилась Лена. Увидев мое смущение, она понимающе улыбнулась и сказала:

— Не беспокойся. Мне за тебя стыдно не будет. Ты у нас мужик, — она так и сказала «мужик», — вполне. И по форме, и по содержанию. Передай своей Лере, что я тобой горжусь. Извини, слишком красиво звучит. Ну тогда скажи проще, что я тебя очень люблю.

Она поцеловала меня и погладила по щеке — ее любимый жест.

Все, теперь можно было отпускать меня на свидание. Ох, женщины, — и просты, и хитры одновременно.

Я попросил у Лихницкого машину и объяснил, к кому еду на свидание. Даже далекого от мирской суеты Михалыча заинтересовала эта встреча. О Лере он знал, мне кажется, больше по рассказам мамы. Она с ним делилась своими проблемами не меньше, чем с мужем. А добродушный дядя Гриша называл Лихницкого другом дома, и в его устах это звучало похвалой.

Но о свидании. Я немного опоздал, минут на пять, — задержался в пробке при подъеме на Кармель. Лера уже была на месте, стояла у парапета, но смотрела не на прекрасный вид Хайфского залива, а на вход на площадку. Тоже нервничала и тоже ждала.

Газета в руке не понадобилась. Это была Лера. Мне показалось — та же самая Лера, что и двадцать пять лет назад, только искусной рукой чуть-чуть загримированная под сорокалетнюю. У вас не бывает такого впечатления, когда встречаете хорошо знакомого человека через каких-нибудь -надцать лет? Видишь привычные черты сквозь седину и морщинки. Наверняка и с вами случилось подобное...

Конечно же, это была Лера, та самая Лера, с одними достоинствами и без недостатков. Наверно, она стала еще лучше. Она выполнила обещание сделаться эффектной и оригинальной женщиной. Даже издали было заметно, что это человек самостоятельный и знающий себе цену. Опасения, что с возрастом она будет продвигаться в направлении эмансипированной Раисы Марковны, не оправдались. Независимость в ее облике все-таки органично сочеталась с женственностью. Та же прическа, без седины. Те же чуть-чуть выступающие скулы. Фигура, как и раньше, отличная, может, даже стала еще стройнее. Мне показалось, что Лера стала чуть выше ростом, хотя виной, скорее всего, были туфли — по нынешней моде, на очень высоких шпильках. Одета она была в яркое облегающее платье. Я сразу вспомнил ее на тех самых именинах в цветном фартучке у плиты. Нет, я по-прежнему не увидел в ней недостатков. Вероятней всего, потому, что она для меня осталась Лерой.

Все эти мысли молнией промчались у меня в голове, пока я шел навстречу широко раскрытым глазам. Я не успел даже подумать, с чего начать нашу встречу, а мы уже обнялись. Она прижалась щекой к моей щеке, как было привычно для нас четверть века назад. И я пронзительно почувствовал: то, что у нас с ней было, мне не привиделось. Это было на самом деле. Ничего я не приукрашивал в воспоминаниях, мы с ней действительно любили, были любимы и неповторимо счастливы. Могли бы жить вместе долго и счастливо и умереть в один день, как я когда-то — помните? — говорил отцу Федору.

Но в ту же минуту и с такой же отчетливостью я понял, что это было, но, увы, сплыло. Все это было в другой жизни и с другими людьми.

Лера так внезапно тогда ушла, что у меня много лет не пропадало подсознательное ожидание какого-то продолжения. Никто ничего друг другу не сказал, даже «прощай», — значит, нужно чего-то ждать. «Пусть будет, как будет, ведь что-нибудь да будет, никогда так не было, чтобы никак не было». Наверно, нужна была эта встреча, чтобы я понял: та жизнь канула в прошлое.

А может, она сейчас чувствует то же самое? Ну нет, подумал я, Лера всегда была слишком решительной для сомнений и колебаний.

Наконец мы перестали обниматься и смущенно улыбнулись. Теперь можно было посмотреть друг на друга внимательней. Не знаю, что увидела она, а я сказал:

— Нет-нет, молодец. Наша разлука пошла тебе на пользу. Стала еще красивее.

Я хотел добавить — и молодежу, но остановился. Конечно, она для своих лет выглядела очень хорошо. Но не забывайте, что последние лет пятнадцать я «рос и мужал», а мои подруги не только не делались старше, но даже молодели. Просто они сменяли друг друга. Я постепенно привык, что подходящим женщинам все время не больше тридцати. Уверяю вас, такие вещи тоже входят в привычку. А ей уже должно было вскоре исполниться сорок два года. Двадцать третьего октября.

Я неожиданно повторил вслух:

— Двадцать третьего октября.

— Вспомнил, сколько мне лет?

Я смутился, но проявил находчивость:

— Нет, просто вспомнил, как пожелал тебе на именинах всегда быть такой же красивой.

— Ты тоже ничего. И давай на этом комплименты закончим. Хорошо?

— Когда я с тобой спорил? Закончим. Посидим где-нибудь?

Мы спустились вниз, в сторону моря. Затем повернули направо и вошли в первый же ресторанчик по дороге. Я забыл, как он называется. Там в это время почти никого не было. Мы усадились на балконе. Были одни. С моря дул легкий освежающий ветерок. Я подумал: хорошо. Лера повторила: «Хорошо!».

Наверно, это был русский ресторан, хозяйка и официантка были русскими в израильском понимании. В России они были бы «лицами кавказской национальности»...

Беседа у нас шла непросто. Какими-то рывками. Мы оба волновались, хотя, казалось, отчего бы это...

Заказали с общего согласия рыбный стол. Вино Лере, мне виски, рыбное ассорти нам принесли довольно быстро. Мы выпили за встречу и понемножку разговорились. Потом еще немного выпили и еще больше разговорились. А после очень уважаемого в Израиле жареного мушта — довольно вкусной местной рыбы — заказали еще по порции алкоголя и полностью восстановили старую добрую манеру общения. Контакт нам всегда давался очень легко — оказывается, такое не пропадает.

Не буду все пересказывать, ни к чему. Живет она с мужем и двумя детьми в Торонто. Муж работает в фирме программистом. Она держит маленький магазин — как это по-русски — канцтоваров. Держит магазин — у нас так не говорят. Даже переспросил. Да, она хозяйка. Я заметил, что у Леры легкий английский акцент. Действительно английский, а не эмигрантский. Она объяснила: там, особенно первые годы, было очень мало русских, приходится жить в англоязычной среде.

Выяснилось, что ее семнадцатилетнего сына зовут Юра. Интересно, это говорит о чем-нибудь? Мне было приятно.

Об истории с Леной и Семеном она услышала от Аллы Шварц, перемывали мне косточки.

— Опять отбил у Семена? — И с искренним вздохом:

— Бедный Сеня.

О том, что я был женат и являюсь отцом неизвестного мне сына, она не знала.

— Биологический отец — кажется, так это теперь называется, — невесело пошутил я.

Но мне было интересно совсем другое. Как она жила без меня? Мучилась ли, скучала ли? Если любила, то как можно было все выбросить из жизни одним махом?

Я налил еще по рюмке. Наверно, с непривычки сказалось немалое количество выпитого, и я, глядя в сторону моря, начал с себя.

— Мне крепко досталось. Ты, Лера, оставила после себя выжженную землю. Мертвую зону. Красиво сказано, — оценил я сравнение, — но правда. Знаешь, я до сих пор себе удивляюсь. Я вроде бы не слишком эмоциональный человек...

— Кто тебе это сказал?

— Так считается. Погоди. — Я продолжал глядеть в сторону моря. — Мужчине не принято признаваться в том, что он страдал. И я этого никому никогда не говорил, можешь мне поверить.

— Я верю, — донеслось откуда-то сбоку.

— Но мы с тобой встретились сейчас как случайные пассажиры в купе поезда, чтобы никогда больше не увидеться. Проездом. Поэтому скажу. Я очень страдал. И долго. Год, два, десять. Потом привык. Но на этом выжженном поле ничего не росло.

Я чувствовал, что это очень похоже на пьяные признания. Может, и так...

— Потом пришла Лена, я счастлив. Но, Лерочка, двадцать с лишним лучших лет — псу под хвост. Обидно. А мы, думал я, могли жить все эти годы долго и счастливо и умереть в один день...

Я спохватился. Стоп, стоп! Это выглядит претензией.

— Юра...

Я перебил ее, все так же упорно глядя в сторону моря.

— Ты извини, я не с претензией. Упаси бог. Хотя так выглядит. Но мне очень хочется знать: ты уверена, что правильно тогда поступила? Это не было просто глупостью? Если уверена, тогда все справедливо. Тогда все было так, как нужно.

Я повернулся к ней, посмотрел ей в глаза. И вспомнил слова Лены: «Как познакомилась с тобой, все время реву как дура». Натренировался. Ни дать ни взять роковой мужчина.

— Юра, и я тебе скажу как встречному случайному пассажиру то, чего никто не знает. И о чем даже не догадываются. Это была не глупость. Это сломало всю мою жизнь. Какая там глупость! Трагедия. Если тебе станет от этого легче, так знай, я чуть тогда с ума не сошла.

Я задохнулся.

— Ужас! Просто ужас! Почему же ты!..

— Дура. А ты?

— И я тоже.

— Я думала, что у нас уже не будет так прекрасно, как было. И пусть лучше никак не будет, чем станет хуже. А ты знал мой гонор. Вначале я держалась на самолюбии и обиде. Я думала, что унизила себя. Все время вспоминала, как ты на меня натягиваешь эту проклятую простыню. А сейчас я это вспоминаю совершенно иначе. С удовольствием. — Она улыбнулась сквозь слезы. — А ты, почему ты не приполз ко мне?

— Дурак. Я знал... я думал, что ты кремень.

— Какой кремень...

Мы замолчали. Откуда-то доносились звуки музыки. Я хотел что-то сказать — не получалось. Ну что тут скажешь, кроме как «ужас!». Но это я уже говорил.

— Скажу тебе одно: я счастлива, можешь мне поверить, что у тебя теперь есть Лена. Я потому раньше и не появлялась. Мы ничего уже исправить не могли, ты понимаешь? Когда я окончательно поняла, что без тебя мне ничего не поможет, у меня уже был муж и ребенок. Ты понимаешь?

— Да.

Я всегда ее понимал.

После этого мы сидели еще часа два, а то и больше. Но уже почти ни о чем не говорили. Опечаленно молчали. Как в былые времена, с наслаждением ощущали близкое присутствие друг друга. Эффект Соляриса. Кажется, Лера первая произнесла это наше юношеское заклинание. А может, и я — уже не помню.

Не знаю, как у Леры, а у меня на сердце было очень грустно и в то же время светло. Я был рад, что в нашей счастливой юности мы оказались не предателями, а просто олухами. Молодыми ослами. Упрямыми, но не вероломными. Мы изо все сил и очень успешно старались поломать друг другу жизнь, но любви не изменили. И так бывает.

После ресторана мы еще немного постояли на смотровой площадке. Лера прощалась с Хайфой. И со мной. Затем я доставил ее к подруге. Попросил разрешения завтра отвезти в аэропорт.

— А Лена не будет недовольна?

— Лерочка, один раз в двадцать пять лет.

Мы не стали обниматься, хотя порыв был. Я поцеловал ее в щеку и отправился домой.

На обратном пути я даже не опасался автоинспекторов, несмотря на солидную дозу алкоголя. Мне было не до них. Прошедшая встреча вместе с этой дозой ввергли меня в настроение лирическое и меланхолическое. В голове как заигранная пластинка вертелись строки:

Мне грустно и легко.

Печаль моя светла.

Печаль моя полна тобою.

Кем? Леной или Лерой? Обеими.

Интересно, подумал я, станет ли легче от этой встречи? И сам себе ответил: кому как. Каждому свое.

Мне, скорей всего, будет лучше. Сегодняшнее свидание подкрепило мою хиреющую день ото дня веру в любовь, в верность. В женщин. Вы наверняка заметили, что в моих рассуждениях появился разъедающий скепсис, особенно когда речь шла о прекрасной половине человечества. И немалую роль в этом сыграла история с Лерой. А в Нине Лихницкой я нашел уродливое подтверждение своих сомнений. В конце концов, человек больше учится не по книгам, а на собственном опыте. Моя вера явно шла на убыль. Вы помните: «Если у вас нет собаки, ее не отравит сосед». Да и другие рассуждения о женской жесткости — и даже жестокости. И сейчас я не то чтобы отказываюсь от своих взглядов, но... смягчаю их.

Мне кажется, после встречи с Лерой я понял, что иной раз стоит меньше думать о своем самолюбии, а больше о других. О близких. Ведь я обязан был приползти к Лере, если любил ее! А я ее любил...

С Леной такое не повторится, будьте уверены!

У автоинспекторов, как у таможенников, тоже очень развита интуиция и нюх на страх. Так как мне на этот раз было на них плевать, то никто меня не остановил, и я благополучно добрался домой. Шел первый час ночи. Я был уверен, что Лена не спит, и уже готовил объяснения.

К моему удивлению, она крепко спала. Это было даже как-то обидно. А когда я улегся, она сквозь сон пробормотала: «Явился, гуляка. Никто тебя не украл?». Я хотел обидеться. Неужели я не стою того, чтобы поволноваться за меня? Но вовремя вспомнил свои дорожные размышления и проворчал ей в спину:

— Нет уж, никаких амбиций. Хватит. Я за тобой, милая моя, куда хочешь поползу. Только бы тебе было хорошо.

— Ну и хорошо, пьяница. Спи. Не будем разбуркиваться.

Я уткнулся ей в затылок.

...Наутро я проснулся в семь часов и стал собираться, стараясь не разбудить Лену. Но не получилось. Она удивленно посмотрела на меня:

— Ты куда в такую рань?

— Обещал Лере отвезти ее в аэропорт.

На этот раз на лице у нее появился оттенок недовольствия. Я использовал уже проверенный довод:

— Леночка, один раз в двадцать пять лет...

— Положим, уже два... Хорошо. Завтракать будешь?

— Проспал. Не успею.

— Ладно, сделаю вам по бутерброду.

— Ангел!

— Знаю.

По дороге я позвонил, трубку взяла Лера. Я сказал, что подъезжаю. Не волнуйтесь. Лера с подругой ждали с вещами на улице. Познакомился с подругой, мысленно отметил, что она тоже ничего. Атавизм, застарелая привычка старого холостяка, так быстро не отучишься. Оправдал себя тем, что до Леры ей далеко. Сели, поехали. Естественно, на выезде из Хайфы попали в затор — начался час пик. Включил кондиционер, но в заторе и он не помогал. А еще было только десять утра. Каково будет в полдень? А если нет кондиционера? Или откажет? Со всех сторон стеной стоят машины и воют. Бррр! Лучше не представлять себе эти ужасы. А ведь многие олим, то есть эмигранты, ездят без кондиционеров. Хотя бы мой Юлик Сиперштейн — у него старые «Жигули».

По дороге мы вроде бы много не разговаривали, но почти три часа пролетели как один миг. Рискуя жизнью, я все время правой рукой держал ее за руку. Один раз в двадцать пять лет... Лера о своем житье-бытье за границей говорила с явной неохотой, и я не настаивал. Рассказал о своем банкротстве и о травме. Она это уже знала в общих чертах, но слушала с напряжением и время от времени невольно сжимала мою руку, словно желая убедиться, что я живой.

Рассказал, что затеял новое дело, после которого я стану или бомжем, или набобом.

— Ну признайся, не ждала от меня такой прыти? Что я стану «джентльменом удачи»?

— Кто? Я? Я всегда знала, что в твоём омуте черти водятся!

И я ей сразу поверил. Я понимал, что, в отличие от всех, она меня не только знала, но чувствовала нутром.

Лера попросила держать ее в курсе дела. Само собой, ответил я. А как может быть иначе? И действительно, я иначе себе и не мыслил. Мы с ней обменялись электронными адресами и телефонами. Почтового адреса оба не дали — зачем лишний раз будоражить близких.

Когда подъезжали к аэропорту, Лера неожиданно взбодрилась.

— Юра, ты не думай, что мне плохо. Не жалею меня. Мне так, как всем... ну почти всем. Как многим. Просто я знаю, как хорошо может быть. Поэтому тяжелее, чем другим. Борьба хорошего с еще лучшим.

Но глаза оставались по-прежнему невеселыми. Неожиданно у нее вырвалось:

— Без тебя тяжело. — Она спохватилась и заторопилась:

— Нет, ерунда, конечно. Чепуха это, столько лет прошло...

Я понял, что Лерочка осталась такой же прямой и бескомпромиссной. Да, не просто ей, не просто.

Мы простились у эскалатора, ведущего на второй этаж в зал отправления. Обнялись, постояли прижавшись щека к щеке. Она прошла контроль, взошла на эскалатор и, повернувшись ко мне, помахала на прощанье рукой. Мне на мгновение показалось, что это Лена прощается со мной. Они действительно очень похожи, хотя и не явно. Ведь бывает такое?

По дороге домой я опять меланхолически грустил. И хотя невольно чувствовал себя эгоистом, но печаль моя была воистину светла. Я снова нашел родного и близкого человека, которого считал навсегда исчезнувшим из своей жизни. И у меня была Лена.

После Хайфы я прибавил газу и стал нарушать лимит скорости. Захотелось поскорей ее увидеть.

Поставил у калитки машину, быстро поднялся в дом и пылко обнял Лену — так, что, казалось, кости затрещали.

— Откуда такие страсти? — улыбаясь, спросила она. — Уж не искупаешь ли ты вину? Смотри мне в глаза!

В ответ я разразился стихами:

— Любовью дорожить умеете...

— Мог бы выучить что-нибудь поновее. Но хорошо, что ты, наконец, понял главное...

Оставалось три дня отдыха перед поездкой в Кельн. Мы с Леной не расставались ни на минуту. Какая-то бурная вспышка чувств. Лену это даже немного встревожило. Она была отчасти суеверна. Время от времени с некоторым страхом она посматривала на любимое мое изречение из записных книжек Ильфа, висевшее на стене: «Ребе говорил: нельзя, чтобы все время было хорошо. Нужно немного портить удовольствие». Я-то был скорее фаталистом и удовольствие портить не хотел.

Удивительно, но рядом с усилившимся чувством к Лене в душе у меня прочно поселилась и Лера. Беспокойство о ней. Желание помочь и защитить. Но я не знал, как и от кого. У меня к ней были какие-то родственные чувства, совсем не похожие на мое отношение к Лене. Во всяком случае, мне так казалось.

Однако безмятежно предаваться романтическим мыслям мне осталось недолго. Вскоре события сплелись в такой тугий клубок, так стали наслаиваться одно на другое, что я отчетливо понял: ребе прав.

Впрочем, на то он и ребе.

Финишный рывок

Я решительно вошел в кабинет Сазонова. Он был последним в длинной цепочке обманутых, наполовину обманутых, на четверть обманутых или слегка облапошенных мной на пути к намеченному успеху. И слава богу, — меня уже стало беспокоить, с какой легкостью я привыкаю к необходимости регулярно врать или замалчивать правду, что, в сущности, одно и то же. Оказывается, это удобно и совсем не трудно!

Я постарался, чтобы вид у меня был достаточно мрачный. По замыслу, Сазонов должен был сразу понять, что я не только не смыл боевую раскраску, но и вырыл свой томагавк.

Я показал ему документы о принятии на конкурс проекта, бумаги из банка и так далее. А в конце передал самое главное — особые условия. Он прочитал и изумленно поднял брови. Я бы на его месте тоже удивился. Там были очень серьезные гарантии на случай срыва проекта. И не только для Израиля, но и для нас. Я постарался. Гарантии не только мои, но и акционеров. Причем пропорционально количеству акций.

— Ты что натворил? Кто на такое пойдет?

— Израильтяне не дураки. Они понимают, что с меня ничего не возьмешь. Ты сам сказал: выигрыш должен быть твоим, если проигрыш твой. Согласен, это справедливо. В приложении я просто записал стоимость твоего проигрыша.

— Ничего себе записал! Я могу остаться нищим. Ты убил все дело на корню.

— Я ничего и никого не убивал. И не пытался. Ты меня с кем-то путаешь.

Наступила пронзительная тишина. Сазонов не знал, как отнестись к моему замечанию. Как к случайному? Я ему не помог. Пусть разбирается сам.

— Хорошо, подойди завтра к обеду. Я подумаю, что можно сделать.

— Но не тяни. Мне нужно время, если придется искать новых компаньонов.

Расстались мы довольно прохладно.

Я был свободен до завтрашнего дня. Ехал в непривычно маленьком и непривычно чистеньком — по сравнению с нашими — кельнском трамвайчике. Раздумывал, куда бы податься. В гостиницу не хотелось. К Валику и обратно не успею.

Проблему решил пелефон. Незнакомый голос произнес:

— Шалом. Господин Марков?

— Да.

— Говорит Берман, министр инфраструктур.

— Слушаю вас, господин Берман.

— Мне сказали, что вы в Европе.

— Да, в Германии.

— У меня к вам поручение. Не могли бы вы в среду оказаться в Лондоне? С вами хотел бы встретиться господин Берн. Оскар Берн. В одиннадцать часов. Вас это время устроит?

Берман был очень вежлив, несмотря на совершенно дикий акцент. Даже не жмеринский. Еще круче. Впрочем, к делу это не относилось.

В среду, а сегодня понедельник...

— Устроит. Куда прийти?

— Я вам отправлю сообщение. У вас на пелефоне почта работает?

— Да.

— Отлично. До свидания. Через минуту я получил данные — адрес, телефон, время свидания.

События стали наползать одно на другое. Нельзя было Сазонова пускать на самотек. Я посмотрел на часы: пять. Рабочий день закончился. Я вышел из трамвая, взял такси и поехал по адресу Ларисы Левченко. Смело зашел в парадную, поднялся на третий этаж, нашел нужный номер квартиры и фамилию Левченко — красивыми готическими буквами на бронзовой табличке возле кнопки звонка. Позвонил. Мне повезло, Лариса была дома и сама открыла дверь. Выражение ее лица, когда она меня узнала, описать не берусь. Глаза прямо вылезли из орбит. Она наверняка мысленно увидела тюремную камеру, причем не в гостеприимной Германии, а на родине. У нас повеселее будет...

Я громко спросил:

— Здесь живет Марлен Дитрих?

— Н-не-ет...

— Извините, ошибся адресом.

Повернулся и решительно зашагал вниз по лестнице. Легко было себе представить, как сейчас Лариса дрожащими пальцами набирает номер телефона Сазонова. Что ж, любишь кататься — люби и саночки возить.

Я связался с юрисконсульту Коффом, с которым мы с Семеном сотрудничали не один год. Договорился с ним встретиться завтра у Сазонова. Ситуация была непростая. Нужно быть уверенным, что отказ Виктора от дальнейшего участия в проекте будет оформлен правильно, без всяких вариантов. Миллионы — это не шутка. Если они появятся.

Назавтра у нас никаких хлопот с Сазоновым не возникло. Он все понял. Все подписал. Остатки моей фирмы доставались ему, как и было договорено, и он вздохнул облегченно. Могло быть хуже. Ему тоже мерещился судебный процесс. На прощанье он спросил:

— У нас теперь нет друг к другу претензий?

— Нет.

— А какие гарантии?

— Гарантии? О твоём отказе пока никто не должен знать, это и есть гарантии.

Я хотел было добавить, что гарантии дает только страховой полис. Но не стал нагнетать. Все-таки у нас с ним была длинная и достаточно мирная история.

— Ладно. Я знаю, что ты нечаянно. Но за нечаянно бьют отчаянно.

— Ну, Юра, ты стал таким...

— Не в одночасье же стал. Коллективное воспитание. Ты тоже к этому руку приложил... Пока. Алле привет. Она тут ни при чем. И поцелуй. От меня и от Леры. Алла знает, кто такая Лера.

— Я тоже знаю, кто это.

Последняя фраза почти примирила меня с поникшим Сазоновым.

Я попрощался с Коффом и объяснил ему, что рассчитаюсь потом, сейчас мчусь в Англию, каждая минута на счету. И действительно, времени до свидания с Берном оставалось в обрез.

В гостинице я, не поднимаясь в номер, заглянул в туристическое бюро, расположенное в холле. Вместе с сотрудницей бюро, милой девушкой с замедленной реакцией, что было при таком цейтноте некстати, мы стали выбирать маршрут. Надежнее всего было добираться поездами и по тоннелю под Ла-Маншем. Но тогда у меня не оставалось времени на отдых. Это не годилось. Я был обязан предстать перед Берном во всеоружии. Пришлось рискнуть лететь из Франкфурта, благо погода стояла хорошая. И рейс был по времени подходящий. Примерно в полночь я уже буду в лондонской гостинице, останется время отдохнуть. Я попросил заказать билет на самолет, вызвать такси для поездки во Франкфурт — и помчался вверх. Собрал вещи, спустился, уплатил в кассе за гостиничный номер, а симпатичной девушке с замедленной реакцией — за услуги туристического агентства и весь в мыле уселся в такси.

Только по дороге я смог позвонить Валику и рассказал о своем плотном графике. Мы решили, что встречаться смысла нет. У меня времени в обрез, у него начинается сеанс. Я сказал, что еду на встречу с Берном. Валик понимающе пробурчал:

— Компромисс?

— Не знаю.

Я передал привет его друзьям, а Фриде и Лиззи — большой и горячий. С тем и расстались.

И сразу же позвонил Лене. Сказал, что срочно лечу в Лондон и задержусь еще на пару дней. Она огорчилась, но подробности выяснять не стала. Только спросила:

— Со знаком плюс?

— Не знаю. Надеюсь.

В Лондон самолет прилетел с часовым опозданием. Пока добрался до гостиницы, было уже два часа ночи. Я быстро принял душ, поставил будильник пелефона на восемь часов и улегся. Как и следовало ожидать, сон не приходил. Я мысленно перебирал варианты беседы с всесильным Берном, хотя понимал, что это пустая трата времени — полезнее отдохнуть и набраться сил. Но даже испытанный метод Штирлица не помогал. Заснул, только когда стало светать.

Проснулся я, тем не менее, свежим и бодрым. Наверно, организм, понимая важность момента, мобилизовал скрытые резервы. Я им остался доволен и поощрительно похлопал свой организм по груди.

С английской — или немецкой? — точностью, без пяти одиннадцать, я входил в десятиэтажный особняк центрального европейского офиса империи Берна. Окинув глазом здание, облицованное черными зеркальными плитами, я подумал, что хозяину такого офиса ничего не стоит поделиться парой десятков миллионов с энергичным бизнесменом вроде меня.

Я ни в коей мере не чувствовал себя аферистом в предстоящем поединке с Берном. На предыдущих этапах мне приходилось использовать, скажем так, сомнительные приемы. Иногда весьма сомнительные. Но сейчас все было открыто и по-деловому.

На конкурсе встретились два серьезных и обоснованных предложения. Имелась почва для дискуссии. Наше предложение было экономически и экологически выгоднее. Предложение Берна выглядело лучше с политических позиций большинства в правительстве. Тоже довод. Нам удалось собрать сильное лобби и подготовить позиции для атаки. Это наш плюс. Ситуация была такова, что если мы вступим в борьбу, то Берн и компания не только понесут большие финансовые потери, но и пострадает их политический имидж. Мы в этом случае все равно проиграем, но нанесем врагу большой урон. Звучит красиво, но смысла в этом не много.

Для обеих сторон выгодно компромиссное решение, назовем это так. Берну удалось бы в этом случае потратить значительно меньше денег и избежать лишних хлопот, а мне... Все равно звучит некрасиво, черт подери! А мне эти деньги следовало принять и отказаться от безнадежной борьбы. Красиво не красиво, но это единственный разумный выход в такой ситуации. Я предполагал, что сегодня Оскар Берн предложит мне отступные. Я был почти уверен в этом.

Вы ведь давно поняли: именно такой результат я запланировал с самого начала. Только в таком случае мне не нужны были большие деньги. Мы с Берном оба были заинтересованы в мирном разрешении конфликта.

Охрана, когда узнала, что я иду на прием к самому императору, посмотрела на меня с почтением. Мне выделили персонального сопровождающего.

Большая приемная и большой кабинет миллиардера выглядели продуманно и вполне современно. Но без роскоши. И что-то здесь напоминало, что это кабинет ортодоксального еврея. Может, отсутствие портретов на стенах, может, полка со старыми книгами с ивритом на корешках. Одну из них я узнал — Тора, пятикнижие Моисеево. Рядом — неизменная менора. Но больше всего об иудаизме напоминал сам хозяин. Он был в черном костюме и в белой — белоснежной —

рубашке. Но на солидную одежду бизнесмена этот ансамбль похож не был. Нечто среднее между свободным коротким черным плащом и обычным светским пиджаком определенно носило характер религиозного облачения. На гладкой лысине — черная кипа. Лет семидесяти, я думаю. А внешность его я описывать не буду, просто представьте себе Евгения Леонова в «Поминальной молитве». Те же пухлые упругие щеки, те же хитрые и живые глаза. И даже точно такая же доброжелательность на лице. Ну, насчет добродушия и доброжелательности — тут верить внешности не стоит. Это я хорошо знал... Мне казалось, что у него должны быть запущенные борода и усы — все-таки хасид, хоть и бизнесмен. Но нет, лишь небольшая и ухоженная бородка, подозрительно не седая. Неужели помогает природе? Не может быть... Впрочем, не исключено — он ведь все-таки не раввин.

Меня все время отвлекала кипа на его гладкой, как шар, голове. На чем она держится? На присосках? Но это вредно для кожи и, должно быть, болезненно. На клею? Еще хуже. А что делали в древности, когда присосок вообще не было? Или тогда не было лысых?.. Что за чушь! Какие дурацкие мысли лезут в голову...

Встретил меня Берн довольно вежливо. Когда я вошел, он приподнял зад с кресла и так повисел над ним, пока я не устроился на не слишком удобном стуле напротив стола.

Все было очень благопристойно и даже благообразно. Но природа заботится о том, чтобы расставлять знаки, предупреждающие простодушных об опасности. Такие знаки обнаружились, когда Берн начал говорить. У него неожиданно оказался скрипучий, не слишком музыкальный голос. И неприятная привычка — время от времени он начинал не то жевать, не то просто шамкать челюстями. Это настораживало. Может укусить, подумалось мне, или проглотить...

После двух-трех общих фраз Берн перешел к делу. Он не привык тратить время попусту. И начал так, что я понял: мои нехитрые расчеты для него не секрет.

— А вы не думали о том, что мне никаких дополнительных средств не понадобится? Что большинство в кнессете просто-напросто проголосует за мой проект?

— Думал. Но так просто не получится.

— Это почему?

— Вы заметили, что в моем проекте работы оценены в тридцать миллионов долларов? Это меньше их реальной стоимости.

— Да, заметил.

— Но я себе не враг. Зачем бы я стал обкрадывать сам себя?

— ?

— Эта цифра примерно соответствует стоимости проекта перевозки танкерами воды из Турции. Который утвержден законом о бюджете за прошлый год. Закон принят — и закон есть закон, господин Берн!

Он посмотрел на меня с нескрываемым интересом.

— Неплохо. Неплохо...

— Сейчас Израиль может потратить столько же денег и получить в пять раз больше воды. И куб обойдется вдвое дешевле! И переделывать то, что сделано в Турции и в Израиле, не придется. Все можно использовать. Я проверил. Оппозиция предложит ввести водопровод в смету прошлого года без дополнительных расходов. А тогда зависнет ваш проект. Зачем он нужен, если уже будет вода? И потом вопрос качества...

— Знаю, знаю, — раздраженно бросил Берн.

— С этим бороться нелегко и недешево.

— Неплохо, неплохо, — опять проскрипел Берн.

— Вам придется вообще отменить поставку воды из Турции, даже танкерами. Сорвать все принятые постановления и договоры. Только тогда повиснет в воздухе уже наш проект.

— Это сделать можно.

— Можно. Но во что это обойдется? Не только деньги. Опять восстановить всех против себя?

— И это можно...

Я молчал. Берн продолжал:

— Легче остановить вас?

— Это угроза или предложение?

Берн презрительно поморщился.

— Разумеется, предложение. Мы не на диком западе. И не на диком востоке. — Это была шутка, потому что он без всякого выражения сказал «ха-ха». — Но я не хочу предлагать вам отступные — это дурно пахнет.

Вот те раз! Я почувствовал, что почва уплывает из-под ног. Что он задумал?

Берн хитро посмотрел на меня. Я постарался сохранить на лице выражение полной уверенности. Берн скептически хмыкнул и продолжал:

— Я хотел бы стать акционером вашей фирмы. И совладельцем патентов Лихницкого. У них большое будущее. Но... — он сделал солидную паузу, — но не в Израиле.

Вот оно что! Стоп, держи себя в руках. Надо все продумать. Не торопись... Все зависит от цены. Я представил себе выражение лица Лихницкого при известии, что его боссом станет правый хасид Оскар Берн. Идеологический противник номер один.

Пришло время произнести фразу, которую я давно подготовил к этому случаю и даже неоднократно репетировал по дороге в офис Берна.

— Я в своей группе не один. И любые предложения смогу рассматривать только тогда, когда мы все, — я подчеркнул слово «все», — убедимся, что израильтяне решительно возражают против покупки воды в Турции.

Берн опять с интересом уставился на меня. Нет, не зря он достиг таких высот. Ему ничего два раза объяснять не нужно. Но и скрывать свои впечатления он не пытался. По кислому выражению лица я понял, что интерес ко мне возрос, а уважение уменьшилось. Он улыбнулся уголком рта и подвел итоги:

— Я не сомневаюсь: очень скоро вы все удостоверитесь, чего жаждет еврейская общественность. Желание будет высказано в очень доходчивой форме. Об этом не беспокойтесь.

Потом немного пожевал губами:

— Но ждать я не могу. Если вы откажетесь от моего предложения, мне понадобится время для подготовки. А новый бюджет Израиля уже у нас с вами на носу. На носах. — Он нашел свою шутку смешной. Сказал два раза «ха-ха» и продолжил: — Позвольте дать вам совет. Все-таки у меня стаж в бизнесе немного больше вашего. — Он опять произнес любимое «ха-ха». — Если предложение выгодное, нужно принимать его не откладывая. Завтра может быть землетрясение, конец света, хасва халила (не дай бог). Может быть все что угодно... Вот, прочитайте основное в моих предложениях.

Он протянул мне листик бумаги. Там было всего три пункта.

Первый — слияние фирм «Аква продакшн» и «Американская кухня». «Аква продакшн» — 51 процент акций, «Американская кухня» — 49 процентов. Общее владение патентами Лихницкого.

Второй — выплата фирме «Американская кухня» 30 миллионов долларов. Третий — отзыв проекта с конкурса не позже 30 июля.

Внизу подпись — видимо, самого Берна.

«Аква продакшн» была дочерней фирмой империи Берна. Я задумчиво смотрел на этот листок несколько минут. Купил патенты за восемьдесят тысяч долларов — продаю за тридцать миллионов, и только половину. Половина остается у нас. Сколько процентов чистой прибыли? Никак не мог посчитать. Но упорно пытался это сделать.

Берн пришел мне на помощь:

— Я понимаю ваши мотивы. Давайте поступим так. Сохраним полную конфиденциальность до двадцатого июля. У вас будет время поработать с вашей группой. А завтра примем окончательное решение. Затем вы оформите его добросовестно и внимательно, не торопясь, пригласите своего юрисконсульта. Недели вам на это хватит. Я вызвал сюда президента «Аква продакшн». Завтра уже встретитесь с ним. Будете вместе работать. Но если возникнут проблемы — милости просим ко мне.

Берн был так уверен в моем согласии, что больше не считал нужным тратить на меня свое драгоценное время. Да и я не горел желанием. Тридцать миллионов интересовали меня больше, чем личная аудиенция.

Он привстал, давая понять, что разговор окончен. Это тоже был знак вежливости. Мог и не вставать, а просто кивнуть. Я эту вежливость оценил и тоже тактично ответил, что мне было «наим мезд» — очень приятно. Берн в свою очередь оценил мой иврит и довольно мило — не так кисло, как раньше — улыбнулся. Поколебавшись секунду, он вышел из-за стола и пожал мне руку. Это был весомый шаг с его стороны. Встреча друзей, подумал я, — и улыбнулся еще приветливей.

Вот такой неожиданный финал.

Не буду пытаться ввести вас в заблуждение — я ни секунды не колебался. Сразу и безоговорочно решил принять условия. Я бы их подписал немедленно, чтобы Берн не передумал. Но солидному бизнесмену, каким я сейчас становился, было неприлично бежать впереди паровоза.

А размышлять мне было не о чем. Берн продумал все за меня. Покупка акций для нас обоих выглядела достойной сделкой, а не какими-то неприличными отступными. Пятьдесят один процент Берна делал его фактическим хозяином, и меня это, по здравом размышлении, устраивало. Мой опыт руления всего-навсего тремя миллионами, и то на колдобинах наших украинских дорог, стоил недорого. Чем кончилось мое правление, вы знаете. А на Западе, с новыми миллионами... Я вспомнил не слишком удачный пример сезонного бизнеса за границей. Нет, мне лучше оставаться ведомым, но на Западе. Завозить свои новенькие, пахнущие свежей типографской краской миллионы в нашу зону риска мне не хотелось.

Но и себя господин Берн не обидел. Он все равно должен был дать мне денег, но, добавив совсем немного, купил заодно перспективные патенты. А заодно через меня приобрел и автора проекта, чей талант и знания были очень нужны при осуществлении идеи на практике.

Да и в деньгах он не слишком пострадал. Большая часть этих миллионов должна была остаться, как моя доля основного капитала, в новой фирме, где Берн имел контрольный пакет. То есть далеко от него не ушла. Опытный волк, он из непростого положения, в которое я его пытался загнать, нашел оптимальный выход.

Должен сделать еще одно признание. Меня гораздо больше радовал мой невероятный успех, чем смущала реакция домашних. Господа сотрудники должны будут понять мою объективную правоту. Тем более что победителей не судят. А я собирался вернуться домой на белом коне стоимостью тридцать миллионов долларов! Разумеется, я все-таки испытывал некоторый дискомфорт, и в душе шевелились подозрения, что гладко у меня это не пройдет. И Лена, и Лихницкий битком набиты всякими принципами, думал я даже с какой-то обидой и раздражением...

Не стану кривить душой — в тот момент совесть меня не мучила из-за того, что принимаю решение без согласия не просто автора, но близкого человека, который мне целиком доверился. А впрочем, я до сих пор считаю, что поступил разумно, несмотря на все последующие события... Просто перестраховка оказалась чрезмерной.

Чтобы не портить праздничное ожидание завтрашних событий, я отложил звонок домой на девять часов вечера. Время сеанса регулярной связи Алекс — Юстасу.

Но желание поделиться удачей с кем-нибудь распирало меня. И я позвонил Валику. Рассказал, что он в принципе оказался прав. Завтра мы должны подписать компромиссное соглашение. И довольно неплохое. Спокойный и ровный голос Валика удивительно потеплел. Он мог даже не объяснять, что рад за меня. Это чувствовалось на расстоянии. Он пожелал мне на завтра ни пуха ни пера. Я послал его к черту. Хорошо иметь старых друзей — им можно все рассказать и еще при этом послать к черту...

После разговора с Валиком мне полегчало.

Всю вторую половину дня я как неприкаянный слонялся по Лондону. Бродил пешком, ездил бесцельно, пересаживаясь с одного автобуса на другой, каждый раз забираясь на второй этаж. Мне это всегда нравилось. Лондон был и остается, пожалуй, самой любимой столицей из всех, в каких я бывал. Наравне с Римом. Но в этот день я красот не видел. Наполеоновские планы застили мне глаза. Наконец уже под вечер я очутился в районе, где по улицам бродили женщины в парандже. Надо было выбираться в центр и не искать себе неприятностей. Я вышел из автобуса на стоянке такси и благополучно добрался до гостиницы.

В девять вечера я без особой охоты позвонил домой. Нужно было держать себя в узде. Лена по одному моему голосу могла многое узнать. Не стоило прежде времени будоражить своих.

Я намекнул, что говорить по телефону не могу. Лена опять спросила, с каким знаком. Я ответил, что плюс и даже с плюсом. Не удержался от похвалы. А сам суеверно подумал: не рано ли я во всем уверен? Нельзя не оставлять места для сомнений, это небезопасно. Нужно, чтобы кто-то волновался за меня.

Окончив разговор, я неожиданно для себя взял пелефон, полистал телефонную книжку, нашел номер Лериного мобильного и набрал его. У них сейчас почти полдень. Трубку взяла Лера.

— Алло, магазин Шпильбаум.

Шпильбаум, видимо, муж. А значит, и она.

— Лера, это я.

— Юра? Что-то случилось?

— Должно случиться. Завтра я, наверно, стану набобом. Хочу, чтобы ты пожелала мне удачи.

— Юрочка, ни пуха ни пера.

— К черту. К черту. К черту!

— Держу кулаки. — И после паузы: — Спасибо, что позвонил.

— Целую.

— И я тоже.

Мы сказали друг другу «хай» и разъединились...

Я не напрасно звонил Лере и организовал таким образом мощную группу поддержки. Назавтра все прошло на удивление гладко. Мой новый партнер оказался моложавым рыжеватым евреем, чуть постарше меня. Без кипы и признаков религиозности. Мне он понравился. Не знаю, как я ему, — надеюсь, тоже. К обеду приехал вызванный мною Кофф, и к концу дня мы подписали и утвердили у Берна основное соглашение.

Все. Дело было сделано. Я стал миллионером.

Оставалась техническая, но очень важная работа — положение о фирме, регламент, уставной капитал и прочее, прочее. Еще несколько дней работы. Распределение акций внутри моего пакета я оставил на потом — это нужно было согласовать с «семьей».

Мне временно выделили роскошный кабинет, обставленный лучше, чем у Берна. И сразу же после подписания основного соглашения я воспользовался своим новым компьютером и отправил мейл Лене и Лихницкому. Я знал, что почту они просматривают регулярно. «Дела идут хорошо. Задержусь до субботы. Подробности расскажу при встрече. Не волнуйтесь. Крепко целую, очень скучаю».

Это была правда. Я действительно очень скучал, особенно по вечерам, когда кончалась суматоха дня. И я действительно отвык быть один. Не переносил этого. Вот такая мешанина из чувств и событий.

Потом подумал немного и отправил короткое послание Лере: «Спасибо за поддержку. Помогло. Целую. Набоб».

Ловленный мизер

Мы работали по десять часов в день. Я уже отвык от такого темпа и приползал в гостиницу без задних ног. Ужинал внизу на скорую руку, затем принимал душ — и в постель. Минут сорок мы разговаривали с Леной бог знает о чем. Обо всем, кроме работы, — тем хватало. И без всяких Штирлицев я проваливался в сон.

У меня было желание вызвать их в Лондон. Денег хватило бы (шутка). В Израиле делать, по сути, уже было нечего. Но нужно было дождаться общественного мнения. Я не сомневался в слове Берна. Общественность должна была в ближайшее же время убедить мое прекраснодушное семейство в простой истине: что на пользу, то и морально.

И ведь если беспристрастно оценить ситуацию, то это действительно так. Мой договор с Берном выгоден нам. Большинство в Израиле считает, что опреснение морской воды выгодно ему. Это, в конце концов, право израильтян. О Берне и компании я уже не говорю. Только негибимые принципы требуют, чтобы мы разбили себе лоб и доставили всем кучу хлопот с заранее известным результатом.

Общественность не заставила себя долго ждать. В четверг вечером с первых же слов Лены по телефону я понял: вот оно, началось. Ленин голос прямо вибрировал от напряжения. И я не ошибся. Общественное мнение начало обстрел из пушек главного калибра. В этот день в Израиле традиционно выходят многополосные выпуски газет. По словам Лены, происходит что-то странное и непонятное. Как по команде, в трех основных русскоязычных газетах и солидной ивритской «Идиот ахронот» — «Последние известия» вышли скандальные статьи о Лихницком. Я подумал: не как по команде, а именно по команде, — но делиться этими мыслями с Леной не стал.

Радио на русском языке — уже упоминавшаяся «Рэка» — посвятила Лихницкому целую передачу с прямым включением возмущенных и едва не матерящихся граждан. Все были ужасно оскорблены тем, что такой враждебно относящийся к Израилю человек не просто сидит на шее у государства, но и выдвинут депутатом Гроссманом (который тоже кормится у европейских антисемитов) сопредседателем комиссии по проблеме водных ресурсов. Ясно, что выводы комиссии будут порочить страну.

В газетах приводились неллицеприятные высказывания Лихницкого, надерганные из старых его статей. В основном о политике Израиля на территориях. Лена сказала, что умело подобранные,

ловко купированные и поставленные в соответствующий контекст цитаты производили жуткое впечатление.

В этот вечер мы об искусстве не говорили. Лена прерывающимся голосом читала мне отрывки из газетных статей, по своему духу напоминавшие худшие образцы печально известной советской журналистики. Больше часа она посвящала меня в подробности этого бурного дня. Статья в газете «Вести», крайне правой русскоязычной газете, называлась «Наш Аман». Аман, да будет вам известно, это легендарный визирь-злодей, который в незапамятные времена хотел погубить еврейский народ. На праздник Пурим евреи по традиции едят мучное изделие — так называемые «уши Амана». Это жутковатое название всегда отбивало у меня аппетит... Так вот, бедный Михалыч удостоился прозвища «наш Аман», которое стало кочевать из газеты в газету. Определения «предатель» и «тридцать сребреников» встречались на каждом шагу. Тридцать сребреников, кроме антисемитов из Европы, предложил ему и я, «алчный делец с сомнительным прошлым». Но мне доставалось только рикошетом.

Подробностей о нашем проекте никто не сообщал — очевидно, такое указание было дано общественности. Но уведомили, что Лихницкий вместе со мной носится с мечтой продать интересы Израиля той мусульманской стране, которая заплатит подороже.

В тот же день вокруг дома стали слоняться молодые люди в кипах, с плакатиками, на которых были написаны отнюдь не поздравления. Телефонные звонки от знакомых Лихницкого тоже не успокаивали. Большинство из них искренне считали Лихницкого защитником арабов и не принимали такой позиции. «Зачем вы это делаете?» — так звучал самый доброжелательный вопрос. А потом стали звонить незнакомые с прямыми угрозами и оскорблениями.

И все это — за один день.

Дело, к сожалению, не только в том, что общественностью можно легко управлять. Эти инструкции попали на хорошо подготовленную почву. Большинство израильтян, особенно «русских израильтян», с большим раздражением воспринимают любые попытки защищать права палестинцев. Для многих такая позиция равносильна предательству. А вы отлично знаете, что патриотически настроенный гражданин, особенно воинственно-патриотически настроенный, считает себя вправе раздолбать, как бог черепахи, всех инакомыслящих предателей. Патриотизм компенсирует все прочие грехи. Так было испокон веков. Поэтому стоило только пресловутое общественное мнение подтолкнуть, а покатило его уже само, сметая правых и виноватых на своем пути.

Я, как мог, успокоил Лену, поговорил и с Лихницким. Голос Леонида Михайловича мне очень не понравился. Я испугался, что лекарство оказалось чересчур сильнодействующим, и могут возникнуть серьезные побочные явления.

Нужно было немедленно возвращаться. К счастью, мы в Лондоне все намеченное выполнили досрочно. Я позвонил своему новому компаньону и Коффу, предупредил их, что вынужден срочно отбыть в Израиль. Затем заказал билеты на самый ранний рейс. Мне повезло — свободные места еще были.

Примерно час спустя я снова перезвонил Лене. У них была полночь. Назвал номер рейса и время прибытия. Спросил, все ли спокойно, потому что в трубке слышался какой-то шум. Лена сказала, что под окном собралась, как ей кажется, какая-то молодежная религиозная организация, они маршируют под барабаны и скандируют какие-то лозунги. Лихницкий их назвал Павликами Морозовыми. Но агрессивности пока не проявляют.

Спал в эту ночь я мало и беспокойно.

Лена встречала меня одна: Михалыч не смог приехать, чувствует себя неважно. С утра приходил хозяин и очень просил освободить квартиру. Сказал, что мы всех жильцов распугаем. И тут же добавил: «Шли бы вы жить к своим любимым арабам». Лихницкий вышел из себя («Я таким его еще не видела») и выгнал хозяина из его же квартиры. А сам улегся, держась за сердце.

По дороге домой мы обменивались невеселыми сообщениями.

— Самое неприятное то, что никто нас не поддерживает. В лучшем случае, соблюдают нейтралитет. Даже Юлик с Риной — они были вчера. Юлик говорит, что не нужно было так резко выступать. Люди борются за жизнь своего государства. Им и так нелегко. Все в мире настроены по отношению к Израилю не лучшим образом, а от своих слушать претензии неприятно вдвойне. Даже наш Юлик так думает! А знаешь, кто нас поддержал?

— Кто?

— «Шалом ахшав» — «Мир сейчас». Есть такая ивритская организация. Русских эмигрантов там почти нет. В основном местная интеллигенция европейского происхождения. Она здесь считается крайне левой и экстремистской. Хотя, мне объяснил Михалыч, по европейским меркам это более чем умеренная правозащитная организация. Они звонили нам, долго говорили на иврите, но Михалыч мало что понял, а я тем более. Главное мы все-таки уяснили: в воскресенье будет и на нашей улице праздник...

Она объяснила, какой праздник на нас надвигается. Приедут в большом количестве поселенцы на автобусах и устроят митинг. Инициатор — крайне воинственное общественное объединение «За единый Израиль». Их цель, как объяснил Михалыч, — еврейское государство на всей территории Палестины. Он говорит, что поселенцы без конца разъезжают с митингами по стране. Свободное время и деньги у них, видимо, есть.

Я невольно подумал о своем новом боссе, меценате Оскаре Берне. Да и государство их не забывает... Лена продолжала:

— Михалыч подозревает, что люди из «Шалом ахшав» тоже собираются появиться в воскресенье для нашей поддержки. Но их мало, их, вероятней всего, слегка побьют, как нередко бывает в таких случаях в Израиле. Только драки нам не хватает...

— А как реагирует Гроссман?

— Что Гроссман! Ему тоже достается, но он привык. У него работа такая. Все, хватит о нас. Юра, а что ты делал в Лондоне?

Я не хотел пока рассказывать о нашем богатстве. Во-первых, мы с Берном договорились о двух неделях секретности. Нужно держать слово. И кроме того, если я сейчас расскажу, что продал Лихницкого вместе с его изобретением, расскажу до того, как они с Леной созреют, то весь наш заговор будет напрасен. Мало того, пойдет мне во вред. Нет, нужно молчать. И я выдал подготовленную заранее версию. Что Сазонов, мол, отказался от дальнейшего участия в проекте, и я полетел в Лондон искать новых спонсоров.

— Нашел?

— И да и нет. После этого уклончивого ответа мне удалось сменить тему. Лене было не до моих приключений.

Когда мы подъехали к знакомому коттеджу в Нагарии, там царила тишина и покой. Приближался шабат, а в военных действиях против нас участвовали в основном соблюдающие традиции израильтяне. В шабат им положено находиться в своем районе и думать о вечном, а не буяннить и не мотаться по стране на транспорте. Было настолько тихо, что у меня мелькнула мысль: а не почудились ли Лене все эти ужасы? Но когда я зашел в дом и увидел побледневшее и какое-то опрокинутое лицо Лихницкого, я понял, что это все было наяву. И впервые пожалел, что пошел на такой жестокий шаг.

Субботу мы провели дома, приходили в себя: я — от усталости после трудов в Лондоне, от которых уже отвык, а мои домашние — от стресса после нападения общественности. И готовились к новым испытаниям.

Я осторожно затронул тему — не пора ли нам сматывать удочки. Лена гордо сказала, что такому уступать просто стыдно. Даже наоборот, нужно... Правда, что нужно, она не уточнила. Помоему, сама не знала. А Лихницкий промолчал. Он понимал, что давление будет только усиливаться. Но главное, он убеждался в том, что союзников у него нет или почти нет. Я услышал, как он проворчал про себя: «Похоже, это никому здесь не нужно...».

Оппозиция помалкивала, пережидая ажиотажа. Было ясно, что там тоже не верят в победу. А для чего тогда весь этот сыр-бор?

Лихницкий потихоньку созревал.

Следующий день я вспоминаю как один сплошной кошмар. На автобусах стали прибывать поселенцы. Собирались они не возле нас, а на большой площадке у моря. Метрах в пятидесяти от нашего коттеджа. Все было отлично слышно и видно из окна второго этажа, из нашей спальни. Они привезли с собой громкоговорители и телевизионщики. Можно было все видеть в двух ракурсах — в натуре и по телевизору. Приехало человек триста — четыреста, почти все в кипах. Они громко разговаривали, постепенно разогреваясь, без конца пили воду из полулитровых, полуторалитровых и двухлитровых бутылей. Уточняя еще раз для сомневающихся: спиртного они не пили и этим отличались от наших митингующих. Но все остальное было очень похоже. Крики усиливались, страсти накалялись, возмущение выступающих достигало предела. На экране телевизора шли русские титры.

Смысл речей, а значит и митинга, был такой. В столь ответственный период, когда весь израильский народ борется с арабами за единственное в мире еврейское государство, мы должны покончить с преступной мягкотелостью и не позволять пятой колонне разрушать наше единство. На войне как на войне. Тут досталось и партии «Мерец», и «Шалом ахшав», и Гроссману, и вообще всем предателям-левакам. Требования одно решительней другого звучали на митинге, и во всех неизменно фигурировал Лихницкий. По телевизору крупным планом показывали наиболее эффектные лица. Толпа всегда, заводясь, впадает в раж, а тем более праведная национально-патриотическая толпа.

Я не удержался и тихонько, чтобы Лена меня не остановила, спустился вниз и смешался с митингующими. Вблизи все выглядело не лучше, чем по телевизору. Лихницкий, пожалуй, прав: поселенцы действительно передовой боевой отряд израильских правых. На невинных агнцев и безропотных жертв преступников они мало похожи. Эти себя в обиду не дадут. Я подумал, что если меня узнают, то могут побить, и побить больно... Поэтому тихонько ретировался и благополучно вернулся домой. Нас уже охраняла миштора — израильская полиция.

Сбежал я вовремя, потому что подоспела небольшая, но гордая группа представителей «Шалом ахшав». Они бесстрашно приблизились к разгоряченной толпе и привычно получили несколько увесистых тумаков, пока подоспевшая полиция насильно не увезла их от греха подальше. Потом по улице прошли колонны демонстрантов, угрожающе размахивая руками в нашем направлении. Но к агрессивным попыткам нападения не приступали. И все-таки один камень влетел к нам в окно — наверно, народ почувствовал, что иначе полного эффекта не будет.

Спустя несколько минут демонстранты привычно расселись по автобусам и разъехались. Возле дома с плакатами осталось пару десятков молодых патриотов — видимо, местные активисты борьбы за единый Израиль.

Стало более или менее спокойно, и тогда Леонид Михайлович побледнел и осел на пол. Мы с Леной кинулись к нему. Я было подумал, что это опять приступ остеохондроза, но Лихницкий прошептал побелевшими губами: «Сердце». Он судорожно прижимал руку к левой груди — туда, где сердце. Я с ужасом понял, что дело плохо...

Да, это было сердце. Скорая помощь — «Моген Довид Адом» приехала очень быстро. Подтвердила наши подозрения — обширный инфаркт. Его увезли в хайфскую больницу «Рамбам». Мы поехали следом. Полночи сидели молча возле реанимационного отделения. Сидели и ждали. А у меня в голове все время вертелась глупейшая мысль: я не успел сказать, что на маленький остров он уже заработал. Как будто эти миллионы и этот остров можно забрать с собой.

В половине четвертого утра Леонида Михайловича не стало.

Не помню, как мы добрались домой. Отчетливо помню одно: на меня навалилось дикое, невыносимое, нечеловеческое ощущение вины. Оно забило все прочие чувства, даже горе от потери такого близкого мне человека. Я повторял про себя, как автомат: «Это я, только я во всем виноват».

Когда мы вошли в квартиру, Лена стала завешивать зеркала. Я ей помогал. Почему-то запомнилась странная пара в зеркале — Лена с заплаканным лицом и покрасневшими опухшими глазами и я, леденяще-спокойный, с остановившимся, совершенно бесстрастным взглядом. Я по складу характера далеко не холерик, что-то среднее между сангвиником и меланхоликом, поэтому истерика у меня носит особый характер (кажется, я уже упоминал об этом): я внешне становлюсь нечеловечески спокойным. Заторможенная реакция, слишком ровный механический голос. Чем больше я потрясен, тем спокойнее выгляжу со стороны.

Мы сели рядом на диване в салоне. Я почувствовал, что настал час дать полный отчет себе, богу, черту, дьяволу, всем. И Лене. Даже в том ужасном состоянии я понимал, что убиваю наши отношения. Но сознание вины стало непереносимым и требовало искупления. Требовало той самой епитимьи, против которой я еще так недавно восставал всей душой.

Без всякой преамбулы, ровным и спокойным голосом, как будто диктовал тексты для записи, я стал рассказывать Лене все. Я себя не щадил и называл вещи своими именами. Собранные вместе, мои «подвиги» даже в моих собственных глазах выглядели ужасно. Наверно, я сгустил краски. Даже наверняка. Но душа жаждала искупления. И то, что я раньше оправдывал, объяснял, прощал себе, в эту ужасную ночь приобретало совсем другой вид.

Список оказался длинным.

О Семене я мог не говорить. О Семене она все знала лучше меня.

Вот как примерно выглядел мой «отчет».

В основе моего плана с самого начала лежал обман. Я никогда не собирался строить водопровод — во всяком случае, в Израиле. Я знал, что мы не победим, но даже если бы и получили заказ, то у меня не было на это денег. Богатые инвесторы отобрали бы у меня все. С самого начала я хотел только одного — заставить Берна заплатить отступные, чтобы я не мешал ему строить завод в Израиле. Если хотите, можете считать этот замысел шантажом. Может, и так...

Я обманул Леонида Михайловича, уверяя, что намерен бороться за проект до конца. Иначе он не продал бы мне патенты. Если бы он знал правду, то ни за что не позволил бы мне обманывать всех вокруг, и в первую очередь оппозицию. А без мощного оппозиционного лобби у меня не было никаких шансов заставить Берна раскошелиться. Я сознательно подвел Гроссмана под монастырь. Теперь он и все те, кто доверился мне и Лихницкому, потерпят сокрушительное фиаско.

Я обманул Сазонова: сначала заманил его лакомым проектом, потом записал на конкурс такие условия, которые нормальный бизнесмен принять не мог. Это был очень дурно пахнущий трюк, по сути, жульничество. Мне повезло, что у Сазонова тоже оказалось рыльце в пуху. Но тогда я пошел на откровенный шантаж. И нанес визит Ларисе Левченко, напугав ее до потери сознания.

Наверно, я действительно продал душу дьяволу, потому что сделался бесчувственным даже к своим. К тем, с кем работал долгих пятнадцать лет. Я запретил Вере говорить сотрудникам, что продал их Сазонову. Лишил их возможности заранее подготовиться к серьезной перемене в жизни. Даже дяде Филе не сказал! А ему шестьдесят два года. И только потому, что не хотел создавать себе лишних сложностей.

Я выдержал паузу и еще более ровным и невыразительным голосом рассказал о результате всех этих «подвигов». Рассказал, что уже продал в Лондоне патенты и себя вместе с ними Берну за тридцать миллионов долларов. Продал, даже не испросив согласия автора и родного мне человека. Хотя бы для приличия.

Я сказал Лене, что врал ей, потому что она не смогла бы подобно мне вести двойную жизнь и сорвала бы всю операцию «Прожект».

Все это я говорил глядя в упор на Лену, но не видя ее. Наконец усилием воли я сфокусировался на ее лице.

Она с ужасом смотрела на меня остановившимся взглядом, как будто увидела привидение.

Я уже достаточно сказал, мог бы и остановиться. Но тогда мое искупление было бы не полным. Все тем же механическим голосом я проскрипел, что еще в Лондоне попросил Берна организовать демонстрацию возмущения общественности Израиля, чтобы легче было убедить Лихницкого и Лену добровольно согласиться на продажу патентов. Убедить взять деньги и убраться подобра-поздорову. А это убило его...

Наконец я иссяк и затих.

Мы молчали очень долго. По-моему, вечность. Наконец Лена сказала:

— Значит, это ты организовал весь этот ужасный шабаш? Я молчал.

— Ты все время врал и ему... и мне?

Что я мог ответить...

— Все время я была так счастлива, а ты нам врал?

И вдруг она сказала то, чего я подсознательно ожидал и боялся услышать:

— Мне кажется, во мне что-то умерло.

Знакомая фраза. История действительно повторяется, но, как и положено, на более высоком витке спирали. Я был тысячу раз прав, когда говорил это.

В Израиле хоронят очень быстро. На следующий день мы попрощались с Леонидом Михайловичем. Прямо из морга его привезли на кладбище. Но так же быстро в маленьком Израиле распространяется информация, плохая и хорошая. На кладбище было очень много людей. Очень. Как сказал в своей негромкой речи Гроссман, со всех концов страны. По еврейскому обычаю мы не увидели лица Лихницкого, и я был рад этому. Он был завернут во что-то черное. Это хороший обычай, он позволяет запомнить человека живым. Раввин прочел молитву. Прочел молитву и я, как самый близкий покойному мужчина и еврей. Для них я еврей, для них я Натанзон. И на голове у меня была черная кипа. Раввин подсказывал текст молитвы, я сквозь подступавшие слезы повторял. А про себя просил у Михалыча прощения... Краем глаза я заметил Нину в черном платье и в черном платке. Она пряталась от меня за спинами присутствующих. Вид у нее был ужасный... Даже Лена, которая после нашего разговора отделилась от меня невидимой,

но совершенно непроницаемой стеной, подошла после похорон, взяла под руку. Ей было жаль меня. Молча мы подошли к машине, молча приехали домой. Много людей приехало после кладбища к нам. Многие зашли в опустевшую квартиру Лихницкого, еще больше народа разместилось на лужайке возле дома, еще больше — устроились возле моря, используя каждый клочок тени. Этот митинг был тихим и мирным, в отличие от позавчерашнего. Жаль, что они все пришли только тогда, когда его не стало. Юлик с Риной все время были со мной рядом.

Лена уехала через два дня. По-матерински поцеловала меня и сказала, что пока поживет у матери. Я не удивился — и вы понимаете почему. Ответил, что пока побуду здесь. Отвез ее в аэропорт.

В тот же день я позвонил своему новому компаньону, рыжеватому молоджавому еврею, рассказал о смерти Лихницкого. Сказал, что дней двадцать поживу в Израиле, если они с Берном не возражают. Конечно, никто не возражал.

Я решил отдохнуть и ни о чем не думать. Остаться на некоторое время в доме, где еще недавно так счастливо и с верой в будущее жила моя семья. Побывать немного на одной земле с Леонидом Михайловичем. Что будет дальше, я не знал. И никаких планов пока не строил.

Книга третья. ЧИСТЫЕ РУКИ

Глава первая. Боевая ничья

Как стать бомжем

Кажется, я начал понимать, почему Леониду Михайловичу хотелось стать бомжем. Наша непредсказуемая жизнь порой страшно утомляет. Мне кажется, она задалась целью без отдыха выяснять, где у каждого человека предел прочности и где предел усталости.

Бесконечный день, когда умер Леонид Михайлович, я помню смутно, какими-то обрывками.

Помню, что маме я позвонил в ту же ночь, когда мы вернулись из больницы. Мне было очень тяжело говорить, и ей не легче. Минут двадцать мы в основном молчали по обе стороны океана. Она все это время тихонько плакала, порывалась приехать. Но у дяди Гриши никак не срасталась нога, ему семьдесят три года... Я мысленно обозвал себя последним мерзавцем и пообещал себе в ближайшее же время к ним прилететь.

Самое страшное испытание — Верочка. Как ей сообщить? Как она выдержит? Опять сядет на лекарства? Может быть все что угодно. Я позвонил секретарше Люсе (которую, кстати, тайно продал Сазонову) и попросил немедленно приехать к Вере Николаевне. Мои страхи оправдались. Вызывали врача... Словом, Вера до сих пор толком не пришла в себя. Добавьте мой разговор с Леной той же ночью. И надо всем этим — ужас смерти Леонида Михайловича, все еще не доходящий до сознания.

Все остальное как в тумане. На следующий день были похороны, потом Лена уехала к маме. Я остался один в пустом доме. Но это вы уже знаете.

Просыпался я непривычно поздно — часов в десять, а иногда и в одиннадцать. Но, несмотря на это, чувствовал себя не отдохнувшим, вялым, с вечно тяжелой ватной головой. На завтрак без удовольствия разогревал в микрогале (так здесь называется микроволновая печь) замороженные сосиски. Я пытался пожалеть себя, несчастного и одинокого миллионера, печально жующего безвкусные сосиски из кошерного мяса. Кошерность добавляла святости, но не вкуса. Впрочем, и святость была не для меня, потому что я запивал кошерные сосиски — о ужас! — кофе с молоком. И при этом еще намазывал хлеб маслом. Моя натанзоновская половина осуждающе помалкивала.

Хотя жалость к себе была сильна, но вины она не уменьшала. Кроме риторических вопросов, меня грызло самоосуждение: поделом тебе, поделом, заслужил!.. Я представлял, каково сейчас Лене, которая ни в чем не виновата... А мысль, каково Михалычу, сбивала меня с ног.

Когда я не спал и не ел, то слонялся из комнаты в комнату. Долго сидеть на одном месте не получалось. Телевизор не включал — не положено было в доме, где недавно... До сих пор с трудом выговаривается слово «умер».

В тот невероятно тяжелый период я, в дополнение ко всем переживаниям, неожиданно для себя растерялся. Да, именно растерялся, это точное определение. Я перестал верить в свои силы, в то, что смогу добиться чего-нибудь один, без привычной поддержки. Я всегда работал с кемто. Сначала долгие годы с Семеном. А в последнее время привык безоговорочно полагаться на Леонида Михайловича. На его знания. На его авторитет. Его аура и меня включала в свою орбиту. Я давно осознал, что он для меня значит, чувствовал это даже на расстоянии, но смерть всегда подводит черту и расставляет последние акценты.

В первые дни я, стараясь не утратить остатки здравого смысла, пытался реально оценить свои непростые и нелегкие шаги к миллионам. Мог ли я что-нибудь серьезно изменить или все было predetermined?

В нынешнем мире добиться поставленной цели... Хорошо, не буду слишком много на себя брать, оставлю мир в покое и скажу скромнее: в реальных обстоятельствах добиться такого успеха иным способом мне бы не удалось. Кое-что я мог бы смягчить, кое-где мог бы поступить не так жестко, но, ей-богу, изменить можно было не слишком много. Конечно, я мог не ставить перед собой такую задачу, и совесть моя была бы чиста. Но сам я тогда остался бы нищим, а может, меня б уже не было в живых. Ведь так?

Было бы лучше Лене и самому Михалычу, если бы я сложил лапки? Остался никем и ничем? Или снова начинал все с нуля?

А сейчас им разве лучше?

Круг замкнулся. Хуже, чем сейчас, вряд ли могло быть...

Вот по такому порочному кругу я и бродил. Конечно, лучше было спать, что я и делал с небольшими перерывами.

Лишь в одном случае свою вину я признавал безоговорочно. И вспоминал кислую улыбку Оскара Берна, когда недвусмысленно попросил его продемонстрировать моим соратникам-сотрудникам сокрушительную мощь народного негодования. Старый мудрый еврей понял, что я перехожу запретную черту. Почему этого не понял я? И почему даже сейчас вину сознаю, а сомнения остаются? А легко ли было бы Лихницкому без соответствующей подготовки узнать, что я его вынужден обмануть? Точнее, не его самого, а его идеализм, с которым так трудно жить в нынешнем мире. Как оказалось, не просто трудно, а невозможно... Так можно ли было что-то изменить? Впрочем, кажется, я снова пошел по кругу...

Постепенно я становился похож на бомжа. По традиции нельзя было бриться сколько-то там дней — уже точно не помню, сколько. Не помню потому, что срок мне выдержать не удалось, и не по своей вине. Но уже через пять дней на лице виднелась явственная и довольно противная растительность. Не привык я к этому...

Юлик с Риной приезжали каждый день. Точнее, вечер. Рина сразу шла на кухню, крутилась возле плиты, что-то готовила, забрасывала вещи в стиральную машину. Видимо, с ее подачи стала приходить и убирать в квартире молоденькая недавняя репатриантка.

Пока Рина занималась хозяйством, мы с Юликом сидели в салоне и в основном помалкивали. Я потягивал понемногу виски — во мне опять просыпался Марков-старший. Юлик скрытно помогал мне в этом под осуждающими взглядами Риной. В конце каждого визита он сообщал, что звонила Лена и узнавала, как мои дела. Меня это не только не радовало, но даже обижало. Могла бы и сама со мной поговорить. Я пытался дозвониться к ее родителям во Франкфурт, но трубку не брали. Не хотели, видели номер моего телефона на определителе... Я вспомнил фразу своей бывшей жены: «У меня на тебя аллергия». Похоже, я снова добился аллергии.

Свое обещание поползти за Леной куда угодно, лишь бы ей было хорошо, я старался не вспоминать. И без того было нелегко. Мне ее ужасно, до боли не хватало. Я даже чувствовал, в каком месте сделали ампутацию. Прямо под левой лопаткой... Может, время залечит? Ну да, каких-нибудь двадцать — двадцать пять лет, и все зарубцует. Как было с Лерой. Пять дней уже прошло...

Я послал Лере и-мейлом сообщение о смерти Лихницкого. В ответ она нашла очень нужные слова. И среди них — о том, чтобы я себя не винил. Как догадалась, я ведь ей ничего такого не говорил? Почувствовала?

Только на пятый день я набрался мужества и зашел в комнату Михалыча.

Все, пожалуй, хватит эмоций. Что я чувствовал тогда, вообразить нетрудно: большинству из нас приходилось терять близких. Буду говорить только о событиях и фактах, которые оказали влияние на будущее и которых даже в тот период оказалось немало. Это не черствость, поверьте, — просто даже в мемуарах не так легко выставлять на всеобщее обозрение свои чувства...

В верхнем ящике письменного стола я нашел конверт, на котором четким почерком Лихницкого было написано: «Завещание. Вскрыть в присутствии Юрия Маркова».

Конверт был не запечатан, надпись «вскрыть», очевидно, носила формальный характер. В нем были два экземпляра завещания: один — на иврите, другой — на английском. Английский вариант был написан рукой Лихницкого.

Вот вам еще одно доказательство того, что я растерялся. Я в те дни даже не задумывался о том, что не являюсь родственником Леонида Михайловича и ни с какого боку не могу претендовать на его наследство. А это могло быть причиной серьезных неприятностей. Я имею в виду, разумеется, интеллектуальную собственность — другой у него, по существу, и не было. После развода Нина не имела никаких прав. Родственников у него, насколько мне известно, не было. Наследником, видимо, посчитает себя государство Израиль. А с таким наследником шутки плохи. И вполне могло оказаться, что мои доводы в разговоре с Леной — помните? — по поводу покупки патентов окажутся, к несчастью, пророческими. Сейчас заинтересованные лица могут от имени государства затеять со мной тяжбу по поводу наследства, патентов, нигде не оформленных

ноухау и т. д., могут найти тысячи зацепок, подвергнуть сомнению правомочность, дееспособность. Могут попросту переломать руки-ноги.

И вот вам еще одно доказательство того, что даже после смерти Михалыч продолжал не только обо мне заботиться, но и думать за меня. В официально заверенном тем же стареньким адвокатом-нотариусом и свидетелями завещании он передавал мне одному все права на свое имущество и — особо подчеркивал — на все виды интеллектуальной собственности.

Я просидел очень долго в неподвижности, оглушенный не столько самим завещанием, сколько датой его подписания. Это был тот самый день, когда я тайком продал его патенты Оскару Берну. Интересно, мелькнула мысль, сколько по нынешнему курсу составляют евангельские тридцать сребреников? Не тридцать ли миллионов? И каким золотом расплатился за них со мной Михалыч?..

В конверте с завещанием лежал еще один конверт, заклеенный, на нем значилось: «Маркову Ю. С. Лично».

Сразу же открыть конверт и прочитать письмо я не мог. Оказался не готов. Нужно было сделать перерыв. Набраться сил. Я пошел в кухню, включил электрочайник. Он тотчас же умиротворяюще зашумел. Насыпал в чашку кофе, немного сахара. Затем открыл холодильник. Кошерных сосисок не хотелось. Взял нарезную булку из морозилки (я уже научился по израильскому обычаю хранить хлеб в замороженном виде), намазал ломтик «Рамой», сверху положил пластинки малосолевой севрюги, купленной в некошерном магазине. Достал баночку маслин, убедился, что они еще не зацвели. Нужно спиртное — это понятно. Но виски не хотелось. Открыл стенной шкаф на кухне и достал начатую бутылку коньяка «Метакса». К коньяку хорошо бы лимон. И таковой нашелся на полке в холодильнике. Все это я делал не торопясь, основательно. А в ушах все время звучал выразительный бас Михалыча: «Маркову Юрию Сергеевичу. Лично».

После двух рюмок коньяка в сопровождении пикантной закуски я был готов к чтению письма. Перешел в салон, удобно устроился в кресле...

«Дорогой Юрочка.

Позавчера я выяснил, что мой мотор совсем износился, стал работать с перебоями и в любой момент может отказать. Проверка радиоактивными изотопами — вещь достаточно объективная, и не верить ей нельзя. Я, конечно, расстроился, потому что еще два года тому назад тот же врач сказал мне: «Такому сердцу в вашем возрасте можно позавидовать». Но за эти два года ты знаешь, что произошло...

Пишу я это не для того, чтобы на кого-то пожаловаться. Просто если, как говорим мы, евреи, хасва халила — что-то произойдет, я не хочу, чтобы ты стал винить в этом себя. А с тобой, Юрочка, такое вполне может случиться. Не думай, что ты слишком нагрузил старика. Ты, дорогой мой, сделал все возможное и даже невозможное, чтобы вернуть меня к жизни. Помни это, какой бы стороной ни повернулась к нам судьба. Я, Юрочка, счастлив, что у меня есть такой сын, как ты, хоть и не родной. К сожалению, кроме тебя, твоей мамы и Гриши у меня близких, как оказалось, больше нет.

Я не оправдываю Нину. Ужасно сознавать, что двадцать лет прожил с людьми, которые способны на такую жестокость. И даже это могло бы выглядеть иначе, хотя бы внешне по-человечески. Но хочу быть объективным. В том, что произошло в моем доме, очень много и моей вины. Если я за двадцать лет не стал им нужным и близким, значит, Нина и Павлик не получали от меня достаточно тепла и доброты. Значит, я чересчур заботился о принципах. Слишком старался быть правильным. Может, нужно было меньше требовать от себя и от них, а больше давать и прощать?

Счастье близких стоит того, чтобы немножко согнуть шею и наклонить голову перед жизнью, а не изображать памятник самому себе. Впрочем, каждому свое. Я свое получил сполна и никому ничего не должен. Поэтому своей бывшей семье я не могу завещать ничего, даже прощенья. А кривить душой не хочется.

Юрочка, если вдруг на мою долю что-то перепадет — допустим такой вариант, — позаботься о Вере Николаевне. Сделай это от себя. Я не хочу делать это сам, и ты понимаешь, почему. Не хочу, чтобы она чувствовала себя обязанной быть верной моей памяти. Слишком она хороший человек и слишком много потерь у нее было... Помогите ей смотреть вперед, а не в прошлое. Ты понимаешь, что я имею в виду? Впрочем, я не сомневаюсь, что ты сделал бы это и без моей просьбы».

Дальше я увидел слова: «Юра, ты должен беречь Лену...» — и опять вынужден был сделать перерыв. Пусть буря, которая поднялась в душе, хоть немного уляжется. Михалыч снова сказал самое главное для меня. Да, я лгал, я вертел всеми вокруг, я бродил на границе правды и неправды и даже на границе добра и зла. Но в самом страшном я не виноват. Почти не виноват...

Он оттуда протягивал мне руку помощи. Я так и не могу сказать, стало ли мне от этого легче. Разве можно почувствовать облегчение оттого, что у Михалыча оказалось больное сердце? И оправдываться этим в собственных глазах? Но он считал, что можно. Он для этого мне писал.

Меньше стало вины, но зато сильнее ее ощущение. Понимаете?

Я повторил процедуру успокоения, благо бутылка все еще была на столе и холодильник в американской кухне недалеко. Для надежности повторил процедуру. Помогло. Я готов был воспринимать спокойно все, что прочитаю в письме, и даже все, что последует в жизни. Здорово, несмотря на то, что меня слегка покачивало.

«Юра, ты должен беречь Лену. Она светлый человек...»

Он употребил в точности те же слова, что и отец Федор в недавнем прошлом. Они оба воспринимали ее одинаково. Но Леонид Михайлович понял и то, до чего отец Федор, при всей его душевной чистоте и простоте, никогда бы не додумался.

«Она светлый человек, и ты должен научиться прощать ее за это. Ты уже понимаешь, что высокие душевные качества — это самая большая ценность в жизни. Но в то же время и самое тяжелое испытание для человека. И не только для него, но и для тех, кто его любит. С практической, житейской точки зрения — это сущее несчастье. Но если есть в жизни смысл страдать, то только ради этого».

И после этих слов у него неожиданно вырвалось, даже строчка пошла с другим наклоном:

«А есть ли вообще смысл в страданиях ради чего бы то ни было? Может, лучше обойтись без них? Юрочка, постарайся, чтоб у вас их было как можно меньше».

Все. На этом письмо кончалось. Дальше шла знакомая мне витиеватая подпись Лихницкого.

Здесь же были еще два машинописных листа, тоже адресованные мне. Я прочел несколько строк. Речь шла о новой, неизвестной мне разработке Лихницкого. Но сейчас это меня мало интересовало, и я засунул листки в стол.

Потом налил еще рюмку. И, наконец, решился высказаться. Начал мысленно, но вскоре обнаружил, что говорю вслух...

— Уважаемый Леонид Михайлович, но если действительно нет смысла в страданиях, то почему вы с Леной — два, наверно, самых хороших и порядочных человека, которых я в жизни встречал, — так шарахнулись, разбежались от меня в разные стороны, как от прокаженного? Вы, Леонид Михайлович, правда, сделали это не по своей воле, но все равно, факт есть факт.

Я заметно осмелел и еще уверенней продолжал:

— Без компромисса — назовем это так — успеха не добьешься, не будем лицемерить. А без успеха и до страданий рукой подать. Или это неправда? А есть ли другой вариант? Хотя бы на будущее. Прошлого уже не изменишь... А может, просто нужно постараться быть счастливым независимо от всех? Не участвовать в людских дрязгах? В этих дурацких гонках за лидером?..

Да, жизнь иной раз допекает до такой степени, что действительно захочешь стать если не бомжем, то своего рода отшельником.

Когда, как обычно, вечером приехали Юрик с Риной, то нашли меня сильно возбужденным и не вполне владеющим правильной речью. Мудрая Рина на меня не рассердилась, а поощрительно сказала, что давно надо было это сделать. Что именно? Снять стресс. Молодец Рина, все знает, все понимает. А когда я показал им завещание и письмо Лихницкого, они тихо сели рядом со мной за стол и, не чокаясь, выпили за светлую память замечательного человека.

Бегство победителя

Несмотря на серьезное нарушение режима, а может, и благодаря ему, на следующее утро я проснулся в нормальное время — около восьми часов. Мой лейб-медик Рина плохого не посоветует. Давно нужно было попытаться вышибить клин клином. Я почувствовал, что туман вокруг меня начинает потихоньку рассеиваться. Это, разумеется, не означало, что уменьшилась боль и чувство одиночества. Просто я осознал, что пора прекращать тихую истерику, в которую

втянулся незаметно для себя. Пора начинать что-то делать. Бомжем стать еще успею, это от меня ни куда не уйдет.

Я даже сделал вполсилы привычную зарядку с эспандером. Затем спустился на кухню по внутренней лестнице и в знак протеста не стал разогревать кошерные сосиски. Достал из морозилки три роскошных бурекаса — своеобразное изделие из слоеного теста с начинкой, в данном случае с творогом, любимый завтрак израильтян. После разогревания в микроволновке он становится воздушным, пальчики оближешь. Нет, насчет вкусно поесть израильтяне не дураки. Молодцы. Впрочем, не знаю, израильское ли это изобретение — бурекас.

Я уселся за стол и на этот раз безгрешно запил бурекасы чашечкой кофе с молоком. Израильтяне утром черный кофе не пьют, только с молоком. А продолжительность жизни у них весьма высокая, даже по сравнению со странами Европы. Стоит обратить внимание...

Утро начиналось настолько прилично, насколько это было возможно в моей ситуации. Я решил не перечитывать письмо Михалыча, не хотел снова впасть в прострацию. Да и помнил я его почти наизусть. Поэтому, окончив мелкие хозяйственные хлопоты, уселся в кресло и принялся читать те два листочка с техническими сведениями, что предназначались, как было указано сверху, лично мне.

Но вникнуть в их содержание мне не удалось. Судьба решила дать старт новому этапу в моей жизни. Сигналом послужил длинный и какой-то нахальный звонок. Я открыл дверь и увидел двух незнакомцев. Один довольно пожилой, другой относительно молодой. Оба невысокого роста, плотные, оба лысые. У старшего — седенький венчик почти на затылке, у младшего — черный. Было в них что-то общее, хотя на отца и сына не похожи. На лице у старшего изображалось вежливое добродушие, а младший явно пытался выглядеть очень важным и значительным.

Как вы поняли по описанию, они оба сразу мне не понравились. Тем не менее я пригласил их войти, о чем вскоре пожалел. Это оказались два человека, которых я меньше всего хотел видеть не только сейчас, но и вообще когда бы то ни было. Младший — Моше Фридман, а старший — Иосиф Клемпемберг. Как они спаровались, как такие люди находят друг друга?

Первую скрипку играл Моше Фридман. Не дождавись приглашения сесть, он немедленно начал разогреваться. Таким же, как по телефону, агрессивным и настырным тоном он сообщил, что создана общественная комиссия по наследию крупного ученого Леонида Лихницкого. Поэтому мне надлежит — надлежит! — передать ей все материалы, которые крупный еврейский ученый — еврейский! — оставил после себя. И он сунул мне прямо под нос какую-то бумажку на иврите.

Наглости Фридмана не было предела! Я почувствовал, что ушедший было из головы туман опять начал сгущаться.

— А вы оба евреи?

— Конечно, евреи.

— Почему же вы из уважения к памяти большого еврейского ученого не могли хотя бы подождать, пока закончится траур, а пришли рыться в его вещах? Невтерпеж? А вы, — я кивнул в сторону Клемпемберга, — опять решили вынюхивать, где что плохо лежит? Статейку готовите?

Они оба мгновенно побагровели и стали еще больше похожи друг на друга. Кого они мне напоминали? Фридман немедленно принялся орать. Научился на своем новом поприще. А может, и раньше умел.

— Потому и не могли ждать, что некоторые сомнительные дельцы могут из-под носа утащить принадлежащие нашей стране разработки...

— Тоже патриот? И там и тут вас как собак нерезаных.

Это прозвучало очень грубо, и я внезапно успокоился — пикироваться с ними не имело смысла. Нужно было овладеть ситуацией. Спрятал бумажку в карман.

— Что это за общественная комиссия, куда входит следователь? Или вы там на общественных началах?

— Неважно.

— Важно. Вам на службе сказали, что меня нужно оставить в покое? Ведь так?

Я понял, что попал в точку. Все отразилось у него на лице. Фридман плохо соображал. Апломба у него было больше, чем опыта. Что ж, продолжим:

— Значит, это ваша личная инициатива? Вы доиграетесь до крупных неприятностей.

Похоже, я действительно попал в точку. Фридмана понесло.

— Нечего меня пугать! Чихать я хотел на пауков, которые сидят на мешках денег в галуте и хотят командовать нами. Это наша страна! Мы ее грудью и кровью защищаем. Пусть приезжают сюда и идут на территории...

Он испуганно остановился, но уже все было сказано. Контролировать себя он не мог. Видно, начальство за меня крепко щелкнуло его по носу.

Я окончательно успокоился. И невозмутимо сказал:

— Опять лишнее говорите. Ничего я вам не покажу. И прошу немедленно уйти из моей квартиры. А то помогу.

— Какая она ваша? Вашего тут ничего нет. Вы Лихницкому ни сват, ни брат. Это все наше, еврейское, — неожиданно визгливо подал голос молчавший Клемпемберг.

Я еще спокойнее сказал:

— Вон! У меня есть официальное завещание Лихницкого на все его имущество. — Они оба открыли рот. — Вон! И передайте, пусть вас больше не присылают.

Они пошли к двери. На пороге Фридман повернулся и угрожающе сказал:

— Это не так просто. Я вернусь с решением суда просмотреть все бумаги. А вдруг там есть что-то, что угрожает безопасности Израиля. Какие-нибудь такие, — он повертел пальцами, — такие сведения. Его взгляды нам хорошо известны. Я вернусь.

И они вышли. А я с облегчением вспомнил, кого они мне напоминают. Еврейские Бобчинский и Добчинский. Только, к сожалению, далеко не такие безобидные и куда более агрессивные, чем у Гоголя. Что вы хотите, время у нас жесточе будет...

А если бы Михалыч не позаботился обо мне?.. Но и сейчас, я понимал, возможно продолжение. Народ они упорный.

Но не слишком ли много я уделяю внимания этой парочке? В конце концов, Израиль — демократическая страна, здесь уважают и охраняют священное право собственности. И здесь есть независимый суд. Так-то так, но сомнения у меня оставались — слишком много я читал местную прессу. Что касается произвола в правоохранительных органах (да и во всем остальном), Израиль занимает промежуточное место между нашим беспределом и западным порядком. А если учесть, что западный порядок тоже весьма условен, то опасения мои не напрасны.

Назавтра, на седьмой день со дня смерти Леонида Михайловича, в числе прочих собирался приехать и Гроссман. Я решил посоветоваться с ним, а пока постараться забыть о неприятном визите. Снова уселся в кресло и продолжил прерванное чтение.

На этих листках Лихницкий подробно описывал, где, в каких папках лежат те материалы, касающиеся водопровода и сверхтекучести, которые не должны попасть на глаза посторонним. Наши ноу-хау. Без них построить и запустить систему будет невозможно. Я с этими материалами был знаком, но в таких делах только на память рассчитывать не приходится. Секретных записей набралось немало, две папки под номерами 8 и 9 были указаны в записке Лихницкого. Я открыл чемодан, в котором наш ученый без постоянного места жительства хранил свои работы. Папки эти оказались довольно объемистыми. Вывезти их незаметно вряд ли удастся. Неужели придется снова заниматься контрабандой?

Еще на тех листах были чисто технические советы, а в самом конце Леонид Михайлович сообщал, что первые пару лет после ухода на пенсию и до своего изгнания из дома занимался интересной, как ему кажется, разработкой. «Применение теории сверхтекучести жидкости для крупнотоннажных судов — так я ее условно назвал. Обязательно возьми ее с собой. Может пригодиться. Но там еще непочатый край работы».

Мне тоже показалось, что это интересно. Жаль, что работы непочатый край. А кто кроме профессора Лихницкого может справиться с ней? Еще один повод пожалеть, что мы все, и я в том числе, не дали возможности полностью развернуться такой силище...

Признаюсь, тогда я почти не обратил внимания на эту работу. Но папку под номером 11 решил вывезти из Израиля, раз Михалыч о ней упомянул. Я воспринял это как завет. Папка оказалась еще толще предыдущих. Я открыл ее: формулы, расчеты, графики. Снова формулы, снова расчеты, снова графики. Да, не с моим уровнем теоретических знаний в этом разобраться. Закрыв папку.

На следующий день Юлик и Рина отпросились с работы. Мы не знали, сколько человек приедет на «семь дней». Но на всякий случай купили немного закуски, немного спиртного, в том числе сладкое и очень вкусное вино «Кондитон», своего рода здешний кагор, но, по-моему, еще вкуснее. Словом, Рина знала, что нужно делать и что покупать в таких случаях.

Я вышел из состояния грогги и помогал им в роли простой тягловой силы.

К вечеру приехало человек двадцать пять. Бывшие сотрудники, парочка левых журналистов — последние из могокан, как они себя называли. Два-три активиста русскоязычной общины. И почти вся левая верхушка во главе с Гроссманом. Тихо, стараясь быть незаметным, вошел Люсик со своей женой Катей, а с ним еще одна знакомая мне пара из бывшей компании Лихницкого и Нины. Я им кивнул и сделал приглашающий жест. На большее меня не хватило.

Все были в черных кипах и, насколько удавалось, в темной одежде. Поэтому я не сразу понял, что явились аж три раввина. Один из них был реформистский, другой — консервативный. Это (сообщаю для неосведомленных) неортодоксальные течения иудаизма. Они, как правило, располагаются в левой, демократической части спектра израильского общества. И третий раввин, тоже реформистский, был, представьте себе, женщиной. Очень милой, симпатичной, интеллигентной и совсем не старой.

Как вам нравятся евреи? Женщина-раввин! И проводит службу! Вот вам реформистский, или, как его еще иногда называют, прогрессивный иудаизм. И соседствует он с крайними и, будем откровенны, фанатичными течениями ультраортодоксов. Попробуйте хотя бы запомнить 613 заповедей, я уже не говорю — выполнить. А положение женщины в ультраортодоксальных общинах от эмансипации, мягко говоря, крайне далеко. И здесь же, рядом — женщина-раввин...

Живя в Израиле, я не переставал удивляться здешним невероятным сюрпризам. Очень многие вещи — повторяюсь — обычной стандартной логикой объяснить было просто невозможно. Ну, например, такую.

Известно, что в галуте, то есть вне Израиля, живет большая часть евреев. Среди них сторонники реформистского или консервативного иудаизма в свою очередь составляют подавляющее большинство. А на их родине, в стране победившего иудаизма, эти течения вообще не имеют никаких прав. Только ортодоксальные! Свадьбы, похороны, обрезание, признание евреем, деньги, власть — все в руках ортодоксов. Чем это объяснить? Как это назвать?

Но вернусь в наш салон. Все, как и положено, проходило тихо, спокойно и печально. Посидели, сказали на трех языках — русском, иврите и английском — много хороших слов о покойном. Потом раввины по очереди стали читать молитвы. Я было решил, что это лишнее, но оказался не прав. Молитвы придали некую значительность и торжественность всему происходящему. Невольно каждый почувствовал, что является всего лишь частичкой чего-то вечного и непостижимого...

Потом пригубили немного вина. Да, в основном пили вино. Когда между присутствующими завязались тихие разговоры, я пригласил Гроссмана подняться со мной наверх.

Гроссман сразу же спросил, снимаю ли я свой проект с конкурса. В его вопросе звучало скорее утверждение, чем сомнение. Я кивнул в знак того, что снимаю. Затем осведомился, не буду ли я возражать, если они воспользуются моим отказом от конкурса для предвыборной борьбы. Я не возражал. В конце концов, никто не обещал защищать политические интересы Берна и компании в Израиле. Проект с конкурса сниму вовремя, все остальное меня не касается.

В свою очередь я коротко рассказал Гроссману о визите Фридмана и Клемпемберга. Они действительно могут помешать мне вывезти материалы Лихницкого? Гроссман отнесся к этому на удивление серьезно. На мои наивные восклицания: «право собственности... демократическая страна... как они смогут отнять...» — он ответил:

— Никто ничего отнимать не будет. Я думаю, будет примерно так. Они обратятся в суд и получают предписание: задержать материалы до окончательного решения суда после тщательного рассмотрения. И изымут их, чтобы ты пока ничего не украл.

— Украл — у себя?!

— Вот именно. Лихницкий работал в теплице. Был сопредседателем всеизраильской комиссии. Причины найдутся. Но главное — «тщательное рассмотрение» может продолжаться как угодно долго.

— А ты помочь не сможешь? — прямо спросил я. Гроссман так же прямо ответил:

— Могу только навредить, если вмешаюсь. Тогда тебя будут держать за руки и за ноги. Все эти органы находятся под влиянием правых партий. Выход один — бежать до получения судебного предписания. Но я тебе этого не говорил.

Веселенькая ситуация. Опять нужно принимать сомнительное решение. Черт-те что...

Мы спустились вниз. Там женщина-раввин мелодичным голосом читала что-то из Танаха. Я тихонько, стараясь не мешать, подошел к группе из четырех сослуживцев Лихницкого по теплице. Когда чтение закончилось, спросил у них, знают ли они что-нибудь о создании комиссии по наследию ученого. Один из них, который представился Наумом, — мужчина за шестьдесят,

серьезный, лысый, в очень сильных очках, — сказал, что его тоже включили в состав комиссии, но он отказался говорить с ними до окончания траура.

— Люди там нехорошие. И сами себя назначили. Хотя комиссия, возможно, поможет издать его книгу.

— Какую книгу?

— Теория сверхтекучести жидкости в трубопроводах. Вы о ней ничего не знаете? Леонид Михайлович мне ничего такого не рассказывал. На него похоже. Скромность гордеца.

У меня возникла идея очередного компромисса. Если я вывезу все материалы на родину, они там никому не будут нужны. А здесь, в теплице, на досуге будет кому заняться. Особенно если этому помочь.

— Если я открою грант памяти Лихницкого, скажем, на полмиллиона долларов, можно будет издать книгу? А заодно опубликовать и другие материалы?

Глаза Наума сделались шире стекол очков.

— Полмиллиона! Мы за них издадим целую серию!

Он сказал «мы», то есть сразу же дал согласие на участие в комиссии, хотя траур еще не кончился. Но его можно понять... Затем спохватился, немного смутился.

— Можно будет учредить стипендию его имени для учебы в Европе. Или у нас, — рассуждал он уже спокойнее. — Можно сделать немало полезного... Не так уж много в Израиле ученых его масштаба.

— Отличная идея. Я с вами свяжусь. Только выбросьте из комиссии этих самозванцев — Фридмана и Клемпемберга.

— Это я вам обещаю!

Бьюсь об заклад, мысленно он добавил: за такие деньги выгоним кого пожелаете. И я тоже был доволен — часть доли Михалыча пристроил на хорошее дело.

Я представил себе, какая буря поднимется в душе настырного Фридмана, когда он узнает, что из комиссии его тоже выставили. И правильно, нечего связываться с богатым человеком, будет ему наука. Приятно чувствовать себя победителем. Я невольно выпрямился в кресле и расправил плечи. И в тот же момент явственно услышал тенорок отца Федора: «Ох и негоже в такой момент тешить свою гордыню и предаваться суетным мыслям. Смирись, сын мой. Лучше вспомни, кто помог тебе в твоём успехе, кто так много сделал для тебя и даже за тебя. И продолжает это делать».

Станешь тут суеверным. Я постарался скромно ссутулиться. Тем более что победитель должен будет тайком бежать под покровом ночи, унося папки за пазухой... Насколько я узнал Фридмана, он в лепешку разобьется, а судебное постановление задержать материалы получит. С ночи займет очередь в приемную суда... Должность следователя в таком деле — немалое подспорье.

Эту уверенность поддержал во мне и Гроссман. Перед уходом он подошел и сказал, что переговорил кое с кем из присутствующих. Все сходятся на том, что мне нужно уезжать пораньше. Хотя следователь не должен быть сторонником какой-либо партии, но в кипящем израильском котле это практически невозможно. И Фридман душой и телом связан с «Единым Израилем». У них рычаги огромные, а у него все-таки пост следователя. Можно не сомневаться, что постановление он получит, это вопрос буквально трех-четырёх дней. Гроссман огорченно развел руками. Потом потоптался немного и попросил посмотреть, нет ли в архиве материалов о водной проблеме в стране.

— Я понимаю, сейчас не время. Но дело есть дело. Это касается нас всех. Он даже оглянулся, как будто за плечами у него стояли толпы евреев, весь народ Израилев.

Я пообещал.

Все разошлись. Я отправил Юлика с Риной домой — им вставать завтра на рассвете. Молодая репатриантка, специально вызванная на этот вечер, занялась уборкой и мытьем посуды, а я вышел прогуляться по тихой и почти опустевшей набережной.

Еще одно противоречие Израиля. Есть шансы быть взорванным террористом в любом месте, но зато по еврейским городам можно гулять ночами, не боясь разбоя. Правда, последнее время вроде бы участились случаи изнасилования. Так писали в газетах. Но те, кто этого не боялся (а я относился к числу таких смельчаков), могли бродить до утра.

В голове неторопливо ворочались именно те мысли, которые и должны появляться после вечера памяти: так проходит слава мирская. Неужели нужно обязательно умереть, чтобы люди тебя оценили по-настоящему? Почему никто не протянул руку помощи, когда он ушел в

добровольное одиночество, стыдясь чужой подлости? Нет, жизнь определенно сурова и слишком часто несправедлива. И питает явную слабость к тем, кто этого не заслуживает. Почему?..

Наверно, под влиянием этих размышлений мне почудилось что-то знакомое в силуэте женщины, одиноко и понуро сидящей на скамейке у моря. Неужели Нина Лихницкая? Если бы это могло вернуть Михалыча, я бы к ней подошел. Но сейчас я, ускорив шаг, прошел мимо.

Впрочем, возможно, мне показалось. Чересчур хорошо о ней подумал. Нина слишком трезва для таких сантиментов. Я постарался выбросить ее из головы. Кровожадные мысли в такой вечер были ни к чему...

Я прогуливался вдоль моря и наслаждался относительной — двадцать восемь градусов — прохладой. Как вам нравится такая прохлада?.. С завистью я смотрел на идущих быстрым спортивным шагом, одетых в обтягивающие спортивные костюмы далеко не худых израильтянок. Спортсменок в Израиле полно, хотя на их комплекции ходьба почти не сказывается.

За неделю сидения в квартире я утратил форму и мгновенно становился мокрым, как только ускорял шаг. Ничего удивительного. Даже стоящие у домов автомобили, несмотря на двадцать восемь градусов, блестели, облитые росой. Почему так происходит — науке не известно, но это факт. Можете приехать сюда и убедиться.

Я попытался настроиться на практический лад. Как мне поступить? Сразу бежать или гордо подождать развития событий? Правда, был еще один вариант — обратиться за помощью к боссу, который, собственно говоря, и натравил на меня этого Фридмана. Я понимал, что стоило мне передать Берну пассажи Фридмана о пауках за границей, от последнего мокрого места не останется. Но унижаться до наушничества не хотелось.

Была еще одна причина. Я уже достаточно обжился в волчьей шкуре бизнесмена, чтобы нутром понимать: не стоит пока делиться с Берном сведениями о двух папках ноу-хау. Лучше подстраховаться и подождать развития событий.

Решено: я тихо сбегу, сохраняя достоинство. Внутренне. Внешне не получится. Пора отправляться домой.

Не сбавляя хода, я позвонил по мобильнику в справочную аэропорта и узнал, что самолет во Франкфурт-на-Майне отбывает послезавтра в 23 часа 15 минут. Очень удачно, под покровом ночи... В лучших традициях детективов.

И только в эту минуту осознал, что, решив отправляться домой, справился о рейсе на Франкфурт. Я привычно считал, что мой настоящий дом там, где Лена. А так ли это?

Осталось еще одно, очень важное дело. Надеюсь, двух дней будет достаточно. Сейчас в Нью-Йорке конец рабочего дня. Я набрал номер телефона секретарши Стивена Дзецина. Так, да будет вам известно, зовут моего рыжевато-го начальника, управляющего нашей общей фирмой «Аква Америкен продакшн». «Америкен» осталось от названия моей фирмы «Американская кухня». Немного осталось, но я не переживал по этому поводу...

Я помнил, что в списке наших совместных владений был и серьезный пакет акций в могучем израильском объединении «Хеврат маим». Переводится как водная компания или, дословно, «фирма воды». Это один из двух израильских хозяйственных гигантов с контрольным пакетом акций у государства. Второй гигант, «Хеврат хашмаль» — электрическая компания. Обе они монопольно владеют всем, что течет в Израиле по трубам или по проводам. Размеры нашего влияния в «Хеврат маим» определялись цифрой с шестью нулями.

Когда меня соединили со Стивеном, мы дружелюбно обменялись приветствиями: я сказал «хау ар ю», а он — «ма нишма». Затем я сообщил, что послезавтра вылечу в Европу, что номер моего телефона не изменится. И перешел к главному — попросил как можно быстрее связаться с начальством «Хеврат маим», рекомендовать меня и попросить принять по срочному делу. Дело личное. Стивен не стал допытываться, что за дело, и обещал все устроить.

Я прикинул: Стивен позвонит завтра, у нас будет вторая половина дня. Очевидно, свидание состоится только послезавтра. Поздновато, времени останется в обрез. Ничего, постараюсь успеть.

Но я недооценил западную оперативность и обязательность. На следующее утро меня от завтрака оторвал телефонный звонок. Приятный женский голос, на мой взгляд, а точнее на мой слух, на приличном английском спросил, устроит ли меня время двенадцать часов дня. Помощник управляющего фирмы будет рад встретиться со мной в Хайфе. Я согласился. Может, за вами прислать машину? Я и на это согласился. Шесть нулей делали свое дело. Молодец Стивен. Наверно, сразу после нашего разговора отправил факс, и наутро он уже лежал на столе у начальства. Мои симпатии к Стивену еще возросли.

Помощник управляющего производил очень приятное впечатление. Смуглый марокканец, с животиком (распространенный в Израиле недостаток), с весьма располагающими манерами. Никакого высокомерия и тем более подобострастия. Полная естественность. Одна беда — не отключал телефон и пелефон. Но к этому я стал привыкать.

Он знал, что я подавал проект на конкурс, и откуда-то получил информацию, что отзываю его. По-моему, все вокруг всё узнают раньше меня. Чувствовалось, что любопытство его распирает: зачем отозвал, почему? С видимым трудом он овладел собой и лишних вопросов не задавал.

Я не стал задерживать ни его, ни себя. Сказал, что хочу быть с ним полностью откровенным. Серьезными проблемами я пока заниматься не могу, только вхожу в курс дела. Очень тактично, как мне показалось, намекнул, что из шести нулей половина принадлежит лично мне. Внимание ко мне удвоилось. Поэтому (и я снова подчеркнул свою прямоту) мне хотелось бы иметь доверенное лицо на предприятии. Есть у меня в Израиле человек, которому я полностью доверяю. И прямо скажу (я уже сам себе надоел со своей прямоотой): хочу кроме официальной общей информации иметь и личную. Это не недоверие, но, я бы сказал, предусмотрительность...

Напрасно я так разглагольствовал. Израильская ментальность во многом левантийская, и устроить своего человека на работу здесь дело святое. Это понимается гораздо лучше, чем всякие общие рассуждения о пользе дела...

Всего два вопроса о моем протеже. Один по поводу иврита, другой о специальности «ба-Русия» — в России. О, механдес! Инстиляция! Тов меод. (О, инженер! Водопровод! Очень хорошо). Двадцать пять тысяч шекелей в месяц для начала хватит? (Это пять тысяч долларов). Отлично. Но я завтра улетаю, и хочу быть уверен... Никаких проблем. Пусть сегодня же зайдет.

Мы расстались довольные друг другом. От обеда я отказался, и та же машина доставила меня домой.

Я позвонил Юлику и попросил немедленно приехать ко мне. Работа? Плюнь на эту дурацкую работу. Сразу же приезжай. Скажи, что двоюродная бабушка скоропостижно скончалась.

Когда я рассказал ему о перспективах, то по его глазам понял многое. Понял, что всеядность и отсутствие комплексов у эмигрантов — легенда. Как и громогласные заявления типа: любой труд хорош, лишь бы платили. Просто все загоняется глубоко внутрь. Он готов был немедленно рвануть в «Хеврат маим». Я буквально схватил его за шиворот.

— Стой, куда ты мчишься на своих задрипанных «Жигулях»? Появление на этой лайбе будет стоить тебе минимум пары тысяч оклада. В долларах. Бери «Ситроен».

Юлик испарился, даже не поблагодарив меня. Выдержка ему изменила. Да, хорошо быть рождественским Дедом Морозом даже при тридцатидвухградусной жаре... Если я собирался завтра вечером улетать, то у меня оставалось мало времени и еще много дел. И главное

— нужно попытаться как можно быстрее оформить права на имущество Леонида Михайловича. К счастью, я обнаружил в записной книжке мобильного того самого старичканотариуса. И к счастью, он оказался на своем рабочем месте. На довольно приличном русском языке (тоже бывший поляк, а ныне еврей) он посочувствовал мне и себе. Так и сказал: «Смерть Лихницкого — это горе для нас обоих». И согласился немедленно меня принять. У него, естественно, хранился и экземпляр завещания.

Мы оформили все, что могли, хотя могли не слишком много. Процедуры достаточно усложнены, повсюду нужно ждать и платить... Но вряд ли это вас заинтересует, если не ожидаете наследства в Израиле.

Ночь я, как обычно, провел в полудреме. И немалую роль в этом играла израильская летняя жара и влажность. Лежишь как горбуша в собственном соку. И кондиционер не спасает. С кондиционером, особенно маленьким, рассчитанным только на спальню, тоже проблемы. Закроешь окно — задыхаешься от отсутствия свежего воздуха, откроешь — становится жарко. Нынешние кондиционеры только охлаждают воздух в комнате, но не добавляют свежего. Бродишь всю ночь, чуть прикроешь окно, чуть откроешь, а спать когда?

На следующий день я встал чуть свет и принялся просматривать материалы в чемодане Леонида Михайловича. Рукопись книги производила очень солидное впечатление и объемом, и оформлением. Уверен, и содержанием — для тех, кто разбирается. Мне и пытаться не стоило, не мой уровень.

Я забрал свои три папки за номерами 8, 9 и 11. Две папки компромата по водной проблеме, о которых мне рассказывала Лена, тоже изъял. Их я собирался отдать Гроссману. Остальное в

присутствии все того же симпатичного старичка официально передал Науму в очках с толстыми линзами. Поручил им обоим сделать официальную опись всех материалов и дал будущей комиссии письменное предварительное указание начать работу. Квартиру, аренда которой оплачена на полгода вперед, я оставил в распоряжении этой самой комиссии. Выписал на всякий случай чек на предварительные расходы. Все остались довольны.

Ближе к вечеру поехал и простился с Михалычем. Юлик было вызвался сопровождать меня, но Рина его одернула. Она поняла мое желание ехать одному...

Все дела были закончены. Можно было совершать побег.

Гроссман вечером приехал за папкой и даже вызвался проводить меня в аэропорт. Я вежливо отказался: нет, зачем же, меня проводят. При нынешней политической ситуации в Израиле он вряд ли поможет, а внимание наверняка привлечет. Только демаскирует беглеца. Мы тепло попрощались, и я опять подумал, что он был бы еще симпатичнее, если бы не ощущал за своей спиной не только толпы евреев, но и весь народ Израилев.

В аэропорту никто на меня внимания не обращал, в папки не заглядывал. Сдержанная Рина всплакнула, Юлик был какой-то растерянный. Я сказал, что мы хорошо дружили семьями, и тяжело вздохнул. А Рина в ответ пообещала, что мы будем так же хорошо дружить и теми же самыми семьями. Юлик только кивнул головой. Он верил Рине безоговорочно. Поверил и я — очень уж хотелось верить...

Франкфурт, Нью-Йорк, далее везде

Снова гул двигателей, снова высота девять тысяч метров, снова ожидание перемен.

Я очень надеялся на встречу с Леной, но в то же время и боялся ее. Чтобы снять напряжение, я применил проверенное средство — попросил порцию рок-виски. Затем еще одну. Результат не заставил себя долго ждать. Мысли приняли критическое и скептическое направление. Эти цельные и неповторимые женщины, Лера и Лена, вконец запугали меня бедного. Прав был Михалыч: высокие душевные качества — нелегкая ноша. «Ему б чего-нибудь попроще, а он циркачку полюбил». Я печально вздохнул. Ничего не попишешь, мне на роду написано любить циркачку. Против судьбы не попрешь.

Я отдавал себе отчет в том, что и дальше придется нелегко. Раньше тоже было непросто, а сейчас — тем более. Слишком я изменился за последние полгода. Я искренне надеялся, что циником не стал, но и смотреть на жизнь сквозь розовые очки, как раньше, уже не смогу. Идеализм, как и невинность, можно потерять только один раз. Как ни старайся, потом не вернешь. При этом сравнении я самодовольно ухмыльнулся — рок-виски придало мыслям сочность и здоровую земную пошлость. На радостях я полностью расслабился и даже немного вздремнул, что со мной в самолете бывает крайне редко.

Снова на выходе из аэровокзала меня встретили относительная прохлада, легкий дождь и невозмутимый Валик Пасов. Еле заметно светало — не то поздняя ночь, не то раннее утро. Я неловко стал извиняться перед Валиком — выдернул человека ни свет ни заря. Мой нестандартный друг удивленно посмотрел на меня:

— Юрка, я еле-еле успел закончить сеанс. Ты выбрал самое лучшее время, о чем разговор?

Мы поехали к нему. На стене гостиной прямо напротив входа я увидел знакомый портрет — Зигфрид с Фридой во всем очаровании большой неземной любви. Я удивленно посмотрел на Валика.

— Если Фрида это увидит, будет неловко. Она рисунок подарила мне. Нехорошо получается...

— Не увидит. Она переехала в Берлин. Там ее киностудия и там работа. И даже родители подались вслед за ней. Приезжать ей сюда незачем. И не к кому.

Он попытался поправить подушку на диване, но она лежала идеально...

Я комментировать не стал. Все было понятно.

Но и о своих бедах Валику ничего не рассказал. Он был достаточно в курсе дела, чтобы самому сообразить, почему все так закончилось.

Мы говорили обо всем, кроме моих проблем. Валик, когда нужно, мог проявлять грубоватую на вид чуткость, которая была замаскирована под безразличное спокойствие. Так он был устроен.

Я поинтересовался, как идут дела у Сазонова. Неважно идут дела. Фирмы, которые я ему отдал, кто-то на Украине заблокировал. Я понял, что этот кто-то — Садко. Здесь, в Германии,

Сазонов уже заложил и именице с виноградником, и оба парохода. Но на этом его беды не кончились: один сухогруз нуждается в ремонте и ходит с трудом, а денег свободных нет. Как обычно, все одно к одному.

— Откуда ты все это знаешь?

И стандартный ответ:

— Столько лет кручусь на бирже. Слона можно выучить... Мне стало жаль Сазонова, даже появились легкие угрызения совести, но я пощупал темя — и успокоился.

...Назавтра мы поднялись около полудня, и я сразу же стал собираться на встречу с Леной. Решил идти прямо к ним домой, без всяких интеллигентных предупредительных звонков. Но на всякий случай (закалка бизнесмена!) решил подготовиться к тому, что встреча не состоится. Мало ли что. Лена могла куда-нибудь уйти или уехать. Могут меня и не принять, подумал я мрачно.

Хочу признаться, в душе у меня постепенно стала накапливаться обида. Недостойное чувство, я сам это сознавал. Но обида не исчезала. Почему не звонит и даже не отвечает на звонки? Это ни в какие ворота не лезет. Даже если бы я кого-то убил-зарезал... Впрочем, она и считает, что убил... Хотя не должна обо мне так думать. Словом, я совсем запутался в рассуждениях, но подспудный протест нарастал.

Готовясь к визиту, я отсканировал и распечатал письмо Лихницкого и его завещание. Затем, слегка распалившись, набрал на компьютере коротенькую записку. В ней я писал, что мы должны серьезно поговорить, и в сердцах добавил: пока не поздно. Что ей стоит подумать над тем, о чем говорит в своем письме Михалыч. И в конце приписал основное:

«Лена, я думаю, что в нашей жизни может случиться всякое. Не должно быть только одного. Даже мысли о том, что мы можем бросить друг друга, не должно возникать. Это главное. Иначе все не имеет смысла».

Вооружившись конвертом с этими листками, я решительно направился в гости к своей гражданской теще. Лена, естественно, еще не развелась с Семеном — просто времени на это не хватило. То есть официальным зятем я до сих пор не был.

Довольно легко я нашел район, где жили ее родители, прошелся по памятным местам, где мы с Фридой в обнимку шли навстречу обалдевшей от удивления троице. На двери подъезда их многоэтажного, довольно ухоженного социального дома был код. Я растерянно потоптался на месте — воспользоваться переговорным устройством не хотелось. К счастью, вслед за мной подошла старушка, она и открыла входную дверь. Я юркнул за ней — и вот уже нажимаю кнопку звонка над табличкой «Розенберг и Альтман». Альтман — это Лена. Неприятное напоминание.

Открыла дверь ее мама, довольно моложавая симпатичная женщина. Наталья Васильевна была очень похожа на дочку. Точнее, дочка на нее. Натренировавшись за долгую жизнь в стране дружбы народов, я легко определил, что в Израиле Лена была бы русской. По матери. Там Лев Розенберг, ее отец, в расчет бы не принимался. А в Германии она считалась еврейкой. Чудны дела твои, господи, если при переезде из страны в страну меняется национальность.

Наталья Васильевна явно растерялась, но интеллигентное воспитание учительницы музыки взяло верх, и она довольно приветливо пригласила меня пройти. Предложила сесть на диван. И только после этого сказала, что Леночки нет во Франкфурте, что она уехала недели на две в Кельн в гости к своей подруге Рут Лемке.

— Вы ее знаете? Они вместе в Кельне снимали квартиру.

Еще бы не знать. Рут до недавнего времени работала в моей фирме, ее я вместе со всей бригадой, ни слова не говоря, оптом продал Сазонову. Тот их всех немедленно разогнал. Теперь мне попадаться на глаза Рут определенно не стоило. Везде наследил...

Наталья Васильевна явно колебалась, продолжать рассказывать или не стоит. Потом решила:

— Леночка собирается посетить там врача...

У меня перехватило горло:

— Врача? Что-то случилось?

— Юрий Сергеевич, разве мало того, что случилось? У Леночки был сильнейший нервный срыв. Не спит совсем. Плачет! — это было сказано с ужасом. — Лена плачет! Такое и представить себе было невозможно! Из нее никогда слезинки нельзя было выдавить.

Это я знал. А что нервный срыв — ничего удивительного. Моя травма, разрыв с Семеном, смерть Михалыча, мое низвержение с пьедестала — и все за каких-нибудь четыре месяца. Кто такое выдержит? Мне стало так ее жаль, что даже закололо под лопаткой. Похоже, Наталья Михайловна это заметила и поняла.

— А как сейчас? Как она сейчас?

— Лучше. Пока...

Она неловко замолчала и невольно взглянула на телефон. Я понял, что она хотела сказать. Пока не появляюсь в каком-нибудь виде я — пусть даже в виде номера на определителе. А уж во плоти — и говорить нечего.

— Юрий Сергеевич, мы очень волнуемся...

— Я тоже.

— Леночке нужно дать успокоиться и прийти в себя. Врач говорит, что сейчас ни в коем случае нельзя это состояние запускать...

Я не знал, что сказать.

На лице Натальи Васильевны опять отразилось сомнение.

— Юрий Сергеевич, Лена считает, что вы во всем виноваты. В этой фразе прозвучал невысказанный вопрос: «А вы, как вы сами считаете?».

Я почувствовал смесь вины и обиды. Одновременно. Такой коктейль. Так и ответил:

— Виноват. Но не перед ней. Перед человечеством. Человечество простит. И Леонид Михайлович простил, мне так кажется. А с Леной сложнее...

По ее глазам я видел, что она мало что поняла. Объяснил попроще:

— Она не может понять, почему я скрывал от нее и от Лихницкого правду о своих махинациях в бизнесе. Почему я им лгал.

— Только в бизнесе?

— Только!

Она облегченно вздохнула. В отличие от дочки, это ее не слишком трогало. Я почувствовал к ней симпатию. Мне показалось, что мы найдем контакт, между нами явственно протянулась ниточка взаимопонимания. Но Наталья Васильевна с неожиданной тревогой взглянула на часы, и я догадался, что вот-вот должен появиться Лев Розенберг. Из Лениных рассказов я знал, что отец — столп твердой морали и высоких принципов. Не зря он не брал трубку, когда Лена звонила. На переубеждение его у меня не было сил, да и желания. Я передал Наталье Васильевне конверт для Лены и попросил уговорить дочь позвонить мне. Нам нужно поговорить, нельзя затягивать тяжелую ситуацию. Мне показалось, что она готова согласиться, но при этом все время прислушивалась, не раздадутся ли тяжелые шаги командора. Я попросил немедленно позвонить мне, если Лене хоть самую малость, не дай бог, станет хуже. Очень попросил. Наталья Васильевна мне это твердо пообещала.

И я поспешно ретировался, стараясь соблюдать приличия. Еле успел. Когда я выходил из лифта, навстречу поднимался сухопарый джентльмен с гордо поднятой седой головой, в немодной клетчатой рубашке и сандалиях. Я узнал в нем Розенберга. Кажется, он меня не разглядел.

Я решил пожить у Валика пару дней и подождать, не будет ли каких-то сигналов от Лены. Сам я разыскивать ее не хотел — понимал, что не стоит этого делать. От безделья во время ожидания страдать не пришлось. Было чем себя занять. Нужно было возвращать долги — много их у меня накопилось. Не моральные — это было не в моих силах, а вполне материальные. Прежде всего, я должен был отдать Семену часть полученных от Сазонова за нашу фирму трех миллионов. Я позвонил Верочке (не обвиняйте меня в бессердечии, я с ней говорил после смерти Лихницкого едва ли не каждый день) и попросил сделать добросовестный расчет доли Семена с учетом выплаченных Садко долгов и прочих расходов. Получилось около миллиона евро — тоже неплохо на черный день. Связываться с ним у меня в таком состоянии просто духа не хватало, поэтому я попросил Верочку сделать это самой. Семен, посопротивлявшись для приличия, позволил убедить себя в том, что такое решение вполне справедливо. Оно действительно было совершенно справедливо.

Затем я попросил Верочку предоставить льготный кредит Алине и дать ей возможность выкупить магазин в Риге. Поручил выдать солидные премиальные тем сотрудникам нашей фирмы, которых уволили новые хозяева. Словом, вел себя как и положено новоявленному нуворишу, у которого появилась возможность оплатить деньгами свои грехи и получить род индульгенции.

Верочку я оставил у себя в новой фирме в качестве главного экономиста по восточным регионам, это было оговорено мной еще в Лондоне. Правда, при условии, что платить ей я буду из собственных средств. Это был, я помню, первый сигнал: фирма не намерена смешивать личные интересы с общественными. В дальнейшем я не раз ощутил это на своей шкуре...

Вечерами, когда Валик удалялся на сеанс, я просматривал папки Лихницкого и параллельно пытался разобраться в собственном душевном состоянии. Истерику я прекратил полностью. Но чувствовал себя... Как бы это понятней объяснить? Как корабль при игре в морской бой. Четырехтрубный корабль, в который было два попадания. Помните эту игру? Б-4 — ранен, Б-5 — ранен, Б-6 — мимо... Два моих квадратика были уже перечеркнуты крест-накрест. Я еще довольно прочно держался на плаву, но снаряды рвались близко, покоя и уверенности в будущем не было. Еще парочка попаданий — и можно поднимать сигнальные флаги: «погибаем, но не сдаемся».

Впрочем, я не хотел предрекать себе печальное будущее и изо всех сил пытался оставаться оптимистом. Если бы Лена была рядом или хотя бы позвонила, мне бы это далось намного легче...

К счастью, на второй день я набрел на тему, которая меня очень заинтересовала и отвлекла от самокопания, порядком мне надоевшего.

Был поздний вечер. Валик трудился у себя в кабинете на втором этаже. Вдоль винтовой лестницы спускался дымок от его сигарет. В каких облаках пребывал сам труженик, трудно было себе представить. Я небрежно раскрыл папку, оставленную мне Михалычем, и, позевывая, стал проглядывать формулы и расчеты. «Кси на пси на эпсилон на пи». Страниц сто расчетов. А в самом конце я обнаружил листов десять — пятнадцать, написанных человеческим и понятным простому смертному языком. Подозреваю, что предусмотрительный профессор написал это, как он любил шутить, «для особо одаренных», то есть и для меня. Там же был и примерный экономический расчет, а уж в этом-то я с грехом пополам мог разобраться. Дальше шли чертежи профилей пластмассовых листов. Просмотрев вскользь эти материалы, я заподозрил, что чересчур скромный ученый преувеличил незавершенность своей работы. А прочитав преамбулу и сам экономический расчет, окончательно понял, что наш Михалыч будет преподносить сюрпризы еще долго после смерти.

Мысль его показалась мне довольно простой. Впрочем, любая мысль кажется очевидной после того, как уже пришла кому-то другому в голову. Вот в чем она заключалась: если корпус судна обшить соответствующим пластическим материалом, то между корпусом и водой при определенных условиях — Лихницкий доказал это — может возникнуть явление сверхтекучести. И тогда скорость судна увеличивалась в полтора и даже два раза! Подчеркивалось, что речь идет о большегрузных судах. В таких случаях экономический эффект был наиболее впечатляющим.

Ошарашенный этими цифрами, я прочел пятнадцать страниц более внимательно. И понял, что Лихницкий все-таки не поскромничал. Вопросов оставалось немало, может, даже больше, чем ответов. Это ведь была чистая теория, ни одного, даже простейшего, эксперимента Леонид Михайлович после увольнения из теплицы осуществить уже не мог. Но зато в случае успеха — какой результат!

Самое поразительное — Леонид Михайлович полностью подготовил для оформления патенты на принцип сверхтекучести для судов, на конструкцию и на профиль пластмассовой обшивки. На самое необходимое. Он постарался сделать все возможное, чтобы нам даже разжевывать ничего не нужно было. Только проглотить. И не забыть сказать спасибо.

Я решил пока не форсировать события, а поместил эту идею на то место, которое освободилось у меня в голове после окончания операции «Прожект». В таком деле торопиться не следовало. Мысленно окрестил операцией «Прожект номер два» в надежде, что такое название принесет этому замыслу счастье. Я не сомневался, что постепенно он тоже превратится для меня в идефикс. На это были все основания.

На следующий день я положил все три папки в сейф франкфуртского банка — разъезжать по миру с такими бесценными материалами было верхом легкомыслия.

Лена не давала о себе знать. Ждать у моря погоды было глупо. И я стал собираться в дорогу.

Мне хотелось позвонить Наталье Васильевне и узнать, как обстоят наши с Леной дела, но я удержался от соблазна. Все от меня зависящее, чтобы навести мосты, я сделал. Что-то нужно предпринять и второй стороне, если она мной дорожит. А если не слишком, тогда... Но думать об этом не хотелось.

Пора было приниматься за дело. Считается, что работа лечит эмоциональные расстройства, успокаивает, отвлекает от переживаний. К бизнесменам из СНГ, надо сказать, такая теория неприменима. Наш бизнесмен — это контрабандист, который вынужден регулярно пересекать границу закона, переправляя грузы и деньги из зоны нелегальщины в зону добропорядочности и обратно. Эта бесконечная игра с огнем спокойствия не прибавляет. Но на Западе, думалось мне, совсем другое дело. Мне предстояло попробовать свои силы в солидной фирме, где правила игры законны и понятны всем, где люди относятся друг к другу с уважением. Там достоинство человека

важнее всего, и никто не может унижить сотрудника, а тем более подчиненного. Я знал, что на Западе трудятся много, но это меня не пугало. Я готов был вкалывать, лишь бы не пришлось смешивать жульничество с работой.

На третий день я решил поступить как настоящий мужчина и прекратить позорное и бессмысленное ожидание звонка. В конце концов, номер моего мобильного у Лены есть, значит, при желании она может разыскать меня на любом конце планеты. Было бы желание...

Выбрав удобное время, я позвонил Стивену Дзечину и сообщил, что готов приступить к своим служебным обязанностям. Стивен в довольно мягкой форме предложил мне прибыть... то есть посетить... то есть прийти (он долго подыскивал слово поделикатней) в центральный офис Берна в Нью-Йорке. Чувствовалось, что он еще не выбрал линию поведения в отношении со мной. А сложности были. Стивен был моим непосредственным начальником, управляющим фирмы, но, с другой стороны, он все-таки просто менеджер, работник, нанятый акционерами. А я был весьма солидным совладельцем — сорок девять процентов акций! Меня такая ситуация полностью устраивала. Демонстрировать дурной нрав я не собирался, но и безропотно подчиняться командам вряд ли смогу. Слишком долго я был сам себе хозяин, а к хорошему легко привыкаешь. Ничего, разберемся. Я не скандалист по натуре, да и Стивен мне показался коммуникабельным и не заносчивым американцем. Кроме того, лучше, если мой начальник станет союзником, а не противником.

С подобными оптимистическими мыслями и намерениями я отправился в Нью-Йорк. Валик привычно и безропотно отвез меня в аэропорт, хотя самолет, как у нас повелось, отправлялся глубокой ночью. На очередную порцию моих извинений и благодарностей он ответил:

— Юрка, я уже втянулся. Прилетай скорей, и снова за темно. Мне будет этого не хватать. Я поверил, потому что и сам чувствовал подобное.

Новый Свет

В Америке я был всего два раза, и оба раза проводил большую часть времени в Нью-Йорке. Там жили мама с дядей Гришей и Натка со своим восьмилетним сыном.

Натка по прибытии в Штаты трезво рассудила, что никаких университетов ей не надо. Она закончила очень престижные курсы визажистов, но пошла по линии администрирования, к чему у нее был явный талант — с ее-то хваткой и решительностью. Сейчас Натка была хозяйкой весьма респектабельного салона красоты. Не помешал ей даже несомненный русский акцент. При ее характере такие мелочи были несущественны.

Так же решительно десять лет тому назад она вышла замуж за немолодого — в таком возрасте, как я сейчас — американца. Довольно состоятельного. Познакомиться с ним мне не удалось, потому что мой шурин не учел русской ментальности и не особо скрывал свои шашни с секретаршей. По его мнению, это были пустяки. Натка думала иначе и выставила гуляку прочь, не забыв отсудить приличную компенсацию. Теперь, учитывая алименты и салон, она была вполне обеспеченным человеком.

Немедленно после развода моя сестрица купила себе отличную холостяцкую квартиру. Холостяцкой традиционно называют квартиру одинокого мужчины, но, мне кажется, это определение давно устарело. Нынешние самостоятельные женщины ведут куда более типичный холостяцкий образ жизни, чем хнычущие и страдающие от одиночества и обманутых надежд современные мужчины. (Похоже, я и себя задел ненароком...)

Не стоит удивляться, что при таких взглядах на жизнь вступать в следующий брак она не хотела — смысла не было. Деньги есть, свобода есть, все остальное можно найти без лишних хлопот и ответственности. С доставкой на дом. Не нужно также удивляться, что молодой Джон — такое «редкое» для Америки имя выбрала практичная Натка моему племяннику — большую часть времени проводил у бабушки с дедушкой. Благо жили они по соседству. Поэтому я заранее отверг предложение поселиться у них в трехкомнатной, или, как они называли ее на американский манер, двухбедрумной квартире.

Я снова убедился в том, что уехали они не зря и вовремя. Старшие выглядели довольно хорошо, хотя дядя Гриша все еще хромал. О деньгах не слишком думали, не в обиду большинству оставшихся на родине будь сказано. Больше о здоровье. Одна беда — постарели. Но в этом иммиграционные службы и службы социального обеспечения не виноваты. Жалобы обращайтесь к господу богу...

Мама была так счастлива от встречи со мной, что я дал себе клятву бывать у них каждый день, пока я в Нью-Йорке. И почти сдержал слово.

Мое появление на новой работе было в точности таким, каким я его себе представлял. Здание в деловом районе Манхэттена, в котором размещался офис, было еще эффектнее лондонского. Черные полированные зеркальные плиты еще выше вздымались в небо. Правда, Берн и К° занимали в этом здании всего четыре этажа, зато в офисе все было наисовременнейшее и по высшему разряду.

Не слишком симпатичная, но очень серьезная на вид секретарша подчеркивала солидность фирмы: здесь за внешним эффектом не гоняются, главное — профессионализм. Однако меня она встретила со всем доступным ей радушием. Вышла из-за стола, постаралась улыбнуться и неожиданно мелодичным голосом сказала, что мистер Дзедин и все сотрудники меня ждут. Назвалась Сарой Шлоссен. Я постарался как можно обаятельнее улыбаться — это у меня получалось лучше, чем говорить по-английски. В тот день я старался как можно чаще слова заменять мимикой.

Стивен встретил нас на пороге своего кабинета, долго тряс мне руку и выражал соболезнования по поводу безвременной кончины уважаемого ученого Лихницкого. Я заметил, что кабинет был довольно-таки невелик. Словно прочитав мои мысли, Стивен сказал, что наш основной офис — в Лондоне, и там все солиднее. А тут — так, промежуточная стоянка. Впрочем, это я уже знал. Здесь, в Нью-Йорке, размещаются две основные крупные фирмы Оскара Берна, а к нашей относятся всего двадцать пять человек, занятые общим учетом, статистикой и бухгалтерией.

Затем он предложил мне устраиваться в кожаном кресле возле столика в углу кабинета, собственноручно принес подносик с бутылкой коньяка (если мне память не изменяет, это был «Наполеон»), уселся напротив в такое же кресло и сказал, что сегодня есть повод нарушить традицию и немного выпить. Хотя это у них не принято. Мы с ним нарушили традицию, коньяк был отменный, нарушили еще по рюмочке. Закусили лимоном.

Раздался легкий стук в дверь, и, не дожидаясь ответа, вошла смуглая женщина лет тридцати. Может, немного моложе. А может, постарше. У современной женщины возраст определить нелегко. Солидные очки, строгая прическа и деловой костюм не могли полностью скрыть ее сексуальность. Мы вежливо встали. Стивен представил ее как моего технического секретаря, самого ценного и незаменимого работника фирмы. При этом он невольно вздохнул и посмотрел на работника преданным, я бы даже сказал, собачьим взглядом — хотя такое определение плохо вяжется с управляющим солидной фирмы. А я про себя отметил, что мой новый начальник не слишком умеет скрывать свои чувства. Хорошо ли это? Посмотрим.

Стивен объяснил, что таково было распоряжение самого Оскара Берна, и это прозвучало как оправдание. Я понял: добровольно столь ценного работника он бы ни за что не отдал. Наверно, и ценный работник это понял, но никак не отреагировал. Еще раз вздохнув, Стивен сказал:

— Мисс Синтия Лопес, прошу любить и жаловать.

Мисс Лопес молча и очень скромно протянула мне руку. Даже если бы не такая традиционная фамилия, невозможно было усомниться в том, что она, как говорят американцы, «латинос». Я даже подозреваю, что в число ее не слишком далеких предков затесался кто-то из Африки. Отличная фигура, узкая талия, высокая грудь, тонкие и в то же время чуть-чуть негроидные черты лица — поистине гремучая смесь. Позднее я убедился, что у бедной Синтии слишком много сил во время работы уходило на то, чтобы скрывать свой темперамент и бьющую по нервам окружающих мужчин сексуальность. В ее присутствии мужчинам любого возраста приходили в голову однотипные мысли. Я, сам не понимаю почему, остался едва ли не единственным исключением из этого правила. Скорей всего потому, что, когда мы познакомились, был слишком занят своим разбитым сердцем, а потом успел привязаться к ней как к другу.

На довольно приличном русском языке, который был, кажется, не хуже моего английского, Синтия произнесла несколько общих фраз. Что рада, что надеется, что приложит все усилия и т. д. Голос и манера разговора были под стать всему остальному. Стивен тоже попытался заговорить на русско-польско-украинском диалекте, которым пользовался в далеком детстве, а потом махнул рукой и вернулся к английскому. Он сказал, что Синтия, кроме целого набора штудий по технике и экономике, с успехом закончила и курсы русского языка.

Мы втроем прошли в небольшой конференц-зал, где уже собрались мои новые сотрудники. Я обратил внимание, что никто из них не был в джинсах, футболке или кроссовках — все были

одеты по строгим офисным правилам. Кстати сказать, если американцам приходится работать в выходной день, а такое бывает, то так же традиционно все появляются в дырявых джинсах, потертых рубашках и любимых заношенных тапочках. Наверно, это своеобразная форма протеста против ущемления их права в уикенд плевать на все условности. Типично американское сочетание уважения к предписаниям и свободолобия. Мне такая позиция очень по душе. Нравится мне и то, что, несмотря на безукоризненно чистую одежду (два дня подряд надевать на работу одну и ту же рубашку недопустимо), они не выглядят чересчур наглаженными, прилизанными и в униформе. Если японцы увидят здесь выпад в свой адрес, особо протестовать не буду...

Стивен представил меня как своего партнера по руководству — не как помощника. А чтобы ни у кого не осталось сомнений в важности моей персоны, сказал, что я полувладелец фирмы (так я мысленно перевел его определение). Затем он предоставил слово мне.

Что я им рассказывал, не знаю, потому что все время думал о переводе, а не о содержании. На лицах слушателей отражалось напряжение — наверно, они тоже пытались перевести с моего английского на свой. Но в конце речи я нашел удачный ход. Я сказал, что память у меня хорошая, поэтому обещаю запомнить и через месяц повторить свою речь на языке, который будет им понятен. Аудитории понравилось, и мне немного поаплодировали. Затем Стивен сказал, что сегодня есть повод нарушить традицию и немного выпить — хотя это у нас не принято. Привычная легкость, с которой он повторил уже знакомую мне фразу, заставляла усомниться в его утверждении. Мы всем коллективом выпили по бокалу шампанского.

Торжественная часть была закончена. Мне показали мой кабинет — близнец кабинета Стивена. Впрочем, мой выглядел эффектнее, потому что за столиком секретаря сидела мисс Синтия Лопес.

Затем мы со Стивеном уединились в его кабинете и занялись делом. Сара была строго предупреждена, что нас ни для кого нет и сегодня не будет. На большом т-образном столе аккуратными стопками лежали папки с документами, с которыми предполагалось меня ознакомить. Отработанные папки Стивен так же аккуратно и педантично укладывал на место. Информация, которую он мне сообщал, тоже была сжатой и очень конкретной. То ли хорошо подготовился к беседе, то ли просто отличался точностью и хорошей памятью. Я решил, что последнее вернее. Что ж, отличное качество. Одна беда — за четкими и конкретными очертаниями деревьев мне никак не удавалось увидеть весь лес.

Постараюсь рассказать о технической стороне так коротко, как только смогу.

Большую часть из того, что мне объяснял Стивен, я уже знал. Профиль нашей фирмы — «водопровод, канализация и отопление зданий и сооружений». Так значилось во всех регистрационных документах. У фирмы было довольно внушительное имущество в Европе. Но последние семь-восемь лет «Аква продакшн» сместила акценты на генеральное направление, идейным отцом которого был сам Оскар Берн. Фирма связана долевым участием с заводами — производителями труб, арматуры, сантехники и прочего оборудования по нашему профилю в Западной Европе и Азии. А с другой стороны, она же создавала совместные предприятия с новыми фирмами в Восточной Европе, которые в то время активно размножались. Предполагался бурный рост строительства в этих странах, чего, к сожалению, так и не произошло. Долевое участие «Аквы» одновременно в фирмах изготовителей и покупателей должно было обеспечивать прочность связей. Прибыль, естественно, должна поступать с обеих сторон. Очень приятные перспективы.

Инвестиции были немалые. «Аква» давала крупные долгосрочные кредиты новым фирмам на востоке Европы. Запад мелочиться не привык! Работу в этих фирмах возглавляли местные дельцы, у них же были контрольные пакеты, потому что западные экономисты не могли разобраться в мутных правилах новых государств. Впрочем, в них никто не разбирался. Помню, при первоначальных переговорах в Лондоне мне было сказано, что одна из причин соглашения с Берном — мой опыт в бизнесе СНГ, и я был этим польщен. Сейчас этот опыт меня настораживал.

Только не нужно думать, что я с самого начала заподозрил что-то неладное. Отнюдь, как говорят образованные писатели. Скорее я был заинтригован. Мне было интересно, как «Аква» провернула то, что мне, опытному в нашей игре без правил бизнесмену, сделать бы наверняка не удалось.

Я пятнадцать лет работал примерно по такой же схеме и даже примерно по такому же профилю. Чаще всего при заказе приходилось сначала платить иностранным фирмам, потом получать товар. При предоплате все проходило гладко. Почти не было случая, чтобы нам задержали отгрузку, даже далекие от нас тайваньцы. Но ситуация принципиально менялась, когда

нам разрешали пусть даже кратковременную рассрочку. В таком варианте всегда создавалось напряжение — не было случая, чтобы мы заплатили вовремя.

Однако Берн рискнул и при создании новых фирм с самого начала поставлял мощный комплект товаров и оборудования на условиях долгосрочного кредита. Для работы это было очень хорошо, можно было не раскачиваться, сразу набрать стартовую скорость и обойти соперников. В этом я не сомневался. Но, зная наши правила и ментальность наших бизнесменов, я не представлял себе, что они эти деньги добровольно вернут. Ведь берешь чужие, а отдаешь свои — это знает каждый. Наш бизнесмен расстается с деньгами только под дулом пистолета. Иногда в переносном смысле, иногда в прямом. Да и переносный смысл не слишком отличается от прямого. Только боязнь «крутых мер» заставляет нас раскошелиться. Со времен честного купеческого слова много воды утекло. Охрана, «крыша», качки-спортсмены, чеченцы, заборы и т. д. — все это не что иное, как современные способы финансовых взаиморасчетов.

Договоры с новыми фирмами были продуманы и оформлены со всей тщательностью, на которую оказались способны хитромудрые западные юристы. Даже взяли гарантийные чеки с личных счетов хозяев фирмы, что наверняка вызвало ироническую усмешку «новых русских» всех национальностей. Экие, право, детские игры!

Мне показалось, что западные юристы не учли одного: против лома нет приема. Я вспомнил свой опыт с инвестором Сазоновым. А ведь я считался совестливым бизнесменом. И тем не менее Семен был прав: все наши соглашения — филькина грамота. Я не видел в документах, согласованных «Аквой», никаких реальных гарантий возврата крупных авансов, кроме бумажек с печатями, то есть в реальных условиях наших с вами стран — тех самых филькиных грамот. Но фирма продолжала существовать и в прошлом году дала прибыль в размере двух миллионов долларов. Не слишком много, но и не мало. Значит, какие-то механизмы работали. Какие?

Пожалуй, стоило внимательно разобраться в ситуации, увидеть весь лес. И хотя активный Стивен предлагал немедленно приступить вместе с ним к практической работе, я попросил отсрочки. Сказал, что не хочу отрывать его от дел и попробую сам во всем разобраться с самого начала.

Мой начальник был не слишком доволен. Через десять дней состоится очередной совет директоров наверху, у Берна, и там мы должны доложить о своих планах и готовности к работе. Что было, то было. Главное — это настоящее, а оно требует активности и немедленных решений. Время не ждет. У меня даже мелькнуло подозрение, что он не очень хочет, чтобы я рылся в прошлом. Но я подумал, что это снова моя советская подозрительность. Стивен не был похож ни на жулика, ни на интригана. И западная фирма — не какая-нибудь полуподпольная шарашка, здесь закон есть закон.

Но все-таки разобраться в том, чего я не понимаю, стоило. И самому мне это не под силу. Тогда я пошел дальше и вежливо, но настойчиво сказал, что прошу дать мне возможность поработать с архивами еще недельку. Не дожидаясь согласия, извинился, вызвал Синтию и попросил ее оформить как можно быстрее все, что необходимо для немедленного прибытия в Нью-Йорк Веры Астафьевой. И только потом обернулся к Стивену:

— Не возражаешь?

Стивен не возражал, хотя недоумение на его лице сохранилось.

Сделав все по-своему и показав, что ходить на коротком поводке не намерен, я тут же задал несколько корректных вопросов о поставщиках и тем постарался сгладить своевольное поведение. С самого начала стоило показать, что я человек в меру самостоятельный и в то же время неконфликтный. По-моему, мне это вполне удалось.

На следующий день я погрузился в документы уже в своем кабинете. Синтия подносила патроны и пыталась навести порядок на моем столе — в педантичности мне было до Стивена далеко.

С мисс Лопес, или, как все ее называли, Си, мы сдружились на удивление быстро. Мне нравилась в ней немногословность, аккуратность, тактичность. Она каким-то чутьем догадывалась, что мне требуется в данный момент. Но главное — она знала, мне казалось, абсолютно все. Техника — пожалуйста, экономика — пожалуйста, информация о конкурентах — пожалуйста. Даже Стивен, который здесь прошел школу от клерка до управляющего, бьюсь об заклад, знал не больше. Я уверен, что она с самого начала могла ответить на вопросы, которые я себе задавал. Но, конечно же, говорить мне об этом не собиралась, иначе она не была бы самым ценным служащим фирмы, как сказал Стивен. А она им действительно была.

Чем я ей понравился, я узнал позже. В первую очередь тем, что не пялился на ее ноги, когда она садилась напротив на стул, не пытался заглянуть в вырез блузки. Она могла свободно сидеть, стоять и даже полулежать в моем присутствии, не одергивая себя поминутно. В этом смысле я обеспечивал ей непривычный комфорт. Спустя несколько месяцев, когда она мне это сообщила, я даже немного обиделся: не унижает ли такое поведение мое достоинство настоящего мужчины? Но в то время, повторяю, слишком много забот мне доставляли разбитое сердце и проблемы фирмы.

Еще ей понравилась моя самостоятельность — так было сказано. Я не совсем ее понял: по моему, для мужчины сорока трех лет это не комплимент. Наверно, Си подразумевала что-то ей одной известное. Я не стал допытываться, что она имеет в виду.

Стивен в тот период демонстрировал полный нейтралитет и такт. Забегал на пару минут, говорил на общие темы, перед уходом обязательно предлагал обращаться к нему, если понадобится помощь. Правда, в глазах его нет-нет да и мелькало любопытство — он действительно не слишком умел скрывать свои мысли. Для руководителя высокого ранга это, пожалуй, недостаток, но меня на том этапе такая черта вполне устраивала. Нет, на интригана Дзецин не был похож. Зато о его боссе я бы этого не сказал.

От Стивена я узнал, что марш «нах Остен» — он был не лишен своеобразного юмора — был предпринят его предшественником на посту управляющего под личным руководством самого Берна. Но три года назад предшественник не то уволился сам, не то ему помогли это сделать. С тех пор он, Стивен, стоит у руля и делает все, что в его силах. Это прозвучало достаточно скромно, но несколько неопределенно.

В первые два-три дня я, просматривая документы, убедился в том, что до начала этого самого марша «Аква» звезд с неба не хватало. Точнее говоря, она попросту топталась на месте. Не прогорала, но и не развивалась. А я уже имел достаточно опыта, чтобы понимать: такое положение очень опасно. Если не вверх, то рано или поздно вниз — таков закон бизнеса. Поэтому стремление Берна придать деятельности новый импульс было оправданно. Другое дело, правильным ли оказался выбор направления...

Вскоре я понял, что начиналось все очень хорошо. Первые два года новые фирмы бурно развивались, увеличивали заказы и, самое главное, исправно платили «Акве» за все, в том числе и за ссуды. В замысел Берна входила еще одна новинка — крепкие связи между новыми фирмами. Это было оригинально и полезно до поры до времени. Фирмы обменивались излишками товара, помогали друг другу, и это создавало новые оперативные возможности. Но на третий год эйфория прошла, «новые русские» поняли, что еврей в кипе из Америки им киллеров не подошлет. Это был не его стиль. А какая еще может быть мотивация для того, чтобы вынуть «лимон» из своего кармана и отдать его чужому дяде? И как по команде, все дружно, хотя и под разными предложениями, перестали возвращать ссуды. Кто скромно ссылаясь на неплатежеспособность, а кто и нахально. Я понял, что их крепкие взаимные связи на сей раз сыграли против «Аквы».

До приезда Верочки я выяснил, что за все последующие годы возвратов ссуд не было или же они были столь незначительными, что даже следов обнаружить не удалось. Но зато бросалось в глаза, что наши выплаты банковских кредитов, полученных под эту программу, были регулярными. Судно стало давать крен. Настроение у меня портилось...

Наступил уикенд, прилетела Верочка. Как обычно, я ожидал ее в аэропорту на выходе из таможенных залов. Увидев меня, она расплакалась. Мне тоже захотелось последовать ее примеру, я с трудом сохранял подобающее мужчине и боссу внешнее спокойствие. Это не были слезы радости от встречи. Мы оба вспомнили Израиль и того, кто там остался навсегда...

С грустью я отметил, что Верочка не помолодела. Когда мы последний раз виделись после ее возвращения из Израиля, она была загорелой, похудевшей и с блеском в глазах. Особенно когда говорила о Михалыче, — а делала она это через слово. Оставалось надеяться, что она преодолет этот удар. Очередной удар. Но боже мой, сколько раз человек может возрождаться из пепла? Где взять на это силы? Не у каждого получается быть птицей Феникс... Я думал в этот момент не только о ней, но и о себе. И обоих нас было жаль. На новом поприще — я это уже отчетливо понимал — меня ждут очередные невеселые приключения. А может, пронесет? Так надоело идти все время против ветра...

Мне ужасно не хватало Лены, особенно одинокими ночами в безликом гостиничном номере. Но звонка не было. И накапливался протест. Особенно потому, что я опять оказался в сложной ситуации. Я не железный — я нуждаюсь в поддержке. Любящая женщина, думал я, должна чувствовать, когда она нужна. И должна в такие минуты забыть обо всех обидах и разочарованиях.

В этом высший смысл женской любви, думал я. Да, но в чем, в таком случае, высший смысл мужской любви?..

Как бы то ни было, я изо всех сил старался подавить тоску по Лене, иначе работать и решать сложные проблемы было просто невозможно...

Верочка поселилась в той же гостинице, что и я. Раз в три-четыре дня ездила по вечерам в Филадельфию, где в однокомнатной съемной квартире жил ее Сережка со своей герл-френд. Остальные вечера вместе со мной сидела в квартире у мамы. Красоты Нью-Йорка осматривать категорически отказалась. Я и не настаивал. С нетерпением ждал понедельника. Что день грядущий мне готовит? Неужели я оказался липовым набобом?

Вместе с опытной Верой Николаевной мы стали продвигаться гораздо быстрее. То, что мне приходилось разбирать по слогам, она схватывала на лету. Я не ошибся: в природе чудес по-прежнему не было. События в фирме «Аква» развивались по неизбежному сценарию. Когда Берн попытался задерживать поставку товаров, чтобы прижать строптивцев, они, естественно, наплевали на соглашения, по которым обязались покупать все только через «Акву», и стали уходить к другим поставщикам. Кто стыдливо и воровато, а кто на голубом глазу. Этим они окончательно разваливали всю схему.

Новый управляющий — я имею в виду Дзецина — затеял судебный процесс против одной из фирм, об этом свидетельствовало толстое «дело». «Аква» потратила немало денег на адвокатов и на взятки. Лучше бы отдали эти деньги мне. Я за полцены рассказал бы им, как будут развиваться события и чем все окончится. И действительно, наш бывший партнер, а ныне ответчик, оказался беднее, чем пресловутая церковная крыса. Все имущество принадлежало жене, маме и любимому внучатому племяннику. Что с него, нищего, возьмешь?..

Несомненно, финал был известен Берну задолго до того, как мы с ним подписали обрадовавшее меня соглашение. У меня крепло подозрение, что наш счет в игре с Оскаром Берном стал один-один. Боевая ничья.

И в то же время интерес возрастал. Что предпримет опытный игрок, который знал победы и поражения, прошел огонь и воду? Каким образом получена прибыль за последние два года (я проверял итоги этих лет, когда подписывал с Берном соглашение)? Может, чудеса все-таки существуют, если их готовит старый и опытный прожженный факир?

Спустя еще два дня мы с Верочкой выяснили, что факир, как и положено в реальной жизни, был не волшебником, а фокусником. И убедиться в этом нам помогла Си, которая откровенно перешла на нашу сторону. Она явно решила не тратить попусту ни наше, ни свое время и приносила нам только те документы, которые помогали выявить главное.

Мы неожиданно для себя обнаружили, что «Аква» три года тому назад разорвала всякие родственные связи с фирмами Берна и стала не дочерней, а совершенно самостоятельной. Круглой сиротой. Что часть наших акций, вложенных в надежные западные предприятия, Берн по откровенно заниженной цене продал самому себе, и теперь удельный вес Востока в «Акве» возрос. Напрашивался вывод: хозяин готовил нашу фирму к банкротству.

Непонятным оставалось одно: откуда появился доход в последние два года? Почему все восточные фирмы неожиданно стали покупать товары по более высокой цене и снова расширили ассортимент? Откуда такая покладистость? Может быть, наш хасид махнул рукой на прямое указание господина «не убий» и подослал нехорошего человека к кому-нибудь из бывших партнеров, чтобы поддержать другую заповедь — «не укради»? Эту сомнительную мысль я высказал Верочке, глядя вопросительно в глаза присутствовавшей при разговоре Си. Та улыбнулась и отрицательно покачала головой. Впрочем, я и не сомневался, что такой путь для Берна невозможен. Обмануть — да, с большим удовольствием. Но в пределах закона.

Си ненадолго исчезла и появилась с другой папкой. В самом начале ее было подшито письмо владельцу фирмы из Запорожья. Карандашом были подчеркнуты строки: «Мы еще раз подтверждаем наши устные договоренности». Письмо было подписано Стивеном Дзечином. Без нашей просьбы на столе появился и отчет о командировках Стивена за прошлый год. Вначале он совершил турне по всем фирмам бывшего СНГ, а уже месяц спустя строптивные компаньоны расщедрились и стали платить больше. Мисс Синтия Лопес сопровождала его в качестве доверенного секретаря и переводчика. Где же собака зарыта? Я мог бы прямо спросить об этом Стивена или Си, но не хотел ставить их в ложное положение перед начальством. Хотя, впрочем, скрыть от меня подноготную — тоже не слишком красиво. Здесь зарыта не только собака, но и мои деньги. Двадцать один миллион долларов, которые добрый дядюшка Оскар отдал мне в виде

сорока девяти процентов акций погорелого предприятия. Хорошо еще, что у меня сработал инстинкт самосохранения, и я настоял на том, чтобы перевести на свой счет оставшиеся девять миллионов. Хотя от них не так много осталось. Долги, налоги... Деньги тают на удивление быстро, а большие — тем паче...

Но хочу быть объективным. Было понятно, что Си с согласия Стивена подкладывает нам материалы, помогающие разобраться. Шла немного детская игра в корректность по отношению к главному боссу. Пусть пока играют.

Происхождение неожиданной прибыли я разгадал самостоятельно, чем и горжусь. Разгадка только подтверждала главный вывод. Стивен от имени босса пообещал всем компаньонам, что простит долги за первоначальную ссуду, если они на короткое время хотя бы немного повысят расценки на товары и восстановят номенклатуру. Как Берн мог позволить себе простить миллионные долги, надеюсь, понятно даже неспециалисту. Мы, то есть «Аква Америкен продакшн», должны будем вскоре лопнуть, объявить себя банкротами со всеми вытекающими последствиями. Но пока этого не случилось, Берн старался выжать все, что возможно, из провалившейся идеи. А параллельно этот довольно остроумный ход сослужил дурную службу мне: увидев два хороших последних года, я не стал рыть вглубь. Непростительное легкомыслие. Поистине, век живи — век учишься.

Накануне очередного уикенда нам с Верой Николаевной стало все предельно ясно. Вопросов больше не было. Главный экономист расстроено вздыхала и старалась не смотреть на меня. Так Верочка обычно проявляла сочувствие. Но я, как ни странно, не стал бить себя в грудь, отчаиваться и обвинять Берна в низком обмане. Я помнил, что в борьбе с ним тоже не заслуживал приза «фэйр плэй» — за честную игру. Больше всего меня расстроило крушение надежд на достойную и спокойную работу в солидной западной фирме. Это оказалось еще одной иллюзией. А может, спокойная работа, обеспечивающая в то же время достойное положение в обществе, вообще невозможна?

Теперь я понимаю, что была еще одна причина моего относительного спокойствия. В глубине души я до конца не поверил в то, что ситуация безнадежна. Если бы речь шла о провале фирмы на «западном фронте», то я бы сразу поднял лапки кверху. Но на знакомой мне вдоль и поперек пересеченной местности бывших советских стран стоило побарахтаться. Хотя с какого боку за это братья, я себе пока не представлял.

Прежде всего, нужно было выяснить, какие планы у здешних коллег. И вызвать моего адвоката. Я позвонил Коффу в Германию и попросил его немедленно приехать. Кофф сразу же согласился — он все еще считал меня богатым. Если бы он знал истинную ситуацию, то, может, не был бы таким прытким...

В понедельник прямо с утра я связался со Стивеном и попросил его уделить время для серьезного разговора. А затем во главе делегации, состоящей из Веры Николаевны, мисс Лопес и меня, торжественно вошел в его кабинет. Никаких папок и бумаг, за исключением блокнота у Синтии, с нами не было. Мы уселись вокруг стола. Возникло некоторое напряжение. Я выдержал паузу и сказал:

— Сегодня есть повод нарушить традицию и немного выпить. Хотя это у нас не принято. Стивен облегченно хохотнул, Синтия улыбнулась. Вера непонимающе посмотрела на меня.

На столе появился все тот же «Наполеон» и лимон. Лимон был, разумеется, другой. Мы подняли бокалы, дружно сказали «прозито», пригубили понемногу. Удобнее устроились на стульях. Я попросил Стивена предупредить Сару, чтобы нас не отрывали ни под каким видом. Стивен добросовестно произнес в переговорное устройство эту фразу. Все со вниманием повернулись ко мне. С этого момента я стал если не начальником, то несомненным лидером. И никого, в первую очередь самого Стивена, не раздражало и не удивляло такое положение. Более того, оно казалось естественным. Все понимали, что я теряю деньги, и деньги огромные. И кому, как не мне, принимать решения.

Это был, кажется, десятый день моего торжественного прибытия в фирму. В каждое посещение англоязычных стран со мной происходят однотипные лингвистические трансформации. Первую неделю я с трудом выдавливаю из себя подходящие выражения, несмотря на довольно приличный словарный запас. И вдруг происходит какое-то извержение, прорыв — и я начинаю бойко, хоть и неграмотно, «спикать». Весь мой мертвый доселе английский запас выходит из-под спуда. Я знаю, что многие проходят этот барьер — кто чуть позже, а кто и чуть раньше, — время разгона в большей степени зависит от нахальства, чем от знания языка.

Барьер я уже прошел, поэтому начал разговор на корявом английском, но легко и непринужденно:

— Насколько я понимаю, мистер Берн готовит фирму к банкротству? Дзедин развел руками, Синтия еле заметно кивнула.

— Я не буду спрашивать, почему вы мне сразу об этом не сказали. Догадываюсь о причине.

— Босс сказал: «Посмотрим, когда он сам сообразит».

Стивен очень похоже изобразил скрипучий голос Берна и даже пошамкал немного. Он себя чувствовал неловко и потому чуть-чуть ерничал.

— Когда вы намерены объявить себя банкротами?

— В начале будущего года.

— А пока, как с потерпевшего бедствие корабля, Берн вывозит все, что можно, на берег?

Стивен поддержал морскую тему.

— А что остается делать? Мы идем ко дну и спасаем все, что возможно. Это разумно.

Я резко изменил форму и содержание беседы.

— Разумно, но не слишком честно. Он вывозит все на свой берег, — я подчеркнул: — На свой! Вывозит то, что принадлежит нам обоим.

— Юри, мы получили его прямое распоряжение... В голосе Стивена была растерянность.

— Давайте не будем начинать работу с бессмысленных споров. С тех пор, как я стал совладельцем, без моей подписи все операции становятся незаконными. Это записано в соглашении. — И продолжал как можно мягче: — Стивен, это все нужно остановить, вы сами понимаете. А в разговоре с Берном сошлитесь на меня.

— Юри, а вы сами не хотели бы ему все сказать? Послезавтра совещание в верхах, и мы могли бы... Тут я был тверд, как скала.

— Нет, Стивен. Пока я не приму решение, разговаривать с ним смысла нет.

— Но он босс!

— Для меня он партнер.

— Старший партнер.

— Старший, но партнер. Который меня обманул. А это уравнивает старших и младших.

Встретаться, чтобы высказать возмущение, — затея бессмысленная. Зря нервы трепать. Ничего другого я пока не придумал. Нужно конкретное предложение. А его пока нет.

Синтия что-то записывала в блокнот. Вела протокол. Интересно, он ляжет на стол Берну? Безусловно. Она отличный работник. И Стивен — надежный работник. И хозяин их наверняка обещал вывезти с тонущего корабля. На последней шлюпке. А что уготовано мне? Героическая поза капитана, одиноко стоящего на мостике, меня не прельщала. Ладно, поглядим. Но пока нужно сделать попытку превратить аборигенов в союзников.

— Стивен, когда тебя сделали управляющим, ты знал, чем дело кончится?

— Не понял?

— Что ты назначен только на время похорон фирмы?

Стивен надулся. Все-таки он был довольно искренним и непосредственным. Черта многих американцев, нам, азиатам, не свойственная. Конечно, он все знал, но слышать такое со стороны неприятно. Особенно при Синтии. Я покосился на нее — последние фразы она не записывала. Приятно. Я чувствовал, что она на нашей стороне. Одна беда — пока не мог сообразить, где она, наша сторона. Найдем.

— Стивен, давай откровенно. Управляющий, при котором фирма прогорела, — дурной имидж. Это пятно надолго, что бы тебе босс ни обещал.

Надувшийся Стивен не возражал. Да и что тут возразишь?

— Нам всем есть смысл поискать выход.

Подумал: во всяком случае, мне. Но вслух не сказал.

Стивен безнадежно махнул рукой. Мол, пытались и не такие, как ты...

— Ладно. Пока оставим. Давайте о другом. Почему

Берн не подумал, что ему не захотят вернуть авансы? Стивен оживился:

— Тогда многие ринулись на русский рынок. И очень многие обожглись.

Я это знал. На нашем рынке остались единицы. Берн был среди погорельцев.

— У меня к вам просьба. Помогите Вере подсчитать, что останется при ликвидации фирмы. И мою долю в этом остатке. Я знаю, работа непростая. И сотрудников взбудоражит. Но сделайте это без распоряжения Берна. Госпожа Астафьева по моей просьбе знакомится и так далее...

Вера все поняла. Как прекрасно работать в команде! Я перевел взгляд на Синтию. Ей было интересно. Стивен явно почувствовал себя одиноким, но решиться ни на что не мог. Значит, выберет сочувствующий нейтралитет. Это тоже неплохо.

Я сказал по-русски:

— Цели ясны, задачи определены: за работу, товарищи.

Вместо перевода разлил по рюмкам остатки коньяка и сказал «прозит!».

С этого дня началась работа, в которую я почти не вмешивался. Вере было не просто. Но совсем недавно мы в своей фирме занимались почти той же номенклатурой. Английский она знала куда лучше меня. А уж квалификация ее... Короче, я был уверен, что Верочка в очередной раз не подведет.

Так все и произошло. Именно госпожа Астафьева изменила несколько пренебрежительное вначале отношение сотрудников местной солидной фирмы к нам, «диким пришельцам». А Стивен и Синтия признали Верочку быстро и безоговорочно.

Отношения в нашей четверке потихоньку стабилизировались. Верочка и Си относились друг к другу со сдержанным уважением, хотя и не без ревности. Они обе привыкли сознавать себя самыми ценными работниками в фирме. Ничего, такая ревность только на пользу. Стивен, нужно признать, тоже не артачился и ансамбля не портил.

В сущности, мистер Дзецин был отличным исполнителем и в глубине души даже не стремился стать боссом. Поэтому на меня зуб не точил. Он, разумеется, расстраивался от неизбежного фиаско фирмы, но уже сжился с этой мыслью, и к тому же личных денег сюда не вложил. А вскоре я убедился, что у моего начальника были свои маленькие радости, которые отвлекали его от печальных мыслей.

С немым обожанием Стивен смотрел на мисс Лопес и, уверен, в эти минуты пребывал на вершине блаженства. Впрочем, и на Верочку тоже нет-нет да и взглянет с симпатией. И глаза тоже застилают поволока. Я понял, что Стивен, будучи примерным семьянином и отцом трех дочерей, ничего не мог с собой поделать: просто он горячо любил женщин. Женщин как таковых. Он сознавал, что это может быть дурно воспринято, особенно в фирме, где он начальником. В американской фирме, где все помешаны на неприкасаемости женщин. Но природа брала свое. Когда мимо проходила женщина с хорошей фигурой, он из последних сил старался не смотреть ей вслед. Но, как правило, силы быстро его покидали, и голова предательски поворачивалась. Он был полноватым рыжеватым евреем, а все полноватые рыжеватые евреи — можете проверить сами — очень любят женщин.

Я освободил Вере и компании для работы свой кабинет. Сидел за столом секретаря с важным видом. Длинноногая Синтия носилась туда-сюда с папками. Мои новые сотрудники из бухгалтерии и отдела учета работали по десять часов в день. Я чувствовал себя лишним на этом пиру экономики. И долго не продержался. Напустил на себя озабоченный вид, сказал, что мне нужно по делу, а сам ушел бродить по городу. Впрочем, я не соврал — я действительно ушел по делу. Мне было о чем подумать.

Еще одна исповедь

Я вознамерился все-таки попытаться вернуть долги. Но как это сделать, не расстреляв в упор наших бессовестных компаньонов, а заодно всех их родных и близких до десятого колена? А остальных непокорных рассеять по всему свету. То есть примерно так, как поступал мой бог по линии Натанзонов. Другого языка наши новоявленные бизнесмены не понимают, и в этом смысле они еще более жестоковыйные, чем древние иудеи. Черт бы их побрал! Разумеется, компаньонов, а не иудеев.

Неужели снова придется использовать метод «Чистые руки»? Название, конечно же, придумал мой бывший соратник — «веселый и находчивый» Семен. Он же этот метод с успехом использовал. Я тогда изображал из себя жеманную девицу-недотрогу, не хотел ввязываться «в эти некрасивые истории». Правда, деньгами, которые мы получали в результате, пользовался с удовольствием. Честность нередко бывает замешена на фарисействе и лицемерии. Приходится позволять кому-то делать за тебя грязную работу, если ты сам для этого слишком благороден.

Не исключено, что эти размышления — тоже лицемерие, и я просто-напросто готовлю себя к мысли, что метода «Чистые руки» не избежать. Я зябко передернул плечами и впервые за все

время порадовался, что Лены со мной нет. Опять пришлось бы скрывать свои мысли, а потом — не исключено — и поступки.

Снова, как после смерти Лихницкого в Израиле, передо мной во всем блеске предстала благородная перспектива плюнуть на все, взять остатки своих девяти миллионов долларов и красиво удалиться с Леной — куда? В виноградник, или под пальму, или в оазис. Читать книги, писать мемуары. Нянить детей. Кстати, пора завести детей, тратим мы время зря...

Эту идиллическую картину неожиданно нарушило видение добродушно-нахальной круглой физиономии Оскара Берна. Он ехидно подмигивал поочередно то правым, то левым глазом. Кипа чудом держалась на его лысой, как шар, голове...

Виноградник подождет.

Фирму спасти, конечно, не удастся. Да мне это и ни к чему. Работа с Берном после всех событий меня не прельщала. К тому же идея марша на Восток оказалась не слишком плодотворной. Сейчас из стран СНГ ушли многие западные инвесторы. Кроме тех, кто вывозит сырьевые ресурсы. Бума на Востоке пока не видно. И будет ли он вообще?

Нужно постараться вернуть хотя бы часть из миллионов, щедро брошенных мне благодетелем. Но прежде нужно самому во всем разобраться.

Немедленно следует отправиться в турне по фирмам. Промедление смерти подобно. Только потом можно будет предстать пред светлы черные очи босса. И начать беседу словами: «Я для вас имею что-то сказать!» — как говорят в моем городе. Подготовиться нужно на все двести процентов. Ста будет мало.

Когда я отвлекся от этих мыслей, то обнаружил себя в группе экскурсантов внутри статуи свободы. Как я добрался до Кони-Айленда, как сел на катер — убей, не помню...

Внутри статуи — зияющая пустота, леса, сохранена рабочая обстановка периода строительства. Пусть меня американцы простят, но мне почудилась в этом какая-то неухоженность. Вот оно, внутреннее содержание красоты и свободы. Меня это немного расстроило. Нет, нужно было любоваться издалека и сохранять иллюзию... Нельзя без иллюзий.

Я вернулся в город, зашел в небольшое кафе. Почувствовал себя ужасно одиноким. Я вообще не слишком люблю Нью-Йорк. Он меня почему-то подавляет. Впрочем, догадываюсь почему. Обычно в длительных поездках я беру машину напрокат. В Европе — обязательно. Кроме, разумеется, Англии: ездить справа налево не умею, для меня это так же сложно, как читать на иврите. И в Калифорнии я тоже брал машину и катался с удовольствием. Но в Нью-Йорке не могу. Не решаюсь. Слишком он громаден для меня. Поэтому езжу или в такси, или в подземке (назвать метро эти разболтанные трамвайные пути со входами через заброшенные подвалы язык не поворачивается). Езда в нью-йоркской подземке удовольствия доставить не может. Особенно по вечерам. К вечеру состав пассажиров сильно изменяется. Их лица темнеют прямо на глазах. Кажется, что часов с восьми белых пассажиров, особенно трезвых, в вагоны подземки просто не пускают.

Итак, я сидел в кафе, пил кофе с коньяком, роптал на город, ругал дождливую погоду. Словом, холил и лелеял свое отвратительное настроение. Нужно было что-то предпринять, такая хандра в очередной судьбоносный период — который уже по счету? — недопустима.

Я достал из кармана мобильник и позвонил Лере на работу. Благо она была недалеко, каких-нибудь пятьсот — шестьсот километров от Нью-Йорка. Рукой подать.

Ответила какая-то женщина. Нет, госпожи Шпильбаум нет на работе. Она сейчас в Нью-Йорке. Да-да, вы не ослышались. В Нью-Йорке. Гостит у дочери. Номер телефона? Не знаю, могу ли я без ее согласия... Ну если вы уверены... Если вы так говорите... Записывайте... Пожалуйста, рада была вам помочь.

Я почувствовал, что не один. Удивительное совпадение. Не к дождю ли? Впрочем, на улице и так шел дождь.

...Уже часа через полтора Лера сидела в кафе за столиком напротив меня. Жизнь преподносит не только сплошные огорчения, но и прекрасные сюрпризы.

Лера слегка запыхалась — очевидно, торопилась на встречу, но была подтянутой, аккуратной, едва заметно подкрашенной. И очень хорошо и свежо выглядела. Невольно я подумал: хорошо для своих сорока двух лет — и тут же устыдился таких мыслей. Тем более что это не было правдой — она выглядела хорошо для любого возраста.

В глазах у нее было такое же удивление перед неожиданными, но приятными фокусами жизни, как, наверно, и у меня.

После бестолковых: ну как ты, как дела, как Лена, как семья? — мы попытались навести порядок в беседе. Я спросил, что она делает в Нью-Йорке. Оказалось, дочь поступила в здешний университет, сняла квартиру, и Лера приехала помочь ей устроиться на новом месте.

— У меня все по-старому. Без перемен. А ты, Юра, как ты в роли набоба? Справляешься?

Я поступил как эгоист. С этой минуты мы говорили только обо мне.

— Как у меня? Долгая история. У тебя хватит терпения выслушать?

— Юрка... Лера поняла, что все не слава богу. Обеспокоенно посмотрела на меня, подалась вперед, приготовилась слушать.

Тупо уставившись в меню, не торопясь, стараясь быть объективным, я стал рассказывать ей обо всем, начиная с приезда в Израиль. Время от времени поднимал голову и смотрел на нее, опасаясь увидеть в глазах осуждение, может, даже стыд за меня. Но каждый раз видел только внимание и сочувствие, сочувствие, сочувствие. Когда я рассказывал о митинге поселенцев и о смерти Лихницкого, она тихонько сжала мои пальцы, и только тогда я заметил, что они выбивали дробь на столе. По ее глазам в этот момент я видел, что, если бы не Лерин характер, она бы заплакала.

Я рассказал о своей истерике после смерти Лихницкого, рассказал об отъезде Лены. Как можно суше, без эмоций — так мне казалось — о том, что она мне не звонит и на звонки не отвечает. И замолчал, механически водя пальцем по меню.

Официант кружил над нами, как муха над вареньем, не понимая, что именно вот уже полчаса я изучаю в меню. Но беспокоить нас не решался. Хорошая школа.

— Ну, Юрка, достается же тебе, — выдохнула Лера.

— Погоди, это еще не все.

— Ты думаешь, этого мало?

— Там, — я поднял палец вверх, — решили, что мало.

И единым духом, как можно короче, рассказал о крушении надежд на солидную спокойную жизнь солидного спокойного дельца. И о своем разбитом бизнесменском корыте.

У Леры еще раз вырвалось:

— Ну, Юрка, достается же тебе!..

Потом откинулась на стуле, решительно забрала у меня меню, подозвала облегченно вздохнувшего официанта. Не спрашивая ни о чем, заказала рыбное ассорти, салаты, себе вина, мне виски (помнит — приятно). На горячее — семгу с чем-то там. Повторение нашего ужина в Хайфе. То есть сделала перерыв. И правильно поступила. Нагрузка была слишком велика.

Мы попробовали поговорить о пустяках. Начали с погоды. С дождей. Не получилось. Я пытался расспросить ее о доме, хотя давно понял, что об этом она говорит неохотно. Не стал настаивать.

Принесли выпивку и закуски. Мы немного выпили. Перерыв окончился.

— Юра, что ты собираешься делать?

— Ты о Лене?

Лера слегка покачала головой, давая понять, что вторгаться в эту область она считает бестактным.

— Нет. О фирме. Об этом Берне.

— А ты как думаешь?

— Юра, я теперь тебя не знаю.

— А все-таки?

— Думаю, ввяжешься в драку. Прости, в борьбу.

— Это одно и то же.

— Хотя может, здоровее было бы...

— И я иногда так думаю. Но не могу. И знаешь, Лера, может быть, в этом сермяжная правда. Может, это правильно.

— Почему? Не понимаю.

— Очень просто. Иногда кажется... *некоторым* кажется, — уточнил я с неожиданным раздражением, — что я этих денег не заработал. Что это был шантаж. Хотя я так не считаю. Но если теперь мне удастся вернуть потерянные фирмой деньги, никто больше такого не скажет. Я эти долбаные миллионы заработаю дважды. А если не получится — значит, все справедливо.

— Юра, ты слишком... Это уже какой-то мазохизм.

— Может быть. Я вынужден отправляться на «восточный фронт». Вырывать долги. А их можно вырвать только с мясом. На «восточном фронте» всегда было очень опасно. Там работа не для слаботерпеливых. Не для идеалистов...

Пауза.

— Ты имеешь в виду?..

— Да, Лену. Лера, скажи честно, для меня это очень важно. Ты не осуждаешь меня?

— Юра, ты с ума сошел. Только сочувствую. И переживаю за тебя.

Она немного поколебалась, это было заметно. Потом решилась:

— Прости, но думаю, ты с Леной вел себя не слишком разумно. Нужно было не ограждать ее, а сразу все сказать как есть. Вы же семья...

Я выпил еще дозу и расстроено сказал:

— В этом вся сложность. Она не простила мне, что я скрывал от нее правду, что лгал. Но если бы я не темнил, она сорвала бы мне всю игру. Не смогла бы иначе. А тогда, наверно, уже я не простил бы ее... Что лучше?

— Я уверена, у вас все будет хорошо. Все утрясется.

В ее голосе мне почудилось не просто желание утешить, а уверенность. Я вспомнил такое же твердое обещание мудрой Рины при прощании в Хайфском аэропорту. А может, они правы? Внутренний голос говорил мне то же самое. Дай-то бог... Но не ошибается ли он, как известный всем внутренний голос из популярного анекдота?

Мы еще чокнулись, и я почувствовал, что слишком рассиропился и веду себя недостаточно мужественно и достойно. И решил поменять стиль беседы, уж слишком она выглядела мелодраматично.

— Знаешь, Лера, меня посетила глубокая философская мысль...

Лера охотно поддержала мою попытку уйти от серьезного. Она, сдерживая улыбку, кивнула головой.

— Давай выкладывай.

— Жены бизнесменов и вообще солидных людей...

— Ты имеешь в виду себя?

— В том числе, — сказал я без ложной скромности. — Итак, их жены бывают только двух типов. Первый тип такой. Жена в курсе всех дел, помогает мужу, советует. Тогда она раздражает окружающих, ее терпеть никто не может. Все говорят, что она лезет куда не положено и всюду сует свой нос. Бедному мужу это авторитета не прибавляет. Вроде Раисы Максимовны Горбачевой.

Лера от души рассмеялась.

— Похоже. Ей-богу, похоже.

— А вот второй тип. Муж говорит жене: «Милая, не забивай свою хорошенькую головку вещами, в которых не разбираешься. Предоставь это мне, а сама займись домом или еще чем-нибудь. И украшай мою жизнь». Думаю, примеры не нужны. Таких жен полно в жизни и в фильмах.

— А ты какой тип предпочитаешь?

— Третий. — Я нарочито громко вздохнул. — Но я тебе уже сказал, что их только два. Только два.

— Мне, оказывается, когда-то повезло. Я могла оказаться между Сциллой и Харибдой.

— Да уж, повезло... Нам обоим когда-то повезло...

Я кисло ухмыльнулся. Мы надолго замолчали. Я вспомнил, как важно отдавал ей гроши, заработанные у дяди Фили, и небрежно говорил: «На пропитание». Вспомнил, с какой радостью просыпался утром, зная, что уже через час Лера будет рядом или где-нибудь неподалеку. По мечтательной улыбке Леры я понял, что и она сейчас находится в том же времени...

— Интересно, какими бы мы сейчас были, если бы ты не сбежала...

— Или если бы ты пошел за мной.

— Да, если бы я пошел за тобой... Наверно, другими.

— Конечно, другими. Мы прожили бы совсем другую жизнь.

— До сих пор не верится, что так все могло исчезнуть.

Пауза.

— Юра, мы с тобой любили тех, кто давным-давно...

— Умер?

— Да, хоть это звучит слишком мрачно. Но их давно нет на свете... Они не выдержали долгой разлуки, — она смутилась. — А это звучит слишком красиво...

Я понял, что она хотела сказать. Я всегда ее понимал. И подхватил:

— Если бы мы эти годы были вместе, то вместе менялись бы. И друг для друга оставались такими, как прежде. И жили бы долго и счастливо... И умерли в один день.

— Это теперь твоя любимая фраза? Ты ее часто повторяешь.

— Да, но отношу ее только к нам с тобой. Я действительно уверен, что если бы мы не были такими непроходимыми идиотами... А, кстати, ты не задумывалась, почему добавляют: «И умерли в один день»? Огромное ведь счастье — умереть в один день. Не остаться одному, пережив того, кого любишь...

Она помолчала, потом тряхнула головой и сказала:

— Как бы я хотела, чтоб у тебя было все хорошо! Юрка, как я за тебя переживаю, если бы ты знал...

— А я — за тебя. Знаешь, я часто в последнее время думаю о справедливости. Мы, Лера, оба расплачивались по заслугам. Но слишком долго, и счет был большой. Справедливо ли это? Прихожу к мысли, что справедливо. Как они там, наверху, рассуждают? Нам выдали счастливый билет — на целую жизнь. Не многим такое достается. А то, что мы по глупости его не использовали, их не касается. Платить нужно за то, что получено.

— Наверно, ты прав.

— Но тот год был совершенно невероятным. Неужели человек может долго быть таким счастливым и не получить разрыва сердца от любви? Так не бывает.

Лера покраснела от удовольствия, как будто я сделал ей неуклюжий, но очень приятный комплимент. Я взглянул на часы. Было только семь часов вечера.

— Лера, давай поедем к маме. Она будет страшно рада.

Я еще в Хайфе ей рассказал, что мои живут в НьюЙорке.

— Юрочка, с удовольствием!

Глаза у нее заблестели. Нет, Лера ничуть не постарела. Только какой-то гример дорисовал на знакомом лице немного морщинок. Самую малость.

Зашел я в мамину квартиру с классической заезженной фразой:

— Посмотрите, кого я к вам привел!

Мама ахнула — и бросилась Леру целовать. Она всегда в ней души не чаяла и, наверно, немногим меньше меня огорчалась, что у нас так и не сложилось. С Леной мама знакома не была, но в душе, кажется, не могла простить, что та в тяжелую минуту бросила ее любимого сына на произвол судьбы. Правда, Лера в свое время тоже сделала нечто подобное, но за давностью лет это преступление было забыто.

Верочка, которая, как обычно, сидела у них, появилась на нашей орбите намного позже, тем не менее о Лере много слышала от мамы и давно уже заочно прониклась к ней симпатией.

Приковылял дядя Гриша и тоже принялся обниматься. Малолетний Джон с интересом наблюдал за этим переполохом. Словом, эффект ее появления был таким, о каком любой режиссер может только мечтать. Лера — я видел — почувствовала себя дома и даже на время утратила свою подтянутость и строгость.

Вечер, что называется, удался. Мама проворно накрыла стол в гостиной, мы добавили кое-что купленное по дороге. Открыли бутылки, с шутками и прибаутками наполнили бокалы. По еще не забытому моими американцами обычаю прежде всего чокнулись: «Со свиданьем!». Затем стали по очереди произносить прочувствованные тосты. Чем дальше, тем задушевнее они становились.

Тут очень кстати появилась моя, как обычно немного скованная, сестрица. И она приложила к щеке Леры. И она села с нами за стол и уже через тост совершенно разморозилась. Потом мы попытались тихонько спеть: тихонько — чтобы соседи не обижались. Смеялись до слез, потому что никаких песен, кроме «Катится, катится голубой вагон», вспомнить не могли. Дядя Гриша затянул «На рейде ночном легла тишина», но, во-первых, у него не было слуха, а во-вторых, молодежь — то есть мы — эту песню уже не помнила. А может, и не застала.

В этот вечер я понял, что слухи о полном отсутствии ностальгии у эмигрантов сильно преувеличены. Мне почему-то стало жаль моих немолодых родителей. Конечно же, они были пересажены на благоприятную почву, их поливали, следили за ними, ухаживали. Одна беда —

пересадили уже не саженцами, а зрелыми и даже перезрелыми деревьями. А любой садовод знает, что в таких случаях приживаются на новом месте не все...

Поздно вечером я отвез Леру в такси на квартиру ее дочери. По дороге по-дружески обнял за плечи. Она по-дружески позволила мне это.

— Знаешь, Лерочка, я только сейчас понял, почему так сильно боюсь разориться. Мне нужны деньги. Оказывается, в тайне от меня самого здесь, — я постучал себя по груди, — живет мечта. Как у Ассоль из «Алых парусов».

— Юра, не пойму, ты серьезно или для красного словца? Подшофе?

— Очень серьезно. Открою тебе один секрет. Только тебе. Никто кроме тебя и меня этого еще не знает. Чувствуешь ответственность?

— Чувствую, чувствую, говори, в чем дело.

Лера явно не знала, относиться ли к моим речам серьезно. А я ощутил прилив поэтического вдохновения.

— Лихницкий мне завещал одно очень важное дело. Открытие. И я в душе, — опять похлопал себя по груди, тосты давали о себе знать, — оказывается, мечтаю. Чтобы по морям-океанам быстро-быстро, как легковые машины, скользили, разрезая волны, тяжело груженные суда. И люди, видя это чудо, вспоминали Леонида Михайловича Лихницкого. — Подумал, подумал и скромно добавил: — И меня, грешного.

Глава вторая. Рейд по тылам

Дранг нах Остен

На следующее утро я проснулся достаточно бодрым и решительным. Во всяком случае, сомнений стало меньше, а оптимизма — намного больше. Встреча с Лерой и хоровое пение в маминой квартире подействовали целебно. С уже устоявшейся обидой я подумал, что первую помощь мне должна была бы оказывать Лена. Но телефон молчал... Неужели так трудно позвонить? Правда, возможен и другой вариант. Как я об этом не подумал? А вдруг там не все благополучно, и я поступаю как законченный эгоист? Нужно все-таки позвонить Лениной маме, просто узнать, все ли здоровы. И ни о чем больше не спрашивать, хватит с меня.

Сказано — сделано. Решительно набрал домашний номер Лены. Трубку взяла ее мама. Вежливо поприветствовал ее. Спросил, все ли здоровы. Она ответила, что все в порядке и что она помнит свое обещание. Мне показалось, что она еще что-то хочет добавить, но не решается. Не стал допытываться, сухо попрощался и положил трубку.

Настроение немного упало, но я спел куплет «Голубого вагона» и восстановил кондиции.

Когда я пришел в фирму, то увидел, что за секретарским столом мисс Лопес сидел Отто Кофф, как всегда отутюженный и серьезный. Темно-серый костюм, галстук, тонкая оправа очков. Отто считал, что надежный юрисконсульт должен выглядеть чуть-чуть консервативным. Меня его потуги все время сохранять солидность немного смешили, потому что не вязались с торчащей во все стороны непокорной белобрысой шевелюрой, которую он каждые пять минут безуспешно пытался пригладить и привести в порядок. Консерватизм его был искусственным, а космы — естественными. Мы с Отто были примерно одного возраста и давно перешли на «ты».

Тут нужно объяснить, что я имею в виду под переходом на «ты», а то полиглоты могут схватить меня за руку. Разумеется, я говорю это в переносном смысле. Конечно же, я знаю, что во многих языках есть лишь одна форма место имения, которую обращают к собеседнику, и если на иврите все друг с другом на «ты», то в английском, наоборот, все на «вы», хочешь не хочешь, уважаешь не уважаешь. Мне нравится и та, и другая манера общения. В иврите — демократичность и равенство, в английском — уважение к личности, независимо от статуса и возраста. Но для себя проблему перевода диалогов с английского на русский я решил просто. Очень просто. Если я в разговоре мысленно говорю человеку «ты», это «ты» автоматически выскакивает в переводе на русский. И напрягаться не нужно.

Итак, с Отто мы были на «ты». Я рассказал ему, что нас крупно надули. Что фирма давно на грани банкротства. А Берн тем временем осуществляет откровенное разграбление остатков, очень напоминающее мародерство в покидаемом войсками городе. Отто то удивленно ахал, то спохватывался и старался сохранять консервативное олимпийское спокойствие. Я не слишком стеснялся и постарался донести до его сознания, что у него тоже рыльце в пуху. В конце концов,

основная обязанность юрисконсульта — следить, чтобы клиента не надули. Впрочем, Отто и сам это прекрасно понимал.

Чего я хочу? Он должен просмотреть наши с Берном соглашения и выяснить, есть ли возможность что-либо опротестовать. И обязательно вцепиться в операции по перекачке денег из «Аквы» в другие фирмы Берна. Здесь, мне кажется, много незаконного. В общем, поискать компромат.

Кофф понимающе кивнул. Я знал, что сейчас его подгонять не придется. Задето его реноме надежного юрисконсульта. С такими вещами не шутят.

Я зашел в свой кабинет к Верочке — там уже всюю кипела работа, — и попросил мисс Синтию помочь герру Коффу. Это было сказано вежливо, но Верочка уже знала, когда спорить со мной бесполезно. Я надеялся, что добросовестная Синтия доложит Берну, что я вместе с адвокатом собираю на него компромат.

Я представил Синтии потерявшего на некоторое время дар речи Коффа. Но Си к таким вещам привыкла и знала, как преодолевать у этих глупых мужиков шок от своего появления. На всякий случай я немного помог ей и с нажимом сказал Отто, что времени в обрез. Что я надеюсь на его добросовестность.

Этой паре я тоже был больше не нужен. Но заодно лишился своего — пусть временного — рабочего места. Что оставалось делать? Я поплелся к Стивену, на ходу придумывая вопросы к нему. Но вопросов не было.

Оказалось, что вопросы ко мне есть у него. Сара радостно встретила меня и даже выскочила из-за стола:

— Мистер Марков, очень хорошо, что вы пришли. Вас ждет мистер Дзедин. Она понизила голос и сказала драматически:

— А вчера вас разыскивал мистер Берн.

Перед фамилией Берн Сара сделала глотательное движение. Я уверен, что она проглотила слово «сам». Ого! Меня затребовал сам Берн.

Стивен действительно ждал меня с нетерпением.

— Юри, как только ты ушел, мне позвонил Берн.

Он точно так же, как Сара, проглотил слово «сам». Эта пара отлично сработалась.

— Я пошел на вызов один. А что оставалось делать? Когда вошел в кабинет, то думал, что босс меня съест. «Почему Марков не пришел?»

Стивен пощелкал зубами. Было очень похоже на манеру Берна, и голос такой же скрипучий.

— Он даже привстал в кресле. Я, признаюсь, немного струхнул. А потом повторил все, как ты мне, Юри, сказал. Что ты разобрался в ситуации. Что не слишком обрадован. Что прийти только для того, чтобы это сказать, то есть скандалить, не видишь смысла. Он, то есть ты ищешь решение. Когда найдешь, тогда и явишься. Я правильно сказал?

— Отлично!

— И ты знаешь, как он отреагировал?

— ?

— Пожевал, пожевал, потом ласково улыбнулся — ты знаешь его манеру — и спокойненько так сказал: «Интересно. Интересно. Ладно. Встретимся через двадцать дней. Можете идти». И все! Представляешь себе? Ну и нюх у тебя, Юри! Как ты вчера вовремя ушел!

Я понял, что наступил такой период, когда все складывается само собой. Опять вступил в игру мой добрый дьявол. У других бывает добрый ангел, а у меня черт. Как только задумываю что-то сомнительное, начинает дуть попутный ветер. Так было и в прошлый раз... Ну что ж, нужно пользоваться моментом...

— Отлично! Попробую уложиться в этот срок. Стивен, я, с твоего разрешения, завтра или послезавтра отправлюсь в такое же турне по фирмам, какое ты совершил в прошлом году. И тоже возьму с собой Синтию. Не возражаешь?

— А Синтию зачем? — у него прорвались ревнивые нотки.

— Она всех компаньонов знает. — Я решил его немного прижать. — И знает все ваши с Берном секреты в этой поездке. О них ты мне так ничего и не рассказал.

Стивен покраснел и прекратил сопротивление. Теперь и для меня нашлась работа. Документы, деньги, бухгалтерия. Поиски подходящих рейсов и свободных мест. Составление коротких досье на каждую фирму и ее хозяев — подробности всегда можно было отыскать в интернете.

Не теряя времени, я сообщил Синтии о предстоящей поездке. Тактично поинтересовался, нет ли у нее каких-нибудь препятствующих обстоятельств. Таковых не оказалось.

Верочка была не слишком довольна моим решением забрать Синтию, но возражать не стала. И довольно ехидно подмигнула мне. Я сделал, насколько удалось, наивное и простодушное лицо. И сказал, что художника может обидеть каждый.

— Ладно, художник, поезжай спокойно. У нас уже почти все сделано.

И передала мне несколько листов с предварительными результатами расчетов. Осталось в фирме не густо. Крохи. Пора отправляться на заработки...

Я решил начать турне с впавшего в нищету бизнесмена Качко, против которого Стивен когда-то затеял неудачный судебный процесс. Мне казалось, что он один из инициаторов бунта. Но была еще одна причина. В том же городе жил наш бывший сосед, мамин друг и ровесник журналист Вадим Пелентьев. Лет пятнадцать назад Пелентьевы переехали сюда вслед за дочерью. Приятное, а в данном случае и полезное знакомство.

После окончания рабочего дня мы остались вдвоем с Отто Коффом. Стыдливо пряча глаза, он признал, что юристы Берна нас обошли во всем. Договор был составлен таким образом, что никакие протесты невозможны. Все подкреплено фразами типа: «Ознакомились полностью с финансовым положением...», «Полностью согласны с фактическим...», «Нет претензий к...» и тому подобными.

— Словом, двадцать миллионов он тебе не отдаст.

Но я на это и не рассчитывал. А попросил подготовить и оформить иск, чтобы попытаться его прижать, если в этом возникнет необходимость. Просил найти незаконные комбинации. Я имел в виду имущество, которое Берн увел из «Аквы» в то время, когда я в свою очередь пытался ограбить его. Вор у вора дубинку украл. Впрочем, никто ничего не крад — это бизнес. Но в чем-то разбой и бизнес похожи, не правда ли?

Все, дела были закончены. Можно уходить и улетать.

Я позвонил Лере. Она тоже должна была вернуться в Торонто, ребенок и муж уже возмущались. Я сказал, что завтра в полдень отправляюсь на «восточный фронт». Мол, какой смысл мне оставаться, если она уезжает. В этой шутке была немалая доля правды.

Вечером мы встретились с ней. Ни о чем существенном больше не говорили. Она взяла меня под руку, и мы молча бродили по 58-й авеню, освещаемые огромными рекламами. Вечером в другие районы Лера заходить боялась. Честно говоря, я тоже. Это одна из причин, по которым можно не слишком любить Нью-Йорк.

Лера попросила хотя бы раз в несколько дней сообщать ей вести с фронта. Я пообещал. На прощанье мы расцеловались по-дружески.

Как говорим мы с Никитой Сергеевичем? Цели ясны, задачи определены — за работу, товарищи!

Я не буду называть города, в которых базировались наши совместные фирмы. Не хочу, чтобы эта книжка из разряда мемуаров попала в криминальный отчет. Не хочется держать ответ за то, что «порочу честь и достоинство» не только отдельных граждан, но целых городов и областей неньки Украины.

Вы наверняка заметили, что даже свой родной город я до сих пор не назвал, хотя, уверяю вас, это было не просто. Приходилось хитрить и изворачиваться, заменять название местоимениями... Без сомнения, вы догадались, о каком городе речь, но догадка — это еще не доказательство в деле о клевете.

Из этих соображений город, в который мы приехали после почти двух суток нелегкой дороги, я назову Энском. Прием не новый...

До Киева долетели с пересадкой, оттуда поездом, потому что самолеты летали только дважды в неделю, да и билетов не было. Словом, мы порядком устали и с огромным облегчением завалились в гостиницу. Наши номера стоили в сутки больше, чем зарабатывает за целый месяц работник с довольно приличным для Украины окладом. И номера-то были не бог весть какие роскошные. Мне снова пришлось привыкать к контрастам благословенной родины.

Пришлось привыкать и к уже немного подзабытому невеселому виду городов. Исключение составлял, пожалуй, Киев. Столица выглядела относительно прилично.

Да, чуть не забыл сказать, что Энск — тоже приморский курортный город, пользовавшийся раньше всесоюзной известностью.

Ладно, ладно, распыхтелся. Строю из себя богатого иностранца, а сам всего-навсего дважды прогоревший украинский бизнесмен и экс-миллионер.

По приезде я сразу же из гостиницы позвонил Пелентьеву и предупредил о том, что вместе со сногшибательной иностранкой завтра утром нанесу ему визит. Сногшибательная иностранка стояла рядом, слушала наш разговор и снисходительно улыбалась. Назавтра часов в десять мы вместе с Синтией пошли в гости к Пелентьевым, сопровождаемые восхищенными взглядами мужского населения Энска.

Пелентьевых я знал с очень давних пор. Они много лет были нашими соседями, жили на том же этаже, что и мы, дверь в дверь. Поскольку я знал их с детства, то по въевшейся привычке называл до сих пор дядей Вадиком и тетей Лидой. Хотя в моем возрасте это звучало довольно нелепо.

Жили они в местных Черемушках, в очень ухоженной и чистой квартире — тетя Лида была большой аккуратисткой. Но парадная и лестница были запущенными и загаженными. Это была ничейная земля, и следить за ней было некому. Убирать тоже. Все как раньше.

Вадим Пелентьев был оригинальным человеком. Профессиональный журналист с многолетним стажем, он находил контакт с кем угодно и при любых обстоятельствах. Внешне он был широк во всех отношениях — и при виде спереди, и, в последние годы, при виде сбоку. Широкое лицо, широкий нос, широко расставленные и широко распахнутые глаза. Раньше у него были очень густые курчавые волосы, но сейчас они поседели и распрямились. И в лице у него было что-то негритянское, хотя негров в округе видно не было, особенно семьдесят лет тому назад.

Дядя Вадик любил выпить, а женщины любили дядю Вадика. Эти две проблемы доставляли много неприятностей тете Лиде, но с годами обе они перестали быть актуальными.

Пелентьев до сих пор работал и в газете, и на телестудии. Как это бывает часто с пенсионерами, он неожиданно стал ярым, даже яростным оппозиционером. Почему неожиданно? Потому что раньше он политику не любил и скромно вел рубрику «Из зала суда». По характеру он был скорее конформистом, чем революционером. По-моему, даже потихоньку когда-то вступил в партию, о чем говорить не любил ни раньше, ни тем более сейчас.

И вдруг на склоне лет дядя Вадик загорелся ужасным гневом. Врагами его стали продажные городские власти и даже правящие органы Украины. Он доходил до самых верхов, не ограничивая себя ничем. Сейчас для криминального репортера появилось огромное поле деятельности. Он мне иногда посылал свои бичующие, обличительные и разоблачительные статьи. Как ни странно, на Украине еще терпели такую оппозицию. В России, Белоруссии, не говоря уже о Средней Азии и Казахстане, давно навели порядок...

Когда я читал его статьи, слушал его телевизионную программу «На злобу дня», то даже меня, привыкшего здесь ко многому, охватывало сильнейшее недоумение. А Синтия слушала все это с широко раскрытыми глазами и вообще ничего не понимала. Или журналиста Пелентьева должны были посадить на много лет в тюрьму за злостную клевету, или тех, о ком он рассказывал, нужно было расстрелять за бесстыдное воровство в особо крупных размерах. Но ничего не происходило. Власти и чиновники продолжали торговать землей, заповедными участками, брать взятки и так далее. Пелентьев изобличал их с фактами в руках. А народ не реагировал ни на то, ни на другое.

Вот вам фрагмент его статьи, где он сравнивает чиновников на Западе и у нас.

«Там тоже отнюдь не царство справедливости. Но есть принципиальное различие между Западом и Востоком. Там несправедливость облачается в тогу закона. В этом случае она не так вызывающе выглядит. Это позволяет людям верить, что, несмотря ни на что, правда есть правда, а закон есть закон. Да, так бывает не всегда, да, справедливости часто очень трудно добиться. Но все-таки она есть.

У нас несправедливость выглядит как откровенный произвол, ее даже не считают нужным маскировать. Даже выборы, всенародные выборы, всегда можно назвать незаконными, назначить ручной, дрессированный суд и провозгласить победителем позорно, вчистую проигравшего кандидата. Какой тогда смысл печатать бюллетени?

Или не пытаются, не считают нужным замаскировать откровенное воровство, когда чиновник с окладом триста долларов в месяц через год после своего назначения строит дворец на бесценных курортных землях стоимостью в пару миллионов долларов. Такой бесстыдный наглядный беспредел убивает в душах людей чувство собственного достоинства и стремление защищать его. Люди делают не способны испытывать стыд за себя или за других. А что может быть хуже этого?»

Но вернемся в квартиру Пелентьевых. Мы обнялись, расцеловались. Я представил Синтию. Даже дядю Вадика, знающего толк в женщинах, поразила ее внешность. Он очень одобрительно посмотрел на меня. Я отрицательно покачал головой. На его лице появилось нескрываемое удивление. Вся эта пантомима легко прочиталась тетей Лидой и тем более Синтией. Все дружно рассмеялись, и Синтия была принята в наш узкий круг.

Последовало неизбежное застолье, хотя было еще утро. Дядя Вадик — отличный собеседник, и разговаривать с ним было бы очень интересно, если бы его постоянно не заносило на любимую территорию, и он не принимался с упоением ругать власть. То мэра, то губернатора, то президента. При этом он терял шарм и начинал употреблять крепкие слова: мерзавец, гад, прохвост, а то и похлеще. Синтия этих слов в своих словарях не встречала и смотрела на меня вопросительно. Я в ответ лишь пожимал плечами, потому что в свою очередь не знал английских аналогов, и все переводил одним и тем же «shit»...

Политика меня мало интересовала, поэтому я стал направлять беседу в другое русло. Наконец дядя Вадик догадался спросить, зачем мы сюда приехали. Я сказал, что мы с Синтией работаем в фирме «Аква продакшн», а некто Егор Качко должен нам миллион с лишним и не отдает. Пелентьев тут же вспомнил процесс, посмеялся над нашей наивностью и сказал, что деньги из Качко можно выжать только разрезав его на мелкие кусочки, не иначе. И он снова принялся ругать городскую администрацию и лично мэра — на этот раз по делу. Оказывается, этот жук Качко с проходимцами из управления провернул жульническую операцию в духе героев О'Генри. Качко взял подряд на реставрацию старого дома в исторической части города, его рабочие слегка подкрасили эту развалюху. Потом «неожиданно» оказалось, что денег у горсовета нет и расплатиться с несчастным бизнесменом нечем. Поэтому город просто вынужден был в качестве уплаты отдать Качко в собственность четырехэтажную гостиницу «Восток», которая стоит...

— Сколько Качко вашей фирме должен?

— Миллион с хвостиком.

— Вот столько примерно она и стоит. Жульничество самого низкого пошиба!

Дальше я узнал о «клиенте» много интересного, чего не было в нашем досье. Прежде всего — о семейном положении. У него теперь молодая жена Нинель, «та еще стерва»...

— Стерва? Как эт-то, как эт-то? Я с трудом попытался объяснить Синтии непонятное слово...

После тяжбы с «Аквой» осмелевший Качко опять записал на себя все, что передал когда-то матери и любимому племяннику. Но стерва Нинель свою часть возвращать отказалась, а это больше половины имущества. И теперь мерзавец Качко ходит перед ней на цирлах!..

— На цирлах? Как эт-то, как эт-то? На сей раз я и не пытался перевести, потому что значения этого слова сам толком не знал...

Убедился я в том, что наши клиенты считать умеют, а вот великий Берн в прогнозах не учел важной «мелочи». Новые фирмы потеряли немало, разрушив связи с «Аквой». Но нашли больше, чем потеряли. За первые год-два они выручили чистоганом тот миллион, который Берн дал каждому в долг в виде товара и оборудования. Но возвращать не торопились. Тогда недвижимость стоила дешево. Они на украденные у «Аквы» деньги накупили квартир и домов. За последнее время их стоимость поднялась в несколько раз и с лихвой окупил любые потери. Их расчет, что еврей в кипе не станет подсылать киллеров, полностью оправдался...

Потом я осторожно полюбоществовал, кто в Энске самый крупный мафиозный делец, желательно с примесью уголовщины. Эта тема тоже оказалась любимым коньком криминального репортера. Таких много, рассказал он, несмотря на относительное — для обычного горожанина — спокойствие последних лет. Тихая криминализация на Украине продолжается, но внешние приличия сохраняются. Так вот, самый «великий и ужасный» — некто Волков, по прозвищу — правильно — Волк. Ничего не боится. Он хозяин объединения «Спурт», владеет игровыми автоматами и ночным клубом «Гурии». Всего миллиона полтора. Пока только на пути к настоящему богатству. Мечтает о казино и прет вперед как трактор. В лучших традициях Чикаго. Когда-то Пелентьев написал о нем статью «Санитар леса».

— Не успел донести ее до редакции, как меня остановил дюжий молодец с квадратным подбородком и без лба и предупредил, что, если статья выйдет, я останусь без глаза.

— Ну и чем кончилось?

— Как видишь, я с глазами, а значит, статья не вышла. Заголовка жалко.

Синтия слушала внимательно и время от времени восклицала:

— Триллер! Триллер!

И с удивлением и уважением смотрела на меня. Как я собираюсь добыть в таких условиях миллионы? Надену черную маску и начну всех крушить направо и налево? Не похоже...

Еще одну приятную информацию я получил в то утро. Оказывается, Волков с Качко на ножах. Оказывается, та самая четырехэтажная гостиница была яблоком раздора. Добрый дьявол не дремал...

Благодаря всезнающему журналисту дополнительную информацию о Качко мне добывать не пришлось: у бедного «нового русского» есть возможность с нами расплатиться — было бы желание. Желания, правда, нет и наверняка не предвидится. Но все-таки я считал своим долгом встретиться с ним и попытаться усовестить. Хотя понимал, что это смешно и, мягко говоря, наивно. Явно не тот случай.

О нашей встрече с Качко вспоминать неприятно. Мы пришли в назначенное время — в час дня — в его офис. Хозяин вел себя в высшей степени нагло, а присутствие Синтии еще провоцировало его демонстрировать свою «крутизну». Рыхлый, лет пятидесяти, без особых внешних примет. Запомнились лишь удивительно водянистые глаза. Я даже не мог разобрать, какого они цвета — карие или голубые, настолько все было разбавлено.

Берна он называл не иначе как «евреец», чем вызывал дополнительное желание съездить ему по роже. Но в приемной сидели два бритоголовых спортсмена. Да и вообще, только драки мне не хватало. Вызывающе глядя мне прямо в глаза, Качко сказал, что уже один раз договорился с управляющим, тоже еврейцем Дзецином, и больше обсуждать ничего не хочет. Он свое слово не меняет и другим не позволит. И на его твердость все равняются. Намек на то, что он является инициатором бунта на корабле «Аква продакшн». Впрочем, я так и предполагал. Качко явно пытался меня спровоцировать на скандал. Синтия смотрела на все это с нескрываемым отвращением.

Потом появилась смазливая Нинель, села, задрав коленки, в короткой юбке едва ли не выше головы, и стала то разводить, то сводить их вместе. То ли со мной заигрывала, то ли Качко дразнила, — скорее всего, и то и другое. Ну и семейка! Когда мы оттуда ушли, я заторопился в гостиницу и принял душ. Теперь совесть моя была чиста: семейство Качко заслуживало четвергования.

Из своего номера я связался по телефону с великим и ужасным Волковым, «санитаром джунглей». Такое определение мне нравилось больше, чем заголовок не вышедшей статьи дяди Вадика. Договорился о встрече на следующее утро. Я решил пойти один и вообще по возможности не афишировать свои переговоры с Волковым. Разумеется, я имею в виду Синтию. Должен же быть у меня запасной ход, неизвестный Берну? Я не сомневался, что по возвращении Синтия положит на стол Берна подробный отчет. И правильно сделает: она отличный работник, а он ее босс. Лучше не соблазнять ее лишними сведениями, так будет спокойнее и для нее, и для меня.

С Синтией очень легко, полезно и интересно было ездить. Она, повторю в сотый раз, действительно великолепный работник. На редкость исполнительна, никогда не задает лишних вопросов и не обременяет своими советами. То, что она знала о работе, я не смог бы выучить до конца жизни. В любых условиях подтянута и аккуратна, как Алина (вы, разумеется, Алину помните?). Я к Синтии относился с симпатией, хорошо относился. Но при этом абсолютно ее не понимал. О чем думает, как поступит, что там внутри происходит — непостижимо. Она для меня была посланцем другого мира. Иная ментальность, иное воспитание. Я бы добавил — и иное происхождение, если бы не боялся, что меня обвинят в расизме. Она на многое смотрела совершенно другими глазами. А какими именно — я так и не понял.

Но о Синтии я подробней расскажу позже. Сейчас же — только один красноречивый эпизод. Для затравки. Чтобы вызвать интерес.

Мы по дороге в Энкс делали пересадку в Мюнхене, билетов на прямой рейс Нью-Йорк — Киев не было. Ночевали в гостинице. Я прилично устал за время перелета, Синтия поменьше — она, увы, моложе и здоровее. Она предложила спуститься в бар, пройтись по улицам. Первые числа сентября, в Мюнхене была изумительная погода и всеевропейская вакханалия. Ну, это вы и сами о Мюнхене знаете. А может, не знаете...

Я отказался, предложил перекусить в номере и лечь пораньше спать: завтра тяжелый день. Мы поужинали, затем Синтия встала, пожелала спокойной ночи и неожиданно будничным голосом спросила:

— Может, мне у вас остаться?

Я был так удивлен, что даже спросил:

— Зачем?

Синтия посмотрела на меня как на идиота, каковым я, без сомнения, и являлся. С трудом удержал себя от вопроса, входит ли это в ее служебные обязанности, и вместо этой пошлости находчиво ответил:

— Нет, спасибо. Завтра действительно тяжелый день. «Спасибо» в этой фразе было лишним и звучало двусмысленно.

Синтия без видимых эмоций попрощалась и ушла. Вела себя в дальнейшем как обычно, но подобных предложений больше не поступало. Правда, порой мне казалось, что она смотрит на меня с сожалением, как на не очень здорового человека.

Могу предположить, что побудительной причиной для нее был, конечно же, не карьеризм. И, конечно же, не чувства — их определенно не было. Скорей всего, она просто искренне не понимает, почему два приятных друг другу человека, которые волею обстоятельств вынуждены днем и ночью находиться вместе, должны проявлять непонятный для нее аскетизм? Вероятно, я в ее глазах хоть и симпатичный человек, но своего рода дикарь. Как и многие русские. Не исключено, что подобный аскетизм для нее — дикость и извращение. Не исключено. А может, так оно и есть?.. Тьфу-тьфу-тьфу, что за мысли иногда приходят в голову...

Кстати, эпизод на этом не закончился. Я улегся, но сна как не бывало. Организм еще помнил о том, что в НьюЙорке сейчас только четыре часа дня. Проворочавшись часа два, я кряхтя поднялся, оделся и вышел из номера. Но тут же испуганно нырнул обратно. По коридору шла Синтия в обнимку с высоким блондином. Разглядеть его я не успел — хлопнула дверь соседнего номера, где жила моя обворожительная сотрудница.

Назавтра Синтия была, как всегда, свежей, деловитой и очень серьезной. Я не удержался и как можно более невинно спросил: как отдохнули? На что Синтия очень просто ответила, что уснуть не могла, пошла в бар, там познакомилась с очень симпатичным шведом. Все хорошо, спасибо. Уверяю вас, это было сказано без всякой задней мысли...

Ну вот, теперь у вас есть информация к размышлению. Продолжение следует.

Вторая половина дня у нас была свободна. Мы с Синтией решили прогуляться по Энску. Я здесь был уже в третий раз и поэтому вполне мог сойти за гида для иностранки. Мы отправились на побережье, неплохо пообедали в местном ресторане, и довольно недорого. По нью-йоркским меркам недорого. Правда, парочку здешних средних пенсий нам это стоило. А может, и больше. Но что это я заикнулся на деньгах и на сравнении уровня жизни? Это все долгое отсутствие на родине...

А ведь были у меня и очень приятные впечатления. Прежде всего — красивый ландшафт, зелень, море, теплая, но не жаркая погода. Благословенная пора ранней осени. Словом, благодать.

Что касается самого города... Нельзя сказать, что я не видел изменений к лучшему. Несомненно, они были, но их, увы, заслоняли перемены другого рода.

В городской жизни явственно выделялись три составляющие. Вдоль основных трасс и в центре пробивалась новая жизнь, связанная с частным сектором. Яркое освещение, огни рекламы, оживление. Отреставрированные, аккуратно выкрашенные дома с большими окнами. Магазины и магазинчики, рестораны и ресторанчики, многочисленные и разнообразные офисы. Деловито сновали подтянутые молодые люди и современного типа девушки. Иногда появлялись их немножко мордатые и слегка самодовольные хозяева. К этой же формации относились и новые многоэтажные дома с охраной и с автономным водоснабжением и, конечно же, виллы «новых русских» за высокими заборами.

Большая часть города относилась к эпохе загнивающего социализма. С советской властью, которая теперь именовалась городским управлением. С вечными плановыми ремонтами и привычной имитацией деятельности. С разбитыми дорогами и тротуарами. Иногда без воды, иногда без электричества и всегда без уборки. И жители этой зоны, увы, выглядели до сих пор по-советски.

И была еще одна историческая формация, не к ночи будь помянута. Нэп. Самый настоящий нэп, с бомжами у мусорных контейнеров, беспризорными детишками возле магазинов и обилием бездомных собак на тротуарах. И богатые, и бедные горожане привычно взирали на этот ужас.

Когда победит чистоплотный и энергичный капитализм, было неясно. Скорее бы...

Хочется сказать все-таки что-то хорошее, чтобы меня не обвинили в отсутствии патриотизма. Представьте, я почувствовал здесь, на Украине, какое-то расслабление и облегчение. Дело в том, что жизнь в эмиграции требует непрерывных внутренних усилий. Вокруг чужая речь,

постоянная, пусть и не всегда осознаваемая необходимость напрягаться. Напрягаться, когда говоришь, и еще больше — когда слушаешь. И неизбежные сомнения: а так ли ты поступаешь, как тут принято? Так ли ходишь, так ли дышишь?.. То, что на родине делаешь автоматически, за границей приходится сознательно или подсознательно контролировать. От этого, понятно, сильно устаешь...

Мы с Синтией даже немного позагорали на пляже. Понежились на еще ласковом солнышке. Я всегда любил сентябрьские пляжи. Тут важно найти безветренный уголок — и можно впасть в нирвану. Мы бы еще позагорали, но Синтия на пляже — это было чересчур для мирного Энска. Как-то незаметно лежаки и подстилки стали придвигаться к нам. Пришлось уйти, пока еще можно было протолкнуться. Я, понятно, утрирую — но по сути все так и было...

В тот же вечер за ужином в гостиничном кафе я сообщил Синтии, что завтра она свободна. У меня с утра дела. Ни намека на любопытство, ни проблеска интереса в глазах. Что значит высокий профессионализм!

А еще я решил употребить власть начальника — и сказал, что поскольку она не знает местных условий, то ей лучше воздержаться от каких бы то ни было знакомств с красавцами блондинами. В наших условиях это опасно для нее и — добавил я для надежности — для фирмы. Без малейших признаков неудовольствия Синтия послушно кивнула и сказала, что сама это отлично понимает. И добавила:

— Еще один триллер нам не нужен. Достаточно тех, что нас ожидают.

Молодец все-таки! И такт, и остроумие... Я бы расцеловал своего секретаря, но опасался, что это будет неверно истолковано. У них, американских латинос, другой темперамент...

Этой ночью я спал не слишком хорошо. До сих пор все в Энке оправдывало ожидания и особых усилий не требовало. Встреча с Волковым являлась новым и очень существенным этапом. С нее должна была начаться операция «Чистые руки».

Пора и вас ввести в курс дела. Некоторые проницательные читатели, наверно, думают, что догадались, как я хотел добыть деньги. Чего проще? Нанять бандита или дельцамафиози, чтобы он черным способом, угрозами и насилием отнял деньги и поделился с нами отвоеванным. Но проницательные читатели не учитывают одну немаловажную деталь. Добром, то есть без угроз или насилия в той или иной форме, денег никто не отдаст. В таком случае я буду в глазах закона тем, кто оплатил преступление, то есть заказчиком. Ни меня, ни фирму, которую я представляю, такой вариант не устраивал. Я привык, как и Остап Бендер, чтить уголовный кодекс. А Оскар Берн и подавно.

Идею операции «Чистые руки» я предложил Семену лет двадцать тому назад. Это было в то время, пожалуй, мое единственное предложение, все остальные идеи выдавал Семен. Но свою лепту он внес и в это дело, придумав название «Чистые руки». Я тогда испугался своего предложения и поспешил от него отказаться. Слишком все смахивало на вымогательство и ржкет чужими руками.

Семен не уступил и довольно долго убеждал меня не бояться. Он доказывал, что вымогательство — это требовать чужое, а не возвращать свое. И острил, что бизнес от бандитизма отличается только одним: бизнес все старается делать в рамках закона. Вот и вся принципиальная разница. После таких сентенций Семен откидывался в кресле, весьма довольный собой.

Постепенно мы выработали схему, которая была юридически абсолютно правомочна, не придерешься. Правда, моральный аспект с точки зрения закона Божьего оставлял желать лучшего...

Лучше всего объяснить это на примере Качко со товарищи.

Я хотел совершить вполне законную сделку с Волковым. То есть мы с ним не соучастники, а продавец и покупатель. Продали, пожали друг другу руки и разошлись навеки.

У нас было восемнадцать процентов акций Качко. И гарантийные чеки на девятьсот пятьдесят тысяч долларов. В сущности, это те же векселя, известные всем по книгам. Я их мог продать кому угодно. По всем международным законам выданный чек обязан быть оплачен. И раньше были, и сейчас есть на Западе дельцы и адвокаты, которые профессионально скупают такие чеки по дешевке и потом выжимают деньги через суд или как-то иначе. Наследники старых классических ростовщиков. У нас это не привилось, потому что в суд никто не верит, зато верят в автомат Калашникова.

Но не будем отвлекаться. Ситуация официально выглядит так. Мы, солидная авторитетная фирма, столкнувшись с обманщиком и вором Качко, не хотим связываться с местными нравами и

судами. Свои акции и чеки (векселя) мы на законном основании продаем дешевле местному бизнесмену, который в этих дебрях разбирается. Это наше право. Пусть он с Качко получает долги через суды, арбитраж или как там у них принято. Нас это не касается.

Понятно, что далеко не каждый за такую сделку ухватится. Нужен человек, который своего не упустит. И важно еще одно: мне было нужно, чтобы Волков содрал с Качко вдвое больше, чем я буду просить у остальных. Чтобы «просьба» санитара джунглей выглядела эффектно и впечатляюще. Чем эффективней, тем для меня лучше. Пара Волков — Качко, по моим представлениям, очень подходила для этого. Один умрет, но не отдаст, другой умрет, но разденет до нитки. В этой схватке будет на что посмотреть. Пух и перья полетят.

Главное, чтобы Волков согласился. Тогда переговоры с остальными пройдут в духе мира и взаимопонимания. Потому что мои требования будут куда умереннее, а для острастки за плечами у меня в каждом случае будет стоять свой местный Волков. В наше время Волковых хватает. А может, и одного примера с Качко окажется достаточно — это лучший вариант.

Такие планы я строил. Вроде бы вполне разумные и в нашем родном городе неоднократно проверенные. Но известно ведь, что человек предполагает, а располагает... увы, не он.

Иллюзий у меня не было, я понимал, что борьба за эти деньги чревата тяжелыми осложнениями. Или даже «особо тяжелыми», как говорят криминалисты. Просто так получить семь миллионов можно только в сказке или в приключенческом романе. Поэтому я был готов к любым неожиданностям.

Беседа с Волковым затянулась надолго — часа на четыре с гаком. Начали мы в его офисе, а закончили в ночном клубе «Гурии», где нас отлично покормили. В дополнение к обеду были изумительные официантки, одна лучше другой. На мой вопрос, где он таких берет, Волков не задумываясь ответил:

— Места надо знать.

Несмотря на свою внешность бывшего борца или штангиста, человека прямого и бесхитростного, Волков оказался очень осторожным и расчетливым дельцом. По описанию дяди Вадика я представлял его иначе. Каждую деталь он обсасывал со всех сторон. А начал разговор с вопроса, какие у меня полномочия. То есть говорить со всякой мелочью он был не намерен. Мои сорок девять процентов акций его настроили на серьезный лад, хотя, заметил он, лучше бы у меня был пятьдесят один процент. В ходе беседы мне пришлось перестраивать свои планы и по возможности говорить то, что есть на самом деле.

Вкратце наша четырехчасовая беседа сводилась к следующему. Я сказал, что хочу продать ему неоплаченные чеки Качко на сумму девятьсот пятьдесят тысяч и восемнадцать процентов наших с Оскаром Берном акций в его фирме. Это составит примерно полтора миллиона долларов. О цене поговорим отдельно. Он старался сохранять безразличие, но цифра, а главное, фамилия Качко произвели впечатление.

Волков сразу начал искать скрытый подвох. Я понял, что дел без скрытого подвоха он себе не представляет. Заходил с разных сторон, выяснял подробности. Я терпеливо отвечал на его вопросы, а когда надоедало, задавал свои. И все думал, в чем его слабина.

Перелом начался тогда, когда он спросил, почему я обратился именно к нему. Я ответил прямо:

— А кто еще это купит? Только тот, у кого хватит сил все отобрать. До нитки. Разве не так?

Он выпрямился на стуле, развернул плечи и стал наконец похож не на хитрого ростовщика, а на бывшего олимпийского чемпиона.

— Да, у меня сил хватит. Это верно!

И стукнул тяжелой рукой по столу.

Сказано было так жестко и даже свирепо, что я ему полностью поверил. И подлил масла:

— Этот паршивец Качко — наглец, каких мало. И думает, что никто ему не указ. Я сказал не «паршивец», а кое-что покрепче.

— Шакал, вшивый шакал, а строит из себя...

— «Среди биндюжников Качко слыл грубияном!»

Волков понимающе хохотнул — узнал цитату, а я окончательно убедился, что Пан Спортсмен и Гобсек — маски, и на самом деле в нем много чего намешано. Но мягкость и терпимость в это многое явно не входили. Да, не хотел бы я с ним столкнуться на узкой дорожке.

В этот момент он и пригласил меня в клуб, где за вкусной едой мы обо всем в принципе договорились. Он покупал у меня все скопом за четыреста пятьдесят тысяч долларов.

Торговались, надо сказать, мы долго. Слишком дешево покупать ему тоже было не с руки. Создалось бы мнение, что он просто «наехал» на Качко. А так — купил, затратил немало денег и имеет все права в глазах «братвы». Да, подумал я, вот и о «братве» заговорили... «Санитар джунглей» явно не чурался уголовщины. А чего я, собственно, ожидал?..

Я настойчиво потребовал выплатить всю сумму сразу. Волков хотел получить рассрочку, но я прямо объяснил, что продажа должна быть окончательной, и я предпочитаю лучше сбросить еще пятьдесят тысяч. Почему? Если посыплются искры, не хочу, чтобы нас могли посчитать соучастниками. Странно, но моя прямота ему понравилась. Короче, мы там же, в клубе, составили предварительный договор и его подмахнули. Я сказал, что вернусь недели через две, согласовав все с боссом.

Все это нас еще ни к чему не обязывало, но я был уверен, что Волков не передумает. У него появился шанс почти удвоить свое состояние, а такие предложения поступают не каждый день.

И только тогда, когда мы покончили с делами, Волков распорядился принести спиртное. После чего беседа оживилась, но стала терять направление. Спустя какое-то время мой собеседник, плотоядно потирая руки и, видимо, представляя себе, как поджаривает на медленном огне ненавистного Качко, спросил:

— А по телефону согласовать нельзя? Может, ты не уверен, что получишь «добро» от своего Берна?

— Уверен, не волнуйся, уверен. Просто мне там раньше нужно выторговать кое-что для себя.

Такой подход к делу был Волкову понятен, и он одобрительно похлопал меня по плечу. Это означало, что нам с ним палец в рот не клади. Я эту мысль понял без слов, потому что к тому времени пошла вторая бутылка моего любимого «Блэк лейбл».

Вернулся в гостиницу я в подпитии, так же плотоядно потирая руки при мысли о Качко. Приятно, когда дело тебе приносит не только пользу, но и моральное удовлетворение. Даже если оно в чем-то противоречит божьим заповедям...

В этот же вечер мы сели в поезд и отправились на север. Синтия вежливо, но крепко поддерживала меня под локоток. Мне это было приятно, но я изо всех сил старался твердо стоять на ногах. Авторитет нельзя было ронять.

Поезд тронулся в путь. Нас ожидало еще семь городов.

Путевые заметки

Как и положено выпившему человеку, в купе я уснул как убитый. Но с первыми лучами солнца проснулся. Какая-то мысль даже во сне тревожила меня.

Окончательно придя в себя, я понял, что меня беспокоит. Можно считать, что операция «Чистые руки» становится неизбежной реальностью, а это требует от меня сугубо личных решений. Прятаться в соответствии с девизом Семена — «Переживать неприятности по мере их поступления» — уже поздно. Неприятности — вон они, на носу.

Болела голова — не то от выпитого, не то от бесконечных проблем. А меня предупреждали врачи, что голова — это моя ахиллесова пята. Ох, доиграюсь я до инсульта...

Но личные проблемы решать придется. Впрочем, я давно уже представлял себе, как их придется решать. Сейчас время настало.

А теперь я вынужден рассказать о себе довольно неприглядную вещь. Я бы с радостью ни в чем не признавался: кому охота выглядеть в собственных воспоминаниях бог знает кем. Я не Эдуард Лимонов и удовольствия от того, что пишу о себе гадости, не испытываю. Но без этого признания вы не сможете понять многое в дальнейшем. Нарушится логика повествования, а мне бы этого не хотелось. Так что я вынужден открыть свои «коварные планы» по отношению к самому близкому мне человеку. Да, обстоятельства вынудили меня прибегнуть к такому двуличию, хотя вряд ли стоит все валить на объективные обстоятельства.

Я на эти свои подпольные мысли уже намекал, но невнятно. А сейчас, когда явственно вырисовался слишком уж бескомпромиссный путь спасения моего состояния в «Акве», я утвердился в своих намерениях. С тяжелой душой, но решение принял.

Но, кажется, я затягиваю преамбулу, все стараюсь смягчить, объяснить... Ближе к теме!

Конечно же, я очень расстраивался оттого, что Лена не дает о себе знать. И обижался, и нервничал. Но в глубине души, честно вам признаюсь, ни минуты не сомневался в главном: наша

размолвка — временное явление. Это не было самонадеянностью или самообманом. Я просто знал — так оно и есть. Иначе и быть не может. Только жесткие законы бизнеса стоят между нами, я в это свято верил.

Я дал себе слово: когда кончится этот тяжелый период, когда я справлюсь с ношей, которую снова взвалила на меня судьба, — тогда все! Отойду в сторону, брошу раз и навсегда интриги, не буду хитрить, лгать, лицемерить и резать по живому. Все! В последний раз. Хочу оставаться человеком. Ну их всех к черту. Брошу бизнес, если в нем иначе вести себя нельзя. Дайте только закончить это дело!

Прекрасно сознаю, что мой зарок очень напоминает обещания пьяницы начать новую жизнь с понедельника. Но я знал себя. Верил, что ни в какую сомнительную историю больше не ввяжусь. А пока... Пока я не сомневался в одном: о моих планах Лене нельзя не то что говорить — даже намекать. Я представлял себе, с каким ужасом она посмотрела бы на меня...

Да, я очень хотел, чтобы мы помирились. Сколько можно быть одному? Сил больше нет! Но при этом хотел, чтобы это произошло не раньше чем через полгода. Когда все закончится. Мне нельзя сейчас заниматься маневрами на личном фронте и взвешивать каждый свой шаг с позиций порядочного человека. Не дельца. Порядочность бизнесмена измеряется в других единицах — в тысячах долларов.

Я чувствовал (помните о нашей взаимной телепатии?), что Лениной стойкости приходит конец. Что не сегодня-завтра она мне позвонит. И решил мягко, так, чтобы ее не обидеть, затянуть размолвку. На худой конец, сделать вид, что оскорблен до глубины души. Словом, я решил предложить ей разойтись на полгода, чтобы убедиться в своих чувствах.

Тогда я не понимал, насколько это жестоко. Я говорил себе, что такое бывает сплошь и рядом, и ничего из ряда вон выходящего в этом нет. Очень многие пары так поступают — и в кино, и в жизни, и никто еще не умер от разлуки. После примирения они только сильнее любят друг друга. Впрочем, как на грех, подобных примеров из жизни я не мог припомнить...

Видите, сколько оправданий нахожу я своим намерениям, — очень уж не хочется выглядеть эдаким Макиавелли. Не знаю, удалось ли мне хоть немного смягчить неприятный осадок в вашей душе. Ничего не поделаешь, теория разумного эгоизма на практике всегда выглядит не слишком красиво, хотя вреда для всех от нее, как правило, намного меньше, чем от безмозглого благородства.

Но все-таки была еще одна, основная причина такого решения. Мои будущие противники в институтах благородных девиц не обучались. За миллион, который каждый из них давно считает своим, они на многое пойдут, в этом можно не сомневаться. Игра будет куда опасней, чем водевиль с Садко, хотя бы потому, что на этот раз противников восемь и общая сумма на порядок больше.

Мне не хотелось бы, чтобы вы подумали, что я просто нагнетаю напряжение, что это литературный прием. Побеседуйте с каким-нибудь активным дельцом, и он вам расскажет, скольких людей из сферы бизнеса прикончили у вас в городе только за последние несколько лет. А Качко и Волков — мафиози местного разлива не из последних, они даже не считают нужным прятаться за внешней респектабельностью. К тому же эта пара — только начало. Нет, мои опасения не были преувеличенными. Я должен быть спокоен если не за себя, то хотя бы за Лену. Снова вынужден быть дуракомодинойкой, как окрестил меня когда-то Валера Гуськов.

Интересно, а как бы вы поступили на моем месте? Нашли бы другой выход? Не знаю, не знаю — я другого варианта не видел. Лена с ее взглядами на жизнь в будущую мясорубку никак не вписывалась.

...В девять утра мы прибыли в город Эмск, к десяти поселились в гостинице, а в одиннадцать позвонила Лена и спросила, когда мы сможем увидеться. Я сказал, что недели через две буду во Франкфурте. Что раньше не могу. Что скучаю и рад наконец ее услышать. Сказал, что люблю ее.

То ли мне показалось, то ли она всхлинула на том конце провода. Впрочем, какой провод — в руках у меня был мобильный телефон...

Путешествие наше было довольно однообразным — в каждом городе повторялось одно и то же. Прежде всего, нужно было добыть недостающую информацию о «клиенте», хотя многое находила по компьютеру Синтия из досье «Аквы». Дзедин тоже свой хлеб ел не даром.

И все-таки мне кое-каких сведений не хватало. Как их добывать, я знал, опыт у меня был немалый, в том числе и по этой части. В общих чертах: есть органы, которые владеют информацией — надзор, налоговая инспекция, банки и прочая. И есть люди, которые там

работают. А у меня были деньги. Словом, при сноровке и желании — дело нехитрое. Каюсь, я иногда использовал Синтию, чтобы пригласить нужного человека поужинать. Но при этом строго блюл ее добропорядочное поведение.

Какие сведения меня интересовали, вы поймете из памятки для «клиента», которую мы с Синтией дружно составляли перед каждым визитом.

Памятки строились по одному шаблону. Там было сказано, что на второй или третий год после нашего аванса «клиент» на *украденные* (это слово подчеркивалось и обязательно фигурировало несколько раз) у нас деньги купил то-то и то-то. Перечислялась в основном недвижимость — адреса, за какую цену куплено и когда. Сейчас это стоит во столько-то раз больше. Плюс доходы или аренда, которые принесли такую-то прибыль. Всюду конкретные цифры. Так вот, на украденных у нас деньгах он заработал в дватри раза больше, и если у него есть здравый смысл и ответственность, он вернет украденное. В счет долга я предлагал передать нам в собственность такое-то конкретное имущество. Обычно недвижимость, которая сейчас стоит примерно столько, сколько он у нас украл. Без штрафов и начислений. И не нужно ничего продавать, искать покупателя, переводить на Запад деньги. Минимум хлопот. Отдал, к примеру, здание небольшой гостиницы в счет долга — и ноу проблем! Прямо скажем, по-божески. Так будет лучше для него и для всех.

Никаких угроз в памятке не было. Этот документ мы передавали «клиенту». Устно я добавлял, что совесть — штука полезная, не только для душевного спокойствия, но и для безопасности. Я не религиозный еврей Берн, а отработал на Украине четверть века, имею опыт и дарить свои деньги не намерен. Вот, скажем (я называл имя известного им мафиози), Тигран Бероев с него бы три шкуры содрал, но я не такой кровожадный и пока просто прошу вернуть мне мое. Такой ход не всегда производил впечатление, но пока это и не требовалось. Когда до него дойдут новости из Энска, он вспомнит намек на Бероева...

Каждый из «клиентов» храбрился и обязательно заявлял, что он не один. Я сразу же парировал, что знаю, кто инициатор. И что я советую брать с Качко пример и дальше. Уверен, что он скоро поймет свою ошибку. Следите за рекламой!

Больше я не давил, и на этом мы расставались. Памятка оставалась у «клиента». Копия — у нас. Я настоятельно приказал Синтии пока эти памятки в «Акву» по мейлу не отправлять. Интересно, послушалась ли она? Надеюсь, послушалась.

Персонажи, с которыми я встречался, мне не слишком запомнились. Если использовать стандартное сравнение, они были как придорожные столбы — мелькали и скрывались по ходу поезда. Чем-то все они были друг на друга похожи. Нахрапистые, не слишком образованные и в большинстве — горожане в первом поколении. Тоже своего рода эмигранты, а потому удвоенно активные. Но обобщать не стану. Может, мне просто попались такие.

Две фирмы были у нас в Белоруссии. Мы без приключений пересекли границу, хотя для Синтии пришлось в Киеве оформлять визу. Согласно досье «Аквы», одна из этих фирм благополучно скончалась, причем не на бумаге, а самым натуральным образом. И хозяин ее стал гастарбайтером в Германии. Но вторая относительно процветала, насколько это возможно в Белоруссии. С ее хозяином мы проделали стандартную процедуру и покатали на автобусе в Литву.

В Литве никому из нас не требовалась виза. Со стороны Евросоюза там уже давно был безвизовый въезд, а со стороны Украины — недавно.

Нас ждал здесь «клиент», который, я предчувствовал, должен запомниться. Во-первых, он был почти мой тезка — его звали Юрис. Юрис Викентьевич Горбунов. Но главное — он относился к поколению наших отцов. Ему было шестьдесят восемь лет. Такие редко встречаются среди рядовых дельцов эпохи перестройки. Среди олигархов — еще куда ни шло. Но обычный бизнесмен старше шестидесяти мне не попадался. Попытки энтузиастов старшего поколения утвердиться в бизнесе, конечно, были, но не слишком успешные. В таком возрасте принимать новые правила игры непросто. Юрис Горбунов стартовал в шестьдесят один год: для такого подвига нужна смелость, уверяю вас! И он до сих пор оставался на плаву и даже, по нашим сведениям, расширил зону своих интересов — приобрел судоремонтный завод. Здесь самое время сказать, что офис и большая часть фирмы Горбунова располагались в порту Клайпеда.

Был еще только конец сентября, но Прибалтика встретила нас на редкость безрадостной погодой. Низко висели тучи, шел непрерывный мелкий дождь, который, казалось, начался в прошлом веке и прекратится не раньше будущего. Увидеть в окне что-нибудь интересное было практически невозможно, а выйти из сухого и теплого автобуса казалось подвигом. Мы с Синтией склонились друг к другу и мирно беседовали.

В последние две недели наши отношения заметно потеплели и стали менее официальными. Я уже говорил, что с самого начала относился к ней хорошо, но деловая Си, особенно после мюнхенских событий, строго блюла официальную границу. До поры до времени. После того как мы с ней подготовили памятку для первого «клиента», Синтия поняла, что под моим началом ей не работать. Ей не нужно было разжевывать, что если я хочу из «клиентов» выдать недвижимость на территории СНГ, то стараюсь не для канадского гражданина Оскара Берна. А раз так, то она стала держаться со мной проще и естественней. Смысла в соблюдении субординации уже не было.

И это вовсе не карьеризм — это установка: дело прежде всего. Берну, я уверен, она сообщит обо мне все до доньшка, потому что это входит в ее обязанности. Ей платят — она должна отрабатывать, в этом тоже профессионализм. Ослушаться начальства, сделать назло или просто по-своему, как это практикуется у нас, она считала недопустимым. Тут немцы и американцы сходятся. Может, такой подход — одна из причин их успехов? У нас есть поговорка: ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак. Но это только поговорка, а в действительности каждый из нас не скрывает, что считает своего начальника дураком...

Впрочем, говорили мы с Синтией не о работе, а о жизни. В самых разных ее проявлениях. Говорили по-английски и вполголоса — не хотели подключать к нашей беседе посторонних.

Началось с того, что Синтия с намеком сказала, что территория СНГ уже закончилась — Литва входит в Европейское сообщество. Значит, запреты уже не действуют?

— Ты имеешь в виду симпатичных шведов?

— Да, ваш запрет на шведов. Внутренне я уже перешел с ней на «ты», а она, по-моему, еще нет. Так и буду переводить.

Я великодушно снял запрет, но удовольствия в моем голосе она не услышала. Поэтому искоса посмотрела на меня и рассмеялась.

— Мы как две цивилизации, которые не понимают друг друга.

— Да, не совсем. То есть не то чтобы... Ничего лично

го... Я имею в виду... Я не знал, как продолжить.

— Вы, русские, все-таки немного ханжи. — Она подумала и изменила формулировку: — Точнее, большие ханжи.

— А вы слишком, — я постарался быть тактичным, — свободны. Нет, я ни в коем случае не читаю мораль. Просто мне это непонятно. Хотя я тоже был долго один, и у меня было много... знакомств. Но... ладно, не стоит.

— Юри, вперед, вперед, вперед!

У нее это красиво прозвучало — призыв болельщиков «Go, go, go!».

— Но прийти в бар, подобрать партнера на один раз, не зная, кто он и что он. И утром выбросить его, как...

Мне в голову пришло жуткое сравнение с использованным презервативом. Я даже поморщился. Синтия опять засмеялась: мне кажется, поняла недосказанное.

— Юри, в этом нет логики.

— В чем?

— В том, что вы сказали. Нет в этом смысла.

— Почему?

— У вас бывает так, что вы пришли в бар и увидели там красивую женщину? Такую, как я. — Я попытался вставить комплимент, но Синтия меня бесцеремонно перебила. — И вы ее захотели. Конечно, бывает. Я сама по вашим глазам не раз видела. И у нее такое же желание. Не жить вместе, не встречаться, не читать книжки. А только...

Тут она притормозила. Слово «fuck» при таком дикаре, как я, она произносить не решилась. Хотя ее саму не могло смущать слово, которое звучит десятки раз в любом американском фильме.

— Ну объясните, зачем вам ухаживать за ней, знакомиться с родителями, знать, читала ли она Достоевского. Дура она или умная. Зачем? То, что вам в ней нужно, вы и так видите. И она так же думает. Какой смысл отказывать себе и ей? И зачем она вам завтра, если ничего, кроме секса, вас не связывает?

Я стал подбирать возражения. Но ничего кроме шаблонных доводов, что это аморально, не приходило в голову.

— Юри, вы знаете, что пить много вредно, курить очень вредно, много чего вредно. Но ни один ученый не сказал, что секс вреден. Наоборот. Когда его нет, это вредно. И секс — это огромное удовольствие... Ну нет у меня мужа, так сложилось. Я не хочу выслушивать глупости от

каждого смазливового болвана. Ведь почти каждый мужчина уже при второй встрече готов считать тебя своей собственностью. А так доставили друг другу удовольствие — и разошлись.

Наконец я нашел аргумент.

— Понимаешь, Си, нам мало одного секса. Нам нужно, кроме этого, что-то еще...

— Для секса нужно что-то кроме секса? Достоевский? Вы в постели читаете вслух Достоевского?

— Нет, конечно, нет.

— А что, после?

— Тоже нет.

— Зачем же он вам нужен? Вместо рождественских елочных украшений? Вместо виагры? Юри, скажите честно, с кем у вас был лучше секс — с душой или с умной?

Я задумался, хотя ответ знал давно.

— Пожалуй, с душой. Да, чаще с душой.

— Зачем же искать для секса умную?

Ну почему Синтия все время загоняет меня в угол? Почему я не могу ей толком возразить?

— Такое у нас воспитание. Такая ментальность. Я не могу каждый день менять женщин.

— Юри, я тоже меняю не каждый день. Иногда мы с партнером остаемся вместе продолжительное время, иногда — совсем недолго. Но я не делаю из этого проблемы. А при ваших взглядах, я уверена, вы еще долго встречаетесь, когда уже не хочется. Потому что считаете аморальным менять женщин. Ведь так?

Я вспомнил Людочку. И Зину. И Талу... И промолчал.

— А я — нет. Для меня аморально спать с человеком, когда не хочешь. Что лучше?

— Не знаю, Си. Не знаю. Но, думаю, человек должен сказать себе, почему он именно с этой женщиной. Почему он с ней так близок.

Тут меня осенила мысль, показавшаяся убедительной.

— И вот еще, — я оживился. — Мне очень неприятно сознавать, что эта женщина спит со мной между прочим. Что точно так же она будет спать с другим. У меня тогда весь кайф пропадает. Меня это очень удручает. Думаю, то же самое испытывает и она.

Тут я позволил себе лишнее, о чем позже сожалел.

— Особенно неприятно, если это предлагают по долгу службы.

Синтия отреагировала на мой не слишком порядочный выпад неожиданно бурно. Покраснела, выпрямилась — я думал, она сейчас встанет и уйдет. Или залепит пощечину. Но быстро взяла себя в руки, краска сошла лица, и Синтия опять, как в памятный вечер в Мюнхене, посмотрела на меня как на не очень здорового человека.

— Юри, никакая польза или карьера не может заставить меня сделать то, чего я не хочу. Ты просто не понял. Я это говорила тебе вопреки долгу службы.

Это явно прозвучало на «ты». И было сказано так, что я взял ее руку и поцеловал. Наверно, у меня на лице было написано искреннее раскаяние, потому что Синтия ободряюще и успокаивающе похлопала меня по плечу.

Она была очень темпераментна и эмоциональна — и в то же время очень разумна и практична. Как это совмещалось в одном человеке, не понимаю. Действительно другая цивилизация.

— Си, ты по мне не суди. У нас молодежь сейчас другая. Большинство вполне свободомыслящие. Спят с любым, с тем, кто под руку попадет. Без проблем.

— В этом, Юри, принципиальная разница. Спать нужно не с тем, кто под руку попадет, а с тем, с кем хочешь. Но не создавать себе искусственных барьеров до и не раскаиваться после. Это и есть другая цивилизация, до этого нужно дорасти.

Кажется, я постепенно начал понимать, что она имеет в виду. Да, это действительно другой подход. Я вспомнил Фриду и их компанию.

Я понимал, что они тоже правы. Именно тоже. Потому что и у меня была своя правда. Она записана в моем генетическом коде и в программе воспитания. Куда от этого денешься? Я понимал, что если вернусь к Лене, накувыркавшись в других постелях, то потеряю все самое ценное, что у нас есть. Она это почувствует и будет страдать. А мысль о зеркальном варианте — о том, что и она может... — эта мысль приводила меня в ужас и в ярость. Оставалось признать, что я такой, какой есть. И склонен жертвовать попутными радостями ради главной. Хотя логического объяснения этому нет. Мораль не всегда логична. Чуть не сказал — разумна...

Пока я все это переваривал, Синтия смотрела на меня по-прежнему с чуть насмешливой улыбкой. Она была очень хороша, и из-за этого мы все время находились в автобусе под перекрестным огнем взглядов. Эти взгляды несли самые разнообразные заряды — желание, удивление, зависть, злобу, восхищение. Я кожей чувствовал, что мне завидуют. А зря...

Да, в чем-то Синтия и Фридина подруга Лиззи из кафе во Франкфурте действительно правы. Глядя на мою соседку, легко поверить, что ночь с ней может оказаться одним из самых ярких воспоминаний в жизни, особенно если вы ей пришли по душе. Это наверняка был бы верх блаженства и восторга: легко вообразить, какая она нежная и страстная... Честно говоря, иногда я думал: а оценит ли Лена жертву, которую я приношу? Впрочем, жертвы нередко как раз портят отношения — достаточно вспомнить сакраментальную фразу: «Я столько для тебя пожертвовала!»...

А вообще-то, если бы у меня и было что-то с Син тией, я бы все равно об этом не рассказал. Но, увы, ничего и не было...

Так сквозь дождь, порывистый ветер и нескучные разговоры мы приближались к Клайпеде.

Набат в Литве

В Вильнюсе мы видели только вокзальный туалет. Мне он не очень понравился — я встречал туалеты и получше. Купили на вокзале несколько пирожков, пару бутылок пива и, с облегчением стряхивая капли дождя, вскочили в теплый автобус. Казалось, природа хочет нас предупредить о будущих неприятностях на литовской земле. Стремится нас запугать. Я не слишком суеверен, но это буйство стихий все-таки производило впечатление.

В Клайпеду мы приехали в сопровождении все того же дождя. Было около шести вечера, но погода обеспечивала кромешную темноту. Почти на ощупь мы нашли такси, и я попросил отвезти нас в хорошую гостиницу. Таксист, пожилой и абсолютно седой литовец, посмотрел на меня критически и уточнил:

— Хорошую, но не слишком дорогую?

— Можно и дорогую.

Настаивать именно на дорогой мне показалось неудобным.

— Поехали.

Мы двинулись в неизвестном направлении и без каких бы то ни было ориентиров. Как наш водитель видел, куда ехать — ума не приложу. Тем более что сидел он все время, как в сказке про бабу-ягу, к нам передом, а к дороге задом и рассказывал о своей нелегкой жизни. Но скорость была совсем небольшой, так что опасность нам не угрожала.

Он рассказал, что еще два года назад доллар стоил пять лит, а сейчас — три с небольшим хвостиком. И двумя пальцами показал размер этого хвостика — очень маленький. А все пособия и пенсии остались почти без изменений. А цены все крепко привязаны (он бросил руль и двумя руками показал, насколько крепко) к доллару. И как жить прикажете?

Я ничего приказывать не стал.

Бойкая молодежь обходит на каждом шагу, и заработать становится все труднее.

Судя по скорости, с какой мы ехали, нетрудно поверить, что его многие обходят. Но я поддакивал, как мог.

Водитель очень неплохо говорил по-русски, как и все в Литве старше сорока. В советские времена я почему-то считал, что литовцы сильнее других прибалтов не любят русских, видят в них олицетворение советской власти. Наш таксист оказался живым опровержением: к моему удивлению, он стал рассказывать, что с тоской вспоминает советские времена. Как кому, но ему определенно тогда лучше жилось. Всегда была работа, зарплата.

Я с удивлением сказал:

— Вы сейчас в Евросоюзе. Вам многие завидуют...

— Что с того? Как говорил Эйнштейн? Все в мире относительно. Раньше мы жили лучше, чем вы, а сейчас живем хуже, чем они. А многие даже хуже, чем раньше. Мы раньше были центром, а сейчас... — он сказал что-то политовски, потом пошевелил губами и вспомнил слово: — Сейчас мы на хуторе.

Он с явной симпатией посмотрел на меня. Симпатия к нам, русским, была, но доверия не было. Я понял это несколько позже. Мне не удалось убедить его в том, что нам действительно нужна дорогая гостиница. Но когда в его сетования вставила пару слов на русском языке с

кембриджским акцентом Синтия, он резко повернул руль и изменил направление. То, что человеку с таким произношением нужна дорогая гостиница, у него сомнений не вызывало. Преклонение перед западными туристами осталось в наследство от советской власти.

Мы подъехали к неплохой, как оказалось впоследствии, гостинице. Поездка продолжалась минут двадцать — тридцать. Удивительно — ведь автовокзал находится в центре города, и до всех основных гостиниц было рукой подать. Я дал таксисту две пятидолларовые купюры. Одну он мне сразу вернул и стал искать сдачу. Я махнул рукой — мол, не нужно. По-моему, он даже обиделся, потому что вдруг сказал, что двадцать пять лет преподавал в техникуме физику, но техникум закрыли. Однако смирился и сдачу искать перестал. Мы с ним перенесли наши сумки и долго отряхивались на пороге. Затем я подошел к стойке. Таксист шел за мной, с интересом ожидая, какое впечатление на меня произведут цены на номера. Я не удержался и громко попросил два люкса. А затем вызывающе добавил: с хорошим видом из окна. Когда оглянулся полюбоваться произведенным эффектом, его уже не было. Растворился.

Номера были не запредельно дорогие, но и не слишком роскошные. Впрочем, достаточно приличные. Коридорная, очень симпатичная немолодая женщина, проводила нас, проверила, все ли в порядке, и параллельно рассказала нам все то, что мы уже слышали от таксиста. Включая доллар, лит, пенсию и тоску по Советскому Союзу. Потом я слышал подобные речи от врача в поликлинике, которому демонстрировал разболевшееся горло, от швейцара, когда мы ждали такси, от проводника в поезде и еще от кого-то из пожилых и малоимущих. Молодые, конечно, думали иначе... Естественно: бытие определяет сознание.

Мы продрогли, но и в гостинице было не слишком тепло. Не то сезон еще не наступил, не то сентябрь нагрелся неожиданно. К тому же в Прибалтике, которая покупает топливо у своих бывших соседей по социалистическому лагерю, никогда не бывает слишком жарко в помещениях. Тепло там — дорогое удовольствие, многим не по карману.

Впрочем, я зря ворчу. Наверно, это погода. Мне казалось, я слышу, как по всей Литве старожилы рассказывают друг другу, что такого долгого ливня в это время года они не припомнят. Все трое суток, что мы провели в Литве, мелкий и заунывный дождь с порывистым ветром не прекращался ни на минуту. Я даже ночью несколько раз подходил к окну, стараясь захватить его врасплох. Зря старался — дождь все так же противно дребезжал по подоконнику.

Милая коридорная посоветовала спуститься в небольшой ресторанчик при гостинице, там должно быть теплее. Но мы усомнились в этом и попросили принести ко мне в номер бутерброды и бутылку хорошего коньяка. Коридорная вначале удивилась, потом внимательно посмотрела на Синтию и что-то там себе сообразила. Но она ошибалась, мы-то с вами это отлично знаем.

Мы сидели в креслах, закутавшись в пледы, ели бутерброды с икрой и ветчиной, попивали коньяк. Нужно было попросить чаю, но я вовремя не сообразил, а надоедать еще раз было неудобно. Совковые привычки.

Я попросил Синтию рассказать подробнее о Горбунове. Из наших разговоров я понял, что он ей симпатичен.

Кстати, о работе и о серьезных вещах мы с Синтией обычно говорили по-английски — мне так было легче. Но зато о всяких пустяках я старался с ней говорить по-русски, чтобы дать ей возможность потренироваться.

Сейчас разговор был серьезный и деловой. В Литве отработанные нами методы применять было нельзя. Действия проходили на незнакомой территории. Идти к литовским чиновникам и пытаться что-нибудь выяснить было бесполезно и даже опасно. Никаких знакомых, никаких связей у меня здесь не было. Я не слишком рассчитывал в Литве на результат и готов был в любую минуту без особых разочарований покинуть поле боя. Только врожденная добросовестность побуждала меня сделать попытку.

Я решил прямо обратиться к Горбунову, опираясь лишь на сведения, которые фигурировали в досье «Аквы», и на личные впечатления Синтии.

Информации о его доходах было мало. Фирма, где у нас было пятнадцать процентов акций, работала с переменным успехом. Достоверных сведений о заводе не было. Вероятно, Горбунов приобрел его на наши деньги — тогда можно было многое купить задешево. Ну и что с того? Кстати сказать, на этом же заводе до перестройки он много лет работал главным технологом...

Дзецина и Синтию Горбунов, в отличие от прочих «клиентов», принимал радушно. И даже дважды приглашал отобедать в ресторане. Быть может, это было связано с тем, что у него тогда гостила герл-френд — весьма симпатичная женщина лет тридцати пяти. Видимо, Горбунову было приятно познакомиться ее с иностранцами.

— А возможно, просто не мог пригласить ее к своим друзьям — и так бывает. Поэтому нам так обрадовался, — насмешливо сказала Синтия.

Женщина эта жила неподалеку, в маленьком городке Тельшае, работала в магазине продавщицей. Дочь восьми лет, муж ушел лет пять назад. Все эти сведения Синтия вычитала в ноутбуке. Затем возвела очи горе — была у нее такая привычка — и добавила от себя:

— Что интересно, фамилия ее тоже Горбунова, Алла Горбунова. Наш «клиент», видимо, решил, что это знак свыше. Женщина неплохая, но не слишком образованная и, — Синтия поколебалась, — не слишком умная. К нему относится с умеренной симпатией, слегка замешенной на выгоде.

— А он?

— Только ею и занят. Уже десять лет вдовец. Устал, — в голосе Синтии прозвучало сочувствие. — От всего в жизни устал. Мы первый раз встретились в десять утра, и от него уже пахло спиртным. У меня сложилось впечатление, что он либо вскоре свернет свое дело, либо прогорит.

— Почему?

— Я же говорила. Устал и не о том думает. О Достоевском.

— Что это значит?

— Ест глазами свою подругу и все время решает, имеет он право ее купить или нет. Как будто он первый пожилой мужчина с деньгами, покупающий себе молодую и красивую женщину...

— Это твои догадки?

— Нет, он быстро хмелел и что-то в этом роде говорил. Прозрачно намекал, что хотел бы куда-то уехать, чтобы не мозолить глаза... Что никто, будь он хоть трижды профессор, не может указывать ему, что делать. Я поняла, что его друзья не приняли эту женщину в свой круг. И это его очень удручает.

— Да, это понятно. И интересно. А как насчет долга нашей фирме?

— Тоже по Достоевскому. Не хочет подвести других наших «клиентов». Они все договорились не платить.

— Ясно, честное купеческое слово в современном варианте.

Это было сказано по-русски, Синтия не поняла, но переспрашивать не стала. Мы были на работе.

Утром, еще до завтрака, мы собрались у меня в номере и позвонили секретарше Горбунова. Для пушного эффекта Синтия говорила на английском. Она сказала, что один из хозяев фирмы «Аква продакшн» мистер Марков прибыл для встречи с мистером Горбуновым. Ей ответили, что мистер Горбунов уехал по делам, но к обеду обещал быть. Синтия, сославшись на срочность, попросила передать ему по мобильному нашу просьбу о встрече. Дала мой гостиничный номер телефона. Словом, сделала все как надо. Наши мобильники здесь не работали, поэтому пришлось сидеть не евши и ждать у моря погоды. Погоды по-прежнему не было. Аппетит возростал с каждой минутой.

К счастью, через час с небольшим прозвенел звонок. Синтия взяла трубку и знаками показала, что это Горбунов. Я прикинул ухом к трубке с другой стороны. Горбунов был откровенно обрадован приездом Синтии, обо мне даже не спрашивал. Но я не обижался — все еще впереди. Причина радости вскоре выяснилась. Он предложил встретиться через час в ресторане «Соколас» и позавтракать там, если мы не против. Там же обсудим и дела. Он, оказывается, подъезжает к Клайпеде с той самой Аллой — вы помните ее? — и с удовольствием совместит приятное с полезным. Я кивнул, что согласен, завтрак нам не помешает. Хотя время уже приближалось к обеду. Синтия сказала, что я не против, и распрощалась.

— Я была уверена, что эта связь будет долгой. — Она была довольна своей проницательностью.

Отправились мы в ресторан, разумеется, на такси. О том, что дождь не утихал, говорить больше не буду. Надоело. Горбуновых (перспективно звучит, Юрису Викентьевичу наверняка такое определение бы понравилось) в ресторане еще не было. Мы уселись за столик и от нечего делать стали изучать меню.

По части еды Израиль и Литва вполне могут считаться антиподами. Я говорил, что в еврейской кухне хороши салаты, блюда из фруктов и овощей, молочные продукты. Но все, что

готовится из мяса — увы... А свинина, как известно, вообще табу. Может, это из-за кашрута: Юлик утверждал, что вместе с кровью из мяса удаляют все соки.

Зато в Литве, должен признать, мясо, грибы и копченая рыба вне конкуренции. Но, собственно говоря, кроме этого здесь ничего и нет...

Опять я начал за здоровье, а кончил за упокой. Что за характер!..

Долго изучать меню нам не пришлось. На горизонте появились Горбуновы. У входа Юрис Викентьевич быстро отряхнулся и стал заботливо снимать плащ с Аллы, на ходу поправляя воротничок ее платья, легонько стряхивая капли со спины. Ему приятно было о ней заботиться. А может, и касаться. Это было моим первым впечатлением.

Я его таким себе и представлял. Невысокого роста, но крепкий, походка еще упругая. Лицо плотное, не дряблое и довольно приятное. Коротко подстриженные полуседые волосы. Я не психолог и не столь наблюдателен, как Синтия, поэтому никакой нервной достоевщины в нем не заметил. Человек как человек.

Но в Алле Синтия не разобралась. Она смотрела на нее женским взглядом, а тут нужен был мужской.

Алла была женщиной до мозга костей. Но не в том, современном смысле, в каком это определение теперь употребляют. Что сейчас обычно подразумевают, когда говорят «настоящая женщина»? Такая, что любого мужчину вокруг пальца обведет, но своего добьется. Вечно обаятельная, привлекательная и соблазнительная. Что-то в этом роде, верно?

Женственность Аллы была из прошлых времен. А может, и позапрошлых. Алла была немного полновата. Светлые, явно не крашенные, натурального цвета красивые волосы. Немного веснушек на лице — природа добавила их для естественности. Лицо простоватое, это правда, но не слишком, ровно настолько, чтобы можно было поверить, что на хитрость и обман она не способна. Глаза у нее были — нет, не голубые, это испортило бы впечатление, — карие. И в них светилось что-то такое, что сразу убеждало: Алла не рохля и не размазня, как могло показаться. Просто не желает изображать из себя то, чем не является. В этой простоте была спокойная уверенность в себе.

И добавьте к этому безусловный, очевидный эротизм, тоже из предыдущих эпох. Вызывающий в воображении не бурный акробатический секс с криками и стонами, а нежный, спокойный и опять-таки уверенный в себе. И вселяющий уверенность в другого, что немаловажно... Понимаете, что я хочу сказать?

Ей-богу, я все это разобрал с первой встречи. И сразу понял, почему такой человек, как Горбунов, прошедший огонь и воду, да еще в довольно зрелом возрасте, мог так прикипеть к Алле. Я подумал: если она такова, как выглядит, то Горбунову повезло...

Я встал, Горбунов элегантно раскланялся и поцеловал Синтию руку. Затем представил нам Аллу, а Синтия представила меня. Все было очень торжественно.

Горбунов сказал, что наслышан о нашем турне. Значит, связь между фирмами не прервалась. Стоит взять на заметку.

Не буду перечислять заказанные блюда, скажу лишь что дамам Горбунов попросил принести вино, а нам — бутылку хорошего армянского коньяка. Бутылку — потому что хотел быть уверен в качестве. Но у меня было подозрение, что и в количестве тоже...

Вначале беседа носила светский характер. Мы говорили на русском языке из уважения к Алле. Алла из уважения к нам не говорила на литовском, который отлично знала. А Горбунов, как позже выяснилось, кроме литовского говорил и на английском — может, не так бойко, как я, но более грамотно. Из уважения ко всем присутствующим, тем не менее, он... Короче, говорили мы по-русски.

Алла в основном молчала, но это не значит, что она не участвовала в разговоре. Реакция ее на сказанное ощущалась в виде некой ауры. Да и Горбунов чуть ли не через каждое предложение бросал на нее взгляд, словно ища одобрения.

Синтия, как и положено американке, сразу же выступила в защиту демократии и прав человека. Они, американцы, без этого не могут. Она спросила, правда ли, что в Литве существует дискриминация русских. Горбунов заметил, что смотря каких русских и смотря что подразумевать под дискриминацией. Таким ответом он озадачил и Синтию, и меня.

Принесли вино и коньяк, копченую рыбу. Горбунов предложил тост за гостей, а потом стал разъяснять свою мысль. Он сказал, что они с Аллой относятся к русским, которые давно живут в Литве. Они оба прибалтийские русские. Есть такое понятие. Его отец и дед Аллы здесь родились. У них в семье все сознавали себя русскими, которые живут в Литве. Оба они с детства знали

литовский язык, уважали здешние традиции. Дома соблюдали и свои обычаи, но только дома. А те, кто приехал после войны, к примеру, на Игналинскую атомную электростанцию, как правило, считали, что по-прежнему живут в России. И сейчас не могут смириться с тем, что оказались в другой стране — Литве.

Горбунов подчеркнул, что считает такое положение неправильным. Сказано было это мягко, без нажима.

Я давно обратил внимание на красивый деревянный крестик, висевший на шее у Аллы. Горбунов перехватил мой взгляд и объяснил:

— Это не просто украшение. Чаще всего мы, прибалтийские русские, традиционно верующие. С детства. Православные. И я тоже всегда верил в бога, хотя свои крамольные убеждения не слишком афишировал. Это тоже нас объединяет.

Его взгляд красноречиво показал, что вера объединяет не столько русских в Прибалтике, сколько сидящих перед нами Горбуновых.

Но борец за демократию и равноправие из Соединенных Штатов Америки не мог успокоиться.

— Простите... но какое-то предубеждение к русским со стороны литовцев вы все-таки чувствуете? Вот вы, Алла, там, в глубинке?

Алла еле заметно пожала плечами:

— Конечно, есть. С предубеждением можно всюду столкнуться. И в Америке, наверно, тоже. Но это не самая серьезная моя проблема.

У нее был приятный грудной голос. При его звуках Горбунов едва не замурлыкал. Как его, беднягу, скрутило!

— А на работе? Вы работаете в магазине? Хозяин к вам относится не хуже, чем к литовцам?

— Говорит, что не хуже, — Алла с улыбкой посмотрела

на Горбунова. Тот тоже расплылся в улыбке.

— Нет, не хуже.

Синтия поняла, что слишком увлеклась, и даже покраснела. Чудеса — покрасневшая Синтия! На всякий случай, я сменил тему разговора.

— Нам казалось, что Прибалтика после отделения быстро двинется вперед. Кажется, не получилось?

— К сожалению, нет. Пока бедные беднеют. А их большинство. И дома в городах ветшают. Пока все как у вас. Но мы надеемся на лучшее. Давайте за это и выпьем.

Для оптимизма были основания — на столе появилась закуска в полном объеме. Мы выпили под закуску. Жить стало лучше, жить стало веселее. Наша беседа потеряла свою социальную значимость, и всем сделалось легче. Горбунов заметно повеселел и стал рассказывать интересные рыбацкие байки (он оказался страстным рыболовом), но локатор его все время был направлен на Аллу. А когда он предложил заказать еще немного коньяка, то поймал какой-то только ему видимый сигнал возражения с ее стороны и заторопился:

— Вы правы, не стоит, только час дня.

Мне было интересно, чем дело кончится, и я сказал:

— Грамм двести еще, пожалуй, можно. За женщин мы не пили.

На сей раз я увидел неодобрение с двух сторон, притом явное. Синтия объединилась с Аллой. Но было поздно: официант стоял над нами, все слышал и кинулся исполнять заказ, пока мы не передумали.

Это было не слишком красиво с моей стороны, но я решил форсировать события. Веры в то, что мне вернут миллион, не было, — зачем даром время тратить? Наверно, хмель тоже подействовал на меня, потому что я почти злорадно подумал: «Пусть при ней признается в своем шулерстве». Заметьте, я даже мысленно сказал «шулерство», а не привычное «воровство». Этот «клиент» вызывал невольное уважение. Я не мог быть с ним запанибрата. Но и бесконечные реверансы тоже ни к чему не могли привести. Как говорит Синтия: «Go, go, go!».

Когда новая порция коньяка закончилась и Горбунов явно «поплыл», я с наивным видом спросил, как в его фирме идут дела. И тут же пояснил, что интересуюсь этим не из пустого любопытства. Имеет ли он возможность наконец вернуть нам долг? Пусть простят меня дамы, но дело есть дело.

Горбунов вяло пытался отговориться — не стоит, мол, портить такой чудесный...

— Почему же портить? — возразил я. — Юрис Викентьевич, если вы вернете мне деньги, которые не отдаете вот уже шесть лет, то появится еще один повод для праздника.

Это был прямой вызов, уйти от ответа было нельзя.

Горбунов сразу стал собранным, скулы затвердели. Передо мной сидел жесткий бизнесмен. Потом он по привычке взглянул на Аллу, — а вот этого нельзя было делать. На лице ее было явственное недоумение и даже... стыд. Наш «клиент» заметался — и сник. Алла была ему дороже какого-то миллиона.

Мне стало немного не по себе за свои маневры. Я взглянул на Синтию, ожидая увидеть осуждение. Синтия смотрела с живым интересом и одобрением. Она поняла мою игру. Для нее тоже дело есть дело, при чем тут сантименты? Да, моего технического секретаря раскусить до конца невозможно. Но, здраво рассуждая, она права. Даже хорошему человеку воровать не к лицу...

Горбунов задумался, потом заговорил серьезно и спокойно. Он обращался сначала ко мне, потом как-то незаметно развернулся к Алле, и конец монолога предназначался ей одной.

— Юрий Сергеевич, из доходов я отдать долг не могу. С

трудом, признаюсь вам, свожу концы с концами. Так, подумал я, можно паковать вещички...

— Но есть один вариант, я его сейчас обдумываю.

Я поторопился, собираться в дорогу пока не будем. Горбунов незаметно разворачивался к Алле. И говорил очень убедительно:

— Я устал тащить эту махину. И для чего? Мой сын уехал в Америку, у него там своя жизнь. Думаю, он к нам не вернется.

Они с Аллой синхронно вздохнули. Понятно. В том, что сын не вернется, была и их общая вина.

— Если я продам все, то отдам вам деньги, и на безбедную жизнь мне тоже останется. Было бы решение. И убежденность в том, что оно верно.

Я испытал разочарование. От желания продать до исполнения — дистанция огромная. Я знал, как хозяин прикипает к своему детищу. Пока это лишь досужие разговоры. И со скептической улыбкой сказал:

— И что вы собираетесь делать? Удить рыбу? Вы сможете жить без работы?

— Я бы хотел делать что-то конкретное. В конце концов, я инженер-судостроитель, и неплохой. Я устал заманивать клиентов, выпрашивать в банках займы, давать взятки чиновникам, извиваться, как уж на сковороде...

Я посмотрел на Горбунова внимательно. В голове промелькнуло что-то туманное — я пока не понял, что именно. Но он снова отвернулся от меня и продолжал жаловаться Алле, снова «поплыл»:

— Признаюсь, я уже не успеваю вертеться. Вчера опять упустил заказ на ремонт танкера, опять большой док простаивает. Уже четвертый месяц. Чертов док. Сплошные убытки. Большие суда обходят нас стороной. Малый и средний доки — еще куда ни шло. Но большой — одна головная боль. А в нашей с вами совместной фирме, Юрий Сергеевич, вообще полная чехарда...

Я его не дослушал. Дзи-и-инь! — громко прозвенел в мозгу звонок. Нет, это скорее грохнул набат. Уверен: жизнь нас всегда отчетливо предупреждает о грядущих поворотах, нужно только уметь услышать эти предупреждения.

Дзи-и-инь! Ба-а-ам! Вот он, шанс! Нет, не зря я тащился в Литву.

Скандал в благородном семействе

Мы еще два дня были гостями Горбуновых и очень приятно провели время. Никаких деловых разговоров у нас больше не было. Это страшно удивило и Горбунова, и Синтию. Один раз она даже пренебрегла субординацией и спросила меня:

— Юрий, вы не забыли, для чего мы здесь?

Я в ответ только заговорщически ей подмигнул. Мне было все понятно, но до разговора с Берном никаких действий предпринимать не было смысла. А давать Синтии лишнюю информацию и заставлять ее колебаться между симпатией ко мне и долгом не хотелось. Тем более что в ней я не сомневался — долг победит.

Надо было срочно лететь в Нью-Йорк, оттуда пулей возвращаться в Энск и затем сюда. Жизнь склонна менять ситуацию не в нашу пользу, ее хлебом не корми — дай подложить бизнесмену свинью. Но ближайший рейс на Варшаву был только через двое суток, пришлось наслаждаться ресторанами.

Между прочим, я попросил организовать экскурсию на судоремонтный завод и своими глазами увидел большой док. Он мне понравился. И хозяин мне понравился. И герл-френд хозяина — тоже.

Я сказал Синтии, что она, по-моему, ошиблась в Алле. В ответ услышал скептическое замечание. Примерно в таком духе: она не советует Горбунову устраивать Алле испытание бедностью и затянувшейся старостью. Тогда, может, все кончится хорошо.

Мне это испортило настроение. Я вспомнил Лихницкую. Нет, у Горбуновых должно быть иначе. Такие браки, хочется верить, вполне могут быть счастливыми, если по дороге не встретятся серьезные испытания. Как в старой комсомольской песне, которую я уже вспоминал: «Если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой». Дай им бог, в которого они верят, такой судьбы.

Наконец мы распрощались с гостеприимными хозяевами, поездом отправились в Вильнюс и самолетом — в Варшаву. Оттуда Синтия улетела в Нью-Йорк, а я... Я не смог пролететь мимо Франкфурта, хотя не имел права терять ни дня.

Валик — прямо как мой личный шофер — конечно же, встречал меня в аэропорту. Снова меня при входе в его гостиную встретили как старые друзья романтические Зигфрид и Фрида. Но им было не до меня. Они с невыразимой любовью смотрели друг на друга. Я сказал:

— Да, у Фриды большой талант. С такой силой изобразить чувства!.. Любой скажет, что выдумать такое невозможно.

— Вдохновение и увлечение, так оно у художников и бывает, — тоном искусствоведа сообщил Валик.

— И талант.

— Да, и талант. — Валик вздохнул, и добавил: — И с концами.

Я понял, что «с концами» относилось к Фриде, а не к ее таланту.

— Звонила недавно, сказала, что через два месяца премьеры фильма. Спрашивала, появляешься ли ты. По-моему, потому и звонила...

Я хотел что-то сказать, но Валик меня перебил:

— Хорошо, что она уехала. Морочил бы я себе голову, как дурак.

Прозвучал зуммер телефона. Валик извинился и взял трубку. Даже на расстоянии я слышал женский голос. Валик отделялся лаконичными ответами. И моего немецкого хватило, чтобы их понять: «Да, дорогая... конечно, дорогая... непременно, дорогая». Похоже, начинался очередной эксперимент. И слава богу. Закончив разговор, Валик подмигнул мне. Он снова был полон оптимизма.

Когда Валик ушел к себе наверх, я позвонил Лене.

Удивительно, но у меня дрожали руки. И, по-моему, колени тоже. Сел на диван, чтобы не позориться перед самим собой. Когда она взяла трубку, у меня даже голос сел. Я просипел, что уже у Валика и буду ждать ее в шесть вечера возле их дома. У нее тоже было что-то с голосом, и, прокашлявшись, она сказала: «Хорошо».

Я подошел к дому минут за десять до назначенного времени. Сел на скамеечку в парке — так чтобы видеть парадную и в то же время не мозолить глаза ее отцу, который, я уверен, обязательно будет посматривать в окошко.

На улицах Франкфурта царил золотой октябрь. Белки и кролики были в полном восторге. Я тоже был возбужден и очень взволнован. Сколько же мы не виделись? Больше двух месяцев — срок огромный...

Лена появилась, как обычно, точно вовремя. Она была очень пунктуальна, не любила опаздывать, но и не суежилась, готовясь к встрече. Все тот же внутренний компьютер, который помогал ей быстро справляться с домашними заботами, срабатывал и в этом случае. Глядя на ее неспешные сборы в счастливое время нашей недолгой семейной жизни, я всегда изрекал: «Торопитесь медленно!». Но у меня, в отличие от Лены, это плохо получалось. Или раньше, или позже, но никогда вовремя. Да, в моей Лене много намешано всякого, порой в необычных сочетаниях...

С эгоистичным неудовольствием я отметил, что разлука на ней почти не сказалась. Выглядела Лена хорошо, может, даже немного поправилась. И макияж был чуть заметней обычного — значит, готовилась к встрече со мной, это приятно. Я, оказывается, подзабыл, насколько она хороша. Но теперь вспомнил...

Мы обнялись с нею и простояли так даже дольше, чем обычно после расставания. Но и перерыва такого большого у нас еще не было. Потом в обнимку завернули за угол дома, нашли

скамейку, которую наверняка не видно из окон Лениной квартиры, и еще какое-то время молча посидели обнявшись. Спрашивать друг у друга, соскучились ли, было просто глупо.

Начало разговора у нас не получилось. Она пыталась меня обвинять, я пытался оправдываться. Мы оба обижались. Все было очень сумбурно. Я решил взять нить беседы в свои руки.

— Лена, а давай поговорим по существу. Трезво. Как бы я мог поступить иначе? Как бы все сложилось, если бы я тебе открыл свои планы?

И я постарался как можно убедительней показать ей перспективу операции «Прожект» в таком варианте. Как бы она вела себя, зная правду, и какой нервотрепкой для всех это было бы чревато. И для нее, и для меня, и для Лихницкого. На каких углях мы бы все время поджаривались. А о результатах и говорить нечего. Полный крах.

С этим Лена не могла не согласиться, но подошла к ситуации с неожиданной для меня стороны.

— Все, о чем ты говорил, по отдельности правильно. А все вместе — неправда. Не смотри на меня с иронией. И так бывает. Живут же люди — и их большинство — без этих сомнительных дел. Ну бедней живут, и бог с ним. И счастливы. Вот и мы могли бы жить так же. И Михалыч был бы с нами.

Она осеклась. Поняла, что тут натяжка, что это далеко не безусловно... Я ей помог:

— Лена, без этих, как ты говоришь, сомнительных дел мы бы бросили его одного. Ничем не смогли бы ему помочь. Как ты думаешь, долго бы он продержался без работы и без средств в нищете и одиночестве? Он мне говорил, что хочет стать бомжем. И стал бы — от безысходности...

— Я не знаю, что бы он выбрал.

— Он в письме написал, что выбирает. А ты, Лена? Ты бы поехала ко мне на Украину, в съемную квартиру, жить на сто, ну ладно, на двести долларов в месяц? И вода только по утрам течет из крана. Устроилась бы с трудом в какую-нибудь фирму — сейчас переводчиков полно, а ты ничего другого не умеешь. И я бы не слишком мог помочь. Мне начинать с нуля у нас нельзя. Я к тому времени уже сам был бы круглым нулем... Ты бы приехала?

— Зачем ты так, нашли бы выход...

Перспектива уехать из Германии и жить у нас на птичьих правах ей явно не улыбалась.

— Нет, Леночка, я не сгущаю краски. У меня бы все отобрали до нитки.

С упорством, достойным лучшего применения, она повторила:

— Можно было найти другой выход...

— Я не смог. Мы с Семеном искали его год — и не нашли. Спроси у него. А потом я оказался в больнице. И неважно, что меня убивать не хотели. Это все вытекало из ситуации. Степень риска. И дальше бы все продолжалось в том же духе.

Она вздрогнула. Но стояла на своем.

— Приехал бы ко мне...

— Не глупи. Кто бы меня пустил? И что бы я у вас делал? Ты даже не в разводе...

Лене ничего не оставалось, как использовать проверенный ход женской логики:

— Юрка, неужели ты думаешь, что я бы тебя бросила? Я ответил дипломатично:

— Конечно, нет. Но ты не была бы счастлива. А я за тебя отвечаю.

— А сейчас я счастлива?

— Сейчас ты можешь быть счастливой. От тебя зависит. А тогда бы зависело не от тебя. И не от меня. Мы помолчали.

— Лена, кроме принципов существует еще кое-что.

— ?

— Ну хотя бы я. Я ведь, Леночка, не жулик и даже не шулер. Знаешь, как выглядит все это с точки зрения нормального еретика?

— Какого такого еретика?

— Потом расскажу. Ты посмотри на все вот с какой точки зрения. Я предложил Израилю выгодный проект. Если бы его приняли, я бы все выполнил. И проложил бы трубопровод.

Тут я сильно преувеличил, но решил, что это для пользы.

— Просто я заранее предвидел, как бы это сказать, наиболее вероятный вариант. И на него рассчитывал. Потому что я бизнесмен, а не лопух. Все знали, что проект не пройдет. И Гроссман, и даже Михалыч. Тогда я продал его Берну, который, кстати, в свою очередь надул меня как ребенка.

— Как надул?

В голосе Лены послышалась неподдельная тревога. Это известие направило ее праведные мысли в другую сторону. Наконец-то, подумал я обиженно. Пора хоть на время отвлечься от высоких принципов и немного позаботиться обо мне.

— Фирма, которой он со мной рассчитался — полный банкрот. Точно так же, как я когда-то. И мне опять нужно все начинать сначала, — довольно-таки зло закончил я. — И опять одному.

— Юра...

Лена растерялась. Глаза ее наполнились слезами. И уже не в первый раз за вечер. Мама ее была права: с нервами у Лены не все в порядке. В душе шевельнулось беспокойство, но я его прогнал и оставался неумолим.

— Давай напрямую. Когда я узнал, что все начинается заново и будет еще похлеще, чем в Израиле, я впервые обрадовался, что тебя со мной нет. Не придется сражаться на два фронта. И что в этом хорошего? Как с этим быть? Лена, как с этим быть?

Тут-то мне и нужно было предложить разойтись на полгода и «обо всем подумать». Самый подходящий момент. Но я посмотрел в ее глаза, полные слез, — и не смог. И сам не хотел снова оставаться один, и ее жалко было оставлять в таком состоянии на долгий срок. Не смог. Не такой уж я, оказывается, железный и непреклонный. В ту минуту я явственно ощутил, что Лена очень нуждается во мне, и это ослабило мою решимость.

Есть близкие, которые больше заботятся о тебе, чем ждут твоей помощи. А есть такие, которых нужно опекать. И то и другое хорошо, и в том и другом варианте человек может быть счастлив. Просто люди и в этом различаются. Тогда, на скамейке во франкфуртском парке, мне показалось, что уверенная и принципиальная Лена больше сама нуждается в поддержке. И прекрасно. Можно испытывать не меньшую радость от сознания, что твое плечо так необходимо родному человеку. Если любишь.

Я упустил момент для предложения о разводе. И даже был рад этому.

Еще с час мы просидели обнявшись на скамейке, не говоря ни слова. Я почувствовал, что непрерывное напряжение на время покинуло меня. Хотя и понимал, что оно караулит неподалеку. И ждет, когда мы с Леной разойдемся. А зачем, собственно, расходиться?

— Лена, давай куда-нибудь переберемся. К Валику или в гостиницу. Пошли? Сколько можно...

— Юрочка, сегодня не могу. Ты представляешь себе, как они сейчас нервничают? Сидят как на иголках. Я должна с ними поговорить. И потом...

Мы поцеловались, я так и не услышал, что должно было быть потом. Лена еще что-то хотела добавить, но только махнула рукой: «Ладно, до завтра». А завтра нас снова ожидало свидание. Романтика...

На следующее утро я проснулся рано. Тревожные мысли не давали спать. Нужно перекраивать все планы с учетом неожиданного мира с Леной.

Валик еще спал — и будет продолжать это дело до моего обеда и своего завтрака. Я сделал привычную зарядку, принял душ и вышел в город. Перекусил в ближнем кафе и отправился бродить по улицам. Мысленно прокручивал ситуацию и так и эдак — ничего хорошего в варианте счастливой семейной жизни не получалось. Может, договориться с Леной и симитировать развод? Нет, признаваться, что все настолько опасно, нельзя ни за что. В таком случае Лена съест себя и мною закусит. Пока что я выхода не видел. Разве что бросить всю затею...

А где же мой добрый дьявол? Судя по гадостям, которые я задумал, он должен помогать мне изо всех сил. Взял отпуск, что ли? Вот бездельник! Очень некстати.

Но я напрасно напустился на него. Дьявол свое дело знал туго — он взял в помощь Ленину непосредственность. Догадывался, что она не выдержит до вечера и, приняв ночью благородное решение быть со мной в горе и в радости, примчится к Валику без звонка. В качестве сюрприза.

Когда я к обеду вернулся домой, то есть к Валику, то понял, что сюрприз уже состоялся.

Валик мне подробно и обстоятельно рассказал, как было дело. Прозвенел звонок, он открыл дверь, узнал Лену (видел ее на фотографиях) и, широко улыбаясь, пригласил ее в гостиную. Лена тоже широко улыбнулась, вошла и... прямо перед собой на стене увидела рисунок влюбленной пары. Меня она узнала сразу, а кто героиня — догадалась. Валик же не нашел ничего лучшего, чем подтвердить: «Это Фрида. Это ее рисунки к мультфильму. Юра, наверно, рассказывал. А его она выбрала героем. И этот рисунок она ему подарила. На память». Большой дипломат! Улыбка сползла с лица Лены. Затем она, видимо, вспомнила мои намеки на связь Валика с Фридой и с

надеждой спросила: «А вы с ней еще встречаетесь?» Застигнутый врасплох Валик ляпнул: «Я? А при чем тут я?» Разговор был скомкан. Лена заторопилась и ушла.

Я догадывался, что меня ожидает на вечернем свидании. Планы дальнейших действий в новых условиях разрабатывать не стал. Посмотрим, как будут развиваться события.

Наше вечернее свидание было гораздо короче предыдущего и не такое задушевное. Лена была суровой, решительной и ненакрашенной.

Сели на ту же скамейку, но обниматься пока не стали.

На этот раз нить разговора взяла в свои руки Лена.

— Мы вчера не поговорили о самом главном. Как я могу жить с человеком, зная, что он в любую минуту может соврать и глазом не моргнуть? Ты это делаешь мастерски. И я все время буду думать: а как сейчас?

— Ну да, — мрачно сострил я, — врет или не врет — вот в чем вопрос.

— Да, именно в этом.

— Послушай, это всего лишь Фридины наброски к мультфильму. Ничего там не было и быть не могло.

— Хорошо, допустим. Но почему ты мне об этом не рассказал? Почему портрет остался у Валика? Почему ты не привез его домой? К чему басни об их встречах? Просто из любви к искусству? Искусству вранья? Юра, все это дико!

Очень тихо, так, что я еле расслышал, она сказала:

— Ты никогда *так* на меня не смотрел.

— Лена, я на нее никогда так не смотрел. А на тебя — всегда. И не так еще... А это искусство, Ленка. Она повторила то, что я сказал Валику:

— Выдумать такое невозможно. И зачем было столько врать?

— Лена!.. Лен, ну так получилось. Стечение обстоятельств. Встретили твоих родителей — и пошло-покатилось одно за одним. Но все это ерунда, полная ерунда. Ну не хотел я тратить время на ненужные дурацкие выяснения. И все. Это просто глупость, а не вранье. Неужели ты не понимаешь?

— Теперь уже ничего не понимаю. Юра, я вот что хочу предложить. Давай разойдемся на время. Ну на полгода. Давай попробуем разобраться, что к чему. Я не могу позволить себе эту нервотрепку. И так лечусь после Израиля у психиатра. И таблетки пью...

Глаза ее снова наполнились слезами. Я заволновался:

— Что-то серьезное? Скажи правду!

— Нет, Юрочка, нет.

Слово «Юрочка» вселило надежду.

— А в чем дело?

— Нервный срыв. Опять реву, как дура. — Мы оба улыбнулись воспоминаниям. — Этого я себе сейчас позволить не могу. Давай разойдемся на полгода. Хорошо?

Она выжидательно замолчала. Я понимал, что должен делать дальше. Уговаривать, доказывать, что не смогу без нее... И, наверно, я добился бы успеха. Но я промолчал. Второй раз идти наперекор судьбе не стоило.

То, что я сказал в качестве ответа на ее вопрос, прозвучало ужасно:

— Тебе, наверно, нужны деньги?

Лена изменилась в лице. И неожиданно резким тоном сказала:

— Да, нужны. Ты сможешь перевести пятьдесят тысяч евро на мой счет в банке? Они мне действительно очень нужны.

Ого! При отъезде из Израиля я дал ей пятнадцать тысяч евро. Мне почему-то стало неловко. Я заторопился и сказал что-то в таком духе: да, конечно, а как же, не беспокойся, это не проблема... Лене тоже стало неловко, и она покраснела. Взаимная неловкость позволила нам быстро-быстро распрощаться и разойтись. Я успел взять с нее обещание сообщить, если что-нибудь пойдет не так. На ходу она попросила пока не звонить. Получила обиженное согласие. Я так ничего толком и не понял. Кроме одного: добрый дьявол действительно существует, черт бы его побрал.

Всю ночь я не спал. Несколько раз хватался за телефон — и клал на место. Что за испытания сыплются на мою голову и на головы тех, кто связан со мной! Себе приношу беды и других не щажу... Только под утро приказал себе успокоиться и отключился. Проснулся вместе с Валиком около двенадцати, настроенный решительно. Но чувство было такое, будто очнулся после тяжелой болезни.

Был соблазн съездить к Сазонову и предварительно переговорить с ним. Вот он, по соседству, в Кельне, два часа пути. Но я сдержал себя. Надо лететь в Нью-Йорк. А с Леной мы все перенесем. Она поймет, что так было нужно. И тогда мы будем все время вместе. Будем. Я в это верю. Ну а пока — «Go, go, go!».

Только бы нам выдержать физически. Не сломаться. Уж очень велика нагрузка...

Карт-бланш

Самолет прибыл в Нью-Йорк ближе к вечеру. Я забросил вещи в ту же гостиницу, где останавливался раньше, по соседству с Верочкой, принял душ и сразу же отправился к своим. Мама встретила меня тревожным взглядом. Сказала, что вид у меня усталый.

— Юра, ты не так давно из больницы. Не перегибаешь ли палку? Может, сбавить обороты?

Ох, если бы я мог...

Вскоре пришла с работы Верочка и сообщила мне не слишком приятную новость: оказывается, мой босс Берн куда-то улетел. Когда вернется, она не знает. Это очень некстати.

Верочка рассказала, что расчеты окончила. Меня больше всего интересовало, сколько достанется мне при банкротстве фирмы. Оказывается, три — три с половиной миллиона. Из двадцати одного. Если Берн вернет часть того, что он увел из «Аквы», то в два раза больше, но на его согласие рассчитывать трудно.

Кофф подготовил документы, которые я просил, и улетел домой. Пообещал, что по первому зову будет тут. Он очень огорчен, что нас так обвели вокруг пальца. Я тоже огорчен.

Я позвонил Дзэцину. Стивен приветствовал меня с искренней радостью. Сказал, что без меня и без Синтии ему было просто-таки скучно. Шумно дышал в трубку. Непосредственный он человек. И, что редко бывает, непосредственность эта непритворна. Жаль, искренне жаль, что мне не суждено с ним работать.

Берн должен, с его слов, прилететь через четыре дня.

Ну что ж, подожду. Жизнь меня уже научила при неприятных сюрпризах тут же находить хорошую сторону. И этим утешаться. Главное в таких случаях — начать с «зато...». Очень полезное свойство. Зато немного отдохну, чтобы мама не смотрела на меня с таким сожалением. Зато отосплюсь. Зато попробую вернуть свежий цвет лица. Зато привыкну к новому часовому поясу...

Но одно «зато» было очень серьезным. Каждый из тех, с кем вы встречались на страницах моих воспоминаний, знал какой-то кусочек задуманного мною. Всего кроме меня не знал — и не должен был знать — никто. Это было правильно, но очень нелегко. Вы даже не можете себе представить, как тяжело принимать такие сложные решения одному, наедине с собой. Хотя бы озвучить все в полном объеме — и то радость. Я не хотел начинать штурм, не поговорив с единственным человеком, которому мог все полностью, без утайки, без всяких купюр рассказать. Со всеми оттенками — черным, белым, серо-буро-малиновым и розовым. Единственному в мире человеку, который меня полностью поймет. Этим единственным в мире человеком была, как вы догадываетесь, Лера. Так уж сложилось.

Раз в неделю я звонил ей с «восточного фронта». И, к своему удивлению, рассказывал все, хоть и без излишних подробностей. Так что она уже знала о моих делах даже больше, чем Синтия, которая всегда была рядом. Лера не давала советов, не охала, не вздыхала. Но, мне казалось, понимала самую суть. Она всегда меня понимала...

Я позвонил ей в магазин. Сказал, что уже в Нью-Йорке, привычно спросил, как ее дела, получил привычный ответ, что все в порядке. И так же привычно перешел к своим проблемам. Так было всегда. Но не только из-за моего эгоизма. Нет. Лера не хотела мне ничего рассказывать о своем доме. Почему — я не мог понять, но настойчивость не проявлял. Я понимал, что у нее есть на это свои причины, и уважал ее мотивы. Детей она упоминала чаще, мужа — реже, называла его по фамилии, Шпильбаумом. Нет, она говорила «мой Шпильбаум». Но без раздражения, скорее наоборот — с теплотой.

Я сказал, что очень соскучился и хотел бы с ней встретиться. Лера промолчала. Тогда я добавил, что мне это очень, ну просто очень нужно. Не хочу включать рубильник, не поговорив с ней. Лера молчала.

— А больше мне не с кем... — Тишина. — Ты почему молчишь?

— Я думаю, как это лучше сделать.

— Я прилечу в Торонто.

— Нет, Юрочка. Давай послезавтра в том же кафе в одиннадцать часов. Так будет лучше.

— Спасибо. Жду, целую. Действительно соскучился.

— До свидания. — Ответного поцелуя не было.

Я целыми днями валялся в гостинице. А на ужин ходил откармливаться к маме. Она готовила все, что я в детстве любил, и все было очень вкусно. Когда готовят с любовью, всегда вкусно. Не верьте жене, если она утверждает, будто стряпня несъедобна, потому что она не любит кухню. Она *вас* не любит — в этом все дело. Впрочем, считайте, что я этого не говорил...

Позвонила Синтия. Правильно, я ее начальник, она и должна звонить первой. Я с легким ехидством спросил, лежит ли уже на столе у Берна подробнейший отчет о наших похождениях на Востоке. Она ответила вопросом: «А вы как думаете?». В том же тоне я спросил, попал ли в отчет симпатичный швед. В ответ получил парфянский стрелу: мол, ей в отчет пришлось бы включать не только шведа. Я эту реплику пропустил мимо ушей и сказал, что ездить с ней и работать — истинное удовольствие. Она сказала мне то же самое. Мы еще некоторое время шутливо расшаркивались. Да, Синтия — человек. Конечно, из другой цивилизации — но, безусловно, гуманоид...

Будущая встреча с Лерой уже принесла пользу. Я мысленно готовил для нее отчет, а потому укладывал в общую картину все разрозненные кусочки плана. Все должно стыковаться, вытекать одно из другого. И план должен быть реальным. Без натяжек. Даже с учетом возможных частичных неудач. Иначе мой замысел будет слишком уязвим и нежизнеспособен. Такая подготовка помогла мне взглянуть на всю картину объективно, глазами другого человека, — это всегда очень полезно.

Когда Лера появилась в кафе, я почувствовал, насколько она мне близка. Родной человек. Она прочитала мои мысли, согласно кивнула головой и подставила щечку для поцелуя. По-родственному. Оценила, что на столе уже стоит рыбная закуска, ее любимое вино и мое виски. Сняла легкую курточку, повесила ее на стул, затем неожиданно наклонилась и прижалась щекой к моей щеке. Потом удобно устроилась напротив меня. Близкий и родной мне человек. Почему же я ничего не знаю о ее жизни? Я заметил, что у нее сегодня тоже немного усталый вид. Не такая свежая и подтянутая, как обычно. Может, у нее тоже проблемы?

— Лера, почему ты мне никогда о себе не рассказываешь? У тебя все в порядке?

— Все нормально.

— Это я уже слышал. Ну хоть что-нибудь о себе. О семье. Я же не чужой...

— Юра, пойми. Мой Шпильбаум не хотел бы, чтобы я о нем говорила, особенно с тобой. Он имеет на это право. Я должна считаться с его желанием, даже если оно не высказано. Понимаешь? Я всегда ее понимал.

— Ничего кроме любви я от него не видела. И заботы. И дети его очень любят. А он нервничает. И давно, почти всю нашу совместную жизнь. Хотя я делаю все, что в моих силах.

— Почему? Он ревнует?

— Ему не нужно ревновать, не в этом дело. Но он этого не понимает.

— А в чем дело?

— Ты, Юрка, был прав. На выжженной земле мало что может родиться. Так у меня получилось. Юра, давай не будем...

— Поэтому ты нервничаешь?

— Поэтому. И из-за тебя тоже. Я понимаю, во что ты ввязался. И знаю, что ты перенес. Такие физические потрясения даром не проходят. — Она легонько погладила мою искусственную макушку. — Я тоже в напряжении. Жду, когда позвонишь. А дальше, как я понимаю, будет еще тяжелее. И опаснее. Юра, давай выпьем за то, чтобы ты остался живым и здоровым. И прекратим говорить обо мне. Хорошо?

— Когда я с тобой спорил?

Мы выпили, немного закусили, Лера наклонилась вперед и приготовилась слушать.

Я повторил с выражением доклад, который несколько раз мысленно отрепетировал в гостинице.

— Наберись терпения. Итак...

Я даже волновался. Ей-богу, волновался.

— У меня две главные цели. Одна из них — обеспечить достойную жизнь, если я не захочу или не смогу больше активно заниматься бизнесом. А на то очень похоже. Лучше всего тогда иметь на территории СНГ недвижимость, которую можно сдавать в аренду. Под магазины, кафе, офисы и так далее. Тут никаких хлопот и никаких проблем обычно не возникает. И надежнее, чем

в банке. Но у меня на Украине давно ничего нет. Поэтому я хочу выжать из должников «Аквы» недвижимость в свою личную собственность. Понимаешь?

— Как выжать и каким образом в свою пользу? Ведь должны они Берну?

— Ты верно понимаешь, — я был очень доволен. — Все верно понимаешь. Давай сначала расскажу, как я из них что-то надеюсь выдавить.

И я рассказал о методе «Чистые руки», о Волкове и Качко. Лера сразу все поняла, даже больше, чем мне бы хотелось.

— Но там поднимется бог знает что!

— А может, просто договорятся. Тихо-мирно...

— Но тебя это не устраивает?

— Тебе бы, Лера, бизнесменом быть. Впрочем, ты и так бизнес-вумен, владелица магазина. Да, чем больше шума, тем покладистей будут остальные. А эти два гладиатора представление обеспечат.

Я сам почувствовал, как жутковато это прозвучало. Гладиаторы. «Идущие на смерть приветствуют тебя». Там будет нечто похожее. Повисла нелегкая пауза.

— Ты меня осуждаешь?

Лера задумалась.

— Не думаю, что смогла бы так поступить... Но осуждать? Нет, — твердо сказала она, — не осуждаю. Я с облегчением вздохнул.

— Юра, мораль, которая позволяет вору остаться безнаказанным, тоже сомнительна. Они обманули Берна, Берн обманул тебя. Сколько это может тянуться? Если у них есть хоть капля совести — договорятся. Нет — их проблемы.

Это был новый для меня довод. Ну Лера, ну еретик мой дорогой! Я наполнил бокалы и от души сказал:

— За тебя, Лера!

Мы выпили, и я повел рассказ дальше.

— Теперь о Берне. Он на долги с Востока не надеется. Мысленно с ними давно простился. И те деньги, что не очень законно перевел себе в карман из «Аквы», тоже мне не вернет. И надеяться нечего. Судебный скандал ему не нужен, но и мне он ничего не принесет. У него и юристы, и миллиарды. Силы неравны. Давид наверняка будет повержен Голиафом в современной Америке. Но и для него лучше разойтись миром. Не вижу причин, по которым Берн может не согласиться на компромисс, а именно — отдать мне гипотетические долги Востока в обмен на реальное обещание не поднимать скандала на Западе.

Я снова перевел дух после длинного монолога и снова отхлебнул виски. Лера кивнула — мол, думает так же.

— Кто его, старого хитреца, знает... Но, наверно, согласится.

— Согласится. У меня есть чем его прижать. И кроме того, своеобразная совесть у него есть. Мне так кажется. Лера, давай сделаем перерыв на обед.

В это время нам принесли горячее — естественно, семгу. Нужно было соблюдать традиции. Когда мы откинулись на стульях, съев все подчистую, я вернулся к разговору.

— Теперь о более приятном. Об «алых парусах». Я тогда не хвастался. Леонид Михайлович действительно оставил мне изобретение, которое может...

Я не нашел слов и только руками попытался объять необъятное.

— Применение теории сверхтекучести для крупнотоннажных судов. Они действительно будут плыть в два раза быстрее. Представляешь себе, что это значит? В два раза! Со скоростью автомобиля! С ума сойти!

Лера недоверчиво смотрела на меня. Она в сказки не верила. А я Лихницкому верил. Так вслух и повторил:

— А я ему верю!

Но полного сочувствия не получил. Поэтому вторую часть своей исповеди я скомкал. Рассказал, что есть большой док, который некто Горбунов — кстати, классный технолог-судостроитель — сдаст мне в бесплатную аренду в счет долга «Акве». Что у Сазонова есть заложенный-перезаложенный убыточный сухогруз, который ему не за что ремонтировать.

— Но ведь вы с Сазоновым...

Я махнул рукой.

— Черт попутал. И я с ним расплатился сполна. Так что мы квиты... Понимаешь, если техника не подведет, это такое... такое...

Не находя подходящих слов, я попытался заменить их жестикуляцией. Лера, кажется, начала понимать, что дело нешуточное.

— Тут нужен человек с размахом. Знающий Запад. И судоходство. И масштабный. А это у Сазонова есть.

— Внешне он не слишком масштабен... — Лера прыснула — вспомнила, вероятно, невзрачного Сазонова рядом с крупной Аллой Шварц. — Но соображает, да.

— Вот именно. Я хочу с ними двумя и со «Швабише хюттенверке» — есть такая фирма в Германии — организовать совместное предприятие и вбухать туда те миллионы, которые у меня от сделки с Берном остались. Рискнуть. Мы этот сухогруз поставим в док, обошьем пластиком, проведем испытания... Это такое дело, такое дело!.. А кроме того, это мой долг перед Лихницким.

Лера согласно кивала головой, но без особого восторга.

— Вечный бойскаут. И опять останешься без денег? Ох уж эти мне бизнес-вумен...

— Нет, все это я буду делать только в том случае, если у меня появится собственность на Востоке. Это моя гарантия. Поэтому я так за нее борюсь. Понимаешь? Тут все связано...

— А без этого нельзя?

— Лерочка, не буду притворяться ни перед тобой, ни перед собой. С теми деньгами, что у меня останутся от Берна, я мог бы обойтись и без подвигов на фронте. Купить на них ту же самую недвижимость на Украине и успокоиться. И зажить наконец нормально. Но тогда у меня не будет денег на дело. А значит, не будет ни водопровода Лихницкого, ни «алых парусов». Правда, зато не будет и риска...

Лера печально и безнадежно посмотрела на меня.

— Зачем об этом говорить? Ты так поступить не сможешь. Я тоже искренне опечалился.

— Не смогу, Лерочка, не смогу.

Нет, она не загорелась моим замыслом. Но вроде бы поняла. Не отговаривала. А самое важное для меня — сочувствовала. Хотя знала, что розовые мечты сбываются куда реже, чем черные неприятности. По тому, как она нахмурилась, я понял, что ее гораздо больше тревожат эти самые черные неприятности. «Восточный фронт».

— Эти люди способны на все...

— Да. К сожалению, да.

И я рассказал о Лене. О нашей последней встрече с ней.

Тут Лера вконец расстроилась. И за меня, и за Лену. Видно, по-настоящему осознала опасность. Она положила руку поверх моей, и так мы просидели довольно долго.

Не могу сказать, что обед прошел в веселой и радостной атмосфере. Увы, нет. Я искренне пожалел, что так нагрузил ее своими проблемами. Пожалел по-настоящему. Но дело было сделано. Сказанного не воротишь. И вправду какое-то наваждение: всем, кто мне близок, достается...

Лере пора было лететь домой — как я понял, она в Нью-Йорке нелегально. Проводил ее в аэропорт. Мы прижались щекой к щеке. Если бы не Лерин характер, она бы заплакала. А может, так и было, потому что она долго удалялась по переходу и ни разу не обернулась.

Берн принял меня в тот же день, когда появился на работе. На десять утра мне была назначена аудиенция. За час до того я подал его секретарше просьбу о встрече с боссом. Она скептически посмотрела на меня и сказала, что в ближайшие дни ничего обещать не может. Но уже минут через пятнадцать обзванивала все отделы и просила меня разыскать. Судя по всему, боссу было любопытно, что я надумал. Наверно, в его фирме не часто случается что-то неожиданное. Наверно, все у них идет гладко и по плану...

Я своевременно нашелся и ровно в десять вошел в кабинет с папкой, подготовленной для меня Верочкой.

Странно, но я не испытывал никакого волнения в ожидании этой встречи. Производить на Берна впечатление смысла не было, потому что я не собирался с ним работать. А результат переговоров, мне казалось, был известен заранее. Он был предопределен. Высказывать претензии тоже не имело смысла — лишнее колебание воздуха. Так что вошел я в кабинет спокойный и даже расслабленный. Готовый к продолжительному разговору с заранее известным финалом.

И напрасно. Разговор был коротким, а финал — непредсказуемым. Я, в который уже раз, оказался слишком самонадеянным. Накопленный опыт позволял мне предвидеть многое, но предсказать, как поступит Берн, никак не удавалось...

Это был точно такой же кабинет, как в Лондоне. Такой же, а может, и тот же самый шкаф — кто их, миллиардеров, знает, может, возит его за собой? На шкафу, по-моему, та же менора, за стеклом — та же тора. Такое же черно-белое светски-религиозное облачение самого Оскара Берна, и так же прочно сидела на его круглой лысой макушке маленькая черная кипа. Ничего вокруг меня не изменилось. Изменился я сам. От восторженного упоения победой не осталось и следа.

Берн очень приветливо улыбнулся мне: сам артист Леонов не смог бы продемонстрировать такое добродушие. И даже немного привстал, точнее, отжался на ручках кресла. Все как в предыдущую нашу встречу. Мы поздоровались — обменялись церемонным «хау ар ю». Я сел на точно такой же не слишком удобный стул, какой был в Лондоне. И молчал. Пришлось заговорить боссу. Он заскрипел:

— Как вам у нас понравилось, Юри? Можно я вас так буду называть? Ваши первые впечатления? Приятные?

Берн потер руки и сказал: «ха-ха!» — и я вспомнил, что он так смеется. Я думал, что он будет испытывать злорадство, а может, неловкость: все-таки обманул человека на двадцать миллионов, не каждый день такое случается. Хотите — верьте, хотите — нет, — на его лице было написано лишь простодушное выражение удовольствия, как после невинного розыгрыша. Ну и подшутили, мол, мы над вами! Он что, за своими миллиардами не видит цену реальных денег? Или развлекается, притворяясь добродушным Леоновым?

Благодущие выглядело вполне натуральным, если бы не скрипучий голос.

Я уставился на его кипу. Религиозный человек должен чувствовать хоть какие-то угрызения совести. А может, он договорился непосредственно с всевышним и объяснил ему, что это никакое не надувательство, а обычный рабочий момент бизнеса?

Берн ждал от меня ответа. Ответа не было. Я огорчил своего босса. Молчал и всем видом демонстрировал, что в веселье участвовать не намерен. Берн слегка насупился. Я нарушал его сценарий.

— Ну так каковы ваши дальнейшие планы? Есть предложения? Стивен сказал, что они вот-вот должны появиться.

— Мистер Берн...

— Оскар. У нас так принято. Оскар.

— Ну хорошо, — я с трудом выдавил, — Оскар. У вас пятьдесят один процент наших акций, я хотел бы прежде узнать ваши планы. Это логично, мистер Берн?

— Оскар! Прошу вас, Оскар!

— Извините, Оскар. Вы хозяин, а я только младший компаньон. Как вы решите, так и будет.

Это явно нарушило запланированный Берном ход разговора. Он предполагал, что я буду высказывать претензии, чего-то требовать, может, угрожать. А я вынуждал его признать, что он давно готовил банкротство. Игра не по правилам.

Но застать Берна врасплох было сложно. Он тут же скомкал светскую часть нашего разговора и приступил к сути.

— Юри, я только сегодня приехал, времени у меня очень мало. Давайте ближе к делу. Вы поняли, что «Аква» терпит крах?

— Жаль, что вы мне раньше об этом не сказали.

— Давайте экономить время. Что произошло до сегодняшнего дня, мы с вами знаем оба. Дуэли у нас запрещены. Что конкретно вы предлагаете?

— Мистер... простите, Оскар. Я тоже согласен, что нет смысла в упреках. И поэтому жду ваших предложений. Есть русская поговорка: ты начальник — я дурак.

Я перевел поговорку дословно. Берн оценил. И сказал: «ха-ха!». Потом неожиданно улыбнулся — не по-леоновски, а почти нормально — и сказал:

— Хорошо, Юри, сдаюсь. Не будем играть в дипломатов. Вы ездили в Россию, — для них весь бывший Советский Союз Россия. — Надеетесь что-то там получить?

— Может быть, но только для себя. Каштаны для вас из огня таскать не собираюсь.

Это прозвучало резко. Берн поморщился. Но спокойно произнес:

— Юри, это собственность фирмы. Наша общая собственность.

— Собственность, которую вы забрали себе из «Аквы», тоже была нашей общей.

Берн кивнул. Он не собирался выходить из себя, и мне стоило взять с него пример.

— Разумно. Согласен. К этому вернемся позже. Допустим, вы возьмете себе то, что добудете в России. Допустим. Но как это сделать? Отнять у них что-то можно только силой. А как же доброе имя фирмы?

Я начал было рассказывать, как собираюсь поступить, но Берн меня прервал. Сказал, что лучше ему подробностей не знать. «Ха-ха!». Я понял: добросовестная Синтия уже все доложила. Еще не уразумев, что дело плохо, я продолжал доказывать законность своих будущих шагов. Но вскоре осознал, что наш диалог выродился в монолог. И растерянно замолчал.

Когда Берн понял, что я выдохся, он щелкнул зубами и сказал:

— Я не могу рисковать престижем фирмы. Это исключено. Даже ради своих доходов, а тем более ради ваших.

Душа у меня ушла в пятки. Я снова принялся объяснять, что ничего незаконного предпринимать не собираюсь, что мы вполне можем переуступить свои права...

Мой одинокий голос постепенно затих. Передо мной была глухая стена.

— Если я с вами не соглашусь, как вы поступите, Юри? Этот вариант я уже продумал.

— Подам иск в суд.

— Вы проиграете.

— Мистер... Оскар. Приведите мне хоть один довод, почему я не должен обращаться в суд. Все-таки сумма тридцать миллионов в нашем договоре фигурировала. И цифра двадцать один миллион, моя доля в бизнесе, — тоже. Будем искать, где эти миллионы. — Я сделал паузу и миролюбиво добавил: — Но лучше искать не пропавшие деньги, а разумный выход.

Он не отвечал, я не продолжал. Молчание затянулось. Я услышал легкую дробь — и осознал, что это я сам барабаню пальцами по столу. Берн держал руки на животе и тихонько раскачивался — взад-вперед, взад-вперед. Как и положено правоверному еврею, советуемому с богом. Наконец он заговорил. Я понял, что в сухом и расчетливом Берне иногда прорываются эмоции. И тогда проступают следы маленького польского городка, который сто лет назад был в черте оседлости. И сквозь интернациональный английский слышны исконно еврейские интонации. Наверняка он любит Шолом-Алейхема...

— Юри, я бы хотел, чтобы мы разошлись красиво. Но пока не знаю как. Давайте вместе подумаем до завтра. Ад махар. А? Как вам такая идея? Нам есть о чем подумать. А? Ад махар, — почему-то повторил он «до завтра» на иврите. Наверно, решил, что иврит нас сближает.

Я автоматически повторил: — Ад махар, — и откланялся.

Пропущу целые сутки. Это был не самый веселый день в моей жизни, и вспоминать его не хочется. В свою фирму я больше не зашел. Не хотел отвечать на вопросы и выслушивать соболезнования. Вернулся в гостиницу. Позвонил Отто Коффу, вызвал его в Нью-Йорк и улегся спать. Проснулся только на следующее утро, чем сэкономил массу нервной энергии. Представляете себе, как бы я метался, если бы не снотерапия?

Утром позвонил секретарю Берна, узнал, что мне назначено на одиннадцать часов. Прибыл вовремя, отдохнувший и готовый к крупному скандалу. «И почему, спрашивается, я должен с ним церемониться!» — накручивал я себя.

Зашел в кабинет с той же папкой, сдержанно поздоровался и сел на стул, настроенный непримиримо.

Берн — простите, Оскар — неожиданно вышел из-за стола, сел на такой же жесткий стул напротив меня, зловеще щелкнул зубами и сказал:

— Давайте решим так. После слияния наших фирм мы с вами не сработались... Та-ак, хорошенькое начало.

— И по вашей, Юри, просьбе мы снова производим раздел. Вы снова отделяетесь от нас вместе с «Американской кухней». Мы с вами делим те гроши, которые в фирме еще остались. А для компенсации ваших несбывшихся надежд (ведь вы же ничего не потеряли, потому что у вас ничего не было, так? Вы пришли к нам голым и босым, так?) — короче, для компенсации я не знаю чего — ха-ха! — мы вам официально отдаем все, что имеем в России. Все это богатство. Ха-ха! Делайте с ним все, что хотите, но от своего имени. Хоть устраивайте погром.

Я сидел раскрыв рот. В голове вертелось: «Берн — это голова. Ему палец в рот не клади».

— А если все у нас будет спокойно, то через полгода я из тех денег, которые забрал из «Аквы» и которые вам спать не дают, — ха-ха! — отдам еще, скажем, полтора миллиона. Чтобы разойтись красиво.

Конечно, красиво! Если я пойду в суд, то ничего не выиграю, но потеряю обещанные полтора миллиона. Да, Берн — это вправду голова...

Я молчал. Все это нужно было переварить.

Как и в прошлую нашу встречу, Берн не ждал от меня ответа.

— Юри, идите, спокойно все обдумайте. Если согласны, вызывайте своего юриста, нашему я уже все объяснил. Готовьте документы. Для этого я вам уже не нужен. А через полтора года мы начнем вместе вести трубопровод из Турции в Сирию. Не считайте меня простаком. Я знаю, что без вас и ваших ноу-хау мы ничего не сделаем. Так зачем нам ссориться?.. Идите, Юри, думайте. Шалом вэ леитраот!

— Шалом, мар Оскар, — ответил я.

Берн расплылся в почти естественной улыбке.

А я получил карт-бланш.

Глава третья. Игра без правил

Ружье на стене

Отправиться в Энск мне удалось только через неделю. Оформить раздел фирм было непросто. Мы с Берном подписали только общую часть договоренности и те документы, которые удостоверяли, что я единственный получатель всех долгов восточных фирм. Верочка осталась оформлять полный раздел имущества, а я должен был через какое-то время вернуться и все подписать.

Маршрут я наметил такой: Энск, затем Сазонов, последний пункт — Юрис Викентьевич Горбунов. Я очень торопился в эту поездку. У меня было какое-то маниакальное предчувствие неожиданных изменений. Вдруг Волков передумает. Или кто-нибудь прибудет Качко (когда я вспоминал его наглуую физиономию, то понимал, что подобное желание в Энске могло посетить многих). Или Сазонов раньше времени избавится от своего инвалидного сухогруза. А Горбунов, пока я до него доберусь, вполне может продать весь свой завод оптом и в розницу. Как скажет Алла, так и будет, а чего она хочет, знает один только Господь, да и то вряд ли.

Чтобы хоть немного подстраховаться, я позвонил Горбунову, спросил, как дела, и добавил, что дней через десять собираюсь появиться у него с интересным предложением. В ответ услышал очень бодрый, веселый, пожалуй, даже помолодевший голос. На мой намек об интересном предложении он не отреагировал, сказал, что очень рад будет меня принять, что у него есть для меня отличные новости. И вообще, у него дела идут великолепно. А будут еще лучше. Словом, приезжайте, я вам все расскажу. Нет-нет, не телефонный разговор, непременно приезжайте.

Приставать с расспросами не имело смысла — и так было понятно, что он хочет что-то продать. Да, одно из опасений почти оправдалось. Время не ждет! Хорошо, что мне удалось достать билет на прямой рейс Нью-Йорк — Киев. Через сутки буду в Энске.

Перед вылетом я попрощался по телефону с Лерой. Она так явно волновалась, что и на меня нагнала страху. И я с перепугу позвонил Жоре — тому, что был моей «крышей». Спросил, очень ли он загружен и не может ли дня на три-четыре подскочить в Энск. Обещал заплатить за месяц. Жора сказал «Ну-ну», что на его языке означало согласие. Встречу назначили в гостинице, где я прошлый раз останавливался.

В Энске все началось без сучка без задоринки. Волков ждал меня с нетерпением. При упоминании фамилии Качко он кровожадно потирал руки, и глаза его светились фосфорическим блеском, как у киношного вампира. Мы официально, в присутствии юрисконсульта и нотариуса, подписали договор, я получил чек на четыреста тысяч долларов и в тот же день перевел его на счет возродившейся из пепла фирмы «Американская кухня». Все-таки неплохо, доложу я вам, быть независимым. Хоть и волнений при этом больше.

Я попросил Волкова до моего отъезда никаких шагов не предпринимать, он пообещал.

Вечером в его ночном клубе был дан банкет в мою честь. И надо сказать, он удался. Во всяком случае, я сделал для этого все от меня зависящее. Расслабился и попытался избавиться от дурных предчувствий, которые у меня появились после подписания договора. Права была Лера: то, что будет с нашей парой гладиаторов дальше, — их проблемы. Но как себя убедить в этом?

Да, банкет был хорош. Кроме отличного спиртного и замечательных блюд, вокруг сновало невероятное количество необыкновенно красивых девушек — такого великолепия я даже в американских фильмах не видел. Красотки с таким восторгом ели меня глазами, так улыбались, что усомниться было невозможно: все они обожали меня без памяти. И хотя рядом были могучий

и крутой Волков — бывший тренер, и стройный и широкоплечий молодой красавец Никита — его бывший воспитанник, а теперь правая рука, все гурии влюбленными глазами смотрели на меня. Я страшно гордился этим...

Давно я не выглядел таким идиотом и давно не пил столько. Жора сидел неподалеку, соблюдал сухой закон и смотрел на меня во все глаза, словно хотел сказать: «Ну-ну».

Потом был какой-то полусамодетельный стриптиз. Танцы, похожие бог знает на что...

В конце вечера мы с хозяином едва не поругались. Волков обиделся, что я никого из его девиц не захотел брать с собой в номер. Когда я вежливо отказался, он надулся и сказал, что зря я брезгую его предложением. Он от всей души. И не надо строить из себя заокеанского чистоплюя... Вдруг он резко затормозил, с интересом посмотрел на меня и спросил:

— Слушай, друг, а может, ты... того?

Я оскорбился:

— Да ты что?!

И быть бы скандалу, если бы я не сообразил наклониться к его уху и таинственно прошептать:

— Знаешь, у меня есть на то причина.

Не представляю, о чем он подумал, но в ответ уважительно и тоже на ухо ответил:

— Это другое дело, так бы и говорил.

...Назавтра у меня после этого праздника было ужасное похмелье. И жуткое похмелье. Как люди выдерживают такие праздники и такое количество подарочных красавиц?.. Когда, приведя себя часам к двенадцати в относительно пристойный вид, я шел в гости к дяде Вадик, то на встречах молодых женщин смотрел с подозрением: неужели они все такие? Интересно, что бы по этому поводу сказала Синтия? Что я ханжа?

Я постарался побыстрее проскочить сомнительные парадную и лестницу Пелентьевых и с удовольствием вошел в их небольшую, но чистую и ухоженную квартиру. Тетя Лида хлопотала на кухне, дядя Вадик оторвался от компьютера, где наверняка устраивал очередной разнос камарилье во главе с мэром. Тишина и покой. Глядя на них, я подумал: «А может, мудрость — лучше быть богатым и здоровым — не безусловна? Нет, здоровым — оно, конечно... Но богатым — не всегда».

А дядя Вадик еще подлил масла в огонь. Он спросил, почему у меня такое перевернутое лицо. Я признался, что ночь прогулял в клубе «Гурии» у Волкова. И не удержался:

— Как Волков с Никитой выдерживают такое количество гурий вокруг?

Дядя Вадик понизил голос, чтобы тетя Лида не слышала, и объяснил:

— У них любовь.

— С полсотней гурий?

— Нет, с Никитой. Ты же там был? Все видел? Что ж ты хочешь, издержки производства...

Мне совсем худо стало. Безусловно, следствие похмелья. Я в обычном состоянии считал себя еретиком, демократом, современным человеком широких взглядов. Весьма терпимым. А тут захотелось побыстрее уехать куда глаза глядят. Лучше всего в Кельн, к Сазонову. Но билеты у меня были только на завтра...

От предложенного мне обеда я с содержанием отказался.

Дядя Вадик долго вел светскую беседу и крепился, но наконец не выдержал и спросил, как я попал в «Гурии». Я рассказал, что продал наши акции в фирме Качко и его гарантийные чеки Волкову. Полтора миллиона долга за четыреста тысяч наличными.

— Зеленых?

— Зеленых.

— Фью-у! А почему Волкову?

— Кто бы еще купил?

Дядя Вадик соображал недолго и почти радостно сказал:

— Зрителей прошу занимать места. Хищники на свободе. Смертельная схватка волка и гиены.

— Дядя Вадик, я завтра уезжаю...

— Мавр сделал свое дело, мавр может уезжать.

Это было сказано довольно ехидно. Я пропустил реплику мимо ушей и добавил:

— Я хотел бы вас попросить, если не трудно, сообщать

мне, как пойдут дела. Пелентьев загорелся:

— Юра, я давно хотел написать детектив. Все кому не лень пишут. А я журналист, всю жизнь писал о криминале. Знания, опыт, связи с преступным миром — сколько угодно. И время свободное уже есть. Пока есть.

Он схватился за почку и оглянулся на тетю Лиду. Та вроде бы не заметила этого жеста.

— Но хотелось чего-то оригинального. Юра, я тебе буду отправлять главы детектива по горячим следам. У меня среди этих бандитов есть свой резидент, надежный человек, жизнью мне обязан. Не скажу, кто он, тебе не важно. И для него опасно. Мало ли что... Догадаешься так догадаешься... Короче, я буду знать всю подноготную.

— И хорошо, если бы вы по возможности информировали общественность. Если случится что-то из ряда вон...

— Юра, Юра... У тебя есть еще должники?

Я невольно смутился.

— Эх, Юра... Ладно, тебе виднее. Ты мальчик большой. Но все время помни, что ты ввязался в борьбу без правил. Будь осторожен.

Я и сам это чувствовал. Особенно здесь.

День, ночь и следующий день прошли спокойно. Мы с Жорой подготовились к отъезду, заказали такси на восемь вечера, поужинали в гостиничном ресторане. Зря все-таки я его вызвал. Он оказался в роли чеховского ружья, висевшего на стене, которому вопреки театральным правилам не пришлось выстрелить. Законы жизни отличаются от законов сцены. Ничего, перестраховка в некоторых случаях не помешает. Тем более что это мог быть секрет полишинеля... Волков, я думаю, сдержит слово и до моего отъезда ничего не предпримет, но юристы могут в знак своей лояльности все донести Качко. Впрочем, через час мы уезжаем в цивилизованную Германию. Я впервые так отчетливо осознал, что нельзя впутаться в криминальные отношения и не замараться. Даже если ты держишься в рамках закона и на расстоянии.

После ресторана Жора остался покурить в вестибюле, ему там очень нравился застекленный зимний сад. Он был сентиментален и нежно любил природу. Особенно после того, как отсидел в зоне семь лет за... Впрочем, неважно за что. Он почти исправился.

Я зашел к себе в номер и прилег отдохнуть. Постучали в дверь, я крикнул:

— Открыто!

Вошли совершенно безглазый от злости Качко и здоровенный спортсмен, один из тех, что сидели в его приемной. Второй спортсмен сунул голову в номер, вынул ключ из двери, захлопнул ее снаружи. Я услышал, как щелкнул замок, и понял, что предстоящая беседа будет не слишком дипломатичной.

У меня зануло искусственное темечко. Мелькнула мысль: только бы не по голове.

Не стану передавать дословно речь Качко, его лексиконом я не владею. Суть сводилась к тому, что я большое тра-та-та, а строю из себя иностранного бизнесмена. А на самом деле такое же тра-та-та, как и они все, только еще хуже. Я хочу сравнить его с Волковым, но никого он, Качко, не боится, тем более этого вонючего хорька. Он хочет, чтобы я, тра-та-та, зарубил себе на носу, что если что-нибудь случится, то он меня, тра-та-та, найдет на дне моря. И жену мою, и детей...

Несмотря на остроту момента, я успел удивиться тому, что глаза его полностью растворились в глазницах. Трудно было определить, куда он смотрит. Качко прямо заходил в угрозах.

Я понимал, что показывать свой страх нельзя. И надо тянуть время, пока не придет с перекура Жора. Поэтому внешне спокойно заявил на доступном ему языке, что он, тра-та-та, выставил нас на полтора лимона — и думает, что это ему сойдет? Здесь бы его за такие деньги давно подвесили бы за тра-та-та. А теперь он выставил на пол-лимона Волкова, который мне эти деньги за его долги уплатил. И меня больше ничего не касается, потому что я о него не хочу руки марать.

Все это я говорил, понимая, что возмездие грядет. И потихоньку перемещался к столу, где стоял тяжеленный графин с водой. Хотя отдавал себе отчет, что махать этим графином чрезвычайно опасно. Слегка ранить такой штуковиной невозможно. Для смертоубийства же нужен другой характер — это не для меня...

Бедного Качко аж заклинило от возмущения. Он кивнул спортсмену, и тот без всякой подготовки и замаха всадил мне кулак в солнечное сплетение. Потолок обрушился на голову, огонь охватил внутренности, я скорчился в три погибели.

Наверно, я бы долго приходил в себя, если бы не Качко. Скорей всего, моя поза спровоцировала его, он хмыкнул и несильно, но очень обидно дал мне пинка под зад. Это меня доконало. В голове засверкали искры, здравый смысл отключился полностью. Я завыл и, не разгибаясь, потянулся за графином.

От тюрьмы меня спасло явление святого Георгия. Щелкнул замок, открылась дверь, появился второй спортсмен, прикрывая рукой ухо. Из-под пальцев капала кровь. Он был лимонно-зеленого цвета. Сзади спокойно вышагивал Жора. Оказывается, ружье недаром висело на сцене. Он толкнул второго спортсмена в кресло и, не оглядываясь на него, подошел к первому.

В руках у Жоры был длинный и тонкий нож. Не знаю, как ему это удавалось, но все присутствующие поняли: если что не так, он воткнет его, не задумываясь.

Первый спортсмен попятился. Жора спокойно сказал:

— Бери его под мышку, — он показал на второго спортсмена, — и линяй отсюда. Пара исчезла без единого слова.

— А с этим что?

Вместо ответа я немного разогнулся, подошел поближе к ставшему еще более дряблым, чем обычно, Качко. Собрал все силы и двинул кулаком ему под дых. А когда он согнулся и автоматически повернулся ко мне задом, я не удержался и добавил солидного пинка. Большого мужества этот подвиг в присутствии Жоры не требовал. Впоследствии мне было неловко вспоминать свою выходку. Раньше нужно было руками махать. Тем более ногами... Затем я открыл дверь и вытолкнул согнутого Качко в коридор. Телохранителей там уже не было. От них на память остались только красные капли на полу.

— Жора, ты ему ухо отрезал? — испуганно спросил я. Жора засмеялся.

— Не-а. Проколоч, чтобы он серьгу смог носить. А когда пообещал, что сделаю, чтобы он смог носить ее и в носу, он в обморок и хлопнулся...

Он посерьезнел, подошел к окну, взглянул вниз.

— Сейчас они шпану соберут у гостиницы. Что делать будем?

Спокойствию его можно было позавидовать. Оно и на меня подействовало благотворно. Я почти выпрямился, подошел к телефону и набрал мобильный Волкова.

— Привет, это Марков. Тут у меня только что с визитом был Качко. Мы их, — я подыскивал слово, — выкинули из номера. И немного обидели.

Волков довольно рассмеялся.

— Сейчас мы должны уезжать на вокзал, а он внизу собирает шпану. Не мог бы ты помочь своими? Пауза затянулась. И тогда я для надежности добавил:

— Хочу, чтобы ты знал: он мне прямо сказал, что Волкова, этого вонючего хорька, не боится. Самое время доказать, что он не прав.

Краем глаза я видел, что Жора от моего доноса поморщился. Противно звучало. Но сработало безотказно. А что было делать?

Я понимал, что в милицию звонить бессмысленно. Я был не каким-нибудь уважаемым иностранцем, а простым украинским гражданином. Ни убитых, ни раненых пока не было. Какой смысл ввязываться органам в борьбу крутых местных мафиози? Согласитесь, никакого.

Из окна мы с Жорой наблюдали за дальнейшим развитием событий возле гостиницы.

Минут через пятнадцать на стоянке припарковался автомобиль, из которого вышел наш знакомый — первый спортсмен. Он с независимым видом облокотился на капот и уставился на входную дверь. Стекла машины опустились, и выглянула пара свежееобритых спортивных голов. Первый комплект прибыл.

Затем подкатил таксист. Тоже опустил стекло и стал поглядывать на дверь гостиницы. Даже посигналил. Мы не реагировали.

Минут через пять подъехали два автомобиля и пристроились рядом с таксистом. Из первого вышел красивый Никита и лениво, неторопливо подошел к спортсмену. Беседа продолжалась недолго — у Никиты было, как вы помните, два автомобиля. Спортсмен стал меньше рос том, погрузился в свою машину, и качковские освободили поле боя.

Мы с Жорой помахали Никите из окна и спустились с вещами вниз. Благодарно поздоровались с победителем и на такси в сопровождении почетного эскорта из двух автомобилей

приехали на вокзал. Никита вежливо взял мою сумку, проводил нас до вагона, подождал отправления и даже пару раз прощально помахал рукой. Поезд (и мы с ним) благополучно отправился от станции Энск-Главная в направлении Киева.

Жора спал крепким сном невинного младенца на второй полке, а я под стук колес пытался понять, что творится у меня душе. Там после приключений в Энске было намешано много всякой всячины. Ничего приятного — сплошная гадость: и запоздалый страх, и отвращение к участникам конфликта, и даже к самому себе — а это особенно неприятно. А еще был огромный соблазн забросить это грязное дело и постараться забыть о нем раз и навсегда. Понять меня, думаю, нетрудно.

Но все-таки злость в конце концов взяла верх в этой сумятице чувств. Уступать качкам было очень противно. И как бы на это посмотрела Лера? Я решил не отступать. Не ввязываться больше в прямое противостояние и не вступать с криминалом в контакт — но и не сдаваться. Как — пока не знал. Но был уверен, что решение появится. Нужно искать пути, терпеливо ждать, чем кончится схватка в Энске (там от меня уже ничего не зависит). И настойчиво искать, искать варианты продолжения. Я с некоторым самодовольством подумал, что это уже почерк настоящей го бизнесмена.

Но когда вспоминал о своих «клиентах», похожих друг на друга как близнецы, на душе становилось муторно. Даже исключение в виде Горбунова не утешало, потому что лишь подчеркивало правило.

Выше я уверял, что не собираюсь делать обобщений на основании своего опыта. Самое время признать, что я лукавил. На самом деле, мой взгляд на эту ситуацию весьма мрачен. Я знаю довольно много толковых и приличных людей среди «новых русских». Но точнее будет сказать — знал. Не пугайтесь, они живы. Просто слишком многие не выдержали накала борьбы и ушли из бизнеса. Их заменили другие. Многие сами изменились: остались по-прежнему толковыми, но не такими приличными, как раньше. И дело вовсе не в ментальности или национальном характере. Виноват дарвиновский естественный отбор.

Когда законы в стране не только невразумительны, но и не исполняются, когда практически нет независимого суда и справедливой прокуратуры, когда чиновничий беспредел самим президентом объявляется неизбежным злом, то в результате естественного отбора выживают... Как бы тактичней их назвать? Те, чьи моральные устои не самые твердые.

Следствия этого естественного отбора мы все видим. Увы. Они налицо. Отрицать очевидное невозможно. Можно только спорить о причинах.

Я сознаю, что ахиллесовой пятой моих рассуждений является вывод: виноваты не люди, а обстоятельства. А что же сами люди? Разве не они создали такие обстоятельства? Вот это и есть порочный круг, и не только в рассуждениях, но и в жизни...

Но тем не менее условия игры — фактор объективный, и пока они не изменятся, народ в бизнесе будет подбираться по этим критериям. Будем смотреть правде в глаза.

...В Киеве мы провели почти сутки в ожидании самолета. Жора не отходил от меня ни на шаг, даже номер в гостинице взяли двойной. Я не возражал — так было спокойнее. Тем более что он не храпел.

Я прекрасно сознавал, сколь многим обязан своей «крыше». Может, и самой жизнью. О чем искренне сказал ему при прощании.

— Это моя работа, — скромно ответил труженик *нера*. Не литературного, понятно...

Гладиаторы

Самолет рейса Киев — Франкфурт-на-Майне приземлился в десять часов утра. Это было непривычно. Раньше я всегда прилетал, как по заказу, поздним вечером, переходящим в раннее утро. Валик, разумеется, в десять утра еще спал, и чтобы не нарушать привычный для него режим, я даже не сообщил о своем прилете. А то он бы по привычке поехал меня встречать, с него станется.

Мы время от времени перезванивались, и я знал, что у него в самом разгаре испытательный срок с новой подругой. Впрочем, я и не собирался задерживаться во Франкфурте, хотя соблазн встретиться с Леной... Нет, нельзя издеваться над собой и над ней. Осталось потерпеть каких-нибудь три-четыре месяца.

Легко сказать — «каких-нибудь»...

Здесь же, в аэропорту, я взял напрокат отличную машину, — кажется, это был «Мерседес». Приехал я не на один день — утрясать наши будущие отношения с Виктором Сазоновым придется довольно долго. Но я был уверен, что контакт мы наладим, невзирая на тени прошлого.

Сазонову я позвонил из Энска и договорился о встрече. В его голосе я не услышал даже отзвука тревоги, недовольства или хотя бы удивления. Олимпийское спокойствие и деловитость. Еще один железный Феликс на моем пути!

Из аэропорта я направился в банк. Там взял из сейфа папку под номером 11 с материалами об использовании теории сверхтекучести жидкости для судов, здесь же, в банке, сделал три ксерокопии страниц с экономическим расчетом. Внимательно просмотрел, нет ли там лишних технических подробностей. Нет, поживы для шпионов на этих страницах не было. Вернул папку на место.

Затем проявил слабость — проехал несколько раз на машине по району, где жила Лена. Внимательно смотрел по сторонам, Лену не встретил, зато чуть не наткнулся на столб. Выругал мысленно себя и уехал от греха подальше...

Был уже полдень, и я решил позвонить Валику. Для него утро уже должно было начаться. Ответил мне энергичный и немного резкий женский голос на немецком. Я максимально воспользовался своими познаниями в языке, сказал: «Гутен таг!», затем после паузы: «Герр Пасов?» — с самой вопросительной интонацией, какая у меня нашлась. А в завершение добавил: «Данке шен». Все. «И лучше выдумать не мог»...

Но тем не менее трубка была передана по назначению — герру Пасову. Валик пытался возмутиться, почему я не предупредил о приезде, он бы меня встретил, но прозвучало это вяло. Кажется, новая кандидатка в жены оттягивала на себя большую часть его энергии.

Валик предложил встретиться через час в его любимом кафе и позавтракать, то есть пообедать, то есть... Он всегда путался в этих понятиях.

«Завтрак в кафе? — подумал я. — Фрау Галя сдала позиции? Это ново».

Когда мы встретились возле входа в известное вам по моим прошлым приключениям кафе и Валик познакомил нас с Эльзой, то я поразился, насколько подходило ей это имя. Какой вы себе представляете немку лет тридцати пяти по имени Эльза? Все верно. Уверенность, властный характер, и при этом некоторая внешняя бесцветность (ее можно подправить макияжем, было бы желание, — но вот желания как раз и не было). Несколько тяжеловатая походка... Впрочем, стоп! Не стану описывать будущую фрау Пасов — жена цезаря, то есть близкого друга, должна быть вне описаний. Добавлю только одно: было очевидно, что гулять на свободе моему другу осталось недолго.

К сожалению, Эльза не говорила по-английски. Я уже давно перестал удивляться тому, что многие, слишком многие немцы не знают английского языка. Во всяком случае, те, которых принято называть простыми людьми. Собственно, и нужды в этом для большинства нет никакой. В Германии даже голливудские фильмы традиционно дублируются немецкими артистами. И Мэрилин Монро говорит раскатисто с баварским акцентом «др-р-р-айциг, фир-ррциг». Очень смешно звучит. Но зато не нужно напрягаться, читать титры и слушать незнакомую речь.

В Израиле, например, эти фильмы так же традиционно субтитрованы. Звучит английский, и зритель хочет не хочет, а привыкает, начинает потихоньку соображать. Если он не упрямый русский эмигрант, который принципиально смотрит только каналы на некогда родном языке. А как обстоит дело на наших телеканалах, сами знаете.

Но опять меня занесло в сторону, — прошу прощения...

Мы сели за столик, я стал вникать в меню (к счастью, там был и английский вариант). Подошел официант, Эльза что-то быстро и решительно ему сказала. Я открыл рот, чтобы попросить яичницу с ветчиной, кофе с молоком и к нему блинчики со сметаной. Но поздно: официант, не взглянув на меня, повернулся и ушел. Я остался с открытым ртом.

Валик удовлетворенно засмеялся:

— Эльза уже все заказала. Не будем лезть в кухонные дела. Какие кухонные дела могут быть в кафе? Я закрыл рот и мысленно сказал «прощай» яичнице с ветчиной.

Мы поговорили на общие темы. Погода начала портиться, в Ираке по-прежнему беспокойно и так далее. Валик сказал, что у меня на этот раз немного усталый вид. Слишком часто в последнее время мне приходится это слышать. Надо бы отдохнуть. Деньги у меня все-таки есть, нужно будет в Кельне подлечиться в каком-нибудь приличном заведении с массажами и прочими оздоровительными процедурами. Думаю, Виктор круглые сутки меня загружать не будет.

Разговор осложняла необходимость переводить Эльзе. Валик делал это формально, из вежливости. Два-три слова — и все. Эльза тоже из вежливости кивала и помалкивала. Мне перевод не был нужен даже из вежливости.

Принесли еду. Это была яичница с беконом. Довольно большая порция, и выглядела аппетитно. Яичница меня почти примирила с Эльзиной диктатурой. Правда, вместо блинчиков к кофе принесли оладьи, и все равно попадание было почти точным. Таких совпадений не бывает — наверно, Валик успел ей рассказать о моих вкусах. Я с симпатией посмотрел на спешущую пару.

Когда мы закончили то ли завтракать, то ли обедать, Эльза все так же решительно встала и что-то сказала. Валик перевел: мол, она нас оставляет, не будет мешать, друзьям есть о чем поговорить. Мы с Валиком тоже вежливо поднялись, и я торжественно поцеловал Эльзе руку. Валик был зримо счастлив.

Ничего о своих приключениях на родине я ему рассказывать не стал. Мой друг на этот раз был настолько далеко на Западе, что восточные проблемы ему вполне могли показаться дикими и непостижимыми.

Поговорили об Эльзе. Я спросил, есть ли у нее дети, — согласитесь, вопрос немаловажный. Валик сказал: вот именно что нет. Что это «вот именно» означает? Означает, что по этой причине она с мужем разошлась. Он не мог иметь детей. Иначе бы она его не оставила, Эльза — человек верный и надежный. Вывод, по мне, сомнительный — верный и надежный человек нашел бы другой выход кроме развода, но возражать Валику я не стал. Может, у бывшего мужа были и другие недостатки в этой области... Не судите, да не судимы будете...

Я сменил тему. Спросил, не продал ли Сазонов свой сухогруз. Вроде нет, мучается с ним по-прежнему. И с остальными своими финансовыми проблемами тоже...

Я сказал, что дней десять, вероятно, проживу в Кельне, будем видеться. И уже прощаясь, спросил, не встречал ли он Лену. Не столько ожидал ответа, сколько хотелось вслух произнести имя. А может, и поговорить немного о ней.

К моему удивлению, Валик принялся переставлять на столе чашки, стаканчик с салфетками, прибор с перцем и солью. Что-то его смущало. Потом сказал, что видел ее както в парке, на скамеечке. Затем еще раз все переставил на столе и добавил:

— Она разговаривала с Сеней Альтманом.

Неприятно кольнуло. Этот-то как здесь оказался? Бывший муж. Хотя какой же он бывший? Он самый настоящий, по всем немецким законам настоящий. Может показать документы. Это я скорее бывший.

Впрочем, ерунда — ну был человек проездом во Франкфурте, зашел навестить. Не строит из себя Монтеки. Или Капулетти. Не в Сенином характере копить обиду и злость. Он никогда не выдерживал долгих ссор. Мы с ним обязательно помиримся, пусть пройдет еще немного времени... Нет, все это чепуха.

Я успокоился окончательно и постарался выбросить сомнения из головы. Но заноза чуть саднила.

Сразу же после обеда я отправился в Кельн. Правда, не удержался и опять совершил круг почета в Ленином районе. Дурацкий столб определенно стоял не на месте, но я был осторожен и объехал его с запасом.

В Кельне я зашел в солидное экскурсионное бюро и с их помощью нашел тоже солидное санаторного типа заведение не для бедных. Называлось оно, если я правильно понял, «Тихая обитель». Там пообещали выпускать меня на работу и в то же время хорошенько обследовать, подлечить, нежить и холить — и все это за небольшое вознаграждение. Небольшое для миллиардера. Для рядового миллионера уже ощутимое...

В этот же вечер за час-полтора они проверили у меня все, что возможно. Быстро и ловко куда-то укладывали, что-то втыкали и наклеивали, надо мной мигали лампочки и гудели какие-то аппараты. И все делалось нежными женскими ручками под руководством ученых мужей, вид которых внушал безоговорочное доверие. Что творит наука, когда она подкреплена солидными деньгами!

Потом со мной побеседовал самый внушительный из них — мой лечащий врач. Начал он с успокаивающего: «У вас все обстоит неплохо». Но потом стал потихоньку портить впечатление. Накопилась определенная усталость, немножко поднялось давление. Легкий спазм сосудов головного мозга налицо. Повышен холестерин, и сахар в крови близок к верхнему пределу нормы.

Нужно делать регулярный массаж, так как появились первые признаки остеохондроза. «А в остальном, прекрасная маркиза, все хорошо, все хорошо...»

— Недельки за три мы все — или почти все — приведем в норму. И все-таки должен вас предупредить: продолжать так безбожно эксплуатировать свой организм нельзя. Могут быть неприятности.

Настроение у меня немного испортилось, но мне дали выпить что-то успокаивающее, подбадривающее и улучшающее, и в результате я снова стал оптимистом.

Врач прописал мне ряд процедур и предложил — исключительно по медицинским соображениям — специальный массаж, который сестрички делают всеми возможными способами. В этом предложении не было и тени непристойности. Только серьезные научные основания. Ибо отсутствие разрядки определенного рода и положительных эмоций излишне напрягают нервную систему и организм. Ничего я не выдумываю, спросите у любого миллионера, который отдыхал и восстанавливался в подобном заведении. Я со вздохом признался себе, что уже несколько месяцев в этом смысле напрягаю свой организм. Если я чего-то случайно не забыл...

Да, сомнительные шуточки у меня появились. Не к добру это...

Часам к девяти я добрался до своей суперкомфортабельной и ультрасовременной — как назвать — комнаты? палаты? Умиротворенно улегся на диван. Спать пока не хотелось. Я не внял рекомендациям врача, не стал смотреть телевизор и не заказал полезный массаж для разгрузки организма, а по привычке включил ноутбук, чтобы проверить почту. И сразу наткнулся на послание Пелентьева. Дернулся было вырубить компьютер, пока не поздно. Но добросовестность — черт бы ее побрал! — взяла верх.

Репортаж по горячим следам Раунд первый

10 ноября

Юра, это название я решил использовать давно, и оно мне нравится. Но кто мог знать, что следы окажутся такими горячими?

Я знаю, что к вам вечером накануне отъезда в гостиницу приходил этот псих Качко. И знаю, как вы его вышвырнули. Не случайно я столько лет работал криминальным репортером, у меня есть свои методы и свои источники информации.

С Качко давно в городе никто не связывается, а безнаказанность, ты знаешь, развращает. И вдруг неприкасаемый получил щелчок по носу (а коридорная уверяет, что и хороший пинок под зад). Поэтому можно представить себе, насколько этот не контролируемый никем и ничем тип разъярился и потерял рассудок, которого у него и так было немного.

Честно говоря, я не совсем понимаю, как тебе удалось уговорить Волкова выслать отряд для твоей защиты. А значит, немедленно вступить с Качко в открытую борьбу без всякой подготовки. Амбиции у обоих большие, но Качко раз в десять богаче. Волков не мог этого не учитывать.

Короче говоря, когда Никита со своими боевиками возвращался с вокзала, его уже ожидала засада, вооруженная цепями, кастетами, дубинками — всем, чем положено. Слава богу, пока без огнестрельного оружия.

Юра, в драке участвовало человек двадцать пять. Шум был на весь город. До сих пор все только об этом и говорят.

Результат — четыре человека в больнице, один в тяжелом состоянии. Победа на стороне Никиты, у него все спортсмены, а у Качко просто бандиты, без всякой спортивной квалификации.

Даже тупое городское начальство наконец поняло... (тут я пропускаю несколько абзацев, посвященных властям, — дядя Вадик не смог себе в этом отказать. — *Ю. М.*)

Назавтра к обеду городской прокурор вызвал к себе виновников торжества. Присутствовали все главные силовики и почетный гость — самый богатый человек в городе, хозяин банка «Ариэль» Марк Рудман. Знающие люди говорят, что банк назван в честь стирального порошка, потому что Рудман прекрасно отмывает грязные деньги. Кстати сказать, Юра, банк «Ариэль» принял все твои документы под обеспечение и таким образом оказался на стороне Волкова. Это большая поддержка.

Противоборствующие силы пришли семьями — Качко с Нинелью и Волков с Никитой.

Постепенно определилось направление беседы — все пытались уговорить Качко пойти на компромисс и отдать долг. А Рудман сказал, что экономика, и его банк в том числе, держится на

выполнении обязательств. Без этого настанет полный беспредел. (Тут я пропускаю еще страницу, где дядя Вадик доказывает, что беспредел в Энске уже давно. — *Ю. М.*)

В общем, Юра, результаты есть: псих Качко был просто невменяем. Он сказал, что ничего у Волкова не брал и отдавать не собирается. В запале он сказал то, чего говорить не следовало, особенно при посторонних. Примерно так: «Ты думаешь, что ты волк. А для меня ты хорек. И я тебя раздавлю». Волков посмотрел на него так, что всем стало ясно: добром дело кончиться не может. Слишком далеко все зашло. А когда Качко предложили отдать долг тебе, то он утратил дар нормальной речи и только матерился, ругался и плевался. И грозил тебе и всем твоим до десятого колена.

Короче, беседа окончилась ничем. Качко всех настроил против себя. Ждем продолжения — оно, я уверен, не за горами.

Юрочка, будь осторожен и не вздумай появляться в наших краях.

Вадим Пелентьев

Самое сильное впечатление на меня произвели слова «один в тяжелом состоянии». Еще один...

У меня громко застучало сердце, закружилась голова, зазвенело в ушах. Такого я не испытывал со времен печальной памяти больничной койки после травмы. Что за истерика? В конце концов, не я пришел с бандитами к Качко, а он ко мне. И если бы не Жора и не Волков, это я бы лежал сейчас в реанимации! А может, уже и не в реанимации...

Успокоительных капсул на сей раз оказалось недостаточно — они не были рассчитаны на экстремальную ситуацию. Я нажал кнопку звонка дежурной сестры. Тут же появилась симпатичная девушка, прочла что-то на моем лице и, ни слова не говоря, выбежала. Я осознал, что пора брать себя в руки и умерить эмоции. По-моему, частично мне это удалось. Когда вернулась сестра в сопровождении врача, шум в ушах значительно уменьшился. Врач послушал пульс, смерил давление. Сделали мне укол. Увидели включенный ноутбук и реквизировали его до утра. Я с удовольствием отдал.

Заснул я быстро. Но с того самого вечера неделю мне снился некто «в тяжелом состоянии». Я мастер видеть повторяющиеся однообразные сны в сочетании с безуспешными попытками проснуться. Помните, так было в свое время с кошмарами, героем которых был Сеня Альтман? Лена это называла посттравматическим синдромом совести. Остроумное определение...

В каком виде он мне снился, этот некто? Воображение у меня не слишком изобретательно: на койке лежал человек в пижаме, обычный человек с руками и ногами, а вместо головы у него был череп. Простенько, но впечатляет. Особенно когда ест бананы. В моих снах он почему-то питался исключительно бананами.

На следующее утро я проснулся квелый и помятый. Зарядку делать не стал, вместо этого занялся аутотренингом. Хватит, в конце концов, распускаться! Как я буду работать дальше?! Мне предстоят сложные переговоры с Сазоновым, потом с Горбуновым.

А на что я, собственно говоря, рассчитывал в Энске? Нужно сознавать: это только начало. Разминка гладиаторов... К сожалению, я не ошибся.

Еще до завтрака я позвонил дяде Вадику, спросил, как у них там обстоят дела. Пелентьев сразу понял, чем я интересуюсь, и сказал, что все бойцы пошли на поправку. Все благополучно. И добавил: «Слава богу!». Но особых эмоций в его голосе я не услышал. Старый бывалый репортер привык ко всему. И ни малейших симпатий ни к гиене, ни к волку не чувствовал. О чем мне и доложил:

— Юра, не расстраивайся. Все идет как должно. Это их проблемы...

И Лера говорила то же самое. Хорошо, попробую не расстраиваться. А то я уже начал подозревать, что моя чрезмерная чувствительность носит не только моральный, но и медицинский характер. Может, последствия травмы? С этим нужно бороться...

Я решил несколько дней в компьютер не заглядывать. Иначе работать с Сазоновым будет невозможно.

О наших переговорах с Сазоновым рассказывать, ей-богу, неинтересно. Все произошло в точности так, как я и предполагал. Предпосылки для этого были. Дела у него шли неважно, а самое главное — однообразно и скучно. По нисходящей. Активный Сазонов это убаюкивающее затухание переносил с трудом. Когда он увидел экономический расчет Лихницкого, когда оценил масштабы, то понял, что в случае удачи это будет нечто грандиозное. Безусловно, ради этого

стоило рискнуть. Но сомнения у Сазонова были, и их не могло не быть. Он был реалистом, а не авантюристом.

— Виктор, я понимаю, что предложение выглядит авантюрным. Нужно такие вещи начинать с серьезных опытов, экспериментов, проверок. Макеты, бассейны, гидродинамические трубы... Но это огромные деньги и не менее огромные затраты времени. У нас нет ни того, ни другого. Если начнем собирать компаньонов, окажемся последней спицей в колеснице.

— Снова боевая раскраска, — понимающе усмехнулся Сазонов.

— Да, она самая. Я верю расчетам Лихницкого. Это его предложение — сделать сразу опытный образец. Тогда получим не максимальный эффект, а процентов тридцать — пятьдесят увеличения скорости. Это произведет впечатление, докажет всем жизнеспособность идеи и позволит диктовать условия. На это наших денег хватит. Твое старое корыто, — он обидчиво поморщился, — плюс док и оборудование Горбунова в счет долга Берну, плюс старый договор со «Швабише хюттенверке», плюс миллионов шесть-семь в складчину — и мы на «Летучем голландце»! Под алыми парусами...

Кстати сказать, так родилось название нашей фирмы — «Летучий голландец». Виктор счел его претенциозным, но спорить не стал.

— Юра, что с тобой произошло? Куда девался спокойный и основательный Марков?

Мне очень хотелось ответить, что он остался лежать в нежилом дворе рядом с тяжеленным камнем. Но это был бы запрещенный прием. Впрочем, я видел, что Сазонов и сам подумал о том же.

Точку в этом разговоре я поставил заранее подготовленной тирадой:

— Виктор, в мой прошлый приезд в Израиль, два с половиной года назад, я собственными глазами видел испытания. По дну озера Кинерет был проложен пятисотметровый шланг. Через него насосы прогоняли воду. И когда установился режим сверхтекучести, то приборы не смогли замерить сопротивление на всей длине трубопровода. Чувствительности не хватило. Лихницкому потом пришлось заказывать специальную аппаратуру. Это была реальность. А все остальное мы с тобой увидим, когда начнем работать.

Решение было принято.

О прошлом мы не говорили. Его как будто не было. И я верил, что в душе у Сазонова обид не осталось. Он мне давно простил мою вину. А знаете почему? Потому что не мог себе простить свою. Каждый раз, когда я от усталости или плохого самочувствия потирал виски, а тем более когда, морщась, поглаживал искусственное темечко, Сазонов чернел. Дело дошло до того, что я однажды ему сказал:

— Виктор, расслабься. Камень мог упасть и посреди улицы. Тут нет прямой связи...

Не думаю, что убедил его. Все-таки не случайно его не назначали первым секретарем. Кроме неподходящей внешности, у него был еще один крупный для партийного работника недостаток. Совестьливые люди изредка встречались на нижнем этаже партийной власти. Но чем выше, тем реже. И правильно. Один забрался на самый верх, и чем для власти это кончилось? Я имею в виду Михаила Сергеевича Горбачева.

О своих делах в ближнем зарубежье я тоже не распространялся. Но по некоторым репликам понимал, что ему многое известно. Связи у Сазонова были и в фирме Берна, и на Украине, а такие занимательные приключения, как мои, скрыть просто невозможно. Впрочем, на откровенности Виктор не настаивал, это было не в его характере.

Работы у нас было очень много. Оформление новой фирмы, где по обоюдному согласию у меня был пятьдесят один процент акций, а у Сазонова — тридцать. Остальное предварительно решили поделить между Горбуновым и «Швабише хюттенверке». Одновременно нужно было срочно получать патенты. Затем — примерный расчет капиталовложений. Результаты этого расчета, как я и предполагал, оказались неутешительными: если я ничего не получу из восточных колоний, то опять буду почти на нуле...

Сазонов работал как вол, а меня при первой возможности освобождал от трудов. Я даже стал с подозрением вглядываться в зеркало: неужели настолько плохо выгляжу? Выглядел действительно неважно, хотя в «Тихой обители» меня поистине холили и лелеяли. И Алла Шварц относилась ко мне с материнской заботой, каждый день приглашала в гости, кормила моим любимым борщом, который она, как и положено украинской еврейке, готовила великолепно. Я думаю, Виктор в порыве раскаяния рассказал о своих грехах. Но, конечно же, без подробностей о боевой блондинке Ларисе Левченко...

Работа отвлекает от неприятных мыслей, мы все это знаем. Я постепенно втягивался в режим. Утром зарядка, завтрак, кое-какие процедуры. Затем ставшая уже привычной поездка по набережной вдоль Рейна, а дальше по Шлоссенштрассе в центр. Название этой улицы мне было смутно знакомо, но откуда?.. Часа в три-четыре Сазонов силой выгонял меня в мою нынешнюю тихую обитель. Такие деньги — на ветер? Иди лечись.

Пару раз мы втроем с Виктором и Аллой ходили вечером в чудный ресторан на набережной, прямо над мрачноватыми от дождя водами Рейна. Нас угощали развешанными по стенам фотографиями знаменитостей, побывавших там, во главе с Маргарет Тэтчер, и изумительным седлом барашка. Плюс потрясающее фирменное бочковое пиво, которому любое бутылочное и в подметки не годится. Как вспомню — слюнки текут...

Еще съездил как-то на пару часов в гости к Валику.

Так прошла неделя, и я начал чувствовать, что жизнь прекрасна. А на восьмой день понял, что она удивительна.

Прямо с утра мне позвонил Горбунов. В голосе его слышалось беспокойство:

— Что происходит в Энке? Мне звонят по очереди все фирмачи, которые были связаны с Берном. Там какие-то бандитские разборки? Юрий Сергеевич, вы замешаны в этом сюжете?

Я разыграл неведение, сказал, что постараюсь выяснить, в чем дело, что неделки через две подъеду в Клайпеду, тогда и поговорим. По-моему, он мне не слишком поверил. Юрис Викентьевич был очень неглуп...

Пришлось перестать изображать страуса, вытащить голову из песка и усесться за компьютер.

Репортаж по горячим следам

Раунд второй

16 ноября

Юрочка, события неожиданно повернулись так, что стало не до шуток. Третий день как исчезла из дома дочь Качко Надя. Если это действительно американский киднеппинг в провинциальном Энке, то я, старый репортер, вообще ничего в этой жизни не понимаю. В моем представлении такой ход не вяжется с Волковым, хотя для него в правилах борьбы не слишком много ограничений.

Но, может, она просто с кем-то сбежала кутнуть? Такое мнение высказала ее мачеха Нинель, за что получила от мужа оплеуху — в прямом, а не в переносном смысле.

Надо хоть в двух словах описать падчерицу и мачеху, иначе ты не поймешь ситуацию.

Наде почти семнадцать лет, она без большого успеха учится в школе. Но во всем остальном очень даже преуспевает. Из молодых, да ранних. Когда Качко уезжает, она приводит на ночь пацанов или мужиков. Иногда по двое за раз. По-моему, делает это в основном назло мачехе.

Нинель ты видел и понятие о ней имеешь. Она молодой и тоже не невинной овечкой попала в жены к Качко. Как догадываешься, ей крепко досталось. Но сейчас ситуация меняется. Когда вы судились, он большую часть своего имущества перевел на Нинель, и теперь предвидятся проблемы. Я тебе, кажется, об этом говорил.

Подобные сюжеты нынче популярны. Один наш миллионер перевел жену на Запад, потом через оффшорную зону перегнал ей капитал, потом не нашел ни ее, ни денег. Бывшая супруга даже на бедность ему не пожертвовала. И здесь, в городе, такое происходит чаще, чем хитромудрым дельцам бы хотелось.

Да, так вернемся к исчезновению Нади. Качко орет на весь город благим матом и обвиняет Волкова в этом преступлении. Нинель пожимает плечами и иронически помалкивает, чтобы не схлопотать еще раз по зубам. А Волков только ухмыляется и на вопли Качко не отвечает.

Но, между тем, третий день пошел, а девочки нет! И с собой из дому она ничего не взяла, даже зубную щетку. Это уже не игрушки. Завтра, когда пройдет трое суток, милиция должна будет объявить розыск. Но что эти инвалиды смогут сделать?!

Да, Юрочка, хочу тебя предупредить. Этот псих Качко приходил к моему другу, частному детективу Шевчику. И пытался поручить ему найти тебя и твоих близких. За большие деньги. Тот, конечно, отказался. Понял, что это дурно пахнет. Но Шевчик сказал мне, что такой заказ принят другим детективом.

Юрочка, учти, это игра без правил. Я тебе говорил.

Вадим Пелентьев

Не буду описывать свои эмоции. Можете представить себе сами.

Надо было продолжать работать, что мы с Виктором и делали. Но каждый вечер по возвращении в «Тихую обитель» я с чувством огромной тревоги проверял почту. К счастью или к несчастью, но больше сообщений не было. А сестрички и врачи пытались привести меня в норму и удивлялись, почему у них это плохо получается.

Неожиданно позвонила из Нью-Йорка Верочка и сообщила, что все документы готовы. А значит, я должен немедленно подписать окончательный раздел. На этом настаивает Берн.

Берн есть Берн, нам с Сазоновым пришлось смириться, и я вылетел в Нью-Йорк. Там я провел три чудесных и очень насыщенных дня. Мама была счастлива. Дядя Гриша — не меньше. Верочка тоже соскучилась. Даже сестрица Натка стала заметно теплее ко мне относиться.

Рядовые сотрудники фирмы не очень замечали мое отсутствие, поэтому и не отреагировали на приезд. Но Стивен и Синтия были мне откровенно рады. Синтия так радостно обнимала и целовала меня, что у Стивена и Верочки определенно возникли подозрения. Да я и сам начал сомневаться в том, что в поездке... Мда, шутки на эту тему мне не очень удаются...

Я подписал все документы. На мою долю досталось имущества почти на четыре миллиона долларов. Мне предоставили выбор — либо три с небольшим миллиона деньгами, либо не слишком благополучный заводик в Германии. Недалеко от Штутгарта. В предгорьях Альп. Он стоил больше, но доставлял лишние хлопоты. Я пока отложил решение.

С боссом мне попрощаться не довелось. Он куда-то уехал. Но вечером, когда Стивен и Синтия вместе с Верочкой дали в ресторане обед-ужин в мою честь, мне вручили от его имени подарок. Это было довольно старое и, видимо, ценное издание торы на иврите с русским переводом. А на специальном вкладыше Берн собственноручно начертил, что рад будет со мной в дальнейшем работать.

Я был растроган. И вспомнил вора-джентльмена из кинофильма «Праздник святого Йоргена» в исполнении Кторовы. Откуда бы такая ассоциация?

Стивен и Синтия высказали надежду, что мы действительно будем работать вместе. Я за столом сказал Верочке, что мы с Виктором Сазоновым ждем ее в Кельне. К моему огорчению, Верочка стала смотреть по сторонам и комкать салфетку. Берн предложил ей остаться... а здесь Сережка... и, кажется, намечается внук... Я был очень расстроен, но расцеловал Верочку. А она стала тереть глаза.

Мы попрощались и гурьбой двинулись к выходу. Синтия опять так прижалась ко мне, что, казалось, ее сердце разорвется от горя. Затем помахала рукой и легкой походкой пошла к стойке бара. Там сидело несколько симпатичных шведов.

На следующее утро я первым рейсом вылетел в Торонто. Очень соскучился по Лере. Очень. Хоть и звонил ей регулярно — не реже раза в неделю, но одно дело разговор, другое — личная встреча.

Звонить и предупреждать о приезде не стал. Сказал таксисту адрес. Магазин был симпатичный, аккуратный, чистенький и очень напоминал Леру. У меня стало тепло на сердце. Зашел. Внутри все выглядело еще приятнее, чем снаружи. Две продавщицы что-то раскладывали на прилавке. Леры не было видно. Продавщицы предложили помощь на двух языках — английском и французском. Я сказал, что у меня есть претензия лично к хозяйке. Девушки забеспокоились, и одна исчезла за дверью. Тут же вернулась, сказала «уан момент», за ней появилась Лера.

Увидев меня, она побледнела:

— Юра, что-то случилось?

Продавщиц как ветром сдуло.

— Случилось. Очень соскучился.

— Больше ничего?

— Этого мало? Пойдем где-нибудь позавтракаем. Я прямо с самолета.

Лера беспомощно оглянулась на дверь, за которой скрылись продавщицы. Ей было неловко. Но она бодро сострила:

— Эх, Юрка, двадцать лет беспорочной службы — и все псу под хвост.

— Не поставят памятник? — посочувствовал я.

Кафе мне понравилось. Снова рыбный стол, снова вино и виски.

— Юрка, я с тобой сопьюсь.

— Не успеешь...

Не самая удачная острота.

Лера выглядела усталой. Пропала куда-то ее обычная подтянутость и свежесть. Каким-то безнадежным тоном она спросила:

— Ну, какую напасть ты припас на этот раз?

— Да нет, ничего особенного...

— Давай выкладывай. По тебе видно.

— Мы сегодня оба не в форме. Давай честный обмен. Моя напасть в обмен на твою.

— Давай.

Я рассказал о пропаже девочки. Лера закрыла лицо руками.

— Господи, сколько это будет продолжаться?..

Я почувствовал себя садистом. Почему я не могу скрывать от нее неприятности, как делал это без зазрения совести с Леной?

— Давай, говори. Хватит отмалчиваться. Лера... Давай.

Мы немного выпили. Для облегчения. Я почувствовал какое-то беспокойство. Теперь Лера смотрела не на меня, а куда-то в сторону. Это был плохой признак.

— Я не пойму, где я живу — там, с тобой, в этих твоих ужасных передрыгах, или здесь, в Торонто, в магазине, дома, с детьми и Шпильбаумом. Так жить нельзя.

— Лера, я не совсем понимаю...

— Я могу сочувствовать тебе, переживать за тебя, но должна жить только в одном месте. Жить в двух местах одновременно невозможно.

Я начал понимать... Я действительно разрываю ее на части и ничего не могу предложить взамен.

— И муж, и дети знают, что ты близкий мне человек, что ты моя первая любовь. — Она помолчала и добавила: — А может, и последняя. И не волноваться за тебя я просто не могу. Но они должны все время чувствовать — я с ними. Ты понимаешь меня?

Я только кивнул головой. Спазм сдавил горло. Лера заволновалась:

— Но это касается только меня и моих домашних. С тобой все будет как раньше. Ты это понимаешь, Юра?

— Конечно, понимаю, — заверил я, хоть это было не совсем так. Точнее, совсем не так.

— Мой Шпильбаум написал записку. Послушай, — она достала из сумочки листок. — «Лерочка. Дети выросли. Ты сделала все, чтобы у нас была хорошая семья. И мы все были счастливы. Особенно я. Одна ты — не очень. Мне не удалось сделать тебя счастливой. Тяжело говорить, но я должен. Лера, я думаю, ты можешь сейчас уйти. Ты еще молодая и очень красивая. Тебя еще ждет счастливая судьба. А я всегда буду благодарен за то, что было». Он ушел жить к товарищу. Ты знаешь, что я почувствовала?

Конечно, я знал.

— Он не прав. Мне с ним было надежно и спокойно. А

ему со мной — нет. Я у него в долгу. Я снова промолчал. Что тут возразишь?

— А жить без тебя все-таки было очень тяжело. И теперь не легче. Как это сочетается, кто-то может объяснить?

Я пытался отшутиться:

— Потому что наша любовь выше земной жизни.

Лера так на меня посмотрела, что я понял: шутки не получилось. Очень это похоже на правду, хоть и звучит высокопарно. И подумал: «Хорошо, что мы немножко выпили. Трезвый человек такой правды стесняется».

Но у Леры пока, к счастью, есть земная жизнь. А у меня, к несчастью, никакой...

Мы попытались побродить по Торонто, но было непривычно холодно для меня. И одет я был не слишком подходяще. Опять зашли поесть, на этот раз по моей просьбе в лучший ресторан. А ближе к вечеру отправились вместе возвращать Шпильбаума.

Марк (оказывается, его зовут Марком) так искренне обрадовался нашему приходу, что я понял, почему Лера говорит о нем с такой симпатией. Это был плотный человек, старше нас лет на пять. Черные густые волосы, черные широкие брови. Когда-то, встречая выражение «выбрит до синевы», я не мог понять, как это может быть. Теперь понял: Марк был гладко выбрит, а щеки оставались синими. Мы сели пить чай. Он был очень приятный и очень неглупый человек. Одна беда — он и Лера не были парой. Парой были с ней мы. И дело не в том, что кто-то из нас был лучше или хуже. Просто пара — она пара и есть. Мы с Лерой были парой, но жизнь распорядилась иначе.

Когда Марк вышел за салфетками, я вслух эту мысль уточнил:

— Не жизнь. Это мы так распорядились.

Лера кивнула головой. Мы всегда понимали друг друга.

Этой же ночью я улетел в Европу. Был рейс на Франкфурт. Шпильбаумы провожали меня вдвоем.

Гудели моторы. В салоне был притушен свет. Посапывал сосед. Я пытался заснуть, но мешали не слишком веселые мысли.

Сначала Семен. Потом Леонид Михайлович. Потом Лена. Потом Вера. А теперь Лера. Становится пусто...

И уже в полусне появилась туманная мысль. Мы с Лерой — две самостоятельные половинки, которые были созданы друг для друга. Только вместе мы составляли одно целое. Поэтому нас так тянуло друг к другу — эффект Соляриса, поэтому так тяжело было в разлуке. А с Леной иначе. Она просто часть меня. Как рука, нога, сердце. Пока она есть, пока не болит — я здоров и весел. Если с ней что-то случится, если ее отрезать — я останусь калекой.

Портрет Дориана Грея

Я прилетел во Франкфурт в полдень. Добрался до Кельна и до постели. Решил немного поспать. Но неосторожно открыл ноутбук, полез в почту — и надолго лишился сна.

Репортаж по горячим следам

Раунд третий

25 ноября

Юрочка! Не писал тебе не потому, что не о чем. Наоборот. Это была просто сумасшедшая неделя. Одно цеплялось за другое, и конца этому не было видно. А кроме того, я не хотел тебе передавать сплетни и слухи. Ждал, когда узнаю точные проверенные сведения из первоисточников. Слишком все это выглядит ужасно.

Как и положено репортеру, выдерживаю хронологический порядок.

20 ноября

Никаких новых сведений о Наде Качко до сих пор нет.

Началась эпопея Нинели Качко. Я уже говорил, что последнее время Нинель вела себя вызывающе. Наверно, то, что на ее имя Качко записал солидную часть своего состояния, вскружило ей голову. Она почувствовала свою независимость.

Многие в городе знали, что у нее есть по меньшей мере пара любовников. Говорят, что об измене муж узнает последним. Не знаю, как было в этом случае. Знаю только, что последние дни Качко при всех несколько раз предупреждал Нинель, чтобы она не выходила из дому. От этого Волкова можно ожидать чего угодно. Но у нее были свои планы.

Около шести вечера Нинель с одним из любовников, очень важной шишкой городского масштаба, уединились на даче Качко. Они разожгли камин, выпили, закусили и приступили к основной программе. И в это время без шума, как привидения, появились три дюжих мужика в масках. Они, прежде всего, жестоко избили любовника, покалечили его довольно основательно. Затем связали и заклеили рот. Оставили голым на полу (счастье его, что дрова в камине пылали вовсю). Затем мужики принялись за Нинель. Они ее изнасиловали, и очень грубо. Но не били. Затем тоже связали, тоже заклеили рот и оставили на полу. Все это молча. После этого бандиты ушли, но дверь на замок не закрыли.

Когда лежавшая без сознания Нинель пришла в себя, то услышала осторожный скрип двери. В комнату заглянула грязная физиономия. Увидев, что опасности нет, бомж, не обращая внимания на экзотическую картину на полу и не реагируя на мычание Нинели, направился к столу, собрал все бутылки, выпил остатки из рюмок и фужеров и тихо исчез. Видимо, он поселился на пустой соседней даче и видел все представление.

Примерно через час в милицию позвонил аноним и сказал, что на даче горит свет и оттуда доносится подозрительный шум. Когда приехал патруль во главе с опером Кленовым, бомжа и след простыл.

Нинель и ее кавалера отвезли в больницу. На третий день ее привезли домой все еще в плачевном состоянии. А кавалер до сих пор лежит в больнице с диагнозом: тяжелые телесные повреждения в результате автокатастрофы.

Почему они не подавали заявление в милицию, понятно. Хотя никто не сомневался в том, что это дело рук Волкова, который ничего и не опровергал. Но не было доказательств и не было заявления от пострадавших. А потому власть не имела не только желания, но и возможности в это вмешаться.

Все ожидали активных действий со стороны Качко, но два дня была полная тишина.

23 ноября

Часов в десять утра совершенно неожиданно для всех Волков пришел в офис к Качко, вошел в его кабинет и закрыл за собой дверь. Охрана Качко стояла на ушах, ожидала чуть ли не взрыва. Но примерно через полчаса Волков спокойно вышел из кабинета, отодвинул охранников и ушел к себе.

Что еще происходило в этот день, я достоверно не знаю, а придумывать или повторять досужие рассказы не хочу. Скажу главное.

В 22 часа 13 минут возле ночного клуба «Гурии» был убит двумя выстрелами в упор его владелец Волков.

Я прервал чтение. Шока, как в прошлый раз, уже не было — видно, стал привыкать. Но представить себе, что здоровенный мужик, который совсем недавно предлагал мне девочек в подарок, по широте душевной... Каким бы он ни был мафиозным и крутым... В конце концов, это я втянул его в разборки, поманил длинным и легким рублем. Вот тебе и легкий...

Но нужно дочитывать до конца.

Приехала милиция, оцепили район, стали допрашивать — все как положено. У Качко, естественно, было железное алиби. Под подозрением, как заказчица, оказалась и Нинель.

Но все провернулось гораздо быстрее, чем начала действовать ржавая государственная машина.

На следующее после убийства утро, как только ушел вызванный на допрос в управление милиции Качко, к его дому подъехал почерневший за ночь Никита в сопровождении опера Кленова. Они прошли прямо в спальню к Нинели. Некто Славик, громила, который был с Качко у тебя в гостинице, пытался им помешать, но не тут-то было.

Я точно знаю, что там происходило, знаю из первых рук.

Никита дал Нинели прослушать магнитофонную запись разговора Качко с Волковым. Маленький магнитофон предусмотрительный Волков принес с собой. Оказывается, он заплатил Кленову немалую сумму, дал ему в помощь своих людей, и опытный опер за двое суток раскрутил дело. Он довольно быстро разыскал бомжа и с его помощью по свежим следам отыскал в соседней области насильников. Бандиты долго не упирались и признались во всем. Их нанял подручный Качко — тот самый Славик.

Волков утром приходил к Качко с ультиматумом: если за сутки он не отдаст ему долг, то все станет известно Нинели и милиции. Главное — Нинели. Проблемы правды и справедливости Волкова не волновали. Если Качко отдаст деньги, то все останется шито-крыто.

Истеричный Качко потерял осторожность и завизжал: «Эта сука думала, что можно меня безнаказанно перед всеми позорить...» — и далее в таком же духе. Но деньги пообещал отдать. В общем, магнитофонная запись сомнений не оставляла.

Прослушав пленку, эта сука, как ее назвал любящий муженек, тоже потеряла контроль и тоже завизжала:

— Этот мерзавец меня подставил!

Оказалось, что истерзанная Нинель действительно приставала к Качко с требованием пришить Волкова. Но тот сказал, что мараться мокрым делом не хочет, договаривайся, мол, со Славиком. И даже вышел из комнаты.

— Понты! Сплошные понты! — вне себя кричала Нинель.

Славик вроде бы нехотя согласился за солидную сумму заказать убийство Волкова какому-то наркоману Сержу. Но Нинель потом слышала, как Качко и Славик решали, что этого Сержа придется тоже пришить, потому что он присосется, как пиявка. Короче, Нинель действительно подставили, хоть она и сама хороша — прав Качко. Кленов ее признание тоже записал на пленку для надежности.

Кстати, Юра, труп Сержа нашли вскоре в его квартире. Умер от передозировки. Словом, все сошлось.

Когда Никита и Кленов вышли из спальни Нинели, Славика уже не было. И не было его машины. Кленов тут же позвонил в управление милиции, но было поздно. Качко оттуда уже ушел после допроса. Дежурный видел, как он сел в машину ожидавшего его Славика, и они укатили в неизвестном направлении. Такова оперативность наших оперативных органов.

Юра, я вынужден тебе сказать очень неприятную и тревожную для тебя вещь: больше их никто не видел. Объявлен розыск, но что он даст — один бог знает. Я специально отыскал с помощью Шевчика детектива, о котором писал раньше, — к сожалению, тот успел передать Качко твои координаты в Кельне. Хорошо хотя бы то, что твоих близких он не отыскал.

Будь осторожен. Боюсь, эта история еще не закончилась.

Утешает только одно — Надя не пропадала. И киднеппинга не было. Находчивый покойник Волков дал ей денег и отправил на курорт в Турцию. Любящая дочь согласилась молчать, лишь бы насолить папаше и мачехе.

Юра, я ошибался, это не просто борьба без правил — это русская борьба без правил, что еще страшнее.

Вадим Пелентьев

Вы наверняка предполагаете, что на этот раз муки совести достигли максимума, и я с удвоенной энергией стал бить себя в грудь и посыпать голову пеплом. Может, так оно и было, но, как ни странно, очень недолго. До тех пор, пока до моего сознания не дошла простая истина: самое время заняться собственными делами. Брать или не брать на себя вину за то, что произошло в бандитских разборках — вопрос, конечно, серьезный. Но чувство опасности, надо сказать, сильно заглушает голос совести. Я незаметно переключился на другие мысли: за мной, возможно, охотятся. Ощущение, что в любую минуту тебя могут подстрелить, ни с чем не сравнимо. Словами его не передать. Самый обычный человеческий страх резко уменьшает желание копаться в себе. Проверено на практике.

А как я оказался прав, когда взял тайм-аут в отношениях с Леной! И не нужно обвинять меня в бездушии. Потому что доброта и слабохарактерность иной раз могут обернуться преступлением. Это не парадокс, а самая настоящая правда.

А вот еще одна малосимпатичная правда: если бы мне тогда сообщили о преждевременной кончине Качко, то никаких угрызений совести я бы не почувствовал. Только радость и облегчение.

И еще я понял, что последние трагические события в Энске неожиданным образом собрали мою волю воедино, вместо того чтобы усугубить интеллигентский раздрай в душе. В конце концов, я защищал свои права. И выбор оружия предоставлял противникам.

Да, на наших просторах не слишком привыкли выбирать средства борьбы. Но и они там у себя, за бугром, не лучше! Даже то, что Оскар Берн побрезговал втягиваться в эту свару, я объяснил удобным для себя способом. Просто у него другие масштабы. Для него несколько миллионов — не деньги, и он легко мог себе такой жест позволить. А если бы понадобилось отстоять миллиардный израильский проект по опреснению, Берн ни перед чем бы не остановился. И если бы я продолжал борьбу с ним в кнессете, жертв наверняка было бы куда больше. И в Палестине, и в самом Израиле. Бизнес всюду — занятие суровое.

Короче говоря, я ожесточился — это самое точное определение. Оправдание одно: пружина натянута до предела. А значит, скоро сорвется. Где и когда?

Приняв душ и перекусив на ходу, я отправился в офис Сазонова, то есть на работу. Делал вид, что тужусь, до самого вечера, а когда начало темнеть, направился в «Тихую обитель» в надежде отдохнуть.

Были легкие сумерки, моросил легкий дождь, только на душе не было ничего легкого — сплошная тяжесть. Хорошо бы, подумал я, произошло что-нибудь новенькое — и помогло перебороть остатки интеллигентских сомнений и сожалений...

И тут же мое желание было исполнено.

Медленно, почти прижавшись к бордюру, я ехал привычной дорогой по Шлоссенштрассе. Неожиданно фары высветили группу из трех человек, идущих мне навстречу. С одного края этой троицы шел Семен, он держал зонт над двумя спутницами. С другого края... да, точно, это была Рут Лемке. А посредине в плаще с капюшоном вышагивала моя Лена. Она держала под руки Семена и Рут. Такая идиллическая картинка.

Пока я соображал, что делать, мы разминулись. Я нажал на тормоза, открыл окошко и высунул голову. И вовремя, потому что они поднялись по ступенькам к ближайшей парадной. В ту же секунду я вспомнил, откуда знаю улицу Шлоссенштрассе. На этой улице снял квартиру Семен, когда они с Леной поженились. Я посылал по этому адресу поздравительную открытку. А мерзкий голос в душе добавил, что здесь они провели свой медовый месяц...

Первой на ступеньки поднялась Лена. Лена! Она похозяйски достала из сумочки связку ключей, открыла парадную и вошла первой.

Я не знал, что делают рогоносцы в таких случаях. В моей жизни неприятностей хватало, но в одном судьба меня щадила — я никогда не ревновал. Ревновать Леру мне даже не приходило в голову. Все подруги после нее были мне, в общем-то, безразличны, а потому ревновать приходилось им. Моя кратковременная жена тоже поводов для этого собственнического чувства не давала. Просто повернулась и ушла. Так что опыта ревнивца у меня не было. И все же я поступил так, как поступает большинство из нас в такой ситуации. Решил подождать и до конца убедиться во всем. Пока с ними была Рут, еще оставалась, как в старом анекдоте, «проклятая неизвестность». Я не мог поверить в реальность происходящего... Но ведь ключи-то от гнездышка были у Лены. Я видел, как привычно, по-хозяйски она открыла дверь!

Да, желание сбылось с избытком. Все сомнения и переживания по поводу бандитских разборок показались сущей ерундой. Вот это был настоящий сокрушительный удар! Господи, как живут люди, которые постоянно или долго испытывают чувство ревности? Это же сущий ад!

Я решил ждать сидя в машине, ждать хоть всю жизнь. Узнать все раз и навсегда. «Проклятая неизвестность» меня не устраивала. Подал машину назад и остановился напротив злополучной парадной. Заглушил мотор. Попытался взять себя в руки и унять противную дрожь во всем теле. Ждать было очень тяжело. Все время хотелось выпрыгнуть из машины и куда-то рвануть. Но куда?

Через полчаса вышла Рут Лемке. О господи!.. Я совсем растерялся. Вынул мобильный телефон, хотел звонить. Глупо. Как глупо! Что я скажу? Лучше всего позвонить в дверь квартиры, а когда откроют — обдать ледяным презрением. Но где эта дверь?..

Словом, я в сорок три года вел себя как шестнадцатилетний пацан. Ревности, как и любви, все возрасты покорны.

К моему счастью, попытка продолжалась не слишком долго, всего с полчаса, хотя мне это время показалось вечностью. Открылась дверь парадной, и показался Семен. Неторопливо он спустился со ступенек.

Я вышел из машины. Семен увидел меня и остановился. Мы стояли не двигаясь и в упор смотрели друг на друга. Я успел подумать, что это очень напоминает сцену дуэли из «Евгения Онегина». «Враги! Давно ли друг от друга их жажда крови отвела?» Или увела? Или все-таки отвела? И кто из нас Ленский?..

Семен двинулся ко мне. Он всегда терпеть не мог затягивать конфликт. Я вспомнил: «Лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас». Сейчас его любимое изречение было очень кстати.

Семен подошел и выжидательно уставился на меня. Я пошел напролом:

— Что у тебя с Леной?

— С Леной?

— Да, с твоей законной женой, Леной Альтман.

— Юрка, ты всегда был дураком. Но тебя надолго одного отпускать нельзя. Без присмотра ты становишься просто идиотом.

Как ни странно, после этой отповеди мне полегчало.

— Мы с Леной Розенберг давно развелись.

Я перестал что-либо соображать.

— Когда вы успели?

— Два месяца тому назад. — Семен эффектно закинул голову назад, и я понял, что он собирается меня огорошить. Привычки юности из него выбить пока не удалось. — А сейчас я женат на Рут Лемке. И она тоже ждет ребенка.

Я с огромным облегчением почувствовал себя полным идиотом и абсолютным кретином. Не сомневаюсь, что и выражение лица было у меня соответствующее, и улыбка такая же. Дурак дураком!

Семен радостно загоготал. Как давно я не слышал этого ржания, и как мне его не хватало!

Он смеялся, а до меня так и не доходило главное. Но постепенно я что-то начал соображать.

— Постой, постой! Тоже ждет ребенка? Что значит — тоже? — я схватил его за грудки.

Надо мной раздавались обессиленные всхлипы смеха — Семен был едва ли не на голову выше меня. И тут до меня дошло окончательно.

Мое состояние даже не стоит пытаться описывать. Совершенно новое, ни на что не похожее чувство. Я увидел мир другими глазами. Откуда-то сверху. По-моему, я даже сделался одного роста с Семеном. Такие перепады — как это выдержать? Я повернулся и, ни о чем не думая, бросился к парадной.

— Стой, ты же не знаешь, куда идти, — сквозь смех выдавил Семен.

И я остановился. Но совсем по другой причине. «Я тебя, тра-та-та, найду на дне моря. И жену твою, и детей...» Теперь угрозы Качко — не абстракция. У меня теперь есть и жена, и дети...

— Юрка, что с тобой?

Я взял его под руку и потянул к машине.

— Сеня, где здесь ближайшая забегаловка?

— Та-ак. Фирменный способ Маркова решать проблемы. За рюмкой. Снова здорово. Ты без проблем не можешь?

Я не ответил, и Семен понял, что дело серьезное.

Мы нашли уютное кафе, заказали виски со льдом, и я сказал:

— Сеня, я впутался в историю, по сравнению с которой приключение с Садко — мелочи жизни. И все тебе расскажу. Но сначала давай о Лене.

Она была на пятом месяце. Первые роды в тридцать один год — не слишком простая вещь, даже при нынешней медицине. Но главное — сильный стресс и нервный срыв. Словом, Лена все время находится под наблюдением врачей, гинеколога и невропатолога, здесь, в Кельне. Она им доверяет, поэтому переезжать во Франкфурт не хочет. Пару раз лежала в больнице — не падай в обморок, для профилактики, то, что у нас называется «на сохранении». Успокойся, не дергайся, все в порядке. Клиника отличная, хотя стоит недешево. (Пятьдесят тысяч евро! Я готов был провалиться сквозь землю!..) А тут ты со своими штучками. После твоего последнего появления мы все дружно ее откачивали. Она с родителями живет сейчас здесь, в моей квартире.

— Сеня, у меня не штучки. Я не мог иначе... Объясню.

— Собственно говоря, я окончил. «Ваше слово, товарищ маузер».

Я начал с Берна. Со своего фиаско. Затем рассказал об операции «Чистые руки». Семен, в отличие от вас, слушал все это в первый раз и получил полный комплект удовольствий. Он всегда был очень благодарным слушателем: охал, ахал, вставлял реплики — словом, реагировал на каждое слово, как будто это были приключения Синдбада-Морехода. Впрочем, в какой-то мере так оно и было. А реакция его для меня была вполне предсказуема.

— Ты, Юра, молодец. Наконец взялся за ум и перестал миндальничать. — И дальше: — Так им, сволочам, и надо!

Я объяснил, что Качко определенно свихнулся на идее отомстить мне.

— И правильно. Если бы не ты, жить бы ему спокойно и без хлопот, — «подбодрил» меня Семен.

Я рассказал о его заказе детективу — узнать обо мне и моих близких. О том, что теперь Качко исчез. И где его носит — никто не знает.

Семен всегда варианты просчитывал быстро. Опережал меня на несколько ходов.

— Значит, получается так. Ты должен быстро исчезнуть и свою внебрачную связь с Леной не засвечивать. — Он лихо мне подмигнул. — Это я тебе как ее бывший муж говорю.

За важными разговорами мы почти осушили бутылку отличного виски. Три четверти литра. Общение стало более свободным. И более искренним.

— Если ты появишься, то объяснить, почему снова исчез, будет невозможно. Об опасности рассказывать нельзя. Она испугается за тебя, за себя и за ребенка и родит немедленно. Ха! Пока рановато. Выход один: я тебя не видел, и ты меня тоже. Ты по-прежнему ждешь ее решения. А пока суд да дело, должен, как и положено нормальному святому, вовремя смыться.

Придется... Но теперь, когда я знал, что Лена ждет ребенка, это было в тысячу раз тяжелее.

— Сеня, если бы Качко не сбежал, я бы сейчас отправился к нему и предложил отступные. Любую сумму, ей-богу!

— Но он бежал. И там уже не выплывет. Очень уж серьезный заказ — убийство, изнасилование. Там ему делать нечего...

— А здесь?

Семен только пожал плечами. Что он мог ответить?

Мы разлили остатки виски. Тема Качко была исчерпана.

— Сеня, а ты что делаешь? Чем занимаешься? — Так, по мелочам. И твое приданое — миллион — оказалось не лишним.

Он потряс бутылку, ничего не обнаружил. Что-то сказал официанту на немецком. Я не вникал.

— Юрка, честно говоря, жду тебя.

Я тоже созрел для откровенности.

— Сеня, это опасно. Всем вокруг меня достается на орехи. Я за собой таскаю кучу осложнений и раздаю их направо и налево. И близким, и даже совершенно чужим. Такой вот Дед Мороз... Сеня, по мне ничего такого не видно?

— Не понял. Куда смотреть-то?

— Помнишь «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда? Дориан оставался вечно молодым и красивым, а все его дурные поступки отражались на портрете. Там его лицо становилось все ужаснее. Гнусность, жестокость, бессердечие, старость...

— Ну и где же твой портрет?

— Мне кажется, что у меня следы остаются на душе и... на здоровье. Даром в этой жизни ничего не дается. За все надо платить.

— Тьфу-тьфу-тьфу, — постучал Семен по столу. — Смотри, сглазишь...

Принесли еще графинчик с виски. И мы продолжили беседу...

В таком позорном виде ехать в «Тихую обитель» не стоило. Семен отвез меня к себе. Сказал: «Считай, что ты у себя дома, ха!» — и подмигнул, видимо, намекая на деньги, за которые эта квартира куплена. Господи, он ничуть не изменился. Затем пригрозил Рут, что немедленно с ней разведется, если она проболтается Лене, и тогда ребенок останется без отца. Сказал по-русски, но Рут явно поняла и изобразила в воздухе подзатыльник.

Спал я крепко, и с этой ночи неизвестный «в тяжелом состоянии» больше не появлялся. Наверно, потому, что собралась уже приличная компания, и в мои сны они все не вмещались...

Сазонова я предупредил, что вынужден немедленно уехать из Кельна. Полечу к Горбунову, если он не возражает. Вместо ответа Виктор вопросительно посмотрел на меня.

— Я знаю, мы партнеры, и я должен тебе все рассказывать. Но многое ты знаешь, а остальное... У меня уже нет на это сил. Прости.

— Хорошо. Поезжай спокойно. Здесь я все сделаю. Неожиданно для себя я сказал:

— Я иногда жалею, что Лихницкий мне оставил это завещание. Если бы не оно, я купил бы какую-то недвижимость там, у себя, и сидел бы спокойно.

— Нет, — Сазонов был по-прежнему невозмутим. — Ты бы тогда нашел другие неприятности на свою голову. Это все в тебе...

Неужели он прав?

Тельшайская колдунья

Юрис Викентьевич встретил меня так, как будто мы знакомы сто лет. Была в этом и взаимная симпатия, и личный мотив. Судя по всему, не так много у него было людей, готовых с удовольствием выслушать его радостное сообщение. Я не ошибся в своих предположениях. Уже издали было видно: Горбунова просто распирает желание рассказать всему миру о том, что он на пороге счастливых перемен. Но миру до него дела не было. Особенно миру его покойной жены — медицинской элите Клайпеды. Горбунов чувствовал, что я с симпатией отношусь к Алле, и очень ценил во мне это.

Мы с ним встретились в полдень все в том же ресторане «Соколас». Первые его слова после приветствия были о том, что Алла пока живет у себя в Тельшае. Ее дочка пошла в первый класс, и оставлять ее одну нельзя ни в коем случае. Но в субботу они обе будут здесь. До Клайпеды какой-нибудь час с небольшим. А затем он сообщил, что Алла согласилась стать его женой, и венчание состоится на рождество. Все это, кроме подробностей венчания, было написано на его лице большими буквами.

— Для меня ничего важнее этого нет, кто бы и что там ни думал, — твердо произнес он.

Я сказал, что ничего такого не думаю и искренне рад за него. Он в свою очередь заявил, что во мне ни минуты не сомневался, потому что я нормальный человек, а не какой-нибудь доцент или профессор. Это прозвучало совсем не обидно.

С особым удовольствием он выдал остроту: самое сложное — решить, примет ли он фамилию жены или она станет по мужу Горбуновой. Боюсь, что я эту шутку слышал не первым.

Горбунов, что называется, излучал счастье. Я ему от души позавидовал.

Мы пообедали, при этом жених даже не сделал попытки заказать спиртное. Новая жизнь уже началась.

Посредине обеда он вспомнил все-таки о своем долге хозяина и попытался заговорить о деле, но я сказал, что приехал с официальным предложением и прошу назначить мне встречу в офисе. Кажется, мне удалось Горбунова заинтриговать и отвлечь на некоторое время от разговоров об Алле.

Сразу после обеда он отвез меня в офис, который располагался на территории судоремонтного завода. Я с симпатией взглянул на большой док. Он мне определенно нравился.

Несмотря на бури и штормы в моей личной и деловой жизни, план разговора с Горбуновым я составил заранее. Бизнесмен и интриган во мне надежно сотрудничали. Прежде всего, следовало заставить его почувствовать себя моим компаньоном.

Горбунов демократично сел напротив меня, а не в свое начальственное кресло. Он торжественно объявил, что практически продал совместную с Берном фирму «Инстиляция» и готов вернуть мне стоимость наших акций. Уже неплохо. Дальше он сказал, что намерен продать контрольный пакет судоремонтного завода и вернуть нам остальной долг. А вот это уже было ни к чему.

— Юрис Викентьевич, и чем вы займетесь?

— Уйду на заслуженный отдых.

Он громко рассмеялся, но на этот раз в смехе не было прежней радостной уверенности. Явно не очень представлял себе, что будет делать. Но высказал это своеобразно:

— Боюсь, что я ей надоем, если буду все время торчать дома. Он все преломлял через мысли об Алле.

— Однако и бизнес в любом виде мне надоел хуже горькой редьки.

— Юрис Викентьевич, то, что я вам хочу предложить, решит все проблемы и устроит и вас, и меня. В эту минуту я себя чувствовал коммивояжером, с восторгом расхваливающим новый пылесос.

Горбунов был опытным инженером, в свое время окончил судостроительный факультет водного института. Увлечь его идеями Лихницкого было, с одной стороны, проще, с другой — сложнее, чем кого-нибудь другого. К счастью, о теории сверхтекучести жидкости он читал. Специально для него я сделал копии нескольких разделов папки номер 11, доселе секретных. А в дополнение повторил довод, которым убеждал Сазонова, — о впечатляющих результатах испытаний на озере Кинерет трубопровода Лихницкого, которые я видел собственными глазами.

Конечно же, наживка для инженера, соскучившегося по технике, была крайне соблазнительной. Работа такого высокого класса, да еще с такими перспективами — что могло быть лучше, даже теоретически? Отказаться было не в его силах.

К вечеру Горбунов дал согласие, даже не проконсультировавшись предварительно с Аллой. Да, Юрис Викентьевич, несмотря на годы, был увлекающимся человеком в хорошем смысле этого слова. Когда я уезжал в гостиницу, мы уже были единомышленниками.

Разговор о событиях в Энске я отложил на потом. Сначала нужно было закрепить компаньонство.

Из гостиницы я позвонил Семену и спросил, все ли в порядке. Он ответил, что все нормально. В дальнейшем я старался звонить ему не чаще чем раз в три дня. Понимал, что кроме Лены, у него своих забот хватает. Но выдерживать регламент было нелегко. Кроме того, я очень тонко, как мне казалось, каждый раз пытался выяснить, вспоминает ли она меня, и вообще... В конце концов даже терпеливый Семен не выдержал и накричал на меня:

— Юрка, отстань! Она жить без тебя не может, успокойся уже там наконец! Лучше решай с техникой своей безопасности и возвращайся.

— Как тут решишь...

— Это твои проблемы. Ты их породил, ты их и убей. Как Тарас Бульба.

Ближайшие два дня мы с Горбуновым потратили на подготовку предварительных соглашений. Я думаю, подробности здесь ни к чему. Главное, что он становился официальным компаньоном фирмы «Летучий голландец». Новый компаньон тоже отнесся иронически к экзотическому названию фирмы, но простил мне это. Его счастливое настроение оправдывало все,

кроме поведения злосчастных доцентов и профессоров. Подписание документов мы отложили до приезда Аллы, и я с пониманием отнесся к этому.

Каждый день после обеда Горбунов катал меня по достопримечательным местам Клайпеды — к своим обязанностям бизнесмена он уже относился спустя рукава. Было начало декабря. Прибалтийская зима. Снег выпадал, таял, превращался в кашу. Потом снова выпадал. Но, как ни удивительно, грязи в городе не было. Почему-то на улицах было чисто. Это я не в упрек нам и нашим городским властям говорю — просто констатирую факт.

Как-то мы с Горбуновым на пароме переправились на знаменитую неправдоподобно длинную и узкую Курскую косу — удивительное создание природы, наполовину российско-калининградскую, наполовину литовскую. Можно было себе представить, как там красиво летом. Но и зимой было живописно. Снег все-таки задерживался в лесу, наверху проплывали тучи, создавался мрачно-красивый пейзаж. Определенно мне в Клайпедо было комфортно. Было бы... Если бы не Качко.

Меня всерьез стали беспокоить головные боли. Это началось после шока в Кельне — когда в «Тихой обители» ко мне прибегала сестричка. Правда, врачи тогда меня обследовали очень внимательно (и недешево) и сказали, что это просто следствие нервного перенапряжения. С тех пор напряжение, увы, не рассосалось. И мне даже стало казаться, что я начал сильнее прихрамывать. Когда же удастся наконец успокоиться и отдохнуть? Вопрос риторический.

Горбунов тоже заметил, что я стал часто потирать виски и поглаживать темечко. И бодро сказал мне, что придет Алла — и все как рукой снимет. Он заметил мою скептическую улыбку, но не обиделся. Мы сидели вечером в его квартире у камина, с бокалами вина в руке, так что обстановка для святочных историй была самая подходящая. Горбунов рассказал, что бабка Аллы была знаменитой на всю Литву тельшайской колдуньей. И часть ее талантов без всякого обучения перешла к внучке. Алла не любит об этом распространяться, но она многое умеет, и он сам это испытал на себе.

Ну, то, что Алла может его одним своим видом вылечить от всяческих болезней, мне было ясно и без доказательств. Но обстановка тишины и доверия у камина располагала к более серьезным разговорам.

Не знаю, хорошо это меня характеризует или плохо, но, несмотря на все перипетии, я продолжал гнуть свою линию. Трагедия в Энке уже произошла, и глупо было не извлечь из нее заранее запланированную пользу. Цинично? Может быть. Но было именно так. Говорю что есть. И признаюсь, что дальнейшие шаги я наметил еще до приезда в Клайпеду.

Я неторопливо рассказал Горбунову почти все, что произошло в Энке. Не акцентировал только внимание на том, что выбрал Волкова именно как агрессивного мафиози. Не хотел травмировать интеллигентную душу Горбунова. Но он и сам все понял. И посмотрел на меня, пожалуй, с осуждением. По крайней мере, с недоумением.

— Сомнительный ход, — сказал он с легкой укоризной.

— Юрис Викентьевич, а не отдавать чужие деньги, купить на них завод и договориться с другими такими же... назовем их дельцами, о круговой поруке — это какой ход?

Горбунов покраснел, но нашел в себе решимость признать:

— Жульничество.

— И это еще мягко сказано.

Я сознательно давил на него. Надеялся, что у него возникнет желание искупить вину и помочь мне. Я не ошибся. Что-то такое мелькнуло в его глазах.

— А что я могу сделать, кроме как отдать долг?

План был такой. Все наши должники находились в контакте друг с другом. Пока никто не знает, что Горбунов мой компаньон, было бы неплохо, чтобы он поехал, скажем, в Эмс, собрал там всех фирмачей и от своего имени предложил наплевать на прежнее соглашение, навязанное бандитом Качко. Сказал, что готов подать пример и расплатиться со мной, чтобы подобные эксцессы не повторились. Давить ни на кого не нужно, кто согласится, тот согласится. Но пример Энка должен отрезвляюще подействовать. Как со мной рассчитаться — они все знают. Памятка есть у каждого.

— Юрий Сергеевич, вы хотите использовать меня как барана-провокаатора? — он сказал это без злости, с задумчивой улыбкой.

Я ответил тоже с улыбкой:

— Вроде того. Но мы теперь партнеры. А украденные этой компанией деньги пойдут на наше дело.

Он довольно долго молчал. Помешал поленья в камине. Потом вздохнул и сказал:

— Что ж, у вас есть моральное право просить об этом. Меня тоже беспокоили мысли о долге. Пора отработать... Хорошо, будь по-вашему. Но, Юрий Сергеевич, прошу: Алле об этом ни слова. Будет волноваться. Все-таки я еду не к джентльменам, а скорее к джентльменам удачи.

На том и порешили.

На следующий день приехала Алла с чудной девчушкой, точной своей миниатюрной копией. Удивительное сходство! Юрис Викентьевич называл девочку «маленькая мама». Оказывается, был такой популярный фильм во времена его юности.

В субботу вечером я был у них в гостях. Стал завсегдаем.

Алла явственно распространяла вокруг себя сильное энергетическое поле, как и положено внучке колдуньи. Ей, похоже, не хватало доброжелательных и симпатизирующих людей. Наверняка в Тельшае ее многие осуждали за то, что выходит за старого и богатого. Собственно, и здесь бывшие друзья Горбунова осуждали ее за то же самое. Кроме того, она чутко уловила, что в нашей фирме Горбунов будет заниматься не деньгами, а только техникой. И искренне обрадовалась за него. Молодец, Алла!

А дочурка ее, Танюша... Впрочем, о дочке я расскажу чуть позже. Вечер был приятным, но опять разболелась голова. Горбунов подмигнул Алле и сказал:

— Аллочка, продемонстрируй свои таланты.

— Уже рассказал. Похвастался...

Но в голосе ее не было осуждения.

Я недоверчиво ждал, чем дело кончится. Алла встала, подошла ко мне сзади и положила руку на темечко. Очень осторожно. Откуда она знала, что у меня там?.. Затем сказала очень просто:

— Ну, хватит.

И сняла руку с головы. Я почувствовал, как боль через шею, грудь, живот, ноги ушла куда-то в землю. В этот вечер она больше не возвращалась.

У Горбунова на лице было написано: «Ну что я вам говорил?!».

— Юрий Сергеевич, вам нужно сделать хотя бы пятьдесят сеансов, — мягко сказала Алла. — И все будет в порядке.

Ее грудной голос мог действительно вылечить от многих болезней.

— Вот и отлично, — подхватил Горбунов. — Аллочка, я должен на несколько дней уехать по нашим общим делам. Не могла бы ты, милая, взять с собой в Тельшай Юрия Сергеевича? Он проживет в моем доме. Наши дома стоят недалеко друг от друга. — Это замечание относилось уже ко мне.

— Хорошо, Юрис, если Юрий Сергеевич не против.

— Там и проведешь эти сеансы. Мне нужен здоровый партнер, — Горбунов снова счастливо рассмеялся. — Не возражаете, Юрий Сергеевич?

Я подумал, что это разумно. Зачем светиться лишний раз в Клайпеде? И согласился.

В Тельшай мы выехали на следующее утро. Сработало второе правило бизнесмена, которое мы оба с Горбуновым знали: «Береженого бог бережет». Спросите, какое первое? «Риск — благородное дело». Вот между этими двумя крайностями и мечутся бедные бизнесмены.

Мы с Горбуновым сидели впереди, Алла с Танечкой сзади. Минут двадцать за окном был такой же ландшафт, что и в Клайпеде. Потом я обернулся и о чем-то поболтал с Танечкой. А когда после этого отвернулся обратно, то за передним стеклом увидел настоящую снежную зиму. Да, на расстоянии десятка-другого километров от моря мягкая прибалтийская зима довольно резко превращается в натуральную континентальную. Снег, сугробы, все как положено. И морозец вместо сыкотно-влажности.

Тельшай оказался тихим маленьким городком, спускающимся к довольно большому озеру. Население — тысяч сорок, но где скрываются жители, неизвестно. На улицах почти никого.

Почему я вообще рассказываю о каком-то Тельшае? Потому что до сих пор такого тихого уголка не встречал. Безмятежный и неторопливый покой. Капитализм туда только начал проникать в виде новых магазинов и небольшого количества «новых литовцев», разъезжающих на крутых, но подержанных иномарках. Работы нет. Прежние места работы, включая совхоз, оказались ненужными. Все говорят на литовском, а молодежь не знает ни русского, ни английского. Спрашивать дорогу приходилось чуть ли не на пальцах. Безумный двадцать первый

век, кажется, отступил далеко. Это и был тот оазис тишины, о котором я задумывался после смерти Лихницкого.

Дом — точнее, особняк — Горбунова располагался на самом краю района вилл. Особняки там были, может, поменьше наших, но построены очень аккуратно и отделаны со вкусом. Этот район от аналогичного нашего резко отличался общей законченностью и порядком. У нас ведь за забором богатство и пышность, а вокруг — непроходимый бардак. В Литве же, даже в маленьком Тельшае, все дома выстроены по ранжиру, прямые ухоженные улочки. Да и в бедных районах тоже пусть бедная, но достойная чистота. Это различие было и при советской власти, и при перестройке, и, боюсь, будет еще долго.

Горбунов оставил нас в Тельшае, а сам в тот же день вернулся в Клайпеду. Его ждала дальняя дорога. И нужно было связаться с моими должниками и договориться о встрече. Я остался хозяином его большого и хорошо обставленного особняка.

В эту неделю, проведенную в Тельшае, я за много лет впервые почувствовал природу и тишину. Уже давным-давно мне ни то ни другое не попадалось. Везде шум, «суета сует и всяческая суета». И не только в городах, где мы живем и работаем. Даже на даче, на побережье, в различных зонах отдыха, на средиземноморских или горнолыжных курортах, куда меня иногда забрасывала судьба, — везде толкучка. Или тусовка, если вам такое определение больше нравится. А здесь было тихо и почти безлюдно.

Я отдыхал душой и телом. С огромным удовольствием подолгу общался со своей новой подружкой Танечкой. И мне этого общения вполне хватало.

Раньше я никогда не испытывал особой тяги к детям, должен признаться. Ну, о своем сыне Ленке я уже говорил — родство чисто формальное. Но, вероятно, сознание, что вот-вот должен появиться Ленка третий (я ни минуты не сомневался, что это будет сын), что-то изменило в душе. А может, это просто были чары Танечки Горбуновой?

По утрам Алла уводила ее в школу. Это была единственная на весь Тельшай маленькая русская школа. И с каждым годом учеников в ней становилось все меньше и меньше. Я выпросил право забирать Танечку после занятий. Она издали приветствовала меня: «Здравствуй, Юра!», сразу же крепко хватала за руку и, гордо оглядываясь на подруг, уходила со мной гулять. Сначала я вел ее «баловать», как называла наши походы по немногочисленным тельшайским кафе и магазинам мама Алла. Потом мы гуляли вдоль озера и рассуждали об интересных вещах. Рассуждали неторопливо, Танечка не была болтушкой, и это мне в ней нравилось. Иногда катались на лыжах. Я — на больших, она — на маленьких. Потом шли ко мне домой делать уроки.

Вечером за ней заходила Алла. Перед уходом она несколько минут очень ласково гладила меня по темечку, говорила традиционное: «Ну, хватит». Боли больше не появлялись.

Однажды Алла заметила, что я чуть хромаю. И с того дня прибавилась еще одна процедура, которая меня смущала. Алла заставляла меня задирать штанину и несколько минут проделывала какие-то манипуляции с моей ногой от колена до ступни. Я пытался отнекиваться, но это звучало глупо. Тем более что уже после третьего сеанса я практически перестал хромать. И вправду колдунья!

Как мне спокойно было в Тельшае! Я, конечно, ни о ком и ни о чем не забыл, я по-прежнему любил, переживал, боялся, звонил Семену, с нетерпением ждал звонков от Горбунова. Но все это странным образом сочеталось с каким-то душевным *благодетием* — так я это состояние для себя именовал. Такой вот парадокс.

А по ночам вместо неизвестного «в тяжелом состоянии» мне являлся отец Федор, умиротворенно смотрел на меня и ласково улыбался...

Танечка приглашала Аллу гулять с нами, но та отговаривалась занятостью. Я понимал, что в маленьком Тельшае лишние пересуды ни к чему, Танечка этого не понимала. Однажды она уговорила все-таки Аллу спуститься с нами к озеру. Крепко схватила нас за руки — видно было, что она счастлива. В ней было странное сочетание серьезности и детской наивности. Внезапно она спросила меня:

— Юра, ты любишь мою маму?

Я засмеялся, а Алла покраснела и что-то стала ей говорить по-литовски.

— Юра, я хочу, чтобы ты был моим папой, а не дядя Юрис. Селга смеется, что он старый. Я знаю, мама тебя тоже любит.

Алла еще сердитей стала ей выговаривать. На глазах у нее показались слезы. Танечка это заметила и сразу раскаялась:

— Мама, мамочка, не плачь. Я больше не буду. Я знаю, что дядя Юрис нас любит... Просто с Юрой так хорошо...

Танечка сдержала слово и больше эту тему не поднимала. Наверно, и Алла с ней провела воспитательную работу. А я с огорчением понял, что у новой семьи возникнут новые проблемы. И немалые. Они уже начались...

К концу недели наконец-то позвонил Горбунов. Отрапортовал, что добился желаемого результата. Убийства в Энке произвели впечатление. Четыре должника согласны рассчитаться. Пятого, некоего Жизневского из Эмска, близкого приятеля Качко, еще придется дожимать. Горбунов сегодня же вылетает в Вильнюс.

Я решил завтра утром сесть на первый же проходящий поезд Клайпеда — Вильнюс и отправиться объезжать «клиентов». Позвонил Жоре и попросил его с кем-нибудь понадежнее ждать меня в гостинице «Центральная» в Гомеле. Посулил золотые горы.

Прощание с Танечкой было трогательным. А Алла, видя нашу неожиданную крепкую дружбу, по-моему, встретила известие о моем отъезде с облегчением. Иногда и любовь приносит огорчения. Танечка этого еще не понимала.

На следующее утро мама и «маленькая мама» дружно махали мне вслед. Я высунул голову из окошечка такси и тоже махал им шапкой, пока мы не завернули за угол. Кратковременный «благословенный» отпуск в тихом Тельшае подошел к концу.

«Призрак бродит по Европе»

Почти сутки я ждал свою двойную «крышу» в Гомеле. Признаюсь, порой мне чудилось, что кто-то за мной следит, что кто-то остановился перед дверью номера. Но я старался — и с успехом — страхам воли не давать. Вспоминал свои пустые опасения в похожей ситуации в кельнской гостинице. Помните историю с Садко? Стыдил себя — и помогало. Нет, я не распускался, говорю это без ложной скромности.

Но вот подъехал Георгий с напарником — жутким с виду громилой Саней. Жора в его присутствии прямо сказал, что привез его для испуга. Другой пользы от Сани нет. Громила на эти речи не отреагировал.

Мы двинулись в путь. На каждый город уходило дня по три. Сначала неизбежная торговля, потом переоформление собственности, новые арендные договоры со съемщиками и прочее. Все проходило гладко и довольно быстро. Юрис Викентьевич постарался на славу. На меня смотрели как на какого-то крестного отца. Интересно, каких ужасов он обо мне наговорил?..

В общем, недели через две я добрался до последнего пункта маршрута — Эмска, где нужно было дожимать некоего Жизневского, личного друга Егора Качко. Я с этим Жизневским уже встречался при первой поездке с Синтией. Никогда не думал, что человек может настолько не соответствовать своей фамилии. Это был довольно высокий, худой, бледный, даже с некоторой желтизной мужчина в диапазоне от сорока до шестидесяти лет. Волосы пегие. Цветущей жизни в нем не замечалось. Впрочем, болезненным тоже не выглядел, просто такой типаж. Но лицо у него, нужно признать, было хитрое и неприятное. Конечно, это стереотип — что подлый человек не смотрит в глаза. И тем не менее он действительно никогда не смотрел вам в лицо. На метр левее, потом щелк — на метр правее... Но никогда прямо в глаза.

Мы пришли к нему в офис, договорившись по телефону заранее, все втроем. По коридору пробегали люди с бумагами, через открытые двери кабинетов были видны компьютеры — словом, обычный офис. Недалеко от входа сидели двое, которые вполне могли быть охраной, но не демонстрировали это. Один из них смуглый и с усами, как Жора.

Секретарша впустила меня к Жизневскому. Моя охрана осталась в приемной.

Разговор у нас быстро зашел в тупик. Он мне объяснил, что добровольно деньги ни за что не отдаст. Это глупо. Только если заставят. Нормальный человек добровольно денег не отдает.

Я намекнул, что продам его долг. Он резонно заметил, что дело мое. Если я найду того, кто сможет его заставить, — он не Егор, против ветра плевать (он употребил более крепкое слово) не будет. Отдаст. Но не раньше. Этот пройдоха сообразил, что на энский вариант я больше не пойду.

Продолжать в этом направлении было бессмысленно. Так его не проймешь. Я поменял тактику. Спокойно, без угрожающих интонаций сказал, что он должен подумать. То, что я сейчас

предлагаю, — по доброте душевной, без всяких штрафных санкций. Если я обращусь в суд, это ему обойдется втрое дороже.

— Ха-ха! Чтобы только завести дело, нужно безвылазно сидеть здесь не месяц и не два — годы. У нас не Париж, адвокатом не обойдешься. Я хорошо знаю наш районный суд.

Он откровенно намекал, что у него там все схвачено. Очень может быть.

Еще спокойнее я сказал:

— Жизневский, вы уже знаете, что я слов на ветер не бросаю. Если есть сомнения, спросите у Качко. У меня в остальных фирмах полный ажур. Я не тороплюсь. Буду здесь сидеть ровно столько, сколько нужно. Вы мне через суд заплатите сполна. Подумайте до завтра. И поищите разумный компромисс.

Я в лучших традициях гангстерских фильмов встал, вежливо раскланялся и ушел в сопровождении двух телохранителей. Это было очень эффектно и очень смешно.

Все-таки я надеялся получить с него какую-то, пусть и не слишком большую сумму в качестве компромисса. И черт с ним. Мне все надоело, да и оставаться на Украине было опасно. А впрочем, где спокойнее? Качко может быть где угодно. Может поджидать меня и в Кельне, и даже вероятнее всего. Ну какого дьявола этот псих заиклен на мне? Впрочем, пинок под зад — вещь обидная. Но он пнул меня, я пнул его — мы в расчете... Хотел бы я знать, как из этого выбраться. Никаких идей...

Мы пообедали в ресторане и пошли в гостиницу. Прогуливаться по городу у меня уже давно не было желания. На улице я себя чувствовал бегущей мишенью. Так и затворником стать недолго.

Я бы, наверно, уехал из Эмска, если было бы куда. И снова, и снова — уже в который раз — давал себе слово ни в какие темные истории больше не влезать. Даже если на горизонте будут видны золотые горы. Я чувствовал, что на этот раз обещание выполню. Есть для этого основания.

Мы пришли в гостиницу. У меня был двухкомнатный люкс, в первой комнате спал Жора. Он по-прежнему не храпел. Молодец. Я у него не спрашивал, храплю ли я, а он не жаловался. Может, я тоже спал тихо, а может, субординация.

Открывая дверь, я услышал телефонный звонок. Когда зашли, звонки прекратились. Странно, мне обычно звонили по мобильному.

Не успел я переодеться и умыться, как снова раздался звонок. Я поднял трубку.

— Алло! Алло!

Молчание, но кто-то дышит в трубку.

Через несколько минут зазвонил мобильный.

— Это Жизневский!

Голос был какой-то дребезжащий. Испуган или взбудоражен?

— Ну что, Жизневский, надумали что-то путное?

— Надумал, надумал. Еще как надумал! Только что у меня были Егор со Славиком. Наверно, следили за офисом, знали, что вы рано или поздно придете. Вы слышите?

— Слышу, слышу, — голос у меня тоже стал хрипловатым.

— Егор совсем свихнулся. Страшный, черный. Крыша поехала. Одно на уме — вас изрезать на куски.

— Адрес мой спросил?

— Конечно, спросил.

— И вы дали?

— А вы бы не дали?

Я вспомнил недавний звонок и молчание.

— Чего он от вас хотел?

— Чтобы я на подольше задержал вас в городе. Сказал, что он тут все знает и найдет способ до вас добраться. И здесь я допустил откровенную слабость:

— Если еще появится, предложите ему от моего имени отступные. Пусть отвяжется.

Жизневский захихикал:

— Вы что? Его лишили всего на свете. Он теперь бездомный пес, вне закона. Разве можно это оплатить? Я предложу, но... Он совсем свихнулся. Словом, я вам о нем сказал — хотя сам рискую. Егор ни перед чем не остановится... — и повесил трубку.

Жора стоял рядом, главное понял, остальное я быстро разъяснил. И уставился вопросительно на него. Ты отвечаешь за безопасность, тебе и решать.

Жора помолчал с минуту, потом сказал:

— Сергеич, собирайте вещи, переезжаем.

Он постучал в стенку соседнего номера, явился Саня, мы быстро собрали вещи. Жора сказал, чтобы мы ждали и не двигались, взял у меня денег расплатиться за номера и вышел. Не было его минут десять — пятнадцать. Вернувшись, он сказал, что нанял такси, нашел частную квартиру, и можно двигать. Настоящий детектив...

Было часов семь вечера, на улице довольно темно. Особенно в условиях хилого освещения наших украинских городов.

Мы шли цепочкой, Жора впереди, Саня сзади. Несмотря на опасную ситуацию, а может, именно поэтому, мне было смешно. Но веселье продолжалось недолго. Когда мы вышли из гостиницы и спустились на полутемную улицу, откуда-то сбоку раздался выстрел. Затем завыл мотор, и темная, без огней, машина, стоявшая неподалеку, рванула с места и пропала за поворотом. Мы все были целы.

Перепуганный таксист отказался ехать. Но Жора припугнул его еще больше, и он согласился.

— Жора, куда мы едем?

— Пока на частную квартиру.

— А потом?

— Вам, Сергеич, решать.

Но я уже решил. Бегать от Качко всю жизнь нельзя.

— Поехали в городское управление милиции. Жора только пожал плечами. Мало есть в мире вещей, по его мнению, столь бесполезных, как нынешняя милиция.

На наше счастье, начальник уголовного розыска был на месте. А может, заместитель. Он не представился. В чине майора. Стоило на этого толстого и равнодушного человека посмотреть, как сразу становился единомышленником Жоры.

Я постарался коротко и толково описать ему ситуацию. К моему удивлению, он о розыске Качко то ли не знал, то ли забыл. Может, и есть фотографии, но сейчас уже все закрыто. А поймать человека в городе, если он не кавказец или китаец, почти невозможно. Этих милиция останавливает, проверяет документы. А остальных чего трогать?

Я попросил охрану подождать за дверью. Нахально предложил майору солидную пачку денег. Он пачку взял спокойно, привычным жестом. Но воодушевления ему это не прибавило. Пообещал прямо сейчас запросить материалы на Качко в Энске. По-моему, он считал это подвигом.

Не думайте, что я сгущаю краски. Те, кто был в похожей ситуации, знают на собственном опыте немыслимое спокойствие и безразличие наших органов.

Ночь мы провели у какой-то бабки. Жора спал в очередь с Саней. А Саня спал без всякой очереди. Как только засыпал Жора, начинал храпеть и Саня. Я заснул только на рассвете.

Утром пошел мыться и бриться в маленькую ванную запущенной хрущевки, где мы ночевали. Посмотрел на себя в желтоватое треснутое зеркало. На солидного преуспевающего бизнесмена-миллионера я был мало похож. И поделом — не впутывайся в идиотские истории. Все равно всех денег не заработаешь.

Заболела голова. Труды Аллы пошли насмарку. И не удивительно.

Все время оглядываясь по сторонам, мы позавтракали в соседнем кафе. Без аппетита. Я имею в виду себя. Саня ел с наслаждением. О Жоре сказать не могу. По нему никогда ничего не поймешь.

Часам к одиннадцати, как было вчера договорено, приехали в управление. Естественно, нашего майора не было. Он уехал по делу. Мы ждали до часу дня. Тоже приятная процедура. Неудобные стулья, скамейки. Какие-то малосимпатичные личности бродят вокруг...

В час появился майор и вместо приветствия пробурчал:

— Что вы мне голову морочите?

Я зашел за ним в кабинет. Закрыл за собой дверь. Он повторил:

— Что вы мне голову морочите? На прошлой неделе на границе с Чечней задержали Святослава Филоненко.

Я даже не сразу сообразил, что Святослав — это и есть спортсмен Славик. Майор вынул какую-то папку.

— Вот показания Филоненко. Значит, копия. В день побега из Энска Егор Качко попытался его убить, чтобы все свалить, значит, на него, на Филоненко. А сам Филоненко, значит, в пределах

допустимой обороны убил Качко. Дал камнем по голове. Труп Качко найден там, где его зарыл Филоненко, и опознан. Что вы мне голову морочите?

— Почему никто ничего не знает? Даже пресса? — я подумал о дяде Вадике.

— Пока Филоненко привезли, пока оформили... Скоро у нас только сказка сказывается. Или просто недосуг...

Майор искоса посмотрел на меня, затем налил в стакан воды и всунул мне в руки. Я выпил. Потом полез во внутренний карман, вынул кошелек и отдал майору все доллары, которые там были. Недрогнувшей рукой майор их взял, только брови удивленно полезли наверх. Он вынул протокол из папки и отдал его мне. Это был честный обмен.

Я вышел из кабинета майора, сотрясаясь от сдерживаемого, но немного истеричного смеха. И все повторял:

— Ну Жизневский, ну пройдоха!

Жора тактично взял меня под локоть и вывел на улицу. Все так же бормоча сквозь смех: «Ну Жизневский, ну пройдоха!», я отдал Жоре протокол. Тот прочитал, но юмор в нем не проснулся. Он только сказал: «Ну-ну». Это прозвучало зловеще. А Саня даже не поинтересовался, чем это мы так увлечены.

Минут двадцать мы просидели на скамеечке. Холода я почти не чувствовал. А между прочим, на дворе стоял декабрь. Потом, не сговариваясь, мы взяли такси и поехали к Жизневскому. У меня была мысль сначала поиграть с ним как кошка с мышкой, не говорить, что Качко давно предстал перед высшим судьей. Но сил на это уже не оставалось. Я слишком устал, устал до того, что внезапное освобождение от всех забот и страхов опустошило меня до доньшка.

Жизневский был у себя в кабинете. В коридоре Жора неожиданно свернул в сторону, подошел к усатому парню кавказской внешности, вынул нож, приставил к его боку и кивнул: мол, пошли с нами. В Жоре была внутренняя сила — в критические минуты ему подчинялись все, и молодой кавказец не был исключением. Он безропотно пошел первым. Мимо остолбеневшей секретарши мы прошли к Жизневскому. От неожиданности он вскочил на ноги.

— Ты, Покойницкий, пока сядь. До тебя дело дойдет, — Жора повернулся ко мне. — Этот усатый вчера стрелял. Я его заметил, он слонялся возле гостиницы. Но тогда я не сообразил, что к чему. Покушение на убийство.

— Что стрелял, что стрелял! Ничего не стрелял. Какой покушений? Он просил только вас напугать. — У кавказца был сильный акцент.

— Молчи, дурак! — вскочил Жизневский.

Но было поздно.

Я подошел к нему поближе:

— Хотел выгнать меня из города? И свалить на Качко? Не знал, что Качко давно убит?

— Егор убит?

Жизневский рухнул в кресло. Сломался.

Он отдал мне все, что у него было в банке. Восемьсот тысяч баксов. Давить на него я не стал, хотелось скорее все закончить. Было одно желание — выбраться домой, к Лене. И побыстрее. К вечеру я уже был свободен. Мы пошли, взяли билет на самолет. К счастью, был рейс Эмск — Берлин. А там уже рукой подать.

У меня оставалось еще часов шесть до вылета. Я ходил по улицам и наслаждался непривычным чувством свободы и безопасности.

Когда я щедро рассчитался со своими телохранителями, Жора зашел в ювелирный магазин. Затем вышел оттуда с крупной серьгой — из тех, что модницы носят на животе. Красивая, блестящая. Я ни о чем не спросил, а он ничего не сказал.

Славик купил себе красивый бумажник и засунул туда доллары. Потом Жора извинился и отпросился на полчаса. Я сказал, что уже можно, опасность миновала.

Когда он вернулся, мы забрали у бабки свои вещи и отправились в аэропорт. Там в ресторане отлично поужинали. И неплохо выпили. Даже голова почти перестала болеть. Тепло попрощались у стойки, и я пошел на посадку. Вдруг услышал сзади:

— Сергеич!

— Что, Жора?

— А знаете, эта серьга, что я купил, очень идет Покойницкому. Он теперь сможет носить ее в носу. Я примерил...

Святочный эпилог

Рожать мы с Леной поехали в Израиль. Событие намечалось на конец марта. Впереди были два лучших израильских месяца — апрель и май. Теплые, но не жаркие, с вкуснейшими фруктами и овощами. Со свежей зеленой листвой и травой. С цветущими деревьями и клумбами. И последнее (но не по значению) — очень неплохая медицина.

Лена после моего приезда радостно удивила и психиатра, и гинеколога. Так что врачи нас благословили на переезд в Израиль.

Мы арендовали дом недалеко от «офиса Лихницкого» — так теперь официально именовалось наше бывшее двухэтажное убежище. Последний месяц я безвыездно находился при Лене. Была такая возможность. Сазонов и Горбунов работали дружно. Виктор не слишком лез в технику, а Юрис Викентьевич на всю оставшуюся жизнь получил отвращение к экономике. Они вполне обходились без меня. В мае должно было состояться пробное плавание. Мы все сильно волновались, но столь же сильно верили в победу.

Через год мы с Берном должны начать прокладку трубопровода Лихницкого из Турции в Сирию. Я обязан к тому времени полностью восстановить свои физические кондиции. Надеюсь, голова перестанет наконец реагировать на перемены погоды, магнитные бури, политические события и прочие стихийные бедствия...

Главным менеджером моих «восточных колоний», то есть собственности в четырех городах Украины (белорус расплатился в рассрочку), согласился стать уважаемый Григорий Филимонович — удачливый сын дяди Фили. Время от времени он туда наезжает и твердой рукой наводит порядок.

Семен очень удачно вошел в роль управляющего заводом под Штутгартом, даже внес свою долю, и мы с ним опять стали компаньонами. Работает он очень хорошо, только без конца забрасывает меня идеями.

Альтманам так понравился климат и природа альпийских предгорий, что они вознамерились там обосноваться. Будущего своего потомка обещали назвать Юрием или Еленой. Приятно.

Верочка по-прежнему работает у Берна. Я ей перевел гонорар и выплатил выходное пособие в виде двухкомнатной квартиры в хорошем районе Нью-Йорка. Она пыталась отказаться, но я больше прислушивался к голосу Лихницкого, который звучал у меня внутри. Леонид Михайлович отнесся с одобрением.

Недели через две должна выйти его книга. Я уже видел сигнальный экземпляр. Солидно. И силуэт на обложке выглядит внушительно. А в Хайфском университете учатся его стипендиаты.

Мама с дядей Гришей обещали прилететь сразу после рождения Леньки. Кстати, врачи подтвердили, что ребенок — мальчик. А кто сомневался?

Делать мне особенно было нечего, и я стал пописывать эти самые мемуары и размышлять о причинах и следствиях. Раньше за мной такого не водилось. Лена и это назвала посттравматическим философским синдромом.

Я с удовольствием возобновил прервавшуюся было связь со своим детищем — сайтом «Еретик». Дискуссии на всех языках не только не затихли, но и вышли за сетевые рамки. Они стали приобретать широкую популярность. Даже Лена однажды меня спросила, не попадался ли мне в интернете модный сайт «Еретик». Сейчас, сказала она, в интеллигентских кругах популярна эта тема. Я не признался.

Да что там Лена! К своему удивлению, я обнаружил на сайте статью под названием «Дискуссия священника с еретиком». Как вы помните, мой первый текст назывался «Дискуссия еретика со священником», и там отец Федор выступал под инициалами О. Ф. А здесь диалог вели все тот же О. Ф. и его оппонент С. М., то есть Сергей Марков. Значит, отец Федор прочитал мои опусы и без особого труда вычислил меня. То, что любопытный и энергичный отец Федор бродит по сетевым просторам, меня не слишком удивило. Служителей всевозможных культов во всемирной паутине более чем достаточно.

Отец Федор был, как всегда, искренен, хотя и не слишком логичен. Мне очень понравился конец его статьи, явно адресованный мне:

«Неудивительно, что мы с С. М. по-разному смотрим на жизнь. Иначе я не был бы священником, а он — бизнесменом. И все же общего у нас гораздо больше, чем отличий».

В этой же статье был и-мейл Саранского монастыря. Мы списались с отцом Федором и договорились встретиться ближе к осени. Мне была обещана по соседству с монастырем отличная рыбалка и полное душевное спокойствие. Я в это свято верю.

Ленька третий родился двадцать пятого марта — здоровым и красивым. Лена была удивительно хороша. Я был невероятно счастлив. А через пару недель подтянулись наши друзья. Брит-милу мы делать не собирались — брак наш был смешанный, и сами мы с Леной не поймешь кто. Праздновали просто рождение ребенка.

Руководили всем Юлик с Риной. Я им усердно мешал.

Прилетели мама с дядей Гришей, Натка с Джоном. Верочка. Сазоновы с детьми в полном составе. Семья Альтманов. Горбуновы с моей любимой Танечкой. Алла заметно поправилась, и Юрис Викентьевич смотрел на всех с торжествующим видом: мол, знай наших!

Родители Лены давно простили меня — они прилетели еще до родов.

Последним заявился уважаемый Григорий Филимонович и с ним — радостный сюрприз! — сам несгибаемый дядя Филя.

На празднование пришел и Гроссман с женой и единомышленниками. Наум в толстых очках. Несколько левых журналистов... Словом, всех перечислять не буду. В израильском обычае устраивать большие многолюдные торжества в уяме — зале для гуляний и праздников. Мы так и поступили. Принято приглашать всех, кто тебе приятен. У нас с Леонидом Михайловичем таких оказалось много. Кстати, по моему личному приглашению приехала понравившаяся мне прогрессивная раввинша, она ничего не резала, а просто прочла молитву. Было очень торжественно.

И, конечно, телеграммы. Прежде всего от Шпильбаумов. От Валика с Эльзой. От Стивена. От Синтии с признаниями в любви. От дяди Вадика. От Алины. Всех не перечислишь.

Фрида прислала видеокассету с новым фильмом «Зигфрид и Фрида». Там был и ролик, который она со своим новым бой-френдом, режиссером, нервным седоватым интеллигентом лет пятидесяти, записала специально для нас. Они поздравили меня и Лену с рождением сына, а моего героя — с большим успехом и специальным призом Берлинского фестиваля.

А в конце вечера — совсем уж удивительный сюрприз: явился собственной персоной Оскар Берн. С огромной серебряной менорой.

И многие в тостах связывали рождение Лени с продолжением в этой жизни незабвенного Леонида Михайловича. В этот вечер почти все, и я в том числе, верили в реинкарнацию. В то, что именно на этой земле Леня и должен был родиться.

На этом святочную часть эпилога закончу. Почему святочную? Потому что я рассказал о том, чего хотелось, о чем мечталось.

Но в действительности все было не совсем так — придется в этом признаться. Ну не приезжал Оскар Берн — это еще полбеды. Все остальное хоть и было, но скромнее, а главное — не в Израиле, не в Нагарии, не на солнечном берегу, не в уяме, битком набитом доброжелательными друзьями, — а в дождливом Кельне.

Мы не решились взять Леньку в вечно борющуюся страну. Натка с Джоном наверняка остались бы в Америке. И беременная Рут в Израиль, скорей всего, не полетела бы.

И Алла с Танечкой. Даже Сазоновы не привезли бы своих отпрысков. А уж собраться большой толпой в уяме на радость какому-нибудь террористу...

А ведь нам с Леной ужасно хотелось, чтобы это произошло именно там и именно так, как я описал.

Впрочем, в Кельне тоже было неплохо...

Почему так досталось мне и моим близким? Почему нет нормальной жизни в Израиле? Почему столько взрывов вокруг? Думаю, все это — дороги, которые мы выбираем. Какую дорожку выбираем, туда и приходим. А потом ищем виновных.

И все боремся на чужом поле по чужим правилам. Доказываем, что мы сильнее.

Нет, я не собираюсь давать никаких рецептов. Выбор каждый делает сам. Как и я...

Содержание

Книга первая. ОБОРОНА

Глава первая. В больнице

Без памяти
Отец Федор
Голова профессора Доуэля
Возвращение

Глава вторая. Начнем сначала

«Мальчик прямой и честный»
Студенческая «бражка»
Наваждение
Светлая полоса
Смутное время
Совет с Филей
Начало карьеры
Операция «Галифе»
«На вершине апогея»
В осаде

Глава третья. Снова больница

Я и Менделеев
Операция без наркоза
Первые залпы

Книга вторая. ОПЕРАЦИЯ «ПРОЖЕКТ»

Глава первая. В Израиле

Нагарийские каникулы
Немного техники и экономики
Немного политики и философии
Дела семейные
Клемпемберг и другие

Глава вторая. Галопом по Европам

Валик и компания
Загул по-немецки
Сазонов и компания
Шкатулка с сюрпризом
Фигаро тут, Фигаро там

Глава третья. Снова Израиль

Горячая встреча
Эшелоны власти.
Пограничный инцидент
О молодых ослах
Финишный рывок
Ловленный мизер

Книга третья. «ЧИСТЫЕ РУКИ

Глава первая. Боевая ничья

Как стать бомжем
Бегство победителя
Франкфурт, Нью-Йорк, далее везде
Новый Свет
Еще одна исповедь

Глава вторая. Рейд по тылам

Дранг нах Остен
Путевые заметки
Набат в Литве

Скандал в благородном семействе
Карт-бланш
Глава третья. Игра без правил
Ружье на стене
Гладиаторы
Портрет Дориана Грея
Тельшайская колдунья
«Призрак бродит по Европе»
Святочный эпилог